

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Государственное образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный областной университет»

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени Петра Мироновича Машерова»

ЯЗЫКОВЫЕ КАТЕГОРИИ И ЕДИНИЦЫ: СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

**Материалы тринадцатой
Международной научной конференции, посвященной
90-летию проф. Августа Борисовича Копелиовича
и 100-летию педагогического образования
во Владимирской области**

(г. Владимир, 24 – 26 сентября)

Владимир
2019

Рецензенты:

д-р филол. наук, профессор Татьяна Егоровна Шаповалова
(Московский государственный областной университет, Россия)

д-р филол. наук, доцент Дмитрий Григорьевич Демидов
(Государственный университет Чжэнчжи, г. Тайбэй, Тайвань)

Языковые категории и единицы: синтагматический аспект.
Материалы XIII Международной научной конференции (Владимир, 24 – 26 сентября 2019 года), посвященной 90-летию проф. А. Б. Копелиовича и 100-летию педагогического образования во Владимирской области. Владимир: Транзит-ИКС, 2019. 494 с.

ISBN 978-5-8311-1244-3

В докладах и сообщениях участников тринадцатой Международной научной конференции обсуждаются вопросы функционирования и взаимодействия языковых категорий и единиц на основе их синтагматических свойств в рамках принятого лингвистикой антропоцентрического взгляда на язык.

Материалы конференции дают представление о современном состоянии исследований в сфере рассматриваемого комплекса языковых проблем и предназначены для научных работников, преподавателей, учителей, аспирантов, магистрантов и студентов.

Редакционная коллегия:

Е. А. Абрамова, К. М. Богрова (отв. секретарь), Е. Н. Варюшенкова,
Е. В. Ковальчук, М. Вас. Пименова (отв. ред.), Е. Ю. Рыкин, Н. А. Сафронова,
О. И. Соколова, Г. И. Столбунова.

ISBN 978-5-8311-1244-3

© Коллектив авторов, 2019
© ВлГУ, ПИ, кафедра русского языка, 2019
© Издательство «Транзит-ИКС», оформление, 2019

От редакционной коллегии

Предлагаемые материалы тринадцатой Международной научной конференции «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект» открываются очерком профессора Владимира Ивановича Фурашова «**Памяти Августа Борисовича Копелиовича**», посвящённым жизненному и творческому пути известного учёного.

Август Борисович Копелиович (14.12.1929 – 25.01.2015), доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, специалист в области общего и индоевропейского языкознания, автор более 120 научных и научно-методических работ, в том числе пяти монографий: «Очерки по истории грамматического рода» (1988), «Происхождение и развитие индоевропейского рода в синтагматическом аспекте» (1995), «Именная категория лица в ее отношении к грамматическому роду» (1997), «Род и грамматика межсловных синтаксических связей» (2008), «Некоторые спорные вопросы словообразования и синтаксиса» (2011). В этом году А.Б. Копелиовичу исполнилось бы **90 лет**.

2019 год памятен ещё одной датой – **сто лет назад** в здании бывшего реального училища у Золотых ворот был основан **Институт народного образования**, преемником которого является современный Педагогический институт в составе ВлГУ. В разные годы на ниве педагогического образования Владимирской области трудились, помимо проф. А. Б. Копелиовича, такие выдающиеся учёные-лингвисты и педагоги, как профессора *А. М. Иорданский, В. Ф. Киприянов, В. Е. Мамушин, А. Б. Пеньковский*, доценты *Л. К. Андреева, Р. С. Канунова (Овчинникова), Н. И. Маевская, О. С. Нестеренко, В. В. Носкова, К. Г. Семёнкин, С. А. Фессалоницкий*, старшие преподаватели *Л. Е. Морякина, А. М. Пудкова, М. М. Тюкова* и др.

В 1995 г. проф. А. Б. Копелиович инициировал проведение международной конференции «*Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект*», которая стала традиционной, регулярно проводимой (раз в два года). Десять лет назад (в 2009 г.) конференция расширила свою тематику, получив нынешнее название («*Языковые категории...*»). За прошедшие годы проведено двенадцать конференций, каждая из которых сопровождалась выпуском сборника материалов.

Сборник 2019 г. включает в себя 101 публикацию (статьи/тезисы) лингвистов *Беларуси* (Витебск, Гомель, Минск), *Болгарии* (София), *Венгрии* (Будапешт, Ньиредьхаза), *Казахстана* (Алматы), *Китая* (Аншань, Ганьсу, Харбин, Цилинь, Чанчунь), *России* (Биробиджан, Владимир, Волгоград, Вологда, Воронеж, Екатеринбург, Иваново, Йошкар-Ола, Казань, Коломна, Кострома, Липецк, Магнитогорск, Мичуринск, Москва, Нижний Новгород, Омск, Оренбург, Санкт-Петербург, Саранск, Симферополь, Смоленск, Сургут, Уфа), *Узбекистана* (Термез), *Украины* (Киев; ДНР – Горловка).

Ряд статей, непосредственно связанных с именем А. Б. Копелиовича, продолжают и развивают его идеи: «Синтагматика грамматического рода: из истории научного поиска» (А. А. *Негрышев*); «Теория синтагматического подхода к проблемам диахронии А. Б. Копелиовича и изучение категории оценки» (М. Вас. *Пименова*); «Согласование как вид подчинительной связи в русском языке XXI века (по следам работ А. Б. Копелиовича)» (Н. В. *Юдина*).

В сборник–2019 вошла последняя статья («*Всё* и его производные в аспекте смысла и образности») выдающегося российского лингвиста, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, вице-президента Международной академии наук педагогического образования, почётного профессора Московского государственного областного университета, доктора филологических наук **Павла Александровича Леканта** (19.11.1932 – 19.04.2019). Павел Александрович был постоянным участником наших конференций, входил в программный оргкомитет, открывал своим докладом пленарное заседание, вёл грамматическую секцию, планировал приехать и в этом году...

Основная тематика сборника–2019, заложенная еще А.Б. Копелиовичем, связана с вопросами изучения в синхронии и диахронии особенностей отражения национальной ментальности на всех языковых уровнях:

- **морфологии**: семантика и синтагматика глагола в грамматике для речевых действий; случаи лексикализации грамматической формы множественного числа существительных; способы выражения количественной аппроксимативности в русском языке; синтагматика наречий меры и степени; сочетаемостные особенности наречий синонимического ряда «*быстро*» с моментальными глаголами; склонение имен существительных в Толковой Палее; особенности функционирования глаголов восприятия в агиографи-

ческих текстах конца XIX – начала XX в.; значения и употребление глаголов *есть* и *esse* в русском и латинском языках (Т. А. Алиев, Л. И. Богданова, А. В. Канафьева, А. Ю. Козлова, Н. А. Николина, Ильдико Палоши, И. В. Сарайкин, И. А. Сафонова, Ласло Ясаи);

- **синтаксиса**: русское оптативное предложение в парадигматическом аспекте; грамматическое и семантическое представление запрета; синкретизм синтаксической связи *координация* в простом русском предложении; семантико-прагматическая валентность предложения как фактор текстообразования; присубстантивно-инфинитивная конструкция как уникальное средство экспликации действующих лиц в предложении; функции лексических показателей темпоральности в обособленных конструкциях; значения, выражаемые пояснительными членами при глаголе-сказуемом; функции обособленного оборота в художественной речи; способы обнаружения в синтаксисе базовых и культурных концептов; синтаксические способы выражения совмещения цели с другими лексико-грамматическими значениями в современном белорусском языке и др. (Е. А. Абрамова, И. Ю. Абрамова, Е. В. Алтабаева, Е. Н. Варюшенкова, Н. С. Ганцовская, А. В. Загуменнов, А. А. Калинина, Е. А. Красина, Е. М. Лазуткина, Е. А. Платонова, С. А. Полякова, Н. А. Сафронова, О. Ю. Сидорова, О. И. Соколова, А. И. Степаненко, О. В. Шаталова, Цинь Лидун);

- **морфемики и словообразования**: аксиологический статус словообразовательных моделей в древнерусском языке; словообразовательная парадигма в сопоставительном описании разноструктурных языков; синтагматика приставок в полипрефиксальных словах; префиксально-суффиксальная модель «за- + -j(e)» в топонимическом словообразовании (на материале Владимирской области) (И. В. Ерофеева, Е. А. Кузнецова, И. А. Меркулова, В. Г. Фатхутдинова);

- **лексики и её лексикографического описания**: взаимодействие рефлексов праславянских сочетаний **tj*, **gt*, **kt* в системе русского языка; функционально-семантическая дивергенция слов с праславянским корнем **-ri-* в древнерусском языке; семантический синкретизм древнерусского термина *мечьникъ*; лексика эмоций с синкретичным значением; функционально-стилистическая роль восточной экзотической лексики в памятниках письменности XVI–XVIII вв.; тюркизмы и их омонимия в русском языке; символическая модель «печь – человек» в русской диалектной лексике; слова *жизнь* и *мастер* в вологодских говорах; диалектная парадигма

наименований густого и непроходимого леса; семантика названий природных явлений; механизмы образования производных значений у многозначного слова; причины, характер, типология и национальная специфика семантической эволюции лексики; структурно-семантическая синкретичность русского графиксата; лексическая сочетаемость/несочетаемость; воздействующий потенциал ключевых слов современности; формальная и семантическая парадигматика в топонимике; «ложные друзья» переводчика; ассимиляция экзотической лексики в современном английском языке;

названия мастей лошадей в «Словаре русских народных говоров»; константа *возраст* в языковом сознании сельских жителей и её репрезентация в электронном региональном словаре; грамматические классы слов в «Словаре языка поэзии XX века»; тематическая организация иудейской лексики (на материале немецкого толкового словаря); ортологические словари современного русского языка (А. В. Алексеев, Е. П. Андреева, Е. Н. Бекасова, Е. Н. Варникова, А. В. Гук, Н. М. Девятова, Е. Г. Дмитриева, Е. Н. Иванова, Н. В. Комлева, М. А. Кузина, Лю Лу, Лю Фанбин, Е. М. Маркова, Е. В. Плисов, И. Н. Позерт, Л. А. Попова, Т. В. Попова, М. А. Рыбаков, Г. И. Столбунова, О. А. Теуш, Л. А. Усманова, В. А. Федосов, М. А. Харламова, О. Т. Хужанова, И. В. Якушевич);

- фразеологии / устойчивых словосочетаний: трансформация представлений славян о жертве и жертвенности, отражённая в памятниках X–XI вв.; слово и словосочетание в системе предметной номинации старорусского делового языка; лексическая сочетаемость компонентов в бивербальных названиях документов в русском деловом языке XI–XVII вв.; слова с корнем *спор-* в традиционных диалектных благопожеланиях Вологодчины; семантический синкретизм русской афористики; появление новых значений у повторов-отзвучий в русском языке; сочетания с отэтнонимными прилагательными как средство вербализации категории этничности; лексико-фразеологические свойства слова *берёза*; семантическая детерминация компонентов устойчивых сочинительных сочетаний; символическое значение числа в составе фразеологических единиц; семантика пословиц с ключевым компонентом «дети»; сравнительный анализ китайских и казахских фразеологических единиц; отражение национальной ментальности в английской фразеологии (М. В. Артамонова, В. П. Важенина, Ф. Н. Даулет, Л. Ю. Зорина, А. В. Королькова, И. П. Кудрявцева, Л. В. Кулик, О. С. Нечае-

ва, А. В. Петров, Л. А. Петрова, Т. А. Сироткина, Т. Г. Трофимович, Н. В. Черникова, С. Г. Шулежкова);

- **текста:** выражение оценки в церковнославянских грамматиках XVI в.; рифма как проявление субстанциональной действительности в повести Н. В. Гоголя «Страшная месть»; вербализация цвета в художественной картине мира С. Есенина; компоненты художественного пространства философско-метафорического контекста статьи В. Соловьева «Идея сверхчеловека»; своеобразии поэтического речевого мышления в современной женской поэзии; специфика проявления синкретизма в поэтическом тексте; особенности переводов русской классики на венгерский язык поэтессами-переводчицами XX века; «антиэмфаза» как выражение неопределенности в построении драматического текста; форма и значение языковых знаков при формировании смысла названий картин А. Н. Юркова; Анна Каренина и Ирэн Форсайт (опыт психолингвистического анализа); речь автора-повествователя как средство экспликации ментальности языковой личности Т. Драйзера; коммуникативные стратегии управления вниманием аудитории на материале англоязычного дискурса СМИ и др. (О. Л. Арискина, А. Э. Бельская, О. И. Валентинова, И. А. Герасименко, Н. Н. Есаулов, И. П. Зайцева, И. А. Иванчук, Ч. Эржебет Йонаш, О. В. Казимирова, А. А. Карташкова, Ф. И. Карташкова, А. И. Коледа, О. В. Ланская, Е. Ю. Муратова, М. Р. Найдёнок, Т. В. Романова, Е. Е. Русакова, Р. В. Скляренко, В. Л. Соколова, Т. В. Устинова, И. Н. Юдкин-Рипун).

Отдельные статьи посвящены **фонетическому** уровню языка (Е. В. Филатова), **синергетике** (В. А. Маслова), **лингвистической аксиологии** (М. С. Милованова), **межкультурной коммуникации** (Е. Е. Белова, Д. С. Ефремова), **лингвокультурологии** (О. А. Селюнина, Чэнь Цянгун), **коллоквиалистике** (Н. В. Богданова-Бегларян, Цуй Лили), **юрислингвистике** (А. А. Лавицкий) и **методике** преподавания русского языка (С. Д. Ахметова, К. М. Богрова).

Редакционная коллегия сборника материалов XIII Международной научной конференции «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект» выражает искреннюю признательность всем авторам и надеется на дальнейшее сотрудничество.

Отв. редактор
М. Вас. Пименова

ПАМЯТИ АВГУСТА БОРИСОВИЧА КОПЕЛИОВИЧА

А.Б. Копелиович (14.12.1929 – 25.01.2015)

Август Борисович Копелиович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Владимирского государственного университета, заслуженный работник высшей школы РФ, родился 14 декабря 1929 г. в Минске. Он рано лишился родителей: мать Августа Борисовича в 1935 г. была репрессирована, отец в первые дни войны ушел добровольцем на фронт и в 1942 г. погиб в бою с фашистскими захватчиками.

В Астрошицком (ныне Острошицком) городке под Минском Август Борисович заканчивает среднюю школу и в 1947 г. поступает в Минский педагогический институт на русское отделение факультета языка и литературы. В течение 14 лет, с 1951 по 1965 г., работает учителем русского языка, завучем и директором в сельских школах Белоруссии.

В 1965 г. Август Борисович с семьей (женой Софьей Борисовной, верной спутницей его поистине подвижнической жизни, и тремя детьми) приезжает во Владимир, где продолжает учительствовать: работает воспитателем в Пигановской школе-интернате и учителем в школе-интернате № 1 г. Владимира, директором вечерней школы № 5.

В 1964 г. заведующий кафедрой русского языка Владимирского пединститута Анатолий Михайлович Иорданский (1907–1974) защищает в Институте русского языка АН СССР докторскую диссертацию «История двойственного числа в русском языке» и вскоре открывает аспирантуру. А. Б. Копелиович становится одним из первых аспирантов известного ученого-слависта и, не оставляя учительского труда, с 1966 по 1970 г. сдает кандидатские экзамены и готовит к защите диссертацию «Семантико-грамматическое развитие категории рода в современном русском языке», которую вскоре защищает в Московском государственном пединституте им. В.И. Ленина (1971).

Август Борисович, уже будучи кандидатом филологических наук, ещё в течение четырех лет продолжает трудиться в школе, что было в те времена большой редкостью (за свою учёную степень он получал надбавку к окладу учителя в размере 10 рублей в месяц).

С 1975 г. начинается преподавательская деятельность Августа Борисовича в высших учебных заведениях страны. Учительской работе он отдал без малого четверть века, а в вузах трудился 37 лет. В 1975/1976 учебном году Август Борисович работает в Мичуринском пединституте (Тамбовская область), а с 1976 по 1993 г. – в пединституте в г. Комсомольске-на-Амуре. Преподавание в вузе он сочетает не только с обще-

ственной и административной работой, но и с напряжённым и каждодневным трудом учёного-языковеда.

В 1990 г. А. Б. Копелиович успешно защищает в Москве, в Институте языкознания АН СССР, докторскую диссертацию «Проблемы диахронии грамматического рода индоевропейских языков в синтагматическом аспекте» и становится одним из ведущих специалистов в данной области лингвистического знания.

В 1993 г. Август Борисович избирается на должность заведующего кафедрой русского языка Владимирского педуниверситета, возвращается во Владимир на кафедру, где прошли его аспирантские годы и первое приобщение к большой науке. В 1999 г. по состоянию здоровья А.Б. Копелиович оставляет заведование кафедрой и избирается на должность профессора, становится заслуженным работником высшей школы Российской Федерации (2001).

Ученый с разносторонними научными интересами, А. Б. Копелиович на протяжении почти полувека настойчиво и целеустремленно занимается проблемами категории рода и именной категории лица в их взаимодействии – в синхронии и диахронии. Эта проблематика находит освещение в его монографиях: «Очерки по истории грамматического рода» (1988), «Происхождение и развитие индоевропейского рода в синтагматическом аспекте» (1995), «Именная категория лица в ее отношении к грамматическому роду» (1997). Докторская диссертация и монографии А. Б. Копелиовича представляют значительный интерес, вносят существенный вклад в науку, закладывая основу для нового направления в исследовании ряда сложных, во многом дискуссионных вопросов общего и индоевропейского языкознания.

В сфере научных интересов Августа Борисовича находились проблемы лексикографии, терминоведения, словообразования и морфемики, синтаксиса, а также вопросы нормы и кодификации языковых явлений: «К вопросу о кодификации имен существительных общего рода»

(1977), «Личные существительные как проблема лексикографии» (1993), «Род личных существительных как проблема диалектного словаря» (1988), «Принципы составления словаря лингвистических терминов (на материале раздела “Фонетика”» (1997), «Проблема деривационного форманта при сложении» (1997), «Деривационное гнездо и гнездо родственных слов в сопоставительном аспекте» (1998), «Конфиксоид как деривационный формант» (1999), «Правило йотированной буквы при морфемном анализе» (2000), «К вопросу о морфемной структуре производной основы» (2002).

В работах последних лет А. Б. Копелиович обратился к проблеме межсловных синтаксических связей. Одна из фундаментальных идей лингвистики XX века – «всё, в чём выражено данное состояние языка, надо уметь свести к теории синтагм и к теории ассоциаций» (Ф. де Соссюр) – осмысливается А. Б. Копелиовичем как элемент диалектики («Методологическое единство синтагматического и парадигматического анализа», 1995). Профессор настаивает на строгом разграничении синтагматики форм и синтагматики значений: «Синтагматика форм. Согласование и параллелизм» (2000), «Синтагматика форм и синтагматика значений (еще об управлении)» (2003), «Подчинительные связи адъективных слов» (2004) и др.

А. Б. Копелиович – автор более 120 научных и научно-методических работ, опубликованных в центральных лингвистических изданиях, сборниках и материалах международных, межгосударственных, республиканских, межвузовских конференций. Доклады Августа Борисовича на научных конференциях разных уровней всегда вызывали живой интерес и отклик у аудитории, являясь предметом научных дискуссий.

При изучении научных трудов А. Б. Копелиовича нельзя не отметить их характерных особенностей. Первая из них – это выношенная автором убежденность в адекватности полученных в результате тщатель-

ного анализа богатейшего языкового материала выводов и обобщений реальному положению вещей, – по крайней мере, в тех языках, которые оказались в сфере лингвистического исследования, – от индоевропейских до языков Африки (Август Борисович на протяжении многих лет сотрудничал со своими коллегами из Сектора африканских языков Института языкознания РАН). Вторая особенность – это полемическая заостренность изложения, напрямую связанная с нетрадиционной трактовкой автором проблем, которые, казалось бы, давно обсуждаются в лингвистике. Именно нетрафаретность решений постоянно понуждала автора вести полемику с расхожими мнениями по обсуждаемым вопросам. Обладая завидной эрудицией и владея многообразным материалом из языков разных систем, А. Б. Копелиович никогда не позволял себе отступать от принципов ведения научных диспутов, принятых в подлинной науке, всегда с уважением относился к суждениям оппонентов, был неизменно корректен, что всегда благотворно воздействует на воображение читателя, склоняя его к объективному восприятию выдвигаемых решений.

Генрик Бирнбаум, славист и индоевропеист с мировым именем, ознакомившись с работами Августа Борисовича о происхождении и развитии индоевропейского рода, заметил в одном из писем: «Может быть, Вы правы с Вашей синтагматической теорией рода». Отечественные русисты давно отмечали самобытность и оригинальность подходов к решению проблемных вопросов в публикациях А. Б. Копелиовича (проф. Л. Д. Чеснокова), умение увлекательно, живо, стилистически безупречно излагать самые трудные вопросы грамматики (проф. Е. С. Скобликова).

Будучи заведующим кафедрой русского языка Владимирского педуниверситета, А. Б. Копелиович проявил себя как умелый руководитель коллектива, создавший на кафедре деловую, творческую атмосферу, организовал проведение международных научных конференций по проблеме «Грамматические/Языковые категории и единицы: синтагматиче-

ский аспект» (1995, 1997, 1999, 2001, 2003, 2005, 2007, 2009, 2011), материалы которых вышли в свет в виде солидных сборников, инициировал первый выпуск Владимирского областного словаря (см.: Канунова Р.С. Владимирский областной словарь. Название грибов в говорах Владимирской области. Вып. 1. Владимир: ВГПУ, 1999).

Как ведущий преподаватель кафедры русского языка А. Б. Копелиович многие годы читал лекции по профилирующему курсу «Современный русский язык», вел семинары и практические занятия, специальный курс по проблемам категории рода в индоевропейских языках, спецсеминар по вопросам русского словообразования, руководил проблемной группой студентов, курсовыми и дипломными работами. Все эти виды занятий он проводил творчески, на высоком теоретическом и методическом уровне, с учетом новейших достижений лингвистики и собственных научных разысканий. подача материала на занятиях всегда была глубоко продумана, логически выверена, выводы отличались четкостью, а изложение – доступностью.

Много и плодотворно работал А. Б. Копелиович со студентами, проявляющими интерес к науке, руководил аспирантским объединением и аспирантурой, готовя квалифицированные кадры для высшей школы. Выйдя на заслуженный отдых, Август Борисович не терял связи с кафедрой русского языка ВлГУ, продолжал консультировать аспирантов и молодых преподавателей, регулярно участвовал в конференциях разных уровней. Написанные под его руководством кандидатские диссертации были успешно защищены в МГУ им. М.В. Ломоносова и в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Август Борисович был исключительно трудолюбивым, дисциплинированным, ответственным, порядочным, требовательным к себе и другим человеком, глубоко преданным науке, делу народного просвещения, широко эрудированным филологом, тонко чувствующим слово, тактичным, чутким ко всему новому, нетривиальному. Он сочетал в себе тре-

бовательность с доброжелательностью, скромность с удивительной твердостью и последовательностью, когда дело шло о дорогих ему морально-этических и научных ценностях. Его жизнелюбие, энтузиазм и творческая активность с годами все более и более возрастали (достаточно сказать, что добрая половина его публикаций пришлась на последние 15 лет жизни).

Таким виделся А. Б. Копелиович не только родным, близким, товарищам по работе, но и – что весьма ценно – студентам университета. В газете «Владимирские ведомости», в связи с юбилеем Августа Борисовича, студенты филологического факультета так отозвались о глубоко уважаемом ими профессоре: «Один из корифеев нашего университета, прекрасный преподаватель»; «Строгий, но справедливый, настоящий рыцарь»; «Интеллигентный, тактичный, эмоциональный человек»; «Очень душевный человек, всегда отстаивает свою точку зрения»; «Всегда объективен по отношению к студентам – всем воздает по заслугам».

Влюбленный в поэзию, А. Б. Копелиович всю жизнь писал стихи, которые печатались в республиканских и областных газетах, в журналах «Советская отчизна» и «Смена». Несколько лет назад дети, внуки и друзья убедили его издать поэтический сборник («Если рядом со мной идешь...»), в котором есть строки, удивительно точно характеризующие Августа Борисовича и его отношение к жизни: «Давайте же гореть день ото дня! Сильней пылать сердцами молодыми. Вот говорят: нет дыма без огня, А я хочу, чтоб был огонь без дыма!»

ЛИТЕРАТУРА

1. Грамматические категории и единицы: Сборник научных статей к 75-летию А. Б. Копелиовича. Владимир: ВГПУ, 2004. 224 с.
2. Копелиович Август Борисович // Кто есть кто в современной русистике. М., Хельсинки, 1994. С. 134.
3. Копелиович Август Борисович // Кто есть кто в лингвистике XX века. Автобиографический справочник. Т. I / Сост. С. В. Лесников. Сыктывкар, 1999. С. 48.

4. Михайлов В. Один из корифеев // Владимирские ведомости (Владимир). 2004. 17 декабря.
5. Пименова М. Вас., Фурашов В. И. К юбилею кафедры русского языка филологического факультета ВлГУ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». 2013. № 1. С. 96–106.
6. Список опубликованных работ А. Б. Копелиовича. Диссертации, выполненные под руководством А. Б. Копелиовича // Языковые категории и единицы: сб. научных статей к 85-летию профессора Августа Борисовича Копелиовича. Владимир: Транзит-ИКС, 2014. С. 374–389.
7. Флегонтов М. Как решить теорему Ферма // Молва (Владимир). 1999. 14 декабря.
8. Фурашов В. И. К 50-летию кафедры русского языка Владимирского государственного педагогического университета // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы пятой международной конференции. Владимир: ВГПУ, 2003. С.3–12.
9. Фурашов В. И. Август Борисович Копелиович (к 75-летию со дня рождения) // Вестник Владимирского государственного педагогического университета. Серия «Естественные и гуманитарные науки». 2005. Вып. 10. С. 104–107.
10. Фурашов В. И. Путь, открытый взорам (к 80-летию Августа Борисовича Копелиовича) // Вестник Владимирского государственного гуманитарного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2010. Вып. 23–24. С. 252–255.
11. Фурашов В.И. К 85-летию со дня рождения профессора А.Б. Копелиовича // Языковые категории и единицы: сб. научных статей к 85-летию профессора Августа Борисовича Копелиовича. Владимир: Транзит–ИКС, 2014. С. 5–13.
12. Фурашов В. И., Негрышев А. А. Август Борисович Копелиович // Грамматические категории и единицы: Сборник научных статей к 75-летию А.Б. Копелиовича. Владимир: ВГПУ, 2004. С.5–9.
13. Фурашов В. И., Пименова М. Вас. К 60-летию кафедры русского языка // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы десятой международной конференции (Владимир, 24 – 26 сентября 2013 г.), посвященной 60-летию кафедры русского языка. Владимир: Транзит–ИКС, 2013. С.4–14.
14. Фурашов В. И., Пименова М. Вас. К 65-летию кафедры русского языка // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы двенадцатой международной конференции (Владимир, 26 – 28 сентября 2017 г.), посвященной 65-летию кафедры русского языка. Владимир: Транзит–ИКС, 2017. С.7–19.
15. Языковые категории и единицы: сб. научных статей к 85-летию профессора Августа Борисовича Копелиовича. Владимир: Транзит–ИКС, 2014. 391 с.

АБРАМОВА Елена Алексеевна,
СТЕПАНЕНКО Алина Ильинична (*Владимир, Россия*)

старший преподаватель
студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
vladlingvist@yandex.ru

**ФУНКЦИИ ОБОСОБЛЕННОГО ОБОРОТА
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ
(на материале поэзии XIX–XX вв.)**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы функционирования обособленных единиц в речи, связанные с их способностью быть средством выражения художественно значимой информации, а также выполнять роль важного компонента в организации поэтического текста. В качестве иллюстративного материала используются поэтические тексты.

Ключевые слова: функциональный аспект, обособленный оборот, вариативность, художественный текст, поэтический текст, парадигматический ряд.

Abstract. The article deals with the questions of functioning of isolated units of speech, connected with their ability to be a mean of expression of artistically significant information, and moreover, to be a very important component of the structure of the poetic text. The authors use poetic texts as illustration.

Keywords: functional aspect, isolated phrase, variability, literary text, poetic text, paradigmatic series.

В лингвистических исследованиях неоднократно указывалось на значимость функционального и парадигматического аспектов в изучении текста как «основы поиска оптимального варианта его речевой организации» [4: 5]. Анализ функционально-коммуникативных качеств языка позволяет рассматривать роль отдельного компонента в создании речевого целого, тем самым интерпретировать и собственно содержательный уровень текста.

Синтаксической единицей организации текста, единицей выражения в нем художественно значимой информации является «обособленный оборот» [11: 274], чаще всего представленный в учебной практике как обособленное определение, обособленное приложение, обособленное обстоятельство и обособленное дополнение. В научной и учебной литературе указывается на смысловые и интонационные возможности этих языковых единиц, в художественной и публицистической речи они «используются как изобразительное средство» [3: 190], нередко повы-

шают информационную и эмоционально-экспрессивную содержательность предложения. Обособленные единицы всех типов передают значение не только вербальными, но и невербальными средствами (учитывается порядок слов, соотношение компонентов обособленной единицы, связь интонации со знаками препинания и т. д.) Многочисленные условия употребления обособленных единиц делают их «гибкими», «подвижными», вариативными структурными компонентами, семантическая реализация которых в речи, в частности в структуре художественного текста, многообразна. Приведем некоторые примеры.

Являясь «исконной принадлежностью поэтического стиля» [7: 71], инверсия способна организовать поэтический ряд таким образом, что обособленные конструкции начинают выполнять в нем яркую изобразительную функцию:

Но, сразу ставшая накрашенной
при беспристрастном свете дня,
цыганкой, мною наигравшейся,
оставит **молодость** меня.

(Е. А. Евтушенко. *А снег повалится, повалится...*)

Усиленный рядом обособленных единиц, их дистанцированностью от определяемого слова, выразительный образ-троп (*молодость – цыганка*) достаточно выразителен. Совмещение предметно-логического и эмоционально-экспрессивного планов облегчает задачу восприятия образа читателем, процесс осмысления метафорического значения как показателя индивидуально-авторского стиля, поскольку, по мнению исследователей, «чем в большей мере ощущается присутствие «художественности» в тексте, тем сильнее проявляется личностное начало» [4: 25].

Большими выразительными возможностями обладают краткие формы прилагательных и причастий, особенно если они выступают в роли обособленных определений:

И вся Москва покойно спит,
Забыв волнение боязни.
А **площадь** в сумраке ночном
Стоит, полна вчерашней казни.

(А. С. Пушкин. *Какая ночь! Мороз трескучий...*)

Краткие формы прилагательных способны передавать динамический признак, развивающийся во времени. Они полупредикативны и в тексте приобретают значение добавочного сообщения.

Деепричастные обороты по своей природе являются специфическими конструкциями, поскольку представляют собой синтез свойств сказуемого и обстоятельства. «Синкретизм в языковой семантике деепричастных оборотов обуславливает их речевую емкость и выразительность, предельную насыщенность действием» [12: 399]. В отрывке из стихотворения Ф. И. Тютчева происходит значительное усиление динамики действия, поскольку в организации поэтического текста участвуют обособленное обстоятельство, выраженное деепричастным оборотом, и обособленное определение с обстоятельственным оттенком значения. Употребление такого определения с обстоятельственным значением рядом с обособленным обстоятельством в одной стихотворной строке усиливает экспрессивность речи:

Смотрите, как, облитый светом,

Ступив на крайнюю ступень,

С своим прощается поэтом

Великолепный этот день...

(Ф. И. Тютчев. *Князю П. А. Вяземскому...*)

Сжатые, экспрессивные обособленные обороты помогают более точно выделить ту или иную сторону изображаемой действительности, особенно выразительно это проявляется в том случае, когда употребление обособленных единиц дополняется элементами фонетики, служащими «наиболее полному, яркому воплощению замысла поэта, усиливая другие экспрессивные средства поэтической речи» [5: 154]:

Шла, распушивши белые усы,

пузатая машина поливная.

Я вышел, смутно мир воспринимаю,

и, воротник устало поднимая,

рукою вспомнил, что забыл часы.

(Е. А. Евтушенко. *Сквер величаво листья осыпал...*)

Повторение звуков усиливает восприятие поэтического образа и создает «эмфатическую интонацию», направленную на «слуховое восприятие текста» [5: 426]. В данном стихотворении звуковое выражение поэтического образа основано на повторении звука [ш], который актуализирует в воображении читателя картину проезжающей поливальной машины с раздающимся шипением воды. Примечательно, что для усиления образности звуки концентрируются в рамках деепричастного оборота, определяемого словом и объектом (машина), с которым и связан ассоциативный ряд. Показательно и то, что при образовании деепричастия автором используется суффикс *-вши-* вместо нейтрального суффикса *-в-*. Ассоциативность, пронизывающая данное стихотворение, не дает «фразе обесмыслиться, «развалиться» [7: 105], выполняя тем самым текстообразующую функцию.

Текстообразующая и изобразительная функции обособленных единиц могут лежать в основе создания речевого целого, создавать исчерпывающую характеристику предмета изображения в целом:

День – сей блистательный покров –
День, земнородных оживленья,
Души болящей исцеленья,
Друг человеков и богов!
(Ф. И. Тютчев. *День и ночь*)

Ряд таких обособлений при синтаксическом параллелизме актуализирует значение как самого определяемого слова, так и его признака, при этом особенно выразительна сама «цепочка» таких определений, получившая и интонационное выделение:

Здравствуй, марта летний зной,
Снег, горящий крепким настом,
Серебристо-слюдяной,
Снег, пронзаемый лучами,
Оглушаемый грачами,
Здравствуй, друг былых утех,
Белый, синий, серый **снег!**
(Н. Браун. *Здравствуй, марта летний зной...*)

Динамические свойства могут передаваться обособленным определением, в состав которого входят два инфинитива:

Всем равно в глухом Эребе
Годы долгие скорбеть.
Но прекрасен ясный **жребий** –
Просиять и умереть!

(В. Я. Брюсов. *Ахиллес у алтаря*)

Глагольная форма способствует актуализации образных возможностей языка, отвечает художественной задаче поэта – изобразить, с одной стороны, действие (первичная функция инфинитива как глагольной формы) и вместе с тем дать емкую характеристику определяемому слову (*жребию*). Экспрессивность обособленной конструкции подчеркивается также и пунктуационным оформлением высказывания (используется знак «тире»), расположением определяемого слова в конце строки, выделением определения в отдельную строчку стихотворения.

Традиционным является осмысление обособленных единиц как синонимов придаточных предложений. Выбор грамматической структуры предложения диктуется задачей создания поэтического образа, поскольку обособленная единица обычно призвана подчеркнуть либо активного субъекта действия, либо добавочность действия, в то время как цель употребления придаточного предложения – «подчеркнуть значение действия» [5: 418]:

Листов, окаймленных пилами,
Побегов, скрывающих спицы,
Боятся летучие гости,
Чуждаются певчие птицы.
(А. А. Фет. *Соловей и роза*)

На тёмном разъезде разлуки
И в тёмном прощальном авто
Я слышу печальные **звукИ,**
Которых не слышит никто...
(Н. М. Рубцов. *Прощальное*)

Употребление обособленных определений в стихотворении А. А. Фета является средством «лаконического развертывания сложного художественного содержания» [7: 181]. Определения характеризуют объекты, изображаемые художником слова, изменение конструкции на придаточное определительное приводит к нарушению ритмической организации и смыслового восприятия текста (ср.: *Листов, которые были окаймлены пилами, / Побегов, которые скрывали спицы, / Боятся летучие гости, / Чуждаются певчие птицы*). Замена придаточного определительного в стихотворении Н. М. Рубцова обособленным оборотом (ср.: *На тёмном разъезде разлуки / И в тёмном прощальном авто / Я слышу печальные звуки, / Не слышимые никем...*) также нарушает мелодику стихотворного ряда, изменяет смысловое содержание фразы.

Категория обособления – одна из важнейших категорий русского языка, изучение ее взаимодействия с текстом представляется, на наш взгляд, интересным, перспективным направлением. Художественный текст, будучи единицей коммуникативного уровня, «способствует реализации значений лексико-грамматических», а также грамматических категорий в функциональном аспекте [8: 38]. Единицы синтаксиса, в отличие от единиц лексического уровня, выполняющих функцию смысловыражения, «являются – и функционально, и структурно, и содержательно – основными текстовыми знаками и элементами текстообразования и текстостроения в целом» [1: 356].

Обособленные единицы могут играть особую роль в организации поэтического текста. Поэтический текст, по мнению Ю. М. Лотмана, предстает как структура полифункциональная, и его анализ не может быть ограничен стандартным поиском средств выразительности (таких как эпитеты, метафоры, сравнения и др.), поскольку «любые элементы, являющиеся в языке формальными, могут приобретать в поэзии семантический характер, получая дополнительные значения» [6: 36].

По мнению Ю. М. Лотмана, поэтический текст характеризуется высокой степенью упорядоченности как на уровне синтагматики, так и на уровне парадигматики. Парадигматический аспект структуры поэтического текста понимается как «отношение между элементом, реально существующим в тексте, и потенциальной множественностью других

форм» [6: 40]. Ю. М. Лотман говорит о том, что «вокруг некоторого инвариантного типа» существует «система вариантов», и осознание значимости выбранного автором варианта возможно лишь в том случае, если будут учтены все возможные случаи употребления [6: 42]. Варианты способствуют установлению стилистических различий в тексте [2: 276; 5: 417; 6: 132]. Синтагматическая упорядоченность обеспечивает содержательную сторону поэтического произведения: организация элементов текста реализует тематическое единство, способствующее раскрытию его содержания. Однако наиболее важной упорядоченностью является упорядоченность парадигматическая.

Структура поэтического текста призвана отражать «картину мира», или, по словам Ю. М. Лотмана, «модель поэтического видения мира» [4: 75; 6: 76], поскольку модель видения мира «рождает разную образную систему», в результате чего образный строй становится определяющим фактором стиля писателя [4: 75]. А синтаксическая система поэтического текста, по мнению О. Г. Ревзиной, представляет собой «результат мышления о мире, структурирование его» [9: 430].

Использование обособленных единиц предполагает известную вариативность, поскольку употребление данных синтаксических конструкций зависит от многих условий. Выбор одного варианта из всех возможных в известной степени повышает значимость (семантическую, экспрессивную, эстетическую) этого компонента в структуре художественного текста, определяет его содержательные параметры чаще всего в том случае, когда актуализирует определенные характеристики изображаемого явления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко Л. Г., Васильев И. Е., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста: Учебник для вузов по спец. «Филология». Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 534 с.
2. Бельчиков Ю. А. Практическая стилистика современного русского языка. М.: Аст-пресс книга, 2012. 432 с.
3. Богданова Г. А., Виноградова Е. М. Русский язык и литература. Русский язык. 11 класс: учебник для общеобразовательных учреждений (базовый и углубленный уровни). М.: ООО «Русское слово – учебник», 2013. 344 с.
4. Валгина Н. С. Теория текста: Учебное пособие. М.: Логос, 2003. 280 с.
5. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. М.: Айрис-пресс, 2010. 448 с.
6. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л.: Просвещение, 1972. 272 с.

7. Минералов Ю. И. Теория художественной словесности (поэтика и индивидуальность): Учеб. для студ, филол, фак. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит, изд. центр ВЛАДОС, 1999. 360 с.

8. Поповская (Лисоченко) Л. В. Лингвистический анализ художественного текста в вузе. Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. 512 с.

9. Ревзина О. Г. Загадки поэтического текста // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. Сборник статей, посвященный юбилею Г. А. Золотовой. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 511 с.

10. Русский язык. 8 кл.: учебник / Под ред. М. М. Разумовской, П. А. Леканта. М.: Дрофа, 2018. 270 с.

11. Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Большая российская энциклопедия: Изд. дом «Дрофа», 1997. 703 с.

12. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 2 ч. Ч. 2: Морфология. Синтаксис / В. В. Бабайцева, Н. А. Николина, Л. Д. Чеснокова и др.; Под ред. Е. И. Дибровой. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 704 с.

АБРАМОВА Инга Юрьевна (*Владимир, Россия*)

аспирант

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XXI ВЕКА

Аннотация. В статье рассматриваются структурно-семантические особенности словосочетаний, называющих предметы одежды в русскоязычном дискурсе XXI века. Словосочетания рассматриваются с точки зрения количества компонентов и типа подчинительной связи, а также грамматических показателей зависимого слова.

Ключевые слова: главное слово, зависимый компонент, лексико-семантическая группа, словосочетание, составная номинация.

Abstract. The article considers the structural-semantic peculiarities of word combinations, calling the clothes in the Russian-speaking discourse of the XXI century. Phrases are considered in terms of the number of components and type of subordinate relationship, as well as grammatical indicators of the dependent word.

Keywords: main word, dependent word, lexical-semantic group, phrase, compound nomination.

Общеизвестно, что лексика русского языка на всех этапах развития характеризуется такими свойствами, как «разветвление» и «дифференциация», что связано с процессом «развития и усложнения общества и его культуры» [5: 208]. Отмеченные особенности являются следствием открытости системы, вбирающей в себя всё многообразие единиц, отражающих изменения в той или иной сфере жизни социума. В последнее десятилетие нельзя не отметить факт становления и развития сфе-

ры одежды как одной из наиболее значимых явлений жизни общества. Указанная отрасль отражает исторический опыт народа, его обрядовые традиции, а также выводит на первый план тенденции к эволюционированию в социально-политической, научно-производственной и культурной сферах жизни. Значительные изменения в направлениях, напрямую касающихся индустрии одежды, выступающей в качестве экономической единицы и культурного феномена, «задают» языковой запрос в обществе, поскольку «новым знаниям постоянно не хватает языка» [8: 11]. В современном русском языке состав лексико-семантической группы «Одежда» с точки зрения структурных характеристик представлен многообразно: номинацией-словом, составной номинацией, словосочетанием простой, осложнённой и сложной структуры. Наибольший интерес представляют словосочетания, в свою очередь являющиеся с точки зрения слитности компонентов свободными, но отмеченными тенденцией к «структурно-семантической стабилизации» [13: 49] и приближению «по характеру своего значения к отдельному слову» [13: 50]. Кроме того, словосочетания изучаемой группы имеют характер терминологических – «соотносимых не просто с одним специальным понятием, но с системой понятий» [9: 212].

Целью настоящего исследования является изучение структурно-семантических особенностей словосочетаний, называющих предметы одежды в русскоязычном дискурсе XXI века. Материалом для исследования послужило около 500 языковых единиц – наименований предметов одежды, а также около 400 сочетаний, извлечённых из более чем 2500 контекстов печатных средств массовой информации (2011–2018 гг.), в частности, таких изданий, как Elle, Vogue, Marie Claire, Numero, Harper's Bazaar, L'OFFICIALE.

Словосочетание как минимальная синтаксическая единица представляет собой «соединение двух или более знаменательных слов на основе подчинительной связи», одно из которых «является стержневым, а другое называется зависимым» [13: 43]. В лексико-семантической группе «Одежда» рассматриваются следующие типы словосочетаний с точки зрения количества компонентов и типа подчинительной связи, а также грамматических показателей зависимого слова:

1. Простое словосочетание с типом связи примыкание:

1) зависимым компонентом – неизменяемым прилагательным: *брюки стрейч, блузка стрейч, брюки чинос (брюки chino), брюки карго, брюки клёш, свитер гольф, джинсы клёш, джинсы мом (джинсы mom), джинсы скинни (джинсы skinny), юбка клёш;*

2) с зависимым компонентом – существительным / предложно-падежным сочетанием: *блузка с запахом, платье А-силуэта, платье с запахом, шуба с запахом.*

2. Простое словосочетание с типом связи согласование: *байкерская куртка, велосипедные шорты, верблюжье пальто, кожаная куртка, коктейльное платье, «кольчужное» платье, «мамины» джинсы, университетская куртка.*

3. Осложнённое словосочетание: *джинсы в стиле бойфренд, джинсы в стиле гёрлфренд, пальто ласточкин хвост, пальто во французском стиле, платье силуэта «русалка», платье в стиле ампир, платье в стиле ретро, платье в греческом стиле, платье в стиле нью-лук.*

4. Сложное словосочетание: *пальто из верблюжьей шерсти.*

В рамках лексико-семантической группы «Одежда» отмечается стремление к «упрощению» структурной формы номинации-словосочетания без потери семантических компонентов значения, что выражается в трансформации одной структурной единицы в другую, в частности как переход из сложного словосочетания в простое: «*Он первым одел итальянских женщин в **пальто из верблюжьей шерсти**, а мирового успеха добилась в начале 80-х креативный директор Дома Анна Мария Беретта*» [2] – «*В его первой коллекции **верблюжье пальто** соседствовало с костюмом цвета герани*» [4]. На примере контекстов наблюдается синтаксическая контаминация и как следствие – переход притяжательного прилагательного (***верблюжья шерсть***) в категорию относительного.

Языковое явление структурной трансформации словосочетания сопровождается несколькими грамматическими и словообразовательными модификациями:

1. Переход в составную номинацию:

1) с изменением частеречного статуса и грамматической формы одного из мотивирующих компонентов: *байкерская куртка* – *куртка-байкер*, *коктейльное платье* – *платье-коктейль*, «*кольчужное*» *платье* – *платье-кольчуга*; *брюки палаццо* – *брюки-палаццо*, *брюки стрейч* – *брюки-стрейч*, *блузка стрейч* – *блузка-стрейч*, *брюки чино(с)* – *брюки-чино(с)*;

2) с утратой элемента несвободного сочетания: *джинсы в стиле бойфренд* – *джинсы-бойфренд*, *джинсы в стиле гёрлфренд* – *джинсы-гёрлфренд*, *платье силуэта «русалка»* – *платье-русалка*, *платье в стиле ампир* – *платье-ампир*, *платье в стиле ретро* – *платье-ретро*, *платье в стиле нью-лук* – *платье-ньюлук*, *джинсы в стиле милитари* – *джинсы-милитари*, *брюки в стиле карго* – *брюки-карго*;

3) с изменением мотивирующего компонента на синонимичный элемент: *платье в греческом стиле* – *платье-пеплум*, *платье силуэта «русалка»* – *платье-рыбка*, *платье-годе*.

2. Переход в номинацию-слово с заменой нейтрального стиля речи на разговорный: *свитер гольф* – *водолазка*, *кожаная куртка* – *кожанка*, *велосипедные шорты* – *велосипедки*.

Для первой группы номинаций характерно дальнейшее структурное «упрощение» словосочетаний до номинации-слова: «*Для этого супруга Дэвида Бекхэма выбирает ультрадлинные **брюки клеш**, закрывающие обувь на каблуке, да еще и с высокой посадкой – визуально этот прием вытягивает силуэт*» [1] – «*Нередко стилисты-любители пишут, что **джинсы-клёш** стройнят фигуру*» [7] – «*Но и от **клешей** тоже не стоит отказываться: они способны визуально значительно удлинить ноги*» [11]. Кроме того, структурные «сокращения» семантически полно и точно представляют характеристику предмета одежды, функционируя как несклоняемые прилагательные иноязычного происхождения. Кроме того, указанные элементы субстантивировались, приобретая грамматические и синтаксические черты имени существительного в форме родительного падежа, управляемой глагольным компонентом «не стоит отказываться».

Подобным образом на синтаксическом уровне меняется позиция номинаций с такими элементами, как *палаццо*, *чинос*, *кюлот*: «*Широкие*

*палаццо с высокой талией, зауженные чиносы или асимметричные кюлоты – какая пара будет радовать именно вас» [6]. В указанном примере номинация *палаццо* лишена грамматических показателей словоизменения, однако препозитивное прилагательное посредством грамматической связи согласование указывает на именительный падеж и множественное число, поскольку речь идёт о разновидности брюк, являющихся парным предметом.*

В третьей группе наблюдаются примеры дальнейшего упрощения словосочетаний до слова-номинации: *«Женские **джинсы в стиле бойфренд** позаимствованы из мужского гардероба, продолжают сохранять свою популярность во все сезоны 2016 года и переходят в 2017» [3] – «Выглядят **джинсы-бойфренды**, как будто позаимствованы девушкой из гардероба своего молодого человека» [10] – «Еще недавно купила *oversize-бомбер Sea, расшитый нитками в восточном стиле, кеды Golden Goose Deluxe Brand в сверкающих блесках и теперь уже любимые джинсы, которые надела в этой съемке – **бойфренды с завышенной талией Golden Goose**» [12]. Подобным образом синтаксически и грамматически трансформируются словосочетания с элементами *гёрлфренд, карго*.**

Таким образом, в лексико-семантической группе «Одежда» наблюдается тенденция упрощения структуры словосочетаний не только до составной номинации, сохраняющей двуплановость содержания, но и до слова-номинации, представленной зависимым компонентом словосочетания (*джинсы в стиле бойфренд – бойфренды, брюки чинос – чиносы*), включающим в семантическую структуру значение главного слова. Языковой факт образования свободных словосочетаний с заимствованным элементом, отличающихся высокой степенью слитности компонентов, приближающей их к терминологическим сочетаниям, безусловно, вызван «требованиями наименований новых реалий действительности» [14: 102]. Однако тенденция к дальнейшему «упрощению» до номинации-слова мотивирована преобразованием семантической структуры единицы. Слово – второй элемент (*карго, галифе, бойфренды* и др.) этимологически закрепляет в лексико-семантической структуре значение первого элемента – малосодержательной в современном русском языке

с семантической точки зрения номинации одежды (*брюки, джинсы* и др.), которая для коммуникативной ситуации становится факультативной.

ЛИТЕРАТУРА

1. 4 незаменимые вещи на весну по версии Виктории Бекхэм // Harper's Bazaar [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bazaar.ru/fashion/vybor/4-nezamenimyyh-veshchi-na-vesnu-po-versii-viktorii-bekhem/#part0> (дата обращения: 09.03.2019).
2. 13 бежевых пальто вне моды и вне времени // Harper's Bazaar [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bazaar.ru/fashion/vybor/13-bezhevyh-palto-vne-mody-i-vremeni/> (дата обращения: 06.03.2019).
3. 50 идей, с чем носить женские джинсы-бойфренды // Avrora [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://avrorra.com/dzhinsy-bojfreindy-zhenskie-s-chem-nosit-foto/> (дата обращения: 12.02.2019).
4. Бежевое пальто – лучшее модное капиталовложение этого сезона // Harper's Bazaar [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bazaar.ru/fashion/vybor/bezhevoe-palto-luchshee-modnoe-kapitalovlozhenie-etogo-sezona-etogo-goda-i-vsey-zhizni/#part0> (дата обращения: 19.02.2019).
5. Вендина Т. И. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 2010.
6. Выбор первой леди: 10 брюк в цветах, как у Мелании Трамп // Harper's Bazaar [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bazaar.ru/fashion/vybor/vybor-pervoy-ledi-10-bryuk-v-cvetah-kak-u-melanii-tramp/> (дата обращения: 05.03.2019).
7. Джинсы-кlesh: мода возвращается // Польза и вред.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://polzavred.ru/dzhinsy-klesh-moda-vozvrashhaetsya.html> (дата обращения: 24.07.2018).
8. Кечкеш И. Слово, контекст и коммуникативное значение // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Лингвистика. 2014. № 1. С. 7-18.
9. Лубожева Л. Н. «Профессиональная» или «терминологическая» лексика // Вестник Тюменского государственного университета. 2008. № 1. С.210-213.
10. Мужской стиль в женской версии // Леди [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zhurnal-lady.com/moda/brjuki/dzhinsy-bojfreindy/> (дата обращения: 10.08.2018).
11. Почему вам точно нужен брючный костюм в пастельных оттенках на зиму // Harper's Bazaar [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bazaar.ru/fashion/vybor/pochemu-vam-tochno-nuzhen-bryuchnyy-kostyum-v-pastelnyh-ottenkah-na-vesnu/> (дата обращения: 13.03.2019).
12. Светлана Родина: «Надевать все тренды сразу – дурная привычка» // Harper's Bazaar [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bazaar.ru/fashion/geroi/svetlana-rodina-nadevat-vse-trendy-srazu-durnaya-privychka/> (дата обращения: 08.02.2019).
13. Синтаксис современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации [Текст] / Г. Н. Акимова, С. В. Вяткина, В. П. Казаков и др.; под ред. С. В. Вяткиной / Учебно-методический комплекс по курсу «Синтаксис современного русского языка». СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. 432 с.
14. Юдина Н. В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? [монография] / Н. В. Юдина. М., Гнозис, 2010.

АЛЕКСЕЕВ Александр Валерьевич (Москва, Россия)

кандидат филологических наук, доцент
Московский городской педагогический университет
avalekseev74@yandex.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ ДРЕВНЕРУССКОГО ТЕРМИНА *МЕЧЬНИКЪ*

Аннотация. В статье рассматривается происхождение древнерусского слова *мечьникъ*, которое развивало общеславянские символические значения производящего слова *мечь* – ‘оружие – война’ и ‘оружие – священная военная власть’. В результате в древнерусском языке словом *мечьникъ* выражалось синкретичное образно-символическое значение: при многообразии обозначаемых должностей и статусов неизменно передавалась идея власти, возможности применять силу оружия.

Ключевые слова: семантический синкретизм, этимология, историческая лексикология, древнерусский язык, культурная значимость слова.

Abstract. The article discusses the ancient origin of the words *мечьникъ* and *мечь*. It has expressed Slavic symbolic meaning of ‘weapon of war’ and ‘weapons – the sacred military power’. As a result, in the old Russian language, the words *мечьникъ* expressed a syncretic figurative and symbolic meaning: with the variety of designated positions and statuses, the idea of power capable of using the force of weapons was invariably transmitted.

Keywords: semantic syncretism, etymology, historical lexicology, old Russian language, cultural value of the word.

Сама характеристика термина как слова с синкретичным (диффузным) значением выглядит противоречивой, поскольку основное требование к современному термину – его однозначность, точность выражения. Однако в древнерусском языке, в условиях несформированности понятийной составляющей концепта, в качестве термина могло использоваться слово с иным типом значения. Слова, обозначавшие объекты социальной действительности – должности, общественные функции, социальные структуры, – являлись социальными терминами с образной и символической семантикой. В качестве примера рассмотрим слово *мечьникъ*, которое возникло еще в общеславянский период и могло быть образовано как от прилагательного **тешьнъ* с помощью суффикса *-ik-*, так и непосредственно от существительного **тешь* при помощи суффикса *-ьnik-* [4: 42]. Решение этого вопроса затруднено, так как суффиксальный комплекс *-ьnik-* подвергался опрощению еще в праславянское время.

Само слово *меч* – сложное в этимологическом отношении. Разнородность славянских рефлексов заставляет предполагать в этом корне

древнейшее варьирование **тець / *тьць*. За пределами праславянского языка явные соответствия обнаруживаются только в германских языках: готском, древнесаксонском, древнеисландском, древнеанглийском, стародатском, в диалектах норвежского [3: 528]. Это давало основания считать славянское слово заимствованием из готского *mēki* (в соответствии с широким фоном аналогичных заимствований культурной лексики). Это, однако, опровергается вокализмом: на месте долгого гласного должен был получиться славянский *ь*. Решение было найдено О. Н. Трубачевым благодаря обращению к символической семантике и культурному контексту. Длинный прямой стальной клинок был получен и германцами, и славянами во второй половине I тысячелетия до н.э. от развитой кельтской культуры; его номинация восходит к кельт. *тесс* ‘сверкать, блестеть’ и связана с особенностями высокотемпературной металлургии железа. О. Н. Трубачев указывает на символическую образность этого артефакта: «Сверкающая белизна обнаженного длинного меча наложила отпечаток на его номенклатуру, почерпнутую у кельтов» [2: 21].

Символический потенциал древнерусского слова **мечь**, основанный на внутренней форме ‘светлый, пламенный’, реализовывался уже в ранних письменных памятниках. Символическое значение ‘священная война <=> очищающее пламя’ выражалось при переводе греческого *μάχαира* в новозаветном фрагменте: *Не придеъ положити мира, нь мечь*. Мт 10: 34, Мариинское евангелие. В денотативном аспекте перевод здесь является не вполне точным: *μάχαира* – ‘нож, кинжал, сабля’, то есть ‘короткий клинок’, в то время как **мечь** – именно ‘длинный клинок’ (подробнее – [4: 41]). Следовательно, выбор именно слова **мечь** при переводе определялось прежде всего культурной значимостью слова: ‘орудие войны => священная, духовная война’. Подобная культурная значимость актуализируется и в собственно древнерусских текстах: **мечь** – ‘(священная) военная власть’: *Паки ли твой мець, а наше головы?* Новг. 1 лет., 221; *Олець мечемь крамолу коваше, и стрьблы по земли съяше*. Слово о полку Иг.

Символическими значениями (культурной значимостью) производящей основы определялись особенности семантики производного сло-

ва **мечьникъ**. Основной его функцией была передача идеи военной власти (символическое значение), а связанное с этим представление о должностном лице обладало характеристиками концепта-образа. Символическая мотивированность этого слова даже спровоцировала сомнения в его идентичности у ранних исследователей: «Метельник не один и тот же ли был чиновник, что и мечник? ...Слова метельник и мечник не от греческого ли слова происходят μετέρχομαι...» [1: 47]. Ср.: *Аще будеть русинъ, любо гридинъ, любо купчина, любо ябетникъ, любо мечникъ, аще изъгои будеть*. Русская Правда. Действительно, общий ряд терминов не позволяет видеть здесь номинацию воина, более корректными толкованиями значения будут используемые в различных комментариях 'член княжеского административно-судебного аппарата' или «чиновник более полицейский, чем военный» [1: 47]. Развитием исходного синкретичного значения являются различные славянские термины: чеш. стар. *mečník* 'придворный, носивший перед государем меч'; польск. *miecznik* 'земский чиновник' [4: 42].

Таким образом, древнерусское **мечьникъ** обладало синкретичным образно-символическим значением 'представитель власти'^a, вооруженный мечом^b, причем компонент (a) является культурной значимостью слова **мечь**, а компонент (b) – внутренней формой слова **мечьникъ**. Актуализация внутренней формы позволяла обозначать различные должности: *дѣтъцкыѣ и мечники избиша*. Лаврентьевская летопись, 125; *мечникъ нападаше на Арсенья*. Георгий Амартол, 242г – οπαθάριος 'придворный телохранитель (стражник)'. Можно сделать вывод, что конкретное значение 'палач', выделяемое историческими словарями, является, по сути, фикцией для древнерусского языка, поскольку оно так же возникало в контексте: *рече мечьникъ попоу поклони главоу... хотѣ постѣщи*. Чуд. Ник., 72в. Приведенный контекст взят из переводного памятника «Посмертные чудеса святителя Николая», то есть значение 'палач' является семантической калькой для древнерусского **мечьникъ**; это слово могло обозначать любого представителя власти, обязательно – в соответствии с культурной значимостью слова – готового к применению оружия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Правда Русская. Т. II. Комментарии. М., Л.: Издательство АН СССР, 1947. 864 с.
2. Трубачев О. Н. Опыт ЭССЯ: к 30-летию с начала публикации (1974–2003) // ВЯ. М.: 2002. №4. С. 3–24.
3. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Русский язык, 1993. Т. 2. 623 с.
4. Этимологический словарь славянских языков. В. 18. М.: Наука, 1993. 255 с.

АЛИЕВ Тельман Асадович (*Владимир, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
telmanasad@rambler.ru

ЗНАЧЕНИЯ И УПОТРЕБЛЕНИЕ ГЛАГОЛА *ЕСТЬ* В РУССКОМ И *ESSE* В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье анализируется значение слова *есть* и конструкции с ним в сравнении с соответствующим латинским словом *esse* и его конструкциями.

Ключевые слова: глагол, предикатив, значение, глагол-связка, производный глагол, нетематический глагол.

Abstract. The article analyses the meaning of the Russian word “ЕСТЬ” and structures with it in comparison with the corresponding Latin word “ESSE” and structures with it.

Keywords: verb, predicate, meaning, link-verb, derivative verb, non-subject verb.

Некоторые глаголы в русском и латинском языках имеют настолько существенные особенности в образовании форм, что не могут быть отнесены ни к одному из типов спряжений. «Основная из этих особенностей заключается в том, что ряд форм образуется путем непосредственного присоединения окончания, характерного для данной формы, к простейшей глагольной основе, без тематического гласного звука» [1: 98]. К таким нетематическим глаголам относится латинский глагол *sum, fui, esse* и русский глагол *есть (быть)*. В латинском, а также в старославянском (откуда восходят русские слова *быть* и *есть*) разные грамматические формы (т. е. лицо, число, временные формы) этого слова восходят к разным корням, которые имелись в индоевропейском языке-основе: ***es-/s-** и ***bheu(ə)/bhū-**. «К корню ***es-** восходят в латинском языке формы **sum, es** и т. д., в старославянском – настоящее время **јесмъ, јеси** и т. д. К корню ***bheu(ə)/bhū-** восходят латинский перфект **fui** (у.-е. ***bhū-** >

лат. **fu-**), старославянский инфинитив **быти**, аорист **быхъ** и т. д. (и.е. ***bhū-** > ст. слав. **бы-**)» [4: 61, 62].

В латинском языке слово *esse* **быть** употребляется и как самостоятельный глагол (*verbum substantivum*), и как глагол-связка (*verbum copulativum* – связующий, соединительный)

Слово *esse* **быть как самостоятельный глагол** (*verbum substantivum*) в латинском языке имеет следующие значения: 1) «быть, существовать»: *omnes qui sunt, qui fuerunt, qui futuri sunt* – все (те), которые существуют, которые существовали, которые будут существовать; 2) «происходить, совершаться, бывать, случаться»: *solis defectio fuit* – произошло солнечное затмение, *quid tibi est* – что с тобой?; 3) «быть налицо, быть в наличии, иметься»: *sunt, qui, quod sentiunt. non audent dicere* – есть (люди), которые не решаются высказывать то, что думают; 4) «быть верным, действительным»: *sunt ista* – да, это так; *est, ut dicis* – ты правильно говоришь; 5) «быть, находиться»: *mons Jura est inter Sequanos et Helvetios* – гора Юра находится между областями секванов и гельветов; 6) «содержаться, быть написанным»: *in lege est* – закон гласит; 7) «состоять»: *creticus est ex longa et brevi et longa* – кретик (критский стих) состоит из (слов) долгого, краткого и долгого; 8) «обстоять»: *res ita est* – так обстоит дело; 9) «значить»: *sapienti vivere est cogitare* – для мудреца жить – значит мыслить; 10) «быть, служить, способствовать, приносить»: *aliquid alicui est laudi* – что-либо, кому-либо приносить славу; 11) «относиться, касаться»: *res mei consilii non est* – это меня не касается.

Глагол *esse* как **глагол-связка** (*verbum copulativum*) имеет следующие значения: 1) «быть, служить, являться, представлять собой»: *praeclara res est* – это превосходно; 2) «принадлежать, быть присущим, быть признаком, свойством»: *cujusvis hominis est errare* – всякому человеку свойственно заблуждаться; 3) «надлежать, подобать, быть обязанностью»: *adulescentis est majores natu revereri* – юноше надлежит почитать старших по возрасту; 5) «иметь, обладать»: *nullius animi esse* – быть лишенным твердости (характера).

Это далеко не полный перечень значений глагола *esse* в латинском языке. К тому же это слово и в латинском, и в русском языке имеет производные глаголы, образованные с помощью префиксов. Вот неко-

торые из них: в латинском языке: **absum**, **abesse** – отсутствовать, отстоять; **adsum**, **adesse** – присутствовать, помогать; **desum**, **deesse** – не хватать, недоставать; **intersum**, **interesse** – находиться среди чего-либо, участвовать в чем-либо; **praesum**, **praeesse** – быть впереди, во главе; **prosum**, **prodesse** – помогать, быть полезным; **obsum**, **obesse** – вредить; **supersum**, **superesse** – оставаться в живых, выжить; в русском языке: **прибыть**, **убыть**, **добыть**, **забыть**, **отбыть**, **присутствовать**, **отсутствовать** и т. п. Они не имеют в спрягаемых формах отличий от глагола *esse* (быть) и достаточно употребительны и в латинском, и в русском языках.

Если в латинском языке все формы глагола *esse* рассматриваются именно как формы одного и того же слова, которое имеет вышеперечисленные значения, то в современном русском языке глагол *есть* как предикатив со значением существования и как связка с грамматическим значением настоящего времени (так же, как *быть* I и *быть* II) в лингвистической науке рассматривается то как одно слово, то как противопоставленные омонимы, а иногда авторы даже не придают значения вопросам отдельности этих слов.

Противоречивы взгляды на эти слова и в грамматических работах, отсутствуют четкие принципы лексикографирования в толковых словарях русского языка, не определен круг форм каждого из этих слов, а также вопрос о единстве и отдельности слов, состоящих из звуковых комплексов *есть* и *быть*.

В современных словарях русского языка слово *есть* не отделяется от *быть*, обычно *есть* определяется как форма третьего лица от *быть*. Многие конструкции со словом *есть* приводятся в статье слова *быть*, и наоборот; не разграничиваются предикатив *есть* и связка *есть*, а также *быть* со значением существования и связка *быть*.

Вполне понятно, что различные неясности относительно глаголов *быть* и *есть* сглаживаются в пособиях, предназначенных для студентов. Но все же было бы разумней показать, что корень слова *есть* восходит к общеиндоевропейскому **es-*, а слова *быть* к **bhū* и что, следовательно, по происхождению это разные слова. «Корень длительного значения **es-* не был пригоден для образования аориста. Поэтому все формы аориста и причастия прошедшего времени, а следовательно, и

инфинитив были заимствованы у другого корня, часто замещающего *es-, а именно, *bhewə-, *bhū... Таким образом, наряду с наст. вр. ~смь, сопровождаемым лишь причастием наст. вр. *сы*, мы имеем: инф. *быти*, аорист *быхъ*, причастия *бывъ* и *быль*» [5: 165-166].

В работах, посвященных синтаксису русского языка, слова *есть* I и *быть* I рассматриваются с точки зрения их функциональных особенностей в односоставных и двусоставных предложениях, где эти глаголы выступают в качестве главного или одного из главных членов.

Что касается слов *есть* II и *быть* II, то они характеризуются при анализе предложений с именным сказуемым, состоящим из связки и присвязочного элемента.

В подавляющем большинстве работ *есть* и *быть* квалифицируются как формы глагола, хотя сомнение в отношении глагольности связки *быть* было высказано еще В. В. Виноградовым: «В особую категорию частиц должны быть выделены связки, выражающие логическое отношение между подлежащим и сказуемым. Но в русском языке, как точно заметил акад. Л. В. Щерба, существует лишь одна связка – в строгом смысле этого слова – это *быть*, имеющая формы лица (а следовательно, и числа, в прошедшем времени – также рода), времени и наклонения. Связка *быть* – не глагол, хотя и имеет глагольные формы. Ей чуждо значение действия (*быть* в значении глагола существования – лишь омоним связки). Она мыслится вне категории вида и залога...» [2: 553].

Быть и *есть* относятся к той группе слов, грамматическое описание которых требует детального семантического анализа их форм, изучение же их лексико-семантической структуры предполагает анализ их синтаксических функций и морфологических признаков.

Слово *есть* – пережиток древнерусского нетематического глагола *есть*, которое, как и все глаголы, спрягалось (*есть, еси, есть, ео*). Позднее оно полностью утратило свои спрягаемые формы, и в современном русском языке не изменяется, хотя сохранилось лишь в форме *есть*, и выступает только в функции сказуемого, но не согласуется. Поэтому, на наш взгляд, не является правомерным безоговорочное утверждение, что слово *есть* в современном русском языке – это форма 3-го лица ед. числа настоящего времени. В латинском же языке глаголу *есть*

соответствует слово *esse* как самостоятельный глагол (*verbum substantivum*) в различных формах лица и числа настоящего времени.

Слово *есть* утратило свою глагольность в современном языке. П. Я. Черных, отметив факт отсутствия глагола *есть* в современных восточнославянских языках, писал: «Но нигде в восточнославянских языках не сохранилось глагола *есмь*, если не считать таких его пережитков, как употребление без согласования: *есть* («у них есть деньги») и *суть* («не суть важно»)». Впрочем, – продолжает П. Я. Черных, – *есть* иногда употребляется и со значением 3-го лица ед. числа в таких искусственно-книжных образованиях, как «лошадь есть животное».

Исчезновение этого глагола, вызванное отчасти причинами синтаксического свойства, можно считать вообще одним из важнейших явлений в области исторической морфологии восточнославянской речи», – заключает автор [6: 230].

Есть – связка, образованная от предикатива *есть*, лексического значения не имеет, выражает грамматическое значение времени. В латинском языке связке *есть* соответствует глагол-связка (*verbum copulativum*).

В функции сказуемого глагол *есть* не имеет неопределенной формы, не имеет значения действия, он лишь обозначает бытие, существование, присутствие кого-, чего-либо в настоящее время, обладает своей лексико-семантической структурой, отличается специфическими особенностями употребления в составе предложения, не имеет форм словоизменения.

В семантической структуре сказуемого *есть* обнаруживаются следующие значения:

1) «имеется, наличествует». В приводимых ниже примерах имя в функции подлежащего в каждом предложении обладает различными родо-числовыми признаками, а слово *есть* как сказуемое выступает без изменения:

У тебя есть карандаш? У меня есть карандаш.

У тебя есть карандаши? У меня есть карандаши.

В латинском языке русскому *есть* в значении «имеется, наличествует» соответствует глагол *esse* в форме настоящего времени ед. или множественного числа:

In terra **est** vita – на земле **есть** жизнь;

in silvis **sunt** bestiae – в лесах **есть** звери.

Слово *есть* в русском языке не координируется с подлежащим в лице, но латинское *esse* согласуется с подлежащим, причем наличие подлежащего в русском языке обязательно, а в латинском – не обязательно, подлежащее выражено личными формами *esse*:

В русском языке	В латинском языке
Я есть (существую)	sum
Ты есть (существуешь)	es
Он есть (существует)	est
Мы есть (существуем)	sumus
Вы есть (существуете)	estis
Они есть (существуют)	sunt

Если сообщается или запрашивается не только о наличии, но и о каких-либо количественных или качественных признаках, то во фразе слово *есть* не присутствует: *Сколько в аудитории студентов? Сколько вам лет?*

В конструкциях с местоимениями *кто* и *что* слово *есть*, в зависимости от цели высказывания, в одних случаях употребляется, а в других – нет, например: *Кто везде, тот нигде. Что сделано, то сделано.* В соответствующих латинских фразах употребляется слово *esse*: *Qui est rei publicae status. Nusquam est qui ubique est. Factum est factum.*

В этих предложениях как в русском, так и в латинском языках говорится о наличии кого-нибудь или чего-нибудь.

Хотя в иных конструкциях русского языка слово *есть* в функции сказуемого обязательно. Сравни: *Есть кто у декана? Кто-нибудь есть у декана?*

Кроме того, латинское *esse* имеет значение «происходит, совершается, приключается», но в соответствующих конструкциях в русском языке слово *есть* не употребляется: *Quid tibi est? – Что с тобой?*

Однако слово *есть*, как уже указывалось, употребляется, если в высказывании преследуется цель – выяснить наличие кого-, чего-либо, т. е. обладает значением 1) «имеется»: *Что в этом магазине есть?* или *Что-нибудь есть в этом магазине?*

2) «существует». И в этом значении *есть* в латинском языке соответствует слово *esse*. Сравним: *По этому вопросу есть постановление*; *Mihi est res – у меня есть что-нибудь. Из всякого положения есть выход. Я имею что-нибудь*;

3) «присутствует, находится». Русское слово *есть* в этом значении употребляется, если преследуется цель – выяснить конкретно присутствующих и отсутствующих. Например: *Надо выяснить, кто есть и кого недостает*. Латинское слово *esse* также имеет значение «присутствует, находится»;

4) «попадают, встречаются». Такое значение свойственно и семантической структуре слова *esse*. В этом значении слова *есть* и *esse* могут употребляться в составе как простых (*Есть такие люди*), так и сложных предложений. Они выступают в главной части структурно однотипных сложноподчиненных предложений. Слова *есть* и *esse* входят в ядро главной части и играют структурообразующую роль. Например: *Есть люди, которые ... sunt qui*

В русском языке известны фразеологические единицы со словом *есть*, которые соответствуют латинским единицам с *esse*.

В русском языке	В латинском языке
Есть в нас бог	Est deus in nobis
Есть мера в вещах	Est modus in rebus
Есть и такие ошибки, которые мы извиняем	Sunt delicta tamen quibus ignovisse velimus
Есть некое наслаждение в слезах	Est quaedam Here voluntas

Итак, анализ материала позволяет сделать следующие выводы:

1. Отглагольный предикатив *есть* характеризуется:

1) своими лексическими значениями: а) «наличествует, имеется», б) «существует», в) «присутствует, находится», г) «попадают, встречаются»; 2) устойчивой неизменной формой; 3) функцией сказуемого

двусоставного предложения или главного члена односоставного предложения.

2. Слово *есть* в латинском языке соответствует предикатив *esse* как самостоятельный глагол (*verbum substantivum*), который обладает теми же значениями и той же устойчивой синтаксической функцией, что и слово *есть*.

3. Предикатив *есть* представляет собой омоним глагола-связки *есть*, которая в современном русском языке по всем лексико-семантическим, морфологическим и синтаксическим параметрам противопоставляется лексически однозначному *есть*.

4. Предикатив *есть* противопоставляется и слову *быть*, поскольку эти слова ни этимологически, ни лексико-семантически и грамматически не образуют одной единой лексической системы.

5. Слово *есть* выступает компонентом структурной схемы односоставных предложений типа: *есть* + наречие + инфинитив; *есть* + местоимение + инфинитив. Рассмотренный материал свидетельствует о типологической общности семантической структуры и синтаксического функционирования русского предикатива *есть* и латинского *esse*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боровский Я. М., Болдырев А. Б. Учебник латинского языка. М., 1975. С. 99.
2. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1986.
3. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь: ок. 50 000 слов. 3-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1986. 840 с.
4. Дерюгин А. А., Лукьянова Л. М. Латинский язык: учебник. 3-е изд., испр. М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2003. 384 с.
5. Мейе А. Общеславянский язык. Перевод со второго французского издания. Изд. иностранной литературы, М.: 1951.
6. Черных П.Я. Историческая грамматика русского языка. Изд. II. М., 1954. С. 230.

АЛТАБАЕВА Елена Владимировна (Москва, Россия)

доктор филологических наук, профессор
Российский государственный аграрный
университет – МСХА имени Климента Аркадьевича Тимирязева
evaltabayeva@mail.ru

РУССКОЕ ОПТАТИВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В ПАРАДИГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Аннотация. В работе рассматривается вопрос о парадигме оптативного предложения в русском языке в соотнесении с особенностями синтагматики его конструктивных компонентов. Решение этого вопроса увязывается с трактовкой оптативности как многоаспектной функционально-синтаксической категории. На основе выделенных аспектов категориального значения желательности и соответствующих средств выражения данной семантики выстраивается функционально-коммуникативная парадигма русского оптативного предложения.

Ключевые слова: категория, модальность, семантика желательности, оптативные предложения, парадигма.

Abstract. The paper deals with the problem of the paradigm of the optative sentence in Russian language in relation to features of syntagmatics of its constructive components. The solution of this problem is linked to interpretation of optativity as multifaceted functional-syntax category. Based on distinguished aspects of categorical meaning of optativity and appropriate means of the expression of this semantics it lines up the functional-communicative paradigm of Russian optative sentence.

Keywords: category, modality, semantics of optativity, optative sentences, paradigm.

Одной из наиболее значимых для понимания сущности познавательных процессов категорий естественного языка является категория оптативности, консолидирующая корпус разноуровневых языковых средств для реализации разнообразных желаний языковой личности. Прежде всего, следует отметить, что оптативность как самостоятельная языковая категория имеет в своей основе ментальный концепт ЖЕЛАНИЕ, представляющий в сознании говорящего категориальный смысл желательности: *Отдохнуть бы; Хочу (хочется, хотелось бы, имею желание и под.) отдохнуть*. Желательность понимается нами как находящее то или иное языковое выражение эмоционально-волевое проявление потребности субъекта в осуществлении той или иной потенциальной ситуации, предпочитаемой прочим [1].

Желательность как особое понятийное содержание объединяет своей семантикой обширный пласт русских предложений, по форме противопоставленных друг другу в пределах данной семантики и свободно

функционирующих в условиях речевой коммуникации, в отдельный семантико-грамматический тип под названием «оптативные предложения», например: *Я бы пообедал; Хватило бы времени; Только бы здоровье не подвело; Если бы она позвонила; Хоть бы успеть на поезд; Скорее бы каникулы; Хотелось бы ответить; Хочу встретиться; Победить – мое желание* и т. д.

Категория оптативности в русском языке структурируется по ядерно-периферийному принципу, обусловленному многоаспектным характером данной категории. Система разновидностей (аспектов) оптативности определяется способами ее представления в языке.

В структуре категории оптативности мы выделяем такие аспекты ее организации как *предикативную желательность* и *предикатную желательность*, различие которых обусловлено спецификой выражаемого модального значения и специализацией средств выражения: *Я бы остался – Я хочу (хотел бы) остаться*. Значение предикативной желательности реализуется, в основном, грамматически (формами желательного и сослагательного наклонений и функционально аналогичными им средствами – автономно функционирующей частицей *бы*, формами императива в оптативной функции) при поддержке просодических и лексико-морфологических средств (интонации и оптативных частиц).

Предикатная (внутрисинтаксическая) желательность выражается лексико-синтаксически, так как эта семантика закреплена в корневых морфемах группы модальных модификаторов – глаголов и их дериватов (*хотеть, желать, мечтать, жаждать, желательно, охота, иметь желание, иметь охоту* и др.).

Средства представления предикативной желательности находятся в динамическом взаимодействии, заключающемся в конкуренции формы сослагательного наклонения и сочетания независимого инфинитива с частицей *бы* при выборе одного из этих средств на роль ядерного: *Я бы пообедал – Мне бы пообедать*. Разноаспектные значения оптативности могут взаимодействовать, совмещаясь в конкретном высказывании и создавая особую модальную семантику высказывания за счет контаминации семантики и формы модального компонента. Модальные аспекты категории оптативности противопоставлены друг другу как более част-

ные значения общекатегориального значения желательности – типового грамматического значения оптативных предложений.

Лексико-синтаксически и грамматически выраженные значения разных аспектов поля оптативности создают особую модальную окраску высказывания, главным образом, за счет контаминации семантики и формы модального компонента.

Таким образом, зона оптативности в системе языка представлена, с одной стороны, двумя модальными аспектами – предикативной и предикатной желательностью, с другой – грамматической и лексико-синтаксической принадлежностью средств ее представления в языке. Эти модальные аспекты противопоставлены друг другу как более частные значения в пределах общекатегориального значения желательности и соответствующим образом группируют вокруг себя отмеченные средства представления оптативной семантики в соответствии с синтагматическими свойствами последних.

Желание как основное содержание данного модального отношения реализуется в русском языке системой оптативных предложений. При исследовании статуса, грамматической природы и особенностей функционирования оптативных предложений объективно возникает необходимость выявления и систематизации их основных структурно-семантических типов.

Вопрос о типологии этих единиц остается нерешенным, поскольку в лингвистической традиции было принято не просто разграничивать, но противопоставлять желание говорящего, выражаемое формой оптатива, желанию субъекта предложения [4: 93-94]. Такое разграничение можно считать релевантным в связи с тем, что внутрисинтаксические модальные отношения желательности представлены в предложениях с традиционно понимаемым оптативом и дезидеративом по-разному: в первом случае имплицитно, во втором – эксплицитно. В то же время широкое понимание оптатива [1: 76-78] позволяет объединить два разноаспектных значения оптативной модальности на основе единой категориальной семантики желательности и функциональной идентичности (взаимозаменяемости различных вариантов в типовых контекстах: *Мне бы развеяться – Хочу (хочется, хотелось бы, имею желание) развеяться.*

Таким образом, разграничение желания говорящего (оптатива) и желания субъекта (дезидератива) правомерно лишь в случае актуализации имплицитного или эксплицитного его представления как одного из проявлений субъективного элемента в объективной модальности и наоборот. Не следует забывать о том, что основное модальное значение и в том, и в другом случае одноименное, реализуемое в разных модальных аспектах, соответственно, это общее и частное значения желательности. Учитывая принципиально значимое для теории модальности положение П. А. Леканта о неприемлемости резкого противопоставления объективной и субъективной модальности [3: 96-97], отметим, что следует иметь в виду не разные виды модальностей, а разные их аспекты и не противопоставлять их, поскольку реализуются (могут реализоваться) они в одном и том же высказывании, формируя его особый модальный план.

Формы оптативных предложений с грамматически выраженной, или предикативной, желательностью в зависимости от различных синтагматических вариаций частицы *бы* (в сочетании с инфинитивом, в составе формы сослагательного наклонения, в безглагольных предложениях при автономном ее употреблении) в совокупности образуют следующую системность: 1) предложения инфинитивно-оптативные: *Уехать бы мне домой*; 2) предложения глагольно-оптативные: *Уехал бы я домой*; 3) предложения безглагольно-оптативные: *Домой бы мне*.

Предложения с лексико-синтаксической, или предикатной, желательностью на основе типовых формально-семантических различий, связанных с изменением модального компонента предиката, также могут быть объединены в систему, продолжающую типологию оптативных предложений: 4) *Я хочу уехать домой*; 5) *Я хотел бы уехать домой*; 6) *Мне хочется (хотелось) уехать домой*; 7) *Мне хотелось бы уехать домой*; 8) *Меня тянет уехать домой*; 9) *Я имею желание (охоту и т.п.) уехать домой*; 10) *У меня есть желание уехать домой*; 11) *Мной овладело желание уехать домой*; 12) *Уехать домой – мое желание*.

Все вышеуказанные разновидности оптативных предложений, взятые в совокупности, составляют парадигму, которую мы называем, в силу ряда ее специфических свойств, функционально-коммуникативной

парадигмой. Понятие коммуникативной парадигмы позволяет объединить различные в конструктивном отношении оптативные высказывания на основании того, что «форма предложения обусловлена выполняемым им коммуникативным заданием». Коммуникативная парадигма понимается как «совокупность объединенных общностью отражаемой ситуации предложений, каждое из которых служит решению определенной коммуникативной задачи» [2: 58]. Применительно к парадигматике оптативных предложений данное понятие уместно дополнить функциональными характеристиками, так как решение коммуникативной задачи той или иной языковой единицей невозможно вне выполнения соответствующей функции. Все вышеприведенные формы обладают формальной специализацией, но являются функционально аналогичными и могут функционировать в типовых контекстах. Имеющиеся функциональные различия связаны со стилистической маркированностью единиц текста и со сферой его функционирования. Поэтому общая парадигма оптативного предложения по своей сущности есть парадигма функционально-коммуникативная, отражающая и коммуникативную ситуацию со всеми ее участниками, и реальную коммуникативную задачу автора высказывания, и условия функционирования исследуемых единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтабаева Е. В. Категория оптативности в современном русском языке. М.: Изд-во МГОУ, 2002. 230 с.
2. Всеволодова М. В., Дементьева О. Ю. Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложения (на материале двусоставных глагольных предложений, включающих имя локума). М.: КРОНПРЕСС, 1997. 176 с.
3. Лекант П. А. К вопросу о модальных разновидностях предложения // Грамматические категории слова и предложения. М. Изд-во МГОУ, 2007. С. 95-104.
4. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990, 263 с.

АНДРЕЕВА Елена Павловна (*Вологда, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Вологодский государственный университет
ep-andreeva @ bk.ru

СЛОВО *ЖИЗНЬ* И ЕГО СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ

Аннотация. В статье описывается употребление общерусского слова *жизнь* в сопоставлении с его диалектными синонимами. Анализ парадигматического и син-

тагматического аспектов этой лексемы позволяет выявить специфику семантики, особую функциональную нагрузку общеупотребительного слова в языке диалекта. Интерес представляет ряд диалектных слов с тождественным или близким значением, выступающих в качестве семантических параллелей к общерусскому слову *жизнь*.

Ключевые слова: вологодские говоры; общерусское и диалектное слово; народное мировосприятие; диалектная синонимия, региональный словарь.

Abstract. The article describes the use of the all-Russian word *Life* in comparison with its dialect synonyms. The analysis of the paradigmatic and syntagmatic aspects of this lexeme reveals the specificity of semantics, the special functional role of the all-Russian word in the dialect language. It is important that the author also studies a number of dialect words with identical or similar meaning, serving as semantic correlations to the all-Russian word *Life*.

Key words: Vologda dialects, all-Russian and dialect word, people's perception of the world; dialectal synonymy, dialect dictionary.

С конца XX в. внимание исследователей неоднократно привлекало функционирование общерусского слова в языке диалекта. Постепенно утверждается мнение о том, что эпидигматические, парадигматические и синтагматические связи общерусских слов по-разному проявляются в лексико-семантической системе литературного языка и русских говоров [1; 3; 7]. Выбор для анализа лексемы *жизнь* обусловлен тем, что это одно из ключевых и самых частотных слов русского языка. Как указывает Ю. Н. Караулов, в ядре языкового сознания русских людей слово (идея, понятие, концепт) *жизнь* занимает пятое место [5]. В данной статье не ставится задача описать историю лексемы *жизнь* [6], не анализируется концепт 'жизнь' [4; 8]. В работе содержатся наблюдения над употреблением общерусского слова *жизнь* в архаичных вологодских говорах в сопоставлении с его диалектными синонимами. С этой целью использован «Словарь вологодских говоров» (СВГ) и его картотека (КСВГ). Несмотря на дифференцированный характер словаря, в иллюстрациях фиксируется и общерусское слово *жизнь*, что позволяет судить о его функционировании в диалектной лексической системе.

Толковые словари русского литературного языка у полисеманта *жизнь* отмечают от восьми [10: 142-147; 11: 484-485] до четырнадцати значений [2]. Два первых значения: 1. 'особая форма движения материи, возникающая на определенном этапе её развития'; 2. 'физиологическое состояние человека, животного, растения от зарождения до смерти' –

по-видимому, в силу философского, отвлечённого характера не отмечены в привлечённых к анализу контекстах.

Наиболее частотным значением у слова **жизнь** в вологодских говорах является 'период существования кого-либо'. При реализации этого значения нередко используются временные маркеры (*до конца, с малых лет*): *Лáтани-то <'одежды'> мне уж топерь до конца жизни хватит. Межд. С малых лет на стаю-то <'ферму'> я пошла. Ой, как трудно-то было, всю жизнь проработала на стае.* К-Г. Следует обратить внимание на употребление в говорах весьма распространённой формулы **вся жизнь**, в составе которой местоимение *весь* указывает на высшую степень проявления, реальную длительность обозначаемого состояния, что придает высказыванию оттенок дополнительной экспрессивности: *Всю жизнь она здись положила, и умерла здись, здись и похоронили.* Сок. Далее отметим значение 'образ существования кого-либо': *Безумку-то жизни нормальной нету: дурак, ничего не соображает. Тот.* В СВГ фиксируются единичные употребления лексемы **жизнь** и в более узком значении 'существование без нужды, забот': *Тогда и начали розживáться деревенщина-то, малозажиточные. Советская власть и дала жизнь. Тот.* В отдельных контекстах слово **жизнь** употребляется в значении 'реальная действительность во всей совокупности её проявлений': *Ну, это всё ба́йки, в жизни-то всё сложняе.* Верх.

Для диалектоносителя жизнь неразрывно связана с понятием времени, при этом важным оказывается противопоставление жизни прошлой и настоящей. Ю. Н. Караулов пишет, что в русском сознании понятие *старый* «заряжено положительным, в основном, смыслом, что объясняется преимущественной ориентацией русской культуры на традицию» [5]. Заметим, что применительно к понятиям 'жизнь в прошлом', 'жизнь в настоящем' нередко наблюдается иная оценка, что объясняется социально-историческими причинами. Прошлая жизнь (коллективизация, раскулачивание, Отечественная война, тяжелейший для русской деревни послевоенный период) получает резко негативную оценку. *Осподáрева <'бедная, несчастная'> прежняя жизнь. К-Г. Раньше смолá жизнь была. Тот.* Большинство диалектоносителей указывает на тяжёлый труд, который не получал должной оплаты. *Ох и попахáла я в жизни,*

врагу не пожелаю. Баб. Не пáло счастье. А всю жизнь ломила, ломила, а и прожила недорóдно. К-Г. Отчасти характер жизни зависел и от условий, сложившихся в семье: Всю-то жизнь рóбила, семья-то велика. Повúхалась же я. К-Г. Без мужика-то худо жить, за всю-то жизнь намогóришься за всем. Баб. Патриархальный образ жизни в деревне влиял на то, что женщина оказывалась во многом зависимой от свекрови, страдала от поведения мужа. *Я свекровь признавала, не надо было её признавать <'слушаться, подчиняться кому'>, так всю жизнь не человеком и прожила. К-Г. Мужик-то мне злы́денной попалсе, так всю жизнь и промыкалась. К-Г. Значительно реже встречаются контексты, в которых положительно оценивается жизнь деревни в прошлом: Как в колхоз-от взошлú, жизнь-то лúто хорошая стала. Кир.* Обычно так характеризуется современная жизнь диалектоносителей: *Только на нонешную жизнь дивовáччэ <'любоваться'>. Баб.*

Интерес заслуживают иллюстрации, в которых раскрывается представление диалектоносителя о хорошей жизни, объясняются причины тяжёлой жизни: *Шибко жизнь-то хорошая, всё есть – и питанье, и одеванье. К-Г. У тя жизнь хорошая, квартира есь, дети здоровые, и муж придёт домой – не какой-нибудь лямзá – фе-фе-фе! Тот. Жизнь беспúтая, потому что власти путёвой нет. Кир.* Оценка прожитой жизни передается прежде всего за счет синтагматических связей анализируемого слова. В контекстах лексема **жизнь** употребляется с такими прилагательными, как *хорошая, худая, беспúтая*, с глаголами: *жизнь устóсала, за жизнь намогóришься, жизнь промýкала, на жизнь дивовáться*; используются метафорические сравнения (*жизнь смола*), фразеологизмы (*Пётаник он, всю жизнь бьётся как рыба об лёд. Вож.; Не за нюх табаку всю жизнь прожила, свету белого не видела. Кир.*).

Таким образом, слово **жизнь** в вологодских говорах реализует ряд значений, при этом нередко наблюдается их семантическая размытость, диффузность, что в целом свойственно народной речи.

Наряду с общерусским словом в речи диалектоносителей употребляется группа территориально ограниченных лексем с близким значением. Обратим внимание прежде всего на однокоренные слова, выступающие синонимами к слову **жизнь** в отдельных его значениях: *жúвность*,

жи́ла, жи́ло, жи́ра, жи́рка, жи́то, поживу́шка. Сопоставление семантики общерусского слова **жизнь** и его диалектных синонимов осложняется тем, что значение последних в словаре описывается при помощи формулы *то же, что*. Общая дефиниция ‘время жизни, жизнь’ приводится в словарной статье слова **жи́вность**. Однако значения диалектных слов могут соотноситься с разными лексико-семантическими вариантами общерусского полисеманта **жизнь**. Так, судя по контекстам, у лексемы **жи́вность**, можно выделить два значения:

1. ‘физиологическое состояние человека, животного, растения от зарождения до смерти’ (*До чего парень-от в жи́вности хорош был, да вёдь от судьбы никуды не дёнешьсё, утонул на реке вёдь. У-К. Стару́к-то, как стал худ, дак все денежки, ещё при жи́вности, дочке подписал. У-К.*);

2. ‘период существования кого-либо’ (*Она в жи́вности не робатывала. Верх.*) [9, вып 2: 85]. Последнее значение находим и у слов **жи́ло, жи́ра** в контекстах: *Всё своё жи́ло прожила, дак светлого денёцька не видела. Ник.* [9, вып 2: 87]. – *Ничего, мать, в жи́ре-то? – Штё, штё? – В житье-то ничего, зрю? Сямж.* [9, вып 2: 88]. Более узкое значение ‘один из периодов жизни’ находим у лексем **жи́ра, жи́рка** в иллюстрации: *Вот, Муроцька, до какой жи́рки-ти дожили. Сиди у окошецька да поглядывай в окошецькё. Вот, Мурка, до какой жи́ры мы дожили – до старости. Сямж.* [9, вып 2: 88].

Слова **жи́ло, жи́рка** наряду с лексемами **жи́то, поживу́шка** используются и в значении ‘образ существования кого-либо, жизненный уклад’: *Худобё у меня жи́ло-то. К-Г. Ой, деУки, вы уж не зафатили худой-то жи́рки. Вож. Жи́то у меня худое было, нечего хорошего и сказать. Сямж. Вот какая поживу́шка-то ей хорошая попалась. Тот.* [9, вып 2: 87, 88, 89; вып. 7: 121]. В дополнительных материалах к СВГ находим в том же значении слово **жи́ла**: *Скверно рассказывать, какая жи́ла-то у него. Верх. (КСВГ)* .

Слова **жи́рка, жи́то, жи́ла** зафиксированы в СВГ только в одном значении. Другие слова описаны как полисеманты, при этом их семантическое развитие протекало иначе, чем у общерусского слова **жизнь**. Так, у слова **жи́ра** в СВГ отмечается второе значение ‘жилое помещение, жи-

лье': *Жу́ра-то у нас низкая. Верх.* [9, вып 2: 88]. Слово **жу́ло** употребляется в значениях 'дом, жильё, хозяйство' (*Какое жу́ло побогачее было, дак всех раскулачили и выслали. К-Г.*) и 'селение, деревня' (*Все из починков в жу́ло приехали. Здесь у нас теперь жу́ло-то вот какое! К-Г.*) [9, вып 2: 87]. Заметим, что, согласно данным исторических словарей, слова **жу́ра**, **жу́ла**, **жу́ло** в значении 'жилое помещение, жильё' зафиксированы в памятниках XVI-XVII вв. [12: 110, 111, 113].

Следует отметить в составе анализируемой лексической парадигмы и слова с более конкретным значением: **векову́на** 'долгий век, долгая жизнь' и **позо́бра** 'тяжёлая, нелёгкая жизнь': *Ну, у тебя векову́на, дак и помирать не грех. Верх. Вот какая позо́бра была. Сямж.* [9, вып 1: 60; вып. 7: 125]. Интерес представляет и отмеченное в СВГ слово **плету́во** 'жизнь, судьба, доля', в значении которого есть семы: 'совокупность условий, 'обстоятельств', 'событий', 'из которых складывается чья-либо жизнь': *У тебя-то ведь не моё плету́во. Хар.* [9, вып. 7: 68].

Таким образом, сопоставительный анализ общерусского слова **жизнь** и его семантических параллелей в вологодских говорах позволяет, с одной стороны, выявить специфику семантики, особую функциональную нагрузку общеупотребительного слова в языке диалекта, с другой стороны, точнее описать на его фоне значение диалектных лексем, уточнить толкование в дифференцированных словарях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунчук Т. Н. Народное мировидение в диалектной семантике общерусского слова *время* // Научный диалог. 2017. № 8. С. 24.
2. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. М.: АСТ, 2005. [Электронный ресурс] Дата обращения: 25.01.2019.
3. Ильинская Н. Г. Общерусское слово в диалектной системе: из наблюдений над лексикой говора д. Тырпасовской Вилегодского района Архангельской области / Н. Г. Ильинская // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М., 1999. Вып. 7. С. 115-121.
4. Ипанова О. А. Концепт "жизнь" в русской языковой картине мира. // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2017. №4. С. 60-75.
5. Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. М., 2000. С. 191-206. [Электронный ресурс] /http://www.ilingran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/4-1.html Дата обращения: 25.01.2019.
6. Муллағалиева А. Г. К истории лексемы жизнь, входящей в этимологическое гнездо с корневым *gi-. // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 151. Кн. 6. Гуманитарные науки, 2009.

7. Нефедова Е. С. Общерусское слово в диалектном словаре // Межкафедральный словарный кабинет имени проф. Б. А. Ларина / Отв. ред. А. С. Герд, Е. В. Пурицкая. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. С. 91-101.

8. Руднев Е. Н. Концепт “жизнь”: анализ и интерпретация [Электронный ресурс] / Е. Н. Руднев // Гуманитарный вектор. 2010. № 3. С. 101-104. Режим доступа: <http://elibrary.ru>, дата обращения 26.01.2019.

9. Словарь вологодских говоров. / Под ред. Т. Г. Паникаровской, Л. Ю. Зориной. Вып. 1–12. Вологда: ВГПИ/ ВГПУ, 1983–2007.

10. Словарь русского литературного языка: В 17 т. М., СПб.: Наука, Т. 4, 1950-1965.

11. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.

12. Словарь русского языка XI-XVII вв. Словарь русского языка XI-XVII вв. Гл. ред. С. Г. Бархударов. М.: Наука. Вып. 5. 1978.

АРИСКИНА Ольга Леонидовна (Саранск, Россия)

доктор филологических наук, профессор
Мордовский государственный университет
имени Николая Платоновича Огарёва
ariskina@list.ru

ВЫРАЖЕНИЕ ОЦЕНКИ В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИХ ГРАММАТИКАХ XVI в.

Аннотация. В статье рассматриваются функционально-семантические единицы средневекового научного текста, выражающие оценку. На материале церковнославянских грамматических трудов XVI в. сначала были проанализированы языковые личности их авторов, а затем выявлены способы выражения оценки реалий и лингвистических понятий (например, «грамматика», «гласный звук», «согласный звук»), характерные для языковой личности средневековых грамматистов.

Ключевые слова: XVI в., научный текст, грамматика, языковая личность грамматиста, оценочность, образность, оценка.

Abstract. The article deals with the functional-semantic units of the medieval scientific text expressing the evaluation. By the material of Old Church Slavonic grammatical works in the XVI century, the linguistic personalities of their authors were first analyzed, and then the characteristic ways to express evaluation of realities and linguistic concepts (for example, "grammar", "vowel sound", "consonant sound") typical for linguistic personality of medieval grammarians were revealed.

Keywords: XVI century, scientific text, grammar, linguistic personality of the grammarian, evaluation, figurativeness.

Долгое время считалось, что тексты научного стиля должны быть строгими, безобразными и безэмоциональными, однако ряд исследований опровергают это ([2], [5], [6]). Авторы научных текстов – люди, личности, которые высказывают собственную позицию, критикуют те или

иные теоретические положения, дают оценку различным аспектам научного знания и проявляют в той или иной степени эмоциональность.

В данной статье речь пойдет о способах выражения оценки в церковнославянских грамматиках XVI в. Ранее нами были проанализированы языковые личности (ЯЛ) авторов представленных трудов: неизвестного ученого, написавшего Грамматику славянского языка (1586 г.) [4], коллективную ЯЛ авторов «Адельфотиса» (1591 г.) [1] и Лаврентия Зизания, написавшего лингвистический труд в 1596 г. [3]. В настоящей статье мы сосредоточим внимание не на вкладе данных ученых в языкознание, не на их терминологической работе, а на их ценностных установках и способах реализации оценки в научных трудах.

На лингвокогнитивном уровне ЯЛ авторов всех грамматик XVI в. отражено ценностное отношение к христианской вере: «Бѣгъ есть Бѣгъ живыхъ» [4: 37]; «Всякіе бжественные вещи **хваляти** достоинъ»; «Крещеніе есть чинъ Бжій» [4: 31]; «Всѣ **Хрїстиане похваляють** власть. Ниединъ **мятежникъ** похваляетъ власть. Сегоради никакоже **мятежникъ** суть **христианинъ**» [4: 32]. Таким образом, оценка «христианин» – первая в иерархии оценок, ибо за ней стоит восприятие человека как носителя бессмертной души, как законопослушного гражданина. Если человек не удостоивался оценки «христианин», то характеризовать его поступки и мысли не имело дальнейшего смысла.

В «Адельфотисе» для выражения оценки и создания ярких образов используется антитеза: «...царствуетъ **безсловесны сверемъ** вначало. **Словесныже образъ**, Христова царство намсяпоказало...» [1: 3]. Как видим, здесь используются эпитеты, языковые (*безсловесный* – *словесный*) и контекстуальные (*зверь* – *образ*) антонимы, также присутствует религиозное противопоставление: *царство зверя* и *Христово царство*. Все это формирует оценку: бесписьменные, языческие времена были временем тьмы, принятие Христианства и появление письменности ведут к спасению, к свету, следовательно, христианское мировоззрение, христианская вера – отправная точка для дальнейшей оценки всего, при этом названные выше эпитеты *безсловесный* / *словесный* – это тоже вариант оценки.

Много размышлений о месте человека в этом мире: «Всякій ѿлк есть смертенъ. Нїединъ ѿлк есть вѣчный [4: 36]. Но здесь мы оценки не наблюдаем, это констатация факта. Зато интерес может представлять метафора «вина тѣла» [4: 19], потому что *вина* (*виновен/невиновен*) – это уже оценка. Понимая, что человеческая природа состоит из трех составляющих: тела, души и духа, – ученый считает виновным в дурных проявлениях именно тело.

О соотношении души и тела пишет Л. Зизаний, приводя аналогию с гласными и согласными звуками. Видимо, это связано с педагогической составляющей ЯЛ Л. Зизания, которому необходимо было изложить теоретический материал в образах, в оценках: грамматику он называет *«ключем бо есть отворяючи всеем умъ, къ познанию въ преправы разумъ»* [3: 31]; *«... але наставницу добру словенскому языку»* [3: 33], *«А съгласная, котории з себе голосу выдати, и без гласныхъ нечого справовати не могутъ. Якъ и тѣло без дше не дествует. И тѣло убо бездшно суще, ниже движется ниже живетъ. Дша же и без тѣла движется и живет. Также и съгласная писмена, ниже глас даютъ, ниже слогъ съставити могутъ о себе, но токмо съ гласными»* [3: 34]. Как видим, здесь ярко проявились метафорические оценки: *ключ к разуму, наставница добру словенскому языку*, гласные звуки – *душа*, согласные – *тело*.

Есть фразы о взаимосвязи разума и слова: *«Осель есть безсловесный, а сегоради осель нѣсть разумный»* [4: 34]; *«Нїедино безсловесное разумно есть. Всякій ѿлк есть разумный, а сегоради нїединъ ѿлк есть безсловесный»* [4: 44]. Таким образом, *неразумный* и *бессловесный* представляют собой негативные оценки человека. Как видим, рассуждение о достоинствах – разуме и умении выражать мысли – дается от противного: от сопоставления разумного и умеющего излагать мысли человека с неразумным и бессловесным животным. Данная оценка оформляется безэмоционально, бесстрастно, в виде логического вывода, присущего научному рассуждению.

Статус ученого, как показал анализ вербально-семантического уровня ЯЛ грамматистов, был весьма высок, потому особый интерес представляет видение грамматистом место ученого в обществе того

времени: «*Ніединъоученый есть сладострастенъ. Григорій есть ученый. Сегоради Григорій нгъсть властемъпорабощенный*» [Грамматика 1586: 31]. То есть ученый в картине мира грамматиста – человек свободный от страстей, пороков, от земной власти. Значит, оценочная фраза «любо оученымъ» [4: 25] являет собой практически высшую форму оценки, конечно, после оценки «христианин».

Есть размышления о сущности и ценности ученого, изучающего язык и обучающего языку в «Адельфотисе»: «*Не всякъ бо пишай или стай глаголется **грамматикъ**, но иже **правило** и **предгль** отдавай. Правило оубо въ еже оуправити. Предгльже въ еже предгльити*» [1: 5]. Под «пределом» здесь, по нашему пониманию, подразумевается термин.

Таким образом, авторы «Адельфотиса» считали, что грамматист – это не только образованный (умеющий читать и писать человек), но и тот, кто занимается вопросами терминологии, например, калькирует ее по древнегреческим образцам, формулирует определения и правила, разрабатывает нормы. Здесь мы видим выход на прагматический уровень описания ЯЛ, так как речь идет уже о задачах, предназначении, основной функции.

Итак, оценочность и образность присущи текстам церковнославянских грамматик XVI в. Высшей положительной оценкой служат лексемы и сочетания *христианин, образ, разумный, словесный, душа, ключ к познанию, любо ученым*. Негативная оценка выражается с помощью таких слов и метафор, как *мятежник, безсловесный, неразумный, зверь, тело, вина тела*. Категория оценки в грамматиках тесно связана с образностью, ибо оценка часто реализуется с помощью изобразительно-выразительных средств и риторических приемов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адельфотис: Грамматика доброглаголиваго еллино-словенскаго языка. Совершеннаго искусства осми частей слова. Львов: Братская тип., 1591.160 с.

2. Арискина О. Л., Дрянгина Е. А. Языковая личность первых славянских грамматистов (на материале грамматик Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ) [Электронный ресурс]. Краснодар: КубГАУ, 2011 г. №07(71). С. 450-464. Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2011/07/pdf/35.pdf>.

3. Грамматика Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подг. текста, науч. коммент. и указ. Е. А. Кузьминовой; Предисл. Е. А. Кузьминовой, М. Л. Ремневой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 528 с.

4. Грамматика славянского языка. Вильно: Тип. Мамоничей, 1586. 47 с.

5. Зливко С. Д. Образный компонент научных лингвистических текстов (на материале работ известных русских языковедов): АКД. Казань, 2008. 18 с.

6. Пулов Е. В. Особенности метафоризации научного языка И. А. Бодуэна де Куртенэ // Язык и личность: различные аспекты исследования. Саранск, 2014. С. 324–328.

АРТАМОНОВА Марина Владимировна (*Владимир, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
vladphilolog@yandex.ru

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ КОМПОНЕНТОВ УСТОЙЧИВЫХ СОЧИНТЕЛЬНЫХ СОЧЕТАНИЙ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению семантической детерминации компонентов, которая наблюдается не только в сочетаниях подчинительного типа, но и во фразеологизмах, а также устойчивых сочетаниях сочинительного типа. Детерминация (или взаимообусловленность) компонентов сочинительных сочетаний является одной из особенностей семантической структуры парных именований – устойчивых сочетаний древнерусского текста, выражающих синкретичное значение парности.

Ключевые слова: древнерусский текст, устойчивые сочетания, семантическая детерминация, синкретичное значение.

Abstract. The article considers the semantic determination of components, which is observed not only in the combinations of words of subordinate type, but also in phraseological units and in the set combination of words of the coordinating type. The determination (or interdependence) of the components of set combination of words of the coordinating type is one of the features of the semantic structure of binary denominations – the set combinations of words of the old Russian text expressing the syncretic meaning of binarity.

Keywords: old Russian text, set combinations of words, semantic determination, syncretic meaning.

«Сочинение с точки зрения логики может быть представлено как соподчинение, то есть не прямое опосредованное отношение между двумя понятиями. Эта опосредованность обусловлена тем, что два понятия, подчиненные некоторому третьему понятию, могут показаться ничем не связанными друг с другом, по крайней мере, - непосредственно. В этом плане сочинение представляет собой параллельное вхождение (включение) объемов двух понятий в объем третьего» [3: 26]. Компонен-

ты сочинительных конструкций являются грамматически равноправными, эквивалентными и семантически равноправными, однако многие бинарные сочинительные конструкции функционируют с отношениями обусловленности, детерминации между компонентами. Многие исследователи указывают на то, что сочинительная связь не является однозначной с точки зрения логики, она представлена в соединениях однофункциональных, грамматически равноправных и семантически независимых (необязательно предполагающих друг друга) форм слов, однако в древнерусском и русском языке обнаруживаются бинарные сочинительные конструкции, демонстрирующие не равноправие компонентов, а семантическую зависимость одного компонента от другого, то есть детерминацию.

Семантическая детерминация компонентов в бинарных сочинительных конструкциях в первую очередь характеризует фразеологические единицы типа *авось да небось, альфа и омега, без суда и следствия, без шума и пыли, в пух и прах, и да и нет, денно и ночью, и смех и горе, и стар и млад, семя и овано, и хорошо и плохо, ни жив ни мертв, ни рыба ни мясо, ни свет ни заря, ни шатко ни валко, словом и делом, хлеб да соль, хлеб и вода*. Наличие семантической детерминации в бинарных фразеологических сочетаниях отмечается В. Л. Архангельским, определяющим отношения внутренней зависимости между компонентами названных фразеологических единиц как «взаимную детерминацию» – «наиболее тесную, двустороннюю зависимость, при которой один член фразеологической единицы как единица определенного уровня языковой структуры предполагает существование второго члена как единицы того же или смежного уровня, и наоборот: второй член как единица определенного уровня предполагает существование первого члена как единицы того же или смежного уровня» [2: 111–112]. Семантическая детерминация компонентов во фразеологизмах сочинительного типа может быть обусловлена разными типами их семантической взаимозависимости: причинно-следственной, темпоральной, локальной, иконической и др.

Семантическая детерминация компонентов сочинительных конструкций в большей мере характерна для древнерусских устойчивых со-

четаний, известных в лингвистической литературе как парные именованья – устойчивые сочетания синтагматического типа с синкретичным значением парности. Соединение однородных, рядоположенных существительных в парных именованьях, основанное на семантической детерминации и аттракции компонентов, по нашим наблюдениям [1: 66], один из самых распространенных способов семантической организации подобных сочетаний. Такая семантическая организация предполагает образование бинарной оппозиции, членами которой являются семантически неравноправные, несимметричные единицы, обозначающие неравновеликие части целого понятия, но при этом каждый из компонентов обозначает понятие, предполагающее обязательное существование (наличие) другого компонента – понятия.

В парных именованьях возникают разные типы семантической детерминации, предполагающей соотношение компонентов, как ‘часть целого ~ часть целого’, ‘целое ~ часть целого’, ‘причина ~ следствие’ и др.

Так, например, синкретичное значение ‘часть целого ~ часть целого’ реализуется в парных именованьях, компоненты которых обозначают составные элементы единого целого (одного предмета, признака). В парных именованьях с данным значением соединяются понятия об однородных, рядоположенных предметах: например, компоненты парного именованья *злато и сребро* представлены существительными, связанными семантическими отношениями *часть целого* и *часть целого* (*злато* – ‘деньги из золота’, *сребро* – ‘деньги из серебра’, *злато и сребро* – ‘деньги, богатство’). В древнерусских письменных памятниках парное именованье *злато и сребро* употребляется в нерасчлененном значении ‘деньги, богатство’ [7: 1 - 995, 996; 3 - 335]: «*Фрязи же и вси воеводы ихъ възлюбиша злато и сребро...*» (Повесть о взятии Царьграда); «*Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити..., а злата и сребра ни мало того потрепати!*» (Слово о полку Игореве); «*Егда възмужаетъ сынъ мой, дай же ему злато и сребро*» (Киево-Печерский патерик). Устойчивое сочетание *злато и сребро* в этом синкретичном значении обнаруживает высокую степень семантической спаянности, основанную на детерминации, взаимообусловленности компонентов.

Семантическая детерминация в устойчивых сочетаниях сочини-

тельного типа хорошо прослеживается в парных именовании, компоненты которых связаны как 'часть целого ~ целое'. Такие единицы обнаруживают следующие семантические особенности: содержание одного компонента устойчивого сочетания включает в себя семантическое содержание другого компонента. Например, в парном именовании *времена и лета* объединились два имени существительных со значением времени, реализуя отношения целого и его составной части: «Словарь древнерусского языка XI-XIV вв.» определяет значение слова *время* как 'форму материального существования, протекающего в определенный временной отрезок' [6: 1 – 493], и значение слова *лето* как 'время, год' [6: 1 – 461]. В этом же словаре находит отражение и устойчивое сочетание *времена и лета* с нерасчлененным значением 'период, эпоха': «...*глаголю же господина преподобнаго Сергия... в дни наша, въ последняя времена и лета*»; «...*некогда въ грядущаа времена и лета въ постном житии просиати ему...*» (Житие Сергия Радонежского); «*Яко же изволися человеколюбцю богу о своей твари, на вся времена и лета промышляя роду человеческому и полезнаа даруя*» (Киево-Печерский патерик). Употребление парного именовании *времена и лета* в указанном значении в древнерусском тексте есть проявление синкретичного понимания времени средневековым человеком: время – это длительность бытия, не распадающаяся на временные отрезки (например, *год, день, час*), время представляет собой непрерывную последовательность явлений и состояний материи, объединенных в одно целое. Благодаря душе время воспринимается как длительность, непрерывность, которая объединяет прошлое и будущее» [4: 136]. В древнерусском тексте употребление парного именовании *времена и лета* есть отражение восприятия времени как единства, являющегося образом вечного, образом «абсолютного присутствия Бога», с точки зрения средневековой философии.

Свойственная современным фразеологическим единицам причинно-следственная детерминация компонентов обнаруживается и в семантической структуре некоторых парных именовании в древнерусском тексте. К парным именовании, компоненты которых семантически связаны как *причина* (явление, обуславливающее возникновение другого явле-

ния) и *следствие* (результат чего-либо), можно отнести такие устойчивые сочетания, как *кроткий и съмереный, сильный и всемогий, золь и ужасень*.

Компоненты парного именованя *кроткий и съмереный*, выраженные именами прилагательными (употребляющимися в тексте и в краткой, и в полной форме), сближаются в значении 'покорный': *кроткий* – 'кроткий, покорный, тихий, скромный, незлобивый' [6: 4 – 304]; *съмереный* – 'покорный' [7: 3 – 764]. Лексические единицы *кроткий, съмереный* соотносятся друг с другом как причина и следствие: наличие у человека такого признака, как *съмереный*, есть результат приобретения признака *кроткий*.

Соединение двух синонимичных прилагательных в составе парного именованя необходимо с целью усиления качества, возведения признака, названного сочетанием, в наивысшую степень его проявления: человек, наделенный признаком «*кроткий и съмереный*», – нравственный, праведный человек, исполненный покорности, поэтому определение, выраженное парным именованем *кроткий и съмереный*, чаще всего согласуется в древнерусском тексте со словами, называющими различных святых, блаженных, почитаемых и прославленных князей: «*Бысть же Иоанъ смерень же и кротокъ, ... речистъ же, книгами святыми утѣшая печалныя...*» (Повесть временных лет); «*Преставися Пиньский князь Юрьи, сынъ Володимировъ, кроткий, смиренный...*» (Галицко-Волынская летопись). Причинно-следственная связь компонентов представлена также в парных именованях *сильный и всемогий, золь и ужасень*: «*Господи боже сильный и всемогий, своим словомъ все созидаю и растая, что ми, господи, проявишь, грешному рабу своему и на том стану*» (Галицко-Волынская летопись); «*... и бысть сеча зла и ужасна*» (Повесть о разорении Батыем Рязани).

С нашей точки зрения, именно семантическая детерминация компонентов парных именованей, которая в большей степени свойственна сочетаниям подчинительного типа и в меньшей степени – сочинительного типа, обуславливает возникновение особого обобщенного (нерасчлененного, синкретичного) значения и проявление структурно-

сигнификативной синкретсемии [5: 50], характерной для устойчивых сочетаний синтагматического типа в древнерусском тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонова М. В. Парные именованья в древнерусском тексте. Владимир: ВГГУ, 2009. 209 с.
2. Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Изд-во Ростовского университета, 1964. 316 с.
3. Левицкий Ю. А. Основы теории синтаксиса: учебное пособие по спецкурсу. Перм. ун-т; Перм. пед. ун-т. Пермь, 2001. 236 с.
4. Никитич Л. А. Средневековая философия // Философия: учебник для вузов. М.: Изд-во ЮНИТИ ДАНА, 2000. С. 132-146.
5. Пименова М. Вас. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.; Филологический факультет СПбГУ; Владимир: ВГПУ, 2007. 415 с.
6. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. В 10-ти т. / Под. ред. Р. И. Аванесова, Д. С. Улуханова. М., 1988-2002. Т. 1-6.
7. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3-х т. М., 1958.

**АХМЕТОВА Софья Дмитриевна,
БОГРОВА Ксения Михайловна (Владимир, Россия)**

магистрант
кандидат филологических наук
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
vladlingvist@yandex.ru

К ВОПРОСУ О НАРУШЕНИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ НОРМ (на примере письменных работ владимирских школьников)

Аннотация. В статье проанализированы семантические ошибки, допускаемые в письменных работах владимирскими школьниками.

Ключевые слова: языковая норма, семантические ошибки.

Abstract. The article analyses semantic mistakes made by school students from Vladimir in their written works.

Keywords: language norm, semantic mistakes.

Языковая норма – это образец употребления языковых единиц, общепринятый и обязательный для всех носителей языка. Норма призвана обеспечить эффективную коммуникацию. Кроме того, соблюдение или нарушение норм литературного языка является как бы «лакмусовой бумажкой» при определении социального статуса личности, поэтому стремление учителей научить соблюдать языковые нормы – это стремление сформировать развитую и культурную личность. Этим определя-

ется актуальность нашего исследования, поскольку, зная, какие лексические ошибки допускают учащиеся и причины их появления, можно выработать тактику борьбы с ними и способы их предупреждения.

В настоящее время существует множество методических работ, посвященных классификации ошибок, допускаемых учащимися в письменных работах и в устной речи. Однако учителя русского языка и литературы до сих пор испытывают затруднения при квалификации той или иной ошибки, часто не разграничивая речевые, грамматические и логические ошибки.

В данной статье поговорим о речевых ошибках, а точнее о семантических, возникающих при употреблении слова в несвойственном ему значении.

Семантические ошибки выявить сложно, поскольку необходимо смотреть внутрь слова, на его смысл. При этом учитель сам должен обладать богатым словарным запасом, чтобы обнаружить смысловые ошибки как в письменной, так и в устной речи учащихся.

Причины возникновения подобных ошибок связаны с тем, что, во-первых, учащиеся неточно понимают значение слова и поэтому неверно употребляют его в речи, а во-вторых, зная исходное значение слова, создают новое значение, основанное на различных ассоциациях.

Выделяют семантические ошибки разного типа.

1. Ошибки в употреблении «паронимов – однокоренных слов, близких по звучанию, но разных по значению или частично совпадающие в своем значении» [4: 309]. Смешение паронимов – довольно частотная ошибка в речи учащихся. Например, в предложении «*Не стоит забывать о природе, ведь она благотворительно влияет на нас*» употреблено наречие «*благотворительно*», образованное от прилагательного «*благотворительный*», реализуемого значение 'имеющий целью оказание материальной помощи неимущим' [2: URL], в то время как в данном контексте нужно употребить наречие «*благотворно*».

2. Ошибки в употреблении синонимов. Нередко подобные ошибки в речи учащихся возникают потому, что школьник с целью избежать тавтологии заменяет одно слово другим, не учитывая смысловые оттенки в значении синонимов. Например, неразличение синонимов мы наблюда-

ем в предложении *«После того, как Синцов разглядел природу и что она из себя представляет, ему захотелось жить»*. Учащийся смешал глаголы *«разглядеть»* и *«увидеть»*, которые имеют общую в значении сему – ‘воспринять зрением’, при этом глагол *«разглядеть»* имеет дополнительную сему – ‘пристально вглядываясь’.

3. Ошибки в употреблении антонимов. Например, в предложении *«Все чаще можно встретить людей, наделенных альтруизмом, каждый из них старается для себя»* ученик вместо существительного *«эгоизм»* (‘поведение, целиком определяемое мыслью о собственной пользе, выгоде, предпочтение своих интересов интересам других людей, себялюбие’ [5: URL]) употребляет слово *«альтруизм»* (‘бескорыстная забота о благе других, готовность жертвовать для других своими личными интересами’ [1: URL]).

4. Ошибки, связанные с расширением объема значения. Например, в предложении *«Он разглядывал опушку, заросшую кустами и лесами»* мы наблюдаем расширение объема значения существительного *«опушка»*, реализующего в литературном языке значение ‘край леса’. В данном случае учащийся, возможно, имел в виду *поле* или т. п.

5. Ошибки, связанные с изменением значения исходного слова. Подобная ошибка встречается, например, в контексте *«Когда военнослужащие пребывали возле костра, они заметили двух раненых французов. Они были измотаны. Но русские обыватели помогли недругам, предоставили им кашу и воду»*. Ученик придает слову *«обыватель»* значение ‘тот, кто находится/пребывает где-либо (в данном случае – у костра)’, в то время как в литературном языке анализируемое существительное имеет два значения: 1) устар. ‘постоянный житель какой-либо местности’; 2) ‘человек, лишенный общественного кругозора, с косными, мещанскими взглядами, живущий мелкими, личными интересами’ [3: URL].

Итак, наличие в речи учащихся семантических ошибок говорит о том, что учителю-словеснику необходимо формировать навыки формулирования лексического значения слова, навыки лексического анализа. Предупредить лексические ошибки в речи учащихся возможно, если учитель сам обладает точной, выразительной речью, прививает любовь

к книге, помогает своим ученикам пополнять их словарный запас, формирует навык выбора языковых средств в зависимости от стиля и ситуации общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альтруизм // Словарь русского языка: в 4 тт. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. – Режим доступа: <https://kartaslov.ru/значение-слова/альтруизм>
2. Благотворительный // Словарь русского языка: в 4 тт. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Режим доступа: <https://kartaslov.ru/значение-слова/благотворительный>
3. Обыватель // Словарь русского языка: в 4 тт. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Режим доступа: <https://kartaslov.ru/значение-слова/обыватель>
4. Розенталь Д. Э. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. М.: Оникс, 2008. 624 с.
5. Эгоизм // Словарь русского языка: в 4 тт. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. – Режим доступа: <https://kartaslov.ru/значение-слова/эгоизм>

БАКИРОВ Поян Уралович (Термез, Узбекистан)

доктор филологических наук, профессор
Термезский государственный университет
bakirov.poyan@mail.ru

ТЮРКИЗМЫ И ИХ ОМОНИМИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются тюркизмы русского словаря, анализируются точки зрения ученых, занимающихся заимствованием тюркоязычных слов в лексическом составе русского языка, даётся краткий обзор изучения слов из тюркских языков в историческом аспекте, подвергаются анализу омонимические отношения тюркизмов с другими словами русской лексики, приводятся конкретные примеры омонимических пар с тюркизмами.

Ключевые слова: русский язык, тюркские языки, взаимодействие и взаимообогащение языков, лексика, заимствование, тюркизмы, семантические группы, омонимы.

Abstract. The article discusses the Türkism of the Russian dictionary, analyzes the points of view of scientists involved in borrowing Türkic-speaking words in the lexical composition of the Russian language, provides a brief overview of the study of words from the Türkic languages in a historical aspect, analyzes the homonymous relations of the Türkisms with other words of the Russian vocabulary, gives specific examples of homonymous pairs with Turkism.

Keywords: Russian, Turkic languages, interaction and mutual enrichment of languages, vocabulary, borrowing, Turkism, semantic groups, homonyms.

Изучение проблемы взаимодействия и взаимообогащения языков является актуальной задачей современной лингвистики. «Среди всех

тех проблем, которыми занимается в настоящее время языковедение, нет, пожалуй, ни одной столь важной, как проблема языкового смещения. Она должна быть подвергнута тщательному изучению прежде всего там, где имеются наиболее благоприятные условия как для наблюдения самого процесса смещения, так и для его научного изучения», – писал в начале XX века австрийский лингвист Г. Шухардт [9: 175]. Под «языковым смещением» он понимал «взаимовлияние языков».

Русский язык играл и играет важную роль в обогащении словарного запаса других контактирующих языков мира. Многие языки черпают из него большое количество слов и словосочетаний. Но вместе с тем, в своем историческом развитии русский язык также заимствует слова из других языков, так как «все народы суть члены одного семейства – человечества, ... то и необходим между народами обмен понятий, а следовательно, и слов» [8: 169].

Взаимообогащение и взаимовлияние русского языка с тюркскими отражает тот факт, что русский и тюркоязычные народы многие века жили в соседстве, вступали в торговые, военные и другие отношения. «Многовековое взаимодействие русских и тюрков оставило заметный след в лексике, обычаях и культуре тех или иных народов» [5: 39]. Само географическое расположение территорий, заселенных этими народами, способствовало более тесному взаимному обмену во многих областях социальной и экономической жизни этих народов.

Изучение слов тюркоязычного происхождения в русском языке начинается с XVIII века. Хотя этот вопрос был поставлен еще два века тому назад, но нельзя сказать, что данная проблема решена в настоящее время окончательно. Как отмечают известные лингвисты, «...вопрос о серьезном и тщательном научном анализе лексических заимствований в русском языке... и, главным образом, тюркских, остается открытым, хотя удельный вес тюркских элементов и слов, проникших из различных восточных языков через тюркские языки, является довольно значительным» [7: 49].

Н. Л. Баскаков пишет: «Если в современной науке имеется уже немало специальных исследований, посвященных анализу русизмов в лексике, грамматике и фонетике тюркских языков, то исследований, по-

священных анализу тюркизмов в русском и других славянских языках, еще недостаточно, хотя для глубокого понимания процессов развития национальной культуры как славянских, так и тюркских народов эти исследования представляются весьма важными» [2: 5].

Слова тюркоязычного происхождения имеют свое определенное место в лексике русского языка. Вошли они в русский язык в разные исторические периоды.

Первый из опытов сопоставления русских слов со словами восточного происхождения относится к 1769 году. В этом году в сатирическом журнале Василия Тугова «Поденщина» был опубликован список слов русского языка, сходных со словами восточных языков [3: 364].

В течение всего XIX столетия продолжается исследование тюрко-русских языковых связей. Научная разработка этой проблемы была начата только в конце XIX века вместе с появлением научных этимологических словарей и специальных этимологических исследований.

В XX веке лингвистической наукой вновь интенсивно изучается русско-тюркское языковое взаимовлияние, что является несомненным свидетельством актуальности настоящей проблемы. Тюркоязычным по происхождению словам в составе русской лексики посвящено большое количество работ. В этих работах тюркизмы русского языка рассматриваются в различных аспектах.

С точки зрения тематики заимствованные тюркоязычные слова разнообразны и проникали во все семантические группы русской лексики. Эти слова обозначают названия лиц, названия домашней утвари, предметов быта, названия животных, птиц, насекомых, рыб, названия головных уборов, национальных украшений, названия растений, плодов, изделий из них, названия тюркских народностей, названия построек и строительного дела, названия блюд, сладостей, названия ландшафта, природных мест, сельскохозяйственных угодий, названия веществ, материалов, изделий из них, названия напитков, военно-административные термины, термины, относящиеся к абстрактной лексике, оценочные слова, названия обычаев, национальных праздников, названия денег, названия музыкальных инструментов, названия транспортных средств, названия погодных условий, названия населенных пунктов и др.

В последние годы стали чаще появляться работы, посвященные определенным тематическим группам тюркизмов. Лексико-семантический (тематический анализ) применяется многими исследователями заимствованной лексики, так как он «...позволит выявить функциональную сторону заимствований, установить сферу употребления и, в какой-то мере, причины заимствования. Кроме того, использование тематического анализа удобно при подсчете статистических данных, с помощью которых можно, к примеру, установить активность-пассивность, освоенность-неосвоенность заимствованной лексики, выявить наиболее активную сферу ее употребления» [1: 202].

Анализируя тюркизмы, именно названия лиц тюркского происхождения в лексико-семантической структуре русского языка, нельзя не сказать об отношениях омонимии, в которые вступают некоторые из них.

В результате различных языковых процессов в языке появляются слова, совпавшие по звучанию. Они называются омонимами. Если «многозначные слова определяются как слова, семантический стержень которых образован несколькими лексико-семантическими вариантами, а омонимы, как разные слова, имеющие в силу тех или иных причин, тождественные звуковые оболочки» [6: 159.].

В нашем материале в 13 случаях названия лиц тюркоязычного происхождения состоят в омонимических отношениях либо между собой, либо с другими словами русского языка (не тюркского происхождения): **ага**¹⁻³, **бай**¹⁻², **бакша**¹⁻², **баскак**¹⁻², **басма**¹⁻², **башлык**¹⁻², **бек**¹⁻², **темник**¹⁻², **трун**¹⁻², **улан**¹⁻², **чауш**¹⁻², **ханжа**¹⁻². В одном случае тюркоязычное название лица **бей** «в старой Турции – титул мелкого вассального князя; теперь прибавка к имени в значении господин» (Ушаков, т. I. с. 118) и русское слово **бей** (повелительное наклонение от глагола *бить*) составляют омоформу, т.е. грамматический омоним.

Некоторые вышеуказанные омонимы носят областнический или просторечный характер: **ага**², **бакша**¹⁻², **баскак**², **басма**², **башлык**², **улан**².

Известно, что омонимы в языке возникают несколькими путями. Например, исконно разные слова (как слова родного языка, так и заим-

ствованные из другого языка) могут совпасть по звучанию в результате особенностей их фонетического развития [6: 149].

Омонимические отношения тюркоязычных слов с другими тюркоязычными словами, по-видимому, чаще всего являются: а) результатом заимствования разных слов из разных тюркских языков или б) результатом неоднократного заимствования каких-то слов из одного и того же тюркского языка [4: 43 – 44].

А. **Башлык**¹ (из тат.) «теплый головной убор, надеваемый чаще поверх шапки – суконный капюшон с длинными концами» и **башлык**² (из тур.) «предводитель, начальник» (Даль, т. I. с.56, СРНГ, вып. 2, С. 165)¹.

Б. **Баскак**¹ (из тат.), «при татарском иге – представитель ханской власти и сборщик дани», **баскак**² (обл. вят. тамб.) «смелый, бойкий или наглый, дерзкий человек» (Даль, т. I, С.52, СРНГ, вып.2, С. 131). Слово **баскак** в данном значении также заимствовано из татарского языка. **Ба́сма**¹ (с ударением на первом слоге) (тат.) «темная растительная краска для волос» **Басма́**² (с ударением на последнем слоге) (тюрк.) «1. *ист.* Тонкая металлическая пластинка с изображением хана, выдававшаяся монголо-татарскими ханами в 13 – 15 вв. как верительная грамота. 2. Тонкий металлический (в основном серебряный) лист с тиснеными узорами, применяемый для украшения чего-н. *Оклад иконы из басмы* (Крысин, 118). Кроме того, в диалектах **басма́**² «болван, дурак, идол, негодяй» (Даль, т. I, с. 52, СРНГ, Вып. 2, с. 195). Данное значение слова **басма**, по-видимому, связано с отрицательным отношением находящегося под татарским игом населения к изображениям, грамотам и приказам, исходящим от хана (Шипова, с. 66). **Чауш**¹ (тур.) «столовый сорт винограда; виноград этого сорта», **чауш**² (тур.) «судейский служитель в Турции».

Омонимия тюркоязычных названий лиц с заимствованными словами другого происхождения (не тюркского) представлена в нашем материале следующими омонимическими парами:

Бек¹ (англ.) *спорт.* игрок в спортивных играх, защищающий город (ворота) своей команды на ближайшем к воротам участке. **Бек**² (тюрк.) *дорев.* в Закавказье и в Средней Азии титул, присваиваемый: а) людям

¹ Список сокращений см. в конце статьи.

знатного происхождения, б) князьям или начальникам небольших племен, в) должностным лицам – военным и чиновникам.

Ханжа¹ (тюрк.) притворно-добродетельный, притворно-набожный человек, лицемер. **Ханжа**² (китайс.) китайская хлебная водка желтого цвета, ханшин.

Омонимия тюркоязычных и исконно русских слов возникла в результате того, что слово тюркское и слово исконно русское совпали в звучании. **Ага**¹ (собст. рус.) *междом.* Выражает догадку, радостное удивление и т.п. **Ага**² (собст. рус.) *частица.* Употребляется в просторечии для выражения согласия, утверждения: то же что да, хорошо, согласен. **Ага**³ (тюрк.) титул помещика, начальника в Турции, Иране, в дореволюционном Закавказье. **Бай**¹ – (собст. рус.) *межд.* Припев колыбельной песни. **Бай**² (тюрк.) В Средней Азии до революции – богатый земледелец или скотовод. **Темник**¹ (собст. рус.) школьн. список, сборник тем для сочинений, рефератов и т.п. **Темник**² (тюрк.) стар. татарский военный начальник, командующий десятитысячным войском. **Трун**¹ (собст. рус.) *обл.* тряпка. **Трун**² (тюрк.) *стар.* знатный человек у волжских болгар.

Наблюдения показали, что тюркизмы анализируемой тематической группы входят в омонимические отношения с другими исконными или заимствованными словами русского языка. Омонимия тюркоязычных и исконно русских слов возникла в результате того, что тюркское слово и исконно русское совпали в звучании. Наблюдается омонимия тюркоязычных слов с заимствованными словами другого (не тюркского) происхождения. Тюркоязычные названия лиц состоят в омонимических отношениях с другими тюркскими словами русского словаря.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аюпова Л. Л. Из истории изучения тюркских заимствований в русском языке // УЗ Башкир. ун-та. Сер. Филол. наук. 1975. №28. Вып. 86. С. 202.
2. Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979. С.5.
3. Добродомов И. Г. Некоторые вопросы изучения тюркизмов в русском языке // Вопросы лексики и грамматики русского языка. М., 1967. С.364.
4. Калинин А. В. Лексика русского языка. 2-е изд. М. 1978. С. 43–44.
5. Кононов А. Н. «Родословная туркмен»: Сочинение Абу-л-гази хана хивинского: Исследование, тексты, перевод. М.;Л., 1958. С.39.
6. Пророкова В. М. К вопросу о частичной семантической омонимии (на материале имен существительных современного немецкого языка) // Филологические науки. 1959. № 2. С. 159.

7. Развитие и обогащение русского языка за счет заимствований из языков народов СССР / Баскаков Н.А., Абаев В.И., Бертагаев Т.А. и др. // Взаимодействие и взаимообогащение языков народ СССР. М., 1969. С.49.

8. Русские писатели о языке: Хрестоматия / Под общ. ред. А. М. Докусова. Л., 1955. С.169.

9. Шухард Г. Избранные статьи по языкознанию / Пер. с нем. А. С. Бобовича; Ред., предис. и примеч. Р. А. Будагова. М., 1950. С. 175.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1978–1980

Крысин – Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2010. 944 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина. М., 1964–1987. Вып. 1– 23.

Ушаков – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1934–1940. Т. 1–4.

Шипова – Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976. 444 с.

БЕКАСОВА Елена Николаевна (*Россия, Оренбург*)

доктор филологических наук, доцент
Оренбургский государственный педагогический университет
bekasova@mail.ru

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ РЕФЛЕКСОВ ПРАСЛАВЯНСКИХ СОЧЕТАНИЙ *tj, *gt, *kt В СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматривается история возникших на русской почве коррелятов с рефлексами *tj, *gt, *kt и указывается невозможность их исходной эквивалентности в древнерусских рукописях. Основные процессы распада оппозиций из группы отдельных слов показывают закономерности внедрения южнославянских элементов и их взаимодействия с исконными рефлексами в системе принимающего языка, что отразилось на асимметричности их представления в современном русском литературном языке.

Ключевые слова: древнерусский язык, русский литературный язык, рефлекс-ы праславянских сочетаний *tj, *gt, *kt, морфологические корреляты.

Abstract. In this article the story of the correlates which arose on the Russian soil with reflexes *tj, *gt, *kt is considered also is specified impossibility of their initial equipol- lency in Old Russian manuscripts. The main processes of disintegration of oppozit of group of separate words show regularities of introduction of South Slavic elements and their interaction with primordial reflexes in the system of the accepting language that af- fected asymmetry of their representation in the modern Russian literary language.

Keywords: Old Russian language, Russian literary language, reflexes praslavyanskikh of combinations * tj, * gt, * kt, morphonological correlates.

В русистике сложилось мнение, плавно перетекающее в мифотворчество, о глобальной значимости в истории русского языка старославянского языка, определяющего не только формирование литературной страты, но и всего русского языка. Отсюда безапелляционность утверждений типа «всем известно, что русский язык по происхождению старославянский», попытки в диссертационном исследовании рассмотреть старославянские рефлексы в деловых документах XVIII в. и их преимущества в виде слов с «неполногласием» типа *президент* и «*dj» типа *ждать*. В этом случае речь идёт не только о псевдонаучных выводах и построениях, которыми в наше время наполняются работы некоторых «профессиональных языковедов (или считающих себя таковыми)» [3: 133], но и об элементарном незнании истории языка в рамках вузовской программы. С другой стороны, к этому приводит отказ от «на первый взгляд исчерпывающе известных классических сюжетов славянской филологии» [4: 348], нежелание внедряться в длительную, почти двухсотлетнюю историю научного изучения праславянских рефлексов и особенностей их реализации на русской почве и желание идти по лёгкому пути вульгарного упрощенчества, декларативности и невежества.

В связи с этим предлагается анализ семантической структуры генетически соотносительных пар этимологически родственных слов с рефлексами праславянских сочетаний *tj, *gt, *kt, которые в истории русского языка хрестоматийно рассматриваются в качестве диагностирующих признаков для установления генетической принадлежности памятников письменности, для построения схем языковой ситуации и гипотез происхождения русского литературного языка.

Следует отметить, что в отличие от группы слов с полногласием / неполногласием и рефлексами *dj лексика с рефлексами *tj достаточно чётко поляризовалась в древнерусских рукописях, особенно в системных глагольных образованиях типа *выплачу*, *ворочати* – *возращати*, *священный* и под. [1: 8-67]. Немногочисленные дублиеты распались в пользу наиболее соответствующих морфонологическим чередованиям формо- и словообразовательных моделей. Морфонологическая соотносительность была возможна в группе отдельных слов (А. А. Шахматов) – наиболее гибкой в генетическом плане, поскольку она не

была связана системными связями и не зависела от морфонологической позиции альтернации. При этом пары *мощь* – *мочь* лишь подчёркивают общую закономерность сохранения одного из возможных (реально или гипотетически) членов, ср.: *пещера* – *Печерский* монастырь, *общество* – диалектное *обчий*, *овощь* – диалектное *овочь*, *ночь* – *всенощная*.

Достаточно показателен в этом плане анализ соотношения генетических коррелятов *ночь* / *нощь*. Судя по «Словарю русского языка XI–XVII вв.», исконное слово *ночь* в древнерусском языке имеет значительный перевес в словообразовательном и семантическом плане: ср. *ночь* 1. Ночь. 2. Ночь как один производственный цикл при ловле рыбы, а также улов за одну ночь. 3. Один производственный цикл в солеварении. 4. *Ночь, ночью* в значении наречия. 5. Север. – *нощь (ношть)* 1. Ночь. 2. Тьма, мрак [6: 433, 435].

Производные с корнем в южнославянском оформлении, как правило, или дублируют соответствующие исконные образования (обычно с суженной семантической структурой типа *ночлежь (ноцлежь)* – *нощлежь*; *ночьствовавать* – *нощьствовавать* и др.), или образуют сложные слова типа *нощелудие, нощьдень, нощеденница, нощетатьство* и под. Такое специфическое положение определяет судьбу корня в южнославянском оформлении в XVIII в., когда варианты типа *нощь, нощью, нощьюной, нощевати* имеют ограничения употребления, о чём свидетельствуют пометы *слав.*, реже *кн.-слав.* (*нощница* – сова) и указания на выход из употребления [9: 187-190]. Остатками являются слово *всенощная*, за которым закрепилось одно из значений пары *всенощный (слав.→нейтр.)* – *всеночный (прост.)* – ‘церковная служба на воскресенье и праздники, продолжающиеся всю ночь’, и фразеологизм *денно и ношно*. Интересно отметить, что в качестве просторечного варианта в данном значении выступает также *всенощна* [8: 146], что является ещё одним доказательством того, что в XVIII в. наличие южнославянского рефлекса не всегда показатель определённой стилистической окраски.

К таким же результатам привела корреляция *дъчи (дочь, дочерь, дочи)* / *дъщи (дщерь)*. Несмотря на то, что член в южнославянской огласовке имел дополнительные значения (2. *Лицо, женского пола по от-*

ношению к старшему по возрасту и по социальному положению. 3. *Крёстная дочь*), он значительно, почти в два раза, проигрывал в частотности употребления [5: 127]. В XVIII в. вариант *дщерь* (*дщи*) имеет помету *слав., ритор., поэт.* и характеризуется выходом из употребления.

Такой результат весьма показателен в сопоставлении с достаточно высокой частотностью южнославянских членов в сохранившихся памятниках старославянского языка: *нощь* – более 180 и *дъщи* – более 500 случаев употребления.

С другим результатом произошёл распад коррелятов *пещера* / *печера*, имеющих тождество значений и практически одновременную фиксацию в памятниках древнерусской письменности (соответственно 1057 г. и 1076 г.). При этом следует подчеркнуть перевес образований с альтернантом *ч* над соответствующими южнославянскими эквивалентами, ср.: *печерка* / *пещерка*, *печерный* / *пещерный*, но *печерник* (отшельник, живущий в пещере), *печерский* (живущий в пещере) [7: 38-40, 42-43].

По всей видимости, тождество значений и незначительный круг однокоренных образований привели к фиксации в XVIII в. члена в южнославянском оформлении, что в целом было характерно для оппозиции типа *одежа* – *одежда* и под. (подробнее см.: [2]).

В других случаях возможно было сохранение гетерогенности при частеречном расхождении пар, что решало одновременно и проблему существования омоформов. Так произошёл распад коррелятов *мощь* / *мочь*, *помощь* / *помочь*, в целом тесно связанных с судьбой инфинитивных пар типа *тещи* / *течи*, *жещи* / *жечи*: в существительных закрепился южнославянский по происхождению рефлекс, а в глаголах типичный для инфинитива исконный рефлекс.

Кстати, глагольные формы типа *вижь* / *виждь*, *мечи* / *мещи* в определённой степени примыкают к группе «отдельных слов» не только отсутствием широких системных связей, в которых могли бы быть задействованы гетерогенные финали корня, но и необходимостью распада генетически соотносительных пар, не осложнённых ни семантической, ни словообразовательной дифференциацией.

Генетически неоднородные формы инфинитива изначально находились в разной степени предпочтительности. Как правило, гетероген-

ное обличье характеризует бесприставочные глаголы и только отдельные приставочные образования, ср.: *бечи* (*за-, на-, в-, вз-, из-, воз-, при-, до-, по-, про-, от-* и др.) – *бещи* (*пребещи*), *подбечи* – *подбещи*, *сбечи* – *сбещи* и под. Такое положение изначально способствовало преобладанию исконных инфинитивов (по данным словарей, почти в 4 раза), а в дальнейшем и его закреплению в качестве единственно возможного. Уже в Словаре XVIII в. формы на *-щи* сопровождаются стилистическими пометами *слав.* и нередко указаниями на выход слова из употребления.

Следует отметить, что наличие исконного *ч* нередко сопровождается южнославянскими по происхождению элементами типа *пресечи* (ср. *пресещи*), *престречи* (ср. *престрещи*), *предитечи* (ср. *предитещи*), *благотечи*, *претечи*, *облечи*, *отвлечи*, *пренебречи* и др. Такие гетерогены имеют определённую структуру: неполногласные приставки и неполногласный корень сопровождаются финалью инфинитива на *-чи*, для форм на *-щи* возможна лишь гомогенная – южнославянская по происхождению – структура.

Группа «отдельных слов» с рефлексами **tj*, **gt*, **kt* ярко свидетельствует о внедрении южнославянских по происхождению рефлексов в уже имеющуюся систему и процессах дифференциации некоторых возникших оппозиций, которая приводит в большинстве случаев к полному разрушению сосуществующих пар, специализации их значений и словообразовательных потенциалов. Как правило, это приводит или к полной изоляции морфонологических коррелятов, или к их органическому сплаву с элементами семантического, стилистического или словообразовательного расхождения. При этом фоном всегда являются образования с исконным альтернантом, тогда как слова с южнославянским по происхождению рефлексом занимают соответствующую нишу вследствие необходимости выбора, который, как правило, является простой «рокировкой», сопровождающейся присвоением значений генетически соотносительного члена пары.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бекасова Е. Н. Механизмы гетерогенной организации системы русского языка (на материале рефлексов праславянских сочетаний): Монография. Врно: Tribun EU, 2016. 194 с.
2. Бекасова Е. Н. Миф о превосходстве южнославянских по происхождению рефлексов в истории русского языка // Филологические науки. 2005. № 2. С. 42-49.

3. Березович Е. Л. Псевдонаучные построения в современной лингвокультурологии // Четвёртые Моисеевские чтения: национальные и региональные особенности языка: в 2 частях. Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет, 22-24 ноября 2018 г. / сост. и науч. ред. П. А. Якимов. Оренбург: ООО «Изд-во «Оренбургская книга»», 2018. С. 132-138.

4. Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...». СПб.: «Златоуст», 1999. 368 с. (Язык и время. Вып. 2).

5. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. Т. 3. М.: Рус. яз., 1990. 512 с.

6. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 11 (Не–Нятый). М.: Наука, 1986. 457 с.

7. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 15 (Перст – Подмышка). М.: Наука, 1989. 286 с.

8. Словарь русского языка XVIII в. Вып. 4 (Воздух – Выпись). Л.: Наука, 1988. 257 с.

9. Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1 5 (Непочатый – Обломаться). СПб.: Наука, 2005. 286 с.

**БЕЛОВА Екатерина Евгеньевна,
ЭФРЕМОВА Дружана Сергеевна** (*Нижний Новгород, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
магистрант

Нижегородский государственный педагогический университет
имени Козьмы Минина

belova_katerina@inbox.ru
zhannefre@ya.ru

СТРУКТУРНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЕДИНИЦ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ КОДА

Аннотация. Переключение кода – это сложный процесс, организация которого подчиняется определенной структуре. Структурные типы переключения кода помогают определить способность говорящего решать коммуникативную задачу, используя средства нескольких языков, не нарушая при этом их грамматические нормы. В данной статье рассматриваются особенности речи билингвальных персонажей англоязычных художественных текстов с точки зрения структурных типов кодовых переключений.

Ключевые слова: переключение кода, структурный тип, гостевой язык, матричный язык, двуязычная коммуникация

Abstract. Code-switching is a complicated process, and its organization complies with a certain structure. The structural types of code-switching help to identify the speaker's ability to settle communicative issues using the means of several languages and not destroying their grammatical norms. This article considers the speech characteristics of bilingual personages of English literature from the point of view of structural types of code-switching units.

Keywords: code-switching, structural type, guest language, matrix language, bilingual communication

В современном мире вследствие процесса глобализации происходит расширение международного общения, и взаимодействие народов во многих сферах жизни находит отражение в лингвистических процессах взаимного языкового проникновения. Следствием контакта языков считается переключение кода, которое представляет интерес для современных лингвистических исследований. Переключение кода следует понимать как переход говорящего-билингва в процессе речевого общения с одного языка на другой в зависимости от условий коммуникации.

Явление переключения языкового кода, по мнению Е. А. Проценко, представляет собой «попеременное использование элементов двух или более языков в рамках одного коммуникативного акта более или менее двуязычным говорящим» [2: 124].

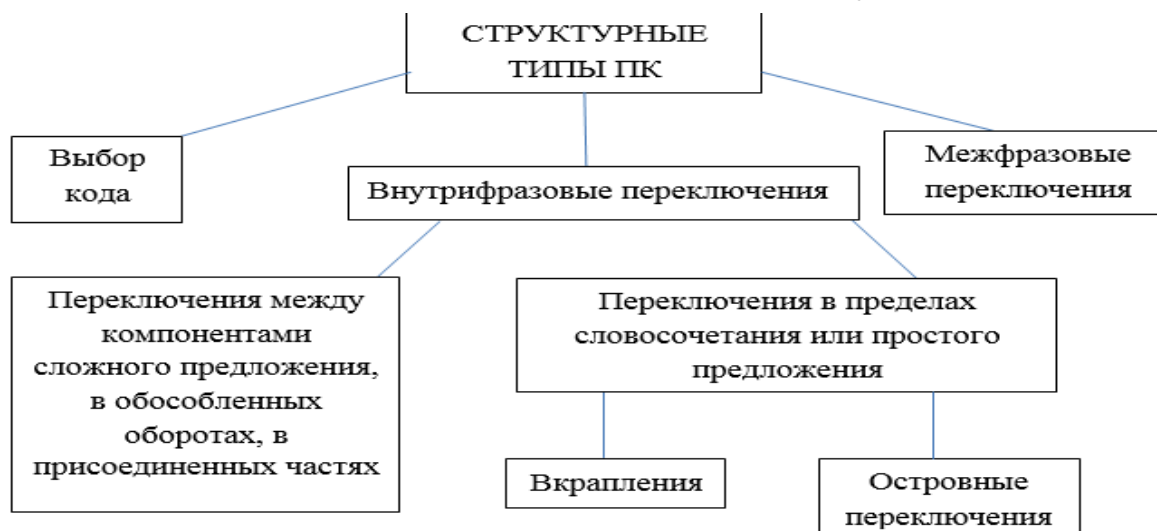
Многие авторы классической и современной художественной литературы являются билингвами, поэтому персонажи их произведений тоже наделяются билингвальностью и используют переключение кода в речи. Переключение кода в художественной литературе подвержено определенной специфике, при которой автор использует в тексте произведения два или более языка для достижения определенного литературного эффекта [1].

Поскольку переключение кода является многоаспектным явлением, появление его в речи билингва происходит в соответствии с определенной структурой. Когда в качестве матричного языка выступает английский, а гостевыми являются такие языки, как французский, итальянский, испанский и др., то появляется возможность возникновения разных структурных типов переключения кода. Как в устной речи, так и в произведении художественной литературы переключения кодов не могут возникать беспорядочно, их структура организуется в соответствии с определенными правилами. При этом в рамках одного словосочетания, предложения или высказывания единицы двух языков соединяются таким образом, что грамматические нормы обоих языков остаются ненарушенными.

Проводя анализ речи билингов, следует понимать различия между матричным языком (МЯ) и гостевым языком (ГЯ). МЯ – язык «прини-

мающий», основной язык общения, ГЯ – это язык «принимаемый», который поставляет свои единицы в высказывания, осуществляемые на МЯ. Однако не все исследователи считают выделение матричного языка правомерным.

Г. Н. Чиршева [3: 76-80] в своих трудах выделяет несколько структурных типов кодовых переключений по месту появления в речи:

Структурный тип **выбор кода** характерен для диалогового общения, где одна из реплик в форме предложения произносится на Я1, а другая – на Я2. Переключения этого типа являются характерными для персонажей, говорящих только или преимущественно на одном языке, как например, Раффаэлла из произведения «*Tell me Something*»: *I ask after Raffaella's health and say how happy I am to meet her at last. She stares at me in confusion. 'Che? Che? Parla Italiano. Parla Italiano'* [6: 65].

В ответ на высказывание Элизабет на английском языке Раффаэлла производит высказывание на родном итальянском языке, поскольку по сюжету книги читателю позднее раскрывается знание Раффаэллой английского языка.

По результатам исследования, структурный тип ПК «выбор кода» составил 32 примера из 300.

Межфразовые переключения кода происходят между разными предложениями в рамках одного высказывания. Важной чертой межфразовых ПК является отсутствие взаимодействия языков, как на морфологическом, так и на синтаксическом уровне, как и в случае выбора кода. Этот структурный тип ПК можно проиллюстрировать следующим примером из произведения «*The Painted Veil*»: *'Que vousetes belle, ma*

chere enfant,' said the Mother Superior. 'It does the heart good to look at you. No wonder these children adore you' [5: 161].

В данном примере настоятельница монастыря осуществляет основное смысловое высказывание на французском языке «Как ты прекрасна, дитя моё». Следующее предложение высказывания, поясняющее предыдущее, на английском языке. Структурный тип «межфразовые переключения» составил 25 из 300 примеров.

Существуют, также, **внутрифразовые переключения** кода, которые могут быть двух типов.

1. Переключения между компонентами сложного предложения, в обособленных оборотах, в присоединяемых частях. Поскольку такие переключения происходят в рамках одного предложения, то возникает определенное взаимодействие между вовлеченными языками на лексико-грамматическом уровне.

Evidemment, it is not exciting on my island, and we are very far from the world – imagine, it takes me four days to come to Tahiti – but we are happy there [4: 216].

В своем высказывании Капитан Бруно произносит французское слово *Evidemment* (очевидно), что представляет собой внутрифразовое переключение, вводное слово, выраженное модальным словом. Структурный тип «переключение между компонентами сложного предложения, в обособленных оборотах, в присоединенных частях» составил 72 из 300 примеров.

2. Переключения в рамках простого предложения или словосочетания могут дифференцироваться по количеству и компонентному составу. Языки могут взаимодействовать следующим образом: предложение может звучать на матричном языке (Я1), который образует грамматическую рамку высказывания, но в нём появляется один или несколько единиц на гостевом языке (Я2). С другой стороны, некоторое количество слов на Я1 может взаимодействовать с фразой на Я2. В простом предложении переключение кода разделяется на два подтипа: вкрапления и островные переключения или острова ГЯ.

а) Вкраплением называется одиночная лексическая единица ГЯ, которая подчиняется грамматическим правилам МЯ. Вкрапления имеют

схожие черты с заимствованными словами, поскольку они состоят из одного слова, которое не сопровождается системными морфемами на ГЯ: *Sadly, whatever pleasantries are being swapped are aborted when these new acquaintances ask the inevitable question – how many bambini do we have* [6: 82]?

Итальянское *bambini* в данном примере является вкраплением, поскольку в высказывании является одиночной лексической единицей ГЯ и подчиняется грамматической рамке матричного английского языка. Структурный тип «Вкрапления» составил 114 из 300 примеров.

б) Островные переключения представляют собой одну или несколько содержательных морфем гостевого языка, сопровождающихся одной или несколькими системными морфемами гостевого языка, такими как флексия, предлог, местоимение, союз и др. Островные переключения могут выполнять разные синтаксические функции: *'I can't wait to taste this famous penne con gamberi e carciofi,' I say, trying to change the subject and atmosphere* [6: 298].

Итальянское *penne con gamberi e carciofi*, что обозначает итальянское блюдо – паста с креветками и артишоками, является островным переключением кода и выступает в качестве дополнения, где системные морфемы *con* – «с» и *e* – союз «и» являются соединительными морфемами гостевого языка. Структурный тип «Островные переключения» составил 75 примеров.

Как показывает исследование, самый многочисленный структурный тип переключения кода составляет группа «вкрапления» (114 примеров), а самый малочисленный – «межфразовые переключения» (25). Наиболее распространенным структурным типом является вкрапление, потому что для осуществления такого ПК достаточно знания нескольких лексических единиц иностранного языка, то есть говорящему не требуется хорошо знать язык, чтобы украсить свою речь одиночными лексическими единицами иностранного языка. Такие типы, как «выбор кода», «межфразовые переключения» имеют более сложную структуру, включают в себя большее количество элементов иностранного языка, требуют от говорящего знания не только лексической системы, но и грамматической,

в связи с чем автору произведения требуется более высокий уровень языковой компетенции для осуществления ПК.

ЛИТЕРАТУРА

1. Минеева О. А., Жулина Е. В. Технология работы с аутентичными текстами, содержащими социокультурный компонент, на занятиях по немецкому языку в неязыковом вузе // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2016. №1 (35). С. 71-77.
2. Проценко Е. А. Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике // Вестник ВГУ: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. № 1. С. 123-127.
3. Чиршева Г. Н. Основы отнобилинговологии: русско-английский материал: Дис. ... докт. филол. наук. СПб.: СПСГУ, 2000. 476 с.
4. Maugham W. S. The Moon and Sixpence. М.: Менеджер, 1999. 320 с.
5. Maugham W. S. The Painted Veil. USA, New York: Penguin Books, 1952. 238 p.
6. Parks A. Tell Me Something. USA, New York: Penguin Books, 2009. 473 p.

**БЕЛЬСКАЯ Анна Эдуардовна,
ШАТАЛОВА Ольга Васильевна** (*Липецк, Россия*)

магистрант
доктор филологических наук, доцент
Липецкий государственный педагогический университет
имени Петра Петровича Семёнова-Тян-Шанского
anya.rudnik@mail.ru

СЛОЖНЫЙ ЭПИТЕТ КАК КООРДИНАТА В «МИРОПОСТРОЕНИИ» ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА

Аннотация. На примере анализа стихотворения «Я куплю себе портрет Сталина» в статье делается попытка определить специфику функционирования сложного эпитета как значимой координаты «миропостроения» Захара Прилепина.

Ключевые слова: Захар Прилепин, поэтика, эпитет, сложный эпитет.

Abstract. Using the analysis of the poem «I will buy myself a portrait of Stalin» as an example, the article attempts to determine the specifics of the functioning of the complex epithet as a significant coordinate of the «world-building» of Zakhar Prilepin.

Keywords: Zakhar Prilepin, poetics, epithet, complex epithet.

Литература как сфера отражения и возможности исследования духовного состояния народа выступает также индикатором состояния языка. Использование языковых средств именно в художественной литературе позволяет определить существенные координаты развития языка и общества. Существенным фактором развития сознания современной личности и общества сегодня становится деятельность писателя, проявляющего активность в разных сферах социальной действительности.

Захар Прилепин – яркий представитель современной литературы, общественный деятель, поэт, публицист, музыкант, в творчестве которого можно выявить уникальное сочетание канонических приемов художественной литературы (например, интертекстуальность) и креативных форм вербализации миропонимания и – в чем-то – «миропостроения» (например, поэтический и культурный алогизм).

Стихотворение Захара Прилепина «Я куплю себе портрет Сталина...» (сб. «Грех») – авторская реплика на неоднозначность исторических оценок в современном обществе. Прилепин указывает на то, что человек забыл свои корни, не помнит событий, изменивших жизнь нации: *Я куплю себе портрет Сталина три на три в подсобке закрытого на вечный ремонт музея у сторожа, который ничего не помнит, не помнит даже Сталина* [2: 270]. Лирический герой акцентирует разрушение семейных традиций, утрату глубины православной веры: *Да хоть урода, да хоть дьявола. – Обменяю на крест и ладанку* [2: 270] – перед лицом Родины: *Здравствуй, родина! Мы твое стадо; «Наша родина – нам заступница* [2: 271]. Несомненно, обозначенное положение воспринимается поэтом как трагическое, требующее изменения, что невозможно без изменения отношения народа к происходящему, без осмысления необходимости переустройства действительности, мира. Образный подтекст стихотворения отсылает к прошлому России как хранилищу морально-нравственных ориентиров.

Существенную роль в обозначении значимых духовных констант играет ориентация на фольклор, в котором распространено использование сложного эпитета. В анализируемом стихотворении сложный эпитет имеет весьма оригинальный характер, в целом ориентируясь на фольклорные формулы, Захар Прилепин «модернизирует» семантический формат сложного эпитета, используя комплексно слова высокого стиля в сочетании с разговорными и жаргонными выражениями: ***нераскаянный на развалинах пращур, девочки беспонтовые, мальчики бесшабашные*** (особенно в подтекстовом сопоставлении с *красны девицы, добры молодцы*) явно демонстрируют, что люди современности – безответственные, не способные к глубоким переживаниям, не думающие о будущем.

Неоднозначность оценок лирического героя отражается в сложных эпитетах, содержащих определенную долю оксюморонной семантики: **эти гиблые эти мёрзлые <...> земли обжитые** [3: 270], поскольку **гиблые** – опасные, безнадежные, не несущие ничего хорошего места – в то же время оказываются **обжитыми**, то есть освоенными, удобными для жизни. Возможно, что именно такое полярное восприятие родной земли – залог ее возможного духовного преобразования. Недаром ключевым в стихотворении нам представляется сложный эпитет **достоевская моя родина**, в котором поэт соединяет фамилию великого русского мыслителя и слово **родина** – константу мировидения и «миропостроения» Захаром Прилепиным. Данное выражение можно охарактеризовать как некий культурный код для русского человека, поскольку личность Ф. М. Достоевского и его произведения ассоциируются у читателя с тяготами жизни, непониманием окружающих, уходом Бога из душ людей и из их жизни. В то же время Ф. М. Достоевский всегда оставляет герою выход – раскаяние и жизнь «по совести». **Достоевская моя родина** – находящаяся в упадке, но сохраняющая перспективу выхода из кризиса. Подтверждает обозначенную мысль и номинатив **святорусский табор: табор** – «расположенный станом обоз кочевников, переселенцев» [3: 349], т. е. русский народ – не относится к своей земле как хозяин, не дорожит своей оседлостью, закрепленностью связей с родной землей. Однако компонент **свято-** (*святорусский*) устанавливает зыбкую связь народа с православной культурой, сохраняя надежду на возможное возвращение к исконным ценностям.

Семантика философии номинатива **святорусский табор** своеобразно усиливается характеристикой **мы и быдло тебе и паства** [2: 271]: **быдло** – о тупых, безвольных людях, покорных насилию; **паства** – группа верующих, руководимых священником, прихожане [1: 204].

Таким образом, в стихотворении Захара Прилепина «Я куплю себе портрет Сталина...» отражены упаднические тенденции развития общества, констатируются разрушение института семьи, безразличие людей друг к другу и равнодушие человека к собственной жизни, утрата Бога. «Может, действительно, наступила та самая эпоха постмодерна, когда традиция и история умирают? Эта эпоха формирует типаж человека

постмодернистского образца, который пугал испанского философа Ортегу-и-Гассета, о котором русский религиозный философ К.Н. Леонтьев говорил, что это тип самоуверенных и заносчивых людей» [4: 55]. Но в то же время в контексте Прилепина перманентно присутствует идея возвращения к исконным ценностям русского народа, возрождению духовных ценностей, обретению истины через Слово – родное, образное, закрепленное, в том числе, в фольклорных формулах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Оникс, 2008.
2. Прилепин З. Грех. М.: АСТ, 2018.
3. Толковый словарь русского языка: [В 4 т.] / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Терра, 1996.
4. Шаталова О. В. Проблема лингвоментальной характеристики современного носителя русского языка // Экология русского языка. Сборник научных трудов. Под ред. Е. Н. Сердобинцевой. Пенза, 2016. С.50-55.

БОГДАНОВА Людмила Ивановна (*Москва, Россия*)

доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет
имени Михаила Васильевича Ломоносова
libogdanova1@mail.ru

СЕМАНТИКА И СИНТАГМАТИКА ГЛАГОЛА В ГРАММАТИКЕ ДЛЯ РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-04-00053

Аннотация. В статье рассматривается роль семантики глагола в реализации его синтагматических свойств. Способ выражения объектных позиций глагола зависит не только от его актантажной структуры, но и от характера оценки, представленной в его значении. Выявление закономерностей в соотношении семантики и синтагматики глагола имеет практическое значение для создания грамматики «активного» типа и для обучения русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: грамматика для речевых действий, семантика и синтагматика глагола, культурный компонент семантики, русский язык как иностранный.

Abstract. In the article the role of the semantics of the verb in the realization of its syntagmatic characteristics is considered. The designation of the object positions of the verb depends on its actant structure and the nature of the evaluation presented in its meaning. The identification of regularities of the relationship between semantics and syntagmatics is of practical importance for teaching Russian as a foreign language.

Keywords: grammar for speech actions, cultural component of semantics, semantics and syntagmatics of the verb, Russian as a foreign language.

Деятельностная научная парадигма на современном этапе побеждает «во всех науках о человеке, от изучения разнообразных речевых

расстройств до педагогики и менеджмента» [4: 375]. В лингвистике к настоящему моменту всё более очевидной становится потребность в создании грамматики нового, «активного» типа, грамматики, предназначенной для говорения и письма. Такая грамматика могла бы дополнить существующую традиционную грамматику, ориентированную в основном на рецептивные виды речевой деятельности.

Язык, представляя собой специфический способ концептуализации мира, отражает «коллективную философию» носителей языка [1] не только в лексике, но и в грамматике. В основе мировидения и мировосприятия каждого народа лежит, как утверждает А. А. Леонтьев, «своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем» [3: 20]. Частично эксплицировать эту систему взглядов на мир, запечатлённую в языке, помогает обращение к изучению таких взаимосвязанных явлений, как семантика и синтагматика глагола. Необходимость изучения взаимообусловленности языковых явлений, выяснения причинно-следственных связей между характеристиками разных уровней языка, исследования асимметрии между формой и содержанием [5] побуждает искать новые способы представления глагола в русской грамматике. Представление глагола в его значении с выделением дифференциальных признаков, указывающих на способ оформления актантных позиций, отвечает запросам общественной практики, которая нуждается в правилах, призванных при овладении языком сократить механическое запоминание и повысить роль понимания взаимодействия различных факторов в функционировании языка.

Цель настоящей работы – показать, как значение глагола, включая культурно обусловленный оценочный компонент, влияет на его синтагматические свойства при заполнении актантных позиций. Продуктивная грамматика русского глагола основывается на теории актантов и сирконстантов Л. Теньера [6], ещё не нашедшей достаточно полного отражения в описании русского языка в целях его преподавания. Актантная теория, как известно, реализуется на уровне предикатных слов, которые отображают те или иные ситуации. Под ситуацией при этом понимается такой фрагмент действительности, в котором на фоне тех или иных обстоятельств можно выделить одного или нескольких участников ситуации,

либо значимое отсутствие такого участника. К типичным участникам ситуации обычно относят следующие содержательные позиции: субъект, объект, адресат, инструмент. Способность глагола «притягивать» к себе определённое количество актантов соотносится с синтаксической валентностью, которая предстаёт как реализация актантной валентности в виде синтаксически зависимых от глагола словоформ и словосочетаний. Между семантической и синтаксической валентностями существуют достаточно регулярные соотношения. Так, напр., субъект чаще всего выражается формой именительного падежа, объект – винительного, адресат – дательного, а инструмент – творительного падежа (*Девушка написала записку подруге карандашом*). Однако эти соответствия не столь однозначны. В русском языке каждый актант может выражаться практически всеми падежными формами. Так, например, субъект может быть в форме дательного падежа (*Ему нездоровится*), винительного падежа (*Сестру тошнит*), творительного (*Ваше заявление будет подписано заместителем директора*), родительного (*Директора не было в кабинете*); объект – формой дательного падежа (*подчиняться закону*), творительного (*гордиться сыном*), родительного (*добиваться успеха*), различными предложно-падежными формами (*надеяться на помощь, мечтать о любви*) и т. д. В связи с этим в процессе создания продуктивной грамматики ставится следующая задача: определить, можно ли, опираясь на значение глагола, прогнозировать, с той или иной степенью вероятности, каким грамматическим способом будут оформляться актантные позиции при этом глаголе. Специальное исследование [2] показало, что в 60% случаев можно предсказать способ глагольной сочетаемости, исходя из значения глагола, при этом речь идёт только о наиболее употребительных русских глаголах, отобранных с учётом данных частотных словарей. В зону предсказуемости формы выражения актантов попадают глаголы, содержащие в своём значении семантические признаки разного уровня абстракции. Так, например, признак, указывающий на появление или уничтожение какой-либо субстанции, какого-либо предмета, является релевантным для синтагматики. При глаголах ‘создания’ или ‘разрушения’, ‘соединения’ или ‘разъединения’ объектная позиция однозначно оформляется с помощью винительного падежа без

предлога, независимо от конкретного значения данных глаголов и объектов: *создать атмосферу – устранить дефекты; ввести санкции – отменить ограничения; построить здание – снести старый дом; снять фильм – стереть видеозапись; написать роман – сжечь рукопись; собрать книги – разбросать вещи* и т. д. Семантические сферы появления нового и исчезновения старого, соединения и разъединения оказываются зонами возможного прогнозирования синтагматических свойств глагола.

Отношение к человеку в соответствии с иерархией по статусу – это также признак, релевантный для синтагматики, глубоко укоренённый в русской культуре. Так, например, если в значении глагола содержится семантический признак отношения «сверху – вниз» (это значит, что субъект оценивает своего партнёра по общению значительно ниже, чем себя), то объектная актантная позиция будет выражаться с помощью предложно-падежной формы **над кем**: *смеяться, насмехаться, издеваться над кем*. Если в значении глагола есть признак «снизу – вверх», то соответствующая актантная позиция будет выражаться с помощью предложно-падежной формы **перед кем**: *благоговеть, неметь, преклоняться перед кем*.

При глаголах со значением 'моральной неудачи' (*срамиться / осрамиться, оскандалиться, ославиться, оконфузиться, сплеховать, оплошать, опростоволоситься* (разг.), *замараться, скомпрометировать себя, сесть в лужу перед кем-н.*) очень важным может оказаться социальный, возрастной, гендерный статус лица-каузатора эмоций: *опозориться перед директором, осрамиться перед товарищами, оскандалиться перед дамой* и т. п.

Грамматика для речевых действий «активного» типа ориентирована на выявление и описание закономерностей выбора тех или иных форм заполнения актантных позиций в зависимости от значения, которое стремится выразить говорящий (пишущий) субъект. Выделение в семантическом пространстве русского глагола дифференциальных признаков, релевантных для синтагматики, не может быть успешным без обращения к изучению культурных норм, традиций и правил, отражённых в языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. 2. 767 с.
2. Богданова Л. И. Зависимость формы актантов от семантических свойств русских глаголов. М.: Изд. Диалог-МГУ, 1998. 286 с.
3. Леонтьев А. А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Наука, 1993. С. 16-21.
4. Милославский И. Г. О принципиальных различиях между русскими грамматиками для рецепции и для продукции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 2. С. 373-388.
5. Пименова М. Вас. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // ВЯ. 2011. № 3. С. 19-48.
6. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. / Пер. с франц. Вступ. статья и общая ред. В. Г. Гака. М: Прогресс, 1988. 656 с.

БОГДАНОВА-БЕГЛАРЯН Наталья Викторовна
(Санкт-Петербург, Россия)

доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
n.bogdanova@spbu.ru

ОБ ОДНОЙ ИЗ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОЙ КОЛЛОКВИАЛИСТИКИ (в поисках терминов для новых единиц)

Аннотация. В статье обсуждаются терминологические потребности современной коллоквиалистики как теории разговорной речи. Предлагается авторское понимание *прагматического маркера* (ПМ) (или *прагматемы*), противопоставленного *дискурсивному маркеру*, а также ряд терминов, обозначающих разновидности ПМ: *вербальный хезитатив*, *рефлексив*, *дискурсив*, *метакоммуникатив*, *аппроксиматор*, *декоратив* и некот. др. Ставится задача создания словаря прагматических маркеров русской повседневной речи. Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ (проект № 18-18-00242 «Система прагматических маркеров русской повседневной речи»).

Ключевые слова: коллоквиалистика, повседневная устная речь, звуковой корпус, прагматический маркер, дискурсивный маркер.

Abstract. The article discusses the terminological needs of modern colloquialism as a theory of colloquial speech. The author's understanding of the *pragmatic marker* (PM) (or *pragmathemes*) opposed to the *discursive marker* is proposed, as well as a number of terms denoting the types of PM: *verbal hesitant*, *reflexive*, *discursive*, *metacommunicative*, *approximator*, *decorative* and some others. The task is to create a dictionary of pragmatic markers of Russian everyday speech. This research was supported by the Russian Science Foundation, project № 18-18-00242 "Pragmatic Markers in Russian Everyday Speech".

Keywords: colloquialism, everyday oral speech, speech corpus, pragmatic marker, discursive marker.

Несмотря на значительные успехи в различных областях лингвистики, связанных с описанием функционирования языка в процессе коммуникации, коллоквиалистика по сей день не может похвастаться разработанным терминологическим аппаратом, отвечающим всему разнообразию исследовательских задач. Чем больше массивы того речевого материала, который вводится в научный оборот, чем более естественная речь носителей языка попадает в поле зрения лингвистов-исследователей, тем больше ощущается нехватка терминов, пригодных для полноценного описания этого материала.

Традиционная лингвистическая терминология складывалась в основном для того, чтобы описывать «идеальные» или (в лучшем случае) зафиксированные в письменной речи явления. Одной из задач современной коллоквиалистики является разработка понятийной и терминологической базы, предназначенной для того, чтобы осуществить категоризацию «событий», случающихся не в сознании лингвиста или наблюдаемых в письменной форме речи, а имеющих место в реальном звуковом потоке, происходящих в голове говорящего (*homo loquens*) или слушающего (воспринимающего) (*homo audiendo*) человека, что является составляющей естественной речевой коммуникации. По выражению А. Е. Кибрика, сегодня «нужна принципиально другая “дефинициология”, чем та, которая досталась нам от аристотелевой и математической логики» [4].

Так, анализ повседневной русской речи из корпуса «Один речевой день» (ОРД), наиболее представительного на сегодня ресурса для изучения русского устного дискурса (см. о нём, например: [6]), потребовал введения в оборот и, соответственно, определения целого ряда новых терминов или уточнения, а порой и нового толкования, старых.

Центральной единицей этого терминологического поля следует признать *прагматический маркер* (ПМ), который, с одной стороны, близок к дискурсивным словам / маркерам (ДМ), достаточно хорошо описанным и в отечественной, и в зарубежной научной литературе (см. об этом, например: [9]), а с другой, имеет целый ряд специфических черт, не позволяющих объединять эти два понятия.

Так, общим для ПМ и ДМ является их высокая употребительность, встречаемость в речи всех говорящих, а также участие в построении и структурировании дискурса. Различия же сводятся к следующему.

ДМ (*с трудом, в самом деле, прямо, почти, кстати* и под.) функционируют в любой речи, как устной, так и письменной. ПМ (*это самое, ну вот, как его (её, их), скажем так, значит* и под.) – единицы исключительно устной речи или её стилизаций в письменном тексте.

ДМ порождаются говорящим обдуманно и сознательно, являются полноценными единицами дискурса и принимают участие в формировании его содержательной структуры. ПМ порождаются неосознанно, на уровне речевых автоматизмов, практически не контролируются говорящим.

ДМ обладают и лексическим, и грамматическим значением (обычно это наречия или вводные слова / словосочетания). Лексическое значение у ПМ либо отсутствует вовсе, либо в значительной степени ослаблено. Грамматическое значение также либо отсутствует, либо сохраняется у единицы на уровне «атавизмов» [3]. Семантика и грамматика исходных форм, от которых, собственно, и происходят ПМ, заменяется функцией в тексте.

ДМ выражают сознательное отношение говорящего к предмету речи, «управляют процессом общения», «самым непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, позицию говорящего» [1: 7]. ПМ вербализуют отношение говорящего лишь к процессу речепорождения, включая все затруднения, возникающие в ходе этого процесса.

ДМ фиксируются всеми словарями русского языка, ПМ находятся вне лексикографической фиксации и, соответственно, за рамками лингводидактики.

Прагматические маркеры (*прагматемы*) разнообразны по своему составу и тем функциям, которые они выполняют в дискурсе [2]. В соответствии с этими функциями можно говорить о нескольких классах ПМ – и, соответственно, о целом блоке новых (или переосмысленных, уточнённых) терминов:

- дискурсивы (маркеры начала или конца текста / реплики, а также навигаторы по тексту): *знаешь, значит, ну вот*;
- метакоммуникативы: *(ты) понимаешь, видишь (ли), щас-щас-щас, (я) не знаю, боюсь что*;
- вербальные хезитативы: *это самое, как его (её, их), как это*;
- рефлексивы, в том числе «упреждающие», выражающие реакцию говорящего на то, что только ещё готовится к произнесению: *или как там? (так) скажем (так), так сказать*;
- декоративы (вводные единицы, использующиеся говорящим немотивированно, фактически – как вербальные хезитативы; рабочий, и очень прозрачный, вариант термина – «никчемутивы»): *что называется, как говорится, так сказать*;
- аппроксиматоры (двух типов: *заместители* и *совместители*): *(и) все дела, (и) всё такое (прочее), то-сё, пятое-десятое, бла-бла-бла*;
- маркер точной номинации *чисто* (*у меня ещё вопросы идут чисто по бумагам*) [7].

Среди ПМ можно выделить и ещё ряд классов, не потребовавших новых наименований: ксенопоказатели / маркеры ренарратива (*такой/ая/ие, типа того (что), вроде того (что), вот*), ритмообразующие маркеры (*там, так, вот, короче, ну*), дейктические маркеры (*вот так (здесь, туда, там...) вот*), маркеры нечёткой номинации (*как бы, типа, типа того, вроде как*) [5], а также маркеры самокоррекции (*это самое*).

Общим свойством ПМ является их выраженная полифункциональность, что видно уже по приведённым примерам, диффузность границ между классами, а также полная зависимость от контекста, в котором только они и выявляют свою сущность. Ср. (об особенностях орфографического представления (конвенциях дискурсивной транскрипции) материалов ОРД см.: [6]):

- *и она как на нас налетела ! вот там ты-ты-ты-ты-ты-ты / да мы алкаши там / ну что-то там такое / я не помню*;
- *я вчера их встречаю / на улице / ну в «Пятёрочку» / я шла как раз в магазин / а был вечер / полдесятого // я такая / о-о / вы приехали // а у вас завтра занятия будут? / они такие / будут / я говорю / да-а /*

не повезло мне // а что такое? // а у меня завтра у вас три ... два семинара;

• **но вот как-то ещё как-то / я первый раз как говорится / я так писала какие-то свои там // *П чисто такие / визуальные посмотрела там...**

Думается, что и в теоретических, и в различных практических целях коллоквиалистика нуждается не только в разработке собственного терминологического аппарата, но и в создании, например, *Словаря прагматических маркеров русской повседневной речи*, в котором каждая единица получит полноценное лексикографическое описание. Звуковой корпус ОРД может стать прекрасной базой для такого лингвистического портретирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993, 208 с.

2. Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 3 (27). С. 7-20.

3. Богданова-Бегларян Н. В. Грамматические «атавизмы» прагматических маркеров русской устной речи // Русская грамматика: структурная организация языка и процессы языкового функционирования / Под ред. О. И. Глазуновой и К. А. Роговой. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 436-446.

4. Кибрик А. Е. О «невыполненных обещаниях» лингвистики 50–60-х годов // Московский лингвистический альманах. Спорное в лингвистике. Вып. 1. Семантика. Лексикография. Референциальный анализ. Метаязык лингвистики / Сост. и отв. ред. выпуска Н. В. Перцов. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 230-233.

5. Подлесская В. И. Нечёткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2013) (Белкасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19). В двух томах. Том 1. Основная программа конференции / Гл. ред. В. П. Селегей. М.: РГГУ, 2013. С. 631-643.

6. Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.

7. Сулимова Т. С. *Чисто* в именных сочетаниях: к проблеме становления в русском языке категории определенности / неопределенности (корпусное исследование) // Русская грамматика: структурная организация языка и процессы языкового функционирования / Под ред. О. И. Глазуновой и К. А. Роговой. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 475-483.

8. Bogdanova-Beglarian N., Baeva E., Blinova O., Martynenko G., Sherstinova T. Towards a Description of Pragmatic Markers in Russian Everyday Speech // Speech and Computer. SPECOM 2018. Lecture Notes in Computer Science, vol. 11096. Springer, Cham / Karpov A., Jokisch O., Potapova R. (eds.), 2018. P. 42-48.

9. Bogdanova-Beglarian N. V., Filyasova Yu. A. Discourse vs. Pragmatic Markers: A Contrastive Terminological Study // 5th International Multidisciplinary Scientific Confer-

ВАЖЕНИНА Валерия Павловна (*Владимир, Россия*)

кандидат педагогических наук, доцент
Владимирский государственный университет имени
Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
valeriapv2017@yandex.ru

ON ENGLISH MENTALITY AS IT IS IN PHRASEOLOGY REFLECTED IN A NUMBER OF PHRASES IN COMMON USE

Аннотация. Основные особенности английского менталитета и лингвистические средства их выражения. В статье приводятся примеры использования фразеологизмов в их связи с английской ментальностью в определённых разговорных кодах. Кроме того, в изучении данной проблемы рассматриваются такие подходы, как лингвокультурный и антропологический.

Ключевые слова: английский менталитет, лингвистические средства выражения, фразеологизмы, английская ментальность, разговорные коды, лингвокультурный, антропологический подходы.

Abstract. The author considers the major speech peculiarities of English mentality and linguistic means of their expression. The article contains some examples of the phraseological units reflecting Englishness in some conversational codes. Such approaches as linguo-cultural and anthropological are being used.

Keywords: English mentality, linguistic means of expression, idioms, conversational codes, linguo-cultural and anthropological approaches.

It is not always the non-native speakers' accent (which may be perfect) that enables people to recognize instantly an outsider, but the odd mistakes that no native speaker would make. Just as each person has a unique characteristic signature, each language has unique idioms. In fact, the word **idiom** comes from the Greek root **ideo** meaning a unique signature.

Thus, each language contains expressions that make no sense when translated literally into another tongue. If a German or Spaniard or Italian literally translated **Birthday Suit** or **Get Down to Brass Tacks**, the term would make no sense, or the wrong sense. Even a native speaker of English who is not used to hear literate idioms like **Fits and Starts**, **Cock- und- Bull Story**, **Hue and Cry** and **Touch an Go** will not be able to make sense of them. Knowing the literal meaning of idioms won't enable you to understand them unless you also know what they allude to. Without such knowledge it's nearly impossible to understand the question: **When is a pretty kettle of fish**

a red herring? A pretty **kiddle** of fish used to be a basket placed in a river for catching fish in medieval times. The word **kiddle** was corrupted in spelling and pronunciation as the result of phonetic and spelling change in handing down. Such kiddles of fish were destroyed by citizens who made periodical raids on the baskets and stole the fish out of them. «**A pretty kiddle of fish!**» was the exclamation on seeing the damage done. In the same way today one might say: «**Here's a pretty state of affairs!**» The word '**pretty**' is used ironically.

As for '**A red herring**' that was drawn along the path, it was used to divert the dogs and hounds from original scent and to destroy it. Why '**A red herring**'? That was the one that had been dried, salted and smoked.

To put it plainly, the meaning of this question is: «When does the state of confusion in some awkward and surprisingly unpleasant situations serve as a means of diverting people's attention from some important issues» It is common knowledge that the criteria of lexical stability and lack of motivation or idiomaticity of the grammatical structure make it possible to classify phraseological units into phraseological fusions, phraseological units and phraseological collocations. Besides, there are some commonly used words and expressions, proverbs and sayings that reflect Britishness, British mentality and mind-set.

Phraseology is always interconnected with peoples' specific national mentality. Linguo-cultural approach to the issues of phraseology presupposes that any language has always been incorporated into culture and people's mentality. The anthropological approach to language studies and research is most fruitful because all the English behave according to some common rules or codes that define their Englishness and national identity which, as George Orwell put it, «stretches into the future and past and there is something in it that persists, as in a living creature» [1: 56].

As for the English conversational codes, the first and foremost is the weather-speak which, in fact, is a social facilitator rather than the evidence of general obsession. The rule is: you must never contradict when discussing the weather. There are certain stereotyped phrases that would do wonderfully for any occasion. For good weather: «Isn't it lovely!», «Is it gorgeous?»,

«Wonderful, isn't?», «I adore it», «It is so nice and not...», «Personally, I think it's so nice when it's hot isn't it?».

For bad weather: «Nasty day is'n it?», «Isn't it dreadful?». The rain – «I hate rain», «I don't like it at all. Do you?», «Fancy such a day in July! Rain in the morning, then a bit of sunshine, and then rain, rain, rain, all day long».

The conversational code is another way of saying 'Hello' and an exchange of greetings. The rules of privacy and reserve override those of sociability and talking to strangers is not encouraged.

As the «How do you do?» greeting and repeating it back «How do you do?» is now no longer universal. The exchanges in the English conversation from anthropological point of view are conducted strictly according to unwritten but tacitly accepted rules as ritual.

One more conversational code of Englishness is humour that rules governs and is omnipresent and omnipotent. It permeates every aspect of English life and culture. Humour takes place in most English conversations in the forms of teasing in a friendly way, some degree of banter, irony, self-deprecation, mockery and joking.

Kate Fox compares the rules of English humour to the cultural equivalent of natural laws in the way of obeying them as obeying the law of gravity [2: 62].

Humour is of great importance in English culture and social interactions. The English don't take themselves too seriously; they prefer to laugh at themselves and their favourite phrase is: «Oh! Come off it!» or «I know my rights!». They also refer to irony: «Yeah, right!» when they hear something in the way of boasting and patriotism. The English have a superior sense of irony which is an important ingredient of humor.

There are a lot of other conversational codes reflecting Englishness such as: grooming talk, home rules, the rules of the road, dress code, the rules of using mobile phone, the rules of modesty and hypocrisy etc. These conversational codes are of great interest both from linguo-cultural, linguistic and anthropological points of view.

ЛИТЕРАТУРА

1. Orwell George. Collected Essays, Journalism and Letters. Penguin, 1970, С. 74.
2. Kate Fox: Watching the English/ The hidden rules of English Behaviour. London, 1988.

3. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. Ростов-на-Дону: Феникс, 1956. С. 121.

4. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингво-культурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 70.

ВАЛЕНТИНОВА Ольга Ивановна (*Москва, Россия*)

доктор филологических наук, доцент, профессор
Российский университет дружбы народов
ovalentinova@yandex.ru

РИФМА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ
СУБСТАНЦИОНАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ПОВЕСТИ
Н. В. ГОГОЛЯ «СТРАШНАЯ МЕСТЬ»

Аннотация. Анализируя особенности смыслового соотношения рифмующихся элементов в повести Н. В. Гоголя «Страшная месьть», автор статьи приходит к выводу, что интуиция художника может возобновить то, что утратилось во времени, – создать текст, который бы соотносился с мифологическим мышлением как неделимое целое. Закодированная в рифме и созвучиях субстанциональная действительность выступает по отношению к сюжету как уже случившееся будущее. Мистическая функция рифмы выделяет это произведение Н. В. Гоголя из ряда других текстов, традиционно объединяемых понятием «орнаментальной прозы», но свидетельствующих об онтологически несовместимых сущностях.

Ключевые слова: Гоголь, «Страшная месьть», мифологическое сознание, рифма, «орнаментальная проза».

Abstract. Analyzing the features of the semantic relationship of rhyming elements in the story N.V. Gogol's «Terrible Revenge», the author of the article concludes that the artist's intuition can restore what has been lost in time – to create a text that would relate to the mythological thinking as an indivisible whole. The substantial reality, encoded in rhyme and consonance, appears to the plot as the already happened future. The mystical function of rhyme distinguishes this work by N.V. Gogol from a number of other texts, traditionally united as “ornamental prose”, but testifying to ontologically incompatible substances.

Keywords: Gogol, «Terrible Revenge», mythological consciousness, rhyme, «ornamental prose».

Найти в истории русского литературного языка текст, который мог бы всю свою целостностью свидетельствовать о принципе соотношения знака и значения, отражающем мифологическое сознание, – задача мало выполнимая. Материал для реконструкции мироощущения язычника дают, конечно, и фольклорные источники, и летописные, и воинские повести, и поучения против язычества... Но ни один из этих текстов, вышедших из архаичной эпохи или исторически близких к ней, не соотносится как неделимое целое с мифологическим сознанием.

То, что в полноте проявления утратилось во времени, может возобновить только интуиция художника. Есть странное творение в творческом наследии Н. В. Гоголя, совершенная символичность которого, иначе, идеальность соответствия внешнего и внутреннего, ощущается едва ли не с первых строк, как ощущается сразу же и то, что его трудно считать созданным для эстетического наслаждения и что символическая природа этого текста имеет и другой источник.

Мы говорим о «Страшной мести» – едва ли не единственном создании Н. В. Гоголя, где из всей палитры комического – от юмора до сарказма, которой мастер владел в непревзойденной степени и в только ему одному доступных формах, нет ни полуштриха. В «Страшной мести» все серьезно.

«Страшную месть» надо слушать, читая вслух, не про себя. Смутно улавливая ритмические совпадения, возвращаться назад, вслушиваться снова, чтобы различить за ритмическими совпадениями сближение смыслов.

Ритмическая организация «Страшной мести» много глубже представлений о рифмовке и созвучности близко расположенных элементов. «Страшная месть» пронизывается сквозными рифмами и созвучиями, части которых находятся друг от друга в отдалении и не всегда совпадают с полной формой слова или полной фразой. Эти связи начинают ощущаться только, когда мы читаем повесть вслух, и они же вызывают постановку достаточно длительной паузы, после которой резко меняется ритм:

• *смеешься надо мною – не смеюсь я над тобою – боязнь овладевает мною – не добро быть человеку с тобою: «– Отец, ты смеешься надо мною!*

– Иди, окаянный грешник! Не смеюсь я над тобою. Боязнь овладевает мною. Не добро быть человеку с тобою // вместе!» [1: 493].

• *семь ночей – королевских шляхтичей: «Приехал на гнедом коне своем и запорожец Микитка прямо с разгульной попойки с Перешляя поля, где поил он семь дней и семь ночей королевских шляхтичей // красным вином» [1: 462].*

Актуализация возникает одновременно на нескольких уровнях – текст перенасыщается внутренними смыслами: за счет ритмизации и за счет нарушения ритма. Смена ритма выделяет конечное *красным вином* – знак смерти: *попойка* – ‘битва’, *пить красным вином* – ‘убивать’. Но обрыв одного ритма ведет к возобновлению иного, намеченного ранее: *гнедом* – *своем* – *вином*.

Зарифмовывающие фрагменты могут выходить за пределы одного высказывания. Двойная сегментация речи – подчиняющаяся синтаксическому строению высказывания и задаваемая внутренними рифмующими фрагментами – создает сложный ритмический образ: осложненный рифмами ритмический фрагмент прослушивается сквозь другой, базовый: «Дивилися гости белому лицу пани Катерины, черным, как немецкий бархат, бровям, нарядной сукне и исподнице из голубого полутабенку, сапогам с серебряными подковами; но еще больше дивились тому, что **не приехал вместе** с нею старый отец. Всего только год жил он на Заднепровье, а двадцать один **пропадал без вести** и воротился к дочке своей, когда уже та вышла замуж и родила сына» [1: 462].

С развитием текста все более проступает мистическая связь рифмующихся элементов:

- **изо рта выбежал клык – и стал козак старик**: «Когда же есаул поднял иконы, вдруг все лицо его переменилось: нос вырос и наклонился на сторону, вместо карих, запрыгали зеленые очи, губы засинели, подбородок задрожал и заострился как копье, **изо рта выбежал клык**, из-за головы поднялся горб, и стал козак старик» [1: 463];

- **бывалые люди – беда будет, лихие дела – колышет дитя – серой пылью валится вода**: «– Что это за колдун? – спрашивали молодые и небывалые люди. – **Беда будет!** – говорили старые, крутя головами» [1: 463]; «Как им петь, как говорить про **лихие дела**: пан их Данило призадумался, и рукав кармазинного жупана опустился из дуба и черпает воду; пани их Катерина тихо **колышет дитя** и не сводит с него очей, а на незастланную полотном нарядную сукню **серою пылью валится вода**» [1: 464];

• **молодая жена – про колдуна:** «– Что, моя **молодая жена**, моя золотая Катерина, вдалася в печаль? – Я не в печаль вдалася, пан мой Данило! Меня устрашили чудные рассказы **про колдуна**» [1: 464];

• **лодка поворотила – остановился Данило – страх прорезался в козацкие жилы:** «**Лодка поворотила** и стала огибать выдавшийся берег. Вдруг гребцы опустили весла и недвижно устали весла. **Остановился** и пан **Данило: страх** и холод прорезался в **козацкие жилы**» [1: 466];

• **все пропало – будто не бывало:** «**Все вдруг пропало**, как **будто не бывало:** однако ж долго хлопцы не брались за весла» [1: 466];

• **дождь сеялся на поля – проснулась пани, но не радостна:** «Блеснул день, но не солнечный: небо хмурилось, и тонкий **дождь сеялся на поля**, на леса, на широкий Днепр. **Проснулась пани Катерина, но не радостна:** очи заплаканы, и вся она смутна и беспокойна» [1: 471];

• **хватаются за сучья некрещенные дети – волосы льются с головы на плечи; она сгорела бы от любви – она зацеловала бы:** «В час, когда вечерняя заря тухнет, еще не являются звезды, не горит месяц, а уже страшно ходить в лесу: по деревьям царапаются и **хватаются за сучья некрещенные дети**, рыдают, хохочут, катятся клубом по дорогам и в широкой крапиве, из днепровских волн выбегают вереницами погубившие свои души девы; **волосы льются с зеленой головы на плечи**, вода, звучно журча, бежит с длинных волос на землю, и дева светится сквозь воду, как будто бы сквозь стеклянную рубашку; уста чудно усмеваются, щеки пылают, очи выманивают душу... **Она сгорела бы от любви, она зацеловала бы**» [1: 491];

• **грустно мне, жена моя – (голова болит у меня) – где-то ходит смерть моя:** «– Чего-то **грустно мне, жена моя!** – сказал пан Данило. – **И голова болит у меня**, и сердце болит. Как-то тяжело мне! Видно **где-то недалеко уже ходит смерть моя**» [1: 481];

• **безумеет голова – валится седок с коня – катится по земле голова – бормоча несвязные... речи (не слова):** «От крику **безумеет голова; от дыму слепнут очи.** Все перемешалось. Но козак чу-

ет, где друг, где недруг; прошумит ли пуля – **валится** лихой седок с коня; свистнет сабля – **катится** по земле голова, **бормоча** несвязные речи» [1: 483];

- **и пропало – все пропало; не отрывались от него – побелел как полотно:** «Облако уже **и пропало**; а неведомые черты еще резче выказывались, и острые очи **не отрывались от него**. Колдун весь **побелел как полотно**. Диким, не своим голосом вскрикнул, опрокинул горшок... **Все пропало**» [1: 487];

- **вылетела душа – посинели уста:** «**Вылетела** козацкая душа из дворянского тела; **посинели уста**» [1: 484];

- **по Днепру гуляет лодка – кому нужна до колодника:** «Уже и вечер: свежо; где-то мычит вол; откуда-то навеваются звуки, верно, где-нибудь народ идет с работы и веселится; **по Днепру гуляет лодка... кому нужна до колодника!**» [1: 478];

- **холмы гремят – отбегают назад, заливаются – так убивается, рыдая – хватает – ломает – глотает:** «Водяные холмы **гремят**, ударяясь о горы, и с блеском и стоном **отбегают назад**, и плачут, и **заливаются** вдали. **Так убивается** старая мать козака, выпроваживая своего сына в войско. Разгульный и бодрый, едет он на вороном коне, подбоченившись и молодецки заломив шапку; а она, **рыдая**, бежит за ним, **хватает** его за стремя, ловит удила, и **ломает** над ним руки и заливается горячими слезами.

Дико чернеют промеж ратующими волнами обгорелые пни и камни на выдавшемся берегу. И бьется об берег, подымаясь вверх и опускаясь вниз, пристающая лодка. Кто из козаков осмелился гулять в челне в то время, когда рассердился старый Днепр? Видно, ему не ведомо, что он **глотает**, как мух, людей» [1: 486];

- **где ты была – простонала она:** «– **Где ты была?** – спросил он, и стоявшая перед ним затрепетала. – **О! зачем ты меня вызвал?** – тихо **простонала она**» [1: 475];

- **а если бы я – не жена мне была:** «– **А если бы я?..** – невольно вымолчила Катерина и, испугавшись, остановилась. – **Если бы ты вздумала, тогда бы ты не жена мне была. Я бы тебя зашил тогда в мешок и утопил бы на самой середине Днепра!..**» [1: 481].

Рифмующиеся фрагменты образуют смыслы, которые надстраиваются над прямым содержанием реплик, становясь тайнописью.

Согласно логико-грамматической структуре высказывания «**Плачет и убивается Катерина; а даль вся покрывается пылью: скачет старый есаул Горобец на помощь**» [1: 484], *пыль*, которой покрывается даль, должна восприниматься как знак надежды: это мчится старый Горобец на помощь Катерине. Но рифмующиеся фрагменты – *плачет, убивается // даль вся покрывается* – и предугадывают, и предопределяют обратное: будущее безнадежно. *Пыль* становится знаком безнадежности. То, что зарифмуется, то и сбудется. То уже сбылось. Две действительности – одновременная внешнему течению событий и действительность субстанциональная, зарифмованная, от которой не уйти, – делают условной грань между настоящим и будущим.

Следы субстанциональной действительности еще сложнее различить в потоке речи, если зарифмованное слово можно обнаружить в ритмизованном фрагменте, только поменяв местами слова: *крест зашатался – (тихо поднялся) – мертвец поднялся: «Крест на могиле зашатался, и тихо поднялся из нее высохший мертвец»* [1: 466].

Надо иметь обостренный слух, чтобы уловить проступающее сквозь сюжет случившееся будущее. Предрешенность происходящего то рассеивается, то вновь уплотняется в звуке. Сюжет идет вслед за звуком. Звук опережает действие. Как бы ни был храбр и меток пан Данило, его убьет колдун. Как бы ни берегли дитя, не уберегут. Куда бы ни поворотил коня колдун, он примчит его к всаднику.

Мистическая функция рифмы выделяет это произведение Н. В. Гоголя из ряда других текстов, традиционно объединяемых понятием «орнаментальной прозы», но свидетельствующих об онтологически несовместимых сущностях.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гоголь Н. В. Страшная месть // Н. В. Гоголь Мертвые души. Повести. Пьесы. М., 2010. С. 462–498.

ВАРНИКОВА Евгения Николаевна (Вологда, Россия)

кандидат филологических наук, доцент
e-varnikova@yandex.ru

НАЗВАНИЯ МАСТЕЙ ЛОШАДЕЙ В «СЛОВАРЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ»

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 18-012-00810*

Аннотация. В докладе рассматриваются состав, семантика и словообразовательные связи названий мастей лошадей в «Словаре русских народных говоров».

Ключевые слова: «Словарь русских народных говоров», названия мастей лошадей, клички лошадей.

Abstract. The report examines the composition, semantics, and kovoov-widespread communication of the names of the colors of horses in the “Dictionary of Russian folk gothieves”.

Keywords. “Dictionary of Russian folk dialects”, names of horses, nicknames of horses.

В истории названий мастей лошадей в русском языке учёные выделяют два периода: до и после заимствования тюркских цветообозначений (Г. Ф. Одинцов).

По данным этимологических словарей и исследований этимологов, общеславянскими являются прилагательные *гнедой*, *вороной*, *мышастый*, *пегий*, *рыжий*, *серый*, *сивый*, *соловый* (этимология слова *гнедой* окончательно не выяснена) (М. Фасмер, П. Я. Черных, ЭССЯ, А. В. Дыбо). Подчеркнём в этом ряду слов названия мастей, которые часто определяются в их типологии как основные: *гнедой*, *вороной*, *рыжий*, *серый* (В. В. Калашников, Ю. А. Соколов, В. Ф. Пустовой, Д. Я. Гуревич и др.).

Заимствованными являются названия мастей, производных от основных, обозначающие их разновидности (в большинстве своём это разновидности рыжей масти, самой распространённой во всех породах лошадей): *буланный*, *бурый*, *игрневый* (*игрений*), *караковый*, *карий*, *каурый*, *саврасый*, *чалый*, *чубарый*. Все эти слова были заимствованы русским языком из восточных, как правило, тюркских языков. И хотя среди учёных нет единства мнений в определении конкретных языков-источников (М. Фасмер, П. Я. Черных, Г. Ф. Одинцов), существующие

этимологии заимствованных слов указывают на связь русских тюркизмов с северо-западной, или кыпчакской группой тюркских языков (А. В. Дыбо).

Заимствование иноязычных цветообозначений в значительной мере повлияло на состав и семантику названий мастей лошадей в русском языке: некоторые слова были утрачены (*половый, плесневый, железый*), произошло сужение семантики ряда исконных наименований (Г. Ф. Одинцов).

Тюркизмы не только пополнили группу цветowych гиппологизмов, вступили в разнообразные системные отношения с исконными мастеобозначениями, но и наряду с ними послужили основой для создания древнерусских имён (*Воронко, Гнедко, Игрень, Каур, Коур, Коурко, Пегуш, Пегуша* и др.) (С. Б. Веселовский, И. А. Кюршунова, Н. М. Тупиков) и традиционных русских кличек лошадей (*Буланка, Каурка, Савраска, Чалая, Чубарый* и др.).

В современном русском литературном языке большая часть рассматриваемых слов в настоящее время имеет узкую сферу употребления, связанную с коневодством и конным спортом. Значения слов отражают комплекс внешних признаков, используемых при определении масти лошадей: цвет покровных волос головы, шеи, корпуса и конечностей животного, а также цвет волос его гривы, хвоста и щёток (защитных пучков волос на задней поверхности нижней части передних и задних ног лошади) (Д. Я. Гуревич).

Рассмотрим состав, семантику и словообразовательные связи названий мастей лошадей в «Словаре русских народных говоров» (СРНГ).

В сравнении с литературным языком в говорах состав гиппологических мастеобозначений более разнообразен. В СРНГ ещё фиксируются прилагательные, входившие в рассматриваемую группу слов в древнерусском языке, выявленные Г. Ф. Одинцовым по письменным источникам XI – начала XVIII вв. (*голубой, плеснивый*). Некоторые из таких слов отмечаются только в сложных наименованиях мастей или в названиях цвета волос гривы животных (*сиво-железный, сиво-железый, сизо-железный, половогривый, синегривый*). Встречаются также редкие по

употреблению заимствования (*калюный, чагравый, чинкырый*). В качестве гиппологизмов в говорах используются не-конские мастеобозначения (*сизый*).

Слова рассматриваемой группы характеризуются широкой фонетической и словообразовательной вариантностью (*кавурый – ковурый, мухорный – мухортный – мухортый – мухорый, пегавый – пеганный – пегасый – пегатый*).

Семантика цветowych гиппологизмов в диалектах шире и сложнее, нежели в литературном языке. Слова этой группы могут выражать внешние характеристики животных других видов (*мухортый, сивый, соловый, чубарый*) и человека (*карий, мухортый, пеганный, сивый, соловый*). Чаще более сложной оказывается семантика названий не основных, а производных мастей.

Особенности семантики и дистрибуции гиппологических мастеобозначений определяют их словообразовательные возможности. Как и в литературном языке, в говорах от мастеобозначений образуются названия лошадей по масти (*калюный → калюнко, карий → карька, сивый → сивок*). Однако количество производных в диалектах значительно большее (*голубко – голубец – голубанушко – голубеюшко, пеганка – пеганко – пеганок – пегануха – пегач – пегашко – пегуша – пегушка*). На основе этих производных нередко образуются клички лошадей (*гнедуха → Гнедуха, голубко → Голубко, игренько → Игренько*). Среди производных отмечаются также названия лиц по различным признакам (*каурка, мухорт, пегач*).

Данные СРНГ, где группа цветowych гиппологизмов представлена в более архаичном виде, позволяют рассмотреть состояние этого множества в XIX–XX вв. и лучше понять его историю в русском языке.

ВАРЮШЕНКОВА Екатерина Николаевна (*Владимир, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
eknikvar@yandex.ru

ПРИСУБСТАНТИВНО-ИНФИНИТИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ КАК УНИКАЛЬНОЕ СРЕДСТВО ЭКСПЛИКАЦИИ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

Аннотация. В статье представлена попытка обозначить различные условия экспликации действующих лиц в предложениях с конструкцией с присубстантивным инфинитивом. Идеальным условием для обозначения не одного действующего лица является значение опорного в конструкции имени существительного: если существительное имеет значение побуждения к действию (каузативности), то в предложении названы действия не одного лица. На количество и организацию действующих лиц также существенно влияет наличие в предложении различных синтаксических конкретизаторов.

Ключевые слова: конструкция с присубстантивным инфинитивом, синтаксические конкретизаторы, каузативные имена существительные, организация действующих лиц.

Abstract. The article presents an attempt to designate various conditions for the explication of the characters in sentences with a sub-substantive infinitive construction. The ideal condition for designating not one actor is the meaning of the main noun in the construction: if the noun has the meaning of impulse to action (causativeness), then the sentence contains actions of more than one person. The number and organization of actors is also significantly affected by the presence of various syntactic concretizations in the sentence.

Keywords: construction with a sub-substantive infinitive, syntactic concretizations, causative nouns, organization of actors.

Язык – явление настолько же рациональное, насколько и иррациональное, поэтому в одном и том же контексте (используя одни те же синтаксические модели) мы можем с помощью минимума средств выразить максимум содержания, в другом – при попытке выразить нечто с помощью той же конструкции происходит частичная утрата смысла. В этом случае возникают сомнения в правомерности употребления этих емких лаконичных конструкций. Такой емкой и рациональной конструкцией по праву можно считать конструкцию с присубстантивным инфинитивом, далее – КПИ.

В задачу настоящей статьи входит попытка решения вопроса о том, каким образом в КПИ могут быть организованы действующие лица

и как в связи с этим оказывается возможным оценивать количество этих лиц.

В лингвистической литературе по-разному называлось действующее лицо: субъект действия, говорящий, субъект речи, субъект сознания, адресат, элемент разряда персональности и др. Авторы работ преследовали разные цели. Исследовался, например, говорящий как предмет референции, субъект речи или сознания [4: 164]; социально-ситуативный статус лица в связи с коммуникацией этикетного поведения [3: 90-100]; изучалась персональность как семантико-грамматическая категория в практике речевых коммуникаций говорящих участников коммуникации [2: 296]. До настоящего времени не предпринимались попытки оценить количество действующих лиц в предложениях с КПИ. Однако можно предположить, что подобное исследование может обратить внимание не только на подобную модель предложения, но и на другие предложения, с другими конструкциями.

Вполне очевидно, что в предложении с КПИ эксплицируется не одно действующее лицо, если в качестве опорного существительного в конструкции используется существительное со значением побуждения к действию (иначе – каузативное существительное). О каузативных глаголах, предоставляющих производящую основу для этих существительных, читаем в словаре О. С. Ахмановой [1: 106]. Каузативные существительные *приказ, просьба, пожелание, мольба, предложение, приглашение* в большинстве случаев функционирования в конструкции с присубстантивным инфинитивом прогнозируют объектное значение зависимого инфинитива.

Исходя из анализа характера отношений между существительным и инфинитивом, мы устанавливаем, что действие, названное в имени существительном (пусть это можно утверждать условно по отношению к имени, призванному называть предмет), и действие, названное глаголом, выполняют разные лица: Она с гордостью рассказывала всем, что есть *приказ* из Петербурга *следить* за Николаем Николаевичем Муравьевым, Сонечкиным мужем (Ю. Тынянов). В предложении *приказ* прислал кто-то из Петербурга, а *следить за Сонечкиним мужем* будет кто-

то из исполнителей, точно не тот, кто издал этот приказ. В этом примере отчетливо различаются действующие лица [5: 89-90].

Действующие лица в предложениях с КПИ могут отчетливо различаться и не различаться. В этом случае вопрос о разграничении действующих лиц разрешается с помощью контекста.

Следующие примеры – наглядная иллюстрация того, что для разграничения действующих лиц в предложении иногда недостаточно даже целого предложения: *На сделанное ему предложение проводить нас до Кокшаровки он охотно согласился* (В. Арсеньев); *Предложение составить хронологический указатель* есть не более как частное добавление, не исключающее общей положительной оценки (А. Рыбаков).

Действительно, в первом предложении с помощью лично-указательных местоимений «ему», «нас», «он» для читающего обеспечивается точный фокус: если «предложение» сделано «ему», то явно это предложение сделал кто-то, а не он сам. Далее понятно, что «он» «согласился проводить нас». Значит, «мы» – это другое действующее лицо (лица). Во втором предложении без окружающего контекста невозможно определить, сколько действующих лиц совершает действие, названное в предложении. Кто «составит хронологический указатель»? Тот, кто предлагает его составить, или это другое лицо, и оно предлагает «составить хронологический указатель». Наконец, здесь вообще могут не подразумеваться действующие лица, а содержится абстрактное «предложение составить хронологический указатель». Подобные примеры не редки в современных текстах: Вызвало улыбки и совсем наивное *предложение* Трубецкого: *восставшие войска вывести за город и начать мирные переговоры* с правительством (О. Форш). В приведенном предложении можно по-разному понимать, каким образом функционируют действующие лица. Ясно, что «предложение» исходит от Трубецкого, но непонятно, сам Трубецкой должен будет «вывести войска» или он это действие предполагает для другого лица (лиц). Неясно также, кто будет осуществлять «мирные переговоры» – Трубецкой от имени восставших, сами восставшие? В предложении действует и еще одно лицо (лица), т. е. те люди, у которых «предложение Трубецкого ... вызвало улыбки». Если не учитывать абсолютные возможности текста, ко-

торые обеспечивают однозначное понимание сказанного в предложении за счет лексического окружения, уточнений и пояснений за пределами предложения, то невозможно определить, кому принадлежит действие.

Следует, однако, учесть и тот факт, что КПИ, в которой в качестве опорного функционирует существительное со значением «побуждения к действию», может эксплицировать одно действующее лицо: *...И вроде бы как дозволение себе выдали – бить соболя в любое время года* (В. Астафьев); *...И я поставил себе задачу – стать таким же* (О. Форш). Данные примеры в каком-то смысле окказиональны, «неправильны», поскольку наличие существительного с каузативным значением обязательно предполагает и наличие как минимум двух действующих лиц. Подобное «отклонение» прогнозируется синтаксическими конкретизаторами, в данном случае – возвратным местоимением *себе*.

В предложении может быть обозначено несколько действующих лиц: одно, два, три. Обозначить условия выявления в предложении с КПИ трех действующих лиц невероятно трудно, однако есть предложения, в которых обнаруживаются и четыре действующих лица: *Я попросила у прокурора для тебя разрешения поговорить со следователем*. Если анализировать конструкцию в объеме словосочетания, то она будет иметь вид *разрешения поговорить*, только это *разрешение попросила «я»*, *попросила «для тебя»*, *попросила «у прокурора»* и, наконец, *говорить «ты»* будешь «со следователем». В нашем предложении с помощью КПИ оказываются собранными, отчетливо различимыми четыре действующих лица.

Таким образом, вполне справедливо утверждать, что в предложении с КПИ могут функционировать одно действующее лицо, два, три, четыре – и при этом отчетливо различаться. Действующие лица могут и не различаться отчетливо. В любом случае, для того чтобы наличие определенного числа лиц стало очевидным, необходимо учитывать целый ряд семантико-грамматических условий: семантику опорного существительного, различные синтаксические конкретизаторы, роль которых с успехом выполняют местоимения разных разрядов.

Вполне вероятно, что в высказывании, кроме КПИ, могут быть обнаружены и другие грамматико-семантические конструкции, с помощью которых эксплицируются действующие лица.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., «Советская энциклопедия», 1966. 608 с.
2. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. 371 с.
3. Карасик В. И. Статус лица в значении слова: Учебное пособие по спецкурсу. Волгоград: ВГПИ им. А.С. Серафимовича, 1989, 112 с.
4. Падучева Е. В. Говорящий, субъект речи и субъект сознания // Логический анализ языка. Культурные концепты, М.: Наука, 1991. С 164-168 .
5. Фурашов В. И. Несогласованные определения в русском языке. М., 1984. 113 с.

ГЕРАСИМЕНКО Ирина Анатольевна (*Горловка, ДНР*)

доктор филологических наук, доцент
Горловский институт иностранных языков
iragerasimenko@mail.ru

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЦВЕТА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА С. ЕСЕНИНА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению лексических единиц, с помощью которых С. Есенин объективирует цвет. Особое внимание уделено аспекту полисемантизма и синкретизма языковых знаков. Анализ материала позволил сделать вывод, что выбор цветообозначений определяется как восприятием цвета в различных условиях и состояниях, его тоном, яркостью и насыщенностью, так и изначальным синкретизмом слов, произошедших, возможно, из общего источника.

Ключевые слова: цветообозначение, художественная картина мира, вербализация, имя прилагательное, полисемантизм, синкретизм.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the lexical units used by S. Esenin to objectize colour. Special attention in this research is given to the aspect of polysemy and syncretism of the language units. The analysis shows that the choice of colour nomination is determined both by the colour perception in different conditions, its shade, brightness and gradation, and initial syncretism of the words more likely having the same origin.

Keywords: colour nomination, artistic view of the world, verbalization, adjective, polysemy, syncretism.

Художественная картина мира, опосредованная языком и индивидуально-авторским концептуальным видением действительности, объективируется с помощью разных вербальных средств. В их числе цветообозначения (ЦО), к которым относятся имена прилагательные, обозначающие конкретные и неконкретные цвета и функционирующие как само-

стоятельные (простые, сложные) лексемы и как составляющие описательных конструкций с компонентами *цвет / цвета*.

Поэзию С. Есенина отличает последовательное и частотное использование 1) общеупотребительных лексем с основной (*белый, красный, синий, зелёный, серый, голубой, рыжий*) и производной цветовой номинацией (*золотой, серебряный, розовый, овсяный*), 2) описательных конструкций с компонентом *цвет* (*красный цвет, серый цвет, кумачовый цвет*); 3) сложных ЦО, состоящих из а) двух цветооснов (*желто-русый*), б) цветооснов с основами, выражающими тон и насыщенность цвета в препозиции (*тёмно-голубой, ярко-золотой*) и постпозиции (*сине-хмурый, розово-смердящий*) и в) цветооснов с элементами, выражающими внешность, части тела и предметы (*рыжеволосый, красногрудый*). Например: *Клён ты мой опавший, клён заледенелый, / Что стоишь нагнувшись, под метелью белой?* [18: 497]; *На рассвете он завтра промчится, / Шапку-месяц пригнув под кустом, / И игриво взмахнёт кобылица / Над равниною красным хвостом* [18: 487]; *В саду горит костёр рябины красной, / Но никого не может он согреть* [18: 491].

С. Есенин допускает различные альтернативы общеупотребительных ЦО. Так, при описании вечернего времени суток и ночного неба автор использует как слово *синий*, так и лексему *зелёный*. Ср: *И вновь вернусь я в отчий дом, / Чужою радостью утешусь, / В зелёный вечер под окном / На рукаве своём повешусь* [14: 460]; *Пусть порой мне шепчет синий вечер, / Что была ты песня и мечта* [14: 461]; *И тебе в вечернем синем мраке / Часто видится одно и то ж: Будто кто-то мне в кабацкой драке / Саданул под сердце финский нож* [18: 489]. Фактически прилагательные *зелёный* и *синий* С. Есенин употребляет для характеристики одних и тех же денотатов. Показательным является и то, что С. Есенин использует ЦО *синий* в контекстах, где логичнее употребить слово *зелёный*: *Там, в полях, за синей гущей лога, / В зелени озёр, / Пролегла несчастная дорога / До сибирских гор* [14: 458]. Безусловно, выбор ЦО определяется как восприятием цвета в различных условиях и состояниях, его тоном, яркостью и насыщенностью, так и изначальным синкретизмом слов, произошедших, возможно, из общего источника. Не случайно существуют утверждения историков искусства и лингвистов о том, что «люди в старину путали глубокий синий цвет с зелё-

ным и чёрным цветом» [15: 404], что в современном узбекском, осетинском, якутском языках до сих пор значения 'синий' и 'зелёный' передаются одним словом, что «зелёный и синий цвет до того часто смешиваются, что обозначение их в хроматической терминологии через одно и то же слово в языках некультурных (термин автора. – И. Г.) можно почти считать нормальным явлением» [20: 44] (ср.: ирл. *glass* 'зелёный', 'серый', 'синий' [13: 112]; осетинск. *zach* 'зелёный', 'синий' [20: 45]; оджийск. *bibri* 'зелёный', а «дополняющее его *bibiri* означает не только тёмный, но также синий цвет» [20: 36]; юрак-самоед. слово *paderaha*, кроме значения 'синий', имеет «значение 'зелёный'» [20: 27]).

С. Есенин последовательно прибегает к взаимозаменяемости ЦО. Это имеет место и при описании блеска звёзд. Так, слово *синий* С. Есенин контекстуально синонимизирует с лексемами *голубой*, *золотой*, *ясный* в следующих примерах: *Вечер синюю свечкой звезду / Над дорогой моей засветил* [14: 473]; *Сердцу снится душистый горошек, / И звенит голубая звезда* [5: 104]; *Звёздами золотые копытца / Скатятся, взбороздив ночь* [5: 163]; *Звёздочки ясные, звёзды высокие! / Что вы храните в себе, что скрываете?* [5: 367]. В рамках данных контекстов слова *синий*, *голубой*, *золотой*, *ясный* поэт использует как семантически близкие адъективы, находящиеся в области обозначения светлого цвета.

С. Есенин как уникальная языковая личность использует не только ЦО как компоненты свободных структур, но и как составляющие устойчивых оборотов и народно-поэтических выражений (*зелёное вино*, *видеть в розовом цвете*, *молодо-зелено*). При этом С. Есенин наделяет, например, лексему *зелёный* восходящими к русской фразеологии оценочными лингвокультурными смыслами 'молодой', 'неопытный', 'легкомысленный', 'глупый': *Сам себе казался я таким же клёном, / Только не опавшим, а всю зелёным* [18: 497] (ср. семантику адъектива с корнем *зелен-* в паремиях *Молодо-зелено*, *погулять велено* [4: 81]; *Молодо – зелено*, *да молодое – честно* [11: 183]).

Знаковым является есенинское *Белая берёза / Под моим окном / Принакрылась снегом, / Точно серебром* [6: 78]. Выступая символом русской природы, образ белой берёзы восходит к народно-поэтической традиции. Ср., как строки С. Есенина коррелируют с фрагментом лирической

народнопоэтической любовной песни: *Не во далечем-далече, во чистом поле, / Что ещё того подале во раздолье, / Стоит-то постоит белая берёзонька...* [12: 112]. Отсылка одного текста к другому («интертекстуальная связь» [7: 14]) здесь прослеживается на уровне заимствования как собственно образа берёзы, являющегося «символом России» [9: 40], так и «сюжетного положения» [7: 22] (ср.: *И стоит берёза* и *Стоит-то постоит белая берёзонька*). Употребление данного выражения в поэзии С. Есенина, опора на интертекст вполне объяснимы. Как пишет А. К. Жолковский, «в начале всякого слова всегда было какое-то чужое слово» [7: 17].

К народно-поэтическим выражениям, используемым С. Есениным, также принадлежат синтагмы *чёрные кудри*, *красное лето*, *красный звон* и др. Ср. семантические корреляции данных сочетаний в следующих авторских и народно-поэтических примерах: *Я смотрел из окошка на синий платок, / Кудри чёрные змейно трепал ветерок* [5: 12] и *Да хватал он матушку за чёрны кудри, / Да и вызнял он её выше могучих плеч* [1: 174]; *И глазам голубым / Славлю / Красное / Лето* [5: 145] и *Где-то, где-то красно лето, / Где-то шарфик голубой?* [19: 534]; *Уж ты, мать моя, голубица, / Сбереги ты ус на божнице; / Окропи его красным звоном, / Положи его под икону!* [5: 136] и *Хлеба-соли покушать, красному звону матушки Москвы послушать* [10: 22]. Преемственность семантики ЦО в авторской и народно-поэтической речи отражает незыблемые и характерные черты русской лингвоментальности, основанные на мифических (образных) представлениях его носителей, иллюстрирует ориентацию художественной речи на народно-поэтическую традицию, на присутствие в языке художественной литературы национально-культурной семантики ЦО, на реализацию принципа интертекстуальности. Эти черты пронизывают поэзию С. Есенина, его цветовосприятие.

С. Есенин как элитарная языковая личность прибегает к использованию слов с основной и производной цветовой номинацией в составе метафорических сочетаний и сравнительных оборотов. Ср.: *Липким запахом веет полынь. / Спит черёмуха в белой накидке* [5: 91]; *Заколдован невидимкой, / Дремлет лес под сказку сна. / Словно белою косынкой / Повязалася сосна* [5: 390]; *Не жалею, не зову, не плачу, / Все пройдёт, как с белых яблонь дым* [18: 488]; *Гаснут красные крылья заката, / Тихо*

*дремлют в тумане плетни. / Не тоскуй, моя белая хата, / Что опять мы
одни и одни [14: 475]; До сегодня ещё мне снится / Наше поле, луга и лес,
/ Принакрытые сереньким ситцем / Этих северных бедных небес [5: 88];
Отвори мне, страж заоблачный, / Голубые двери дня / Белый ангел
этой ночью / Моего увёл коня [14: 473].*

С. Есенин употребляет в поэтических текстах ЦО для описания других (нецветовых) ощущений. В результате явление одной модальности одновременно воспринимается и оценивается в категориях другой сенсорной системы. В частности, при описании воздуха, ветра, тишины задействуются «цветовые» слова (в данном случае – лексемы *синий, серебряный, седой*): *Воздух прозрачный и синий, / Выйду в цветочные чащи / Путник, в лазурь уходящий, / Ты не дойдёшь до пустыни [5: 324]; Жить нужно легче, жить нужно проще, / Всё принимая, что есть на свете. / Вот почему, обалдев, над рощей / Свищет ветер, серебряный ветер [5: 123]; А ночь черна, черна! / И пыжится бедою / Седая тишина [14: 478].* Общеизвестно, что сущностное свойство синестезии «по психологической своей природе определяется межчувственными ассоциациями, соединяющими в себе появление цветковых ассоциаций на сигналы, поступаемые от всех органов чувств» [2: 11]. В результате, свойства воздуха, ветра, тишины в сознании говорящих приобретают цвет. Можно полагать, что в этих и подобных примерах в образы синего воздуха, серебряного ветра, серой тишины вложены не столько понятия конкретного «газообразного вещества, составляющего атмосферу Земли» [8: 79], «потока воздуха в горизонтальном положении» [8: 66] или отсутствия звука, сколько обобщённое представление о «свободном пространстве, простирающемся над землёй» [16: 199]. Поэтому С. Есенин как носитель русской лингвокультуры в сочетании *синий воздух, серебряный ветер* вкладывает значения, близкие к ‘светлый’, ‘прозрачный’, а в синтагму *седая тишина* смысл ‘беззвучный’. Такие сочетания могут приобретать и «переносное употребление» [17: 141], в них, «отрываясь от реальных предметных связей, название цвета делается в высшей степени условным и отвлечённым. Сочетаясь с существительными, не обладающими цветовым признаком, эпитет-ЦО теряет вещественный смысл и не конкретизируется в зрительном образе» [3: 22].

Итак, в поэзии С. Есенина при выборе ЦО реализовались речевые предпочтения автора, особенности его языка, которые делают личность С. Есенина узнаваемой и знаковой. Отмеченные факты указывают на то, что поэтическая речь С. Есенина, его художественное слово требуют детального изучения, основанного на привлечении фактов всех уровней языка и на анализе разных групп ЦО, что станет предметом нашего дальнейшего рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Былины / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Селиванова Ф. М.]. М.: Сов. Россия, 1988. 576 с.
2. Выродова А. С. Лингвокультурологическое пространство колоративов в русском поэтическом дискурсе первой половины XX века (на материале поэтических текстов С. А. Есенина и Н. М. Рубцова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2008. 22 с.
3. Грановская Л. М. Прилагательные, обозначающие цвет, в русском языке XVII-XX вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1964. 24 с.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 т.]. / В. Даль. М.: Рус. яз., 1981. Т. 2. 779 с.
5. Есенин С. А. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Альфа-книга, 2010. 719 с.
6. Есенин С. А. Собр. соч. [в 5-ти т.]. М.: Худож. лит., 1966. Т. 1 : Стихотворения и поэмы (1910 – октябрь 1917). 415 с.
7. Жолковский А. К. Блуждающие сны и другие работы. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. 428 с.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов; под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. [18-е изд., стер.]. М.: Рус. яз., 1986. 797 с.
9. Пелевина Н. Ф. Коннотативные компоненты значения слова в процессе исторического развития языка (на материале значений цвета) // Семантика слова в диахронии: межвуз. темат. сб. науч. тр. / [редкол.: Р. В. Алимпиева и др.]. / Калинингр. гос. ун-т. Калининград, 1987. С. 35-42.
10. Пословицы русского народа: сборник В. Даля: [в 3 т.]. М.: Русская книга, 2000. Т. 2. 2000. 704 с.
11. Русские пословицы и поговорки; под ред. В. Аникина ; предисл. В. Аникина; [сост. Селиванов Ф., Кирдан Б., Аникин В.]. М.: Худож. лит., 1988. 431 с.
12. Русский фольклор / сост. и примеч. В. Аникина. М.: Худож. лит., 1986. 367 с.
13. Рябова Н. Ф. Пути образования и развития цветообозначений (на материале производных от индоевропейских корней *bhel- и *ghel- в английском, латышском и русском языках) // Инновации на разных языковых уровнях: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Л. Я. Орловского. Рига: Латв. гос. ун-т им. П. Стучки, 1978. С. 111-120.
14. Серебряный век русской поэзии : сборник / сост., авт. коммент. Панченко И. Г., Скуратовский Л. В.; авт. предисл. Скуратовский В. Л. К.: Дніпро, 1991. 639 с.
15. Серов Н. В. Античный хроматизм. СПб.: Лисс, 1995. 475 с.
16. Словарь русского языка : [в 4-х т.] ; под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз. Т. 1: А–И. 1981. 698 с. (АН СССР ; Ин-т рус. яз.).
17. Суровцова М. А. Выражение цветовых значений в общеславянском языке // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 8. М.: Изд-во МГУ, 1976. С. 136-155.

18. Три века русской поэзии / Сост. Н. В. Банников. 3-е изд. М.: Просвещение, 1986. 750 с.
19. Частушки / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. М.: Сов. Россия, 1990. 656 с.
20. Шерцль В. И. Названия цветов. Символизм цветов // Филологические записки. Вып. II–III. 1884. Воронеж. С. 1-70.

ГИК Анна Владимировна (Москва, Россия)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт русского языка
имени Виктора Владимировича Виноградова РАН
annagik@yandex.ru

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ СЛОВ В «СЛОВАРЕ ЯЗЫКА ПОЭЗИИ XX ВЕКА»

Аннотация. Статья посвящена принципам выделения классов слов в качестве заголовочного слова.

Abstract. The article is devoted to the principles of word classes allocation as a title word.

Грамматические исследования поэтического языка имеют давнюю традицию. Первоначально объектами исследования в таких научных трудах становились отдельные идиостили. Впоследствии охват авторов увеличивался, появлялись сопоставительные исследования двух и более идиостилей вплоть до анализа поэтики художественного направления целой эпохи. Благодаря новым технологиям изучения текста – корпусным исследованиям – анализ базовых грамматических явлений в поэтическом языке стал более продуктивным и наглядным. А данные, полученные в результате таких работ, позволили говорить об объективном представлении функционирования языка в художественном тексте. Практическим применением такого рода исследований стала работа над «Словарем языка русской поэзии XX века» (далее – СЯРП). Работа над многотомным изданием ведется в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН (в настоящее время готовится 8 том словаря). Еще в эпоху оттепели, в 60-х годах XX века, был опубликован проспект словаря (Григорьев. Словарь... 1965), а первый том «Словаря...» увидел свет в 2001 году. Источником Словаря стали произведения десяти выдающихся поэтов Серебряного века: И. Анненского, А. Ахматовой,

А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова, М. Цветаевой. Словарные статьи включают в себя в качестве иллюстративного материала упорядоченные в хронологическом порядке строки стихов этих авторов. «Словарь демонстрирует разнообразие и выразительность языка поэзии» во многом благодаря особому подходу к выделению грамматических классов слов. В словник включены слова всех частей речи, а также имена собственные – личные имена, географические и другие названия. В виде самостоятельных статей оформляются причастия и деепричастия, прилагательные и причастия в краткой форме, прилагательные в сравнительной, превосходной степени и в значении существительного.

Статья посвящена как раз принципам выделения классов слов в качестве заголовочного слова.

Остановимся на выделении заголовочных слов – существительных (по материалам VI тома словаря). Начальная форма имени существительного в толковом словаре – слово в форме Им.п., ед.ч. (кроме специальных случаев, типа *шорты* и др.). Поэтический потенциал различных форм имени существительного в полной мере раскрывается в авторском словаре. Как заглавное слово здесь может выступать стилистический вариант слова: *пение* – *пенье*. Две словарные статьи будут иметь специальные отсылки друг на друга. Специальная грамматическая характеристика слова размещается в факультативной зоне комментария, которая выделена квадратными скобками.

ПЕНИЕ [мн. пения М924, пений Хл921; см. тж ПЕНЬЕ]. Стройного юноши п. В сумерки слышно в лугах. В звуках – печаль и томление, Милая – в грустных словах. АБ902 (I,358.1); Томный голос пением нежным Мне поет о южных ночах. [посв. В. А. Щеголевой] АБ910 (III,162.2); Тоска по книге, вешний запах, Оркестра п. вдали – И мы со вздохом в темных лапах, Сожжем, тоскуя, корабли. Цв910 (I,68); *Гость появился чудесный, Лат не снимая. // Кто его шепот расслышит В пении здешнем?* Куз912 (147).

ПЕНЬЕ [в пеньи Куз908, АБ909, 915; мн. пенья АБ902; вар. к ПЕНИЕ]. Опять – тревога, опять – стремленье, Опять готов Всей битвы жизни я слушать п. До новых снов! АБ899 (I,339.1); Там, в сумерках,

дрожал в окошках свет, И было п., музыка и танцы. АБ902 (I,192); Свершай свои круги, о, чадо смертных чад, Но вечно жди суда у беспощадной двери. Придет урочный час – и стражи задрожат, И смолкнут жернова, и смолкнут пенья дщери. АБ902 (I,355.1).

ПОДНЯТИЕ [см. тж ПОДНЯТЬЕ, ПОДЪЯТЬЕ]. Есть / перед нами / огромная работа – / каждому человеку / нужное стихачество. / Давайте работать / до седьмого пота / над поднятием количества, / над улучшением качества. М926 (256).

Как отдельные словарные статьи выделяются окказиональные образования, они имеют помету [нов.].

ПЕВЦОУБИЙЦА [нов.]. Зорче взглядися! Не забывай: П. Царь Николай Первый. [о Николае I и А. С. Пушкине] Цв931 (II,289.1).

ПЕНЬЧЬ [нов.; единица языка богов] [Велес:]. <...> Бруву руру руру-ру! Сици лица ци-ци-ци! Пенчь, панчь, п.! РП Хл920-22 (473).

ПЕРВОГОЛУБИЗНА [нов.]. Когда ж в пратишину Тех первоголублизн Высокое плечо, Всю вынесшее жизнь. Цв922 (II,126).

ПЕРЕДЁРГ [нов.]. П.! Верьте Музыке: проведет Сквозь гранит. Ибо Музыки – динамит – Младше... РП Цв925 (III,77).

ПЕРЕМАХ [нов.]. Новый взрыв, новый сноп. Жив и здрав Перекоп – Что дитя в пеленах! В сотый раз п.! Цв928,29-38 (III,164).

ПЕРЕРОСТОК-МУРАВЕЙ [нов.]. Ты б слушала и молодела, Большая, смелая, своя, О человеке у предела От переростка-муравья. П931 (I,381).

ПЕРО-РУКА [нов.]. А если я / вас / когда-нибудь крою / и на вас / замахивается / п.-рука, / то я, как говорится, / добыл это кровью / я / больше вашего / рифмы строгал. М926 (256).

ПЕРЬЯ-ОБЛАКА [нов.]. П.-облака, / закат расканарейте! / Опускайся, / южной ночи гнет! М926 (267).

ПИСАТЕЛЬ-ГОГОЛЁК [нов.; см. тж ГОГОЛЁК]. Откуда привезли? Кого? Который умер? <...> Мне что-то невдомек. Скажите, говорят, какой-то гоголь умер. Не гоголь, так себе, п.-гоголек. // Тот самый, что тогда невнятицу устроил, Чего-то шустрился, довольно уж легок, <...> Затеял кавардак, перекрутил снежок. [посв. памяти А. Белого] НАР ОМ934 (409.2).

Для сохранения индивидуальных особенностей новообразований, новые слова размещаются как заглавные в той форме, в которой встречаются в тексте:

ПЛАТОЧКИ-ВСПЛЁСКИ [нов.]. Уж плясано, плясано! Уж топано, топано! Все головы – масляные, Красные, потные. // Платочками-всплёсками, Прижимками-шашнями. Один только вдовствует: Рубаха кумашная. Цв922 (III, 295).

Как окказиональные образования рассматриваются индивидуальные написания слов через дефис в идиостиле М. Цветаевой:

ПЕРЕ-ЧЕРЕЗ-КРАЙ [нов.]. В меру и мочь и сметь: Перезлословил – плеть, Но и не переглядь! – Только не передать! – // Не пере-через-край! Даже и в мере знай – Меру: вопрос секунд. Цв925 (III, 63).

И сложные слова, написанные через дефис, как у А. Блока:

ПЕРСТЕНЬ-СТРАДАНИЕ [нов.]. ПЕРСТЕНЬ-СТРАДАНИЕ Загл. АБ905 (II, 179).

В комментариях к некоторым новым словам указывается способ образования существительного:

ПЕРУНЕПР [нов.; контаминация слов ПЕРУН и ДНЕПР] Навьем возложенный на сани, Как некогда ты проплыл Днепр – Так ты окончил П., Узнав вновь сладость всю касаний. Хл[913] (85).

Хлебников использует прием образования слова-наименования профессии от лексем мужского рода – слова женского рода: *плотник* – *плотница*:

ПЛОТНИЦА [нов.]. Неутомимая работница, Гробов задумчивая п., <...> По этим пажитям усталым Свой проведи усталый плуг. РП Хл911-12 (209).

Особенности сочетаемости существительного также выносятся в комментарии к словарной статье. Иногда лексема встречается в связанном сочетании, в заглавии – это тоже отражается в указанной зоне словаря. Таким образом решается вопрос о введении в словник фразеологических единиц.

ПЕРЧАТКА [тж в сочет.: бросать перчатку]. Дверь полуоткрыта, Веют липы сладко... На столе забыты Хлыстик и п.. Ахм911 (27.2); Так

беспомощно грудь холодела, Но шаги мои были легки. Я на правую руку надела Перчатку с левой руки. *Ахм911 (28.2)*;

ПЛАХА [*тж* в сочет.: идти, всходить на плаху; вести кого-л. на плаху]. Я тело чистое несу И вам, о улицы, отдам. Его безгрешным донесу И плахам города предам. *РП Хл908 (388)*.

Как отдельные заголовочные слова выступают субстантивированные слова:

ПЕРВЫЙ [*субст. числит.*; *тж субст.* сочет.: первое мая, первое апреля]. Их было четверо в этот месяц, / но лишь один был тот, кого я любила. // П. совсем для меня разорился, / посылал каждый час новые подарки, <...> но он не был тот, кого я любила. *РП Куз905 (68)*; Но челюсть, частая и колкая, // Медленно пожирала члены мертвы. Соседей слабо убаюкивал сон, И некоторые из них пошли, где п. *Хл910 (65)*;

ПЛАЧУЩИЙ [*субст. прич.*]. Люби меня, припоминай и плачь! Все плачущие не равны ль пред богом? [обращ. к В. К. Шилейко] *Ахм913 (139.2)*; Кому печаль мою повем // Предвечную (дитя, отца Не знающее и конца Не чающее!) О, печаль Плачущих без плеча! *Цв923 (II,181.1)*;

ПЛЕННЫЙ [*субст. прил.*]. Милый п., страж смиренный, Неизменный, иль изменный, Я сегодня – твой, ты – мой. *Куз907 (48.3)*;

ПЕКЛО [*тж разг.* пёкло]. И так однажды разозлясь, / что в страхе все поблекло, / в упор я крикнул солнцу: / «Слазь! / довольно шляться в п.!» *М920 (86)*; Уж не раем Метет – пёклом. ...Как припаян, Как приклёпан. *Цв922 (III,303)*; Мясом дымясь, сжимаю жжение. Моментально молния телом забежала. Стиснул миллион вольт напряжения. Ткнулся губой в телефонное п. *М923 (411)*; Уши лопнули от вопля: «Перед Пушкиным во фронт!» А куда девали пёкло Губ, куда девали – бунт // Пушкинский? уст окаянство? *Цв931 (II,281)*; Но в громе влажность есть ... А этот [звук] был, как п., сух, *Ахм941 (198.3)*.

Особенности образования форм слова также отмечаются в комментариях. Например, способ образования формы множественного числа, устаревшие формы косвенных падежей:

ПЛЕМЯ [*мн.* племёна *Хл911-13*]. Или великое свершилось, И ты хранишь завет времен. И, озаренная, укрылась От дуновения племен? *АБ901 (I,123)*;

ПЛОТЬ [п. и П.; плотию Хл911-12, *мн.* плоти Цв922; *тж* в сочет.: во плоти]. Пора вернуться к прежней битве, Воскресни дух, а п. усни! АБ900 (I,63);

ПЛОЩАДЬ [*тж* в назв.: Дворцовая п., Красная п., Соборная п. и др.; *предл. ед. устар.* на площади Цв920 (I,556), 925 (III,85.2), 934 (II,319.1)]. Только камни нам дал чародей, Да Неву буро-желтого цвета, Да пустыни немых площадей, Где казнили людей до рассвета. Анн900-е (186);

ПОЛЕНО [*мн. устар.* полена Хл913, полен Хл917]. Вот вошли, – приседают так строго, Не уйти мне от долгого плена, Их одежда темна и убога, И в котомке у каждой п. Анн900-е (203).

Омонимичные лексемы составляют разные словарные статьи:

ПОБЕГ [п. и П.; самовольный уход (из места заключения или обязательного пребывания); *тж* в сочет.: обращаться в п. кого-л.] **ПОБЕГ Загл.** [посв. О. А. Кузьминой-Караваевой] Ахм914 (94);

ПОБЕГ [новый росток, молодая ветка, стебель растения с листьями и почками]. Раз, в прекрасное утро, когда любопытное солнце Встало и, тихо скользя по стенам высоким, В розу ударило, – роза раскрылась: зеленых побегов Сотни бегут по колючим ветвям всё выше и выше... АБ898 (I,374);

ПÓВЕСТЬ [*сущ.*]. Моя душа вся тает в песнях дальных, И я могу тогда прочесть в ночных звездах Мою судьбу и п. дней печальных... АБ899 (I,419.1);

ПОВÉСТЬ [*глагол.; прост.; вар. к ПОВЕСТИ*]. Жить, как мать велит ребенку, Как цветочек цвезть, Никогда ни в чью сторонку Глазом не повесть... Цв915 (I,225.1); И хочет плечиком п., – Не может ручек ей развесть: // За шейкой за любезной Свились – как круг железный. Цв920 (III,216);

ПОВОД [причина]. Да и меня без всяких поводов Загнали на чердак. Никто моих не слушал доводов, И вышел мой табак. АБ906 (II,193);

ПОВОД [ремень; *мн.* повóдья и *прост.* поводá]. Амазонка предо мной. // Лет семи всего – ручонки Так и впились в узду, Не дают плестись клячонке, А другая – в поводу. Анн900-е (124).

Иногда встречается всего лишь один контекст у заглавного слова, но это слово имеет специальную грамматическую помету:

ПОВИДЛА [*прост.*; *вар. к ПОВИДЛО*]. Пониклый день, серье и быдло, Обидных выдач жалкий цикл, По виду – жизнь для мотоциклов И обданных повидлой игл. *П925 (I,267)*;

ПОВИДЛО [*см. тж ПОВИДЛА*]. А / мимо – / незаменимый. / Стуча / сапогом, / идет за пайком – / правление / выдало / урюк / и п.. *М927 (564)*.

Имена собственные становятся полноправными заглавными единицами. И даже выстраиваются в иерархию.

ПЕНЕЛОПА [в др.-греч. мифологии – верная жена Одиссея, ожидавшая его возвращения 20 лет]. В Елене – все женщины: в ней / Леда, Даная и П., / словно любви наковальня / в одну сковала тем пламенной и нежней. *Куз917 (184)*;

ПЕНЕЛОПА [персонаж стих.]. Он сказал: / «Я думал, это малиновка, / а это – П. / Отчего ты дома? здравствуй!» *РП Куз905 (69)*.

Таким образом, «Словарь языка поэзии начала XX века» является важнейшим материалом для исследования особенностей поэтической грамматики. Словарные статьи имеют специальные зоны грамматического комментария, которые могут быть использованы при систематическом описании грамматических классов слов, предпочтений поэтического языка в целом и отдельных авторов в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гик А. В. Поэтическая грамматика имени прилагательного в «Словаре языка русской поэзии XX века» // Слово. Словарь. Термин. Лексикограф [Электронный ресурс]: сборник статей по материалам Международной конференции. М.: ИИУ МГОУ, 2019. С.172-180.
2. Григорьев В. П. Предисловие // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль. М., 1990.
4. Григорьев В. П. Словарь языка русской советской поэзии. Проспект. Образцы словарных статей. М., 1965.
5. Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя. Л., 1974.
6. Словарь языка русской поэзии XX века. Том VI: Пе – Радость / Сост.: Григорьев В. П., Шестакова Л. Л. (отв. ред.), Кулева А. С. (ред.), Колодяжная Л. И., Гик А. В., Фатеева Н. А. М.: Языки славянской культуры, 2015. 968 с.
7. Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011. 464 с.
8. Шестакова Л. Л., Кулева А. С. Поэтическая грамматика в зеркале сводного авторского словаря // Грамматические исследования поэтического текста: материалы междунар. науч. конфер. (7–10 сент. 2013 г., г. Петрозаводск). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2017. С. 35–38.

ДАУЛЕТ Фатимабиби Ногайкызы (Алматы, Казахстан)

кандидат филологических наук, доцент
Казахский национальный университет имени Аль-Фараби
Fatima-dauletova@mail.ru

COMPARATIVE ANALYSIS AND MATCHING OF THE CHINESE
AND KAZAKH PHRASEOLOGICAL UNITS
WITH A ZOONYM «DOG»

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному исследованию фразеологизмов китайского и казахского языков с компонентом–зоонимом «собака». Актуальность проведенного исследования обусловлена значимостью рассматриваемых единиц для понимания особенностей менталитета представителей разных лингвокультур и улучшения процесса межкультурной коммуникации, поскольку данные фразеологизмы наглядно демонстрируют как общность, так и различие в ценностях, стереотипах и моделях поведения в разных национальных культурах.

Ключевые слова: зооним «собака», лингвокультурология, китайский язык, казахский язык, культурные коды, сопоставительный анализ.

Abstract. This article highlights the features of the application of zoonyms in Chinese and Kazakh languages. Since the dog is one of the oldest domestic animals, it has been very close to human house, its habits and appearance have been used as a metaphor for characterizing human reality. In these four cultures zoonym “dog” is used in negative and positive ways, but, nevertheless, negatory connotation is more common. On an example of a component – idiom with zoonym “dog” describes the features of linguocultural differences of these languages, and the use of zoonyms in intercultural communication.

Keywords: «dog» zoonym, linguaculturology, Chinese, Kazakh, cultural codes, comparative analysis

A set of linguistic units, reflecting objects and phenomena that are directly or indirectly related to the world of fauna, is a special layer of the vocabulary of any language. In the linguistic literature zoonyms used as animalism, zoonyms-metaphors, zoomorphism, comparative phraseological units with animalistic component of phraseology with zoonym component of comparative phraseological units with component-names of animals, etc [1: 56].

It is natural that, in dealing with the study of fauna vocabulary, linguists have tried, anyway, indicate that language. The result of these studies was the emergence of several terms. Some of them cover a three-dimensional concepts, others – less. The concept of "zoonym" in the scientific literature has two interpretations - wide and narrow. Representatives of a wide approach include to it nicknames of animals (Murka, Zhuchka), names of parts of the animal's body (paw, tail), derived forms from the names of animals (lambing), subjects indirectly related to animals (pasture, barn). In our study,

we use the term in a narrow sense and follow the A. G. Sokolova's means for the word "zoonym" which is a set of lexical units, united by the concept of "animal" [2].

Relevance of research topic due to the need to analyze problems in cross-cultural communication, including a result of stereotypes of perception names of animals that represent one of the most frequently used vocabulary in speech recovery. Material for the study was the zoonym vocabulary and phraseological units of Chinese and Kazakh with the names of animals and birds from different sources. The practical value of the study is that the results can be used during the lectures and workshops on intercultural communication.

There is no need to prove the fact that in speech communication from different linguacultures recognized as universal and ethno-specific patterns that characterize the cultural and national characteristics of the communicants. Chinese, and Kazakh languages belong to different language families (the first to the Sino-Tibetan, the second to the Turkic), so their contrastive analysis – "this is not more than the analysis of one language to another, analysis of what, ultimately, is surprising in another language culture"[3: 212]. Correct perception of zoonyms of Chinese and Kazakh linguacultures depends on how coincide or diverge images of their minds are. The discrepancy between these images can be a barrier for intercultural communication as "the main cause of misunderstanding when intercultural communication is not the difference of languages, but the difference of national consciousness communicants" [4: 7].

Zoonyms reflect differences in national and cultural representations, psychological, mental and social characteristics and different customs, inherent, specific language community and culture as a whole. Zoonyms are complex linguistic units that attach to an important potential. They can characterize a person with a completely different directions: 1) appearance: sable brows, swan tread, monkey, cat; 2) mental abilities: dog, chicken, pig, fox; in addition, the names of animals such as sheep and donkey can also serve to characterize the person's mental abilities; 3) actions, behavior, character: a dog, a pig, forty, beetle, fox, rooster, wolf. 4) dexterity: bear, cow, monkey, dragon, tiger and others.

In Chinese and Kazakh cultures zoonym has different cultural connotations that are closely connected with their history, customs, lifestyle, geography, geographic location and language culture.

Zoonyms express their ethnic and cultural specificity of comprehension of reality more clearly than any other vocabulary, as images of animals in one culture in some cases may be assigned properties that for other cultures may seem logically unfounded or even contrary to existing stereotypes of perception of these animals, which could adversely affect at the time of communication. So zoonyms may be coincident, overlapping and mismatched in their meaning. In addition, notwithstanding that the language units often have either a positive or negative connotation. According to V.A. Stepanenko, "the appearance of most of the zoonym metaphors is closely related to human activity and is based on a kind of association by contiguity: what takes place in human society is transferred to the animal world". [5: 9] For example, zoonym *shoshka* (a pig) - often bears a negative connotation in Kazakh culture associated with something dirty, and in Chinese it has two meanings: In ancient times, pigs were often used to represent wealth and fertility, representing women; on the other, with a person stupid and sloppy (猪头猪脑 – "pig brain")

The dog has always been close to people because it is one of the first domesticated animals: many people have perpetuated her image in its multifaceted culture. The image of the dog is described in the myths of ancient Egypt and Mesopotamia, India and Scandinavia, ancient Greece and Rome, Japan, China, South America, ancient Russia, Turkic and other peoples of the world.

In the world cultures dog embodies positive qualities: loyalty, vigilance, sincerity, reliability and protection; and negative: anger, impulsive, crawling, and helplessness.

In many primitive and ancient conceptions dog was associated the other world - as his guardian and as a conductor, who delivered souls of the dead (for example, the mythical three-headed dog Cerberus, Ancient Egyptian Anubis, the Aztec god Xolotl). Usually, however, the symbolism associated with the dog and death is more positive than it seems at first side. The fact that they are always accompanied a person's daily life, and attributed them to the knowledge of the spirit world, have led to the fact that the dog is consid-

ered good conductors in the afterlife. Souls of the dead were in closer contact with dogs in ancient Central Asia and Persia, where dogs were fed with dead bodies. This custom has led to the Semitic and Muslim representation of the dog as "unclean", vile, greedy animal that is used only as a caretaker (except hounds, which had, understandably, a higher status) [6: 15].

Zoonym "dog" can mean a person as a loyal or as a reptile in front of others, which is evidenced by the following proverb in Chinese – «狗苟蝇营» [gǒu gǒu yíng yíng] (lit. to buzz like a fly, to grovel like a dog; fig. scoundrel, making its way); in Kazakh language – "*it ayaktan sary su ishkizu*" (lit. to drink serum from a dog bowl, fig. subjugate anyone coerce, harass, suppress); in Russian – «*собака на сене*» (about a greedy person); in English – «*to wake a sleeping dog*» (to make somebody angry).

In the Zodiac of Ancient China "dog" is the eleventh sign, its symbolic and mythological significance is expressed quite diverse: starting with the fact that the dogs were able to cast out demons, to the point that in some areas they are still eaten. The representatives of the ethnic Yao in South China dog acts as the progenitor of the people which reminds of totem views.

In Chinese culture, it is believed that man and dog have a similar character; besides, the dog is famous with absolute devotion to its master. But, in the language culture objective relationship between dog and man are quite different. Idioms, which are based on the character «狗» [gǒu], often have a negative connotation. Based on the dry statistics, any word containing the character «狗» generally has a negative character, for example: «走狗» [zǒu gǒu] (lit. hound, fig. henchman, minion, servant), «母狗» [mǔ gǒu] (slut, bitch), «疯狗» [fēng gǒu] (mad dog – as mad as dog – angry person), «狗脾气» [gǒu pí qì] (dog character - a person, who can easily start a squabble with others), «狗咬狗» [gǒu yǎo gǒu] (dog bites another dog - within the meaning of the intrigues and quarrels among bad persons); «狗屁话» [gǒu pì huà] (dog-ass - swearing, nonsense, bullshit), «狗杂种» [gǒu zá zhǒng] (dog-child – son of a bitch, a bastard), «狗腿子» [gǒu tuǐ zǐ] (dog leg – henchman, an accomplice, a traitor), «狗急跳墙» [gǒu jí tiào qiáng] (a cornered dog will leap over a wall (in desperation)), and so on, all these idioms are recorded in various dictionaries, can be found in literature, they are also actively used in the everyday speech of the Chinese [7: 220].

Sayings (谚语, 歇后语), in most cases, have negative meaning too. For example, «狗拿耗子» [gǒu ná hào zi] (dog catches mice) originally had positive connotation, omitting the second part – «多管闲事» [duō guǎn xián shì] (meddling in other people's business), later became "not to engage in their proper work". Phraseological units such as «狗眼看人低» [gǒu yǎn kàn rén dī] (look at people through the eyes of a dog – putting people in lower positions than you, thinking that you yourself is better than anyone), «狗咬吕洞宾, 不识好心人» [gǒu yǎo lǚ dòng bīn, bù shí hǎo rén xīn] (a dog biting Lü Dongbin – to ill reward a person's kindness), «狗嘴里吐不出象牙» [gǒu zuǐ lǐ tǔ bu chū xiàng yá] (lit. don't wait an elephant's bone from the dog's mouth – do not wait for a kind word from a bad man) «挂羊头, 卖狗肉» [guà yáng tóu, mài gǒu ròu] (lit. on the sign – sheep's head, and in the shop – dog meat, fig. engage in cheating, deceiving), «狗改不了吃屎» [gǒu gǎi bù liǎo chī shǐ] (the dog doesn't stop eating its own excrement; it refers to someone who cannot change their bad habits, like dog cannot change their behavior to eat shit) reveals the image of a dog, and not from the best side.

Also in Kazakh culture a dog is "*zheti kazynanyn biri*" i.e. – one of the man's seven treasures, his good companion. But, despite this, in the eyes of the Kazakh people the dog is associated with something dirty and unclean. For example, if the dog licked human's hand, he should wash his hand seven times, i.e. – many times. Most of phrases with "dog" in the Kazakh language have negative connotations, such as "*it bailasa turgysyz zher*" (lit. a place where even the dog cannot survive, fig. appalling conditions), "*it bile me*" (lit. even a dog doesn't know, fig. nobody knows), "*it zhekkem zher*" (lit. a place where dogs are harnessed, fig. 1. distant lands, 2. jail), "*it zhem bolu*" (lit. to become food for dogs, fig. to lose dignity, disgrace), "*itshe tistesu*" (argle-bargle), "*yitshileu*" (experiencing hardship), "*it kormes, tutin tanymas*" (lit. even the dog does not feel the smoke, fig. live from hand to mouth), "*it minip, irek kamshylau*" (lit. sit on the dog and to drag the whip on the ground, fig. languish), "*it terisin basyna kaptau*" (lit. put on the skin of the dog to the head, fig. to punish someone harshly), "*it pen mysyktai*" (like cat and dog), "*itting kuly itakai*" (lit. dog ministered by dog, fig. someone, anyone), "*it tigen tabaktai karady*" (lit. like watching at a dog plate, fig. to be disgusted), "*ishin ittei*

kemirdi" (lit. like dog scratching the soul, is used as an expression of resentment), and others [8: 196].

A clear indication of man's relationship with the dog in the Kazakh culture can serve a small number of metaphors used with the word "dog" in the Kazakh language, which carry a positive meaning. For example, *"it basyna irkit togildi"* (lit. the time when irkit (irkit – a kind of buttermilk) pours on the head of a dog, fig. happy time, *"it koilek"* (dog's shirt – the first vest), *"it zhandy"* (dog soul - strong man), *"koshten kalgan kushikte"* (lit. lost puppy, fig. a tramp).

The analysis showed that figurative units "clearly reflect the peculiarities of the language that interpret reality. National identity of figurative nominations is most evident when comparing the signs of the same referent in different languages" [9: 12], which is implemented on the material of the thematic group zoonyms and the analysis of their equivalent pairs. Community of imaginative verbal sphere of genetically unrelated languages proves that "metaphor is a universal instrument of thought and knowledge of the world in all areas <...>. It is inherent to all languages and in all epochs" [10: 20].

Improper use of phraseology of a language can be misleading, disrupt the cross-cultural communication and even lead to intercultural conflict. For successful use of phraseology and zoonyms, it is relevant to have sufficient cultural, social, linguistic and geographical knowledge.

ЛИТЕРАТУРА

1. Arkhipova I. V. Zoonyms in modern German language. Department of Foreign Languages NSPU// Actual problems of philology and methods of teaching foreign languages "(1-30 Nov. 2009).
2. Sokolov A. G. Cats and dogs in the Russian and German (based on intelligent and phraseological dictionaries) <http://www.russian.sfpgu.ru/files/Sokolova.pdf> (accessed on 21.03.2018).
3. Galimov O. V. Ethnocultural specificity zoonyms: vocabulary characterizing human: On a material of Russian and German Philology: Dissertation of the candidate of physiological sciences. Ufa, 2004. 309 p.
4. Tarasov E. F. Introduction // Language and mind: a paradoxical rationality. Moscow, 1996. Pp. 6-15.
5. Stepanenko V. A. Zoonyms German word-formation (to the problem of the relation of complex words and phrases) [text]: Dis. cand. Philology. Science / V. A. Stepanenko. Irkutsk, 1992. P. 11.
6. Marigun N. I. Concept "dog" as an element of Russian language picture of the world // Language and Culture, 2009. № 2. Pp. 11-30.
7. Yang Defeng. Chinese and Cultural Communication. Beijing: Shangwu yinshuguan, 2012. 280 p.

8. Daulet F. N. Linguistic world view in the phraseology of the Chinese and Kazakh languages (comparative analysis). M.: Triumph, 2018. 260 p.

9. Blinov O. I., Yurina E. A. Figurative vocabulary of the Russian language // Language and Culture. 2008. № 1. Pp. 5-14.

10. Gak V. G. Metaphor: universal and specific // Metaphor in language and text. M.: Nauka, 1988. Pp. 11-26.

ДЕВЯТОВА Надежда Михайловна (Москва, Россия)

доктор филологических наук, профессор
Московский городской педагогический университет
Deviatovan@mail.ru

МНОГОЗНАЧНОЕ СЛОВО: О СИНТАКСИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМАХ ОБРАЗОВАНИЯ ПРОИЗВОДНЫХ ЗНАЧЕНИЙ

Аннотация. В статье проблема полисемии рассматривается как синтаксическое преобразование валентностной структуры глагола в прямом номинативном значении. Исследуется многозначный глагол *бежать* и механизмы его языкового расширения. Приводятся компоненты когнитивной ситуации, по-разному синтаксически преобразующиеся в разных производных значениях глагола. В производном значении отмечается нейтрализация отдельных семантических компонентов и актуализация тех или иных компонентов когнитивной ситуации.

Ключевые слова: многозначное слово, полисемия, глагол движения, когнитивная ситуация, валентность, прямое номинативное значение.

Abstract. The article deals with the problem of polysemy as a syntactic transformation of the valence structure of a verb in the direct nominative meaning. The multi-valued verb “бежать» (bezhat'- to run) and the mechanisms of its language expansion are examined. The components of the cognitive situation which are syntactically transformed in different derived meanings of the verb are given. In the derived meaning, the neutralization of individual semantic components and the actualization of certain components of the cognitive situation are registered.

Keywords: polysemantic word, multivocal word, polysemy, verb of movement, cognitive situation, valence, direct nominative meaning.

1. Многозначное слово как результат действия разных языковых процессов представляет интерес не только для лексикологии, но и для синтаксиса и когнитивной лингвистики. Базой образования производного значения служит прямое номинативное, однако связь этих значений не всегда прозрачна.

В статье речь пойдет о синтаксических процедурах преобразования прямого значения: реализации разных его семантических компонентов в структуре производного, изменении исходной валентностной структуры.

Проблема синтаксического преобразования рассматривается на примере глагола *бежать*.

2. Г. И. Кустова перспективы исследования полисемии связывает с когнитивным подходом, а семантический потенциал слова объясняет преобразованием исходной денотативной ситуации [2: 11].

3. Отдельные значения многозначного слова противопоставляются на уровне синтаксической конструкции, реализующей структуру валентностей отдельного значения глагола [1]. Например: X (быстро) *бежит по дороге (куда? откуда? мимо чего?)*. Не все компоненты когнитивной ситуации находят выражение в толковании, однако они проявляются в производных и обеспечивают связь значений многозначного слова. В словарных толкованиях прямого номинативного значения глагола *бежать* словари [3; 4] выделяют следующие семантические компоненты: 'быстро передвигаться, сильными толчками ног отделяясь от земли'. *Лошадь бежала рысью*. // Поспешно, торопливо идти куда-н. *Пора бежать на работу* // Быстро двигаться. *Секундная стрелка бежит*.

4. Анализ примеров, иллюстрирующих прямое значение, позволяет заметить разное заполнение субъектной валентности: *Мальчик бежал по дорожке* и *Лошадь бежит рысью*. В обоих примерах сохраняются смыслы 'двигаться', 'вперед', 'шаг', 'быстро', 'отталкивание от поверхности'. Примеры передают смыслы 'физическое действие', 'потенциально наблюдаемое действие'. Такие предложения обычно включаются в текстовое пространство, предполагающее наблюдателя. Например: *Снова двинулась. Отдохнувшая лошадь бежала быстро. К тому же мы миновали перевал и катили под гору* (А. Н. Житинский, Южный перевал).

Невыраженными являются такие валентности, как *откуда? куда? почему? зачем?*, которые являются неактуальными для прямого значения слова.

Денотативная ситуация включает и другие компоненты. Действие *бежать* осуществляется в пространстве с определенными ориентирами. Например, бежать можно мимо чего-то (ср. *пробежал мимо*). Движение имеет и определенную траекторию. Чаще бегут вперед. В словаре

С. А. Кузнецова прямое значение иллюстрируется и такими примерами, как *бежать за врачом, бежать в аптеку, бежать на вокзал, бежать на встречу с кем-либо*, где актуализируется целевая валентность.

В приведенных иллюстрациях глагол передает значение 'торопиться, спешить' – т. е. идти быстро. Человек, торопящийся на встречу, скорее, идет, а не бежит. Смысл 'быстро' проявляется здесь под влиянием причины 'опаздывать'. Во всех примерах актуализируется целевая валентность. Смысл 'отталкиваясь от земли', 'толчками' «подавляется» и становится неактуальным. Сохраняются и другие семантические компоненты: 'движение в пространстве', 'быстро', 'вперед'.

5. Выделяется отдельное значение, иллюстрируемое примером *Облака бегут*. Пример преобразует исходную субъектную валентность. В словаре С. И. Ожегова даются и другие примеры: *Дни бегут. Вода бежит. Кровь бежит из раны*. Эти примеры различаются валентностной структурой. Нейтрализуется валентность 'отталкиваясь от земли', 'соприкосновение с поверхностью', 'прерывистость контакта'. Движение имеет плавный характер. Однако в отличие от глагола *плыть* здесь важным оказывается признак 'движение по траектории, изменение которого заметно для наблюдателя'. Актуальными смыслами являются 'наблюдаемое движение', 'движение вперед'.

6. Как видно из анализа связи значений многозначного слова, единство слова базируется на сохранении в каждом из значений значимых компонентов когнитивной ситуации. Каждое из значений многозначного слова определенным образом связано с прямым значением, преобразуя его валентностную структуру.

Анализ многозначного слова с точки зрения отраженной в нем когнитивной ситуации раскрывает особенности русского языкового сознания, проявляющиеся как синтаксическое преобразование разных валентностей слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 552 с.
2. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: «Языки славянской культуры», 2004. 472 с.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: «Русский язык», 1991.
4. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М., 2014.

ДЕРУНОВА Анастасия Андреевна (Минск, Беларусь)

кандидат филологических наук, доцент
Белорусский государственный медицинский университет
derunovaa@gmail.ru

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ КОМПОНЕНТОВ
В БИВЕРБАЛЬНЫХ НАЗВАНИЯХ ДОКУМЕНТОВ
В РУССКОМ ДЕЛОВОМ ЯЗЫКЕ XI–XVII вв.**

Аннотация. В статье анализируются бивербальные названия документов, возникшие в русском деловом языке в XI–XVII вв., с точки зрения синтагматики. Устанавливается, что количество двусловных наименований документов зависит от лексической сочетаемости базового компонента, на основе которого возникает наименование.

Ключевые слова: русский деловой язык XI–XVII вв., названия документов, бивербы, синтагматика.

Abstract. The article deals with the biverbal names of documents that emerged in the Russian business language in the 11th – 17th centuries from syntagmatic point of view. It is determined that the number of arising compound (two-word) names of documents depends on the lexical compatibility of the basic component, on the basis of which the name appears.

Keywords: the Russian business language of the 11th – 17th centuries, the names of documents, biverbs, syntagmatics.

Синтагматические связи в атрибутивном словосочетании предполагают на уровне грамматики согласование слов в роде, числе и падеже, а на уровне лексики – семантическую сочетаемость слов, их способность вступать в сочетания с определенными классами языковых единиц, объединенных общим смыслом. Важна и лексическая сочетаемость – способность вступать в сочетания только с некоторыми словами данного семантического класса [2: 98-107]. Попытаемся проследить, как действует механизм семантической и лексической сочетаемости слов в древнерусском и старорусском языке на примере названий документов.

Русский деловой язык XI–XVII вв. зафиксировал уникальную систему предметных наименований документов, которая представлена однословными, двусловными и многословными названиями документов. Круг существительных, которые могут выражать значение ‘документ’, сформировался в начале древнерусского периода и включает в себя следующие единицы: *возписание, грамота, знамение, книга, листъ, написание, опась, отлучение, отпись, печать, писание, свершение, слово, советъ*. В старорусский период развития языка таких наименова-

ний становится больше: *ведомость, выписка, грамота, дача, дело, доездъ, доска, закрепление, записка, запись, знамя, книга, крепость, крепь, листъ, миръ, наказъ, опасение, отпускъ, очистка, память, памятка, перечень, письмо, подпись, послование, посольство, переписание, приездъ, продажа, путь, разрядъ, разъездъ, расписка, распросъ, свидетельство, сделка, сказка, смотръ, соблюдение, списание, списокъ, ссылка.*

Однако и этих однословных наименований для именования всех возникающих видов документов оказалось недостаточно. Чтобы конкретизировать названия, а также лучше представить содержание документа в его названии, в наименование документа вводится атрибутивный компонент. Большинство названий строится по типу «прилагательное + существительное». Таких наименований, по нашим данным, насчитывается 700 из 1100. Приведем примеры бивербальных единиц: *запись благословенная, порядная, поступная, складная, служилая, снимочная; книги беспошлинные, высыпочные, данные, загонные, заемные, отъезжие, отказные, приемные, приправочные, свозчиковы; списокъ обыскной, перечневой, разрубный, целовальный, явчий.*

Анализ показывает, что наиболее употребительным базовым именем является слово *грамота*. С этим словом зафиксировано 213 бивербов, что составляет 32,8% от общего количества двусловных наименований, т. е. практически третью часть от всех бивербов, что говорит о широком употреблении этого слова как названия документа. Вот некоторые бивербальные образования: *грамота беглая, беломестная, бережливая, береженная, беспошлинная, бессудная, благословенная, богомольная, верующая, вечная, ввозная, вкладная, владенная, владетельная, владельная, вольностная, воскладная* и др.

Почему же возникло такое большое количество наименований с базовым компонентом *грамота*?

Слово *грамота* – одно из ранних заимствований из греческого $\gamma\rho\mu\alpha\tau\alpha$ [7, т. 1: 212] – развивает свое значение ‘документ’ постепенно: ‘письменный знак, буква’ 1284 г.; ‘начертание букв’ 1296 г.; ‘умение читать и писать’ 1280 г.; ‘письменность’ XIII–XIV вв.; ‘то, что написано, текст’ 1280 г.; ‘письменный документ, договор’ 1299 г. [3, т. 2: 381–384].

Данным словом мог называться любой письменный документ. Как видим, лексическое значение слова не вносит ограничений на его сочетаемость с названиями видов документов. Ф. П. Филин называл термин *грамота* «безликим» [6: 220], так как он объединяет под своим именем разные виды деловых документов.

Среди базовых компонентов выделяются и другие слова, имеющие широкую предметную отнесенность, а также обладающие способностью образовывать на своей основе многочисленные бивербы. К таким именам относятся *дело, запись, книга, лист, память, сказка, список*. Большое количество двусловных наименований образуют слова, которые не связаны определенным жанром документа: *запись* ‘документ, запись о каком-либо юридическом акте’, *память* ‘общее название письменных сообщений, деловых записей, документов различного характера (обычно применявшихся при сношениях не подчиненных друг другу учреждений и лиц)’, *список* ‘запись, отчет, протокол’.

На основе таких имен в старорусский период возникают так называемые серии (Л. Я. Костючук) бивербальных наименований. Приведем примеры: *книги* *беспошлинные, боярские, венечные, веревные, верстальные, взносные, вкладные, выдельные, высыпочные, данные, данские, даточные, денежные, доимочные, дозорные, докладные, доходные, загонные, заемные, записные, кормленые, кормовые, кормчие, копейные, межевальные*, и др.; *список* *верстальный, доездный, доходный, излюбленный, метный, обводной, обыскной, опросный, перечневой, разрубный, рядный, смотренный, судный, ужинный, умолотный, целовальный, явчий*.

Представим в таблице базовые имена и количество зафиксированных бивербов, возникших на их основе.

Базовое имя	Количество бивербов	Базовое имя	Количество бивербов
грамота	213	кабала	13
книга	135	лист	9
память	80	записка	8
запись	64	ропись	8
список	30	сказка	7
письмо	14	выпись	7

Напротив, слова, лексически ограниченные, типа *кабала*, *речи*, *челобитная*, проявляют избирательную сочетаемость. Слово *челобитная* имеет значение ‘акт, письменное прошение, жалоба, исковое заявление’ [1: 11]. Оформление любого обращения низшего к высшему как униженного прошения [1: 12] придает конкретность этому виду документов. Фразеологизм *бить челом*, от которого произошло название документа, обозначает ‘обращаться с низким поклоном, с почтением’ [1: 36]. Только документы определенного жанра можно назвать *челобитной*. Это порождает ограниченную лексическую сочетаемость слова *челобитная* с атрибутивными компонентами для выражения названия документа: *исковая челобитная* ‘судебное заявление’, *явочная челобитная* ‘официальное уведомление властей о чем-либо’, *изветная челобитная* ‘донос по государеву слову и делу’, *повинная челобитная* ‘признание своей вины и просьба о смягчении наказания’, *мировая челобитная* ‘заявление о достижении соглашения спорящих сторон до судебного разбирательства’ и т. д. [1: 12].

Слово *кабала*, называющее ‘долговое обязательство’, образует 13 бивербов: *возочная*, *выкупная*, *денежная*, *заемная*, *заимная*, *закладная*, *невыкупная*, *плаченная*, *поручная*, *пошльная*, *служивая*, *служилая*, *хлебная*. Выбор атрибутивного компонента в данном случае зависит от вида займа, обязательства. Если заём обеспечен залогом, то такая кабала называется *закладная*; если заложенное имущество может быть выкуплено, то такая кабала будет иметь название *выкупной*. Если лицо, взявшее в долг, обязывалось служить для уплаты, то такая кабала называлась *служилой* или *служивой*; если в качестве платы бралось обязательство перевозить что-либо, то кабала называлась *возочной*; если кроме долгового денежного обязательства человек еще брал на себя долг другого человека, то такая *кабала* называлась *поручной*. Вот текстовые примеры: *Се аз, Иван Никитинич Воронцов, выручил есми у пристава великого князя у Ивана у Васильевича у Замятни ... А куда князь Данило отыдет или збежит за тою за моею поручною, ино господарю великому князю на мне, на Иване на Микитиниче, полтретья ста рублев ... На обороте написано: по сеи поручной кабале ...* (АСВР, т. 3: 35–

36). В тексте можно встретить трехсловные названия с указанием на две характеристики кабалы: *Того ж дни Матфей да Иван Шавруковы дети Муравьева подали челобитную да положили к докладу к записки докладную прадеда своего, да **выкупную служивую кабалу**. И в докладной, и в кабале писано...* (АСВР, т. 3: 434–435).

Речи (документы, которые составлялись при допросе, обыске) бывают *обыскные, расспросные, пыточные*. *Расспросные речи* ‘сведения, полученные при допросе’: *И ему Семену тех взятых людей **расспрашивать...** и **расспросные речи** отсылать в Белгород к боярину и воеводам* [4, т. 22: 38]. Следовательно, количество и значение возникающих атрибутивных компонентов в названиях документов ограничивается значением базового имени.

Отметим также, что, согласно законам сочетаемости слов, атрибутивный компонент согласуется с существительным в роде, числе и падеже. Если базовый компонент принадлежит к словам ж. р. ед. ч., то и атрибутивный компонент имеет окончание ж. р. ед. ч. В этот период развивается система взаимодействия бивербальных названий и их универбальных изоморфов [5: 20]: *грамота духовная > духовная, льготная грамота > льготная, грамота дертная > дертная*. При этом родовая принадлежность субстантивированного атрибутивного компонента указывает на родовую принадлежность базового имени.

Таким образом, количество возникающих двусловных наименований документов в старорусский период обусловлено лексической сочетаемостью базового компонента, на основе которого возникает бивербальное наименование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков С. С. Лексика русских челобитных XVII века: формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 164 с.
2. Крысин Л. П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 240 с.
3. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.: в 10 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. Р. И. Аванесова. М. : Рус. яз., 1988-2013. 8 т.
4. Словарь русского языка XI–XVII вв.: в 28 вып. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред) [и др.]. М.: Наука, 1975-2008. 28 вып.
5. Трофимович Т. Г. Типы предметных наименований в языке старорусской деловой письменности; Белорус. гос. пед. ун-т. Минск: БГПУ, 2003. 223 с.

6. Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1981. 327 с.

7. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13 560 слов: в 2 т. 6-е изд., стер. М.: Рус. яз. Медиа, 2004. 2 т.

ИСТОЧНИКИ

АСВР – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.: в 3 т. / Акад. наук СССР, Ин-т истории; отв. ред. Л. В. Черепнин. М.: Наука, 1952-1964. 3 т.

ДМИТРИЕВА Евгения Геннадьевна (Волгоград, Россия)

кандидат филологических наук, доцент
Волгоградский государственный университет
eg_dmitrieva@volsu.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ В ЗНАЧЕНИЯХ ЭМОТИВНЫХ ЛЕКСЕМ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-34-01009-ОГН «Отражение представлений о нравственном идеале в языке русской оригинальной агиографии XVIII–XX веков».

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования лексики эмоций в разножанровых памятниках письменности XI–XX вв. В центре внимания находятся проявления семантического синкретизма в лексических значениях исследуемых языковых единиц; выявленные случаи рассматриваются с точки зрения семантического развития (сохранения, частичного или полного преодоления синкретизма) и функционирования в текстах разных жанров; описана динамика реализации семантических изменений деривационного характера в смысловых структурах эмотивов в агиографическом тексте по сравнению с летописями и деловой письменностью.

Ключевые слова: лексика эмоций, лексическая семантика, синкретизм, семантическая деривация, житийный текст, диахрония.

Abstract. In the article the features of the functioning of the emotive vocabulary in the eleventh – twentieth centuries manuscripts are dealt with. The focus is on the manifestations of semantic syncretism in the lexical meanings of the language units; the identified cases are considered from the point of view of semantic development (preservation, partial or complete overcoming of syncretism) and functioning in the texts of different genres; the dynamics of the implementation of semantic changes of derivational character in the semantic structures of emotions in the hagiographic text in comparison with Chronicles and business writing.

Keywords: vocabulary of emotions, lexical semantics, syncretism, semantic derivation, hagiographic text, diachrony.

1. Сложность анализа содержательной стороны лексических единиц объясняется в лингвистической науке рядом причин, к их числу может быть отнесен синкретизм значений во всех его проявлениях (см. по-

дробнее [7]). В этой связи особый интерес вызывает рассмотрение семантических процессов в диахроническом плане, поскольку оно дает возможность выявить случаи сохранения синкретизма и его преодоления языком.

Объектом нашего исследования выступили проявления синкретизма в лексических значениях эмотивов.

2. Лексема **любити** в древнерусском и старорусском языке имела прямое значение «испытывать глубокую привязанность, расположение к кому-либо» [10: 327] и означала недифференцированный процесс состояния-отношения. Эта же черта характеризует семантику глагола **любить** и в современном русском языке. В целом, по замечанию Р. М. Гайсиной, глаголы эмоциональных отношений *презирать*, *ненавидеть*, *чтить* и др. могут рассматриваться как в пределах глаголов состояния, так и в пределах глаголов отношения [1: 18].

Термин **обида** в языке Русской Правды проявляет синкретизм значений, совмещая наименование правонарушения и эмоциональное переживание, вызванное нарушением прав. По-видимому, в древнерусском языке лексема **обида** подразумевала результат отрицательного физического и / или психологического воздействия на объект, проявляющийся и в определенном наносимом вреде, и в специфическом эмоциональном состоянии. Позднее **обида** была переосмыслена как действие, имеющее данный результат, что и закрепилось в сложном комплексе значений юридического наименования *обида*. Хотя терминологическое значение фиксируется еще в текстах XVIII века, в современном русском языке это слово сохранило только эмотивную семантику.

Прямым значением для глагола **скорбѣти** в словаре И. И. Срезневского признается значение «печалиться» [14: 402]. Анализ данных этимологических словарей позволяет установить родственные связи **скорбеть** с глаголом **скорбнуть** («сохнуть, засыхать, коробиться, сжиматься»), исходное значение праиндоевропейского корня – «кружить, кривить», а также предположить, что исходным значением корня глагола **скорбѣти** было значение «болеть», характеризующее физиологическое состояние. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что

прямыми значениями существительного **скърбь** И. И. Срезневский называет значения «боль, страдание», «болезнь, недуг» [14: 400].

Анализ житийных текстов старорусского периода показал, что данная лексема проявляет синкретизм семантики, поскольку способна обозначать сложные состояния. Так, в следующем фрагменте: *Больныи же начат зело скорбети, яко же и преже* [6: 282], – по-видимому, представлено сопряжение физического и психического аспектов переживания скорби, о чем свидетельствует семантика субстантивированного прилагательного *больныи*, выражающего субъект процесса.

В современном русском литературном языке глагол **скорбеть** имеет значение «испытывать скорбь, сильно печалиться» [11: 1013], о древнейшей семантике свидетельствует лишь устаревшее значение производного прилагательного **скорбный** – «больной, немощный» [11: 1013]. Первичное значение рассматриваемой языковой единицы сохранилось в русских народных говорах, где **скорбеть** – значит «болеть», а **скорбью** называется «всякая внутренняя болезнь» [1: 490]. Таким образом, можно говорить, что древний синкретизм значений преодолен лишь частично.

3. Возникновение синкретичных значений зачастую связано с процессами семантической деривации [8: 132]. Языковой материал памятников XI–XVII вв. показывает, что лексика эмоций активно пополняется, в том числе за счет деривационных семантических изменений в значениях единиц других лексико-семантических классов. В отличие от относительного разнообразия процессов семантической деривации, приводящих к расширению числа эмотивов, случаи семантической деривации, в которых в качестве мотивирующих выступали бы сами эмотивные лексемы, крайне редки. Анализ житийных текстов не зафиксировал подобные семантические изменения в смысловой структуре рассматриваемых языковых единиц. Однако в летописном тексте все же встречаются глагольно-именные сочетания, по отношению к которым можно говорить о семантической деривации [3: 16]. Обращение к памятникам деловой традиции позволило расширить наблюдения над семантикой и использованием эмотивной лексики, прежде всего потому, что отмеченные случаи употребления эмотивных лексем, с одной стороны, продолжают

традиции житийного и летописного жанров, а с другой – отличаются подлинным своеобразием [4: 24].

Привлечение языкового материала житий синодального и современного периодов позволило выявить случаи семантической деривации и синкретизма при развитии значений эмотивов в агиографических текстах. Так, существительные **сожалѣніе** («печаль, чувствуемая при несчастьи другого или при собственном лишении» [13: 177]) и **при-скорбіе** («туга душевная, печаль, огорчение» [12: 490]) в агиографических текстах используются в форме дательного падежа с предлогом **к** в составе вводных словосочетаний: *Къ великому прискорбію всѣхъ почитателей рабы Божіей Ксеніи, память народная не сохранила намъ рѣшительно никакихъ извѣстій ни объ ея происхожденіи, ни о годѣ ея рожденія, ни о годѣ смерти* [9: 3]; *Къ сожалѣнію, память народная не сохранила никакихъ извѣстій объ обстоятельствахъ и времени смерти и погребенія Ксеніи* [9: 5]; *Вотъ какъ онъ [о. Леонид] писалъ объ этомъ іеромонаху П.: «...Но, къ сожалѣнію, за премногіе грѣхи мои, въ нашемъ союзѣ не находится нынѣ такого мужественнаго и достойнаго строителя, который бы могъ содержать обитель и насъокормлять по преданію св. отецъ, и назидать благоразсмотрительно...»* [5: 23-24] Данные примеры иллюстрируют процесс складывания новых модальных значений. В современном русском языке подобные словосочетания далеко не всегда выражают эмоции говорящего, а служат скорее этикетной формулой.

4. Таким образом, проведенный анализ особенностей лексической семантики эмотивов, функционирующих в разножанровых текстах XI–XX веков (житиях, летописях, деловой письменности), выявил случаи синкретизма в значениях рассматриваемых единиц. Диахронический подход позволил установить, что в ходе развития значений первоначальный синкретизм может сохраниться, а может быть частично или полностью преодолен. Важную роль в этом играют процессы семантической деривации, результаты которых по-разному представлены в текстах разных жанров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь донского казачества. М.: Русские словари; Астрель; АСТ, 2003. 608 с.

2. Гайсина Р. М. Значение и синтагматика глаголов. Уфа: Издательство Башкирского университета, 1980. 80 с.
3. Дмитриева Е. Г. Изменения смысловой структуры глаголов эмоций в древнерусском тексте // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. 2010. № 1 (11). С. 14-19.
4. Дмитриева Е. Г. Развитие значений эмотивов в языке деловых документов // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. 2013. № 2 (18). С. 23-27.
5. Жизнеописание Оптинскаго старца іеромонаха Леонида (въ схимѣ Льва). М.: Типографія В. Готье, на Кузнецкомъ мосту д. Торлецкаго, 1876. С. 7-181.
6. Житие и чудеса преподобных Зосимы и Савватія Соловецких чудотворцев. Курган: Издательство Курганского государственного педагогического университета, 1995. С. 9-84.
7. Пименова М. Вас. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // ВЯ. 2011. № 3. С. 19-48.
8. Пименова М. Вас. Семантическая деривация и синкретизм // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2012. Т. 154. Кн. 5. С. 132-136.
9. Рахманинъ Е., прот. Раба Божія Блаженная Ксенія. СПб.: «Электронпечатня» Я. Кровицкого, 1908. 8 с.
10. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. М.: Наука, 1981. 352 с.
11. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 13. М., 1962. 1516 стлб.
12. Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный Вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи наукъ: в 4 т. Т.3. Санкт-Петербургъ: Въ Типографіи Императорской Академіи наукъ, 1847. 589 с.
13. Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный Вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи наукъ: в 4 т. Т.4. Санкт-Петербургъ: Въ Типографіи Императорской Академіи наукъ, 1847. 487 с.
14. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусскаго языка по письменнымъ памятникам: в 3 т. Т.3. М.: Знак, 2003. 1000 с.

ЕРОФЕЕВА Ирина Валерьевна (*Казань, Россия*)

доктор филологических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет
erofeeva89@mail.ru

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются аксиологические функции словообразовательных моделей в древнерусском языке. Определяется характер деривационных процессов в сфере номинации качеств и состояний человека – области, в которой наиболее явственно выражаются ценностные ориентиры древнерусского сознания. Приводятся примеры образований транспозиционного типа, служащих для обозначения духовно-нравственных качеств человека, важных в православно-религиозной концепции человека. Выявляется специфика производящей базы для имен со значением состояния или качества.

Ключевые слова: аксиология, стилистика, словообразование, древнерусский язык.

Abstract. The paper presents the axiological functions of word-formation models in the Old Russian language. One determines the nature of the derivational processes in the sphere of the nomination of a person's qualities and states -- the sphere in which the value orientations of the ancient Russian consciousness are most clearly expressed. One gives examples of the formations of a transpositional type, which serve to designate the spiritual and moral qualities of a person that are important in the Orthodox-religious man's concept. One identifies the specifics of the formation base for the names with the meaning of state or quality.

Keywords: axiology, stylistics, word formation, Old Russian language.

В древнерусских памятниках письменности представлено значительное количество разнообразных производных форм, большинство из которых возникли уже в праславянскую эпоху. Многообразие отраженных в древнерусском языке словообразовательных моделей – свидетельство активности и непрерывности процессов словопроизводства в общеславянском языке, из которого выделился древнерусский язык. В нем стал активно использоваться уже сформировавшийся арсенал словообразовательных средств, который в течение последующих эпох постоянно расширялся как за счет аффиксов, возникших из собственно славянских элементов, так и за счет заимствованных морфем.

Как известно, словообразовательные средства уже издревле выполняли стилистическую функцию [3; 6]. Наряду с этим словообразовательные процессы имели и аксиологическую ориентированность, что неоднократно подчеркивалась в работах по истории русского языка. Словообразовательно маркировалось то, что было значимо для сознания средневековья: «словообразовательные средства привлекаются, как правило, для означивания тех реалий, которые могут оцениваться» [1: 29].

Ценностный подход к жизни получил свое выражение в производных образованиях разных суффиксальных типов. Уже к началу письменной эпохи сложились сложные по структуре форманты типа *-(е)ние, -тие, -ость, -ство* и под., обеспечивающие возможность номинации таких качеств, которые относятся к внутреннему миру человека и характеризуют его со стороны его душевной организации.

Указанные морфемы служили средством транспозиции из класса глаголов или прилагательных в класс существительных, в результате чего возникли такие номинации, которые, будучи мотивированными, имели расчлененную смысловую структуру. В таких производных выде-

ляются ономаσιологический базис, указывающий на отнесенность к определенному классу предметов, и ономаσιологический признак, определяемый характером производящей основы [5: 58-59]. Таким образом возникли обозначения не просто отвлеченного действия или признака, а действия или признака опредмеченного.

Поэтому при транспозиции в производном, с одной стороны, сохраняется значение мотивирующей единицы в форме ассоциации с тем словом, которое является производящим, с другой стороны, появляются и новые свойства. Поэтому понимание транспозиции только как факта приобретения словом иной синтаксической функции сужает понимание словообразовательного процесса. Возникшие таким путем дериваты получают и новую сочетаемость, в пределах которой могут приобретать не только новые коннотации, но и новую область предметной отнесенности.

Для осмысления способов оценки, актуализированных в словообразовательных актах, необходимо представлять специфику понимания человека в древнерусскую эпоху. Главными в православно-церковной концепции человека, сложившейся на Руси, были такие представления, как отказ от плотских удовольствий, смирение и вера [4: 99].

При воссоздании образа людей в средневековых текстах на первый план выходят качества человека, а не сам человек. Изображался не человек, обладавший единым характером, а только совокупность качеств личности, определяемых православно-религиозной традицией. Именно этот фактор обусловил необходимость в номинации отвлеченных качеств и назывании их существительными, а не соответствующими прилагательными или глаголами. Пороки и добродетели могли быть обозначены только словами с общим предметным значением, но не с признаковым или глагольным.

При образовании производных имен с отвлеченным значением наряду с изменением исходной синтаксической функции происходят существенные изменения содержательного аспекта. Отадъективные и отглагольные субстантивы называли такие качества личности, во власти которых находился человек, присутствие которых определяло его поведение и умонастроение [2: 314]. Они становятся обозначениями само-

стоятельных, нравственных категорий, осмысление которых активно происходило в специальных жанрах древнерусской литературы, прежде всего в тех, в которых отражались идеальные представления о личности.

Со смысловым содержанием производных имен отвлеченной семантики тесно связана и их стилистическая функция. Используясь для номинации отвлеченных понятий, они неизбежно оказывались в сфере высокого стиля, в области которого многие из них остаются и до сегодняшнего дня, несмотря на постепенное угасание стилистической маркированности большинства из этих моделей.

Самым продуктивным из суффиксов отвлеченного значения был отглагольный суффикс *-(е)ние*. При мотивировке глаголами психического или морального действия дериваты на *-(е)ние* реализуют значение **состояния или качества**. Именно эти производные используются для номинации разных атрибутов человека, проявлений духовной жизни, которые отделены от человеческого характера. Такие формы мотивируются глаголами состояния, называющими действие, замкнутое в субъекте, и называют эмоциональное состояние: *стыдение* – ‘стыд, почтение’, *смятение* – ‘смута, смятение’, *умиление* – ‘успокоение, смирение’, *изумѣние* – ‘изумление’, *уныние* – ‘печаль, уныние’, *наслаждение* – ‘радость’ или функциональное состояние: *хотѣние*, *желание*, *похотѣние*, *изволение*. Функциональное состояние лица может затрагивать любую сферу его деятельности (психическую, моральную, физическую и др.). Большинство имен, называющих эмоциональное состояние, являются наименованиями этических ценностей истинного христианина, хотя не все из них содержат прямую отнесенность к религиозной сфере.

Производные с суффиксом *-(е)ние*, мотивированные глаголами психического или морального действия, выражают значение качества: *тщание* – ‘усердие’, *сѣмѣрение* – ‘покорность’, *опасение* – ‘осторожность’, *покорение* – ‘покорность’, *рассмотрѣние* – ‘внимательность’ и т. д.

Образования на *-(е)ние* со значением состояния или качества используются в средневековых текстах для обозначения различных проявлений духовной жизни при характеристике персонажей, воплощающих

в себе христианские добродетели. Специфической чертой изображения человеческого поведения в церковных произведениях является то, что «поступки приписываются не самим людям, а соответствующим их качествам: отдельный поступок вытекает из отдельного качества человека» [2: 314].

Такие формы представлены в произведениях религиозного содержания, связанных с житийно-поучительной литературной традицией. Например, в «Повести временных лет» в «Сказании о первых черноризцах»: *«Паче же имѣти въ оустѣхъ Псалтырь Давидовъ подобаетъ черноризцем. симъ бо прогонити бѣсовское оунынье. паче же имѣти к собѣ любовь всѣм меншим и к старѣишим покоренье и послушанье. старѣишимъ же к меншимъ любовь и наказанье. и образ бывати собою. въздержаньем и бдѣньем. хоженьем и смѣреньем»* [7: 62]; в «Похвальном слове Феодосию Печерскому»: *«Иже пасяше словесныя овця. нелицемѣрно с кротостью. и с рассмотреньемъ»* [7: 71]. Часто конструкции с отглагольными именами включают дополнение в творительном падеже, о которых А. А. Шахматов в своей классической работе по синтаксису говорил, что творительный называет такое представление, которое способствует развитию глагольного признака [8: 340]. То есть образования *кротость* и *рассмотренье*, используя с предлогом *съ* при глаголе, указывают на такие качества, которые должны присутствовать при осуществлении предписываемого религиозными постулатами действия.

Производные имена со стилистически маркированными аффиксами, как правило, организуются в многокомпонентные ряды. С помощью приема градации, перечисляя духовно-нравственные качества личности, древнерусский книжник утверждал константы христианского мировосприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вендина Т. И. Словообразование как способ дискретизации универсума // ВЯ. 1999. № 2. С. 27-49.
2. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 350 с.
3. Ерофеева И. В. Лингвокультурологический подход к исследованию древнерусского текста // Ученые записки Казанского университета. Т. 154. Кн. 5. Казань, 2012. С. 17-22.
4. Замалеев А. Ф. Человек в мировоззрении русского средневековья // Человек в зеркале наук. СПб., 1991. С. 96-106.

5. Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М.: Наука, 2010. 120 с.
6. Николаев Г. А. Словообразование и стилистика // Русское и славянское словообразование. Казань: Казан. ун-т, 2011. С. 123-135.
7. Повесть временных лет. Лаврентьевский список летописи // Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянской культуры, 2001. Т. I. С. 1-286.
8. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л.: Учпедгиз, 1941. 620 с.

ЕСАУЛОВ Николай Николаевич (*Владимир, Россия*)

кандидат филологических наук, профессор
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
nnesaulov44@gmail.com

РЕЧЬ АВТОРА-ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ
КАК СРЕДСТВО ЭКСПЛИКАЦИИ МЕНТАЛЬНОСТИ
ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ Т. ДРАЙЗЕРА
(на материале романа «Сестра Керри»). Ч. 2

Аннотация. В статье путём анализа различных видов речи автора-повествователя в романе «Сестра Керри» продолжается доказательство необоснованности обвинений в недостаточном владении языком и стилем, традиционно предъявляемых Т. Драйзеру.

Ключевые слова: языковая личность, ментальность, автор-повествователь, точка зрения, двуголосие

Abstract. By explicating various kinds of the author-narrator's speech in the novel "Sister Carrie" by Theodore Dreiser this second part of the article "The author-narrator's speech as the medum of revealing the mentality of T. Dreiser's language personality (based on the material of the eponymous novel)" continues to refute the lingering critical allegations about the writer's inadequacies as a verbal artist.

Keywords: linguistic personhood/language personality, authorial mentality, the author-narrator, point of view, two-voice texture/double-voicedness

Напомним, что отправным моментом данной статьи является остающийся актуальным и в наши дни полемический тезис Генри Миллера о том, что Драйзер, подобно Джойсу, «делает язык точным подобием сознания своих героев» [6]. Предмет второй части нашего анализа – оговорки-квалификации или второй голос в двуголосой речи автора-повествователя, относящейся к коммивояжеру Чарльзу Друэ; в этом голосе раскрывается авторская ментальность Драйзера.

Всего в главах 5, 6, 10 и 46 выявлено 10 примеров, из которых два – с модализованным глаголом *seem* – включаются только формально:

оборот *seemed to him* превращает Друэ в объект, остальные примеры «утверждают» его «я» не как объект, а как другой субъект [2: 12].

Ch. V: «Drouet did not call that evening. After receiving the letter, he had laid aside all thought of Carrie for the time being and was floating around having what he considered a gay time... Drouet was not a drinker in excess. He was not a moneyed man. He only craved the best, as his mind conceived it, and such doings seemed to him a part of the best. Rector's, ..., seemed to him the proper place for a successful man to go... His preference for Fitzgerald and Moy's Adams Street place was another yard off the same cloth. This was really a gorgeous saloon from a Chicago standpoint» [7: 47-48].

Гл. 5: «Друэ не пришёл в назначенный вечер. Получив письмо Керри, он на время оставил все мысли о ней и всецело отдался развлечениям, – в том духе, в каком он понимал это слово... Друэ не был пьяницей и не был человеком денежным. Он только жаждал всего, что было лучшим в жизни, – «в его представлении, разумеется», – и подобное времяпрепровождение «казалось ему» частицей лучшего. Ресторан “Ректор” ..., «казался ему» наиболее подходящим уголком для преуспевающего человека... Предпочтение, которое он отдавал бару «Фицджеральд и Мой», основывалось на тех же соображениях. «Для Чикаго» это был роскошный бар» [5].

Ch. VI «He was a brotherly sort of creature “in his demeanour”...» Somehow, the influence he was exerting was powerful. They came to an understanding of each other without words – he of her situation, she of the fact that he realized it.

“No,” he said, “you can't make it!” genuine sympathy filling his mind for the time. “Let me help you. You take some of my money.”

“Oh, no!” she said, leaning back.

“What are you going to do?” he said.

She sat meditating, merely shaking her head.

He looked at her quite tenderly for his kind... “Come on,” he said, “I'll see you through all right. Get yourself some clothes.” [7:67-69] ...»

Гл. 6: «Друэ держался с Керри совсем по-братски, ... Почему-то влияние Друэ на неё оказалось непреодолимым. Они начали понимать

друг друга без слов. Ему стало ясно, в каком она находится положении, а ей – что он это понимает.

– Нет, это не годится! – с искренним в эту минуту сочувствием произнёс Друэ. – Позвольте мне помочь Вам. Возьмите у меня немного денег.

– О нет! – воскликнула Керри и даже отшатнулась от него.

– Что же вы будете делать?

Она задумалась и молча покачала головой.

Друэ смотрел на неё с **необычной для него нежностью**. [5]

Ch. X «*Drouet, all the time, was conducting himself in a model way for one of his sort. He took her about a great deal, spent money upon her, and when he travelled took her with him*» [7:105].

Гл. 10 «*Друэ меж тем – для человека его типа – вел себя безукоризненно. Он всячески развлекал Керри, много тратил на нее и брал ее с собой в деловые поездки*» [5].

Ch. XLVI «*The next day Drouet called, but it was with no especial delight that Carrie remembered her appointment. However, seeing him, handsome as ever, after his kind, and most genially disposed, her doubts as whether the dinner would be disagreeable were swept away. He talked as volubly as ever...*» [7:528].

Гл. 46 «На следующий день Друэ явился, но Керри без малейшей радости дожидалась его прихода. Однако, видя его **таким же сияющим и благодушным**, как всегда, она отрешилась от своих опасений за исход этого обеда. Друэ по-прежнему много болтал» [5].

Гл. 5 подробно изображает, как Друэ развлекается. При этом в речи автора-повествователя в пределах одного предложения-высказывания последовательно применяется двуголосие: первый голос – разновидность, в которой автор-повествователь либо нейтрален по отношению к Друэ, либо моделирует сознание другого персонажа (см. [6]), второй антитетичен первому. В романе немало примеров иного рода, в которых автор-повествователь прямо характеризует Друэ. Напротив, в рассматриваемых примерах Драйзер дистанцируется от героя, выражая свою точку зрения не прямо, а косвенно [3] при помощи различных языковых средств. Во втором приведенном предложении гл. 5

словосочетание *a gay time* («весёлое времяпрепровождение») квалифицируется определительным оборотом *what he considered* в препозиции. В переводе М. Волосова авторская точка зрения относительно удачно передаётся придаточным определительным в постпозиции. Удачно ещё и потому, что, как мы убеждаемся далее, Драйзер чаще обнаруживает свою точку зрения именно в постпозиции.

Это видно далее, начиная со второго примера, где придаточное определительное *as his mind conceived it* следует за главным предложением, квалифицируя дополнение *the best* (*He only craved the best*) и создавая посредством полипредикативности иную точку зрения. Кроме того, авторская точка зрения выражена в этом и следующем предложениях при помощи модализованного глагола *seem*, который рассматривается обычно как средство выражения не субъективной, а объективной модальности, хотя такое деление не бесспорно [3]. Однако они, как и пример в препозиции (*having what he considered the best time*) не звучат, как ‘живой голос цельного человека’ [2:10].

Драйзер добивается такого впечатления в остальных семи примерах. Переводчик Марк Волосов по-разному справляется со своей задачей. Впрочем, если присмотреться, то мы начинаем замечать, что второй голос оригинала не всегда звучит одинаково. Как было сказано, определительный оборот в препозиции *what he considered* удачно передаётся в постпозиции, однако и автор, и переводчик при этом несколько опредмечивают героя, он становится объектом. Аналогичное впечатление производит и следующий пример (*He only craved the best, as his mind conceived it*), в котором перевод «в его представлении, разумеется» ещё более объективирует позицию автора-повествователя, превращая героя в объект.

Последний пример гл. 5 представляет собой классический образец двуголосового высказывания: лексика и синтаксис первой части (*This was really a gorgeous saloon*) производят впечатление живой (прямой) речи наивного патриота г. Чикаго, а обстоятельство в постпозиции (*from a Chicago standpoint*) звучит как насмешливый голос его искушённого нью-йоркского оппонента. М. Волосов применил в перевод препозицию, а сохранение прошедшего времени глагола-связки *was*, выполнявшего в

оригинале чисто формальную грамматическую функцию, превратило двуголосие в чисто монологическое замечание всезнающего повествователя (*Для Чикаго это был роскошный бар*), и графическое выделение обстоятельства в русском переводе потеряло смысл.

Пример в гл. 6 (*genuine sympathy filling his mind **for the time***) в оригинале демонстрирует великолепный эффект двуголосия, в котором фраза **for the time** звучит как насмешливая реплика, указывающая, что «искреннее сочувствие» Друэ эфемерно.

К сожалению, не менее выразительный пример двуголосного высказывания (*He was a brotherly sort of creature 'in his demeanour'*) в переводе также превращён в слегка ироническое *Друэ держался с Керри совсем по-братски...* Аналогичная судьба постигла и другие примеры гл. 6 и 10. Пример из гл. 46, описывающей последнюю встречу Друэ с превратившейся в знаменитость Керри, пострадал больше всех, исчезнув вовсе. Во многом это вызвано объективными причинами, отчасти также и установкой М. Волосова на вольный перевод. В третьей части статьи предполагается вернуться к затронутым проблемам, в частности, к оценке художественного мастерства Т. Драйзера и нравственных качеств его героини.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Прагматика // Большой Энциклопедический Словарь. Языкознание. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. С. 389-390.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд 4-е. М.: «Советская Россия», 1979. 320 с.
3. Гоготишвили Л. А. Двуголосие в соотношении с монологизмом и полифонией ... // Непрямое говорение. М.: Языки славянской культуры, 2006. 720 с. С. 91-132: <https://avidreaders.ru/download/непрямое-говorenie.html?f=pdf>
4. Ляпон М. В. Модальность // Большой Энциклопедический Словарь. Языкознание. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. С. 303-304.
5. Драйзер Т. Сестра Керри / Пер. М. Волосова: <http://dreizt.com/slovdreiser.htm>
6. Appraisals by non-critics, assessments of Dreiser by his contemporaries. Dreiser and fellow-writers. July 3, 2016: "Dreiser's Style", the text of Henry Miller's letter to the publisher containing his response to T.K. Whipple's review of "An American Tragedy" in "The New Republic" of March 1926: <https://dreiseronlinecom.wordpress.com/2016/07/03/henry-miller-and-dreiser/> (Дата предьявления 09.03.2019) См. также Есаулов Н.Н. Речь автора-повествователя как средство экспликации ментальности языковой личности Т. Драйзера (на материале романа «Сестра Керри»). Ч. 1 // Язык и ментальность в диахронии: материалы Всероссийского научного семинара с международным участием для молодых учёных (Владимир – Суздаль, 26 – 28 сентября 2017 г.). Владимир: Транзит-ИКС, 2017. С.389.

7. Dreiser, Theodore. *Sister Carrie*. First 1900 edition published by Doubleday, Page & Co.: http://www.library.upenn.edu/docs/exhibits/rbm/dreiser/Sister_Carrie_1stEdition_1900.pdf (Дата предьявления 08.03.2019).

ЗАГУМЕННОВ Александр Владимирович (*Вологда, Россия*)

специалист по связям с общественностью
Вологодский областной центр медицинской профилактики
zaw1991@mail.ru

СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ С СОЮЗОМ *СИРЕЧЬ*
В СОЧИНЕНИИ И. М. КАТЫРЁВА-РОСТОВСКОГО
«НА ИКОНОБОРЦЫ НА ВСЯ ЗЛЫЯ ЕРЕСИ»: ФУНКЦИОНАЛЬНО-
СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье рассматриваются синтаксические конструкции с союзом *сиречь* из сочинения И. М. Катырёва-Ростовского в функционально-семантическом и герменевтическом аспектах. В первом случае обосновывается, что к первой трети XVII века оформились те подтипы пояснительных отношений, которые выделены в концепции А.Ф. Прияткиной. Во втором (герменевтическом) аспекте осуществляется классификация всего массива предложений, извлеченного из сочинения И. М. Катырёва-Ростовского, по смысловому единству поясняющих членов.

Ключевые слова: XVII век, синтаксис, герменевтика, личность.

Abstract. The article discusses syntactic constructions with the union «sirech'» ('that is'), from the work of I. M. Katyrev-Rostovsky in functional-semantic and hermeneutic aspects. In the first case, it is justified that the first third of the XVII century was formed by the subtypes of explanatory relations, which are highlighted in the concept of A.F. Priyatkina. In the second (hermeneutical) aspect is the classification of the entire array of sentences extracted from the writings of I. M. Katyrev-Rostovsky on the semantic unity of the explaining participant.

Keywords: XVII century, syntax, hermeneutics, personality.

I. Тексты «бунташного века» привлекаются во многих опытах монографического исследования истории языка XI – XVIII столетий [3; 4; 5; 8 и другие]. При этом обращает на себя внимание недостаточная изученность «уточнительно-пояснительных» предложений [11], предложений «с уточняющими членами» [16], носителей «вторичного» «предикационного отношения» [12], «пояснительно-отождествительных» [18] конструкций, риторических метатекстов «семантизирующего типа» [7]. В предлагаемой статье анализируются единицы с союзом «сиречь», извлеченные из памятника XVII столетия.

II. В полемическом сочинении И. М. Катырёва-Ростовского обнаруживается 16 таких предложений. Они (в соответствии с концепцией А. Ф. Прияткиной [13]) могут быть распределены по трём типам.

К первому из них относится разъяснение «того, что с точки зрения говорящего требует объяснения («пояснение» в буквальном смысле слова)» [13: 64]. В этот тип входят контексты: «... сотвори себѣ змия и положи его на знамени, **сиречь на древь**, и будетъ аще уранитъ человека и всякъ ужаленный, видѣвый, живъ будетъ» [9: 120]; «Глаголетъ бо апостоль безъ брашнымъ, **сирѣчь иже житейскимъ не причастишася бракомъ**, тако и вдовицамъ повелеваетъ глаголя...» [9: 162]; «Мудръствуютъ иконохулници, пишутъ во апологии своей, **сиречь во своемъ узаконеніи...**» [9: 137]; «...”дадь еси боящимся тебѣ знамение, еже убѣжати отъ лица луку”, **сирѣчь отъ стрѣль вражихъ**» [9: 149], «Многие святыхъ телеса миро источиша, **сирѣчь масла благоухания...**» [9: 157]; «Иже слышите, маловѣрнии, яко въ животъ своемъ тако отшествию своемъ, **сирѣчь і по умертвию своемъ...**» [9: 160]. Ко второму типу (по концепции А. Ф. Прияткиной) относится субъективная «(идущая от говорящего) интерпретация того или иного факта, явления; определение его значимости, оценка, выявление скрытого содержания. (Такое то есть иногда можно заменить выражением а это значит или в смысле)» [13: 64]. В эту группу входят контексты: «**тако и здѣ человекъ Господь**, обаче же яда греховнаго свободъ, подобиемъ плоти греховныя пришедъ, **сиречь подобиемъ плоти греху подлежащей, обаче же не греху плоть сущи**» [9: 120]; «И се есть, иже глаголетъ Павелъ: “совлекъшу начала и власти” показавъ, обличивъ сию симъ, **сирѣчь Адамъ убо праведно умре, согреши бо, Господь же неправедно умре, не согреши бо**» [9: 121]; «Се убо змиі живыи и ядовитыя насъ уязвляше, **сииречь врагъ...**» [9: 145]; «Тому же подобно и новымъ иергомъ, **сиречь ученикомъ своимъ**, даде силу очищати, то есть отпущати грѣхи...» [9: 168]; «...”глаголи сыномъ Израилевымъ: мужъ или жена, аще сотворитъ отъ всѣхъ грѣхъ, человекъ презрѣвъ, презритъ въ Господь”, **сиречь преступилъ бы заповеди Господи!**» [9: 168]. К третьему типу пояснения относится «конкретизация» [13: 64]: «Просѣтре же руцѣ Христось даже своею ру-

кою древнихъ, **сіуречь і Израильтескихъ**, людей овою же языки привлечеть и обои собѣ совокупить» [9: 122]; «Сего ради глаголетъ Господь: “подобаетъ Сыну Человеческому распятися”, **сиречь несть инако возможно быти мукамъ, токмо крестомъ и ту суца**» [9: 123]; «кто оклеветаетъ рабовъ, но избранныхъ Божиихъ, і хто укорить вѣрующихъ Богу, хто, рече, нань подѣмлетъ, **сиречь, хто по смѣетъ, или дерзнетъ что глаголати на избранныя Божия**» [9: 155]; «...такъ и Христосъ вознесетъ, даже взірающеи нань, **сиречь верующей, имуть животъ вечный**» [9: 120]; «Которою бо иною смертию быша сотворилася сия, аще не симъ, еже на воздусъ бывше, **сіуречь на крестъ?**» [9: 122]. С позиций концепции А. Ф. Прияткиной, в первой трети XVII столетия пояснение в полном смысле этого слова представлено всеми подтипами (разъяснение, интерпретация, конкретизация).

III. Само по себе содержание метаоснований предыдущей классификации синтаксических конструкций указывает на наличие элементов герменевтики, рассматриваемой вслед за Г. И. Богиным как «деятельность человека или коллектива при понимании или интерпретации текста или того, что может трактоваться как текст» [2]. В рамках обозначенного подхода уже описанные конструкции могут быть распределены по параметру единства, схожести в области референции поясняющих членов. Ниже даны группы от наиболее объемной к наименее значимой.

Смерть. «Иже слышите, маловѣрнии, яко въ животъ своемъ тако отшестви своемъ, **сиречь і по умерътви своемъ...**» [9: 160]; «И се есть, иже глаголетъ Павелъ: “совлекъшу начала и власти” показавъ, обличивъ сию симъ, **сиречь Адамъ убо праведно умре, согреши бо, Господь же неправедно умре, не согреши бо**» [9: 121]; «Сего ради глаголетъ Господь: “подобаетъ Сыну Человеческому распятися”, **сиречь несть инако возможно быти мукамъ, токмо крестомъ и ту суца**» [9: 123]; «Которою бо иною смертию быша сотворилася сия, аще не симъ, еже на воздусъ бывше, **сіуречь на крестъ?**» [9: 122]. На этом фоне как возможная оппозиция (и по целостности, и по онтологическому статусу – бытию, жизни) рассматривается следующая группа примеров.

Множество, собрание, совокупность живущих. Брак: «Глаголетъ бо апостоль безъ брацнымъ, **сирьчь иже житейскимъ не причастишася бракомъ, тако и вдовицамъ повелеваетъ глаголя...**» [9: 162]; верующие: «...**тако и Христось вознесся, даже взірающеи нань, сирьчь верующей, имуть животъ вечный**» [9: 120]; враг: «Се убо зміи живыи и ядовитыя насъ уязвляше, **сииречь врагъ...**» [9: 145]; люди: «**Просьтре же руцъ Христось даже своею рукою древнихъ, сииречь і Израильтескихъ, людей овою же языки привлечеть и обои собъ совокупить**» [9: 122]; плоть: «**тако и здъ человекъ Господь, обаче же яда греховнаго свободъ, подобиемъ плоти греховныя пришедъ, сиречь подобиемъ плоти греху подлежащей, обаче же не греху плоть сущи**» [9: 120]; ученики: «**Тому же подобно и новымъ иергомъ, сиречь ученикомъ своимъ, даде силу очищати, то есть отпуцати гръхи...**» [9: 168]. В последнем примере употреблены и союз *сиречь*, и союз «то есть», что позволяет утверждать об отсутствии строгой стилистической маркированности второго из названных, поскольку языковая личность [1; 7] сочла возможным его использование в тексте полемической направленности как части некоторого раскрывающегося «словесного ряда» (М. Вас. Пименова, Б. М. Энгельгардт).

Вместе с тем эти наблюдения на уровне феноменологической дескрипции (Э. Гуссерль, Г. Г. Шпет) эксплицируют некоторую однородность и организованность по смыслу, понимая под последним общую соотношенность и «связь всех относящихся к ситуации явлений» [6: 95]. С этих позиций зафиксированные в лексикографических изданиях значения 'брак, супружество' [14: 314]; '1. Люди; 5. Посторонние, другие люди' [15: 341-342] и формы множественного числа отсылают к некоторому «пределу», к некоторой «категории», могущей быть реконструированной на основании общего описания области референции. Более того, этот смысловой компонент (и в то же время компонент смысла) своего рода «пронизывает» уровни синтагматики, эпидигматики и парадигматики.

Оставшиеся контексты не образуют сплоченных групп в данном полемическом сочинении. Среди примеров перечислим следующие. **Дерево:** «...**сотвори себъ змія и положи его на знамени, сиречь на древь, и будетъ аще уранить человека и всякъ ужаленный, видгъвый,**

живъ будетъ» [9: 120]; **жанр** (?): *«Мудръствують иконохулници, пишутъ во апологии своей, сиречь во своемъ узаконеніи...»* [9: 137]; **лук, оружие**: *«Сице же и Давыдъ, гадателствуя, рече: “далъ еси боящимся тебѣ знамение, еже убѣжати отъ лица луку”, сиречь отъ стрѣль вражихъ»* [9: 149]; **масло, вещество**: *«Многие святыхъ телеса миро источиша, сиречь масла благоуханія...»* [9: 157]; **действие** (?): *«хто оклеветаетъ рабовъ, но избранныхъ Божиихъ, і хто укоритъ вѣрующихъ Богу, хто, рече, нань подѣмлетъ, сиречь, хто по смѣетъ, или дерзнетъ что глаголати на избранныя Божія»* [9: 155]. Как демонстрирует изложенный материал, анализируемые предложения обладают «герменевтическим потенциалом». При этом парадоксальная с точки зрения структурно-системного подхода неоднозначность пояснения как синтаксической связи может заключаться в том, что пояснение – не только «синтаксис», это и «личностное вмешательство» в раскрывающийся словесный ряд на дифференциальных уровнях реализации последнего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богин Г. И. Обретение способности понимать: работы разных лет. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. Т. 1. 156 с.
2. Богин Г. И. Введение 1. Филологическая герменевтика как деятельность [Электронный ресурс] / Г. И. Богин. URL: <https://scibook.net/filologicheskaya-germenevtika/filologicheskaya-germenevtika-kak-26111.html> (дата обращения: 07.02.2019)
3. Борковский В. И. Историческая грамматика русского языка. М.: URSS, 2007. 511 с.
4. Горшкова К. В. Историческая грамматика русского языка. М.: Высш. школа, 1981. 359 с.
5. Живов В. М. История языка русской письменности. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. Т. 2. 1285 с.
6. Исследование рече-мыслительной деятельности. Алма-Ата : [б. и.], 1974. 194 с.
7. Карманова З. Я. Феноменологические аспекты содержательной структуры слова: автореферат дис. ... д-ра филол. наук. М., 2012. 56 с.
8. Колесов В. В. Историческая грамматика русского языка. М.: Академия; СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 511 с.
9. Летопись занятий Археографической комиссии за 1905 год. СПб.: Типография М. А. Александрова (Надеждинская, 43), 1907. Вып. 18. 284 с.
10. Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. 596 с.
11. Максимов Л. Ю. Многомерная классификация сложноподчиненных предложений. Ставрополь; Пятигорск: Изд-во СГУ, 2011. 675 с.
12. Манаенко Г. Н. Функционирование осложненного предложения в публицистическом тексте: информационно-дискурсивный подход : автореферат дис. ... д-ра филол. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 42 с.

13. Прияткина А. Ф. Русский язык: синтаксис осложненного предложения. М.: Высш. шк., 1990. 175 с.
14. Словарь русского языка XI-XVII вв. М.: Наука, 1975. Вып. 1: (А-Б). 371 с.
15. Словарь русского языка XI-XVII вв. М.: Наука, 1981. Вып. 8: (Крада – Лящина). 351 с.
16. Современный русский язык. М.: Просвещение, 1987. Ч. 3: Синтаксис. Пунктуация. 256 с.
17. Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка. М: Высш. школа, 1972. 360 с.
18. Чуглов В. И. Осложненное предложение: полупредикативные и пояснительные конструкции в современном русском литературном языке: структурно-семантический аспект : автореферат дис. ... д-ра филол. наук. Ярославль, 2012. 45 с.

ЗАЙЦЕВА Ирина Павловна (*Витебск, Беларусь*)

доктор филологических наук, профессор
Витебский государственный университет
имени Петра Мироновича Машерова
irinazaj91@mail.ru

О СВОЕОБРАЗИИ ПОЭТИЧЕСКОГО РЕЧЕВОГО МЫШЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ (на материале творчества Марины Бородицкой)

Аннотация. В статье – с позиций воплощения в произведении авторского типа поэтического речевого мышления – анализируется стихотворение современной поэтессы Марины Бородицкой. В ходе анализа продемонстрирована одна из основных особенностей воплощения этого типа речевого мышления в словесно-художественном произведении, находящая выражение в обращении автора с используемым языковым (в частности – лексическим) материалом. Свойства лексических единиц десемантизироваться и расширять свой семантический объём показаны на примере функционирования в лирическом тексте прецедентного имени **Диана**, которым наделена одна из наиболее известных античных богинь.

Ключевые слова: мировосприятие, поэтическое речевомышление, лирика, семно-семемный тип поэтического речевомышления, семантический объём, десемантизация, сема.

Abstract. The article analyzes the poem of the modern poetess Marina Boroditskaya from the standpoint of the embodiment of the author's type of poetic speech thinking in the work. The analysis demonstrates one of the main features of the embodiment of this type of speech in a verbal and artistic work, which is expressed in the author's treatment of the used language (in particular – lexical) material. The properties of lexical units to desemantize and expand their semantic volume are shown by the example of the functioning in the lyrical text of the precedent name of Diana, which is endowed with one of the most famous ancient goddesses.

Keywords: worldview, poetic speech thinking, the lyrics, seme-semema type of poetic speech thinking, semantic volume, desemantization, the seme.

«Стилистический энциклопедический словарь русского языка» определяет поэтическое речевое мышление как «зафиксированную в

тексте творческую интеллектуальную деятельность поэта, связанную с его способностью создавать образы, обладающие эстетикой, индивидуальной семантикой и вызывающие представление благодаря использованию богатых возможностей семантической структуры слова» [1: 296 – 297].

При этом поэтическое речевое мышление, с одной стороны, противопоставляется мышлению внеречевому – прежде всего его художественной разновидности, проявляющейся в произведениях живописцев, композиторов, скульпторов и представителей других видов искусства, – но и нехудожественной также. С другой стороны, данный вид мышления противопоставлен речевому непоэтическому мышлению, находящему проявления в различных сферах речевой коммуникации: неофициально-бытовой, деловой, научной и т. д., в том числе и словесно-художественной, но не поэтической (разделяя подобную точку зрения, правомерно говорить о прозаическом либо драматургическом речевом мышлении, противопоставленным речемышлению поэтическому).

Поэтическое речевое мышление в принципе, как и его характерные для каждого художника слова черты, обусловлено особым мироощущением, мировидением и, соответственно, – мировосприятием, которые свойственны любой творческой личности. Обладая обострённым, особо чутким эмоциональным восприятием, поэт способен чувствовать, видеть и на основе этого представлять в вербализованном виде то, что выходит за рамки обычного – как правило, традиционного – восприятия человеком окружающего мира, – акцентируя при этом внимание на тех свойствах воспринимаемого явления, процесса и т. д., которые при обыденном восприятии либо вообще не принимаются во внимание, либо остаются на периферии. Особенности мировосприятия художника слова находят вербальное воплощение в произведениях различной родо-литературной и жанровой принадлежности, однако наиболее явственно они, как представляется, присутствуют именно в лирике, поскольку в этом роде литературы актуализируются характерными свойствами собственно лирического творчества. Ср. в связи со сказанным слова В. Е. Хализева: «Речевая экспрессия в лирическом роде поэзии нередко доводится как бы до максимального предела. Такого количества смелых

и неожиданных иносказаний, такого гибкого и насыщенного соединения интонаций и ритмов, таких проникновенных и впечатляющих звуковых повторов и подобий, к которым охотно прибегают ... поэты-лирики, не знают ни «обычная» речь, ни высказывания героев в эпосе и драме, ни повествовательная проза, ни даже стихотворный эпос» [5: 311].

Наша цель в настоящей публикации – выявление некоторых особенностей поэтического речемышления одной из представительниц современной женской поэзии – Марины Бородицкой, творчество которой к настоящему моменту не только приобрело популярность у широкого круга читателей, но и заслужило преимущественно положительную оценку критиков-литературоведов. Материалом для наблюдений в данном случае послужило стихотворение, в котором лирический субъект апеллирует к авторитету получивших общечеловеческую известность личностям (вследствие этого их личные имена приобрели в мировой культуре статус прецедентных), несмотря на то что реальное существование многих из них остаётся под вопросом; речь в данном случае идёт о широко известных персонажах античной – древнегреческой и древнеримской – мифологии.

Следует отметить, что лирические субъекты в стихотворениях М. Бородицкой обращаются к знаменитым личностям прошлого – как мифологическим, так и реально существовавшим – довольно часто; при этом регистр тональности общения с ними весьма широк: от почтительно-уважительного отношения до ёрничества, лёгкой издёвки, а то и до явного пренебрежения, что вполне вписывается в рамки того типа поэтического речемышления, который видится нам основным для лирического творчества этого автора. В одной из наших работ, посвящённых данной проблеме [4], уже указывалось на то, что, по нашим наблюдениям, в лирике Марины Бородицкой преобладает тип поэтического речевого мышления, который Е. А. Баженовой определён как *семно-семемный* (наряду с типами *семным* и *семемным*) [1]. При реализации данного типа мышления в лирическом творчестве слово нормативного языка (как общеупотребительное, так и стилистически маркированное) приобретает в стихотворении способность десемантизироваться и расширять свой семантический объём дополнительными семами. При этом художествен-

ный образ формируется не на основе синтеза простых представлений (как это происходит при семемном типе), а из «интеграции представлений, в результате чего создаётся не только образ с его семантикой, представлением и эстетикой, но и образный фон, который обладает лишь представлением (слуховым, зрительным, вкусовым и др.)» [1: 299 – 300].

Проиллюстрируем сказанное, обратившись к одному из стихотворений поэтессы, явно стилизованному под образец античной лирики, где функционирует довольно объёмный пласт лексики, отсылающей адресата-читателя к античным временам. Центральное место в этой лексической группе занимают тематически связанные личные имена собственные персонажей античной мифологии (все они так или иначе функционируют в разных вариантах мифа об Артемиде (Диане) и Актеоне): **Каллисто** (дважды), **Зевс**, **Актеон**, **Диана** (**Артемис**, **Геката**, **Селена**), – которые осмысливаются лирическим субъектом весьма своеобразно. Приведём текст этого лирического произведения:

*Что ты наделала, жестокосердная дева?
Чем насолила тебе молодая Каллисто?
В том, что лишилась девичества, разве она виновата?
Зевс его выкрал бесстыжий, твоим же прикрывшись обличьем.
Мало тебе, что в медведицу ты обратила бедняжку,
Нимфу, подружку – в медведицу! – ты же из лука
И застрелила её после травли недолгой.
А с Актеоном что вышло? Вообще вспоминать неохота!
Собственным скормлен собакам тобою внучатый племянник.
И не подглядывал даже, случайно узрел он купанье,
Игры лесбийские ваши, подумаешь, дело большое!
От одиночества ты, не иначе, свихнулась,
Ты одичала, Диана – Артемис, Геката, Селена!
Лик твой затмился, а следом и лук смертоносный
Сходит на нет, и спешишь ты в ночи к молчаливой Каллисто
Браги хлебнуть из ковша и погладить её медвежонка [3].*

Центральным антропонимом в приведённой группе безусловно является оним **Диана**, в древнеримской мифологии – имя богини охоты,

луны и целомудрия. Именно этим обусловлено включение в стихотворение целой системы антропонимов, синонимичных имени **Диана**: **Артемис** (или **Артемиды** – соответствие имени **Диана** в древнегреческой мифологии), **Геката** (одно из имён богини мрака и ночи), **Селена** (одно из имён богини луны), – с последними двумя Диана иногда отождествляется в некоторых вариантах мифов о ней.

Лирический субъект в приведённом стихотворении Марины Бородинской, осуждая действия Дианы, отнюдь не стесняется в выражениях, невзирая на то, что слова его адресуются богине, – в частности, для её характеристики используется сниженная (преимущественно разговорная) лексика, которая не только явно диссонирует с традиционно сформировавшимся в искусстве величественным образом этой одной из наиболее известных богинь, но и в большинстве своём содержит сему негативной оценки. Так, сниженная лексика активно используется лирическим субъектом при перечислении совершённых Дианой неблагоприятных поступков, что, безусловно, способствует развенчиванию традиционного представления о её образе, – ср.: *чем **насолила тебе молодая Каллисто**; в медведицу ты обратила **бедняжку**; вспоминать **неохота**; подумаешь, **дело большое**; лук смертоносный **сходит на нет*** (в приводимых примерах выделены разговорные лексические и фразеологические единицы. – И. З.) и другие.

Примечательно, что в стихотворении, наряду со сниженной лексикой, использован также ряд (хотя и в меньшей степени) **книжных** и **высоких** слов: *узрел, лик, смертоносный* и под., – сопряжение которых со сниженными лексическими единицами становится в данном случае весьма эффективным способом подчёркивания вложенного в стихотворение смысла. Этот приём способствует изображению Дианы как обезумевшей от одиночества и испытываемых по отношению к другим негативных чувств женщины (*От **одиночества ты, не иначе, свихнулась**, / Ты **одичала, Диана***), которая время от времени осознаёт неблагоприятность своих поступков и, испытывая нечто вроде раскаяния, пытается забыть о них, прибегнув к довольно известному способу: *... и **спешишь ты в ночи к молчаливой Каллисто / Браги хлебнуть из ковша***.

Активное введение в лирический текст стилистически сниженных слов и выражений является также основным приёмом, с помощью которого формируется тональность всего лирического произведения, явно ориентированная на разговорность, что способствует более эффективному «доведению» до читателя авторского, весьма нелицеприятного, мнения о богине Диане. Этой же цели – развенчанию традиционного представления о богине – служат и средства других текстовых уровней. Так, следует обратить внимание на ритмо-метрическую организацию лирического текста, явно ориентированного на античный гекзаметр, с помощью которой отчётливее осознаётся диссонанс между высокими идеалами античности и неблагоприятными поступками Дианы; ср. в связи с этим начальные строки стихотворения:

Что ты наделала, жестокосердная дева?

Чем насолила тебе молодая Каллисто?

Таким образом, в стихотворении Марины Бородицкой фигура богини Дианы предстаёт перед читателем в явно индивидуально-авторском осмыслении, которое, на наш взгляд, в значительной степени обусловлено семно-семемным типом поэтического мышления поэтессы. В рамках словесного оформления данного типа поэтического мировосприятия используемый автором лексический материал довольно существенно трансформирует в лирическом произведении свойственный ему семантический объём в русле представления читателю авторской позиции, в чём убеждает и анализ стихотворения поэтессы «Что ты наделала, жестокосердная дева?..».

ЛИТЕРАТУРА

1. Баженова Е. А. Поэтическое речевое мышление // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 296–301.
2. Большой толковый словарь русского языка; сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 1998. 1536 с.
3. Бородицкая Марина. Стихи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://magazines.russ.ru/authors/b/boroditskaya>. Дата последнего обращения – 21.05.2019.
4. Зайцева И. П. Слово как средоточие своеобразия поэтического речевого мышления (на материале современной лирики) // Навуково-метадычная думка на Беларусі: матэрыялы рэгіянальнай (з міжнародным удзелам) навукова-канферэнцыі, прысвечанай 100-годдзю «Беларускай граматыкі для школ» Б. Тарашкевіча, Віцебск, 5 снежня 2018 г. / Віцеб. дзярж. ун-т; рэдкал.: Г. А. Арцямёнак (адк. рэд.) [і інш.]. – Віцебск: ВДУ імя П. М. Машэрава, 2018. – С. 87 – 92.
5. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 1999. 398 с.

ЗОРИНА Людмила Юрьевна (Вологда, Россия)

кандидат филологических наук, доцент
Вологодский государственный университет
lyudmila.zorina@gmail.com

СЛОВА С КОРНЕМ СПОР- В ТРАДИЦИОННЫХ
ДИАЛЕКТНЫХ БЛАГОПОЖЕЛАНИЯХ
(на материале вологодских говоров)

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (Проект № 18-012-00579 А «Русские диалектные благопожелания: семантика, структура, функционирование»)

Аннотация. В статье анализируются диалектные благопожелания, включающие в свой состав слова с корнем **спор-**. Все эти единицы зафиксированы в живой народной речи, в беседах с деревенскими жителями вологодской глубинки. Формулы с этими словами выражают общую идею успеха, удачи в труде, столь важную в коммуникации сельских жителей.

Ключевые слова: вологодские говоры, лексика, фразеология, формулы благопожеланий

Abstract. The article analyzes dialectal good-wishes, including in its composition the words with the root "спор-". All these units have been recorded in lively folk speech, in conversations with village residents of the Vologda hinterland. The formulas with these words express the general idea of good luck, success in work, so important in the communication of rural residents.

Keywords: Vologda dialects, vocabulary, phraseology, formulas of good wishes.

«Сегодня вежливость не в моде», – констатирует крупнейший исследователь русского речевого этикета Н. И. Формановская [2012: 46]. Церемонные отношения в быту практически исчезают, на смену им в поведении людей приходят деловитость, рациональность, жёсткость и даже агрессивность. В ходе осуществления наших исследований выясняется, что ещё в недавнем прошлом в русском деревенском общении было очень актуальным понятие вежливости. О такой актуальности свидетельствуют всё ещё сохраняющиеся в памяти старших жителей этикетные формулы.

Сфера изучаемых народных благопожеланий – это реальные жизненные ситуации и соответствующие им речевые реакции: ситуация доения коровы (**Море под кормилицу!**), стрижки овцы (**Пух под ножницы!**), забоя животного на мясо (**Мясо – сахар!**), стирки (**Мыло в корыто!**), полоскания белья (**Беленько мыть!**), тепловой обработки белья

(*Лебеди на бук!*), мытья пола (*Белые лебеди летят!*), рыбной ловли (*Ни рыбы ни моля!*), кладки печи (*Дым в трубу!*), уборки зерновых (*Дежень да каша!*), сбивания масла (*Сыр да масло!*) и мн. др. Всё это уникальные, зафиксированные в экспедиционных условиях и пока ещё не описанные языковые единицы. Представим далее формулы, включающие в себя слова с корнем **спор-**.

Спорина в квашню (на квашню)! – ‘благопожелание хозяйке, которая замешивает тесто’. *Говорят: «Спорина на квашню!» Так желают удачи в деле* (Сямж.). Диалектное слово **спорина** в вологодских говорах – ‘фиолетово-черные рожки, образующиеся в колосе вместо зерна при болезни злаковых растений – спорынье’ [4: 14: 564]. *Я и сама спорину едала: в серёдке биленькое, а короцька цёрненькая* (Сямж.). *Зерно эо спориной-то называли, а сейчас никакой спорины не бывает* (Сямж.). В составе фразеологизма слово означает ‘успех, прибыль, прибавка’.

Дай Бог спорину! Это благопожелание успеха, удачи в труде встретилось нам в ряду других общих трудовых пожеланий: *Божья помочь! Бог в помочь! Бог на помочь! Дай Бог спорину! Труд на пользу! Труд в пользу! Слава труду!*

Спорынья в лукошко! Спорынья в лукошко! – говорили при жатве хлеба. Это пожелание, чтобы зёрна ржи и других злаковых культур сохранялись здоровыми до сева и давали здоровый урожай (Шексн.). Как видим, в сознании говорящего это благопожелание представляет собой не что иное, как пожелание успеха, добра через пожелание неудачи. Говорящий желает, чтобы в лукошко попала спорынья – поражённое грибковым заболеванием чёрное зерно, но чтобы вместе с тем прочие зёрна сохранились здоровыми: *Пусть тебе (вам) попадёт спорынья в лукошко!* Сравним с аналогичными общенародными благопожеланиями: *Ни пуха ни пера!* – общее пожелание удачи; *Ни чешуйки ни хвоста!* – пожелание хорошего улова рыбаку. Небезынтересно и выражение **Спорина вам в квашню!**, употребляемое в вологодских говорах как благое пожелание [3: 10: 103], а в сибирских – как шутливое пожелание чего-либо неприятного [6: 187]. Отрицательного результата человеку желают, чтобы на самом деле результат оказался положитель-

ным. Возникновение таких противоположных смыслов объясняется существовавшими в народе старинными представлениями о том, что про хорошее вслух говорить нельзя: можно «вспугнуть», «сглазить» его. По существовавшим в народе представлениям, лучше говорить о плохом, тогда хороший результат будет обеспечен. Здесь в сфере крестьянского речевого этикета наблюдаем явление энантиосемии.

Слово **спорынья** и однокоренные с ним наименования: **спорыш, спорина, спорить, поспорить** и др. – давно привлекают внимание исследователей. Обзор многочисленных упоминаний этих слов и стоящих за ними понятий, в том числе и упоминания божества плодородия, бога жатвы по имени **Спорыш**, находим в обзоре Ю. В. Розанова [2: 196-197]. В наиболее обобщённом виде под наименованиями **спорина, спорынья** в русской культуре понимают «особую субстанцию силы, обеспечивающую эффективность во всех сферах человеческого бытия» [1: 21].

В прагматической ситуации замешивания теста нами зафиксированы многочисленные благопожелания со словами с корнем **спор-**: **Спорый хлеб!, Спорина хлебу!, Спорина в квашню!, Спорина на квашню!, Оспорина в квашню!, Спорина в пироги!, Спорина в стряпне (в стряпню)!, Спорина на квашню!, Спорина стряпать (обрядиться)!, Спорину в квашню!, Спорая стряпня!, Спорынья в квашню!, Спорынья в квашню!, Спорынья в кринке!, Спорынья стряпать!, Поспори, Господи!, Поспорье в квашне!, Поспорье муке!**

Эти формулы свидетельствуют, что в народном сознании объединились два понятия: **спорина** – ‘успех, удача; прибыль, урожай’ от слова *спорый* [5: 3: 738] и **спорынья** ‘паразитные черные злаки, рожки на завязи ржи; успех, процветание, прибыль’, переход к которому носил, вероятно, эвфемистический характер [5: 3: 738].

Дай, Господи, спорынье – в хлебе, в салате, в серебре! – ‘пожелание, чтобы у хозяйки были удачными пироги’. Не исключено, что здесь **Спорынья** – имя женского мифического персонажа, **Спорительницы**. Именно к ней обращаются говорящие, прося сытости и достатка.

Оспорина в квашню! Это, по нашим представлениям, «испорченный», этимологически затемнённый вариант благопожелания **Спорина в квашню!**

Поспорье в квашне! – ‘благопожелание женщине, замешивающей тесто’. Раньше *«Поспорье в квашне!»* говорили. Свой хлебец ели, каждую крошечку подбирали, дак нужно было поспорье в квашне (Кир.). **Поспорье** – ‘помощь, подмога’, наименование, образованное от глагола **поспорить** (ср. **подспорье**).

Подспорье муке! – ‘благопожелание женщине, замешивающей тесто’. Как начала хозяйюшка пироги-то месить, сказать надо: *«Подспорье муке!»* И она тебе за то спасибо скажет (Кир.).

Спорынья в квашню! – ‘благопожелание женщине, замешивающей тесто’. Тому, кто тесто замешивал, говорили: *«Спорынья в квашню!»* Чтобы больше теста было (Кир.). Я месила тесто. Пришла ко мне Марья и говорит: *«Спорынья в квашню!»* А я отвечаю: *«Спасибо!»* (Тот.). Придёшь к кому в дом, если хозяйка тесто замешивает, то и скажешь: *«Спорынья в квашню!»* Это чтобы лучше работалось, ведь хорошее да доброе слово помогает в работе (Гряз.). Спорынья – два колоса на одной солоmine. *«Спорынья в квашню!»* – привет стряпухе, когда она творит или месит квашню (хлеб или пироги). Очевидно, это пожелание означает удачное исполнение, с малой затратой муки, чтобы вышло больше хлебов или пирогов, всё равно, как при доении коровы проходящий мимо должен сказать: *«Морё под коровой!»* (Уфм.: ГАВО ф. 652, оп. 1, ед. хр. 113, л. 12).

В основном зафиксированные формулы стандартны, привязаны к определённой ситуации обращения с мукой, выпечки хлеба, пирогов. Однако в целом ряде случаев эти этикетные выражения используются и применительно к другим прагматическим ситуациям:

Спорина в ведро! – ‘благопожелание хозяйке, которая доит корову’. *Чтоб больше молока было, дак хозяйке, когда доит, говорят: «Спорина в ведро!»* (Вож.).

Спорынья в корыто! – это ‘пожелание удачи, успеха в конкретном деле – в стирке’: **Спорынья тебе в корыто**, **Дунька!** – чтобы чисто стирать (Хар.).

Спорынья в дом! – это ‘общее пожелание блага, добра хозяевам дома’. Формула употребляется расширительно, без связи с мукой и выпечкой пирогов и хлеба, даже со смещением акцента: желают не просто успеха, удачи, а блага, добра, достатка в доме.

В ходе проведения работ по исследуемому материалу было начато составление «Словаря русских народных благопожеланий». В настоящее время в нём регистрируется уже около 500 диалектных единиц. В этом словаре формулы будут подаваться на диалектное (а при его отсутствии – на семантически опорное) слово, а каждое знаменательное слово будет фиксироваться отсылочной строкой.

Однако в процессе обработки такого этноспецифического материала уже удалось обратить внимание на некоторые особенности диалектных благопожеланий. Так, мы видим, что приведённые благопожелания являются частью сложившейся весьма детализированной системы. Единицы её характеризуются устойчивостью компонентов и в то же время варьированием структуры. Семантика благопожеланий нередко синкретична: значение доброго пожелания может совмещаться с семантикой приветствия. В пределах одного речевого акта благопожелания функционируют обычно в составе диалогических единств (*Спорина в квашню! – Спасибо!*; *Спорина в квашню! – Приходи чаю пить!*). Выявленная система позволяет задуматься об источниках формул такого рода: часть из них восходит к древним ритуальным действиям, при которых слово воспринималось как дело, как помощь, другая часть – к текстам молитв (*Дай Бог спорину!*, *Дай, Господи, спорынье – в хлебе, в салате, в серебре!*).

Формирование этикетных формул, как правило, длительный процесс. Формулы со словами с корнем *спор-* существуют в русском национальном языке от времени архаических верований вплоть до XXI века. Диалекты, а тем более такая традиционная их система, как система народного речевого этикета, в течение длительного времени сохраняют в себе разновековые напластования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берестнев Г. И. О двух ключевых концептах, утраченных русским языковым сознанием: «спорина» и «благо» / Г. И. Берестнев, И. Ю. Вертелова // Структура текста и семантика языковых единиц. Сб. научных трудов. Вып. 4. Калининград: Изд-во РГУ им. Канта, 2007. С. 5–31.

2. Розанов Ю. В. Фольклоризм А. М. Ремизова: источники, генезис, поэтика. Вологда: ВГПУ, 2008. 267 с.
3. Словарь вологодских говоров / Вып. 1–6 / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вып. 7–12 / под ред. Л. Ю. Зориной. Вологда: ВГПИ / ВГПУ, 1983–2007.
4. Словарь современного русского литературного языка в 17 тт. М., 1948–1965.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. 1–4. М., 1986–1987.
6. Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Фёдорова. Новосибирск, 1983.

СОКРАЩЁННЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ РАЙОНОВ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ
Вож. – Вожегодский, Кир. – Кирилловский, Сямж. – Сямженский, Тот. – Тотемский, Хар. – Харовский, Шексн. – Шекснинский.

ИВАНОВА Елена Николаевна (*Вологда, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Вологодский государственный университет
el-ivan@mail.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИВЕРГЕНЦИЯ СЛОВ С ПРАСЛАВЯНСКИМ КОРНЕМ *-PI- В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В работе характеризуется лексический состав исторического корневого гнезда с вершиной *питу* в древнерусском литературном языке, выявляются культурно-исторические факторы, определившие специфику семантических процессов в исследуемом историческом корневом гнезде.

Ключевые слова: историческое корневое гнездо, лексико-семантическая зона, древнерусский литературный язык.

Abstract. In the article, lexical composition of the historical root cluster with *pitu* root in the Old Russian literary language is described. The author analyzes the cultural and historical factors influencing semantic processes in the historical root cluster.

Keywords: historical root cluster, lexical-semantic area, Old Russian literary language.

Под функционально-семантической дивергенцией вслед за Л. Г. Яцкевич понимаем развитие у производных слов разных лексических значений в разных номинативных сферах функционирования и формирование на этой основе в структуре исторического корневого гнезда (ИКГ) особых лексико-семантических зон (ЛСЗ) [3: 77]. Возникновение дивергентных процессов связано со стилистическим расслоением лексики древнерусского литературного языка.

В древнерусский период в составе исследуемого ИКГ самой многочисленной является ЛСЗ «Питье, поглощение жидкости (о человеке)»:

попоити 'дать напиться', *пиво* 'питье, напиток'. Лексемы, входящие в данную ЛСЗ, активно развивают переносные значения, под влиянием греческой метафоры расширяется круг существительных, которые выполняют функцию дополнения при глаголах, изначально обозначавших процесс поглощения жидкости: *Дѣа, бжствьнымь поима писаниемь, напоиться и плодъ зьргль дастъ* [СлРЯ XI-XVII вв. 10: 182]. В результате в сакральном стиле древнерусского литературного языка складывается ЛСЗ «Преисполнение чувствами, мыслями». Данная ЛСЗ расширяется за счет лексем, изначально входивших в состав других ЛСЗ:

1) ЛСЗ «Орошение, увлажнение»: *Суштую же дръвле неплодну въселеную ... многоплодну явилъ есть влѣа, бжиими точении напоение нанесь* [СлРЯ XI-XVII вв. 10: 182];

2) ЛСЗ «Пиршество, празднество»: *Да не отидеть алчюшь, но насыщесь дхвнаго пира учения сего* [СлРЯ XI-XVII вв. 15: 48].

В текстах славяно-русского стиля трансформация ЛСЗ «Пиршество, празднество» связана с влиянием устно-поэтической традиции: *Ту пирь dokonчаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую* [СлРЯ XI-XVII вв. 15: 47]. Как отмечает В. П. Адрианова-Перетц, фольклорная метафора *пир-битва* является типичной для воинских повестей XII-XIII вв. [1: 52].

Особое место в лексико-семантической структуре ИКГ занимают устойчивые словосочетания, в состав которых входит словообразовательный старославянизм *испити*: *испити чашу смертную* 'умереть, погибнуть', *испити Христову чашу* 'страдать так, как страдал Христос'. Выражение *испити чашу* восходит к Библии и фиксируется в старославянских текстах. В сознании средневекового книжника *чаша* является символом Иисуса Христа, принявшего на себя крестные страдания и заключившего новый завет человека с Богом. В произведениях славяно-русского стиля в результате расширения сочетаемости старославянизма *испити* возникает новый образ. В тексте «Слова о полку Игореве» сочетание *испити шелоомь Дону* приобретает символическое значение 'одержат победу в битве'.

В праславянский период в структуре ИКГ формируется ЛСЗ «Всасывание жидкости (о насекомом или животном)». В старославянских текстах зафиксировано прилагательное *кръвопивъ* 'кровожадный'. В древнерусских текстах XII-XIII вв. лексемы *кровопиецъ*, *кровопийца*, *кровопивецъ*, *кровопивица* могут называть не только кровожадного зверя, но и жестокого человека: *Хуляхуть, глѣюще сквернии кровопивецъ* [СлРЯ XI-XVII вв. 8: 64]. Таким образом, на базе ЛСЗ «Всасывание жидкости» складывается ЛСЗ «Жестокость, бессердечность».

В древнерусский период преобразования в лексическом составе ИКГ связаны с формированием у восточных славян христианского мировоззрения, представлений о символическом характере слова. В результате функционально-семантической дивергенции у производных лексем в текстах сакрального и славяно-русского стилей формируются разные лексические значения, усложняется лексико-семантическая структура ИКГ, возникают новые ЛСЗ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л.: изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1947. 188 с.
2. Словарь русского языка XI-XVII вв. / ред. С. Г. Бархударов и др., Вып. 1-30, М.: Наука, 1975-2016. (СлРЯ XI-XVII вв.)
3. Яцкевич Л. Г. Принципы структурной организации исторических корневых гнезд // Слово. Семантика. Текст: Сборник научных трудов / Отв. ред. В. Д. Черняк, СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2002, С. 76-79.

ИВАНЧУК Ирина Анатольевна (*Санкт-Петербург, Россия*)

доктор филологических наук, доцент
Северо-Западный институт управления
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
ivanchukia@rambler.ru

КОМПОНЕНТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА ФИЛОСОФСКО-МЕТАФОРИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА СТАТЬИ В. СОЛОВЬЕВА «ИДЕЯ СВЕРХЧЕЛОВЕКА».

Аннотация. В публикации рассматривается художественное пространство статьи В. Соловьева «Идея сверхчеловека» в аспекте общих методологических установок автора – философских, логических, поэтических, творческих. Парадигма добродетелей и пороков философской концепции В. Соловьева представлена в свете развития русской ментальности, национального самосознания. Анализируется принципиальное для русского национального самосознания понятие-концепт «совесть» и его смысловая наполненность. Высокая степень регулятивности разноразного

построения текста статьи В. Соловьева определяется на основе анализа в различных аспектах – стилистическом, лексическом, грамматическом, структурно-композиционном.

Ключевые слова: ментальность, концепт, идиостиль, метафорический контекст, ораторская проза.

Abstract. The article deals with the artistic space of the V. Solovyov's article "The Idea of Superman" in the light of the author's General methodological guidelines-philosophical, the logical, the poetic, the creative . The paradigm of the virtues and the vices of the philosophical concept of the V. Solovyov is considered in the light of the development of Russian mentality, national consciousness. The basic concept for the Russian national consciousness – the concept of "conscience" and its semantic content is analyzed. A high degree of the regularity of multi-level text construction is presented on the basis of text analysis in the philosophical, the stylistic, the lexical , the grammatical, the structural and the compositional aspects .

Keywords: mentality, concept, ideostyle, metaphorical context, oratorical prose.

Создавая обобщающую трехмерность направлений анализа философского, культурного и художественного пространств «Идеи сверхчеловека» как своеобразного произведения ораторской прозы, мы учитываем специфику представленных в коммуникативной стилистике направлений теории текстового пространства (Т. В. Матвеева, А. Ф. Папина, Н. А. Николина, И. Я. Чернухина и пр.); а также основные положения теории регулятивности художественного текста (Н. С. Болотнова) [2]. Эстетические установки В. Соловьева определяются на фоне культурного пространства журнала «Мир искусства» рубежа XIX-XX вв. («Идея сверхчеловека» впервые была представлена российскому (петербургскому) читателю в журнале «Мир искусства» ,1899, № 9). Позиции, обозначенные С. Дягилевым в программной статье «Сложные вопросы» (самоценность и самополезность искусства, романтизация ушедшей эпохи, философские искания как объект эстетизации, тема авторского индивидуализма как элемент творческой игры) были созвучны художественным и философским взглядам В. Соловьева. Философское пространство работы В. Соловьева может быть осмыслено лишь в свете оценки общей проблемы ницшеанства на рубеже XIX-XX веков – проблемы сверхчеловека, жизни и бессмертия, нашей в последствии русской философской мысли Серебряного века (Д. Мережковский, Н. Бердяев, А. Белый, З.Гиппиус) неоднозначное религиозно-философское освещение и особое творческое воплощение. В. Соловьев (вслед за русским религиозным мыслителем и философом-футурологом

Н. Ф. Федоровым, пытавшимся построить универсальное планетарное и космическое мировоззрение) видел главную задачу философии в подготовке человечества к реализации его конечной цели – победе над смертью. Художественное пространство статьи В. Соловьева следует рассматривать в свете общих методологических установок автора – философских, логических, поэтических, творческих, гармоничное сочетание которых (в их слиянности) предстает в художественно-публицистическом тексте «Идеи сверхчеловека», где разум и вдохновение находят гармоничное единение. Эмоциональный настрой текста (в соответствии с исполнением трех постулатов риторики – единством этоса, логоса, пафоса) соотносит статью В. Соловьева с произведениями ораторской прозы и создает неповторимое ощущение единения с вдохновенным повествователем – проповедником, искусно убеждающим читателя в правдивости и сбыточности идеи романтического полета Икара. Исследование образно-выразительных средств в контексте статьи позволяет говорить об основной черте стилистики «Идеи сверхчеловека» – органичном сочетании научности, публицистичности и художественности, определившем особенности идиостиля автора. Центральное место в художественной системе В. Соловьева занимает метафора широкого контекста, основанная на развитии индивидуально-авторского образа картины «беспредельного неба», в которое устремлены взоры сверхчеловека, обретающего бессмертие. Смысловым центром развития художественной образности в статье является принципиальное понятие нравственности и этики – проблема совести (для русского национально-го самосознания характерна особая значимость концепта «совесть», широко и полно освещенного и разработанного в современной научной литературе). «Совесть совмещает в себе сразу и стыд, и срам, это – слияние субъект-объектных отношений, при котором человек одновременно и субъект нарушения нормы, и судья» [3: 111]. Утверждая, что особенности русского языка являются скорее ментальными, чем собственно лингвистическими, В. В. Колесов видит в парадигме добродетелей и пороков философских исканий В. Соловьева общую закономерность русского самосознания: отражение реального отношения человека к себе самому, к другому человеку и к миру в целом; значимость нрав-

ственной оценки категорий добра и зла как основной концептуальной позиции философа [4]. Основа стиля В. Соловьева-критика – понятийность и категориальность как проявление формирования основ научного повествования. Автор нередко прибегает к уточняющим характеристикам (фразеологизмы предстают в тексте в расширенном и детализированном разговорным словом варианте: *есть заметный спрос; привела к ее забвению; забирает над нами силу; вместить и связать в себе все; даст зрелые плоды* и пр.). Стилистика статьи «Идея сверхчеловека» – выражение общей концепции мистицизма В. Соловьева, для которого «...главная мировоззренческая установка заключалась в том, что мистицизм является высшей формой постижения мира, направленной на постижение истинно сущего... Для В. Соловьева мистическое начало имело вполне определенный онтологический смысл, который он раскрывает через идею «сверхкосмического начала», понимаемого со всей полнотой его живой действительности» [1: 137]. Таким образом, стержневым принципом концепции В. Соловьева становится философия положительного всеединства. Великая созидательная сила вселенской любви предстает как нерасторжимая связь трех начал – блага, истины и красоты (сущее содержит в себе благо как проявление воли, истину как проявление разума и красоту как проявление чувства). Стилистический контраст, расширенная синонимика восходящего градационного ряда определений-эпитетов, особый слог риторика-повествователя-критика, проявившийся в обилии тропов и фигур (трансформация и создание индивидуально-авторских фразеологизмов, использование разговорной лексики, инверсия, анафора, эпифора и пр.), антитетическое построение контекста как основа диалектичности суждений – общие принципы формирования словесно-образной «оболочки» оценочности критического слога В. Соловьева, определившие структуру художественного пространства «Идеи сверхчеловека».

Таким образом, философский дуализм автора проявился не только в системе противопоставленности научных концепций (Ф. Ницше – В. Соловьев), но и на уровне стилистического построения и лексической наполненности текста. Многоуровневый анализ статьи В. Соловьева свидетельствует о принадлежности «Идеи сверхчеловека» к текстам

высокой степени регулятивности в различных аспектах: философском, культурологическом, стилистическом, лексическом, грамматическом, структурно-композиционном. Расширение источников новых средств изображения одной из важнейших морально-нравственных проблем рубежа XIX-XX вв., подчинение текста принципу регулятивности, мягкая авторская ирония, чуткость к законам разговорности и умение извлечь из них эстетический эффект, органическая связь повествования с концептуальным планом произведения, особое внимание автора к семантической динамике слова в тексте – черты идиостиля В. Соловьева – русского религиозного мистика и философа, создавшего в «Идее сверхчеловека» особый мир художественного-публицистического повествования, построенного по законам риторического произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров В. Б. Русская философская мысль: темы, идеи, традиции. Изд. 2-е, доп. СПб.: ИПЦ СЗИУ. Фил. РАНХ и ГС, 2017. 226 с.
2. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста. Учебное пособие /для студентов, аспирантов, преподавателей – филологов. М.: Флинта: Наука, 2011. 522 с.
3. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. В 5 кн. Кн. 3: Бытие и быт. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. 400 с.
4. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: изд. Петербургское востоковедение, 2006. 624с.

ЙОНАШ Эржебет Ч. (*Ньиредьхаза, Венгрия*)

доктор Венгерской академии наук, почётный профессор
Ньиредьхазский университет
csjonase@gmail.com

ЖЕНСКАЯ НАРРАТИВА В ВЕНГЕРСКИХ ПЕРЕВОДАХ РУССКИХ КЛАССИКОВ

Переводчики-женщины XX века

Среди венгерских переводчиков русской литературы сравнительно мало женщин. Ещё меньше число тех, которые были активными литераторами, поэтами или писателями. Известно, что субъективный стиль, восприятие текста влияет в таких случаях и на стиль и язык переводов. Такие переводчицы-поэты были Жужа Раб, Юдит Пор, Агнеш Гергей, Шаролта Лани (ср. [6]). Переводчицы-прозаики Клара Сёлеши, Маргит Беке, Эржебет Гути. Редко бывают ссылки на творчество переводчиков в разных сборниках русской литературы (ср. [5]), поэтому стоит сделать

краткий обзор этих переводчиков-поэтов и писателей, ставя в центр внимания их субъективный, женский стиль. Ниже мы представляем три портрета венгерских переводчиц, которые активно работали над верной интерпретацией русских классиков во второй половине XX века и параллельно публиковали стихи или прозу.

Шаролта Лани (1891–1975)

Шаролта Лани (*Lányi Sarolta*) родилась в городе Секешфехервар. Она закончила педагогический институт в городе Сабадка, была родственницей известного поэта Костолани. Муж её был арестован в СССР. Она провожала мужа в чужую страну, и после ссылки они долгие годы жили на русской земле. Вернувшись домой, она не только начала писать свои стихи, но и взялась за переводы русских классиков. Она переводила поэму Блока «*Двенадцать*», «*Жди меня*» Константина Симонова, целый ряд произведений Льва Толстого, Чехова, Горького, Эренбурга, Катаева и других авторов. Долгое время работала в редакции венгерской радиопередачи в Москве. В Венгрии она работала в редакции журнала «*Литературная газета*» (*Irodalmi újság*). Стихотворения были опубликованы уже в 1912 году под заглавием «*Подарок*» (*Ajándék*). Её последний сборник «*Испытание*» (*Próbatétel*) вышел после её смерти в городе Сабадка в 1982 году. Её лирику высоко оценил поэт Арпад Тот [15]. Импрессионистическое описание природы, олицетворение серебристого тополя в одном из собственных стихотворений показывает, как чётко она могла чувствовать и передавать слова и мысли Симонова:

Ó drága nyár, ezüstös végig,
Lombod, mint lelke, reszket,
Költő vagy és fölérsz az égig
S búmat az égre fested. (1913)

Она работала составителем антологии русских классиков [9]. Была лауреатом премии Баумгартена (1948) и дважды Аттилс Ёжефа (1950, 1972). Умерла в Будапеште в 1975 году. Стихотворение Симонова «*Жди меня*» известно и до сих пор в её переводе и в актёрской интерпретации Ивана Дарваша. В переводе Шаролта Лани глаголы, эпитеты и архаизмы, хотя синонимичные с оригиналом, поднимают патетичный эффект текста Симонова:

<p>Константин Симонов Жди меня (отрывок) Жди меня, и я вернусь. Только очень жди, Жди, когда наводят грусть Желтые дожди, Жди, когда снега метут, Жди, когда жара, Жди, когда других не ждут, Позабыв вчера. Жди, когда из дальних мест Писем не придет, Жди, когда уж надоест Всем, кто вместе ждет. (1941)</p>	<p>Перевод Шаролта Лани Várj reám <i>Várj reám, s én megjövök,</i> <i>hogyha vársz nagyon!</i> <i>Várj reám, ha sárga köd</i> <i>őszi búja nyom!</i> <i>Várj, ha havat hord a szél,</i> <i>várj, ha tűz a nap!</i> <i>Várj, ha nem is jön levél</i> <i>innen néhanap!</i> <i>Várj, ha nem vár senkit ott</i> <i>haza senki már,</i> <i>És ha unszol bárki is,</i> <i>hogy nem kell várni már!</i> (...) (1947)</p>
--	--

Жужа Раб (1926–1998)

Жужа Раб (*Rab Zsuzsa*, 3 июля 1926 года - 5 марта 1998 года), венгерский поэт, прозаик, переводчик, родилась в 1926 в городе Папа. Закончила Будапештский университет (1949). Автор сборников стихов, первый из которых «*Навстречу свету*» (*Fény felé*) появился в 1943 году. Затем последовало «*Золотое воскресенье*» (*Aranymasárnap*, 1968) и другие. Больше десяти лет работала сотрудником журнала «Жизнь и литература» (*Élet és Irodalom*) (1971-1984). Она переводит с ранних школьных лет поэзию и прозу, в основном с русского языка. Перевела Пушкина, Толстого, Фета, Куприна, Бунина, Чехова, Горького, Есенина, Ахматову, Цветаеву, Заболоцкого, Мандельштама и других русских поэтов, а также произведения башкирской, грузинской, эстонской литературы. Она два раза была лауреатом венгерской литературной премии «Аттила Йожеф» (1963, 1973), получила российские награды и другие ордена («Орден Горького» 1972, «Орден Дружбы Народов» 1985, а перед смертью «Орден Дружбы»). Умерла в Будапеште в 1998 году [2].

О своей переводческой деятельности пишет так в одном из стихотворений [3]:

RAB ZSUZSA: REJTVE ÉS LÁTHATATLANUL (részlet)

Jártam a földön keresztül-kasul,
mások hangján szólaltam, száz alakban.

És mégis: rejtve, láthatatlanul.

És mégis: egyhelyben maradtam.

Её переводческую деятельность высоко оценил между прочим поэт и прозаик, её первый муж, Иштван Кормош (Kormos István) [8]. Любимое её стихотворение Есенина «*Не бродить, не мять в кустах багряных...*». В переводе видим в данных местах образы и фигуры, метафоры и аллитерации, характерные собственным стихам поэтессы:

<p>Сергей Есенин</p> <p>«НЕ БРОДИТЬ, НЕ МЯТЬ В КУСТАХ БАГРЯНЫХ...» (отрывок) <i>Не бродить, не мять в кустах багряных</i> Лебеды и не искать следа. <i>Со снопом волос твоих овсяных</i> Отоснилась ты мне навсегда.</p> <p><i>С алым соком ягоды на коже,</i> Нежная, красивая, была На закат ты розовый похожа И, как снег, лучиста и светла. (1916)</p>	<p>Перевод Жижи Раб:</p> <p>ВOKRAINK KÖZT</p> <p><i>Bokraink közt már az ősz barangol,</i> kóró lett a fényes laboda. <i>Zizegő, szép zabkévehajadról</i> nem álmodom többé már soha.</p> <p><i>Arcod haván bogyók bíbor vére –</i> szép voltál, te kedves, illanó! Szelíd, mint az <i>alkony puha fénye,</i> s fehérén sugárzó, mint a hó. (1978)</p>	<p><i>Перевод Яноша Эрдейи 3.</i> Bíbor cserje közt ne járj hiába...</p> <p><i>Bíbor cserje közt ne járj hiába,</i> labodának nyomát sem leled. <i>Kéve-hajad zabszín</i> ragyogása mindörökre tovatűnt veled.</p> <p><i>Bőrdön bogyók bíbor levével</i> olya varázsos voltál, kedvesem, mint az <i>alkony rózsaszínű fényben,</i> s mint a szűz hó, tiszta sejtelem. (2014)</p>
--	---	---

Девечерине Эржебет Гути (1892-1965)

Девечерине Эржебет Гути (*Devecseriné Guthi Erzsébet*) родилась в Будапеште в 1892 году. Её сын был известный поэт, Габор Девечери, переводчик ряда классиков с греческого и латинского языков на венгерский. Эржебет Гути в соответствии с семейными традициями готовилась стать певицей, потом начала заниматься переводом. Она перевела Гоголя, Чехова, Лескова, Алексея Толстого и других. Девечерине Эржебет Гути в молодости вместе с семьёй жила лёгкой жизнью будапештских художников. Она хорошо знала яркие приключения писателей начала XX века в столице Венгрии. Об этом периоде жизни она написала воспоминания под названием «*Подземный ручей*» (*Búvópatak*) (ср. [7; 4]). Когда она взялась за перевод повести Достоевского «*Игрок*», помощником в интерпретации жизни русской аристократии на курорте были ее соб-

ственные впечатления, которые она получила в венгерских барах и ресторанах. Компания венгерских художников, поэтов, писателей того времени в своём стиле речи и поведения дала образец в одушевлении героев Достоевского. Она так пишет об этой жизни: "A Lágymányosi utcában, a Verpeléti úton lakik a négy törzstag. Délutánonkint fél öt tájban már kezdenek nyugtalanul fészkelődni, mint a türelmetlen paripák, valami határozatlan várakozás izgalmát érzik, mehetnékjük van, a levegő csupa vilamos feszültség, ez egyre fokozódik, háromnegyed öt tájban eléri tetőfokát, akkor ellenállhatatlan kényszer hatása alatt hagynak csapot-papot, s gyorsan cihelődnek, hív a Vadon Szava, hív a kötelesség; ha az utcára leérve találkoznak, akkor együtt folytatják útjukat, mint akik nagyon fontos cél felé igyekeznek" [10].

Другой переводчик повести «Игрок» Эндре Сабо, может быть, по словам ближе к оригиналу, всё-таки атмосфера перевода Эржебет Гути адекватнее венгерскому читателю. Эржебет Гути, зная эту жизнь венгерской интеллигенции, правильно адаптировала слова Достоевского в переводе 1963-го года:

<p>Федор Достоевский: Игрок (Отрывок) В весьма напыщенной речи, насаживая одну фразу на другую и наконец совсем запутавшись, он дал мне понять, чтоб я гулял с детьми где-нибудь, подальше от воксала, в парке. Наконец он рассердился совсем и круто прибавил: – А то вы, пожалуй, их в воксал, на рулетку, поведете. Вы меня извините, – прибавил он, – но я знаю, вы еще довольно легкомысленны и способны, пожалуй, играть. Во всяком случае, хоть я и не <i>ментор</i> ваш, да и роли такой на себя брать не желаю, но по крайней мере имею право пожелать, чтобы вы, так сказать, меня-то не компрометировали...</p>	<p>Перевод Эржебет Гути (1963) Terjengős szónoklatban, akadozva, végül saját kusza frázisaiba egészen belegabalyodva, közölte velem óhaját. Hogy a gyerekeket az állomástól minél messzebbre, valahova a parkba vigyem sétálni. Majd hirtelen méregbe jött és ridegen folytatta: – Mert még képes és beviszi őket a <i>játéktérembe</i>. Bocsásson meg – tette hozzá, – de tudom, hogy ön elég könnyelmű fiatalember, és talán még játszani is megpróbálna. Mindenesetre, bár nem vagyok <i>nevelője</i>, s ezt a szerepet nem is vállalnám – jogom van megkívánni, hogy engem, hogy úgy mondjam, ne kompromittáljon...</p>
---	--

Эндре Сабо (1849-1926), венгерский публицист, по национальности был русином. Он окончил юридический факультет в Шарошпатаке. Уже в это время публиковали его стихи. Он оказался талантливым литерато-

ром, поэтому бросил юридическое дело. В Будапеште редактировал литературную газету «*Комета*» (*Üstökös*). В 1930 году он тоже перевёл повесть «Игрок». Изучив его венгерский вариант, мы согласны с тем, что он аккуратно следил за словами Достоевского, но не обратил внимания на адаптацию ситуации для венгерских читателей. В данном отрывке видим пример этого. В Венгрии *рулетка* никогда не находилась на вокзале, а в отдельных залах ресторанов. *Ментор* – это в венгерском более почётное, богатое, поддерживающее лицо:

Перевод Эндре Сабо (1930)

Nagyon virágos beszédben, egyik frázist a másikra dobálva, végre pedig egészen belezavarodva, értésemre adta, hogy a gyerekeket az állomástól mentől távolabb, a parkban sétáltassam, végre pedig egészen méregbe jött s nyersen hozzátette:

– ...mert különben még megteszi, hogy oda viszi őket a *váróterembe, a rouletthez*. – Bocsásson meg, - tette még hozzá – de tudom, hogy ön még elég könnyelmű fiatalember s talán még a játékba is belekeveredhetnék. Mindenesetre – ha nem vagyok is önnek *a mentora* s ennek a szerepét nem is óhajtom magamra vállalni – van jogom azt megkívánni, hogy ön – hogy úgy mondjam – engemet ne kompromittáljon...

Особенности языка переводчиков-женщин XX века

Чем отличаются женские переводы от переводов мужчин? Поэтессы вносят в перевод не только свои любимые языковые эффекты, фигуры, образы, которые родились в собственном поэтическом творчестве, но и более эмоционально относятся к наррации оригинала. Оценивая их венгерские переводы, мы должны учитывать стилистический вкус восприятия в каждом периоде чтения. Постараемся представить жизнеощущение, манифестированное в языке, по отношению к тексту подобного типа в своей национальной и мировой художественной литературе. Мы вполне согласны с мнением исследователей о том, что часть грамматического описания текста – это не только язык, но и процесс порождения и понимания его, это контекст и ситуация речевого акта как единицы семантизации. Таким образом переоценивается формальное понятие языковой, грамматической структуры, открываются новые перспективы в интерпретации художественного текста [14: 12].

При анализе текстов переводчиков-женщин самое важное не структура, а чувствительная перекодировка из одной структуры в другую. Такой «перевод» осуществляет рецептор, когда читает оригиналь-

ный текст и помещает его в свой культурологический контекст, полагаясь на свои логоэпистемы, свои культурно-семантические единицы родной культуры. Переводчицы, в роли источника на целевом языке, строят текст в соответствии со своим осознанием зафиксированной информации и эффектов, учитывая свои лирические произведения. Так реализуется креативность, которая характеризует способность переносить культурную информацию из одного текста в эквивалентно равноценный текст. Стилистический анализ текстов перевода можно считать важным, ведь эффективность художественного произведения определяется не столько критикой, сколько живым, активным контактом произведения с читателем. Экстралингвистические факторы, общественные и социокультурные процессы изменяют восприятие текста читателем-переводчиком. Он чувствует при этом реакции публики и может актуализировать текст оригинала. Так оформляется процесс интердискурсивности в каждом новом художественном переводе. В этом процессе огромную роль играет интерпретирующая деятельность переводчика. Художественный перевод текста – это самый сложный из письменных видов перевода. Кроме отличного знания обоих языков, дара слова, чувства языка, переводчик должен иметь художественное чутьё, талант писателя или поэта. Многие великие литераторы начинали с перевода творений своих предшественников из других культур. Знаменитые писатели прошлого считали своим долгом владеть несколькими иностранными языками, включая мёртвые, чтобы читать в оригинале шедевры, прославившие своих авторов по всей планете. Помня об этом, следует понимать, что великолепный художественный перевод под силу не каждому опытному переводчику. А женщины-переводчики добавляют к этому делу свой особенный колорит. Полноценный художественный перевод – это воссоздание произведения заново, в рамках другой языковой культуры, сохраняя реалии страны оригинала, но делая их понятными представителю другой нации, соблюдая при этом темп и ритм произведения, не принося лишнего приукрашивания от себя (ср. [1]). В этом была большая заслуга небольшой группы венгерских поэтесс-переводчиц XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Abellanaplus 2012 – (Без автора) *Художественный перевод* http://www.abellanaplus.com/ru/poleznaja_informacija/hudozhestvennij_perevod – (2018-11-28)
2. Albert Zsuzsa 2006. Legenda Rab Zsuzsáról. *Forrás* 2006:01 75–89. <http://www.forrasfolyoirat.hu/0601/albert.pdf> – (2018-11-26)
3. Cultura 2018 (Без автора) *Rab Zsuzsa „rejtve, láthatatlanul”* <https://cultura.hu/kultura/rab-zsuzsa-20-eve-hunyt-el/> (2018-12-03)
4. Devecseriné 1963. *Búvópatak*. <https://www.antikvarium.hu/konyv/devecserine-guthi-erzsebet-buvopatak-94873>.– (2018-09-26)
5. Zöldhelyi Zsuzsa 1985. *Orosz írók magyar szemmel. II.* (szerk. D. Zöldhelyi Zsuzsa) Budapest. Tankönyvkiadó.
6. E. Fehér, Lator L. 1978. *Klasszikus orosz költők I–II.* (szerk. E- Fehér Pál, Lator László) Budapest. Európa Könyvkiadó.
7. Fráter Zoltán 2007. *A nyugat asszonyai. Rubicon.* http://www.rubicon.hu/magyar/oldalak/a_nyugat_asszonyai_nok_es_noi_szerepek_az_irodalmi_eletben. – (2018-11-26)
8. Kormos István 1965. Sárkányölő. // *Magyar Műhely* 1965. III/12. <http://dia.pool.pim.hu/html/muvek/KORMOS/kormos00001/kormos00150/kormos00150.html> (2018-09-26)
9. Lányi Sarolta 1947 – *Orosz költők. Antológia*; összeáll. Lányi Sarolta; Új Magyar Könyvkiadó, Bp., 1947
10. Saly Noémi 2004. NOL.HU 2004.07. 17. <http://nol.hu/archivum/archiv-149670-129285> (2018-12-03)
11. Сергей Есенин 2014. ... *в этом отсвет лунный, синий*
12. Kovács Árpád – Nagy István 1999. (Szerk.) *A szótól a szövegig és tovább...* Budapest: Argumentum.
13. Rácz I. Péter 1999. *Szemiotikai intertextualitás.* (Lotman posztstrukturalizmusának kérdéseire In: Kovács–Nagy 1999: 115-130.
14. Tolcsvai-Nagy Gábor 1999. *"Nem találunk szavakat"*. Pozsony: Kalligram
15. Tóth Árpád 1913. Lányi Sarolta versei. *Nyugat*, 1913. 11. <http://epa.oszk.hu/00000/00022/00129/04194.htm> (2018-12-03)

КАЗИМИРОВА Ольга Владимировна,

НАЙДЁНОК Мирослав Русланович (Витебск, Беларусь)

кандидат филологических наук, доцент
студент

Витебский государственный университет
имени Петра Мироновича Машерова
Niroman678@mail.ru

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ УБЕЖДЕНИЯ В ТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО СПОТА

Аннотация. Статья посвящена анализу текстов политического спота с целью выявления наиболее употребительных риторических приёмов убеждения. Среди них выделены такие приёмы, как метафора, метонимия, сравнение, риторические повто-

ры, стилистические ресурсы личных местоимений. В работе также рассматривается ряд частных приёмов.

Ключевые слова: политический спот, риторические приёмы, убеждение, метафора, метонимия, сравнение, повтор.

Abstract. The article considers texts of political spot and analyzes the most frequent methods of rhetorical persuasion. The specified means comprise the use of metaphors, metonymy, comparisons, rhetorical repetitions and the stylistic resources of personal pronouns. A number of individual methods are also identified.

Keywords: political spot, rhetorical methods, persuasion, metaphor, metonymy, comparison, repetition.

Как известно, социум наполнен разнообразными дискурсами, которые охватывают все сферы жизнедеятельности человека. Политика, экономика, наука разрабатывают свои уникальные дискурсы. Одним из наиболее актуальных и многогранных является политический дискурс, который занимает значительную часть жизни общества и связывает во едино представителей разных национальностей, рас и социумов [1; 2]. Действительно, большинство участников общественной жизни интересуются политикой и нередко принимают участие в политической деятельности.

В рамках нашей работы мы затрагиваем особенности жанра политического *спота*, который является составной частью политического дискурса. Отметим, что под политическим дискурсом мы понимаем совокупность всех речевых актов, употребляемых в политических дискуссиях [3]. В то же время, спот, или ролик, как его чаще называют, представляет собой краткое рекламное произведение, направленное на убеждение зрителя в необходимости совершения какого-либо действия [4; 5].

Цель исследования заключается в установлении наиболее частотных риторических приёмов убеждения в тексте политического спота.

Для выделения основных риторических приёмов убеждения в тексте политического спота мы проанализировали 50 англоязычных рекламных роликов за 2017–2018 гг., в которых выступают разнообразные кандидаты в Сенат, в Конгресс, на пост губернатора или прокурора. В качестве канала распространения в нашем случае выступил сайт *Youtube*. В ходе исследования использовались лингвистические методы: описательный, метод контекстуального анализа, интерпретационный.

Анализ практического материала показывает, что каждый из избранных нами роликов обладает своим уникальным набором риторических приёмов убеждения. Вместе с тем, в жанре политического спота к наиболее часто употребляемым риторическим приёмам убеждения относятся:

1) использование в речи кандидата тропов – метафор, метонимий, сравнений. Следует обратить внимание на то, что, в связи с малой продолжительностью спота, объём данных риторических приёмов в одном видео также незначителен. Зачастую на протяжении всего ролика автор применяет лишь несколько метафор и сравнений. Полагаем, что данный факт можно объяснить, как стремлением охватить наибольшую аудиторию (фразы с метафорическим значением не всегда понятны для всех граждан отдельной нации, что особенно актуально для США – страны, которая обладает обширной территорией и представлена большим числом разнообразных народностей), так и нежеланием кандидата репрезентировать свою речь в неформальной форме. В качестве примера использования подобных риторических приёмов можно привести отрывок из речи кандидата в Сенат Кевина Александра Леона (***“My mother... was a woman who worked her fingers to the bone...”***). Рассмотрим еще один фрагмент из речи Кирстен Синемы – кандидата в Сенат (***“When I went up to college, I knew I wanted to help other people **get their shot at the American dream... The American dream is a combination of working hard, pulling yourself up by your boot straps every day... Our nation is facing a lot of problems right now but we can **fix these problems** if we work together...”*****). Подобная метафоричность подчёркивает образность и выразительность речи. Таким образом организуется специфичность и уникальность исследуемого жанра по сравнению с другими типами текста;

2) риторические повторы, которые используются каждым кандидатом без исключений. Анализ показывает, что достаточно часто такие повторы встречаются в начале предложений и выражаются связкой местоимения и глагола. В качестве примера воспользуемся отрывком из речи кандидата в губернаторы Миннесоты Джефа Джонсона: ***“We gonna take power away from the government and give it back to the people of Minnesota. **We gonna cap property taxes... We gonna fund roads and buses*****

not trains...” Как видно, повторяющимся элементом здесь является анафора “we gonna”, которая иллюстрирует намерения кандидата, заключающиеся в более рациональном использовании государственных средств и большей направленности на нужды граждан Миннесоты. Использование 1-го лица множественного числа “we”, направленное на создание оппозиции «кандидат-избиратель», позволяет объединить эти два понятия в единый блок. В качестве другого примера можно привести речь кандидата в Конгресс Люси Макбат: “*Jordan was a miracle for us... Jordan has just **started walking** and once he **started working** he was always running... Jordan had gone out to shop with his friends... Jordan **didn't deserved to be shot at... Jordan didn't deserve to die that way...***”. В данном примере риторические повторы применяются для того, чтобы вызвать у зрителя сопереживания в связи со смертью Джордана. На протяжении половины ролика нам рассказывается история его убийства, что убеждает нас в разумности предлагаемых на видео реформ. Сопереживая погибшему мальчику, мы одобряем меры, предложенные Люси Макбат, и, соответственно, стремимся отдать свой голос за неё. Важно отметить, что наличие риторических повторов предполагает учет коммуникативной установки видеофрагмента в целом;

3) широкое употребление личных местоимений *I, we, us*. Прежде рассмотрим отрывок из речи кандидата в Конгресс Лоры Мозер: “*Most of **us** don't want to spend the most money for the least efficient healthcare system in the world. Most of **us** don't think the women should go back to work within 14 days of giving birth... Most of **us** are also against innervating people's homes and separating mothers from their children...*”. Как можно заметить, местоимение “us” выступает в роли важнейшего средства призыва, занимая одну из главных ролей в тексте политического спота. Этим оправдывается широкое употребление данного местоимения и его производных на протяжении всего видео. В качестве ещё одного примера продемонстрируем фрагмент из речи кандидата в Конгресс Мари Ньюман, в котором изобилует личное местоимение “I”: “*I don't support congressman Lupinsky because of his stands on immigration... I've never voted for Dan Lupinsky because I know that he votes to defund plan parenthood regularly... I'm voting for Marie Newman because she believes that every-*

body has a right to affordable healthcare...». Особенностью данного высказывания является то, что все вышеперечисленные предложения принадлежат разным людям. Благодаря этому создаётся иллюзия поддержки кандидата народом, где каждый избиратель может выразить собственную позицию, которая не будет проигнорирована потенциальным кандидатом.

Итак, мы перечислили наиболее типичные риторические приёмы, используемые говорящим в тексте политического спота. Однако нами выявлено и то, что существуют и менее употребительные приёмы, используемые для выражения усилительного оттенка.

Так, известным является приём прямого призыва избирателей к действию. Необходимо отметить, что под действием зачастую понимается стремление «отдать свой голос кандидату». В качестве примера приведём завершающую фразу из спота кандидата в заместители губернатора штата Пенсильвания Джона Феттермана: ***“It’s time, we get to work”***. Ещё одним примером может послужить отрывок из речи будущего генерального прокурора штата Колорадо Джозефа Салазара: ***“We have corporations... that would put profits above people every single day. And we have to stop them... We have to do something better for our children...”***. Как видно, в первом случае перед нами прямой призыв к борьбе, к действиям в поддержку кандидата. В то же время, второй отрывок иллюстрирует косвенный призыв. Автор утверждает о необходимости действий, однако не обращается напрямую к избирателям, призывая их к борьбе. Таким образом, он в косвенной форме позволяет каждому лично осознать судьбоносность своего выбора.

Следует отметить еще один интересный фрагмент из речи кандидата в губернаторы штата Мэриленд Бенджамина Джелоуса: ***“The most important thing that an ex-governor can do is to make sure that any Merylander who wants a job can find one”***. В данном предложении кандидат чётко обозначает свою цель, сразу же заявляя, что он направит все силы на её достижение. Итак, реципиент чётко понимает, на что направлены действия кандидата и может сразу определиться, проголосовать за него или нет.

Таким образом, нами выявлены разнообразные риторические приёмы, используемые в жанре политического спота с целью убеждения и воздействия. Установлено, что речь каждого кандидата изобилует такими риторическими приёмами убеждения, как метафора, метонимия, сравнение, риторические повторы и призывы. Несмотря на то, что предназначение каждого конкретного приема уникально, общая цель подобных средств – убедить электорат в необходимости отдать свой голос за того или иного кандидата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Водак Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика. 2011. №4 (38). С. 286-291.
2. Ладанов И. Д. Руководитель и умение убеждать. М.: Профиздат, 1988. 300 с.
3. Паршина О. Н. Российская политическая речь: Теория и практика. Под ред. О. Б. Сиротининой. М.: ЛКИ, 2007. 232 с.
4. Diamond E. The Spot: The Rise of Political Advertising on Television. 3rd edition. Cambridge: MIT Press, 1992. 418 p.
5. Fowler E. F. Political Advertising in the United States. Boulder: Westview Press, 2016. 216 p.

КАЛИНИНА Алевтина Анатольевна (*Йошкар-Ола, Россия*)

доктор филологических наук, доцент
Марийский государственный университет
kalinina.07@inbox.ru

ГРАММАТИЧЕСКОЕ И СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЗАПРЕТА

Аннотация. В статье сравнивается содержание и объём понятия «запрет», принятые в грамматических и семантических исследованиях. Запрет как тип грамматического значения, опирающийся на структурные показатели, т.е. наличие *не* в структуре высказывания («императив с отрицанием»), и запрет как семантическое (и прагматическое) понятие («приказ с отрицанием») не совпадают по объёму смыслового содержания, поэтому при анализе семантики запрета и средств его выражения необходимо учитывать неоднозначность термина «запрещение», допускающего как «широкое», так и «узкое» его истолкование.

Ключевые слова: побуждение, отрицание, запрет, семантические разновидности побуждения, отрицательные побудительные значения.

Abstract. The article compares the content and scope of the concept of "prohibition", adopted in grammatical and semantic studies. The prohibition as a type of grammatical meaning, based on structural indicators, i.e. the presence is *not* in the structure of a sentence ("imperative with negation"), and a prohibition as a semantic (and pragmatic) concept ("command with negation") does not coincide in terms of semantic content, therefore, when analyzing the semantics of a prohibition and the means of its expression, it is necessary to take into account the polysemy of the term "prohibition", which allows for both "broad" and "narrow" interpretation of it.

Keywords: imperative, negation, prohibition, semantic types of imperatives, negative imperative meanings.

Одна из проблем, возникающих при изучении императивных высказываний, – неоднозначность термина «запрещение», допускающего как грамматическую, так и семантическую (и прагматическую) интерпретацию своего содержания, в связи с чем содержание понятия «запрещение» имеет как более широкое, так и более узкое истолкование, условно обозначенные в работе как грамматическое и семантическое его представление.

В отечественной грамматической традиции (В. В. Виноградов, Е. И. Шендельс, Е. В. Гулыга и др.) запрет (запрещение) квалифицируется как тип отрицательного побудительного значения, «побуждение с отрицанием», значение отрицательных форм императива (императивных высказываний), отрицательный противочлен оппозиции «побуждение/запрет». Это обобщённое представление, абстрагированное от отдельных, конкретных разновидностей побуждения, тип семантики, закреплённый за определённой языковой формой (синтаксической конструкцией), – отрицательным по оформлению императивным высказыванием, точнее, за императивной конструкцией типа «не + имп. НСВ». В таком его понимании запрет является значением всего класса (подкласса) отрицательных побудительных предложений, независимо от степени категоричности высказываемого побуждения.

Запрет как семантическое (и прагматическое) понятие – это тип смыслового содержания конкретной семантической разновидности побуждения, обычно выделяемой в семантической классификации разновидностей побуждения наряду с другими его семантическими (прагматическими) разновидностями, такими как просьба, совет, распоряжение и т. д. В семантических исследованиях запрет как одно из частных значений побуждения трактуется как «приказ с отрицанием», отрицательный коррелят приказа, «отрицательный приказ» [1: 263]. При семантической интерпретации запрета как «приказа с отрицанием» под это понятие подпадают только категорические разновидности побуждения с отрицанием (приказ, распоряжение, требование).

Грамматическое и семантическое представление запрета сталкиваются в рамках самой грамматической теории. С одной стороны, высказывание с семантикой запрета соответствует понятию «отрицательное побудительное предложение». С другой стороны, запрет – одно из частных значений, составляющих вместе с предостережением зону семантически обособившихся отрицательных значений в сфере побудительной речи [2: 470]. В соответствии с данным пониманием не каждый из частных видов побуждения с отрицанием может быть подведён под понятие «запрет». Так, отрицательный совет или просьба с отрицанием в эту зону уже не входят.

Индикатором иллокутивной силы запрета может служить способность реального высказывания к семантическому перефразированию с помощью перформатива «запрещаю»: *‘запрещаю Р’*. Отрицательные императивные конструкции вида *От плохого семени не жди хорошего племени* (Пословица); *Прекрасное далёко, не будь ко мне жестоко* (Ю. Энтин. Прекрасное далёко. Песня из к/ф «Гостя из будущего»); *Не шей ты мне, матушка, красный сарафан...* (Н. Цыганов. *Не шей ты мне, матушка...*); *Не волнуйся!*; *Не сердись!*; *Не обижайся!* и под. не выдерживают тест на сочетаемость с перформативом *запрещать*, поэтому не могут интерпретироваться как запрет и квалифицируются как совет или просьба, оставаясь в пределах своих семантических разновидностей. Ср. примеры, где в качестве побуждений, номинируемых как советы, приводятся отрицательные императивные конструкции: *Если ты пришёл к знакомым, Не здоровайся ни с кем; Никогда не мойте руки, Шею, уши и лицо* (Г. Остер. Вредные советы); *Не доверяйте полностью информации – проверяйте ее* (5 простых советов информационной безопасности // Мир новостей. № 20 (272). 8 мая 2018 года. С. 26); *Не берите попутчиков и не садитесь в чужую машину; Не сажайте никого себе за спину* (Советы от адвоката Тимура Маршани // Мир новостей. № 3 (1307). 8 января 2019 года. С. 9).

Таким образом, в одних случаях введение отрицания не меняет основного значения высказывания: отрицательный совет, просьба или предложение рассматриваются как отрицательные разновидности (модификации) соответствующих значений (типов иллокуции). Запрещение

же – это самостоятельный тип отрицательного императивного значения, особый тип интенционального содержания (тип отрицательной интенции). Каким же условиям должен удовлетворять тип значения (коммуникативная ситуация, типы коммуникативных побудительных ситуаций), называемый «запрещение»? Чем он выделяется среди других отрицательных разновидностей побуждения? Почему определяющей становится степень категоричности высказываемой прескрипции, категоричность побуждения к невыполнению действия?

Инвариантное значение отрицательных форм императивных высказываний трактуется как 'побуждение к неосуществлению действия'. Так, в [4: 147] прохибитивное значение определяется как волеизъявление, «направленное на невыполнение называемого действия». В направленности на выполнение или невыполнение действия ('Делай P / Не делай P') находит свое проявление позитивная или негативная целевая направленность директивного акта.

Побуждение к тому, чтобы обозначенное императивом действие не осуществлялось ('не делай P'), как инвариантное значение отрицательных императивных форм, содержат все без исключения отрицательные побудительные предложения, без дифференциации отдельных разновидностей типа «приказ», «совет», «просьба». Однако только значение конструкций с семантикой запрещения в его узком (семантическом и прагматическом) истолковании может быть интерпретировано посредством перформатива «запрещаю». *Не кури!*: как отрицательный совет или просьба – 'советую/прошу **не курить**'; *Не кури!* как запрет – 'запрещаю **курить**'. При семантическом перефразировании отрицательных просьбы или совета показатель отрицания *не* относится к названию действия, т.е. к уровню информации о требуемом – неосуществление обозначенного императивом действия. При экспликации семантики запрета ('Запрещаю P') показатель отрицания *не* в составе семантической перифразы отсутствует. Сема 'отрицание' является компонентом вещественного содержания перформатива *запрещать*. Маркер отрицания *не* эксплицируется в составе словарной дефиниции данной лексики: *запретить* = 1) 'не позволить'; 2) 'не допустить' (ср.: Запретить. 1. Не позволить что-н. делать; 2. Признав общественно вредным, ненужным, не

допустить к применению, пользованию [3]). Будучи индикатором типа иллокуции, перформатив *запрещать* служит показателем отрицательной целевой направленности данного типа речевого акта.

В побудительных высказываниях отрицание затрагивает иллокутивный компонент в разной степени. В высказываниях с семантикой запрета отрицание непосредственно входит в состав его иллокутивных смыслов.

Иллокутивная сила высказывания напрямую зависит от степени категоричности высказываемого побуждения. Запрет как тип отрицательной иллокуции отличается наиболее высокая степень проявления иллокутивной направленности на неосуществление действия, обозначенного сказуемым, коррелирующая с высокой степенью категоричности, свойственной данному типу прескрипции.

Итак, термин «запрет» («запрещение») как тип отрицательной императивной семантики имеет как более широкое, так и более узкое истолкование: 1) «запрещение» – ‘побуждение с отрицанием’ («императив с отрицанием»), отрицательная разновидность побуждения и 2) «запрещение» – одна из частных семантических разновидностей побуждения («приказ с отрицанием»), что в конечном счёте отражает столкновение грамматического и семантического подходов к анализу данного языкового феномена. Предлагаемая дифференциация позволяет избежать смешения значений термина «запрет» («запрещение»), которое нередко встречается в лингвистических работах.

Запрет как отрицательный коррелят приказа – не только частная разновидность побуждения, но и частная разновидность побуждения с отрицанием, что позволяет рассматривать запрет не только в системе семантических разновидностей побуждения, но и как особую разновидность отрицательных императивных значений (совет с отрицанием, просьба с отрицанием и др.), наиболее ярко воплощающую в себе идею «побудительного отрицания», тип отрицательной побудительной иллокуции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 251-275.
2. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. 613 с.

3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка (электронная версия). URL: <http://www.ozhegov.com/words/9535.shtml> (дата обращения: 23.01.2019).

4. Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива: Русский императив. Л.: Наука, 1986. 272 с.

КАНАФЬЕВА Алевтина Васильевна (Москва, Россия)

доктор филологических наук, профессор
Московский государственный областной университет
masha_lekant@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СИНТАГМАТИКИ НАРЕЧИЙ МЕРЫ И СТЕПЕНИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности синтагматики наречий меры и степени с отдельными лексико-грамматическими классами слов: глаголами, прилагательными, предикативами. Отмечается их градуированный характер; некоторые ограничения синтагматических возможностей, связанные с количественно-качественным значением наречий этой группы.

Ключевые слова: наречие меры и степени, синтагматика, количественное и качественное значение, интенсивность, градуальность.

Abstract. The article discusses the peculiarities of syntagmatics of the adverbs of measure and degree with individual lexical-grammatical classes of words: verbs, adjectives, predicatives. It shows their graded character; some limitations of syntagmatic possibilities associated with the quantitative and qualitative value of adverbs of this group.

Keywords: adverb of measure and degree, syntagmatics, quantitative and qualitative value, intensity, graduation.

Наречия меры и степени, нередко называемые количественными, в грамматических описаниях представлены довольно замкнутой группой: *очень, весьма, слишком, крайне, чрезвычайно, совершенно*. Между тем круг наречий этого разряда гораздо шире: *значительно, много, немного, мало, малость, немного, довольно, понемногу, чуть, чуть-чуть, чутьчку, самую малость*, а также *несколько (не), совсем (не)* при отрицании.

Интересно отметить, что Л. В. Щерба считал «недоразумением» отнесённость слов *много, немного, мало, сколько, несколько* к наречиям, а рассматривал их как числительные, приводя примеры их сочетаний с именами существительными [5: 73].

В. В. Виноградов, говоря о количественных наречиях, отмечал, что в них «наблюдается сложная гамма переходов от качественно-оценочного, иногда очень эмоционального и субъективного понимания

степени и количества до точного объективного обозначения степени и количества» [1: 370].

Относясь к лексико-грамматическому разряду определительных, эти наречия совмещают в семантической структуре количественные и качественные компоненты значения. «Количественные значения наречия включают, как правило, семантический компонент оценки интенсивности действия или признака: по эмоциональному впечатлению, воздействию, по достоверности, целесообразности, соответствию норме и др.» [2: 258].

Сочетание наречий меры и степени с глаголами – это обычно субъективная оценка:

а) интенсивности действия: *Этот вопрос **немного расстроил Ивана*** (М. Булгаков); *Его этот вопрос **чрезвычайно интересовал*** (М. Булгаков); *И опять **крайне удивились** и редактор и поэт, а профессор поманил обоих к себе и, когда они наклонились к нему, прошептал: – **Имейте в виду, что Иисус существовал*** (М. Булгаков);

б) степени проявления признака: *До **чрезвычайно обострившегося** слуха финдиректора донеслась отчётливая милицейская трель* (М. Булгаков); *Омерзительный переулочок был **совершенно пуст*** (М. Булгаков);

в) степени проявления состояния: *И вот **четвёртый** месяц я здесь. И, знаете ли, нахожу, что здесь **очень и очень неплохо*** (М. Булгаков); *На улице ему **стало несколько легче*** (М. Булгаков); *Не отрицаю, впрочем, что мне теперь **гораздо лучше*** (М. Булгаков).

Наречия меры и степени образуют шкалу градуальности, на которой низшую ступень занимают наречия *мало, едва, едва-едва* (усилит.), *еле, еле-еле, чуть, чуть-чуть*. К ним примыкают и наречия *нисколько, ничуть, ни в какой степени*, которые в сочетании с частицей *не* выражают усиленное отрицание: *Чуткий финдиректор **нисколько не ошибся**. Эту поэму Иван Николаевич сочинил, и в очень короткий срок, но, к сожалению, ею редактора **нисколько не удовлетворил*** (М. Булгаков); *Приветствие это **ничуть не обрадовало** Никанора Ивановича* (М. Булгаков); – *Фамилия моя, – **ничуть не смущаясь** суровостью, отозвался гражданин, – ну, скажем, Коровьев* (М. Булгаков); *Рассужде-*

ние это **ни в какой степени не удовлетворило** председателя домоуправления (М. Булгаков).

Высшую ступень занимают наречия синонимического ряда с доминантой **очень**: *весьма, крайне, чрезвычайно* – усилит., а также стилистически маркированные как разговорные и просторечные: *страшно, ужасно, сильно, смертельно, до смерти, чертовски, дьявольски, зверски, отчаянно, здорово, больно*.

Связанную синтаксическую позицию занимают наречия наивысшей меры и степени *настолько, так*. Их употребление ограничено сложноподчинённым предложением с придаточной частью, имеющей значение следствия, обусловленного высокой степенью интенсивности действия, состояния, меры признака: *Поведение кота **настолько поразило** Ивана, **что** он в неподвижности застыл у бакалейного магазина на углу и тут вторично, но гораздо сильнее, был поражён поведением кондукторши* (М. Булгаков); *Он **настолько пришёл в себя, что**, хватаясь за голову, сумел сообразить, что шляпа его осталась в кабинете* (М. Булгаков); *И вновь он услышал голос: – Истина прежде всего в том, что у тебя болит голова, и **болит так сильно, что** ты малодушно помышляешь о смерти* (М. Булгаков); *Тут ужас **до того овладел** Берлиозом, **что** он закрыл глаза* (М. Булгаков); *Рюхин **skonфузил-ся до того, что не посмел поднять глаза на вежливого доктора*** (М. Булгаков). Указанные наречия образуют вместе с союзом *что* цельные аналитические сочетания: *настолько, что; так, что; до того, что; до такой степени, что*. Значение меры и степени главной части коррелирует с тем же значением придаточной: *Ивану стало известным, что мастер и незнакомка полюбили друг друга **так крепко, что стали совершенно неразлучны*** (М. Булгаков). Эти наречия являются интенсификаторами и обладают «эмоциональным, градационным, оценочным потенциалом» [3: 55].

Наречия меры и степени избирательно сочетаются с глаголами отдельных семантических групп. Например, для глаголов совершенного вида, обозначающих эмоциональные или эмоционально-интеллектуальные состояния, эта сочетаемость нередко является «излишней», так как в структуре лексического значения самого глагола

имеются семы интенсивности, силы проявления того или иного состояния. Это относится, например, к префиксально-постфиксальным дериватам интенсивно-результативного способа глагольного действия. Глаголы этой группы имеют значение полноты и исчерпанности нравственных страданий, отягощённости, отчаяния: *измаяться, измучиться, истрадаться, истерзаться, истомиться, изболеться, растревожиться, разнервничаться, разобидеться* и др. Однако в речи при некоторых из этих глаголов всё-таки употребляются наречия **высокой** меры и степени *очень, чрезвычайно, слишком, совершенно*: **Совершенно освирепев, Никанор Иванович отверг кресло и завопил: – Да кто вы такой?** (М. Булгаков). Наречия же малой степени *несколько, немного, мало, чуть* при них исключаются.

Глаголы эмоционального состояния, эмоционального отношения несовершенного вида: *волноваться, беспокоиться, сердиться, гордиться, восхищаться, отчаиваться* и др. – имеют в целом свободную сочетаемость с наречиями этого разряда. Однако следует отметить ограниченность, а иногда и невозможность их синтагматики с наречиями *крайне, чрезвычайно, совершенно*: *крайне сердился, чрезвычайно сердился, совершенно сердился*. Вероятно, такая синтагматика исключена в силу особенности лексического значения глаголов этой семантической группы: собственное эмоциональное состояние определяется субъектом, оно не предполагает сопоставления с эмоциональным состоянием другого субъекта. Это как бы взгляд «изнутри», а не со стороны.

Функцию «прояснения» степени проявления признака, состояния выполняют в предложении конкретизаторы: *От этого страх притупился несколько – настолько, по крайней мере, что я не побежал к застройщику и вернулся к печке* (М. Булгаков).

То же имеет отношение и к сочетанию наречий меры и степени со словами психофизического состояния субъекта: *У меня хватило сил добраться до печки и разжечь в ней дрова. Когда они затрещали и дверца застучала, мне как будто стало немного легче* (М. Булгаков) – наличие частицы *как будто* подтверждает невозможность точного измерения состояния. Ср. также: *Это страшно трудно делать, потому что исписанная бумага горит неохотно.*

Субъективность и эмоционально-экспрессивный характер наречий данной группы подчёркивается их повтором или сочетанием нескольких в пределах одного высказывания: – *Да, он **чрезвычайно поразил** меня, ах, **как поразил*** (М. Булгаков); *Стёпа был хорошо известен в театральных кругах Москвы, и все знали, что человек этот – не подарочек. Но всё-таки то, что рассказывал администратор про него, даже и для Стёпы **было чересчур. Да, чересчур. Даже очень чересчур*** (М. Булгаков).

Градуальный характер меры и степени проявления действия, признака, состояния обуславливает синтагматику одних наречий этой лексико-семантической группы с другими: *Небо над Москвой как бы выцвело, и **совершенно отчётливо была видна** в высоте полная луна, но ещё не золотая, а белая* (М. Булгаков); *Вчерашний день, таким образом, помаленьку высветлялся, но Стёпу сейчас **гораздо более интересовал** день сегодняшний и, в частности, появление в спальне неизвестного, да ещё с закуской и водкой; При этом неуместном и даже, пожалуй, хамском вопросе лицо Аркадия Аполлоновича изменилось, и **весьма сильно изменилось*** (М. Булгаков).

Таким образом, синтагматика рассмотренного класса наречий, являясь довольно широкой и разнообразной, имеет определённые ограничения, связанные с синкретизмом их значения и значения потенциальных слов-партнёров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М., 1947.
2. Ермакова О. П. Наречие // Русский язык. Энциклопедия. М.: Дрофа. 1997. С. 257-259.
3. Лекант П. А. Аналитические формы и аналитические конструкции в современном русском языке. М.: МГОУ, 2015. 86 с.
4. Фурашов В. И. Современный русский синтаксис. Избранные работы. Владимир: ВГГУ, 2010. 368 с.
5. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз. 1957 г. 186 с.

**КАРТАШКОВА Фаина Иосифовна,
КАРТАШКОВА Александра Андреевна (Иваново, Россия)**

доктор филологических наук, профессор
Ивановский государственный университет;

зав. психосоматическим отделением
областной клинической психиатрической больницы
kartashkova@rambler.ru

**АННА КАРЕНИНА И ИРЭН ФОРСАЙТ
(опыт психолингвистического анализа)**

Доклад посвящен сравнительному анализу невербального поведения известных женских персонажей мировой литературы Анны Карениной (одноименный роман Л. Н. Толстого) и Ирэн Форсайт («Сага о Форсайтах» Дж. Голсуорси). Выбор материала обусловлен сходством жизненных ситуаций героинь (супружеские отношения трансформируются в любовный «треугольник»), однако эти ситуации получают в романах различное развитие. Одной из причин этого является то, что данные героини обладают различным психотипом. Анализ описания невербального поведения позволяет выявить особенности психоэмоционального состояния героинь в различных ситуациях. Фонационные особенности героинь принципиально различны. Так, фонация Анны Карениной весьма разнообразна, на что указывают соответствующие языковые единицы, маркирующие повышенный эмоциональный фон и тревожность героини (*с отвращением и ужасом сказала она*). Главная особенность Ирэн – ее спокойный тон (*softly*). Характерной чертой невербального поведения Ирэн является молчание (*had not once spoken to him all evening, made no reply, did not answer*). Тактильное поведение героинь также различно. Тактильные кинемы, характерные для Анны (*положила руку на руку мужа*), практически отсутствуют в невербальном поведении Ирэн. Пантомимические действия Анны частотны (*пожимая плечами*), любимая поза Ирэн – сидеть на диване (*sitting on the sofa*). Описание мимики героинь также различно: улыбка Ирэн служит «дежурным жестом», в то время как улыбка Анны отражает ее искренние чувства. Проксемика героинь свидетельствует о их принадлежности к разным психотипам: в описании поведения Анны преобладают языковые единицы с семантикой резкости

движений (*порывисто встала*); для Ирэн характерны плавные, замедленные движения (*got up slowly*). Миремика героинь описывается с помощью языковых единиц схожей эмоционально-оценочной направленности: *взволнованный взгляд на любовника* (Анна), *looked at him over her slowly waving fan* (Ирэн). Описание произвольных действий героинь характерно для обоих художественных произведений: например, динамика цвета лица (покраснение более характерно для Анны (*Анна покраснела до ушей*), а побледнение – для Ирэн (*from Irene's face the color had flown*). Слезотделение (*зарыдала*), респираторные реакции (*тяжело вздохнула*) являются отличительными чертами невербального поведения Анны. Специфические невербальные действия героинь также маркируют их психоэмоциональное состояние. Нестабильное психоэмоциональное состояние Анны (*стала биться, как пойманная птица: то хотела встать и идти куда-то*) контрастирует со спокойной позой Ирэн (*was sitting very still*).

Таким образом, анализ невербального поведения Анны Карениной и Ирэн Соумс позволяет говорить о принципиальном различии их психотипов, что и определило различное развитие их семейных конфликтов.

КАЧАН Ольга Георгиевна (*Минск, Беларусь*)

кандидат филологических наук, доцент
Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка
s.i.voronets@tut.by

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ СОВМЕЩЕНИЯ ЦЕЛИ С ДРУГИМИ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИМИ ЗНАЧЕНИЯМИ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются синтаксические способы выражения совмещения значения цели с другими лексико-грамматическими значениями. Отмечается, что синкретизм как семантическое явление в языке основывается на употреблении в синтаксических конструкциях широкозначных слов, и этот факт сближает понятия «совмещение значений» и «языковая импликация». Разграничение этих понятий позволило описать синтаксические способы выражения совмещения цели и места, цели и времени на уровне простого предложения в современном белорусском литературном языке.

Ключевые слова: синкретизм значений, синтаксическая конструкция, лексико-грамматическое значение цели, способ выражения.

Abstract. The article dwells on syntactic ways of expressing the alignment (syncretism) of the purpose meaning with other lexical and grammatical meanings. It is especially highlighted that syncretism as semantic phenomenon in a language is based on the use of polysemous words in syntactic constructions. This fact pulls together the concepts of meaning alignment and linguistic implication. Differentiation of these concepts highlights syntactic ways of expressing the alignment of the purpose and place, purpose and time in a simple sentence in the modern Belarusian literary language.

Keywords: syncretism of the meanings, syntactic construction, lexical and grammatical meaning of purpose, the way of expressing

Прежде чем приступить к описанию синтаксических способов выражения совмещения значения цели с другими лексико-грамматическими значениями в одной языковой форме, необходимо решить вопросы, на чём же основывается такое семантическое явление в языке, каковы объективные критерии, позволяющие утверждать, что данная языковая форма совмещает в себе два лексико-грамматические значения «на равных правах».

Исследование семантики синтаксических конструкций, совмещающих два лексико-грамматических значения (одно из которых целевое), показало, что совмещение происходит на основе употребления в данных конструкциях широкозначных слов, в том числе и служебных (в частности, предлогов). Это обстоятельство сближает случаи совмещения двух значений с явлением языковой импликации. Целесообразно поэтому разграничить эти два языковых явления.

Если совмещение двух лексико-грамматических значений выражается одной формой без дополнительного конкретного указания на значение, совмещающееся с целевым (в обратном случае имеет место только значение цели), то импликация основывается как на употреблении широкозначных слов, так и на эксплицитно выраженной информации. Таким образом, синтаксические конструкции, реализующие совмещение двух значений, и конструкции, выражающие имплицитное значение цели, различаются объёмом целевой информации. Во-первых, передаётся минимальный объём целевой информации, во-вторых, не только имплицитно выражается цель, но и содержится эксплицитная информация о характере протекания целевого действия.

Из сопоставительного анализа рассматриваемых конструкций можно сделать вывод о важной роли семантики ЗК (зависимого компонента) этих конструкций. В синтаксических единицах, реализующих сов-

мещение значений, это – действие (выражается отглагольным существительным или глаголом), в конструкциях, имплицитных цель, – предмет как компонент целевой ситуации (выражается конкретным существительным). Немаловажное значение имеет также и семантика ГК (главного компонента конструкции). В конструкциях с совмещением она нейтральная, неактуальная, не подчинена семантике ЗК, а в конструкциях с импликацией – эмоциональная, актуальная, подчинена семантике ЗК.

Совмещение двух лексико-грамматических значений реализуется синтаксическими конструкциями только на уровне простого предложения, имплицитные способы передают значение цели почти на всех синтаксических уровнях современного белорусского литературного языка. Таким образом, совмещение и импликация – это разные языковые явления.

Совмещение цели и места выражается в современном белорусском литературном языке глагольными словосочетаниями, ЗК которых представлен бессоюзным инфинитивом или предложно-падежной формой.

Конструкция глагол + инфинитив – непродуктивная, функционирует в стиле художественной литературы. Лексико-грамматический класс ГГ ограничен глаголами движения (передвижения в пространстве и глаголами, близкими к ним по значению), класс ЗК – глаголами, не противоречащими значению цели: «Мільганула на момант думка, што гэта за сцяной грае сястра Баляслава Гельца, што кожны дзень з тоненькім партфелем *ходзіць службыць*» (Кузьма Чорны); «Саромяючыся бацькі, яна (Марына) ціхом дастала вішнёвую тканіну і *панесла шыць*» (Кузьма Чорны). Формально-грамматический показатель совмещения значений цели и места в глагольных конструкциях с зависимым бессоюзным инфинитивом – отсутствие дополнительного указателя на место осуществления целевого действия.

Наиболее продуктивный способ выражения совмещения цели и места – глагольно-именные словосочетания с предлогом на, в которых ГГ представлен глаголами движения, а ЗК состоит из предлога и винительного падежа отглагольного существительного: «(чырвонаармеец): –

Мы ж ішлі на перафарміраванне, а асталіся, каб нас забралі ў палон?» (Кузьма Чорны); [«Бацька (Міхася Лынькова) з самых малых год хадзіў на розныя заробкі»] (Міхась Лынькоў). Исследуемые конструкции употребляются в публицистическом стиле и стиле художественной литературы, ЗК обычно стоит в постпозиции. Формально-грамматические показатели: наличие в ЗК отглагольного существительного, отсутствие дополнительного указания на место осуществления цели.

Для выражения совмещения значений цели и места в современном белорусском литературном языке широко используется глагольное словосочетание с ЗК у + вин. Лексико-грамматический класс ГГ представим глаголами движения (перемещения в пространстве), класс ЗС – отглагольными существительными и существительными, обозначающими народные обычаи или обряды: *у госці, у даведзіны, у сваты, у прымы*. Например: «Унь, Васіль Сцяпуцкі, які разам з Пархвенам калісьці хадзіў у заробкі» (Кузьма Чорны); «Яна (Ядвіся) і малая Габрынька пойдучь заўтра на раз’езд, сядучь на машыну і паедуць у госці» (Якуб Колас). Сфера функционирования исследуемых конструкций – стиль художественной литературы, ЗК обычно стоит в постпозиции. Формально-грамматические показатели: наличие в ЗК отглагольного существительного или существительного, обозначающего народный обычай, обряд, отсутствие указания на место осуществления цели.

Вывод: совмещение значений цели и места реализуется в современном белорусском литературном языке глагольными конструкциями, в которых ГГ представлен глаголами движения (передвижения в пространстве), а ЗК – глаголом в форме инфинитива или отглагольным существительным при условии отсутствия дополнительного указания на место осуществления цели.

Совмещение цели и времени передается в современном белорусском литературном языке глагольными словосочетаниями с зависимым бессоюзным инфинитивом, конструкцией глагол + наречие и глагольно-именными конструкциями с предлогом да.

В роли ГГ в глагольных конструкциях с зависимым инфинитивом выступают глаголы самоподготовки: *рыхтавацца, збірацца, адзявацца* и др., в роли ЗК – глаголы в форме инфинитива с непротиворечащим цели

значением: «Даць яму так, каб і не падняўся», – думае Гамыра і *рыхтуецца сустрэць* ворага» (Якуб Колас); «Ён (Умалевіч) *адзяваўся ісці*» (Кузьма Чорны). Исследуемые конструкции функционируют в стиле художественной литературы и являются непродуктивным способом выражения совмещения значений цели и времени; ЗК может стоять как в постпозиции, так и в препозиции. Формально-грамматические показатели совмещения лексико-грамматических значений цели и времени – наличие глагола самоподготовки в роли ГГ, отсутствие дополнительного конкретного указания на время осуществления целевого действия, выраженного зависимым бессоюзным инфинитивом.

Совмещение значений цели и времени находим и в конструкции глагол самоподготовки + наречие *нанач*. Явление совмещения значений в данном случае основывается на широкосзначности наречия *нанач* при глаголах самоподготовки: «Тут жа, у лесе *размясціліся нанач*, адпусціўшы сялянскую фурманку» (Міхась Лынькоў). Ср.: *размясціліся* с какой целью? *провести ночь, расположившись спать*; *размясціліся* на какое время? на ночное, на время от вечера до утра. Как показывает фактический материал, лексико-грамматические классы ГГ и ЗС являются замкнутыми; исследуемая конструкция функционирует в стиле художественной литературы.

Наиболее часто совмещение значений цели и времени реализуется в современном белорусском литературном языке глагольно-именными словосочетаниями с зависимой предложно-падежной формой *да + род*. ГК представлен глаголами самоподготовки, ЗК – предлогом и отглагольным существительным, обозначающим какое-либо событие или связанным с временным значением: «Але зірнем мы на Парэчча, Чым там у лесе живе хата, Як там *рыхтуюцца да свята*» (Якуб Колас); «Па вуліцы ішоў чалавек, І нашы дружбакі, заўважыўшы яго, хутка развіталіся і пайшлі па сваіх хатах *рыхтавацца да вячэры*» (Міхась Лынькоў).

Исследуемые конструкции выражают совмещение цели и времени в публицистическом стиле и стиле художественной литературы, зависимая предложно-падежная форма может стоять как в постпозиции, так и в препозиции.

Вывод: совмещение значений цели и времени реализуется в современном белорусском литературном языке глагольными конструкциями, в которых ГГ представлен глаголами самоподготовки, а ЗК – или наречием, или глаголом в форме инфинитива, или же предложно-падежной формой отглагольного существительного при условии отсутствия дополнительного указания на время осуществления цели.

КОЗЛОВА Анна Юрьевна (*Коломна, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Государственный социально-гуманитарный университет
anna_ko65@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ НОРМ КНИЖНО-ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА В ТОЛКОВОЙ ПАЛЕЕ ПО СПИСКУ ГИМ, БАРС. 620
(склонение имен существительных)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности отражения в тексте ГИМ, Барс. 620 различных норм книжно-литературного языка Древней Руси XV в. Делается попытка обосновать положение о разной степени обязательности этих норм для основного писца данного списка. Рассматриваются нормы, связанные со склонением имен существительных.

Ключевые слова: Толковая Палея, книжно-литературный язык Древней Руси, имя существительное

Abstract. The article focuses on the reflection of different linguistic norms of the 15th century Old Russian in the text of Palaea Interpretata, the State Historical Museum, Bars, 620. We argue that the different norms were relevant for the main scribe of the manuscript to a different extent. We particularly focus on the norms concerning the nominal inflection.

Keywords: Palaea Interpretata, Standard Old Russian, nominal morphology

В связи с исследованием истории бытования текста Толковой Палеи в книжности Древней Руси наше внимание привлекла рукопись из Барсовского собрания Государственного исторического музея № 620 (далее – *Барс. 620*) конца XV в.

Во-первых, она характеризуется своеобразным содержательным составом: включает апокрифы, которые отсутствуют в тексте древнейшей редакции, представленной Коломенским списком 1406 г. (РГБ, ф. 304, I, Тр.-Серг. 38), поэтому её называют расширенной Промежуточной редакцией Толковой Палеи (см. о Промежуточной редакции Толковой Палеи в [4]).

Во-вторых, список примечателен в палеографическом отношении: в основном он переписан одним писцом, который иногда как бы давал возможность другим шести писцам «попробовать перо»: иногда другой писец переписывал лист, иногда столбец, а иногда вписывал только одно слово. Рукопись не содержит каких-либо записей, указывающих на место и время её создания.

Анализ текста на уровне орфографии, грамматики и лексики позволяет выдвинуть предположение, что основной писец использовал разнонаправленные стратегии для передачи норм, относящихся к разным языковым уровням.

С одной стороны, обращает на себя внимание последовательно проведенная им правка древнерусских соотносительных особенностей, которые были характерны для старших рукописей Толковой Палеи: замена полногласных форм на неполногласные, устранение начальных ро-, ло- и т. д., что в принципе соответствует общей тенденции, которая ярко проявится в более поздних списках Толковой Палеи – списках XVI–XVII вв.

С другой стороны, в *Барс. 620* отражены такие черты, которые в книжных памятниках XV в. в научной традиции еще не были отмечены и могут быть интерпретированы как инновации, появившиеся в тексте под влиянием разговорного языка. Самые яркие из них проявляются на уровне орфографии: так, например, писец устойчиво пишет букву *ы* не только после букв, обозначающих шипящие [ж] и [ш], но и после букв, обозначающих аффрикаты [ц] и [ч'], а также [ш'ш']; переход начального *и* корня после приставок на согласный может быть передан с помощью двух букв – *ьи* и др. (см. об этом [3]).

Целью данной статьи является описание грамматических норм, связанных со склонением имен существительных, в тексте, который был переписан основным писцом.

Так, можно говорить о разрушении в грамматической системе текста *i-склонения: хотя некоторые имена существительные м.р. в тексте *Барс. 620* могут сохранять исконные флексии: *всакаго голѹби мнѣтса* (Л.14в), но всё же чаще они выступают с новыми окончаниями: *Ѡ лавана тѣста* (Л.84в), *по/среѣи огна* (Л.123а), *соѹжьчьствоѹѣ* / *ѡгневи* (Л.28а),

огню въчномоу (Л.131г) и т. д. По поводу формы *тѣста* (Р.-В.п. ед.ч.) Г. А. Хабургаев в «Исторической грамматике русского языка» отмечает: «Они еще довольно редки на фоне более обычных для текстов XIII-XV вв. форм **Р-Д-М** *гости, зяти, тати, тьсти*» [1: 171], но в более поздней монографии «Очерки исторической морфологии русского языка. Имена» исследователь относит данное положение только для XIII-XIV вв. [5: 30]. Существительное *i-склонения *тьсть* в *Барс. 620* в Р.-В.п. выступает только с новыми окончаниями: уже указанная форма *ѿ лавана тѣста* (Л.84в), а также *оу лавана / тѣста своего* (Л.92г), и *напогашеть овци тѣ/ста своего лавана* (Л.92г), *тѣста своего* (Л.131г).

Слово *зять*, которое тоже относилось к *i-склонению, представлено в форме И.п. мн.ч. уже бывшей формой собирательного существительного, употребленной в значении мн.ч.: *видѣвшѣ затьа его и поsmithася* (Л.71б).

Имя существительное *сынъ* в любом значении может иметь окончания склонения *o: и *въскорми его / во чти въ сна мѣсто* (Л.122в).

В Р.п. ед.ч. консонантного склонения у имен существительных всех родов варьируются окончания *e/u*: *ѿ матерѣ* (Л.23б), *ѿ племѣни* (Л.63б) и др.

Существительные бывшего мягкого типа *a- и *o-склонения в большинстве случаев выступают с новыми окончаниями: *срѣдѣ нѣа* и *земли* (Л. 3г), *на златици* (Л.9б) и т. д.

В тексте *Барс. 620*, переписанном основным писцом, фиксируется очень редкая флексия имен существительных *a-склонения *-ou* (Т.п. ед.ч.): *азъ родихся патыи / снѣ ѿковѣ мѣзон манѣдра/горѣ* (Л.116а) – ср. Мазуринский список (РГАДА, Ф.196 (РС Мазурина), оп.1, № 575., далее — *Мазур.*): *мѣздою* (Л.225). Г. А. Хабургаев описывает появление данной формы следующим образом: «В этой флексии отсутствие конечного гласного не связано с фонетическими изменениями: -j здесь продолжает сохраняться, а объяснить утрату напряженного гласного... его редукцией в безударной позиции невозможно, тем более что его сохранение наблюдается как раз в тех говорах, для которых редукция заударенных

гласных обычна... В средневековых текстах такие формы практически не встречаются» [5: 199]. Действительно, примеров, иллюстрирующих эту форму в эпоху Древней Руси, мы пока не обнаружили.

Новая флексия -у в Р.п. ед.ч. фиксируется, но таких примеров совсем немного: и/сполниша̂ всакаго родоу (Л.18в), часть ѿ мо/згоу (Л.41г), ѿ ро/доу члѣска (Л.96аб), не изъ/мѣнлю̄ чыноу своего (Л.118б). В Мест.п. ед.ч. -у встретилось только один раз в слове чинъ: в чи/ноу аггльстѣмъ (Л.140г). Но зато окончание -овъ/-евъ в Р.п. мн.ч. очень частотно: ѿ раман'ныхъ дождевъ (Л.4в), различныхъ зра/ковъ (Л.6а), з̄ мью часовъ (Л.6б), ѿ высокѣ холм'овъ (Л.14в) т.д.

В списке проявляется интересная особенность – часть флексии -ов- воспринимается писцом как словообразовательный формант (см. об этом [2:84]): Барс. 620: рѣ гъ ноєви и снѣв̄ его (Л.49б), къ дх̄ов̄ злобн̄ы (Л.53г), къ сновомъ (Л.76г), свой̄ снѣв̄ (Л.108а), снѣв̄ своимъ (Л.108б), ѿмь/щеніє дх̄в̄ лестн̄ы (Л.109в), аще вѣдетъ плѣненіє градов̄ (Л.113в) (ср. Мазур.: град̄ (Л.219 об.)), повѣжъ снов̄ (Л.131г), къ снѣв̄ (Л.142в), снѣв̄ (Л.142в), снѣв̄ (Л.143а), снѣв̄ (Л.146а). В первом томе «Множественное число именного склонения» «Исторической грамматики древнерусского языка» эта особенность указывается только для слова *у-склонения сынъ и иллюстрируется только одним примером из деловой письменности XV в. – из двинской грамоты №76, которая связана с местностью Куростров, находящейся около Холмогор [6: 93]. В Барс. 620 формант -ов- фиксируется намного чаще и обнаруживается в словах *о-склонения.

Особо выделим новые формы Им.-Вин.п. мн.ч., графически выраженные -а: Да изведе̄ земля дшоу живоу / четвероногиа звѣра и скоты (Л.20г), на Л. 45а встречается сначала нормативная форма мн.ч. существительного дъщи: и потѣ̄ ро̄^{ан} многи / сны и дщери, а внизу этого листа обнаруживаются явно диалектные формы: и дще/ра родишиа ѿ, и

видѣвшѣ* / снѣвѣ вжїи дщєрѣ члчѣскнѣ (Л.45а), далее эта форма встречается еще раз: вчи/щѣтѣ снѣи своѣи и дщєрѣ своѣи (Л.151г), что доказывает, что она не случайна и, по-видимому, свойственна живой речи писца.

Если бы флексия -ѣ характеризовала только имена существительные ж.р. консонантного склонения, то можно было бы принять гипотезу Г. А. Хабургаева, который связывал эти формы с развитием категории одушевленности и указывал, что они до сих пор имеют широкое распространение в Орловской, Курской, Белгородской и Воронежской областях [5: 85]. Но форма существительного м.р. звѣрѣ (Л.20г) не позволяет это сделать и заставляет искать другие объяснения. На данном этапе исследования нам непонятно происхождение этих форм. (Хочется напомнить, что А. А. Шахматов отказывался комментировать эти формы (см. об этом [6: 85]).

Подытожив все сказанное, можно сделать вывод, что нормы склонения имен существительных, которые отражены в тексте Барс. 620, по степени обязательности подобны орфографическим нормам: писец свободно допускает влияние разговорного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка: Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. М.: Высш. школа, 1981. 359 с.
2. Иорданиди С. И., Крысько В. Б. Множественное число именного склонения. М.: «Азбуковник», 2000. 310 с. (Историческая грамматика русского языка; Т.1).
3. Козлова А. Ю. Отражение перехода начального [и] корня в [ы] после приставок на согласный в «Толковой Палее» по списку ГИМ, Барс. 620 // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы: тр. и матер.: в 2 т. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. Т. 2. 228 с. С.89–92.
4. Мильков В. В., Полянский С. П. Палея Толковая: редакции, состав, религиозно-философское и энциклопедическое значение памятника в свете истории его изучения // Палея Толковая. М.: Согласие, 2002. С.604–631.
5. Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М.: Изд-во МГУ, 1990. 296 с.
6. Шахматов А. А. Исследование о двинских грамотах XV века. СПб.: [Тип. Импер. академ. наук], 1903. 2 т. (Исследование по русскому языку).
7. Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Репр. изд. М.: Индрик, 2002. (Памятники древней письменности. Исследования. Тексты. Петроградъ, 1915).

**КОЛЕДА Алексей Игоревич,
МАСЛОВА Валентина Авраамовна** (*Витебск, Беларусь*)

магистрант
доктор филологических наук, профессор
Витебский государственный университет
имени Петра Мироновича Машерова
alxkoleda@gmail.com
mvavit@tut.by

ПОЛИКОДОВОСТЬ ИГРОВОГО ТЕКСТА КАК ЯВЛЕНИЕ СИНКРЕТИЗМА

Аннотация. Статья, написанная в русле коммуникативной лингвистики, рассматривает такие понятия, как поликодовый текст, креолизованный текст. Даёт определение понятию «синкретизм», а также анализируется поликодовый текст игровой тематики как синкретизм. Также в статье рассмотрена связь элементов поликодового текста и даны комментарии к найденным связям.

Ключевые слова: поликодовый текст, креолизованный текст, синкретизм, игровой текст.

Abstract. An article written in the context of communicative linguistics considers such concepts as polycode text, creolized text. The definition to the concept of "syncretism" is given in the article. Here it is also examined how the polycode text on a game topic can be a phenomenon of syncretism. The article also describes the links of elements of the polycode text and comments on the found links.

Keywords: polycodetext, creolizedtext, syncretism, gametext.

Статья написана в русле коммуникативной лингвистики, которая рассматривает в качестве единицы коммуникации речевые акты, такие как утверждение, вопрос, просьбу и др., а также коммуникативную значимость структурных элементов, выраженных в связном тексте.

В данной статье текст понимается как «поликодовая», или «креолизованная», сущность. Понятие «креолизованный текст» впервые появилось в работе российских лингвистов Ю. А. Сорокина и Е. Ф. Тарасова. По их определению «креолизованные тексты – это тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)»[3]. Примерами креолизованного текста могут быть кинотексты, тексты радио и телевидения, а также агитация и пропаганда.

Однако более удачным, с нашей точки зрения, является термин «поликодовый текст». Данная разновидность текстов была отмечена

благодаря деятельности таких исследователей, как Г. В. Ейгер и В. Л. Юхт. С их точки зрения, «к поликодовым текстам в широком семиотическом смысле должны быть отнесены случаи сочетания естественного языкового кода с кодом какой-либо иной семиотической системы (изображение, музыка и т. п.)» [1].

Поликодовый текст в большинстве случаев очень синкретичен. Поясним: слово «синкретизм» происходит от греческого слова “*synkretismos*”, которое означает объединение в один цельный набор некоторых частиц или материй, которые тем не менее могут быть визуально отделены друг от друга. В отличие от значения слова «синтез», которое подразумевает полное слияние элементов до образования некоторого однородного материала. Согласно «Толковому словарю иноязычных слов» Л. П. Крысина, синкретизм – это «слитность, неразделённость, характеризующая первоначальное, неразвитое состояние чего-либо» [2]. Несмотря на то, что технически возможно выполнить разделение материала на составляющие части, их разделение повлечёт утрату дополнительного смысла, которое основывается на связях данных элементов. Таким образом, мы можем сказать, что, создавая поликодовый текст как сущность, обладающую синкретизмом компонентов, мы вкладываем в него дополнительные интеркомпонентные связи. Следовательно, и анализировать данные материалы нужно, рассматривая их одновременно и вместе, и по-отдельности, чтобы не допустить потери дополнительных слоёв авторского замысла.

В качестве источника материала для анализа поликодовых текстов различной природы были выбраны сообщения игроков MMORPG EVE Online на форумах и иных ресурсах общественной коммуникации в сети Интернет. Основным мотиватором и движущей силой в игре является борьба за производственные ресурсы и территории (по внутриигровой терминологии они называются «звёздные системы»), а также за человеческие ресурсы. Так как в основном игроки вольны сами выбирать организации, к которым они хотят присоединиться, перед такими организациями (по внутриигровой терминологии – «альянсы» и «корпорации») стоит задача привлечения игроков. Для этого представители альянсов и корпораций прибегают к манипулятивному воздействию

поликодового текста, который включает в себя текст на естественном языке, изображения, видео- и аудиоматериалы.

Данный источник материала был выбран в связи с нарастающей значимостью виртуального окружения как средства разгрузки и переключения психики человека, который можно поставить в один ряд с такими уже устоявшимися жанрами, как литература, музыка театр и кино. Игры, использующие достижения компьютерной техники, могут по праву считаться новой реальностью для многих людей, однако изученность игровых материалов и материалов, создаваемых самими игроками в процессе игры, остаётся недостаточной.

В качестве примера приводится манифест лидера русскоязычной коалиции, опубликованный на форуме eve-gu.com. Автор данной статьи – игрок, и высказанные им взгляды имеют своей целью влиять на других игроков.

«Russian Idea: ВРС

Когда-то русскоговорящих в Еве боялись и уважали. Это были времена огромных империй на несколько регионов, непобедимых флотов и успешных военных кампаний.

ССР пугали своих игроков русским флотом «Дракон», который был настолько крут, что стрелял не по праймори, а просто «жег всех», а brutальный голос флит кома на языке Пушкина буднично объявлял всем, что система теперь наша.

Тогда для русских не было невыполнимых задач, не было нужды идти на компромисс с лидерами других альянсов, влияние в нулях было неоспоримо, а успех, казалось, продлится вечность.

За окном шел февраль 2019 года, в разных уголках Евы, независимо друг от друга, вели свое жалкое существование отголоски великих образований прошлого – современные русскоязычные альянсы. Каждый решал свои мелкие задачи, строил смелые планы, которым не суждено было осуществиться, посмеивался над неудачами другого и верил, что именно его альянс – лучший из оставшихся. От былой силы не осталось и следа, русская Ева была на дне, и подняться с него было невозможно, потому что каждый сидел на своем дне и в одиночку встать не мог.

На сегодняшний день в Еве не осталось ни одного самостоятельного и самодостаточного русского альянса. Каждый из нас является разменной монетой для крупных повер-блоков: Гунов, Тестов, НЦПЛ, ГОТГ. Пока они приумножали свои ресурсы и копили силы, мы грызлись друг с другом, будучи пешками в их играх. Сегодня этому наступил конец.

Многие пилоты, и на этом форуме в том числе, хотели бы увидеть на карте Евы русскоязычное образование, способное постоять за себя. Да будет так.

После многих лет раздора представители крупных русскоязычных альянсов сели за стол переговоров. Мы решили, что пора объединяться, пора стать чем-то большим, чем маленький “независимый” альянс.

Сегодня Dangerous Voltage, Legion of xXDEATHXx, Red Alliance, Siberian Squads объединяют свои усилия и создают первую за долгое время русскоязычную коалицию.

Друзья, настало время отбросить былые разногласия и обиды, пора показать всем, на что мы способны вместе. Пришел час бороться за собственные интересы, наше будущее в наших руках!

Мы призываем пилотов, примкнувших в свое время к различным повер-блокам, создавших свои небольшие альянсы, присоединиться к нашей коалиции! Будь то альянс, корпорация или одинокий пилот, те-

перь каждый из Вас сможет выбрать для себя подходящее место. Давайте напишем новую главу русскоязычной Евы вместе!

Жребий брошен, пути назад нет, а первый шаг вперед мы сделаем сегодня!» [4].

Данный пример лишь с одной центральной интерсегментной связью. Изображение является переделанным постером фильма StarWars, по сюжету которого герои борются против злых ситхов. На изображении в качестве героев (протагонистов по сюжету фильма) размещены виртуальные аватары лидеров коалиции, указанных в манифесте. В накидке ситхов (антагонистов) находится один из предполагаемых противников русскоязычной коалиции. Значение данного изображения, таким образом, можно определить как борьбу светлых сил (русскоязычной коалиции) против иных различных групп альянсов (англо- и китаеязычных). В дополнение к этому многие элементы постера, которые указывали на принадлежность к вселенной StarWars, были заменены на элементы вселенной EVEOnline, такие как сооружения и космические корабли.

Также в нашей магистерской работе с целью сравнения используются англоязычные примеры. В одном из них, к примеру, можно обнаружить сразу 3 компонента:

- 1) текст, написанный на естественном языке;
- 2) видео, снятое в стиле «трейлеров» к кинофильмам;
- 3) изображение, с логотипами участвующей стороны и её союзников, стилизованное как постер фильма.

Вышеуказанные примеры подчёркивают тот факт, что синкретизм в медиадискурсе проявляет себя в тесной взаимосвязи различных кодов такого текста. Анализ данного материала можно проводить, только опираясь на взаимосвязь выявленных элементов. В противном случае, исследователь рискует потерять часть смысла, изначально заложенного автором.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ейгер Г. В. К построению типологии текстов // Лингвистика текста: материалы научной конференции при МГПИИЯ им. М.Тореза. Ч.I. М., 1974. С. 103-109.
2. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2006. С. 713
3. Сорокин Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. С. 178-187.
4. RussianIdea: ВРС // EVE-RUForum [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://forum.eve-ru.com/index.php?showtopic=119824> – Дата доступа: 20.02.2019.

КОМЛЕВА Наталья Валентиновна (Вологда, Россия)

кандидат филологических наук, доцент
Вологодский государственный университет
k.nati@mail.ru

ЛЕКСЕМА *МАСТЕР* В ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД

Аннотация. Наблюдения над употреблением лексемы **мастер** в вологодских говорах позволяют сделать вывод о том, что в диалектной языковой системе объём её лексического значения шире, чем в литературном языке. Данная лексема известна говору в двух общерусских значениях: 'квалифицированный работник' и 'ловкий в каком-либо деле человек', а также в значении 'человек, занимающийся плотницким ремеслом', что является отголоском ремесленной терминологии памятников делового языка старорусского периода.

Ключевые слова: вологодские говоры, мастер, наименования работников, ремесленная терминология.

Abstract. The analysis of the use of **master** lexeme in Vologda dialects leads us to conclude that in the Russian dialect language system, the lexical meaning of the word **master** is broader than the meaning of this lexeme in the literary Russian language. In the dialects, the lexeme 'master' is presented in two meanings of the literary Russian language (i.e. 'a skilled worker' and 'a person who is clever in some occupation'), and it also encompasses the meaning 'a person engaged in carpentry craft', which is an echo of the craft terminology in the documents of the Ancient Russian language period.

Keywords: Vologda dialects, master, nominations of workers, craft terminology.

Архаичный характер вологодских говоров проявляется в семантическом развитии многих диалектных слов, что, в частности, показывает история слова **мастер** и его производных в вологодских говорах.

Лексема **мастер** представляет ядро терминосистемы профессиональных наименований лица в памятниках официально-деловой письменности. Согласно данным этимологических словарей, **мастер** является ранним заимствованием: др.-русск. *мастерь* 'магистр ордена', наряду с этим др.-русск. *магистрь* могло быть получено через ср.-греч. [6: 578]. Достаточно рано в языке появляется еще одно значение слова **мастер** – 'сведущий в каком-л. деле человек, имеющий право руководить работами': *Володимеръ... помысли создати црковь престыя бца, (и) пославъ приведе я мастера от грекъ*. Лавр. лет., 121. (1259) [4: 36-37].

В «Словаре промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв.» словарная статья **МАСТЕРЪ** содержит одно значение 'умелый квалифицированный работник, ремесленник; специалист по производству,

строительству, изготовлению чего-либо' – *Да лодью мастера пружили с валу и спичили, и конопатили, и сё молили, итого дано 3 руб. 20 алт. 2 ден. Кн. прих.-расх. Унск. пр. 1597-1600 – ВХК (I), с. 191, л. 14 об.* – и один оттенок значения 'опытный, умелый работник, руководящий строительством или промыслом' – *Лодеиным казаком пятерым дано найму 40 ал<тын>, нанял лодью валит<и>, дал мастеру задатка рубль. Кн. расх. Корел. м. № 943, 33. 1587 г. [2: 196].*

Отметим, что в среднерусский период активно используются функционально маркированные составные наименования с компонентом **мастер**. В памятниках деловой письменности XVI – XVII вв. были противопоставлены факты двух языковых систем: народной разговорной речи и делового языка (*сапожникъ – сапожный мастеръ*). Ср. наименования плотника в словаре промысловой лексики: **Мастеръ плотный, мастеръ плотникъ** – *Плотным мастерам, что дѣлали новой анбар къ столу купил мяс бычьих на два алтна. Кн. расх. Ант.-Сийск. м. 1567 – РГАДА, ф. 11 96, оп. 3, № 46, л. 6. Дал мастером плотником казенные кельи засеные делали дал 20 алт. з гривною. Кн. расх. Сп.-Прил. м. 1574 – ВХК I, 285 [2: 198].*

Общерусский характер лексемы **мастер** объясняет её отсутствие в «Словаре вологодских говоров» [1] (далее – СВГ), однако она достаточно часто употребляется в иллюстративном материале словаря, и анализ синтагматических отношений этой лексемы с другими словами в контексте позволяют сделать интересные наблюдения за проявлением значения этого слова в говоре. В иллюстративном материале СВГ лексема **мастер** употребляется в двух литературных значениях: 1. 'Квалифицированный работник, занимающийся каким-либо ремеслом; квалифицированный ремесленник' [5: 677]: *Ой, говорят, каталя (мастера по изготовлению валенок) пришли. Раньше ходили по деревням мастера. Сямж. Ноне нет уж мастеров, что преж-то были. Гряз. 2. 'О знающем, ловком, искусном в каком-либо деле человеке' [5: 678]: В той семье такие мастерицы. Ко всем праздникам пирогов натаганят (напекут). Кир. Чаше с неопр. формой гл.: Иван-то мастер грохотки (плетённые из лыка корзины) делать Кир. Навесы-то (оконные наличники) он был вырезать мастер. Влгд. Дед-то у меня был мастер подтопки*

ложить. Влгд. *Поцеремонюсь* (попить медленно, с наслаждением) *ца-ем-то*, *скусной больно*. *Доцерь у меня мастерица заваривать*. Сямж. По этой же модели, но в переносном значении слово **мастер** употребляется и в таком контексте: *Ну уж пырить-то* (потеть) *ты мастер, не наберёшься на тебя и рубах-то*. К-Г.

Ряд примеров показывает употребление лексемы **мастер** в более узком и конкретном по сравнению с литературным языком значении 'плотник': *Басулины-то* (деревянные резные украшения на фасаде дома) *хороший только мастер может сделать*. Сямж. *Говорят, дома обделаны* (отделаны) *хорошим мастером*. *А мастер – мой дедушка старенький*. *Он обделал дома, обшивку нанёс красивую*. Хар. Ср. также благопожелание плотнику: *У мастера дак: «Клин да гвоздь!», а печнику – «Глины горсть!»* Сямж. Привлечение исторических данных и наблюдения за употреблением производных лексем как в литературном языке, так и в говорах помогает проследить, каким образом возникает у слова **мастер** отмеченное значение.

Глагол **мастерить** 'делать, изготавливать что-либо (обычно самодельным, ручным способом, любительски' в БАС имеет помету разг. [5: 679]. Лексема отмечена и во многих иллюстрациях СВГ: *Это теперь заборы, а раньше изгороди из копёр* (жердей) *мастерили*. В-У. *Мы плуг-то не используем, мы заступью* (железная лопата, заступ) *картошку садим*. *Я и сам заступи мастерю*. Кир. *Поточишь косу бруском да в плетешок* (берестяной футляр) *его*. *Надо другой плетешок смастерить*. *Этот весь изорвался*. Межд. *Дед-то у нас всей деревне катаников намастерил*, *уж больно у него ловкие да тёплые получались*. Верх. *Россошники-то отец сам в кузне делал, да и саму соху сам мастерил*. Верх. *Отец-то брусья смастерил да умер, муж уж полати доделывал*. В-У. *Дедко-то твой баские судёнки мастерил*. Ник.

В вологодских говорах лексема **мастерить**, кроме того, употребляется в значении, близком к терминологическому, имеющему прямое отношение именно к плотницкому ремеслу: 1. 'Строгать, обтесывать'. *Надо брёвна мастерить*. *Не мастерёные стены некрасиво*. Сямж. 2. 'Отделывать, придавать определенный вид путем обработки; строить'. *Вона-ка, дом-от как мастерят!* Тот.

Производные с корнем **мастер** лексемы также демонстрируют отношение к труду плотника: **мастерство** 'строительство, возведение зданий, построек': *Лесу было навожено на мастерство*. Тот.; **вымастерить** 'отремонтировать': *Надо и ту половину дома-то вымастерить*. Тот. *У них, видно, хотели сделать жительство, вымастерен у них потолок*. Тот.; **мастерёный** 'выстроганный, обтесанный, гладкий': *Дом строят, дак говорят: «Ой, стены ещё не мастерёные, не отёсанные, а мастерёная – гладкая. Надо брёвна мастерить. Не мастерёные стены некрасиво*. Сямж.

Заслуживает внимания пример употребления лексемы **мастеровой**, совмещающей значение 'плотник' с оценочной характеристикой его мастерства: *Тятя-то мастеровой был, тесниц (досок) наготовит широких, ровных, без задоринки*. Ник. Кроме того, зафиксирован фразеологизм **быть в мастерстве** в значении 'плотничать'. Тот.

Таким образом, связанные деривационными отношениями лексемы **мастерить**, **вымастерить**, **мастерство**, **мастерёный**, **мастеровой** имеют в лексическом значении общую сему – 'отношение к плотницкому делу'.

Для сравнения был привлечен материал «Словаря русских народных говоров» [3], где также отмечается и сама лексема **мастер** и её словообразовательные производные в различных диалектных значениях. Сему 'отношение к плотницкому делу' обнаруживают следующие лексемы: **Мастерить** 1. 'Строить, плотничать, отделявать (дом, здание)'. *Где ныне мастеришь? Не возьмешься ли избу у меня мастерить?* Волог. 2. Работать. Твер. Пск. [3: 1982]. **Мастероватый** – 'умелый, способный делать, мастерить что-либо'. Волог. Урал. Твер. Пск. [3: 1982]. **Мастерёный** – 'законченный, завершённый, отделанный (о доме, здании)'. Вят. [3: 1982]. **Мастериться** – 1. 'Строиться'. Твер. Пск. 2. 'Достраиваться, отделяваться (о доме, здании)'. Яросл. [3: 1982].

Таким образом, все эти слова, помимо вологодских говоров, зафиксированы и в говорах, бытующих на сопредельных (Ярославская обл.) территориях, а также на территориях распространения генетически родственных вологодским говорам (Тверская, Псковская обл.). Вероятно, можно говорить о формировании именно в этих ареалах значения 'плот-

ник' у лексемы **мастер** и закреплении его в производных лексемах. В этой связи особый интерес вызывает судьба упомянутого выше составного наименования **мастеръ плотный** и **мастеръ плотник**. Возможно, под его влиянием литературному однословному обозначению человека данной профессии **плотник** соответствует диалектное **мастер**. Такое расширение значения слова **мастер** в современной диалектной лексической системе объясняется, скорее всего, и тем, что ремесло плотника (обработка лесных материалов, постройка деревянных зданий, выделка деревянных частей сооружений) было одним из самых востребованных в деревнях Русского Севера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь вологодских говоров / Под ред. Т. Г. Паникаровской и Л. Ю. Зориной. Вологда: ВГПИ / ВГПУ, 1983 – 2007. Вып. 1-12.
2. Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII в. Вып. 2 / под ред. Ю. И. Чайкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005.
3. Словарь русских народных говоров. Вып. 18. СПб.: Наука, 1966 – 2016. // <http://iling.spb.ru/vocabula/srng/srng.html>.
4. Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 9. М.: Наука, 1982.
5. Словарь современного русского литературного языка. Том 6. / Под ред. Ф. П. Сороколетова и Ф. П. Филина. М. – Л.: изд-во АН СССР, 1958.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с немецкого и дополнения О. Н. Трубачёва. Т. 2. М., 2003.

КОРОЛЬКОВА Анжелика Викторовна (Смоленск, Россия)

доктор филологических наук, профессор
Смоленский государственный университет
lika.korolkova@bk.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ РУССКОЙ АФОРИСТИКИ

Аннотация. В статье говорится о семантических полях русской афористики, основой которых являются базовые концепты русской культуры. Концепты в афоризмах (ключевые слова) составляют семантический стержень изречений. Концепты афористики демонстрируют богатейшие возможности семантической диффузности лексических единиц. Благодаря семантическому синкретизму афоризмы становятся оригинальными, парадоксальными, востребованными в языке и речи.

Ключевые слова: афористика, семантическая диффузность, семантическое поле, ключевые слова.

Abstract. The article deals with the semantic fields of Russian aphorism, the basis of which are the basic concepts of Russian culture. Concepts in aphorisms (Keywords) constitute the semantic core of sayings. Concepts of aphoristic demonstrate the richest possibilities of semantic diffusely lexical units. Thanks to semantic syncretism aphorisms become original, paradoxical, popular in language and speech.

Keywords: the aphorism, semantic diffuseness, semantic field, Keywords in the aphorism.

В лингвистических исследованиях XX века понятие синкретизм чаще всего используется применительно к синтаксису, однако в последнее время многие ученые справедливо отмечают, что это понятие охватывает и грамматику языка, и лексику, и семантику. Семантический синкретизм, т. е. совмещение семантических признаков языковых единиц, их семантическая диффузность, – распространенное явление в русском языке. Семантический синкретизм можно усмотреть в явлении синонимии, также он проявляется, по мнению М. Вас. Пименовой, «в формально-содержательной языковой асимметрии, при которой один знак может выражать два (и более) значений (семасиологический аспект лексической семантики) и, соответственно, одно значение может выражаться двумя (и более) знаками (ономасиологический аспект)» [4: 10].

При анализе проблем семантического синкретизма М. Вас. Пименова предлагает выделить особую лексико-семантическую категорию – синкретсемию, которая рассматривается как «выражаемое формами одного слова (одной лексемой) семантическое отношение нескольких генетически связанных значений (семем), которые сосуществуют в языке и одновременно актуализируются в речи (в отличие от сходных семасиологических категорий)» [4: 11]. Частными видами денотативно-сигнификативной синкретсемии предлагается считать слова-символы и имена концептов.

При исследовании семантического наполнения русской афористики целесообразно анализировать семантические поля, ею образуемые.

Материалом для анализа семантики афоризмов стал корпус нашего «Словаря афоризмов русских писателей» [3]. В словарь включены изречения, извлеченные непосредственно из текстов художественных, публицистических, научных текстов. В нашем словаре не было заранее определенных разделов и тем афористики. В процессе работы над подборкой афоризмов мы выделяли в изречении так называемые ключевые слова, которые определяли его тему. В определении ключевых слов мы присоединяемся к мнению Е. А. Земской, которая называет ключевыми «слова, обозначающие явления и понятия, находящиеся в фокусе соци-

ального внимания. К ключевым словам нашей эпохи относятся и высокочастотные имена собственные, и имена нарицательные» [2: 92].

Ключевые слова увеличивают смысловую емкость афоризмов, а также позволяют читателям проникнуть в глубинный смысл изречения. Ключевые слова отсылают изречения к тем или иным тематическим разрядам: *жизнь, смерть, любовь, ненависть, тревога* и др. В некоторых случаях они складываются в словосочетания и позволяют объективно рассмотреть полученные данные. В таких случаях снимаются вопросы формально-содержательной языковой асимметрии.

Лексические единицы, являющиеся ключевыми словами афоризмов, легко объединяются в тематические группы и шире – в семантические поля. Семантическим полем вслед за О. С. Ахмановой мы называем «частичку, «кусочек» действительности, выделенную в человеческом опыте и теоретически имеющую в языке соответствие в виде более или менее автономной лексической микросистемы» [1: 334]. В подобную микросистему входят слова и выражения языка, в своей совокупности покрывающие определенную тему. Семантическое поле как более масштабное понятие включает в себя отдельные тематические группы. В свою очередь тематическая группа, по определению О. С. Ахмановой, – это «ряд слов, более или менее близко совпадающих по своему основному (стержневому) семантическому содержанию, т.е. по принадлежности к одному и тому же семантическому полю» [1: 118]. Семантическое поле включает в себя лексические единицы в разнообразных проявлениях, во всех отношениях, существующих или существовавших в системе русского языка.

В семантических полях афористики ключевые слова актуализируются в конкретных изречениях, вступают в системные парадигматические и синтагматические отношения.

Стержнем рассматриваемых нами семантических полей русской афористики являются ключевые слова афоризмов, которые лексически реализуют базовые концепты русской ментальности. Концепты, зафиксированные в афористике, демонстрируют ее семантический синкретизм, возможность обширной многозначности изречений.

В качестве примера приведем частичный анализ семантических полей XVIII века «человек» и «качества человека».

Ключевые слова, относящие афоризмы к семантическому полю человек, следующие: *человек, человеческий, народ, люди, смертные* и пр. Данное семантическое поле является важным в мировосприятии людей XVIII века, и это вполне логично. Разум должен быть направлен на достижение счастья для людей, для народа, иначе он просто не нужен. В разумном рационалистическом мире человек со всеми его пороками и слабостями остается неким центром, к которому и приковано внимание авторов афоризмов. В некоторых случаях человек стремится к одиночеству, так как человеческое общество несовершенно, жизнь в нем трудна, она приносит горе и заботы.

Например:

*Блажен, кто менее зависит от людей,
Свободен от долгов и от хлопот приказных,
Не ищет при дворе ни злата, ни честей
И чужд сует разнообразных!* (Г. Р. Державин)

* * *

*Вот так-то весь наш век
В пустых желаньях погибает,
И редкий человек
Доволен участью бывает.* (И. И. Дмитриев)

* * *

*Как часто хвастает и человек иной,
Который за себя работать заставляет,
А там себя других трудами величает.* (И. И. Хемницер)

В рамках семантического поля человек в русской афористике поднимаются и решаются проблемы об ответственности разумного просвещенного человека за все, что происходит в государстве, о необходимости труда на благо отечества. Труд при этом рассматривается и как необходимое условие существования человека, осуждается праздность, звучит призыв задуматься над вечными проблемами, отрешиться от повседневной житейской суеты. Просвещенный человек должен отстаивать демократическую направленность искусства.

В русской афористике появился новый герой – простолюдин, которого изображали сочувственно, прославляя его тяжелый труд, изображая его страдания.

Семантическое поле *человек* в афористике XVIII века имеет ряд особенностей в сравнении с подобным семантическим полем афористики XIX века. Рассматриваемое семантическое поле практически не затрагивает проблему человеческих чувств, не смыкается с семантическими полями *любви, дружбы*, как в XIX веке, оно приближается к семантическому полю, составляемому из афоризмов с ключевыми словами, называющими качества человека, характеризующими его нравственность.

Семантическое поле *качества человека* составляют афоризмы из одноименной лексико-семантической группы с ключевыми словами *невежда, невежа, ученый* (субст. сущ.), *свободный, равный, бедный*. К данному семантическому полю можно отнести лексико-семантическую группу афоризмов с ключевыми словами, характеризующими человека по роду занятий: *поэт, священнослужитель, химик, ученый*.

Например: *Человек рождается в мир равен во всем другому. Все имеем разум и волю. Следственно, человек без отношения к обществу есть существо ни от кого не зависящее в своих деяниях* (А. Н. Радищев).

Нет такого невежды, который не мог бы задать больше вопросов, чем может их разрешить самый знающий человек (М. В. Ломоносов).

Все то, что дерзостно невежа сочинит,

Труды его ему преобращает в стыд (А. П. Сумароков).

Семантическое поле *качества человека* является весьма значительным в афористике XVIII века. В идеологии эпохи русского Просвещения разумный человек должен был быть свободным и равным всем, не должен был стыдиться бедности. Необходимым условием просвещенности считалась борьба с невежеством, ленью, косностью, научные изыскания, любовь к искусству.

Семантические поля *человек* и *качества человека* в русской афористике соотносимы с соответственными концептами русской менталь-

ности. Семантически подвижные ключевые слова в них не просто репрезентируют соответственные концепты, но и демонстрируют семантический синкретизм, точнее, отражают денотативно-сигнификативную синкретсемию.

Русская афористика в синхронии и диахронии выявляет сложность национальной языковой картины мира, что отражается, в том числе, и в семантическом синкретизме ее ключевых слов и выражений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
2. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства. // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). 2-е изд. / Под общ. ред. Е. А. Земской. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 90-140.
3. Королькова А. В., Ломов А. Г., Тихонов А. Н. Словарь афоризмов русских писателей М.: Русский язык Медиа, 2005. 636 с.
4. Пименова М.Вас. К вопросу о лексико-семантическом синкретизме // Русский язык: система и функционирование: Сб. материалов V Международной научной конференции (11-12 октября 2011). Минск: БГУ, 2011. С. 9-13.

КРАСИНА Елена Александровна,

ВАСИЛЬЕВА Анна Александровна (Москва, Россия)

доктор филологических наук, профессор
Российский университет дружбы народов

elena_krassina@mail.ru

преподаватель

Московский государственный институт международных отношений

МИД России,

vasilyevaaa_mgimo@mail.ru

СИНКРЕТИЗМ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СВЯЗИ *КООРДИНАЦИЯ* В ПРОСТОМ РУССКОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Аннотация. *Координация* – это синтаксическая связь уровня предложения между именным подлежащим и глагольным сказуемым, сочетающая элементы согласования и управления и опирающаяся на грамматическое значение предикативности. Синтагматически и парадигматически координация выявляет черты синкретизма грамматических форм ядра предложения двусоставной структуры, взаимодействующих в определенных синтаксических позициях. Синтагматический план формирует структурное ядро двусоставного простого предложения, а парадигматический – его содержание.

Ключевые слова: координация, согласование, управление, синтагматический план, парадигматический план, синкретизм.

Abstract. Coordination is a syntactical connection of a sentence level which exists between the nominal subject and verbal predicate associating the elements of concord and determination relationship on the background of grammatical meaning of predication.

Syntagmatically and paradigmatically, coordination helps reveal features of syncretism of the forms making up the core of the two-member sentences and interacting in certain syntactic positions. The syntagmatic plane forms the structural core of a simple two-member sentence while the paradigmatic plane generates its content.

Keywords: coordination, concord, determination, syntagmatic plane, paradigmatic plane, syncretism.

Русские простые двусоставные предложения неоднократно анализировались с точки зрения соотношения компонентов предикативной основы, и каждый раз ставился вопрос об иерархии членов грамматической основы предложения – подлежащего и сказуемого. Двухкомпонентные подлежащно-сказуемостные схемы принято различать в зависимости от форм выражения сказуемого, например: 1) схемы со сказуемым, выраженным спрягаемой формой глагола: *Дождь идет; Поля опустели* и т. д.; и 2) схемы со сказуемым, которое выражается по-другому: а) так называемыми лексически свободными компонентами, например: *Знание – сила; Ребенок спокоен* и под.; одновременно такие схемы рассматриваются как подлежащно-сказуемостные схемы с координируемыми компонентами; и б) лексически несвободными компонентами: *Нет времени. Некуда жаловаться. Никакой ответственности* и др. – в этих схемах координация не обнаруживается [10: 160-161].

Отношения подлежащего и сказуемого формально и условно рассматриваются как независимые для подлежащего, инвариантное выражение которого – независимый именительный падеж имени, и зависимые для координируемого сказуемого: его инвариант – личная форма глагола. Рассуждая об уподоблении сказуемого подлежащему, акад. А. А. Шахматов сначала называет его «согласованием, т. к. об уподоблении в настоящем смысле говорить нельзя ввиду тех сложных изменений, которым с течением времени подвергаются грамматические формы» [13: 317]. Анализируя синхронное синтагматическое взаимодействие форм подлежащего и сказуемого, А. А. Шахматов утверждает наличие уподобления-согласования в русском языке в отношении форм рода подлежащего и сказуемого в прошедшем времени индикатива, как то: «*брат уехал в деревню, сестра поступила в школу*» [13: 317].

В 70 – 80-е гг. XX века такое уподобление – полное и неполное – получает терминологическое обозначение предложенческой связи координации [4; 9; 11 и др.], поскольку, как пишет проф. В. А. Белошапкина:

«Характеристика связи между именительным падежом существительного и спрягаемой формой глагола не исчерпывается установлением согласования, направленного от существительного к глаголу» [1: 36], но за счет сочетаемостных свойств спрягаемой формы глагола-сказуемого и его лексико-грамматической природы реализуется требование обязательного именительного падежа подлежащего. Таким образом, синтаксическая связь грамматической основы предложения становится взаимозависимостью, сочетая элементы согласования (от формы подлежащего) и управления (от формы сказуемого).

Акцентируя внимание на предикативности – грамматическом значении предложения, проф. Н. С. Валгина подчеркивает: «Предикативные отношения не могут быть переданы посредством субординативной связи (...), при них устанавливается связь взаимонаправленная, не односторонняя. (...). Такую взаимонаправленную связь сказуемого с подлежащим называют *к о о р д и н а ц и е й*» [2: 60 – 61]. Вслед за И. П. Распоповым уточняются и различия согласования и координации, в частности, при координации связь возникает между двумя определенными словоформами; при координации учитывается и порядок следования форм, и интонация, наконец, при координации реализуются не атрибутивные, а предикативные отношения [8: 36]. Еще одно существенное уточнение в характеристике связи координации относительно координированных форм изменения подлежащего и сказуемого схемы $N_1 - V_{fin}$ вносит проф. О. А. Крылова: предикативные отношения предполагают «предложенческие» параметры, а именно, «изменение по синтаксическим временам и синтаксическим наклонениям» – составным компонентам грамматического значения предложения [6: 27]. Здесь же сформулировано определение связи координации – «это особый вид связи между подлежащим и сказуемым в том случае, если словоформы, их выражающие, взаимобусловлены: так, именительный падеж имени предполагает, что далее употребляется личная форма глагола, а последняя требует постановки имени в именительном падеже (...)» [6: 26 – 27]. Иными словами, неприсловная связь координация предопределяется и «осуществляется в совершенно конкретных синтаксических позициях» [9: 13] – позициях подлежащего и сказуемого.

Понятие синкретизма сформулировано в энциклопедических философских и логических словарях. В каждом случае оно возводится к греческому понятию 'соединение', но далее обнаруживаются различия, связанные с объектом и предметом каждой из наук. Так, в философии синкретизм трактуется, во-первых, как «нерасчлененность, характеризующая неразвитое состояние к.-л. явления», и примерами здесь служат искусства в их неслиянном единстве – музыка, пение, поэзия, танец на начальных ступенях развития человеческой культуры; во-вторых, как «смещение, неорганическое слияние разнородных элементов», например, в области религии отмечается слияние различных культов и религиозных систем, а в области философии синкретизм понимается как одна из разновидностей эклектизма [12: 609]. В логике синкретизм трактуется как «сочетание разнородных, несовместимых, противоречивых суждений, высказываний, взглядов, которые, согласно логике и повседневному опыту, вместе истинными быть не могут» [5: 542].

В Лингвистическом энциклопедическом словаре [7: 446] понятие синкретизма более конкретно и включает следующие толкования: «1) совпадение в процессе развития языка функционально различных грамматических категорий и форм в одной форме, (...); 2) совмещение (синтез) дифференциальных структурных и семантических признаков единиц языка (некоторых разрядов слов, значений, предложений, членов предложений и др.)», как пишет автор статьи проф. В. В. Бабайцева.

На наш взгляд, существенными пояснениями в данной словарной статье становятся замечания о том, что синкретизм возникает на стыке формы и содержания отдельных языковых единиц и/или их форм, что естественно отражается в обоих планах языковой системы – парадигматическом и синтагматическом, что находит подтверждение, например, в грамматической омонимии и полифункциональности грамматической формы. Так, например, характеристика рода подлежащего – имени существительного принадлежит плану содержания и, в первую очередь, связана с биологическим (половым) признаком живого существа, тем более для имен одушевленных, а далее – распространяется на другие имена «по аналогии». В то же время родовое значение форм прилагательных или глаголов в синхронном состоянии языка оказывается чисто

структурным вследствие влияния имени в сочетаниях с названными формами: именно таким образом оно обусловлено синтагматическим планом, или планом выражения.

Синкретизм формы и содержания предложенческой связи координация лежит в синтаксической природе морфологии – формах подлежащего и сказуемого, и шире – синкретической природы языка как системы, о чем пишет акад. В. В. Виноградов [3: 12]. Он проявляется явно как взаимодействие подлежащего и сказуемого – компонентов предикативной основы простого русского предложения и в синтагматическом, преимущественно формальном, и в содержательном, парадигматическом плане. Если в синтагматическом плане синкретизм обнаруживается как неприсловный, но формально выраженный аналог согласования, то в парадигматическом плане – это взаимодействие частных грамматических значений и форм рода, числа, падежа имени-подлежащего и, в первую очередь, форм числа, времени и лица личной формы глагола-сказуемого. Синтаксическая позиция и функция каждого из компонентов грамматического ядра предложения в целом обусловлена предикативностью – его грамматическим значением в единстве формально-содержательных значений синтаксического времени и наклонения в рамках объективной модальности в парадигме предложения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белошапкина В. А. Современный русский язык. Синтаксис. М.: Высшая школа, 1977. 248 с.
2. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. М.: Высшая школа, 1991. 432 с.
3. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
4. Грамматика современного русского языка. М.: Наука, 1970. 767 с.
5. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. 2-е изд. М.: Наука, 1976. 720 с.
6. Крылова О. А., Максимов Л. Ю., Ширяев Е. Н. Современный русский язык: Теоретический курс. Ч. IV. Синтаксис. Пунктуация. М.: изд-во РУДН, 1997. 256 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.: ил.
8. Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. 3-е изд. М.: Либроком, 2012. 192 с.
9. Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М.: Наука, 1982. 709 с.
10. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. Семиотическая грамматика. М.: Наука, 1981. 360 с.
11. Современный русский язык: Учебник. / Белошапкина В. А. и др. М.: Высшая школа, 1982. 560 с.

12. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
13. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М.: Флинта: Наука, 2014. 720 с.

КУДРЯВЦЕВА Ирина Петровна (Москва, Россия)

кандидат филологических наук
Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»
ikudriavtseva@bk.ru

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЧИСЛА В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Аннотация. Символизм чисел носит общекультурный характер и играет роль в значении числа в составе устойчивых выражений. Условный характер числительных заключается в их символической функции, когда они становятся способами передачи переносного значения. В статье рассматриваются символические значения чисел от нуля до десяти. Приводятся иллюстративные примеры устойчивых сочетаний из разных языков.

Ключевые слова: число, фразеологическая единица, символическое значение.

Abstract. Symbolism of numbers is common for different cultures and it influences the meaning of numbers in the composition of phraseological units. The arbitrary nature of numerals as symbols forms the figurative meaning of set expressions. The article deals with the symbolic meaning of numbers from zero to ten. Illustrative examples of set expressions from a number of languages are given.

Keywords: number, phraseological unit, symbolic meaning.

Многие работы последнего времени, изучающие семантику числового компонента в составе фразеологической единицы, уделяют особое внимание символическому значению числа [5; 1; 4]. Собранный теоретический материал о символическом значении чисел первого десятка можно кратко представить следующими данными с конкретными примерами.

1. **Ноль** символизирует небытие, вечность. **Ноль** – (русск.) *начинать с нуля, абсолютный ноль, ноль без палочки* (характеристика человека); (каб.-черк.) *ар зырикӡц* – ‘это ничто, пустяк’; (англ.) *reduce smth. to zero* – ‘сводить к нулю’; (франц.) *recommencer à zéro* – ‘начинать с начала’; ‘(франц.) *c’est un zéro* – ‘полное ничтожество’ [4: 19].

2. **Единица** – символ единства и активности природы, активная духовная воля человека. **Единица** – (русск.) *одним росчерком пера*;

(франц.) *c'est tout l'un ou tout l'autre* – ‘либо одно, либо другое, середины нет’ [4: 19].

3. Число **два** символизирует изменчивый характер и внутреннее беспокойство. **Два** обозначает конфликт, противовес, противопоставление или мгновенное успокоение сил, находящихся в равновесии. **Два** выражает значение двойственности, неопределённости, противопоставления, сходности: (русск.) *убить двух зайцев*; (каб.-черк.) *гуитлицхумт хъун* – ‘проявлять неуверенность, поколебаться в чем- л.’; (англ.) *as like as two peas* – ‘как две капли воды похожи’; (франц.) *nager entre deux eaux* – ‘лабиринговать’ [4: 19].

4. Число **три** в мифологических представлениях индоевропейцев обозначает весь окружающий человека мир: земное, подземное и небесное царства. Число **три** стало священным, обозначая три разных явления, которые сливаются в единое целое. **Три** – выражает значение ‘много’. В составе фразеологических единиц приобретает значение большого количества или интенсивности действия: (англ.) *three sheets in the wind* – ‘жарг. вдрызг пьяный’; (тат.) *вч адьшны бер итеп* – ‘очень быстро, семимильными шагами’ [1: 10]. Английскому числу **three** присваивают символическое значение законченности, достаточности (perfection, completion, sufficiency), что выражается в стадиях существования чего-либо или кого-либо. Данное символическое значение наиболее близко соприкасается с понятием удачи. Третий раз как завершение какого-либо дела должен быть успешным: *Third time lucky / Third time is a charm*. В английском фольклоре нечётные цифры считаются удачными [2].

5. **Четвёрка** гармонически объединяет такие противоположности, как дух и материя, движение и покой. Это число воплощает в себе принципы универсального порядка, целостности, симметрии, совершенного равновесия, соответствия внутреннего и внешнего, завершенности и прочности. Мир традиционно делится на четыре стороны света, что и отражается фразеологическими единицами со значением ‘где угодно, куда угодно’: (англ.) *the four corners of the earth (world)* – ‘четыре стороны света, весь мир, самые отдалённые уголки земли’; (тат.) *дурт ягыц кыйбла* – ‘ступай на все четыре стороны’ [1: 11].

6. И на Ближнем Востоке, и на Западе число **пять** используется как выражение целостного человеческого тела и отражается в религиозных обязанностях: существует пять главных молитв, пять раз повторяемая священная клятва, пять ключей к тайному знанию. Число пять в составе фразеологических единиц может иметь самое разное значение. Например, значение краткосрочности жизни или значения никчемности, ненужности: (тат.) *биш квтек дьчъя* – ‘жизнь коротка, нельзя слишком предаваться радостям и печалям’; (тат.) *арбаныц бишенче квпчег* – ‘1) пятое колесо в телеге, быть с боку припёку; 2) старая дева; холостяк’; *биш тиенлек куян, ун тиенлек зьян* – ‘овчинка выделки не стоит’ [1: 12].

7. Число **семь** имеет самостоятельное значение. То, что семёрка – число особое, люди считали очень давно. Особенно чтили семёрку на Древнем Востоке. Некоторые учёные думают, что они выражали этим шесть главных направлений (вверх, вниз, вперёд, назад, влево и вправо) да ещё то место, от которого идёт этот отсчёт. Распространённость семёрки необыкновенна, и сейчас числу **семь** придают иногда особое значение. Она является символом порядка, полного периода или цикла. **Seven** часто употребляется в английских пословицах. Например, компоненты **seven years** в составе пословицы *An hour's cold can suck out seven years' warmth* обозначают ‘долгий период времени’, а в составе пословицы *A fool can ask more questions in an hour than a wise man can answer in seven years* – ‘продолжительный отрезок жизни человека’ [3: 51].

8. **Восемь** благодаря своей графической форме, означает баланс противоположных сил и равнозначность власти духовной и природной, а также может означать бесконечность или удачное начало. **Восьмёрка** символизирует закон причины и следствия, нарушение которого неизбежно вызовет действие силы уравновешивающего характера. **Восемь** в татарском языке символизирует счастье и исполнение желаний: *сигез ожхнъш ишеге сица* – ‘в шутку или в благодарность – пусть двери восьмого рая будут для тебя открыты; пусть все твои желания сбудутся’ или *сигез ождах катасын ачу* – ‘счастье на голову свалилось’ [1: 13].

9. **Девять** символизирует ‘полный период или цикл, предел’. Числительное **nine** также связывается с символическим смыслом

‘смерть’, ‘девять кругов ада’ (у Данте) или ‘девять врат ада’ (в христианской религии): «...death; 9 circles of Hell – Dante; Christian Hell has nine gates: 3 of brass, 3 of iron, and 3 of adamantine stone» [2].

10. **Десять** символизирует возврат к единице, духовное достижение, единство. Символическое значение английского числительного **ten** соотносится с символикой ‘максимально возможное, предел’ числительного **nine**: «completeness, finality, the totality of the universe» [2]. Данная символика отражается во фразеологической единице *ten times* – ‘в десять раз, в сто раз, гораздо’.

Таким образом, сведения исторического и культурного, а также этимологического характера, которые составляют основу символического смысла языковых единиц, позволяют в ряде случаев объяснить употребление того или иного числового компонента в составе фразеологической единицы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гизатуллина Л. Р. Нумерологические фразеологические единицы в английском и татарском языках: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004. 28 с.
2. Керлот Х. Э. Словарь символов. М.: Refl-book, 1994. 580 с.
3. Кудрявцева И. П. Нумеративные фразеологические единицы современного английского языка со значением времени. Символическое значение числового компонента // Коммуникации в мультикультурном обществе: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. (6 – 8 декабря 2015). М.: НИЯУ МИФИ. С. 49-53.
4. Пшибиева М. А. Прагматико-дискурсивные аспекты нумерологических фразеологических единиц (на материале русского, кабардино-черкесского, английского и французского языков): автореферат дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2017. 27 с.
5. Шевченко В. В. Символика и значения числовых компонентов в английских фразеологических единицах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 16 с.

КУЗИНА Марина Анатольевна (Москва, Россия)

кандидат филологических наук, доцент
Московский педагогический государственный университет
kouzina-marina@yandex.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СИНТАГМАТИКИ И ПАРАДИГМАТИКИ В ПРОЦЕССЕ АССИМИЛЯЦИИ ЭКЗОТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. На материале англоязычных романов нигерийского романиста-мультикультуралиста Адаоби Т. Нваубани «Buried Beneath the Baobab Tree» (2018) и «I Do Not Come to You by Chance» (2009) доказывается необходимость учёта взаимодействия синтагматики и парадигматики в процессе ассимиляции экзотизмов в современном английском языке. Автор выбирает стратегию ввода экзотизмов в со-

временный англоязычный текст, принимая во внимание следующие факторы: регистрация заимствования в словарях языка-реципиента (или степень известности носителям языка-реципиента), семантика заимствования (или принадлежность к той или иной тематической группе), знакомство героев романа с описываемым явлением, важность понимания именно этого слова в контексте всего художественного произведения.

Ключевые слова: заимствование, ассимиляция, экзотическая лексика, мультикультурный роман, синтагматические отношения, парадигматические связи.

Abstract. «Buried Beneath the Baobab Tree» (2018) и «I Do Not Come to You by Chance» (2009) are the two multicultural novels by the Nigerian writer Adaobi T. Nwau-bani that can help to highlight the importance of the interdependence of syntagmatic relations and paradigmatic connections. The author makes a careful choice as to how to introduce the exotic loanwords into the English texts. It is important to know if the word is registered by the dictionaries or if it is well-known among the speakers of the recipient-language. It is wise to bear in mind the semantics or the thematic group to which the word can belong. It may as well depend on the characters of the novel and on the plot of the novel.

Keywords: borrowing, assimilation, exotic loanwords, multicultural novel, syntagmatic relations, paradigmatic connections.

Важность изучения развития синтагматических отношений (одновременных отношений *in praesentia*) и становления парадигматических связей (отношений *in absentia*) у заимствованных единиц отмечается целым рядом учёных (В. М. Аристова, Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова и Л. Л. Кутина, М. Я. Блох, С. В. Гринёв, Е. В. Маринова и др.). В этой связи интерес представляют, во-первых, статистические данные о соотношении заимствований с развитыми и неразвитыми сочетаемостными возможностями и факторы, влияющие на степень сформированности подобных отношений, и, во-вторых, количественный и качественный состав синонимических, гипо-гиперонимических и антонимических корреляций между исконными единицами, а также единицами, заимствованными из одного языка-донора и/или из разных языков-доноров.

Настоящее исследование посвящено выявлению особенностей взаимодействия синтагматики и парадигматики в процессе ассимиляции экзотической лексики в современном английском языке. В отечественной лингвистике под экзотической лексикой понимаются слова иноязычного происхождения, которые обозначают реалии языка-донора (то есть реалии отсутствующие в языке-реципиенте) и выполняют функцию создания образа инонациональной речевой среды (особенно в художественной литературе) (Л. А. Булаховский, Л. А. Инютина, Л. П. Крысин,

Е. В. Маринова, Н. Г. Михайловская, Л. Г. Самотик, Ф. П. Филин, А. Д. Шмелёв и др.).

Материалом исследования послужили тексты двух мультикультурных романов – «Buried Beneath the Baobab Tree» (2018) и «I Do Not Come to You by Chance» (2009) – англоязычной писательницы нигерийского происхождения Адаоби Т. Нваубани. Молодая нигерийская писательница приходится двоюродной племянницей Флоры Нвапы – первой африканской писательницы, чей англоязычный роман «Efuru» опубликовало издательство Heinemann в издательской серии African Writers Series в Великобритании в 1966 году. В своём первом романе 2009 года А. Т. Нваубани сатирически описывает так называемые «Нигерийские письма», то есть вид мошенничества, осуществляемый при помощи обычных писем или электронной почты: преимущественно нигерийцы рассылают спам-сообщения, в которых просят помочь им в получении нескольких миллионов долларов со счетов в европейских и американских банках за солидное вознаграждение, далее они выманивают у адресатов несколько небольших денежных сумм под предлогом оплаты сборов, налогов, взяток и прекращают общение. В романе 2018 года писательница обращается к болезненной, социально значимой теме похищения 270 школьниц из школы в населённом пункте Чибок боевиками нигерийской исламистской организацией Боко Харам весной 2014 года.

Анализ всего корпуса прямых заимствований, отобранных путём сплошной выборки из двух романов (соответственно 44 экзотизма из более раннего романа и 51 экзотизм из романа 2018 года), позволил сделать следующие выводы касательно важности учёта взаимодействия синтагматики и парадигматики в процессе ассимиляции экзотической лексики в современном английском языке.

Во-первых, регистрируемые лексикографическими источниками заимствования из языков Африки и Южной Азии включаются в текст романа без графического выделения, без опоры на установившиеся синтагматические или парадигматические связи: «When Engineer turned up in his white Peugeot 403, Augustina, Aunty, Teacher, and the five children were dolled up in their Sunday best and waiting on the veranda» [1: 3].

Во-вторых, не регистрируемые словарями экзотизмы могут вводиться в текст либо с опорой на сочетаемостные возможности (в основном это характерно для названий продуктов питания и блюд из них, для бытовых вещей или инструментов профессионалов): «Aunty Dimma had turne up with a flask of *ukwa* and fried plaintain, which my mother had barely touched»; «I thank God I am a girl. Girls fry the *kosai* and *massa*, then wait for the boys to have their fill before they eat what is left in the pan» [1: 85; 2: 108]. Здесь следует отметить, что в ряде случаев сочетаемость носит общий характер и не способствует точному пониманию экзотизма, незнакомого целевому читателю (носителю английского языка): «Being the *opara* of the family, I was entitled to certain privileges» [1: 13].

В-третьих, не регистрируемые словарями экзотизмы могут быть включены в текст и сразу же объяснены через гипероним, синоним или антоним, причём наиболее частотны пояснения именно при помощи гипо-гиперонимических связей. Через антонимическую пару «a fashion designer – an *obioma*» герой романа обращается к жене, призывая вести себя как дизайнер одежды, а не простая портниха: «It doesn't matter whether the person is a neighbour or not. You're a fashion designer, not an *obioma*» [1]. Несколько чаще встречаются контексты, в которых экзотизм вводится через однословное пояснение, то есть фактически задействуются синонимические связи: «The teacher tells me that reading books is a sin against Allah, that Western education is haram, taboo» [2]. Наиболее типичным представляется ввод экзотизма в текст на английском языке через гипероним: «From the flowers and *spirogyra* paterns painted on their arms and feet with *lalei* dye, I could tell which of the rest were her close friends and bridesmaids» [2: 141].

Следует особо подчеркнуть, что примерно 30% экзотизмов, употребляемых на страницах мультикультурного романа, не регистрируются словарями английского языка (в частности, Oxford English Dictionary, Merriam-Webster Dictionary). Кроме того, пятую часть незарегистрированных в словарях слов невозможно найти в общедоступных поисковых Интернет-системах (Google, Yandex, Yahoo, Bing).

Таким образом, выбор стратегии включения экзотизмов в современный англоязычный текст зависит от наличия регистрации заимство-

вания в словарях языка-реципиента (или от степени известности носителям языка-реципиента), от его семантики (или от принадлежности к той или иной тематической группе), от знакомства героев романа с описываемым явлением, а также от важности понимания конкретного слова в контексте всего художественного произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Nwaubani A. T. I Do Not Come to You by Chance. Phoenix, 2009. 343 p.
2. Nwaubani A. T. Buried Beneath the Baobab Tree. Harper Collins Publishers, 2018. 328 p.

КУЗНЕЦОВА Екатерина Александровна (Владимир, Россия)

кандидат филологических наук
Владимирский филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
e.a.kuznetsova@list.ru

ПРЕФИКСАЛЬНО-СУФФИКСАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ «ЗА- + -J(E)» В ТОПОНИМИЧЕСКОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ (на материале Владимирской области)

Аннотация. В статье рассмотрены варианты репрезентации префиксально-суффиксальной модели «за- + -j(e)» во владимирской топонимии. Проанализирована деривационная структура топонимов, образованных по данной модели. Предпринята попытка осмысления специфики функционирования словообразовательной модели во владимирской топонимии, которая может помочь понять особенности освоения окружающего пространства через географические названия и репрезентации этого процесса в региональной топонимической системе.

Ключевые слова: топонимия, словообразование, топонимообразование, топонимическое пространство, топонимическая система, лингвокультурологический анализ.

Abstract. The article is focused on various representations of the prefixal-suffixal model “за- + -j(e)” in the Vladimir toponymy. The author analyses the derivational structure of toponyms following this model. The article considers specific features and functions of the word-building pattern in the Vladimir toponymy that makes it possible to interpret how the external environment is being explored through geographic names and represented in the regional toponymic system.

Keywords: toponymy, word-building, toponymic unit, toponymical environment, toponymic system, linguocultural analysis.

Способ словообразования является одним из центральных понятий дериватологии как раздела науки о языке. Будучи частной системой русской словообразовательной системы, топонимическое словообразование характеризуется специфическими чертами, присущими всему русскоязычному словообразованию, при этом, как справедливо замечает

Н. В. Подольская, в онимической лексике преобладает множественность словообразовательных мотиваций, а к ономастическому словообразованию относится только часть процессов грамматической онимизации [10: 44]. Следует отметить, что теория топонимического словообразования, несмотря на многочисленные исследования, до сих пор разработана недостаточно чётко (подробнее о дискуссионных вопросах словообразования см. работу А.Б. Копелиовича [4]). При этом существует множество работ, посвящённых изучению особенностей топонимообразования отдельных регионов, которые могут составить эмпирическую базу теоретического осмысления специфики словообразовательных процессов в топонимической системе (см. в этой связи статьи Е.С. Куштовой [5], З.М. Оцомиевой-Тагировой [8], Н.А. Тучковой [11]), есть среди них и исследования, выполненные на материале Владимирской области [2]. Изучение владимирской топонимии долгое время было областью научных интересов сотрудников кафедры русского языка Владимирского государственного педагогического университета (ныне – Владимирского государственного университета) Р.С. Кануновой [3], В.В. Носковой [7], М.В. Пименовой [9]. В рамках работы спецсеминара «Проблемы владимирской ономастики» ономастом В.В. Носковой вместе со студентами удалось собрать достаточно большой фактический материал по топонимике региона, который представляет безусловный интерес и с позиции топонимообразования.

Центральным способом русского словообразования, как известно, является морфологический способ, представляющий собой «образование новых слов с помощью аффиксов» (префиксов, суффиксов и др.) [1: 156]. В настоящей статье предпринята попытка анализа репрезентации в региональной топонимической системе Владимирской области одной аффиксальной модели – префиксально-суффиксального топонимообразования с помощью префикса **за-** и йотового суффикса **-j(e)**.

Как известно, префиксально-суффиксальным способом образуются существительные на базе сочетаний существительных с предлогами, при этом предлог в составе производного слова преобразуется в префикс. Префиксально-суффиксальная модель «за- + -j(e)» является достаточно распространённой в сфере образования географических

названий русской топонимической системы и несёт значение 'то, что находится за предметом, названным производящей основой'. По подобным моделям образованы, например, такие топонимы, как *Зауралье*, *Заполярье* и т.п. В таких названиях отражена специфика освоения человеком окружающего пространства (подробнее о репрезентации категории пространства в региональной топонимии см. [6]). Одним из способов подобного, скажем так, топонимического освоения становилась локализация географических объектов через их наименование относительно каких-либо других объектов, важных для жизнедеятельности человека. Так, например, в Судогодском районе Владимирской области есть село *Заястребье*, название которого с помощью приставки *за-* и суффикса *-j(e)* образовано от гидронима – наименования реки *Ястреб*: *Ястреб* → *За-ястреб'-j-е*. Существуют подобные названия и в других районах Владимирской области: село *Заколпье* в Гусь-Хрустальном районе (от названия реки *Колпь*); деревня *Зауичье* (от названия реки *Уечка*) и др.

Кроме названий рек при образовании подобных топонимов могли использоваться слова, обозначающие тот или иной объект на местности. Это могла быть река, которую никак не называли, потому что для местных жителей она была одна и необходимости в отдельном её наименовании не было. Так, например, образовано название деревни *Заречье* в Селивановском районе.

Иногда ориентирами для номинации поселений становились другие водные объекты. В Петушинском и Гусь-Хрустальном районах есть, например, деревни с названием *Заболотье*, в Гороховецком районе – *Заозерье*, в Собинском районе – *Запрудье*.

Одним из важнейших ориентиров для человека, осваивающего пространство, становились горы и холмы. В этой связи появлялись такие наименования, как *Загорье*, которое носят два сельских поселения Владимирской области – в Судогодском и Суздальском районах. Конечно, эти населённые пункты локализовались через своё название относительно разных возвышенностей, значимых для местных жителей, обитавших здесь когда-то давно, но принцип образования названий был один и тот же.

Характеристика пространства также была важна при освоении территории. Для территории современной Владимирской области эта характеристика в большинстве своём была связана с обозначением наличия или отсутствия лесов, в связи с чем появлялись такие названия, как *Залесье* (Гусь-Хрустальный район), *Заборье* (Юрьев-Польский район) и др.

Со временем пространство возвышенностей, рек, озёр и лесов обживалось, и появлялись названия, которые отражали специфику обрабатываемых территорий. Примером может служить село *Заполицы* в Суздальском районе, название которого говорит, что для людей, использовавших это наименование, поселение находилось за полем. В Кольчугинском районе есть деревня *Запажье*, которая для номинаторов также, очевидно, находилась за полем: *лажей* в древности называли луг или поле, на котором пасётся скот.

Таким образом, мы видим, что анализ вариантов репрезентации префиксально-суффиксальной модели «за- + -j(e)» во владимирской топонимии может помочь понять особенности освоения окружающего пространства через географические названия. Так, название селу *Заястребье* было дано теми, кто приходил сюда со стороны Судогды, поскольку именно по направлению оттуда село будет располагаться за рекой Ястреб. Более того, в ходе исследования установлено, что процесс наименования этого населённого пункта в действительности имеет внешний характер, поскольку среди его жителей название *Заястребье* практически не употребляется. Более того, в округе, где более или менее обособленно от других населённых пунктов находятся 5 сельских поселений (деревни Овсянниково, Дворишнево, Алфёрово, Травинино и село Заястребье), название *Заястребье* в речи местного населения также не употребляется (населённый пункт называют просто селом). То же самое относится и к другим населённым пунктам: село *Заколпье* получило своё название потому, что для тех, кто его придумал и начал активно использовать в речи, это село находилось на достижимом расстоянии, но на другом берегу реки *Колпь*, то есть за ней. Иными словами, по тому, как представлена префиксально-суффиксальная модель «за- + -j(e)» во владимирской топонимической системе, мы можем судить о том, как

осуществлялось обживание территорий Владимирской области и что являлось важным в процессе такого обживания для номинатора. Так, наибольшее значение имели объекты, которые выделяются на общем фоне (горы и холмы) или играют ведущую роль в жизни (реки).

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Вопросы современного русского словообразования // Исследования по русской грамматике. М., 1975.
2. Волков В. В. Типы аффиксации в ойконимии Владимирской области // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 4(82). С. 74-77.
3. Канунова Р. С. Владимирский областной словарь. Названия грибов в говорах Владимирской области. Владимир: ВГПУ, 1999. Вып. 1.
4. Копелиович А. Б. Некоторые спорные вопросы словообразования и синтаксиса. Монография. Владимир: ВлГУ, 2011.
5. Куштова Е. С. Словообразование топонимических названий республики Ингушетия и сопредельных территорий распространения ингушского языка // Сборник научных трудов Ингушского государственного университета. Назрань, 2012. С. 251-259.
6. Лукьянова Е. А. К вопросу о репрезентации категории пространства в сфере топонимикона Владимирской области // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». №4. М.: Изд-во МГОУ. 2010. С. 83–87.
7. Носкова В. В. Из истории Суздальской топонимии // Методика и опыт изучения сельских поселений Нечерноземья. М., 1991.
8. Оцомиева-Тагирова З. М. К вопросу о структурно-словообразовательной характеристике аварских агроонимов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11-3 (65). С. 141-143.
9. Пименова М. Вас. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.; Владимир, 2007.
10. Подольская Н. В. Проблемы ономастического словообразования (к постановке вопроса) // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 40-54.
11. Тучкова Н. А. Топонимические модели в названиях селькупских поселений // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2013. № 1 (1). С. 97-116.

КУЛИК Людмила Владимировна (Гомель, Беларусь)

кандидат филологических наук, доцент
Гомельский государственный
технический университет имени Павла Осиповича Сухого
kulikludmila@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА АНГЛИЧАН В СОМАТИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Аннотация. В статье на примере английских соматических фразеологизмов иллюстрируется репродукция в языке, в частности, в его фразеологическом фонде, характера типичного представителя нации; выделяются фразеологические единицы, репрезентирующие положительные и отрицательные ментальные характеристики носителей английского языка.

Ключевые слова: фразеология, репрезентация национального характера англичан, концептуализация мира.

Abstract. In the article on the basis of the English somatic phraseology the reproduction of a typical representative of the nation is illustrated; the phraseological units representing the positive and negative mental characteristics of native English speakers are distinguished.

Keywords: phraseology, representation of the national character of the Englishmen, conceptualization of the world.

Современная отечественная и зарубежная лингвистика характеризуется антропоцентрической направленностью, выражающейся в интересе к человеческому фактору, который наиболее ярко отображается в соматической лексике. Возможность соматических лексем хранить информацию, которая передаётся при помощи человеческого тела, обуславливает обращение к ним как к единицам лингвокультурологии.

Актуальным и перспективным в области лингвокультурологии является исследование наиболее важных в национально-культурных отношениях групп фразеологических единиц. Обращение к фразеологии помогает погрузиться в язык, получить исторические данные и даёт возможность вникнуть в специфику языка как части культуры.

Решение вопросов, связанных с концептуализацией мира во фразеологии, позволяет объяснить существующую апперцепцию носителя языка, формирование его менталитета и национального характера, восприятие которого раскрывается в результате когнитивного подхода к изучению фразеологических единиц (ФЕ).

Данной статьей для нас важно подтвердить, что черты национального характера англичан получили свое отражение в языке, в частности, в его фразеологическом фонде [2; 3; 4; 5].

Рассмотрим ФЕ, в которых концептуализируются черты национального характера англичан. В первую очередь обозначим фразеологизмы с доминирующими положительными ментальными характеристиками:

эмоциональная сдержанность и уравновешенность: *to keep a civil tongue in one's head* (букв. – держать культурный язык в голове) ‘быть сдержанным, культурным’; *to have / keep in hands* (букв. – иметь / держать в руках) ‘не показывать своих чувств’; *to keep one's hair on* (букв. – держать волосы) ‘не волноваться; оставаться спокойным’ и др.;

рационализм: *a cool head* (букв. – холодная голова) ‘рационалист’; *to have both feet on the ground* (букв. – иметь обе ноги на земле) ‘быть практичным человеком’; *on hand* (букв. – на руке) ‘(быть / иметь) в наличии’ и др.;

неприкосновенность личности и частной собственности: *to hold at arm's length* (букв. – держать на расстоянии вытянутой руки) ‘держать кого-л. на большом расстоянии’; *to give / have a free hand* (букв. – давать / иметь свободную руку) ‘иметь / давать свободу действий’; *to get out of hand* (букв. – выходить из руки) ‘не подчиняться; быть самостоятельным’ и др.;

стремление к финансовой обеспеченности и финансовой самостоятельности: *to have the game in one's hands* (букв. – иметь игру в руках) ‘находиться в выигрышном положении’; *to make a long arm* (букв. – делать длинную руку) ‘потянуться за чем-л., добывать что-л.’; *to stand on one's own feet / legs* (букв. – стоять на своих ногах) ‘быть независимым, материально обеспеченным’; *to be out of one's hands* (букв. – быть не в руках) ‘ни от кого не зависеть’ и др.;

порядочность: *to have a big heart* (букв. – иметь большое сердце) ‘быть благородным’; *clean hands* (букв. – чистые руки) ‘кто-н. является честным человеком’; *to be devoted body and soul* (букв. – быть верным кому-н. душой и телом) ‘быть верным во всех отношениях’ и др.;

соперничество и конкуренция: *to wipe smb.'s eye* (букв. – утереть глаз) ‘доказать кому-л. своё превосходство в чём-л.’; *to get the foot of smb.* (букв. – держать ногу от кого-н.) ‘опередить, обогнать кого-л., действовать быстрее кого-л.’; *to get / have the upper hand* (букв. – получить / иметь высокую руку) ‘победить кого-л.; иметь преимущество, господствовать’ и др.;

предприимчивость: *a finger in the pie* (букв. – палец в пироге) ‘участие в каком-л. деле’; *to bear a hand* (букв. – носить руку) ‘помогать, принимать участие в работе, содействовать’; *to have a hand in smth.* (букв. – иметь руку в чём-л.) ‘принимать участие в чём-л.’ и др.

ФЕ, приведённые ниже, являются репродукцией следующих отрицательных черт национального английского характера:

чрезмерная медлительность: *in a hand* (букв. – в руке) ‘грустный, унылый, вялый, медлительный’; *to get one’s head down* (букв. – опускать голову вниз) ‘дремать’; *to split hairs* (букв. – разделять волоски) ‘вдаваться в чрезмерные подробности, заниматься казуистикой, проявлять педантизм; придирается к мелочам’; *heavy on a hand* (букв. – тяжёлый на руку) ‘нудный, медлительный’ и др.;

корысть: *to have an itching palm* (букв. – иметь ладонь, которая чешется) ‘брать взятку, быть корыстным, алчным человеком’; *to have an eye for the main chance* (букв. – иметь глаз для главного шанса) ‘преследовать корыстные цели, стремиться к выгоде, наживе, обогащению’ и др.);

индивидуализм: *to be happy / pleased to see the back of* (букв. – быть счастливым / радостным, увидев спину) ‘быть счастливым по причине того, что больше нет необходимости иметь дела с кем-л., кто раздражает’; *to get smb. off one’s hands* (букв. – снять с рук) ‘избавиться от кого-л.’; *to be heart and soul of* (букв. – быть сердцем и душой чего-л.) ‘быть центром чего-л.’ и др.;

проявление безразличия к кому-, чему-л. и временами игнорирование кого-, чего-л.: *to turn one’s back on smb. / smth.* (букв. – поворачиваться спиной к кому-, чему-л.) ‘отказываться от кого-л.; проявлять безразличие к кому-, чему-л.’; *to hold one’s hand* (букв. – сдерживать руку) ‘не вмешиваться, ничего не предпринимать’; *to bury / hide one’s head in the sand* (букв. – зарывать / прятать голову в песок) ‘закрывать глаза на факты’ и др.

Большинство перечисленных ФЕ обоих рядов имеет омонимичные по форме выражения свободные словосочетания или сочетания слов, например: *clean hands, to have / keep in hands, to turn one’s back on smb. / smth.* и др. Очевидно, что прозрачная внутренняя форма таких ФЕ влияет на их семантику.

В то же время, несмотря на прозрачность внутренней формы ФЕ, которые репрезентируют черты характера человека и семантика которых безошибочно воспринимается носителем языка, отдельные ФЕ содержат закодированные во внутренней основе протоситуации, которые соотносятся с представлениями человека о себе через самого себя. При

анализе таких ФЕ возникает необходимость декодирования внутренней формы через обращение к метафоре, символам, квазисимволам, эталонам, стереотипам и соотнесения образа ФЕ с определённым кодом культуры.

Так, в образной основе ФЕ *a finger in the pie* находят отражение телесная и гастрономическая метафоры, а протоситуация репродуцирует уподобление определённого действия поведению человека в целом. Образ ФЕ отображает стереотипное представление о нарушающем правила этикета поведении человека, что в соматическом коде культуры всегда оценивается негативно.

Образ ФЕ *to make a long arm* восходит к древней оппозиции «короткий – длинный» и архетипическим формам окультуренной человеком пространственной модели мира, «в которой естественные границы физического тела человека разделяют внутреннее для него и внешнее» [1: 591]. Протоситуация данной ФЕ строится на представлении о том, что при помощи руки-инструмента возможно нарушение существующих границ между человеком и окружающими его артефактами.

Одним из основных понятий языковой картины мира англичан является отношение к своему дому. Известная английская поговорка *an Englishman home is his castle* (букв. – дом англичанина – его крепость) не только подчеркивает отношение англичан к личной собственности, но и выражает их жизненную позицию. ФЕ *a dead hand* (букв. – мёртвая рука) ‘владеть имуществом без права передачи’; *keep one’s head above water* (букв. – держать голову над водой) ‘избежать банкротства’; *please one’s eye and plague one’s heart* (букв. – угождать чьему-л. глазу и мучать) ‘выйти замуж по расчёту, вопреки чувствам’ и др. фиксируют представления о связи человека и собственности.

Таким образом, в результате исследования английской соматической фразеологии подтверждается, что фразеологическая картина мира является благодатной почвой для изучения национальной языковой модели мировидения. Компоненты-соматизмы выступают особыми маркерами приметы ‘плохой – хороший’, что обусловлено их символическим значением, а образы ФЕ в целом являются репродукцией этикетного /

неэтикетного поведения, кодекса рыцарства, индивидуализма и стремления к финансовой обеспеченности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / редкол.: В. Н. Телия (отв. ред.) [и др.]. 2-е изд. стер. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.
2. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. 5-е изд. М.: Русский язык – Медиа, 2004. 512 с.
3. Литвинов П. П. Англо-русский словарь наиболее употребительных фразеологических выражений. М.: Яхонт, 2001. 400 с.
4. The Penguin Concise English Dictionary / compiled by G. N. Garmonsway with Jacqueline Simpson. London: Claremont Books, 1995. 842 p.
5. Cowie P., Mackin R., McCaig I. R. Oxford dictionary of current idiomatic English: volume 2: Phrase, clause and sentence idioms. Oxford University press. 1983. 685 p.

ЛАВИЦКИЙ Антон Алексеевич (*Витебск, Беларусь*)

кандидат филологических наук, доцент
Витебский государственный университет
имени Петра Мироновича Машерова
anton_lavitski@mail.ru

КАТЕГОРИЯ УМЫШЛЕННОСТИ В АСПЕКТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОПРАВОВОЙ ЭКСПЕРТОЛОГИИ

Аннотация. В парадигме современных научных знаний прослеживается тенденция интегративности различных направлений. Это позволяет выйти на новый уровень познания и разрешить целый ряд задач, которые ранее не входили в сферу исследовательских интересов ученых. К таким проблемам относится определение умышенности правонарушения, которое пока является прерогативой суда. Однако лингвистикой накоплен достаточный инструментарий, позволяющий устанавливать речевую стратегию, тактики, цель, намерение, что в конечном итоге дает возможность объективно установить факт умышенности коммуникативной деятельности.

Ключевые слова: юрислингвистика, умышенность, лингвистическая экспертология, интегративность, юрислингвистическая терминосистема.

Abstract. In the paradigm of the contemporary scientific knowledge a tendency of integration of different directions can be traced. This makes it possible to reach a new level of cognition and solve a number of problems which earlier were not among research interests of scholars. The definition of the intentionality of the offence is one of such problems and has been a prerogative of the court so far. At the same time, linguistics has accumulated sufficient technique which makes it possible to establish speech strategy, tactics, aim, intention. Eventually it allows to objectively establish the fact of the intentionality of the communicative activity.

Keywords: legal linguistics, intentionality, linguistic expertology, integrativity, the legal linguistic system of terminology.

Начало XXI века показало состоятельность и значимость идей интегративности научного познания, вызревших в недрах гуманитаристики

и получивших развитие на рубеже столетий. Это наблюдается на примере формирования и активного развития таких направлений в языкознании, как лингвокультурология, теолингвистика, нейролингвистика, экологическая лингвистика и др. По этому поводу сложно не поддержать мнение профессора В. А. Масловой, отмечающей «достаточно высокий уровень интегративности лингвистики не только с гуманитарными, но и естественными науками, что вполне объективно, ибо только обращение к междисциплинарному осмыслению явлений языка позволит получить результаты, способствующие решению сложных научных и практических задач» [4: 13]. Такой подход был заложен и в основу становления юрислингвистического направления, призванного заполнить лакуну в прикладных исследованиях для судебно-правовой системы и комплексно изучить возможности «преступных действий языка» [1: 3].

Несмотря на то, что теоретические основы юридической лингвистики были заложены еще в 70-е годы XX века (см. статью А. Подлеха «Rechtslinguistik» [9: 105-116]), ключевым импульсом развития научного направления стали труды российских исследователей А. Н. Баранова, К. И. Бринева, Н. Д. Голева, М. А. Осадчего и др., в которых был разрешен целый ряд концептуальных задач, касающихся, в первую очередь, методологического аппарата, ибо «производство судебной лингвистической экспертизы требует применения объективных и проверяемых процедур идентификации признаков преступлений» [7: 498]. При этом юрислингвистика не ограничилась подходами языкознания и правоведения: «Работа в междисциплинарной области лингвистики и юриспруденции потребовала подключения понятийно-методологического аппарата двух дополнительных научных областей – экономики и технических наук» [6: 5]. Однако, думается, в своем генезисе юрислингвистика, в структуре которой уже сегодня можно выделить целый ряд подотраслей (судебная экспертология, правовая коммуникация, судебное речеведение и др.), будет привлекать знания и других дискурсивных практик: философии, психологии, физиологии и т. д., так как «познание не может пренебречь фактором целостности» [13: 15].

Очевидно, что следующим этапом оформления юрислингвистического научного направления станет нормализация в области понятийно-

го тезауруса (об объективной необходимости разработки специального словаря юрислингвистической терминологии пишет Н. Д. Голев [2: 202]). Дело в том, что до сих пор формирование терминологического аппарата юрислингвистики строилось на «экспорте» понятийных категорий и их значений собственно из теорий языка и права, а также ряда других гуманитарных направлений. С одной стороны, это является вполне оправданным, так как введение в научный обиход новых терминологических единиц должно быть обосновано и оправдано и не продиктовано субъективными подходами исследователей. С другой стороны, нельзя отрицать, что заимствованные понятийные категории зачастую требуют иных трактовок. К одному из таких понятий относится **умышленность**, которая в правовом поле рассматривается как форма вины, а также критерий определения уровня тяжести незаконного деяния. В юридической практике наличие умысла устанавливается в процессе судебного заседания на основании представлений об осознании субъектом возможности или неизбежности и желания наступления негативных последствий его противоправных действий [3: 58]. Не посягая на правовые аспекты категории умысла, заметим, однако, что зачастую он может являться и показателем фактологичности правонарушения. Это достаточно хорошо прослеживается на примере преступлений, совершаемых вербальным способом, где интенции автора могут быть имплицитными и их преступная составляющая требует специальной экспертной оценки. Однако провести такого рода лингвистическое исследование, основываясь на приведенной выше дефиниции, невозможно, так как для определения осознанности современная наука оперирует иными категориями. Разумеется, здесь невозможно обойтись без междисциплинарного подхода к лингвистической трактовке термина умышленности. В первую очередь, речь идет о психологии и педагогике, где умышленность синонимична понятию намеренности как набору «элементов мотивационно-потребностной сферы», то есть «замысел, желание, предположение сделать, совершить что-либо» [5: 128]. Таким образом, умышленность требует обращения к исследованию понятий намеренности и целенаправленности действий, то есть может определяться как форма реализации намеренности действия, детерминированного мотивом. Думается,

что в отличие от намеренности, мотивационный аспект умышленности не требует дополнительной интерпретации и специального изучения, так как, по мнению А. Адлера, поведение человека всегда мотивировано: «Людьми движет потребность преодолеть чувство неполноценности и стремление к превосходству» [8].

Современный методологический инструментарий лингвистики имеет определенный потенциал разрешения задачи по установлению намеренности (интенций) коммуникативного высказывания. Наибольший прогресс в данной области достигнут в рамках прагмалингвистики, где успешно изучено большое количество вариативных стратегий и тактик речевого поведения, в том числе их иллокутивное и перлокутивное значение. Именно последние, с нашей точки зрения, дают возможность объективно установить цель коммуникативной деятельности, и, следовательно, намеренность реализовать в ней преступный умысел.

Таким образом, современная лингвистика, повинувшись требованиям времени к интеграции научного познания, активно развивает междисциплинарные связи с целым рядом гуманитарных и естественно-научных направлений. Это позволяет решать вопросы, ранее не входившие в компетенцию языкознания. К таким следует отнести вопрос установления умышленности преступлений, совершаемых вербальным способом. Современный понятийно-категориальный аппарат и методологическая база лингвистики позволяет выполнить соответствующие специальные исследования, однако их реализация требует дополнительного теоретического осмысления и верификации, в том числе на практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. М.: Наука, 1988. 341 с.
2. Голев Н. Д., Матвеева О. Н. Лингвистическая экспертиза: на стыке языка и права // Юрислингвистика-7: язык как феномен правовой культуры / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2006. С. 189–210.
3. Малько А. В. Большой юридический словарь. М.: Проспект, 2009. 656 с.
4. Маслова В. А. Современные направления в лингвистике. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. 258 с.
5. Новиков А. М. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. М.: Издательский центр ИЭТ, 2013. 840 с.
6. Осадчий М. А. Русский язык на грани права: функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2016.

7. Осадчий М. А. Судебно-лингвистическая параметризация вербальной угрозы // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. С. 498–507.

8. Concise Encyclopedia of Psychology [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KORSINI_Raymond,_AUERBAH_Alan/_Korsini_R.,_Auerbah_A..html (дата обращения: 01.06.2019).

9. Podlech A. Rechtslinguistik // Grimm, Dieter [Hrsg.] Rechtswissenschaft und Nachbarwissenschaften. Bd. II. München: Beck, 1976. S. 105–116.

ЛАЗУТКИНА Елена Михайловна (Москва, Россия)

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
Институт русского языка
имени Виктора Владимировича Виноградова РАН
lazutkelena@yandex.ru

О СПОСОБАХ ОБНАРУЖЕНИЯ В СИНТАКСИСЕ БАЗОВЫХ И КУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ

Аннотация. В статье объясняются закономерности линейной организации предложения. Демонстрируются способы обнаружения синтагматических классов глаголов и макросемантических разрядов имен существительных, которые представляют собой разные виды знаний – базовые концепты, когнитивные категории и культурные концепты. Единицы анализа – модели предложений и синтаксические позиции. Показывается, что модели предложений представляют собой интерпретативные структуры, они обнаруживают социальные и культурологические предпочтения, особенности мира знаний социума, с которым связан менталитет народа.

Ключевые слова: гипотетико-дедуктивный метод в синтаксисе, модель предложения, синтаксическая позиция, концепты.

Abstract. The article explains the regularities of the linear organization of the proposal. Demonstrated ways to detect syntagmatic classes of verbs and macro semantic digits of nouns, which are different types of knowledge - basic concepts, cognitive categories and cultural concepts. Units of analysis - sentence models and syntactic positions. It is shown that the models of sentences are interpretive structures, they reveal social and cultural preferences, features of the world of knowledge of society, with which the mentality of the people is associated.

Keywords: hypothetical-deductive method in syntax, sentence model, syntax position, concepts.

Линейная организация речи – это сфера образования смысла: материальное воплощение базовых когнитивных категорий, а также репрезентация более тонких форм знания, образовавшихся в результате абстрактного мышления, жизни социума, – культурных концептов, знаков, символов.

Элементарные единицы интерпретации – *когнитивные категории*, или *базовые концепты*. **Концепт** мы определяем как квант знания, часто не осознаваемый носителями языка, аналог или предшественник

когнитивной категории. Считается, что категория имеет более четкую систему репрезентации, что она представляет собой ряд форм, объединенных со стороны семантики, и лингвист решает вопрос, какая ментальная сущность стоит за той или иной формой.

Все концепты существуют в виде категориально-семантических разрядов разной степени абстрактности. Базовый концепт может быть представлен в языке в эксплицитном и имплицитном виде, то есть являться *скрытым концептом*.

Для выявления скрытых концептов и исчисления всех способов их репрезентации плодотворным является когнитивно-прагматический подход. При этом модель предложения рассматривается как реализация интенции говорящего, который задаёт стилистический модус высказывания, определяющий структуру предложения.

Метод моделирования – это гипотетико-дедуктивный метод, разработанный в отечественном языкознании Ю. С. Степановым и О. Н. Селиверстовой в начале 70-х годов XX века. Он основывается на методе эксперимента Л. В. Щербы, при котором начальным элементом анализа является мыслительное содержание, мыслительный конструкт обозначаемого. Предтечей его были работы отечественных лингвистов XIX века о рождении и совершенствовании мысли в слове: ими был подсказан путь исследования грамматических структур как способа «видения» коллективного субъекта. Поиск функции языкового элемента в синтагматической цепи – это определение его системного предназначения.

Гипотетико-дедуктивный метод разбивает процедуру на следующие этапы: 1) сбор фактов и их индуктивное обобщение; 2) выдвижение теории в виде гипотезы для их объяснения и уточнение ее; 3) выведение дедуктивным путем различных следствий из выдвинутой теории; 4) проверка теории путём сопоставления дедуктивно полученных следствий с фактами. Мыслительному конструкту (модели) должна быть изосемична структура предложения с эксплицитно выраженными компонентами значения. Следует помнить, что выбор говорящими языковых средств зависит от возможностей и «предпочтений» исторически сложившейся системы языка, и «произвол» говорящего не безграничен.

Схему предложения следует рассматривать как **способ обозначения** реальной или воображаемой ситуации. Естественно, что слово проходит опосредствование своей денотативной отнесенности через свою структурную значимость в схеме предложения – через свою **синтаксическую позицию**. Теория «синтаксической позиции» Т. П. Ломтева заключается в том, что структура предложения связана с лексической системой через когнитивные образования более высокой степени абстракции, нежели значение слова, – посредством отнесенности **формы слова** в определенной позиции в предложении к определенной категории.

Функция формы слова обычно проявляется в целом ансамбле других параметров предложения. Одна и та же падежная форма может иметь неодинаковую смысловую ёмкость, поскольку представляет разные уровни семантико-синтаксической организации высказывания. Ср.: *Дети рисовали картину **карандашами, красками и фломастерами*** (твор. пад. орудийный обозначает дискретное множество) и *Мы заполняли корзины приготовленной **едой, сыром, яблоками, грибами, пирогами*** (твор. пад. адъективный, который скрывает 2 логические структуры и обозначает недискретное множество).

По сигнификативному ядру предложений с обязательной синтаксической позицией словоформы конкретной семантики в винит. пад. со знач. места локализации мы выявили разряд глагольной лексики – обнаружили 1400 глаголов, которые можно объединить в один синтагматический класс – класс глаголов **локально направленного действия**; например: *покрыла голову платком, надушилась; лужа взялась ледком; дорогу замело снегом; корка заплесневела; река залила луга.*

Другой базовый концепт – «субстанция, способная к самостоятельному перемещению». Так, в диатезе ***Тучи** постепенно закрывают солнце*, производной от предложения *Ветер закрывает солнце тучами*, – позиция подлежащего специфицирована; она имеет отвлеченное значение, особые содержательные признаки «определенность», «множественность», соединяя в себе и значение субъекта действия, и значение средства воздействия, – и представляет концепт «множество» как континуум, т. е. множество, осознаваемое как единое целое. Структура

предложений с данными глаголами показывает разную интерпретацию концепта «множество» в русском языке.

Схемы предложений с глаголами рассмотренного синтагматического класса являются каркасом, представляющим собой конгломерат содержательных связей, на котором в речи строится новая смысловая сфера. Базовая когнитивная категория прогнозирует определенные типы метафор: ассоциации автора должны быть связаны со свойствами данного концепта. Так, концепт **Свет** может считаться **культурным концептом**, он вполне оправданно может занимать позицию предиката: *Ученье – свет, неученье – тьма*. Этот культурный концепт использует деривационную сеть базового концепта **«субстанция, способная к самостоятельному перемещению»**. В романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» концепт Свет участвует в создании богатой изобразительной палитры. Свет – сильный каузатор, но слабый агенс. В романе обычно подчеркивается оценка воздействия света на человека. Текстовая метафора – это когнитивная схема «свет – жидкость; свет льется»; ср.: *выйдя из-под колоннады на заливаемую солнцем верхнюю площадь сада*. Культурная информация более абстрактного плана: *свет – знак, сигнал*. Формируется также **соматический язык** романа: в качестве семиотического образования выступает ощущение человека от действия Света. Так, полнолуние – стихийная сила, которая имеет над людьми неодолимую власть; ср.: *В комнате начинается лунное наводнение, свет качается, поднимается выше, затопляет постель*. Происходит также смысловое обогащение концепта Свет. Свет становится символом. Он символизирует Бога, святое, безгрешное. Свет символизирует и Жизнь. Ср.: [Воланд] – *А что ж вы не берете его [Мастера] к себе, в свет? – Он не заслужил света, он заслужил покой, – печальным голосом проговорил Левий*.

ЛАНСКАЯ Ольга Владимировна (Липецк, Россия)

кандидат филологических наук,
МБОУ СШ № 14 г. Липецка
Lanskaja@rambler.ru

СЛОВО КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В ПОЭЗИИ Ю. П. КУЗНЕЦОВА

Аннотация. В статье на материале произведений Ю. П. Кузнецова, одного из выдающихся поэтов XX в., анализируются слова с семами 'пространство' и 'время', рассматриваются особенности художественной модели мира, созданной автором. В результате проведенного исследования делается вывод, что поэт, описывая разные миры, употребляет архетипические образы, универсальные символы, соединяет такие понятия, как «родное» и «вселенское», что герой его произведений принадлежит настоящему и прошлому, что главное для него – нравственный Закон, любовь к Отечеству.

Ключевые слова: пространство, время, сема, словосочетание, ключевые слова.

Abstract. In the article on the material of the works of Yu.P. Kuznetsov, one of the eminent poets of the 20th century, analyzes the words with semes 'space' and 'time', discusses the features of the artistic model of the world created by the author. As a result of the study, it is concluded that the poet, describing different worlds, uses archetypal images, universal symbols, unites such notions as “native” and “ecumenical”, that the hero of his works belongs to the present and the past, that the main thing for him is the moral Law, love for the Fatherland.

Keywords: space, time, seme, phrase, keywords.

Слово, обозначающее пространство и время, – это особый мир, в котором возникают новые значения и оттенки смысла. В слове отражается мифопоэтическая Вселенная Кузнецова, одного из выдающихся поэтов конца XX в. Именно через слово объясняются в его художественном мире тайны бытия, сохраняется память о прошлом, создается пространство, в котором человек ощущает свою причастность к истории Отечества.

Представление о мире в творчестве Кузнецова раскрывается, в первую очередь, через слово *пространство*, которое обладает «исключительной семантической ёмкостью и мифопоэтической выразительностью» [7: 341]. Данная лексическая единица в художественном мире Кузнецова приобретает особые смыслы. Пространство поэта, «развертывающееся вовне, открытое, свободное» [7: 240], в то же время по-особому структурированное, являет собой модель мира, основанную на духовном видении, присущем художнику.

Ощущение единого пространства влияет на восприятие времени, которое через понятие «родное», а также «вселенское» связано у Кузнецова со словом *Я*, воспринимаемым как принадлежность ко всему происходящему, как целый мир, находящийся вне реального времени и пространства и в то же время ему принадлежащий. События далекого прошлого у Кузнецова вовлекаются в водоворот настоящего, и лирический герой воспринимается как человек, принадлежащий разным эпохам.

В связи с этим обратимся к статье Кузнецова «Воззрение», в которой поэт писал о воспоминании, связанном с возникновением представления о символе, его функции при определении пространства: «Выйдя на улицу, увидел сырой, мгlistый, с серебристой поволокой воздух. Ни улицы, ни забора, ни людей, а только этот воздушный сгусток, лишенный очертаний» [4: 17]. Далее говорится о том, что «это было то самое туманное дремлющее семя, из которого потом выросло ощущение единого пространства души и природы» [4: 17].

Отсюда использование в творчестве Кузнецова архетипических образов, универсальных символов. Это мировое древо, гора, камень и т. п. Так, в стихотворении «Дуб» описано культовое дерево, особо почитаемое у славян [1: 146]. Дуб может обозначать «центр мира и сам мир и вместе с тем идеальное иномирное пространство, где только и возможно решение той или иной кризисной ситуации» [1: 146]. Дуб как обозначение мирового древа – «это пластическая модель обжитой макросферы, гигантский универсальный образ мироустройства» [2: 87], который вбирает в себя многообразные смыслы, в том числе настоящее, прошлое и будущее.

В стихотворении Кузнецова дуб на холме – это центр мира, который сам оказывается под угрозой исчезновения: «То ли ворон накликал беду, / То ли ветром ее насквозило. / На могильном холме во дубу / Поселилась нечистая сила» [4: 123].

Ключевым понятием в тексте является словосочетание *нечистая сила* с семами 'зло', 'грех', 'несчастье', 'конфликт', 'смертельная схватка', восходящее к противопоставлению «добро – зло». Нечистая сила воспринимается в данном тексте как явление, связанное с разрушением ос-

нов бытия, уничтожением времени. Предвещает оно беду, величайшую трагедию: «Но стоял этот дуб испокон, / Не внимая случайному шуму. / Неужель не додумает он / Свою лучшую старую думу?» [4: 123].

Использует автор и геометрические символы, что характерно для мифологической модели мира. Так, в стихотворении «Распутье» в ключевом слове – названии, открывающем текст, реализуются значения «место, где сходятся или расходятся дороги; перекресток» [3, IV: 73]. Как известно, «крестовидные геометрические символы во многих традициях изоморфны мировому древу <...> актуализируют идею центра <...>, в котором происходят главные события» [5: 662]. Перекресток играет особую роль в жизни человека, так как в горизонтальной проекции модели мира – это «место, где сходятся пути во все миры, решается судьба героя» [5: 662]. Отсюда риторические вопросы о сущности бытия, предназначенности пространству, чувство обреченности, безысходности и одиночества, мысли о смерти: «Что хочу от сущего пространства? / Что стою среди его теснин? / Все равно на свете не остаться. / Я пришел и уйду – один» [4: 139].

Пространство в данном стихотворении соответствует мифологической модели мира. В то же время в нем все в движении, изменчиво: «И звезда на запад покатилась, / Даль через дорогу перешла» [4: 139].

В пространстве представлены миры верхний и нижний, земля и небо, свет тот и этот.

Движение фиксируется в тексте через звуки, объединяющие во едино все миры, далекие и одновременно близкие. Пространство начинает восприниматься как дом-странник, путешествующий во Вселенной, как храм: «Не шумите редкие деревья, / Ни на этом свете, ни на том, / Не горите, млечные кочевья / И мосты – между добром и злом» [4: 139].

При этом трагедия лирического героя заключается в том, что его мир – это дом, оказавшийся на перепутье, в том месте, где должна решиться его судьба и в котором исчезла гармония бытия. Трагическое восприятие пространства связано с тем, что утрачивается представление о нравственном Законе, которому должен следовать человек. В это время распутье воспринимается как возможность выбора, который должен сделать каждый. Трагический образ разрыв-дороги по-новому объ-

ясняет пространство, предвещает катастрофу. Дорога не объединяет, не разъединяет, а рвет на части некогда единый мир: «Через дом прошла разрыв-дорога, / Купол неба треснул до земли. / На распутье я не вижу Бога. / Славу или пыль метет вдали?» [4: 139].

Как храм, с пространством которого связано покаяние, воспринимается мир в стихотворении «Вина». Отсюда повторение слова *мы*, значимого для понимания текста и приобретающего дополнительные смыслы, а также повторение глагола *пришли* со смыслом «миссия каждого в этом мире». Анафора *мы пришли* связана с понятием общей причастности ко всему происходящему: «Мы пришли в этот храм не венчаться, / Мы пришли в этот храм не взрывать, / Мы пришли в этот храм попроситься, / Мы пришли в этот храм зарыдать» [4: 167].

Разрыв исторических связей, уничтожение памяти приводит к исчезновению в храме пространства прошлого. Предательство веры отцов, их идеалов, ради которых они жертвовали жизнями, ведет к гибели храма, освященного места, родного дома. Герои утрачивают свое назначение, лишаются силы, стираются их образы. Самое страшное, что люди отрекаются от идеалов: «Потускнели скорбящие лики / И уже ни о ком не скорбят. / Отсырели разящие пики / И уже никого не разят» [4: 167].

С этими трагическими изменениями связано у лирического героя глубочайшее чувство вины, ответственности за все происходящее.

Итак, уникальная Вселенная Кузнецова, соотносящаяся с понятиями «родное» и «вселенское», вобрала мифы славян, разных народов мира, связана она с историей Отечества. Это единое пространство, в котором лирический герой, преодолевая расстояния и время, воспринимается как былинный герой, доблестный, дерзкий и мужественный, испытывающий судьбу, не сдающийся на милость врагов ни при каких обстоятельствах. Это человек думающий и страдающий, чувствующий свою неразрывную связь с миром природы, с пространством, которому он предназначен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапкина Т. А. Дуб // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 146-148.
2. Вайман С. Т. Гармонии таинственная власть. Об органической поэтике. М.: Советский писатель, 1989. 368 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Рус. яз. – Медиа, 2006.

4. Кузнецов Ю. П. Крестный ход: Стихотворения и поэмы. М.: СовА, 2006. 640 с.
5. Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Сов. энциклопедия, 1991. 834 с.
6. Толстая С. М. Нечистая сила // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 319-321.
7. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 227-284.

ЛЕКАНТ Павел Александрович (Москва, Россия)

доктор филологических наук, профессор
Московский государственный областной университет

ВСЁ И ЕГО ПРОИЗВОДНЫЕ В АСПЕКТЕ СМЫСЛА И ОБРАЗНОСТИ

Аннотация. В статье определяется и описывается особенное, исключительное положение местоимения *всё* в лексико-грамматической системе русского языка. Показано значение постоянства, определён обобщённо-усилительный смысл. Описаны производные слова *всё* в аспекте этимологии и многозначности

Ключевые слова: предельная обобщённость, аналитические наречия, значение и смысл, структурные слова, метафора.

Abstract. The article defines and describes the special, exclusive position of the pronoun *всё* (*everything*) in the lexical and grammatical system of the Russian language. It shows the sense of constancy and defines a generalizing and intensifying meaning. It also describes the derivatives of the word *всё* in the aspect of etymology and polysemy.

Keywords: extreme generalization, analytical adverbs, sense and meaning, structural words, metaphor.

Местоимение **всё** занимает в лексико-грамматической системе русского языка очень серьёзное, неповторимое, незаменимое место. Очень трудно определить значение *всё* и его форм. В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова это сделано старательно, обдуманно, но – **приблизительно** (через различную сочетаемость) [3: 75].

Н. Ю. Шведова в труде «Местоимение и смысл» определила смысловую категорию **всеохватности**, включив в состав термина *всё*. Как без него обойтись? Шведова назвала и ряд производных. «Местоимения, означающие **всеобщность, всеохватность**: *все, всё, всякий*» [7: 450], а также раскрывающие этот смысл: *всегда, во все времена, всю жизнь; всюду, повсюду, везде* [7: 455].

С. И. Ожегов, определяя значение производных **наречий**, использует формы местоимения *весь*: «**Вовсе** наречие: *совсем, совершенно. Вовсю* наречие: *очень, сильно, изо всех сил*» [3: 85].

Макс Фасмер характеризует этимологию *вовсе* в одной статье с *весь, вся, всё* [4: 304].

Н. М. Шанский отметил и описал этимологическую связь наречий *всегда, везде, всюду* с исконным *весь* [6: 35, 49, 50].

Л. В. Щерба отмечает *всё*, «употребляющееся в качестве существительного в форме среднего рода» и приводит примеры употребления: *мой брат всегда (!) всем очень доволен; я знаю всё* [8: 68].

Всё, конечно, является **местоимением** в своём абсолютном («всеохватном») значении. Однако его ориентация на «существительность» отчётливо проявляется только в составе предложения в позиции а) подлежащего, б) дополнения.

а) ***Всё** в ней гармония, **всё** диво, **Всё** выше мира и страстей; Она покоится стыдливо В красе торжественной своей* (А. Пушкин); ...*Кто-нибудь между прочим скажет о наших годах: **Всё** тогда было проще... Господи, нам бы так!..»* (Р. Рождественский); ***Всё** было студёно, солнечно, широко* (В. Белов); ***Всё** опять установилось на своих местах* (В. Белов); *Как **всё** спокойно и как **всё** открыто* (И. Бунин); *Делить веселье – **все** готовы, Никто не хочет грусть делить* (М. Лермонтов); ***Всё** то, чего коснётся человек, озарено его душой живою* (С. Маршак) – отметим яркие средства образности: интенсив у Бунина; антитезу у Лермонтова; добавочную предикацию у Маршака.

б) ***За всё, за всё** тебя благодарю я: **За** тайные мучения страстей, **За** горечь слёз, **отраву** поцелуя, **За** месть врагов и клевету друзей, **За** жар души, **растраченный** в пустыне, **За всё**, чем я обманут в жизни был...* (М. Лермонтов); *Люди **пишут**, а время **стирает**, **Всё**, что может **стереть*** (С. Маршак); *Слишком я любил на этом свете **Всё**, что душу **облекает** в плоть* (С. Есенин); *Я вспомнил прежних лет **безумную** любовь, **И всё**, чем я страдал, и **всё**, что сердцу мило* (А. Пушкин); *Когда **встречалось** в детстве **горе** Иль **беспричинная** печаль, – **всё** **успокаивало** море **И** моря **ласковая** даль* (В. Брюсов) – сред-

ства образности: повтор у Пушкина и у Лермонтова; добавочная предикация у всех авторов.

Абсолютное значение *всё* реализуется в разных его формах и в различных словосочетаниях; ср., напр.: ... *Пусть вспыхнет навечно костёр счастливого года! И пусть он согреет все руки, все клятвы, все просьбы* (Р. Рождественский); *И засияла вся дубрава Молниеносным блеском слёз, И листья каждого сустава Зашевелились у берёз* (Н. Заболоцкий); *А весна хороша, хороша! Охватило всю душу сиренями* (Н. Заболоцкий); *Я сегодня рукой упругою Готов повернуть весь мир* (С. Есенин); *А мы с Олексеем быстро на ноги встали. Дом построили. Одни, всем в удивленья* (Ф. Абрамов).

По утверждению В. В. Виноградова, «*весь* тяготеет и к субъекту действия и к самому действию, имея обобщительно-усилительный смысл. На этой почве в формах *весь, вся, всё* развиваются значения согласуемого наречия и категории состояния [1: 202]. *Но все мечты, всё буйство первых дней С их радостью всё тише, всё ясней К последнему подходят новоселью* (А. Фет) – в тексте А. Фета реализован не только усилительный, обобщительный смысл *всё*, но также и сложный образ жизни человека.

Упоминаемое В. В. Виноградовым значение **наречия** входит в семантическую систему комплекса *весь*. Оно реализуется формой *всё*. В сочетании с глаголами она выражает значение времени – обычно замедленного, продолжительного. Напр.: *Погасший пепел уж не вспыхнет, Я всё грущу; но слёз уж нет* (А. Пушкин); *Ночи были уже долгие. Рассвет всё больше медлил, всё запаздывал и нехотя сочился в немые окна* (К. Паустовский); *Шофёр открыл боковое стекло, высунулся и всё смотрел и никак не мог оторваться от журавлиной стаи, уходившей в туман* (К. Паустовский); *А я всё тебе не пишу, не пишу. Так уж выходит. День не пишу. Два не пишу. И месяц...* (Р. Рождественский); *Я уставал, кругом всё лес пестрел* (И. Бунин); *Но шло время, а подмоги всё не было* (Ф. Абрамов); *В доме всё ещё тепло, даже утром, хотя мороз подрисовал узорчиков на стёклах* (В. Белов).

В русском языке давно сложилась особая, специальная форма всеохватности времени и пространства: это наречия *всегда, навсегда, за-*

всегда (простореч.); *всюду, повсюду, везде*. В составе предложений художественной речи они окружены средствами экспрессии, образности. Например: *Мне не спится, нет огня; **Всюду** мрак и сон докучный* (А. Пушкин); *Тебе, Кавказ, суровый царь земли, Я посвящаю снова стих небрежный. Я сердцем твой, **всегда и всюду** твой* (М. Лермонтов); *Судьба преследует меня. Ещё не было случая, чтобы мои планы сбывались. **Всегда** на моём пути попадётся какое-нибудь событие и отвлечёт в сторону от намеченной цели* (К. Паустовский); *Людей **всегда** мучаю разнообразные сожаления – большие и малые. Сожаления просыпаются утром, но **не всегда** засыпают ночью. Наоборот, по ночам они разгораются* (К. Паустовский); ***Везде** белели первородно чистые снега. Леса виднелись ясно и близко, была **везде** густая светлая тишина* (В. Белов); *Будут гости – не подай и вида, что ушла отсюда **навсегда**: **Все** уйдут – останется обида, **Всё** пройдёт – останется беда* (А. Тарковский); *Тут, бывало, два ворона ране жили. **Завсегда**, когда едешь, по сторонам этой сосны сидят. Как, скажи, **всё равно** на страже* (Ф. Абрамов); *Хорошо, что есть ещё женщина немодная. Милая. Усталая. **Навсегда** моя* (Р. Рождественский) – повторы и противопоставления наречий создают и подчёркивают широту образного звучания.

Эффект усиления достигается и совместным употреблением *всё* *везде*. См.: *А **всё** **везде** было тихо и отрадно, застыли, не шевельнутся сухие былиночки* (В. Белов); *С утра солнце ещё не выглядывало из-за толстых, густых туч, которые заслонили небо, теперь же **всё** **везде** было темно* (В. Белов).

Всё включает, внедряет смысл предельности и полноты в сочетания с именами времени. Эти сочетания имеют форму согласования в роде и в числе: *весь день, всю ночь, всё лето, всё утро, всю зиму, весь год* и т. д. Ср., например: *Над лесами **всё** **время** настойчиво парили коршуны* (К. Паустовский); ***Весь день** метель. За дверью у соседа стучат часы и каплет с окон лёд* (И. Бунин); *Я был счастлив и шёл до райцентра **весь день и всю ночь**, мечтая о своём радостном будущем* (В. Белов); ***Весь день** я искал себе пристанища в мёртвом городе* (К. Паустовский); *И **всё** **утро** яркие и чистые Буду видеть краски в вышине*

(И. Бунин); *Я б желал навеки так заснуть, Чтоб в груди дремали жизни силы, Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь; Чтоб всю ночь, весь день, мой слух лелея, Про любовь мне сладкий голос пел...* (М. Лермонтов); *Я тоже должен был ехать дальше. Синие глаза Гоголя весь день ясно и весело светились в моей памяти* (В. Белов); *Вскоре после нового года стало ясно, что корова оказалась нестельной. Сокрушалась и жена: всю зиму ждали молока, сена да свежей травы хватило бы, а корова подвела* (В. Белов).

Строго говоря, состав имён времени является в современном русском языке закрытым и объективным; *всё время* – своего рода исходная форма, обладающая смыслом всеохватности. Нужно отметить и отделить **субъективную** форму *всю жизнь*, напр.: *С той поры, как ветра в поле, Я всю жизнь мотив ищу* (Р. Рождественский).

Грамматически организованные сочетания имён времени с формами *всё* следует определить как особый разряд **аналитических наречий**, имеющий «обобщительно-усилительный смысл» [1: 202], но сохраняющий собственное значение каждого имени времени.

Нельзя, однако, не отметить образные «краски» русских имён времени, которые выговариваются или поются непременно со страстью, с умилением, с любовью – а образованы они от **рациональных**: *ноченька, денёк, зимушка* и т.п.; «откликается» и *всё*: ***Всю-то ноченьку мне спать было невмочь. Раскрасавец барин снился мне всю ночь*** (Русский романс).

История *всё* сложна и, конечно, очень противоречива, как и развитие лексико-грамматического строя в целом. Разные формы *всё* со временем получили и различное употребление [2: 74-76]. Так, форма *всего* закрепилась как **частица** в значении малости, незначительности, ограниченности: *Одно из неизвестных, но действительно великих мест в нашей природе находится всего в десяти километрах от бревенчатого дома, где я живу каждое лето* (К. Паустовский); *Маленький дом – всего в три комнаты – стоял на горе, над северной рекой* (К. Паустовский), а *всего-то, всего ничего* – предельной малости: *Родничок всего-то с детскую ладонь, И, как детская ладонь, вода сладка* (Р. Рожде-

ственский); *Нынче до районного города по прямой всего ничего. Пол-часа на мотоцикле* (В. Белов).

Оттенок постоянства вносит частица *всё* в местоимение *тот, та, те*, усиленное частицей *же* – традиционное выражение поэтического любования. См., напр.: *Три сосны увидел я опять, Они всё те же. Всё тот же их, знакомый уху шорох – Но около корней их устарелых (Где некогда всё было пусто, голо) Теперь младая роща разрослась* (А. Пушкин); *Не в первый год у этих мест Я в час вечерний проезжаю И над берёзами встречаю Всё тот же золочёный крест* (А. Фет); *С тоской говорили цветы: «Мы те же, что были, всё те же, мы будем, мы вечны... а ты?»* (М. Анненский); *Всё тот же я, любви моей Судьба моя не изменила* (Е. Баратынский).

На этом закончим наш краткий очерк. Обозначенные проблемы, конечно, заслуживают продолжения исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М., 1947.
2. Объяснительный словарь русского языка. Под ред. В. В. Морковкина М., 2002.
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М., 2010.
4. Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка. Том 1. М., 1964.
5. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993.
6. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. М., 1994.
7. Шведова Н. Ю. Русский язык. Избранные работы. М., 2005.
8. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

ЛЮ Фанбин (*Харбин, Китай*)

аспирант

Южно-Уральский государственный университет
fangbing90@mail.ru

ДВОЙСТВЕННАЯ СМЫСЛОВАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ЦВЕТОВЫХ СЛОВ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Аннотация. Язык – это накопление национальной мудрости, кристалл культуры, в котором содержатся результаты многолетней творческой деятельности нации. Считается, что исторические и культурные данные могут быть выявлены путем восстановления языковых фактов, особенно через цветовые значения, приобретающие широкий спектр символических значений, выражающих эмоционально-этническое и социокультурное представление о мире. В данной статье определена двойственная

направленность цветowych слов в языковой картине мира, рассмотрены основные сходства и различия символических и метафорических значений слов.

Ключевые слова: цветowych слова, двойственность, символ, метафора, сходства, различия.

Abstract. Language is the accumulation of national wisdom, a crystal of culture which contains the results of many years of creative activity of the nation. It is believed that historical and cultural data can be revealed by restoring linguistic facts, especially through color meanings, acquiring a wide range of symbolic meanings expressing the emotional, ethnic and socio-cultural view of the world. This article defines the dual orientation of color words in the language picture of the world. The main similarities and differences of the symbolic and metaphorical meanings of words are considered.

Keywords: color words, duality, symbol, metaphor, similarities, differences.

Особенность цветowych слов в языках народов мира состоит в том, что наряду с основным значением – обозначением цвета как физическое явление, они имеют свойство приобретать широкий спектр символических значений, отражая тем самым эмоционально-этническое и социокультурное представление о мире. Именно поэтому ученые во всем мире проявляют устойчивый интерес к цветовой лексике, так как исследование значений и функционирования слов, именующих цвета в том или ином языке, вносит вклад в изучение культурных особенностей нации [1: 68]. Например, основное лексическое значение слов «черный» и «белый» универсально для всех, или, по меньшей мере, для большинства языков мира, а их символическое и ассоциативное значение может существенно отличаться, что создает условия для препятствия успешной коммуникации между носителями разных языков [2: 20] и создаёт при этом некую двойственную смысловую направленность. Обусловлено это в первую очередь тем, что дискурсивные значения лексем формируются приращением метафорических и символических значений зачастую по преимуществу нецветового характера. Поэтому, чтобы избежать конфликта и искоренить пороки недопонимания при общении представителей разных культур, необходимо знать всю глубину и широту смыслов цветowych слов в каждом национальном языке. Поэтому в настоящее время наибольший интерес с точки зрения исследования, а также понимания представителями разных культур является осознание символического и метафорического значений слов в языковой картине мира.

По мнению Н. Д. Арутюновой, в основе метафоры и символа лежит образ [3: 87], который является источником основных семиотических по-

нятий. То есть символ и метафора определяются через апелляцию к образу [4: 116], при этом метафора сохраняет целостность образа, который может отходить на задний план. Следовательно, это позволяет впечатлить читателя и придать написанному либо сказанному глубокий смысл.

Однако связь между *метафорой* и *символом* является двусмысленной, и её зачастую трудно обнаружить и часто происходит смешение понятий *символ* и *метафора*. Путаница при определении *символа* и *метафоры* существует во многих исследованиях, например, Чадуэлл полагал, что *символ* можно охарактеризовать как искусство, которое выражает мысли и чувства, а не прямо изображает их. Рассуждая о чувственности и рациональности, Йейтс в своих трудах, подчеркивает, что различием между *метафорой* и *символом*, употребляемыми в поэзии, является то, что последняя «вплетена в полную систему изображений» [5: 31]. Подразумевается, что символы содержат метафорические элементы. Это свидетельствует о том, что по сравнению с метафорой, символ не является индивидуальным, а метафора, в свою очередь является «систематической и символической» [6: 96]. Это, тем самым, воплощает в себе связь и различие между *метафорой* и *символом*.

Также Йейтс указывает на то, что, когда метафора не является символической, «она не имеет достаточной глубины – не является совершенной». В свою очередь, это ясно показывает взаимосвязь между *символом* и *метафорой*: «Символ – это метафора с глубоким смыслом» [6: 11]. Если метафора имеет тенденцию быть совершенной, она обязательно переходит к символу, то есть по сути речь идёт о метафорическом символизме. Следовательно, метафора является основой символа, а символ, в свою очередь, создаёт метафору более совершенной.

С точки зрения Гадамера, даже если метафора и символ имеют общность, то есть они используют одну вещь (предмет) для осознания другой вещи (предмета), они также способны существовать по-разному. В его понимании метафора, во-первых, всегда связана с интерпретацией конкретных вещей, а символ всегда связан с когнитивной деятельностью. Во-вторых, символ абстрагируется от конкретной связи, к более высокому и более абстрактному смыслу. И третье отличие между сим-

волом и метафорой заключается в том, что, с одной стороны, это полное осознание конкретного предмета, а с другой стороны это нечто эфемерное. То есть состав метафоры неотделим от подобия: сходство является ядром метафоры, а символ почти не имеет отношения со сходством. С точки происхождения символ – это память фрагмента, то есть две половинки одной вещи, употребляемые с целью выражения полного смысла: символ взаимосвязан и отождествляется с памятью, сравнением, идентификацией, временем и пр. [7: 16].

Таким образом, с учётом вышеприведенного анализа следует, что между символом и метафорой существует тесная связь; независимо от средств выражения или конечного значения метафора является основой символа; символ выше метафоры, символ – это метафорическая система; различие между символом и метафорой заключается в том, что состав метафоры неотделим от подобия, сходство является ядром метафоры, а символ почти не имеет отношения со сходством.

ЛИТЕРАТУРА

1. 吴东平. 色彩与中国人的生活[M]. 北京: 团结出版社, 2000. 245 с.
2. Турбина О. А. Цветоименования «чёрный», «белый» в китайской культуре / О. А. Турбина, Лю Фанбин // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2016. Т. 13. № 2. С. 20-23.
3. Арутюнова Н. Д. От образа к знаку. // Мышление, когнитивные науки, искусственный интеллект. М., 1988. 512 с.
4. Лосев А. Ф. Проблема символа в реалистическом искусстве. М., 1970. 367 с.
5. 爱尔兰叶芝威廉布莱克诗集[M]. 张其成编译, 1993. 267 с.
6. 朱立元. 当代西方文艺理论[M]. 上海: 华东师范大学出版社, 2005. 135 с.
7. 张首映. 西方二十世纪文论史[M]. 北京: 北京大学出版社, 1999. 386 с.

МАРКОВА Елена Михайловна (*Москва, Россия*)

доктор филологических наук, профессор
Российский государственный университет
имени Алексея Николаевича Косыгина
elena-m-m@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ЛЕКСИКИ: ПРИЧИНЫ, ХАРАКТЕР, ТИПОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

Аннотация. В статье рассматриваются факторы семантической эволюции лексем, среди которых выделяются экстралингвистические, лингвистические и психологические. Технический и общественный прогресс, языковые контакты, современная языковая глобализация относятся к внешним факторам семантического развития языка. Лингвистические (языковые) причины выражаются в действии внутренних законов развития языка: дифференциации семантически синкретичного этимона,

тенденции к расподоблению синонимов, влиянии контекста употребления и др. Психологические причины связаны с ассоциативным мышлением человека и являются основными при вторичном семиозисе.

Ключевые слова: семантическая эволюция, факторы эволюции, русский язык, славянские языки

Abstract. The article reviews the factors of semantic evolution of lexemes: extralinguistic, linguistic and psychological. Technical and social progress, language contacts, modern language globalization are external factors of language development. Linguistic factors are expressed in the action of the internal laws of language development: semantic differentiation of a syncretic etymone, tendency to semantic differentiation of synonyms, influence of the context etc. Psychological reasons are related with the human associative thinking and are basic in secondary semiosis.

Keywords: semantic evolution, factors of evolution, Russian, Slavic languages

С момента возникновения любого слова в языке начинается его семантическая история. «Жизнь» слова в языке сопровождается семантическими сдвигами и трансформациями, которые определяют его смысловую эволюцию. Лингвистику всегда интересовал вопрос о том, почему слова в процессе исторического развития языка претерпевают семантические изменения, пытались установить характер этих изменений. И хотя в современном языкознании содержание термина «семантика» несколько изменилось, актуальность проблемы изучения природы и самого механизма семантических преобразований слов не только сохраняется, но и возрастает. Не потеряло актуальности утверждение, что «в целом нынешняя эпоха развития лингвистики – это, бесспорно, эпоха семантики» [4: 25].

Среди причин, ведущих к изменению смысла слов, выделяют экстралингвистические и лингвистические. Экстралингвистическим фактором, влияющим на изменение значений слов, является объективная действительность. В основе различных семантических преобразований лежит «соответствующее изменение условий жизни и реальное окружение, в котором находятся данные предметы и люди» [6: 44]. Технический и общественный прогресс, языковые контакты, современная языковая глобализация относятся к внешним факторам развития языка.

Большое влияние не только на лексиконы в целом, но и на семантику отдельных лексем в наши дни оказывает английский язык. Например, прилагательное *агрессивный*, всегда характеризовавшееся отрицательной коннотацией в русском языке, на наших глазах становится

амбивалентным: все чаще можно услышать фразу: *Вы недостаточно агрессивны*. И наоборот, слово *патриот*, *патриотический* получает в определённых контекстах отрицательную оценку, часто пишут: *патриотизм в хорошем смысле слова* (это предполагает, что патриотизм имеет и отрицательную оценку, в отличие от недавнего прошлого, где он оценивался только положительно).

Однако зачастую на семантическое развитие слова влияет целый комплекс причин. Семантические изменения лексики обусловлены, в частности, и собственно лингвистическими причинами. Лингвистические (языковые) факторы выражаются в действии внутренних законов развития языка. Среди внутриязыковых факторов семантических изменений можно назвать, в частности, синкретичный характер этимона, «диффузность» понятия, в состав которого может входить несколько признаков; способность слова к варьированию в процессе речи, влияние контекста, а также тенденцию к семантическому или стилистическому расподоблению синонимов, их отталкиванию, которую М. Бреаль считал основной в развитии значений лексем [9].

В результате распада первичного синкретизма в значении семантические варианты в разных славянских языках, пережившие в своём развитии подобный процесс, сохраняют общий семантический компонент, дифференцируясь по какому-либо одному или нескольким признакам. К примеру, слово *закуска*, общеславянское образование от глагола *закусить* «заесть», вначале означало «лёгкая еда», которая могла подаваться как до основной еды, так и после неё, что обусловило их семантическую дифференциацию в русском и чешском языках. В современном русском языке слово *закуска* имеет значение «кушанье, употребляемое перед обедом для возбуждения аппетита или для заедания выпитого вина», чеш. *zákusek* означает «пирожное» или «другая мелкая еда, подаваемая к кофе, чаю и т. п.». Объединённые архисемой «легкая еда», данные корреляты дифференцировались по признаку «до основной еды» - «после основной еды». Интересно, что в русском языке в XIX в. у слова *закуска* отмечалось близкое к современному чешскому значение «сладости, фрукты, подаваемые после основной еды», ставшее впоследствии устаревшим для данной лексемы. В русском языковом со-

знании дифференциация значения была обусловлена социальным расслоением. Как отмечается в словаре В. И. Даля, если значение «завтрак до обеда» было характерно для данного слова в высшем обществе, то значение «десерт, лакомства, сласти, пряники» бытовало в народе (Даль). В некоторых русских диалектах до сих пор сохраняется слово *закуски* в значении «пряники» (СРНГ), что нейтрализует возникающую в данном случае семантическую дивергенцию.

Наличие в славянских языках дублетов – фонетических вариантов лексем, восходящих к одной праформе, – также может стать причиной их семантического расподобления. Выделяются «два пути освобождения от такой избыточности: или один из дублетов отмирает, или сохраняются оба, но значения дифференцируются» [1: 67]. К примеру, фонетические дублеты *пленка* – *пеленка* восходят к общеславянскому **pelna* (от **pel* «кожа, покров», ESJĚ) и являются производными от утраченных *плена* и *пелена*. Последнее до сих пор употребляется в значении «сплошной покров, образуемый чем-либо» (СРЯ) (в древнерусском языке бытовавшего также в значении «покрывало», «пеленка», СРЯ 11-17 вв., ср. чеш. *plena* «пленка, кожица», SSĚ). *Пелена* в русском языке получила и образное значение, выявляемое в составе фразеологизма *как будто пелена упала с глаз*. Сохранив общее семантическое ядро «оболочка, покрытие», данные лексемы размежевались семантически: *пленка* стало обозначать «кожицу, оболочку, тонкий слой, покрывающий что-л.», «прозрачную ленту для снимков», «тонкий прозрачный материал из синтетического полимера», а *пеленкой* именуют кусок ткани, в которую заворачивают младенцев (СРЯ). Результатом фонетической дифференциации слов является и семантическое расхождение одного из вариантов с его коррелятом в другом славянском языке: ср. рус. *власть* и чеш. *vlast* «родина, отечество» (ближе к семантике рус. *волость*), рус. *прах* «останки» и чеш. *prach* «пыль» (тяготеющего к семантике рус. *порох*), чеш. *dělo* «орудие, пушка» и рус. *дело* «работа, деятельность» (семантически близкое чеш. *dílo* «дело; произведение») и др. (СРЯ, SSĚ).

М. М. Покровский и его последователи большую роль в семантической эволюции отводили контексту. «Преимущественное употребление слова в каких-то устойчивых контекстах может вести к постепенному

смещению его первоначального значения» [8: 55]. В таком случае «промежуточным звеном», объясняющим направление семантического развития слова, является словосочетание. Во взаимодействии категорий значения слова и контекстно обусловленных употреблений этого значения видел суть семантической эволюции и О. Н. Трубачев [7: 204].

Синтагматика слова обеспечивается его возможностью сочетаться с другими лексическими единицами данной языковой системы. Синтагматические связи общих для славянских языков слов нередко демонстрируют сходство их семантического развития, обусловленного общностью семантических моделей. Так, рус. *пакет* соответствуют чеш. *balík*, аналогичными являются и большинство их переносных значений: *пакет документов* (рус. *пакет предложений* – чеш. *balík návrhov*, *пакет законопроектов* – чеш. *balík zákonů*, рус. *контрольный пакет* – чеш. *kontrolní balík (akcií)* (SSČ).

Одинаковое расширение синтагматических возможностей под влиянием английского аналога демонстрирует, например, глагол *делать*, уже не ограничивающий свою сочетаемость привычными *делать домашнее задание* или *делать уроки*, но позволяющий образовывать сочетания: *делать фильм*, *делать кино*, *делать программу*, *делать карьеру*, *делать деньги*, *делать шашлык*, *делать мясо*, *рыбу* и пр., *делать имидж*, *делать детей*, *делать имя*, *делать семью* и даже *делать любовь*.

К внутриязыковым, или лингвистическим, причинам можно отнести и наличие в языке слов, близких по звучанию, случайное звуковое совпадение которых может привести к соответствующим сдвигам в их значении. Благодаря этому, например, произошёл семантический сдвиг в лексеме *роба* в русском языке, сближенному в народном представлении со словом *работа*. Слово *роба* в XVIII в. в русском языке было известно в значении «бальное платье» (СЦРЯ), как и современное чеш. *roba* – «вечернее платье, наряд» (PSJČ).

Звуковые ассоциации, приводящие к семантическим сдвигам, национально специфичны, как в случае с рус. *миллион* и *лимон* в значении «миллион», чеш. *million* и *melón, meloun* («арбуз, дыня»). В значении

«тысяча» в чешском стало использоваться слово *tás* «поднос», имеющее звуковые ассоциации с лексемой *ticíc* «тысяча» (SSĎ).

Изменение значения слова в сторону его сужения часто наблюдается при заимствовании из одного языка в другой, ср., например, семантику заимствованных из чешского языка в русский лексем: *колготки* «чулки со штанишками», *табор* «объединение цыган в группу для проживания», *мещанин* «человек, имеющий только потребительские интересы», *обыватель* «человек, живущий узкими, косными интересами» - и их чешских источников: *kalhoty* «брюки», *tabor* «лагерь», *měšťan* «горожанин», *obyvatel* «житель» (SSĎ). На эту семантическую закономерность – сужение значения при заимствовании – указывает и Ю. В. Откупщиков, говоря, что это явление постоянно встречается при изучении древних заимствований, вошедших в русский литературный язык [5: 70].

Не только древние, но и современные факты подтверждают эту закономерность. Так, в современном молодёжном жаргоне отмечаются заимствования с более узким значением по сравнению с английским источником: *дефейсить* (от англ. *deface* «изменить внешний вид») означает «сменить вид страницы, фото» (в интернете, профиле, чате), *лукать* (от англ. *to look* «смотреть») в русском языке известен в значении «смотреть в интернете», *токать* (от англ. *to talk* «разговаривать») стал употребляться носителями русского языка в значении «общаться по интернету, в чате, в блоге» и т. п.

Однако указанные два фактора – внутренний и внешний – объясняют далеко не все факты изменений в языке. «Язык существует в человеке, для человека и реализуется через человека» [3: 85], на этом основан современный антропоцентрический подход к рассмотрению языковых фактов и языковой эволюции. Поэтому для понимания устройства и функционирования языка первостепенное значение имеет учёт соотношения трёх элементов: внеязыковой действительности, языковых факторов и самого человека с его мышлением и психологией. Психологический фактор является решающим в развитии разного рода переносных значений, коннотативных сдвигов и переосмыслений, основанных на ассоциациях, возникающих в сознании человека. Поэтому едва ли не основной причиной семантических трансформаций лексем нужно

назвать психологические, или антропологические, факторы. Уже В. Вундт указывал, что законами изменений значений являются общие законы ассоциативных связей: 1) связь по сходству; 2) связь по смежности (пространственной или временной); 3) связь по противоположности [10]. Ассоциации являются продуктом ментальной деятельности человека, обусловлены мыслительными процессами.

В основе вторичной номинации, равно как и первичной, лежит скрытое сравнение. Многие семантические новообразования в славянских языках объясняются действием однотипных когнитивных моделей, основанных на идентичных культурных кодах, с аналогичной коннотативной составляющей. Национально-культурная специфика их связана, прежде всего, с тем или иным образом, несущим определённую лингвокультурную информацию и помогающим реализовать универсальную семантическую модель. Во многих языках в наименованиях головы, например, использована метафорическая модель: «горшок», «округлый предмет», «овощ» → «голова», при этом сходным оказывается чувственно-образное восприятие предмета, метафора является звеном указанной семантической цепи, приводя к образованию нового слова. В соответствии с этой моделью «голову» в русском языке называют *котелком*, *тыквой*, *маковкой*, *грушей*, *ящиком*, в чешском – *palice* «молот», «початок (кукурузы)», *kotrba* «торчащая», «торчок», *kokos* «кокос», *ořech* «орех», *bedna* «ящик, абажур», *koule* «шар», *kebule* (возможно, как контаминация нем. арг. *Köpel* от *Kopf* «голова» и *cibule* «лук, луковица», «маковка»), *šiška* «шишка», *makovice* «маковка» («головка мака»), *kedlubna* «капуста кольраби», *skopovice* «баранья башка», *bluma*, *slíva* «слива», *lemon*, *lemoun* «лимон», *bambula* «недотепа» (из *bambule* «помпон от шапочки») (ТЈЃ).

Такой когнитивный признак, как маленький рост, вербализуется, например, с помощью образов зоонимического кода, отличающихся крошечным размером: рус. *козявка*, *букашка*, *клоп* и чеш. *brouček* («жучок, букашка», «ребёнок»), *sviček* («сверчок», «карапуз»), *červíček* («червячок», «малыш»). Ничтожность, незначительность как характерные признаки маленького человека передаются экспрессивно при помощи сравнения с чем-то мелким, дробным, напр., воды: рус. *капля*, *капелька*,

чеш. *plivník* («плевок», «маленький ребёнок»); хлеба: рус. *кроха* / *крошка*, чеш. *drobeček* / *drobátko* («крошка», «малыш»); сала: чеш. *škvrně* «шкварка», «ребёнок». Признак «маленький человек» репрезентируют номинанты различных мелких предметов: рус. *кнопка* «маленькая девочка» (из *кнопка* «круглый маленький предмет»), чеш. *kost* / *kůstka* («косточка», «малявка»), *pásek* («ремешок, пояс», «ребенок»), *svoček* («гвоздик», «маленький ребёнок»), *šprček*, *špunt* («затычка, пробка», «карапуз») (ТЈЃ) и т. п.

Появление в семантике слова эмоционально-оценочных элементов также приводит к сдвигам в его соотношении с другими словами и, как результат, к изменению его собственной семантической структуры. Многие слова общеславянского происхождения приобрели современное переносное значение в силу их эмоционально-образного осмысления.

В заключение необходимо ещё раз подчеркнуть, что различные факторы семантических сдвигов трудно представить себе в «чистом» виде, они всегда взаимосвязаны и взаимообусловлены. Изменения, вызванные развитием языка, всегда связаны с общественной потребностью, в то же время появление новых слов для обозначения новых реалий, в том числе и в результате семантической деривации, определяются словообразовательными и семантическими особенностями языка. А в конечном итоге все семантические трансформации определяются познавательной, когнитивной деятельностью человека, его мышлением, носящим ассоциативный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булаховский Л. А. Введение в языкознание. Ч. 2. М., 1954.
2. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // ВЯ. 1953. С. 4-29.
3. Гак В. Г. Логические основы развития значений слов в родственных языках // Сравнительно-историческое и общее языкознание. М., 2004. С. 84-91.
4. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М., 2004.
5. Откупщиков Ю. В. Очерки по этимологии. СПб., 2001.
6. Покровский М. М. Соображения по поводу изменения значений слов // М. М. Покровский. Избранные работы по языкознанию. М., 1959. С. 36-60.
7. Трубачев О. Н. Приемы семантической реконструкции // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. М., 1988. С. 197-222.
8. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 2003.
9. Bréal M. Essai de sémantique. Paris, 1921.
10. Wundt W. Völkerpsychologie, Bd. I // Die Sprache, II. Leipzig, 1911.

СЛОВАРИ

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М., 1978–1980.

Сл. 11-17 вв. – Словарь русского языка 11-17 вв. (Под. ред. С. Г. Бархударова). М., 1975.

СРЯ – Словарь русского языка в 4-х т. АН СССР. М., 1957-1961.

ESJČ – Machek V. Etymologický slovník jazyka českého, 2-é vyd. Praha, 1968.

PSJČ – Příruční slovník jazyka českého. Т. 1–9. Praha, 1935-1957.

SSČ – Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 2003.

TJČ – Klégr A. Tezaurus jazyka českého. Praha, 2007.

МАСЛОВА Валентина Авраамовна (*Витебск, Беларусь*)

доктор филологических наук, профессор
Витебский государственный университет
имени Петра Мироновича Машерова
mvavit@tut.by

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ КАК ОТРАЖЕНИЕ СИНКРЕТИЗМА ЯЗЫКА И МИРА

Аннотация. Традиционно к синкретизму относят либо грамматическую омонимию, либо многозначность грамматических форм и рассматривают явление синкретизма в системе языка. Мы предлагаем выйти за рамки системы и посмотреть на синкретизм как на взаимопроникновение наук, когда полученные в одной из них знания об объекте дополняются знаниями об этом же объекте в другой науке. Так создается общее информационное пространство знаний, полученных не по наукам, а по проблемам (Вернадский).

Ключевые слова: семантический синкретизм, синкретизм мира и Вселенной, интергративность, синергетика.

Abstract. Traditionally syncretism deals with either grammatical homonymy or polysemy of grammatical forms, and it is analyzed in the language system. We propose to go beyond the system and look at syncretism as an interpenetration of sciences, when the knowledge about an object obtained in one of them is supplemented with knowledge of the same object in another science. Thus we can create the total information space of knowledge obtained not by sciences, but by problems (V.I. Vernadsky).

Keywords: semantic syncretism, syncretism of the world and the universe, integrativeness, synergetics.

Ко всем современным наукам XXI век предъявил новые требования – более высокий уровень интегративности, синкретичности не только разных гуманитарных наук (психологолингвистика, лингвокультурология, этнопсихоллингвистика и др.), но и гуманитарных и естественных наук (К. Леви-Стросс). Предпосылки к этому уже были: так, отцы квантовой физики Нильс Бор, Гейзенберг, Шрёдингер утверждали, что необходимо учитывать сознание как физическую величину, влияющую на про-

цессы. Было высказано предположение, что наша речь частично материализует квантовую механику мозга и вселенского разума, т.е. мозга как части ноосферы и многое другое, что просто непонятно, ибо сокрыто.

Только такой путь позволит получить новые знания в рамках конкретной науки, в том числе лингвистики, потому что, как считают многие исследователи, «узконаправленные координаты одной отдельно взятой дисциплины не достаточны для продуцирования новых знаний и перестают вписываться в новую архитектуру мира, его субъекта и гносеологических оснований» [1: 38].

Такое понимание синкретизма несколько отличается от традиционного в лингвистике, где синкретизм рассматривается как отражение асимметрии языкового знака, как особая языковая категория. Традиционно к синкретизму относят либо грамматическую омонимию, либо многозначность грамматических форм, т. е. рассматривают явление синкретизма в системе языка [2: 446]. **Мы предлагаем выйти за рамки системы и посмотреть на синкретизм как на взаимопроникновение наук**, когда полученные в одной из них знания об объекте дополняются знаниями об этом же объекте в другой науке. Так создается общее информационное пространство наук, объединенных не по наукам, а по проблемам, как когда-то предлагал В. И. Вернадский.

Ю. С. Степанов еще в начале XXI века написал в предисловии ко второму изданию антологии семиотики: «... изменилась не наука (семиотика) – изменился *информационный мир* вокруг нее, семиотика лишь фиксирует это изменение, хотя отчасти она же и предсказала его, – на наших глазах создается *единый информационный мир*, подобный единому миру природы вокруг нас [4: 6]. Под информацией здесь понимается не как функция высокоорганизованных и саморазвивающихся систем, а как продукт сознания, абстракция, позволяющая синтезировать в описании познавательные и коммуникативные процессы. Ю. С. Степанов предвидит также синтез научного, философского, художественного и религиозного подходов (например, его работы «Концепты. Тонкая пленка цивилизации», «Мыслящий тростник» и др.).

Обусловленные таким миропониманием, во второй половине XX века возникли следующие важнейшие науки: кибернетика, семиотика, теория систем, квантовая медицина, квантовая биология и др. Все они интегративны по своему характеру, т. к. в них синтезируются данные об универсальных структурных свойствах различных объектов, которые до этого были предметом исследования в разных науках.

Так, в модном сейчас направлении – когнитивистике – наблюдается объединение естественных, гуманитарных, математических и других наук. Активно развивающиеся сейчас лингвокультурология, лингвоконцептология тоже являются интегративными областями исследования.

Такое понимание синкретизма позволяет объяснить не только явления семантики, но и показать, как проникают в семантику явления культуры, истории, прочих фоновых знаний и как много под влиянием такого синкретизма меняется в семантике. Например, идет допрос банды фанатов ЦСКА в милиции. *Следователь: – Ну и зачем вы избили Деда Мороза? – А чего он такой красно-белый!* (знание красно-белой символики противника); *казанская сирота* (знание истории); *легкая рука, голыми руками не возьмешь* (знание фактов культуры – мифов, обрядов) и т. д. Рассмотрим один из примеров подробнее: *одним миром мазаны* – фразеологизм чаще используется с негативной коннотацией; объяснить это без культурных знаний практически невозможно, потому что таинство миропомазания в христианстве – великое позитивное таинство, а негативная оценка появляется лишь в устах иноверцев или атеистов, но потом постепенно закрепляется в языке. Таким образом, системное языкознание и синкретический подход – взаимодополняющиеся сущности.

В 80-е годы прошлого века возникло мощное научное направление **синергетика** (от греч. «синергена» – содействие, сотрудничество). В основе синергетической картины мира лежит философия нестабильности, исходящая из многогранности, нестабильности, открытости Вселенной, которую разрабатывает известный физик и философ русского происхождения Илья Пригожин [3]. Современные естественные теории (физическая, кибернетическая) свидетельствуют о единстве Вселенной и человека в ней. Все это привело к представлению о мире как о целост-

ном феномене. Открыт закон единства всего сущего. Поэтому возникновение синергетических (синкретических) идей – закономерный процесс.

Синергетика отличается от стыковых наук, т. к. она опирается не на пограничные, а на внутренние законы различных наук. Синергетика обогатила современную науку рядом принципиально новых представлений о хаосе, неустойчивости, самоорганизации.

Как известно, для одних наук характерен рациональный способ постижения мира, для других в основном – интуитивно-образный (поэтика, теория музыки и др.). Их диалектическое единство заключается в том, что ни один из способов миропостижения не самодостаточен, и наилучшие результаты дает их синтез.

Согласно теореме Курта Геделя о неполноте, рано или поздно ни одна наука не сможет развиваться без привлечения методов и результатов другой. Доказательством тому может служить традиционная лингвистика, которая, как уже говорилось, зашла в тупик в анализе языковых фактов в рамках собственной системы.

Поэтому синкретичное мировидение обладает большим междисциплинарным и прикладным потенциалом. Например, данный подход способен помочь системе образования, кризис в котором обусловлен ориентацией на узко дисциплинарный подход без горизонтальных связей (что бездумно заимствуется из системы образования США), ориентацией на жесткое разграничение гуманитарных и естественных наук. Следствием такого разграничения становится фрагментарность в мировидении. Однако мы знаем, что наиболее яркие открытия в науке делали не узкие специалисты, а люди, мыслящие широко, сочетающие в своих исследованиях далекие, но взаимодополняющие аргументы и знания – Леонардо да Винчи, В. Вернадский, К. Циолковский и др. Вспомним также поистине пророческую мысль М. В. Ломоносова о «сближении далековатых идей».

Исследование синкретизма в языке позволяет разработать инструментарий для анализа разного рода переходных процессов. К переходным процессам можно отнести так называемые «нечеткие понятия».

Человеческому мозгу, как известно, свойственна способность оперировать нечеткими понятиями. В поэзии мы оперируем множеством

символов, имеющих диффузную семантику, создателем и потребителем которых является языковая личность. Например, в стихотворении известного современного поэта Дм. Бурого «Бе-бе» мы видим Бе-бе как символ чего-то непонятного, но вредного и ненужного человеку:

*...гуляет кот по снегу,
таит себя в себе,
а на него с разбегу –
жестокое Бе-бе!*

*И даже не понятно,
откуда здесь оно –
и что это за пятна,
и что за полотно?*

Бе-бе здесь и человек, и стихия, и явление одновременно:

*Глаза пылают далью,
окутано всё в шаль,
под снежную вуалью
поблёскивает сталь.*

*Бе-бе чего-то хочет!
Бе-бе чего-то ждёт!
Так призрачно гогочет –
что жалобно жуёт.*

Здесь возникает сложная разноуровневая оппозиция: это и *зло* и *добро* одновременно. Известно, что *добро* и *зло* есть две стороны одной медали и если бы на земле не было зла, то человек, столкнувшийся с ним, не знал бы, как ему противостоять. Зло будоражит мир, сотрясает его, вечно провоцирует человека, чтобы тот задумался о благе и о добре. В данном стихотворении зло (Бе-бе) оказывается важным инструментом самоанализа, самопонимания.

Следовательно, поэтический язык имеет неопределенные смысловые границы, туманные смыслы, исследование которых возможно с позиции синкретизма, что позволит нам проникнуть «через видимость в сущность» [4: 300].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтикиреева У. М. Феномен Георгия Дмитриевича Гачева // Национальные образы мира в художественной культуре: материалы междунар. конф., посвящ. 85-

летию со дня рождения литературоведа, философа, культуролога Г. Д. Гачева (Нальчик, 24-26 окт. 2014 г.). Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2014. С. 38

2. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

3. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с.

4. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М., 2001.

МЕРКУЛОВА Инна Александровна (*Воронеж, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Воронежский государственный университет
lgel1@yandex.ru

СИНТАГМАТИКА ПРИСТАВОК В ПОЛИПРЕФИКСАЛЬНЫХ СЛОВАХ: КВАНТИТАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. Статья содержит анализ частоты встречаемости префиксов в той или иной позиции полипрефиксального комплекса. Объектом исследования выступает «Словарь морфем русского языка» А.И. Кузнецовой, Т.Ф. Ефремовой. Выявлены наиболее структурно продуктивные префиксы русского языка.

Ключевые слова: морфема, сочетаемость морфем, префикс, полипрефиксация.

Abstract. The article contains the analysis of the frequency of occurrence of prefexes in different positions of the poliprefixation complex. The object of the research is Dictionary of the morphemes of Russian language by A.I. Kuznetsova, T.F. Efremova. The author are revealed the most structurally productive prefixes of the Russian language.

Keywords: morpheme, compatibitity pf morphemes, prefix, polyprefixation.

Синтагматика – важнейшее свойство системы языка, проявляющееся и на уровне морфем. Особый интерес при этом представляют полипрефиксальные образования. На современном этапе полипрефиксация представляет собой актуальный способ образования новых лексических единиц в русском языке и может быть определена как результат присоединения в определённой последовательности нескольких префиксальных морфем к корневой морфеме. В связи с этим повторное употребление префиксов в качестве средств словопроизводства даёт возможность сжато и типизированно вместить в многоприставочные единицы содержание, которое могло быть выражено несколькими лексическими единицами [4: 38].

Цель работы – исследовать структурные особенности полипрефиксальных слов в русском языке и дистрибутивные характеристики их префиксов. В качестве объекта исследования выбран «Словарь морфем

русского языка» А. И. Кузнецовой и Т. Ф. Ефремовой [3]. Статистика словаря выглядит следующим образом: 3693 полипрефиксальных слова, 314 полипрефиксальных сочетаний, образованных при участии 47 префиксов.

Наибольшее количество слов имеют два префикса (95,07%). Слов с четырьмя префиксами в данном словаре не обнаружено. Хотя можно привести в пример существующий, к сожалению, в электронной версии «Большой русский морфемный словарь» А. А. Кретьева, где отмечается одно слово с 4-мя приставками – поуспокоить (поуспокоиться).

Один и тот же префикс может занимать ближайшую позицию к корню (первичный префикс), отделяться от корня другим префиксом (вторичный префикс), занимать крайнюю левую позицию от корня (третичный префикс).

Например, префикс **ПО-** используется в 52 полипрефиксальных сочетаниях. Чаще всего данный префикс используется в качестве первичного и вторичного. Реже всего данный префикс встречается в третичной позиции относительно корня в составе полипрефиксальных слов (первичный – 22, вторичный – 28, третичный – 2). Большая часть полипрефиксальных слов, в состав которых входит префикс ПО-, являются глаголами.

Таблица 1. Анализ сочетаемости префикса ПО-

Полипрефиксальный комплекс	Пример	Полипрефиксальный комплекс	Пример
Первичный ПО-			
БЕС-ПО-	бесповоротный	ПЕРЕ-ПО-	перепоставить
В-ПО-	впазд	ПРЕ-ПО-	преподать
ВС-ПО-	вспомогательный	ПРЕД-ПО-	предполагать
ДО-ПО-	доподлинный	ПРИ-ПО-	приподняться
ЗА-ПО-	заповедь	ПРО-ПО-	проповедь
ИС-ПО-	исповедь	РАС-ПО-	располагать
НА-ПО-	напоказ	С-ПО-	сподвигнуть
НАД-ПО-	надпорядок	СО-ПО-	сопоставить
НЕ-ПО-	непорядочный	СУ-ПО-	супостат
НЕДО-ПО-	недопоставить	У-ПО-	упорядочить
О-ПО-	оповещение	ПРЕД-РАС-ПО-	предрасполагать
Вторичный ПО-			
ПО-БЕЗ-	побездельничать	ПО-НЕ-	понемногу
ПО-БЕС-	побеспокоиться	ПО-О-	поохотиться
ПО-В-	повскакать	ПО-ОБ-	пообсуждать

ПО-ВЗ-	повздыхать	ПО-ОТ-	поотсвечивать
ПО-ВОЗ-	повозрастной	ПО-ПЕРЕ-	попеременный
ПО-ВЫ-	повырубить	ПО-ПРЕ-	попрекать
ПО-ДО-	подоходный	ПО-ПРИ-	поприветствовать
ПО-З-	позволить	ПО-ПРО-	попроветрить
ПО-ЗА-	позаботиться	ПО-РАЗ-	поразмыслить
ПО-ИЗ-	поизносить	ПО-РАЗЪ	поразъехаться
ПО-ИС-	поисходить	ПО-РАС-	порассуждать
ПО-КО-	поколупать	ПО-С-	посбивать
ПО-КУ-	покумекать	ПО-СО-	посотрудничать
ПО-НА-	понаделать	ПО-У-	поугорать
Третичный ПО-			
ПО-РАС-С-	порасспросить	ПО-ВЫ-С	повыспросить

На графике представлены результаты анализа морфемного словаря-источника.

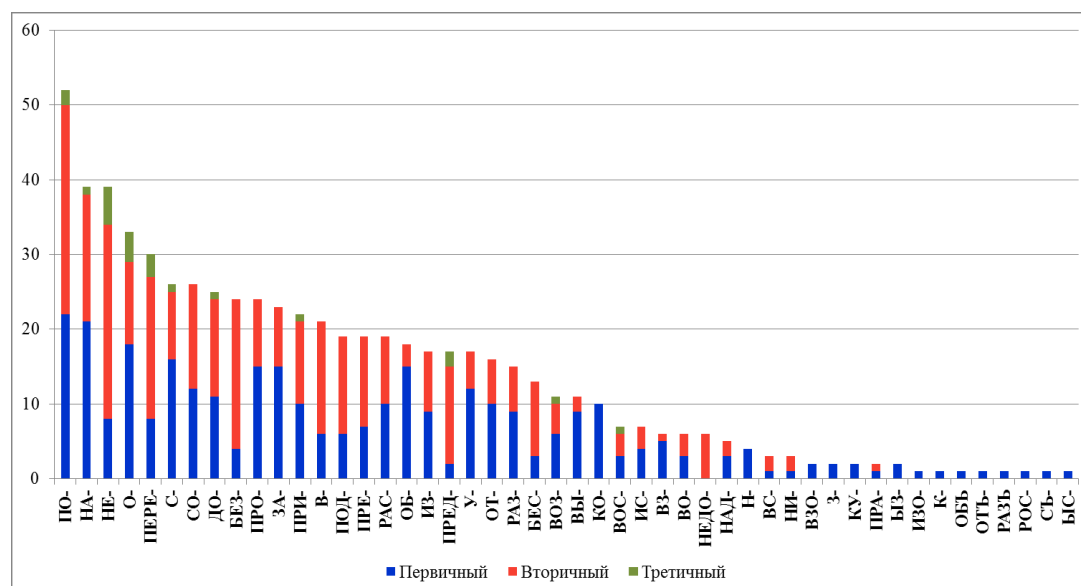

Рис. 1. Распределение префиксальных морфов по частоте позиции в словоформе

На графике отражается частотность использования префиксов в той или иной позиции относительно корня. Как первичный, вторичный и третичный одновременно могут быть представлены следующие префиксальные морфы: **ПО-, НА-, НЕ-, О-, ПЕРЕ-, С-, ДО-, ПРИ-, ПРЕД-, ВОЗ-, ВОС-**.

Следует отметить, что в русском языке наблюдаются префиксальные варианты, которые связаны по значению и близки по звучанию. Данные варианты представлены в виде таблицы (таблица 2).

Таблица 2. Префиксальные алломорфы

Префикс	Первичный	Вторичный	Третичный	Итого
БЕЗ-/БЕС-				
БЕЗ-	4	20		24
БЕС-	3	9		12
В-/ВО-				
В-	6	15		21
ВО-	3	3		6
ВЗ-/ВЗО-/ВС-/ВОЗ-/ВОС				
ВЗ-	5	1		6
ВЗО-	2			2
ВОЗ-	6	4	1	11
ВС-	1	2		3
ВОС-	3	3	1	7
ИЗ-/ИЗО-/ИС-/ЫЗ-				
ИЗ-	9	8		17
ИЗО-	1			1
ИС-	4	3		7
ЫЗ-	2			2
НЕ-/НИ-				
НЕ-	8	26	5	39
НИ-	1	2		3
О-/ОБ-/ОБЪ				
О-	18	11	4	33
ОБ-	15	3		18
ОБЪ-	1			1
ОТ-/ОТЬ-				
ОТ-	10	6		16
ОТЬ-	1			1
				0
ПРЕ-/ПЕРЕ-				
ПРЕ-	7	12		19
ПЕРЕ-	8	19	3	30
РАЗ-/РАЗЪ/РАС-/РОС-				
РАЗ-	9	6		15
РАЗЪ	1			1
РАС-	10	9		19
РОС-	1			1
З-/С-/СО-/СЪ-				
З-	2			2
С-	16	9	1	26
СО-	12	14		26
СЪ-	1			1

Если учесть это обстоятельство и суммировать показатели разных алломорфов, то распределение префиксов по частоте встречаемости будет несколько скорректировано.

Таким образом, наиболее структурно продуктивным префиксом в русском языке можно считать приставку С- (55 сочетаний), выступающую как первичный префикс – 31 сочетание, вторичный – 23 сочетания, третичный – 1 сочетание. Далее следуют сразу 2 префикса с одинаковым результатом – ПО- и О- 52 сочетания. О позициях приставки ПО- уже говорилось выше. Префикс О- выступает как первичный в 24 сочетаниях, как вторичный – 14 сочетаний, как третичный – 4 сочетания. На третьей позиции по частоте участия в полипрефиксации располагается префикс ПРЕ- (49 сочетаний), выступающий как первичный префикс – 15 сочетаний, вторичный – 31 сочетание, третичный – 3 сочетания.

Полученные результаты предполагается дополнить анализом валентностей префиксов ДО- и ЗА- [1] с выявлением наиболее частотных «соседей», потенциальных и невозможных сочетаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кретов А. А. Методические указания по курсу «Проблемы теории деривации» для слушателей факультета повышения квалификации. Воронеж: Воронеж, гос. ун-т, 1995. 32 с.
2. Кретов А. А. БРУМС (Большой русский морфемный словарь) 165 000 слов [Электронный ресурс] / А.А. Кретов. Воронеж, 2005.
3. Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. Словарь морфем русского языка. М.: Русский язык, 1986. 1136 с.
4. Филь Ю. В. О глагольной полипрефиксации в старославянском языке // Вестн. Том. гос. ун-та. 2011. №352. С.37-41.

МИЛОВАНОВА Мария Станиславовна (Москва, Россия)

доктор филологических наук, профессор
Государственный институт русского языка
имени Александра Сергеевича Пушкина
MSMilovanova@pushkin.institute

ФОРМЫ ОТРАЖЕНИЯ АКТУАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00609 «Современная российская аксиосфера: семантическая и прагматическая трансформация русского культурного кода»

Аннотация. Человек оценивающий выбирает новые ценностные приоритеты. «Вещный» взгляд – взгляд пользователя находит отражение в лексических и синтаксических формах: отдельные слова и синтаксические конструкции реализуют значение, связанное с двойной аксиологией, то есть способны одновременно давать оценку предмету обсуждения и выразить ценностные ориентиры говорящего.

Ключевые слова: человек оценивающий, взгляд пользователя, аксиология и лексика, аксиология и синтаксис, ценность и оценка.

Abstract. Person who evaluates chooses new value priorities. The “real” view (the user's view) is reflected in lexical and syntactic forms: individual words and syntactic constructions realize the meaning associated with the double axiology - they are able to simultaneously evaluate the subject of discussion and express the speaker's value reference points.

Keywords: a person who evaluates, the user's view, axiology and vocabulary, axiology and syntax, value and evaluation.

Современное общество потребления [4] формирует новый тип человека – *человека оценивающего*, которому свойствен сугубо прагматический подход к окружающему миру с позиций *мне нужно / не нужно, нравится / не нравится*, в конечном итоге – *куплю или не куплю* [8: 64]. То есть создается образ-эталон потребителя, или пользователя, или юзера, если признать, что значение последнего слова расширилось: «Изначально пользователь какой-либо компьютерной системы, устройства, сайта, программы. Со временем это слово перешло в бытовую жизнь, теперь юзерами стали пользователи всего чего угодно» [11]. Ср. также первичное значение слова *пользователь*: «Пользователь персонального компьютера» [5].

Такой новый взгляд современного русского человека находит отражение в дискурсе. Под современным дискурсом подразумеваем устные и письменные тексты любого происхождения, имеющие отношение к современной реальности. Языковой знак соотносится с конкретной реальностью (W. Doroszewski: *Znak coś znaczy*): чем больше знаков для выражения одной и той же мысли в разных вариациях и чем частотнее употребление одних и тех же знаков или не совсем однородных, но близкородственных знаков, тем актуальнее мысль об этой внеязыковой реальности в сознании говорящих и тем более ценной она является для носителей языка в данный момент. Такие активно воспроизводимые знаки становятся знаками времени, по-другому – это «ключевые слова эпохи» (Е.А. Земская), слова «текущего момента» (В.Г. Костомаров), «модные слова» (Вл.Новиков).

Пример такого слова-символа рассматривается в статье А.Д. Юдиной, приводятся примеры употребления слова *умный* в переносном значении (87 примеров; 2015-2018 гг.) с опорными словами –

неодушевленными существительными *город, автомобили, велосорожки, светофоры, фонари (умные уличные лампы), остановка, чайники, фонтан, офисы, карты, полка, ракета, табуретка, обувь (кроссовки, ботинки), одежда (брюки, куртки, купальник), пластырь, таблетки, подгузники* и т.д. [12]. Расширение связей и частотность употребления слова А.Д. Юдина связывает не только с личным желанием человека выразить свое субъективное отношение к предмету и положительную оценку его качеств и свойств, возможно действительно незаурядных, но и с желанием воздействовать на потребителя – «для манипулирования общественным сознанием» [12: 72].

Аналогичным образом происходит расширение связей, развитие и «продвижение» значения слова *сексуальный*, на частотность употребления которого и новые связи обращает внимание Вл. Новиков, автор «Словаря модных слов» [9]. *Сексуальный*, то есть не только ‘чувственный’ [5], но ‘привлекательный’ и, следовательно, ‘привлекающий’. Ср. контексты употребления: **Сексуальные блузки** – это предмет гардероба, который позволит вам не только привлечь внимание мужчин, но и создать эффектный образ (реклама интернет-магазина *VitoRicci*); ТОП-10: самая **сексуальная женская одежда глазами мужчин** (сайт *Женское мнение*); Если вы хотите импортировать **Сексуальные Брюки**, выбирайте из наших проверенных поставщиков (интернет-магазин *Made-in-china.com*); Как создать **сексуальный образ?** (сайт *Школа шопинга*).

Прилагательное *умный* активирует оценочную сему исходного прямого значения со знаком «+»; прилагательное *сексуальный* развивает вторичное значение ‘чувственный’ и связанную с ним положительную оценку. Именно факт положительной оценки определяет востребованность слов в рекламном дискурсе и дискурсе СМИ, манипулятивных по своей сути: присутствие таких слов в тексте должно повысить ценность описываемого предмета в глазах пользователя. Две лексема, привлечшие наше внимание, интересны в том плане, что *умный* и *сексуальный* – это *дважды аксиология*: и оценка предмета, и демонстрация ценностных приоритетов носителей языка.

Оба слова имеют в разговорно-бытовой речи, в дискурсе повседневного общения антонимы со значением отрицательной оценки: *умный – тупой, сексуальный – несексуальный*. Члены антонимической пары существуют параллельно, в двух разных сферах: со значением положительной оценки – в рекламном дискурсе, в текстах СМИ, то есть в сфере продвижения / продажи товара или услуг. Слово *тупой* в новом значении может сочетаться практически с любым существительным, поскольку тупым может быть любой предмет, вызывающий раздражение у говорящего: ***Тупой стол! Тупой, тупой стол! Бедный мой мизинец!*** (livejournal, 11.05.2015); ***Тупая еда – это какая еда*** (ВКонтакте); ***Тупой столб*** (Бортжурнал Porsche Cayenne).

Вместе с тем о ценностной картине мира современников свидетельствует не только лексика, но и синтаксис, связь которого с аксиологией отмечает К.Я. Сигал: «Аксиологическая функция ориентирована на синтаксис, так как субъект речи нуждается в осуществлении оценочной предикации, в развертке ценностных суждений, в выражении иерархии ценностей, в маркировании одинаковости оценок либо перехода от негативной оценки к позитивной (и наоборот)» [10]. По-видимому, ценностной для носителей языка является синтаксическая формула, выражающая оценку собственного состояния и отношение к миру в текущий момент и претендующая на статус фразеосхемы: *подлежащее со значением лица + связка + предложно-падежная форма* [7: 6-8]. Ср.: ***Что-то я в замоте таком в последнее время*** (Светлана.svetusiic_blog); ***Чё ты мне грубишь? Видишь, на протесте киска*** (С. Шнуров. Клип «Кабриолет»). Ср. также другие примеры форм существительных и местоимений в функции именной части сказуемого в бисубстантивных предложениях, описывающих «множество состояний, в которых он [человек] может пребывать» [3: 128]: *в трансе, в бегах, в жизни, на нервах, под дозой, в заботах, в шоке, в шоколаде, не в себе* и т.д.

В работах по философии и социологии в настоящий момент отмечается формирование «вещного» отношения к миру, при котором происходит подмена ценностей сиюминутной потребительской пользой [2; 6]. Семантическое развитие отдельных слов, претендующих на звание

ключевых слов эпохи, косвенно свидетельствует об этом процессе в сознании говорящих на русском.

Определенный интерес представляет связь результатов анализа эмпирического языкового материала и результатов социологического опроса, проведенных на базе Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина (Москва) и РосНОУ (Москва) в 2019 году. В первом случае из 24 человек 19 назвали семью в числе личных ценностей, что абсолютно совпало с представлением студентов-филологов о ценностях традиционных. Несколько иные результаты анкетирования в РосНОУ (направления подготовки – *гостиничный сервис, туризм, управление персоналом*): 15 человек рассматривают семью в числе традиционных ценностей, но только 11 из 34 видят в семье ценность для себя.

Молодежь не является однородным сегментом, о чем и свидетельствуют результаты нашего небольшого эксперимента: филологически ориентированные студенты личные ценности соотносят с традиционными. Студенты – будущие менеджеры сближают личные ценности с актуальными (*деньги, карьера, статус*), востребованными в современном обществе. В числе личных ценностей были названы такие «вещные» или индивидуальные, как *благополучие, здоровье (5), самореализация (2), успех и успех в работе, богатство, комфорт, карьера, власть, машина*, которые в 8 анкетах соседствовали с выбором *семья*. Результаты эксперимента согласуются с результатами других исследований: часть современной молодежи рассматривает семью в «прикладном» аспекте – как возможность самореализации и достижения личных целей [1: 114].

Следует признать, что в обществе культивируется позиция пользователя, изменение общественного сознания происходит в одних группах общества быстрее, в других медленнее. Если вернуться к вопросу о языке, то формы лексические и синтаксические в различных типах современного дискурса отражают ценностное поле носителей языка, которое в настоящий момент подвергается постоянной модификации / трансформации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вепрева И.Т., Мальцева Т.В. Базовые ценности россиян в отражении языковой рефлексии // Политическая лингвистика. 2017. №1 (61). С. 113-120.

2. Вотинцева Н.Н. Специфика ценностей и ценностного сознания в трансформирующемся обществе: автореф. дис.... кандидата философских наук. Пермь, 2008. 19 с.
3. Герасименко Н.А. Активные процессы в неглагольных предложениях современного русского языка // Педагогическое образование и наука. 2017. №3. С. 125-129.
4. Горшков М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Социологические исследования. 2012. №12. С. 3-11. [Электронный ресурс] <https://elibrary.ru/item.asp?id=18147194> Дата обращения: 09.07.2019.
5. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova> Дата обращения: 11.07.19.
6. Завалишин А.Ю., Костюрина Н.Ю. Аксиология современной России: ценностные ориентиры молодежи дальневосточных городов. Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2016. 260 с.
7. Милованова М.С. Язык и мир: лексический фонд категории состояния в современном русском языке // Русский язык за рубежом. 2018. №3. С. 4-10.
8. Милованова М.С. Современное русское аксиологическое сознание и актуальные тенденции в языке // Педагогическое образование и наука. 2019. №1. С. 63-67.
9. Новиков Вл. Словарь модных слов. Языковая картина современности. М.: Словари XXI века, 2016. 352 с.
10. Сигал К.Я. Аксиология и синтаксис // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. №4 (в печати).
11. Словарь современного языка My slang [Электронный ресурс] <https://myslang.ru/slovo/yuzer> Дата обращения: 10.07.19.
12. Юдина А.Д. Языковой символ нашего времени // Русский язык за рубежом. 2019. №3. С. 66-72.

МУРАТОВА Елена Юрьевна (Витебск, Беларусь)

доктор филологических наук, профессор
Витебский государственный университет
имени Петра Мироновича Машерова
mouratova@tut.by

СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ СИНКРЕТИЗМА В ПОЭЗИИ

Аннотация. В статье исследуется явление синкретизма в поэтических текстах. Дается определение синкретизма в лингвистике. Выявляются различные случаи синкретизма частей речи: совмещение признаков прилагательного и существительного в одной лексеме, использование глагола и наречия в функции существительного. Наиболее активно проявляется субстантивация прилагательных и причастий, реже фиксируется употребление глаголов, наречий, служебных частей речи в функции существительного. Доказывается, что частеречный синкретизм является потенциальным источником возникновения художественных смыслов.

Ключевые слова: синкретизм, поэтический текст, часть речи, существительное, прилагательное, служебные части речи, художественный смысл.

Abstract. The article explores the phenomenon of syncretism in poetic texts. The definition of syncretism in linguistics is given. Various cases of syncretism of parts of speech are revealed: the combination of the signs of the adjective and the noun in one

lexeme, the use of the verb and adverb in the function of the noun. The substantivization of adjectives and participles is most actively manifested, less often is the use of verbs, adverbs, and service parts of speech as a function of the noun. It is proved that partial syncretism is a potential source of artistic meanings.

Keywords: syncretism, poetic text, part of speech, noun, adjective, service parts of speech, artistic meaning.

Понятие «синкретизм», которое включает в себя значения соединения, слитности, совпадения, нерасчлененности встречается во всех областях знаний: в философии, психологии, культурологии. В лингвистике осмысление сущности синкретизма впервые было предложено Л. Ельмслевом, который рассматривал данное явление как общее свойство языка и определял как «категорию, установленную совпадением» [2: 344]. Синкретизм как лингвистическое явление совмещает в себе свойства полисемии и переходности, омонимии и нейтрализации и реализуется как самостоятельное явление на всех уровнях языка [3: 95].

Синкретизм в языкознании – это постоянное объединение в одной форме нескольких значений или компонентов значения. Особую роль синкретизм играет в поэзии, потому что «только в поэзии язык раскрывает все свои возможности, ибо требования к нему здесь максимальные: все стороны его напряжены до крайности, доходят до своих последних пределов; поэзия как бы выжимает все соки из языка, и язык превосходит здесь себя самого» [1: 278].

В поэтических текстах выявляются различные случаи синкретизма частей речи: совмещение признаков существительного и прилагательного в одной лексеме, использование глагола и наречия в функции существительного. Наиболее активно проявляется субстантивация прилагательных и причастий, реже фиксируется употребление глаголов, наречий, служебных частей речи в функции существительного, а также в некоторых случаях наблюдается актуализация смысловой значимости служебных частей речи. В результате синкретизм в поэзии является потенциальным источником возникновения сложных глубинных смыслов.

Проиллюстрируем окказиональную транспозицию разных частей речи примерами из творчества А. Вознесенского: 1. *Начните с бесславья, с безденежья. / Злорадствует пусть и ревнует / **былая** твоя и **нездешняя** – / начните **иную**.* 2. *Пьяное это из темноты кричало, ища коробок, / что Мария опять беременна, а мир опять не готов...* 3. *На*

*ветру мировых клоунад / заслоняем своими плечами / возникающее между нами – / как ладонями пламя хранят. 4. Скучна мне сцена разрешенных. 5. Ты на кого-то меня сменяешь, / но, понимаешь, / пообещай мне, не будь чудовищем, / забудь со **стоящим**. 6. **Сытый** толкает тележку с провизией, / родине нищей сочувствие выразив.*

Своеобразно использует глаголы в функции существительного А. Левин в стихотворении «Разные летали»:

*За окном моим летали / две веселые **свистели**. / Удалые **щебетали**, / куст сирени тормозили. / А по крыше магазина / важно каркали **гуляли** / и большущие **вопили** / волочили взад-вперед. / Две **чиркалки** лихие / грызли корочки сухие, / отнимали их у толстых / косолапых воркутов. / А к окошечку подсели / две **кричали-и-галдели** / и стучали в батарею, / не снимая башмаков.*

Узуальные глаголы в форме множественного числа прошедшего времени *свистели, щебетали, гуляли, вопили, чиркали, кричали-и-галдели* в тексте функционируют как имена существительные. Все данные лексемы называют не существующих в жизни живых существ, которые очень активны: они *летали, каркали, волочили, грызли, отнимали, подсели, стучали*. Названия этих существ создают образ птиц, поскольку все глаголы являются глаголами звучания, поэтому данные лексемы одновременно выражают и субъект действия, и в какой-то степени само звуковое действие, которое этот субъект производит. Использование глаголов в функции существительных устраняет глагольные значения времени и вида, но при этом остается значение динамики, заложенное в глагольных основах, и возникает значение конкретности и одушевленности. К тому же и сам контекст (то, что эти существа делают), и название стихотворения «Разные летали» «дорисовывают» образ именно птиц. Интересно использование лексемы *летали*: в названии она функционирует как существительное с обобщающим значением всех *леталей*, а в самом тексте – как глагол. Глаголы в данном тексте функционируют в форме прошедшего времени несов. вида, но все происходит на глазах читателя в данный конкретный момент, т. е. наблюдается и транспозиция категории времени: форма прошедшего времени в значении настоящего. В итоге авторского окказионального включения узуальных глаго-

лов в класс существительных актуализируются многочисленные парадигматические связи и происходит рождение глубинных смыслов.

Совмещение признаков разных частей речи в одной грамматической форме может осуществляться через соединяющий или разделяющий дефис. Например, у М. Цветаевой: *весьма-несвободно, глубоко-неблагодарно, только-лирическая дружба, не-просто слова, невозможность не-быть уходом, я-переписка и я-встреча.*

В поэзии необычайна по своей значимости роль служебных слов. Служебные слова, не имеющие в русском языке самостоятельного лексического значения, в определенных контекстах частично «наполняются» значением: «А жить – нужно... А жить – нечем. Вся жизнь *до* и *после*. *До* – все мое будущее!..».

Для лирики характерны оппозиции адвербиализованных предлогов *под* – *над*, что отражает деление мира (например, у М. Цветаевой) на быт и бытие, где быт – *здесь, под*, бытие – *там, над*. Предлоги *над* и *под* при их субстантивации или адвербиализации не только получают лексическое значение как значимые части речи, в них самоорганизуются глубинные философские смыслы.

В качестве доказательства к сказанному рассмотрим стихотворение Геннадия Григорьева «Этюд с предлогами»:

*Мы построим скоро сказочный дом
С расписными потолками внутри.
И возможно проживем до...
Только вряд ли будем жить при...*

*И конечно же, не вдруг и не к нам
В закрома посыплет манна с небес.
Только мне ведь наплевать на...
Я прекрасно обойдусь без...*

*Погашу свои сухие глаза
И пойму, как безнадежно я жив.
И как пошло умирать за...
Даже если состоишь в...*

*И пока в руке не дрогнет перо,
И пока не дрогнет сердце во мне,
Буду петь я и писать про...
Чтоб остаться навсегда вне...*

*Поднимаешься и падаешь вниз,
Как последний на земле снегопад.*

*И опять поют восставшие из...
И горит моя звезда – над!*

В данном стихотворении наблюдается полный переход служебных частей речи в знаменательные (оказиональное превращение предлогов в наречия и существительные), в результате чего возникают новые смысловые приращения, которые базируются на актуализации определенных смысловых оттенков слова или на восстановлении его прежних смыслов и семантических связей. Как писал М. М. Бахтин: «Отдельное слово – это аббревиатура высказывания, ... каждое слово пахнет контекстом и контекстами, в которых оно жило» [1: 106].

Таким образом, для поэтических текстов весьма характерно явление синкретизма как особой языковой категории, влияющей на формирование особых художественных смыслов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 502 с.
2. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960. С. 264-389.
3. Просянникова О. И. Семантические изменения в синкретических формах «существительное / глагол» в английском языке // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. С. 94-104.

НЕГРЫШЕВ Андрей Александрович (*Владимир, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
negryshev@inbox.ru

СИНТАГМАТИКА ГРАММАТИЧЕСКОГО РОДА: ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНОГО ПОИСКА

Аннотация. В статье приводится краткий обзор истории и современного состояния формально-согласовательного направления в изучении категории рода. Прослеживается динамика научного поиска в данной области индоевропейского языкознания от Античности до конца XX в., отдельное рассмотрение получает синтагматическая концепция грамматического рода А. Б. Копелиовича.

Ключевые слова: грамматический род, индоевропейское языкознание, теории родогенеза, формально-согласовательное направление, синтагматическая концепция рода.

Abstract. The article provides a brief overview of the history and current status of the formal-agreement approach to the category of grammatical gender. The dynamics of scientific research in this field of Indo-European linguistics from Antiquity to the end of the

20th century is traced, exactly revealed is the syntagmatic concept of grammatical gender proposed by A.B. Kopeliovich.

Keywords: grammatical gender, Indo-European linguistics, theories of the origin of gender, formal-agreement approach, syntagmatic conception of the gender.

Одним из направлений изучения категории рода традиционно считается **формально-согласовательное**, называемое также **синтагматическим**. Его началом стало сформулированное античным филологом Порфирием положение о том, что род «есть нечто формальное, вопрос синтаксического согласования и благозвучия» [7: 6]. В противоположность представителям *семантического* направления, развившегося в свою очередь из известной теории именованя «от природы», сторонники формально-согласовательного подхода (Апполоний Дискол, Марк Т. Варрон, стоики) указывали на **доминантность критерия согласования** определяемого слова с субстантивом в установлении родовой принадлежности последнего [3: 18-32].

В языкознании Ренессанса "центр тяжести" в развитии согласовательного аспекта переместился из области диагностических критериев родовой формы в сферу ее генезиса. В появившихся в этот период теориях родогенеза (Перизоний, грамматика Пор-Рояля) источником родовой формы существительного называется прилагательное, развившее свою многоуровневость (*моцию*) из сочетаний с существительными типа *Rex, Regina* ('царь', 'царица') [там же: 38-39].

Проблема приобретения прилагательным родовых показателей особенно активно разрабатывалась с начала XIX до середины XX вв. Наибольшее распространение получила идея А. Потта о фонетической ассимиляции прилагательным родового показателя существительного (для отражения "рифмы мысли") и теория агглютинации Ф. Боппа, развитая применительно к роду Г. Штейнталем [там же: 62-66]. Во многих исследованиях этого периода реконструируется также отадъективное происхождение формантов женского рода *-ā-*, *-ī-* как результат реинтерпретации их функций от деривации к формообразованию (К. Бругман, А. Мейе, И. Ломан, Е. Курилович, Т. Барроу, А. Мартине и др.).

С середины XX века появляются **систематически обоснованные теории рода** в русле формально-согласовательного направления. Одна из первых попыток разработки такой теории содержится в специальном

исследовании венгерского лингвиста И. Фодора [5]. Он предложил следующую дефиницию рода как «синтаксического феномена»: «Род с синхронической точки зрения есть грамматическая система синтаксических согласований <...>, и данное согласование, сопровождаемое дифференциацией формы, не включает в себя изменения семантики внутри данного отношения» [там же: 212].

В отечественной лингвистике широкое распространение получила концепция **согласовательных классов** А. А. Зализняка. Согласовательный класс определяется как такая «совокупность существительных, что любые два ее члена, будучи взяты в любой грамматической форме (не одной и той же для обоих), при атрибутивной связи требуют одной и той же совокупности сегментов любого слова-атрибута» [1: 66]. Другая известная концепция согласовательной сущности рода принадлежит О. Г. Ревзиной, предложившей рассматривать **род как суперкатегорию**, связанную более чем с одной частью речи [4: 27-28].

Формально-согласовательная сущность рода занимает центральное место в **синтагматической концепции рода** А. Б. Копелиовича. Автор исходит из понимания согласования как относящегося к внутренней компетенции словосочетания выбора одной из одноименных падежных форм единственного и множественного числа [2]. Род определяется им как «отношение между предметными и определяющими их словами» [там же: 8]. Данная дефиниция **рода как аналитической категории** предполагает развертывание в двух направлениях. С одной стороны, в качестве **минимальной единицы (МЕ)** рода выделяется «сочетание существительного (S) с атрибутом адъективного (A) или восходящего к адъективным именам типа S+A» [там же: 92] – атрибутивная модель (AM). С другой стороны, предметом лингвистического анализа становятся **типы атрибутивной модели**, их генезис и способы взаимодействия в каждом конкретном языке.

А. Б. Копелиович выявляет в первом приближении три основных типа AM: а) родовая атрибутивная модель генетическая (AMГ), в основе которой лежит принцип соотносительности омонимичных флексий субстантивных и атрибутивных слов (например, *schola bona* ‘хорошая школа’); б) родовая атрибутивная модель усвоения неродовых фактов

(АМУ), построенная на соотносительности формы согласуемого слова с элементом лексического значения определяемого существительного (например, *scriba bonus* 'хороший писец' – соотносительность с полем лица); в) неродовая атрибутивная модель (АМН), основанная на принципе индифферентности атрибутивного слова как к форме, так и к значению определяемого субстантива [там же: 8-18].

Что касается проблемы генезиса формальных показателей рода прилагательных, то во второй половине XX в. здесь прослеживается два основных подхода. Первый – это продолжение традиции Потта – Штейнталя, в русле которой родовые форманты прилагательного рассматриваются как генетически деривационные морфемы местоименного происхождения (Е. Курилович, Й. Ломан, А. Мартине, Т. Барроу, Г. Гумбах и др.). Второй подход заключается в рассмотрении генезиса праиндоевропейских родовых показателей в контексте изучения фонологических (фономорфологических) процессов. Систематическое применение в реконструкции генезиса праязыковой деклинационной системы принципы фономорфологии нашли в работе У. П. Лемана [6]. К сходным выводам об определяющем значении для родогенеза фонологических изменений в древнейшей консонантной системе независимо от У. П. Лемана приходит А. Б. Копелиович [2: 21 и сл.]. Становление родообразующих согласовательных классов он возводит к появлению более поздних основ на *-ā* и *-ōs*, которые рассматриваются им как **фонетические варианты одной прото-основы** [там же: 28].

Особенностью современного этапа разработки синтагматического направления является обращение к согласованию как к критерию типологизации родо-именных систем (М. Гасри, Г. Корбетт, Дж. Гринберг, У. Клауди, Х. М. Ибрагим, Ч. Ф. Хоккет, В. А. Виноградов и др.). В теории А. Б. Копелиовича понятие именного класса строго разводится с категорией рода как по сущностным, так и по типологическим признакам. В качестве возможного критерия синхронной типологизации индоевропейских родовых систем выступает результирующее соотношение РС (родовой системы) и НС (неродовой системы) [2: 12].

Представляется, что при всей древности и богатстве традиции формально-согласовательного подхода его объяснительный потенциал

еще далеко не исчерпан, о чем лишний раз свидетельствует синтагматическая концепция индоевропейского грамматического рода, разработанная профессором Владимирского государственного педагогического университета А. Б. Копелиовичем.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. 370 с.
2. Копелиович А. Б. Происхождение и развитие индоевропейского рода в синтагматическом аспекте. Владимир: ВГПУ, 1995. 125 с.
3. Негрышев А. А. История изучения индоевропейского грамматического рода: концепции, парадигмы, направления. Владимир: ВГПУ, 2000. 205 с.
4. Ревзина О. Г. Типологический анализ грамматической категории рода (на материале славянских языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970. 37 с.
5. Fodor J. The origin of grammatical gender // *Lingua*. Haarlem. 1959. Vol. 8. № 1. P. 1-41; № 2. P. 186-214.
6. Lehmann W. P. On Earlier Stages of the Indo-European Nominal Inflection // *Language*. Baltimore, 1958. Vol. 3.4. № 2 (Part I). P. 179-202.
7. Royen G. Die nominalen Klassifikationssysteme in den Sprachen der Erde. Historisch-kritische Studie mit besonderer Berücksichtigung des Indogermanischen. Mödling bei Wien: Admin. d. Anthropos. 1929. 1030 s.

НИКОЛИНА Наталия Анатольевна (*Москва, Россия*)

кандидат филологических наук, профессор
Московский педагогический государственный университет
ruskafedra314@gmail.com

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ КОЛИЧЕСТВЕННОЙ АППРОКСИМАТИВНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматриваются способы выражения количественной приблизительности в современном русском языке. Выделяются лексические, фразеологические, просодические и грамматические средства. Особое внимание уделено синтагматическому аспекту аппроксимативности: функционированию количественно-именных словосочетаний, инверсии, использованию количественно-именных групп с разделительными отношениями и др., отмечается, что приблизительное количество представляет собой синкретичное явление и его передача предполагает взаимодействие средств разных уровней.

Ключевые слова: аппроксимативность, количество, количественно-именные группы, инверсия, приблизительность, синтагматика, фразеологизированные построения.

Abstract. The ways of quantitative approximation in the modern Russian are considered in the article. There are lexical, phraseological, prosodial and grammar means. The special attention is paid to syntagmatic aspect of the approximateness such as the functioning of quantitative-nominal collocations, inversion, use of quantitative-nominal groups with separative meaning and so on. It is marked that approximate number is syncretical phenomenon and its expression expects the different stratum means cooperation.

Keywords: approximateness, quantity, quantitative-nominal groups, inversion, approximation, syntagmatics, phraseologized constructions.

Количественная аппроксимативность, или приблизительность, формирует одно из микрополей в рамках функционально-семантического поля количественности. «Приблизительное количество – явление синкретичное по своей природе. Оно обозначает неопределенное множество с указанием определенных количественных границ отсчета этого множеств, приблизительное количество объединяет в своей семантике и признаки неопределенного, и признаки определенного множества» [3: 9].

С одной стороны, говорящий в этом случае не может определить точное число упоминаемых объектов, с другой, четко указывает возможные точки отсчета, которые преимущественно выражаются числительными или размерными существительными. Например: *Часа через два груженое такси отчалило от Бергамо* (Е. Водолазкин); *Ему предстояло скончаться от старости лет через пять-шесть* (О. Славникова).

Количественная приблизительность выражается в современном русском языке различными средствами. В устной речи ее показателем служит особая интонационная конструкция, которая обычно используется для «имитации ментальной деятельности» [4: 109]. Ее признаки – полугий подъем тона и переход затем к более ровным или нисходящим тонам.

Наряду с просодическими средствами широко используются лексические средства, прежде всего слова **приблизительно, примерно**. Например: *Примерно через год после приезда в коллегииум Яновские познакомились с душевнобольными его обитателями* (Е. Водолазкин). *Приблизительно за три-две недели мы начинаем старательно спрашивать друзей, знакомых, даже сослуживцев – где, с кем и как они собираются встречать Новый год* (О. Николаева). Однако лексические средства, как правило, сочетаются с количественно-именными группами и не употребляются изолированно, синтаксемы, «обозначающие приблизительно-количественную характеристику предметов, возраста, температуры» [1: 220]: около года, с метр, под сорок лет, до пятидесяти пяти, за тридцать и др. Например: *Вот Ведерникову уже за тридцать*

(О. Славникова). *Пришедший человек, лет под сорок, был черен, оборван, покрыт засохшей грязью* (М. Булгаков). *Белка вернулась домой около девяти* (В. Платова).

Средствами выражения аппроксимативности наиболее регулярно служат предложно-падежные формы. Эти предложно-падежные формы входят в состав количественно-именных групп и взаимодействуют, с одной стороны, со словосочетаниями, включающими опорные лексические единицы фазовой семантики (начало, конец, середина), а с другой стороны, с фразеологизированными построениями с компонентами **с хвостом (хвостиком), с гаком, с лишним, с небольшим, плюс**. Ср.: *Сколько лет им было, когда они обучали Ведерникова...? Около сорока, сорок с хвостом* (О. Славникова). *Ему семьдесят с гаком* (из устной речи). *Женщины сорок плюс меня не интересуют* (Т. Шахматова).

Несоответствие упоминаемому количеству объектов передается при помощи маркеров **больше (более), менее (меньше), выше**, а предельные границы приблизительного множества задаются лексическими единицами **минимум – максимум**. Например: *Чтобы добраться до шоссе, нужно потратить меньше получаса* (В. Платова). *В Женеве Карамзин пробыл менее недели* (В. Муравьев). *Это задание должно быть выполнено минимум за две недели* (А. Иванов). *Ехать туда максимум сорок минут* (М. Голованивская).

В современной разговорной речи для выражения приблизительности также используются словосочетания с существительным *пара*. Они все шире употребляются и в художественной речи: *Через пару уроков она уже наигрывала простые музыкальные фразы* (Е. Водолазкин). *Через пару часов он был дома* (О. Мышакова).

Именно количественно-именные группы представляют собой ядро микрополя количественной приблизительности. «Этот тип аппроксимации представлен в языках мира наиболее многообразно» [2: 30]. Специфической особенностью русского языка «является то, что значение количественной приблизительности в нем выражается только синтаксически» [4: 223].

В выражении количественной аппроксимативности в русском языке явно преобладают синтагматические способы. Кроме собственно слово-

сочетаний, специализирующихся на передаче этого значения, с высокой степенью регулярности для выражения этой семантики используется инверсия имени числительного, акцентирующая аппроксимативность. Ср.: *Мальчик десяти лет сидел возле озера. – Мальчик лет десяти сидел возле озера с удочкой* (М. Вишневецкая). *Лет, пожалуй, двадцать назад игрушки по большей части дублировали реальность* (О. Славникова). – *Двадцать лет назад игрушки дублировали реальность.*

Этот синтагматический способ выражения аппроксимативности обычно взаимодействует с другими способами, а также со средствами выражения неопределенности и неуверенности говорящего в точности обозначений. Ср., например: *Я вернусь часов в восемь. – Может быть, я вернусь часов в восемь.*

Другим синтагматическим способом передачи количественной приблизительности служит использование сочиненных групп с разделительными отношениями, предполагающими открытый список обозначаемых объектов или ситуаций. В таких группах союз **или** может быть представлен либо опущен. Например: *Пахло грецкими орехами, которые в лесу падают на землю и через год или два дают ростки* (М. Ахмедова). *Он поздоровался с полицейскими, бросив им из-под белых усов два–три слова* (М. Ахмедова). *Часа через три–четыре Невельск остался позади* (Э. Веркин).

В современной русской речи наряду с конструкциями с альтернативной семантикой используется и конструкция, в которой значение выбора осложняется или трансформируется в значение прибавления. Эта конструкция представляет собой фразеологизированные построения, в состав которых входит название единицы измерения или темпоратив и слово **другой** в разных формах. На базе этой конструкции формируется синкретичное сложносоставное образование, оформляемое дефисом как «знаком компромисса». Например: *Наш герой ... понимал, через неделю-другую у него не будет отбоя от клиентов* (Е. Роговая). *Будем недельку-другую дружить с ней, но дистанцию она чувствовать должна* (М. Голованивская). *Мать плакала, совала тысячу-другую* (А. Дмитриев). *Здесь можно и задержаться на часок-другой* (А. Петрова). *Отдохнем на даче недельку-другую* (Н. Антонова).

При помощи этой стяженной конструкции выражаются как собственно количественные, так и пространственные или темпоральные отношения. Ср.: *рубль-другой, километр-другой, месяц-другой*. В разговорной речи в ее составе часто употребляются уменьшительные образования (*тысчонка, часок, минутка, неделька*), возможны и трехчленные открытые построения. Например: *Съел блин-другой-третий. Проговорили час-другой-третий*.

Итак, в современном русском языке для передачи количественной приблизительности существует система разноуровневых средств, включающая лексические единицы с этой семантикой, просодические средства, фразеологизмы, предложно-падежные формы числительных с предлогами *к, около, под* и др., инверсию, количественно-именные группы с разделительными, реже соединительными отношениями, стяженные единицы с компонентом **другой**. На периферии этой системы находятся речевые средства, создающие эффект гиперболы или литоты, и, следовательно, также обозначающие неточное, приблизительное количество. Например: *Мы сто лет с тобой не виделись!*

Доминирующими в этой системе средств являются синтагматические способы реализации данной семантики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1968. 439 с.
2. Подлесская В. И., Стародубцева А. В. О грамматике средств выражения нечеткой номинации в живой речи // ВЯ. 2013. № 3. С. 28-31.
3. Чеснокова Л. Д. Имя числительное в современном русском языке: Семантика. Грамматика. Функции. Ростов-на-Дону: Гефест, 1997. 291 с.
4. Янко Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: Языки славянских культур, 2008. 312 с.

ПАЛОШИ Ильдико (*Будапешт, Венгрия*)

кандидат филологических наук, старший преподаватель
Университет имени Лоранда Этвеша
palosi.ildiko@btk.elte.hu

СОЧЕТАЕМОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАРЕЧИЙ СИНОНИМИЧЕСКОГО РЯДА «БЫСТРО» С МОМЕНТАЛЬНЫМИ ГЛАГОЛАМИ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению семантической структуры многозначного наречия *быстро*. Приводятся синонимы к каждому из его значений. Под-

вергается анализу возможность их сочетаемости с моментальными глаголами. В результате исследования автор делает вывод о том, что похожая семантика глагола и наречия не обязательно влечет за собой частотность их сочетаемости.

Ключевые слова: моментальный глагол, наречие, быстрое действие, скорость, сочетаемость.

Abstract. The article examines the semantic structure of the polysemic adverb *bystro* 'quickly'. There are synonyms adjusted to each of its meanings. The possibilities of their compatibility with momental verbs are deeply examined. As a result of the research the author draws a conclusion that the similar semantics of a verb and an adverb does not necessarily lead to the frequency of their usage together.

Keywords: momental verbs, adverb, fast action, speed, compatibility.

1. О моментальных глаголах

Предварительно необходимо определить, что имеется в виду под термином «моментальный глагол». Данный термин был введен Ю. С. Масловым [3]², а позднее дальнейшие значительные исследования были проведены Ю. Д. Апресяном [1] и Е. В. Падучевой [5; 6; 7].

К моментальным глаголам Е. В. Падучева причисляет глаголы СВ, не имеющие коррелята НСВ в актуально-процессном значении, напр. *очнуться, поспать, найти, упасть, достичь, выстрелить, посетить* и т. д. [5: 332], иными словами, моментальные глаголы обозначают действия, которые нельзя представить как длящийся процесс. Однако из этого определения не следует, что данные глаголы являются одновидовыми глаголами СВ. Их корреляты НСВ способны выражать многократное и общефактическое значения. Производные от моментальных глаголов СВ корреляты НСВ могут относиться к постсобытийным стативам (глаголам состояния, наступившегося после события, обозначаемого глаголом СВ, см. глаголы *понимать-понять, приглашать-пригласить, вид открывается-вид открылся* и т. д.), к предсобытийным стативам (глаголам состояния, имеющего место до наступления события, описываемого глаголом СВ, см. глаголы *догадываться-догадаться, увольнять-уволить, переименовывать-переименовать* и т. д.), а к также глаголам, выражающим свойства (см. *Это не объясняет его отсутствие – 'Этим невозможно объяснить его отсутствие'*) [7].³

Е. В. Падучева также считает, что моментальность является акциональной характеристикой глагола, которая отражается в его толкова-

² Термин «моментальный глагол» был введен Ю.С. Масловым в следующей работе: Вид и лексическое значение в русском языке. Изв. АН СССР, сер. лит. и яз. Т. 7., Вып. 4, 1948. С. 303-316.

³ Пример заимствован из доклада [7].

нии [7]. По своему акциональному характеру моментальные глаголы относятся к акциональному классу «achievements» по З. Вендлеру, и выражают происшествия с действующим субъектом (см. *опоздать, упасть, споткнуться* и т. д.) или достижение (см. *прийти, выиграть* и т. д.). В результате таких действий возникает новое состояние, которое часто не совпадает с целью субъекта: см. глаголы *уронить, промахнуться, споткнуться, ошибиться, упустить из виду, забыть* и т. д. [5: 334].

По мнению Е. В. Падучевой, семельфактивы (напр. *кашлянуть*), делимитативы (напр. *поспать*), пердуративы (напр. *просидеть*), некоторые глаголы начинательного способа действия (напр. *побежать*) и глаголы финитивного способа действия (напр. *отговорить*) тоже можно считать моментальными глаголами [5: 337-338].

В настоящей статье мы будем сосредотачиваться на моментальных глаголах, которые лишены темпоральной семы длительности, т. е. наше исследование не распространяется на делимитативы и пердуративы. Нами будут рассматриваться глаголы, в семантической структуре которых центральную позицию занимает сема мгновенности, внезапности, проведения действия в один прием.

2. Семантика наречия *быстро*

На наш взгляд, каждый из изучаемых нами моментальных глаголов включает сему 'быстро'. Однако необходимо обратить внимание на то, что данная сема может проявляться по-разному. Семантическому описанию данного наречия посвящены совместная работа И. М. Богуславского и Л. Л. Иомдина [2], а также статья В. А. Плунгяна [8]⁴.

Целью настоящего исследования является изучение семантической структуры многозначного наречия *быстро* и его синонимов на основе концепции В. А. Плунгяна, а также установление возможностей сочетаемости данных наречий с моментальными глаголами. Рассмотрим выделенные В. А. Плунгяном типы значения наречия *быстро* по порядку.

⁴ Семантический анализ глаголов со значением быстрого действия проведена в работе [4].

А) Процессное *быстро* указывает на скорость, динамичность, интенсивность действия: ‘<Процесс Р> протекает с большой скоростью’, т.е. ‘более интенсивно (в единицу времени происходит большее количество Р) по сравнению с нормой’. Ср. *быстро бежать* ‘бежать с большой скоростью’. Кроме движения скорость действия может проявляться в глаголах деятельности и в процессах, в том числе и в ментальных процессах, ср. *быстро читать, одеваться, соображать, сокращаться, учить, повышаться, гореть* и др. Антонимом *быстро* в этом значении является *медленно* [8: 212-213]. Синонимами наречия *быстро* в данном значении можно считать наречия *живо, мигом, пулей, торопясь, стрелой, бегом, вихрем, шибко, мимолетно, бойко, бодро, в темпе, в живом темпе, как на дрожжах, как на крыльях, как пулемёт, раз-два и готово, с быстротой молнии, молниеносно, сломя голову, оперативно* и т.д.

Как показывает название данного типа значения, он непосредственно связан с процессуальным характером действия, который выражается глаголами НСВ. В связи с этим, можно установить, что сочетание моментальных глаголов с наречием процессного *быстро* не является частотным явлением, однако, как показывает наш корпус примеров, глаголы движения⁵ могут передавать действие, проходящее с большой скоростью, начало и конец которого во времени почти совпадают, см. примеры (1) и (2).

(1) **С быстротой молнии заскочили в оперативную машину** [Максим Милованов. Кафе «Зоопарк» (2000) НКРЯ⁶].

(2) **Тогда Велга быстро прыгнула на берег и быстро пошла по берегу** [И. А. Бунин. Велга (1895) НКРЯ].

Б) Результативное *быстро* связано с длительностью ситуации: ситуация продолжается меньше ожидаемого срока, результат процесса наступает раньше, чем ожидается: ‘<Естественное завершение процесса Р> наступило за более короткий (по сравнению с ожидаемым или нормальным) промежуток времени’, ср. *быстро дойти до озера, написать письмо, найти решение, сделать задание* и др. Антонимом *быстро* в этом случае является наречие *долго* [8: 213-214]. Синонимами

⁵ Термин «глагол движения» нами понимается в широком смысле. Мы имеем в виду любое моторное действие, в том числе и *прыгнуть, шагнуть, бросить*.

⁶ Примеры с пометой НКРЯ заимствованы из Национального корпуса русского языка.

наречия результативного *быстро* можно считать наречия и временные обстоятельства *внезапно, неожиданно, оперативно, ахнуть не успеешь, глазом моргнуть не успеешь, в два приема, в два счета, миг, в один миг, в одно мгновение, незаметно, в короткий срок, сразу* и т.д.

Как видно по примерам (3)-(6), сочетание моментальных глаголов с наречием *быстро* в результативном значении можно считать типичным. Данные наречия сочетаются с глаголами движения, перцептивными, ментальными и семельфактивными глаголами.

(3) *Его гнев так же **быстро** упал, как и поднялся: чем виноваты эти невинные сплетники, что он уже сделался жертвой беспощадной городской молвы?* [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы. НКРЯ].

(4) *Они вытащили носилки и **мигом** очутились с ними в сарае, ...* [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001. НКРЯ].

(5) *Правда, **быстро** понял особенность: классические методы маркетинга, например контекстная реклама, здесь не работают* [Елена Николаева. «Я знаю, что у вас на ужин» // «Эксперт», 2015. НКРЯ].

(6) *Не затихли постепенно, а **смолкли в одно мгновение**, будто кто-то выключил звук, и даже эхо умерло сразу, так что вновь воцарилось безмолвие* [Дмитрий Глуховский. Метро 2033 (2005) НКРЯ].

В) Реактивное *быстро* обозначает скорость ответной реакции субъекта. Наречием *быстро* оценивается не длительность протекания ситуации как таковая, а длительность промежутка времени между двумя ситуациями, первая из которых является причиной второй. Например: *он быстро пришел на помощь* – ситуация №2; *его позвали на помощь* – ситуация №1. Антонимом *быстро* в этом значении может стать *нескоро* [8: 214-215]. В качестве синонимов могут выступить наречия и временные обстоятельства *сразу, в короткий срок, тотчас же* и т. д.

Данный тип значения наречия *быстро* может проявляться в зависимости от ситуативного контекста. По данным нашего корпуса данное значение наиболее характерно для перцептивных глаголов, однако необходимо оговориться, что в некоторых случаях трудно отделить зна-

чение ответного действия и значения действия-последствия. См. примеры (7) и (8).

(7) *Как мы уже знаем, у «Марса-96» не сработала одна из ступеней, и он довольно **быстро упал** на Землю* [Александр Семенов. За державу обидно... // «Знание - сила», 1997. НКРЯ].

(8) *Из-за шокового состояния пострадавший **не сразу почувствовал** второй выстрел* [Военнослужащий отпускник ранен у кафе (2004) // «Московский комсомолец» в Саранске, 2004.12.23. НКРЯ].

3. Заключение

Проведенный анализ подтвердил тот интересный факт, что, несмотря на похожую семантику рассмотренных глаголов и наречий, моментальные глаголы не обязательно сочетаются с наречиями и обстоятельствами, выражающими быстрое проведение действия. С одной стороны, возможности сочетаемости тесно связаны с лексическим значением глагола, с их отношением к тому или иному таксономическому или лексическому классу, с другой стороны, ситуативный контекст тоже играет немаловажную роль.

На основе нашего исследования можно прийти к выводу, что для моментальных глаголов наиболее характерна сочетаемость с результативным *быстро*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // Русистика сегодня. Язык: система и его функционирование. М.: Наука, 1988. С. 57-78.
2. Богуславский И. М., Иомдин Л. Л. Семантика быстроты // ВЯ 1999. №6. С. 13-30.
3. Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение в русском языке // Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии Л.: 1984. С. 48-65. Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 7., 4, 1948: 303–316.
4. Палоши И. Семантический анализ глаголов быстрого действия в русском языке // Славистика 2019. В печати.
5. Падучева Е. В. Семантические источники моментальности русского глагола в типологическом ракурсе // Типология вида: проблемы, поиски, решения. Отв. ред.: М. Ю. Черткова. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 332-342.
6. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
7. Падучева Е. В. Моментальные глаголы совершенного вида и их стативные корреляты // https://studylib.ru/doc/4676176/1.-momental._nye-glagoly. 2011.
8. Плунгян В. А. 'Быстро' в грамматике русского и других языков. // Слово в тексте и в словаре: Сборник статей к семидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна. Отв. ред.: Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин. М.: Язык русской культуры, 2000. С. 212-221.

**ПЕТРОВ Александр Владимирович,
ПЕТРОВА Луиза Александровна (Симферополь, Россия)**

доктор филологических наук, профессор
Крымский федеральный университет
имени Владимира Ивановича Вернадского
Таврическая академия
liza_nada@mail.ru

доктор филологических наук, профессор
Крымский инженерно-педагогический университет
nlla@mail.ru

ПОЯВЛЕНИЕ НОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ У ПОВТОРОВ-ОТЗВУЧИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье исследуются рифмованные повторы с точки зрения развития у них новых значений, что обусловлено изменением обычных синтагматических связей лексических единиц – нарушением сочетаемости с предикатами «поведения», взаимодействием с неодушевленными именами, функционированием в конструкциях с отрицанием. Отдельные неустоявшиеся значения имеют тенденцию повторяться в тех или иных повторах-отзвучиях.

Ключевые слова: новые значения, гендиадис, окказиональное словообразование, повтор-отзвучие, сочетаемость.

Abstract. The article examines rhymed repetitions from the point of view of the development of new values in them, which is caused by a change in the usual syntagmatic connections of lexical units – a violation of compatibility with predicates of «behavior», interaction with inanimate names, and functioning in constructions with negation. Separate non-custom values tend to be repeated in one or another repetition-echo.

Keywords: new meanings, gendiadyse, occasional word-formation, repetition-resound, compatibility.

В лингвистике существуют различные точки зрения относительно того, как называть рифмованные повторы типа *гоголь-моголь*, *шурум-бурум*. Вслед за Н. А. Янко-Триницкой мы используем термин «повтор-отзвучие» [4]. Исследователи Е. А. Земская, М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова отмечают, что рифмованные повторы могут передавать различные смысловые и экспрессивные оттенки: пренебрежение к предмету речи (*шкафчики-мафчики*), семантику обобщения (*лосось-мосось*), шутливость (*пряники-шманки*) [1: 193]. Дискуссионным также является вопрос о том, как называть способ словообразования, используемый при создании повторов-отзвучий. И. С. Улуханов, например, видит в них замену фонем или комбинацию неморфемного усечения с добавлением фонем (*картошка-мартошка*, *банки-шманки*) [3: 95]. Боль-

шинство лингвистов сходится во мнении, что при создании повторов-отзвучий используется такой способ окказионального словообразования, как гендиадис. В. П. Изотов и В. В. Панюшкин считают, что гендиадис – это особый способ словообразования, окказиональная разновидность сложения, при которой компоненты сложного слова рифмуются [2: 34]. В некоторых единицах наблюдается тенденция к числовой асимметрии («фокус-покусы», «шахер-махеры»).

Цель исследования – выявить новые значения у отдельных повторов-отзвучий. Банк контекстов был создан на основе «Национального корпуса русского языка». Проанализированный материал свидетельствует о том, что новые значения появляются у исследуемых единиц в результате изменения их обычной лексической сочетаемости. Так, повтор-отзвучие «шуры-муры» в «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой имеет абстрактное значение ‘любовные дела, похождения’. В контекстах лексема чаще всего сочетается с глаголами поведения *крутить, заводит, разводит, устраивать, вести* и др. в составе конструкции «предлог с / со + одушевлённое существительное».

Были выявлены новые значения повтора-отзвучия в результате изменения синтагматики. Прокомментируем их: ‘вести какие-либо дела с кем-нибудь’ (*Опять же с Власовой у них какие-то шуры-муры* – повтор-отзвучие сочетается с личным местоимением во мн. числе); ‘всякие мелкие вещи’ (...*накупили всякой всячины – ранец, форму, рубашки к ней голубые, три штуки, да еще шуры-муры: тетради, пенал, линейки, счетные палочки – словом, целое хозяйство* – повтор-отзвучие является обобщающим словом конкретной семантики); ‘какие-либо действия, противоречащие закону’ (...*послезавтра у неё шуры-муры с театральными кассами, где она исхитряется покупать билеты...* – повтор сочетается с неодушевленным именем во мн. числе «кассы»); ‘затягивание решения проблемы’ (... *не привык я как-то шуры-муры с проблемой разводиться...* – лексическая единица сочетается с неодушевленным существительным «проблема»); ‘о каких-либо тайных общих делах’ (*Большевики там шуры-муры с Вильгельмом завели...* – повтор-отзвучие сочетается с субстантивом «большевики» во мн. числе и

именем собственным Вильгельм); ‘восклицание, требующее остановиться’ (**Шуры-муры! Кто здесь ходит?**).

Следующий контекст *Первоклассный одесский сапожник, Аркаша с Дерибасовской, весьма искусно «работал», как он сам выразился на допросе, всякие «шуры-муры» в элегантных дамских и мужских туфлях контрабандистов. Шуры-муры – это тайники в каблучках, под стельками, тайники для царских золотых монет и зелененьких долларов...* интересен тем, что в нём приводится дефиниция окказионального словоупотребления лексемы – ‘тайники в каблучках, под стельками для царских золотых монет и других денежных средств’. Повтор-отзвучие употребляется при несвойственном ему глаголе физического действия «работать».

Лексическая единица «фигли-мигли» имеет узуальное значение ‘проделки, шутки, проказы, ловкие приёмы для достижения чего-либо’, в контекстах зафиксированы новые значения. Ср.: ‘о чём-либо важном, значительном’ (...*это не какие-нибудь **фигли-мигли**...* – сдвиг в значении происходит при сочетании повтора-отзвучия с неопределённым местоимением в конструкции с отрицанием *не*); ‘некачественная вещь’ (...*тебе хочется настоящую обувь носить, а не **эти **фигли-мигли**...*** – повтор-отзвучие сочетается с указательным местоимением в конструкции с противопоставлением *а не*, аналогично: *Лошади, а не **фигли-мигли!***); ‘вещи, не представляющие ценность, безделушки’ (*Забирайте все ваши **фигли-мигли** с собой...; ...**какие **фигли-мигли** прицеплены у неё к дверце холодильника...*** – рифмоповтор сочетается с притяжательным и относительным местоимениями); ‘всякие предметы, вещи, безделушки’ (...*прислала нам занавесочки вышитые, скатёрку, клеёнку, **прочие там **фигли-мигли**...***» – сдвиг в значении происходит при сочетании повтора-отзвучия с лексемами *прочие там*); ‘любовные дела’ (...*уже с Вассочкой Пузиковой **разводил **фигли-мигли**...*** – повтор-отзвучие употребляется с глаголом «разводить», синонимизируется с лексемой «шуры-муры»); ‘что-либо незначительное’ (*Слух прошел, будто эти люди втихую убедили ведьмака не тратить времени на **всякие там **фигли-мигли** и чары...*** – сдвиг в значении происходит при сочетании повтора-отзвучия с лексемами *всякие там*).

У повтора-отзвучия «фокус-покус» ‘искусный трюк, основанный на обмане зрения или внимания и выполняемый при помощи хитрости, проворства, ловкости’ зафиксировано новое значение – ‘обманывать, хитрить’. Повтор-отзвучие «штучки-дрючки» ‘проделки, уловки, хитрости; отклонения, выверты’ развивает значение ‘мелкие предметы, вещи’. Употребление рифмованной единицы «шахер-махер» ‘мелкий изворотливый делец, плут и ловкач, умеющий обделать любое дело’ в конструкциях с отрицанием приводит к появлению нового значения – ‘о чём-либо важном, значительном’. Сдвиг в значении не наблюдается у повтора-отзвучия «шаляй-валяй».

Таким образом, повторы-отзвучия развивают новые значения: значение ‘о чём-либо важном’ выявлено в двух единицах – «фигли-мигли» и «шахер-махер»; значение ‘вещи, не представляющие ценность, безделушки’ зафиксировано в трёх лексических единицах – «шуры-муры», «фигли-мигли» и «штучки-дрючки».

ЛИТЕРАТУРА

1. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь: общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 276 с.
2. Изотов В. П., Панюшкин В. В. Неузальные способы словообразования: конспекты лекций к спецкурсу. Орёл: Изд-во ОГУ, 1997. 40 с.
3. Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996. 224 с.
4. Янко-Триницкая Н. А. *Штучки-дрючки* устной речи. Повторы-отзвучия // Русская речь. 1968. № 4. С. 48-52.

ПИМЕНОВА Марина Васильевна (*Владимир, Россия*)

доктор филологических наук, профессор
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
pimenova-vgrpu@yandex.ru

ТЕОРИЯ СИНТАГМАТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ПРОБЛЕМАМ ДИАХРОНИИ А. Б. КОПЕЛИОВИЧА И ИЗУЧЕНИЕ КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ

Аннотация. Статья посвящена лексико-семантической категории оценки, которую предложено изучать с опорой на теорию синтагматического подхода к проблемам диахронии, разработанную профессором Августом Борисовичем Копелиовичем. На материале древнерусских текстов рассматриваются минимальные оценочные единицы (синкретемы).

Ключевые слова: оценка, диахрония, синтагматический подход, синкретемы.

Abstract. The article is devoted to the lexical-semantic category of evaluation, which is proposed for research based on the theory of syntagmatic approach to the problems of diachrony, developed by Professor August Borisovich Kopeliovich. The minimum evaluation units (syncretemes) are being described on the material of ancient texts.

Keywords: evaluation, diachrony, syntagmatic approach, syncretemes.

В этом году исполняется 90 лет со дня рождения Августа Борисовича Копелиовича (14.12.1929 – 25.01.2015) – известного учёного и педагога, доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой русского языка ВГПУ (ныне – ВлГУ), заслуженного работника высшей школы Российской Федерации [16]. Среди разносторонних научных интересов профессора А. Б. Копелиовича особое место занимали вопросы диахронии категории грамматического рода в индоевропейских языках [3; 4; 5; 6], причем многие положения теории учёного, продолжающей лучшие отечественные лингвистические традиции, актуальны, как мы полагаем, для всех языковых уровней и в связи с этим могут быть применены при изучении истории лексико-семантических категорий (в частности, при изучении категории оценки).

Лексико-семантическая категория оценки отражает взаимоотношение объективной ценности (положительной или отрицательной значимости объектов окружающего мира для человека, образующейся в процессе общественно-исторической практики) и оценки как выражения основанного на социальных стереотипах субъективного отношения к ценности (отношения, базирующегося на стандартных представлениях того или иного идеала).

При изучении данной категории плодотворной, на наш взгляд, является последовательно отстаиваемая профессором А. Б. Копелиовичем мысль о том, что «проблемы диахронии грамматического рода [*и шире – проблемы диахронии большинства грамматических и лексико-семантических категорий – М.П.*] могут получить удовлетворительное разрешение лишь при условии их освещения в синтагматическом аспекте» [5: 109]. По мнению профессора А. Б. Копелиовича, «наименьшим фрагментом текста, который обеспечивает обнаружение или необнаружение средств выражения рода, является словосочетание», в связи с чем «минимальная единица рода имеет вид S + A» [6: 100].

Наш материал свидетельствует о том, что парадигматические (иерархические) отношения между языковыми единицами (в нашем ис-

следовании – между лексическими единицами, выражающими значение оценки) окончательно сформировались только в конце XVII – начале XVIII в. после появления семантического инварианта в виде слова-доминанты, выражающего родовое понятие. В донациональный период их заменяли синтагматические отношения между словоформами внутри минимальной единицы текста.

Необходимо отметить, что исследователи (В. О. Ключевский, А. С. Орлов, В. Мансикка, В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Гудзий, Б. А. Ларин, Д. С. Лихачев, И. П. Еремин, В. В. Виноградов, Н. А. Мещерский, О. В. Творогов, И. С. Улуханов, А. Н. Робинсон, Р. Пиккио, А. Г. Ломов, М. М. Копыленко, А. Т. Хроленко, О. Ф. Коновалова, В. Л. Архангельский, Г. А. Селиванов, Л. Я. Костючук, В. М. Загребин, В. В. Колесов, С. А. Аверина и др.) неоднократно обращались к изучению семантически единых единиц средневекового текста, используя самую разнообразную терминологию: *топос*, *loci communes*, *общие/типические места*, *заученное выражение*, *стереотипный/стилистический трафарет / шаблон*, *трафаретное выражение*, *группа*, *устойчивый словесный комплекс (УСК)*, *устойчивое словосочетание*, *словосочетание-клише*, *традиционное словосочетание-штамп*, *речевой штамп*, *словесное сращение*, *бином или блок*, *колон*, *период*, *синтаксема*, *поэтический фразеологизм*, *формула (повествовательная, литературная, стилистическая, стереотипная, постоянная, устойчивая, готовая, традиционная)* и др. Профессор А. Б. Копелиович по отношению к семантически несвободному сочетанию слов в древнем тексте использовал термин **синтагма** (греч. *σύνταγμα*, букв. 'вместе построенное, соединенное' – И. А. Бодуэн де Куртенэ, Л. В. Щерба), а также **атрибутивная/предикативная модель**: «...грамматический род представляет собой именную суперкатегорию, выражающуюся во взаимодействии субстантивных и адъективных (и восходящих к ним классов) имен в рамках атрибутивной (включая и предикативную) модели (синтагмы)» – *подчеркнуто нами* – М.П.) [5: 109]. Мы в своих работах для минимальной единицы древнерусского текста предлагаем использовать специальный термин – *синкретема*, входящий в следующий системный ряд: *синкретизм* (особенность архаичного мышления), *синкретсемия* (семасиоло-

гическая лексико-семантическая категория, predeterminedенная синкретизмом содержания или формы), *синкрета* (слово-этимон) [7: 33-71].

Основной семантической моделью, по которой в древнерусских текстах строятся выражающие оценку минимальные единицы текста, является *синтагма (синкретема)*, состоящая из двух компонентов: 1) синкретсемичное прилагательное в атрибутивной или в предикативной функции (указывающее на общий мелиоративный/пейоративный знак оценки); 2) имя существительное в творительном падеже отношения (выражающее основание частной оценки через соответствующие денотаты предметных имен): $A + S_5$ (см. также [11]).

Рассмотрим данную модель на конкретном материале.

В синтагмах, эксплицирующих мелиоративную эстетическую оценку ('красивый'), положительный знак оценки связан с синкретсемичными прилагательными в именной форме (в большинстве случаев – с прилагательными, обладающими корневыми элементами *крас-*, *добр-*, *лѣп-*), а основание оценки (с точки зрения эстетического идеала) «задается» стоящими в творительном падеже существительными *лицо*, *тело*, *вид*, *видение*, *образ*, *зрак*, *взор*, *подобие*, *обличье* и др.

Например: «*Бѣ тогда царь Костянтинъ, сынъ Леоновъ; и приде к нему Ольга, и видѣвъ ю добру сущю зѣло лицемъ и смыслену ...*» [8: 74]; «*сусана бѣше молода зѣло. и добра образомъ*». МПр XIV. 40; «*...повелѣ ... собрати оуноши добры взоро(м)*». ГБ XIV, 1406 [12 III: 21]; «*бѣ же Ростиславъ. мужь добръ на рать. возрастом же лѣпъ. и красенъ лицемъ ...*» [9: 155]; «*Въ она врѣмена бѣ црѣь именъмъ Ликини. бѣше же дѣщи емоу лѣпа и прѣлѣпа видѣниемъ и красна тѣлѣмъ*» [15: 135]; «*Внезапу же очютихъ теплоту нѣкаку, и отверзъ очи, видѣхъ нѣкоего уношу видѣниемъ велми красна*» [2: 99]; «(Феодулия) *красна лицем и добра видомъ зѣло*» [1: 20об.].

Негативная оценка внешности ('некрасивый', 'безобразный', 'уродливый') осуществляется при помощи синтагм аналогичной модели, в которых пейоративность predeterminedена синкретсемичными прилагательными с корневыми элементами *худ-*, *зъл-*, *черн-*. Например: «*Богъ единъ свѣсть помышленья чловѣчьская, бѣси же не свѣдаютъ ничтоже; суть бо немощни и худи взоромъ ...* "То каци суть бози ваши,

где живутъ?”. Онъ же рече: “В безднахъ. Суть же **образомъ черни, крилаты, хвосты имуще**”» [8: 192]; «Лоуче есть злоу быти **лицемъ негли оумомъ**». Мен. к. XIV, 184 [12 IV: 411].

Синтагмы данной модели продуктивны также при экспликации второго вида частной сублимированной оценки – этической оценки, характеризующей человека с точки зрения его соответствия/несоответствия морально-нравственному христианскому идеалу. Например: «**Бѣ же варагъ той пришелъ изъ Грекъ, и держаше вѣру хрестеянъску. И бѣ у него сынъ красень лицемъ и душею; на сего паде жребий по зависти дьяволи**» [8: 96]; «**Которых убо в мирѣ, тако свѣтлое и славное, чьсти достойное житие просиа и имя възрасте над человѣки! Красень бѣ взоромъ и чистъ душею ...**» [13: 222]. «**Бѣ же Изяславъ мужъ взоромъ красень и тѣломъ великъ, незлобивъ нравомъ, криваго ненавидѣ, любя правду**» [8: 214].

В отдельных случаях анализируемая модель употребляется при выражении частной психологической оценки – интеллектуальной оценки, характеризующей ментальную сферу деятельности человека. Например: «**Красень бѣ взоромъ и чистъ душею, съврѣшенъ разумомъ**» [13: 222]. «**Одѣяниемъ есмь скуденъ, но разумомъ обилень**». Сл. Дан. Зат. [14 III: 53].

В редких случаях при помощи подобной семантической модели эксплицируется эстетическая оценка неодушевленных объектов, например: «**мѣсто же то красно видениемъ и оустроено различными хороми**» [9: 908].

Иногда при указании на составляющие эстетический идеал детали внешности употребляется творительный социативный (общности), или сопроводительный падеж без предлога (позднее вытесненный творительным падежом с предлогом с), в котором, как отмечает А. А. Потебня, стоит существительное, обозначающее «предмет, сосуществующий с главным, несамостоятельный относительно этого последнего, но составляющий его часть или условие его бытия» [10: 435-437]. Например: «**Касандра низка, кругловатымъ лицемъ, чиста зѣло, мужескымъ творомъ**». Пов. о взят. Трои, Калайд., Ио. Экз., 182-3 [10: 435]; «**Бѣ же Мьстиславъ дебелъ тѣломъ, чермномъ лицемъ, великома очима,**

*храборъ на рати, милостивъ, любяше дружину повелику, имѣнья не щадяше, ни питья, ни ѣденья браняше» [9: 138]; «Тѣльмь бяше красьнъ, высокъ, **лицемь круглъмь**, плечи велицѣ, тѣнькъ въ чресла, **очима добраама, весель лицъмь» [15: 58].***

Представленный материал демонстрирует актуальность предложенной и разработанной профессором Августом Борисовичем Копелиовичем теории синтагматического подхода к проблемам диахронии не только по отношению к грамматической категории (*рода*), но и лексико-семантической – категории *оценки*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Житие преподобныя княжны Евфросинии Суздальския чудотворицы. Владимиро-Суздальский музей заповедник. № 546. 1785 г. 80 л.
2. Житие святого Андрея, Христа ради юродиваго // ВМЧ, октябрь, дни 1–5. СПб., 1870. Стлб. 80–237.
3. Копелиович А. Б. Именная категория лица в ее отношении к грамматическому роду. Владимир: ВГПУ, 1997. 96 с.
4. Копелиович А. Б. Очерки по истории грамматического рода. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1988. 120 с.
5. Копелиович А. Б. Происхождение и развитие индоевропейского рода в синтагматическом аспекте. Владимир: ВГПУ, 1995. 125 с.
6. Копелиович А. Б. Род и грамматика межсловных синтаксических связей. М.; Владимир: Институт языкознания РАН, ВГГУ, 2008. 147 с.
7. Пименова М. Вас. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб: Филологический факультет СПбГУ; Владимир: ВГПУ, 2007. 415 с. (Филологические исследования).
8. Повесть временных лет / Подгот. текста и коммент. О. В. Творогова // Памятники литературы Древней Руси (ПЛДР). Начало русской литературы. XI – нач. XII века. М.: Художественная литература, 1978. С. 23-277.
9. Полное собрание русских летописей: в 2 т. М.: Наука, 1962. Т. II.
10. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М.: Учпедгиз, 1958. 536 с.
11. Рыкин Е. Ю. Сочетания с творительным ограничением как средство выражения оценки в древнерусском тексте: дис. ... канд. филол. наук. Владимир, 2014. 196 с.
12. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.: в 10 т. / Гл. ред. Р. И. Аванесов. М.: Русский язык, 1990. Т. III, 1991. Т. IV.
13. Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русаго / Подгот. текста, пер. и коммент. М. А. Салминой // ПЛДР. XIV – сер. XV в. М.: Художественная литература, 1981. С. 208-229.
14. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. и доп. М.: Знак, 2003. Т. III.
15. Успенский сборник XII-XIII вв. / Под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1971. 754 с.
16. Фурашов В. И. К 85-летию со дня рождения профессора А. Б. Копелиовича // Языковые категории и единицы: сб. научных статей к 85-летию профессора Августа Борисовича Копелиовича. Владимир: Транзит–ИКС, 2014. С. 5–13.

ПЛИСОВ Евгений Владимирович (*Нижний Новгород, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Нижегородский государственный педагогический университет
имени Козьмы Минина
e_plissov@mail.ru

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ИУДЕЙСКОЙ ЛЕКСИКИ (на материале немецкого толкового словаря)

Аннотация. В статье анализируются особенности лексикографического описания иудейской лексики в современном немецком толковом словаре, осуществляется ее тематическая дифференциация. Устанавливаются причины преобладания отдельных семантических микрополей иудейской лексики, а также взаимодействие теологической и антропологической сфер.

Ключевые слова: религиозная лексика; иудейский религиолект; иудейская лексика; тематическое поле; иудаизм.

Abstract. The article analyzes the peculiarities of the lexicographic description of Jewish vocabulary in the modern German explanatory dictionary and its thematic differentiation. The reasons for the predominance of individual semantic microfields of Jewish vocabulary are established, and interaction of theological and anthropological spheres.

Keywords: religious vocabulary; Jewish religiolect; Jewish vocabulary; thematic field; Judaism.

Лексика из области иудаизма рассматривается в немецкой лингвистике чаще всего в лексикологических работах в контексте заимствований из иврита и идиша и не является предметом самостоятельного исследования. В качестве исключения следует указать работу В. Вейнберга [11], в которой он рассматривает лексику иудеев ашкеназской традиции. В словарь включены языковые единицы (ЯЕ), которые автор относит к религиозному вокабуляру еврейского немецкого, выделяя среди них немецкие слова с (дополнительным) иудейско-религиозным компонентом значения. В ряде исследований анализируется взаимодействие иврита и идиша с диалектами немецкого языка [9; 10]. Отмечается региональная произносительная вариативность одних и тех же литургических текстов среди носителей идиша на территории Германии, а также функционально-стилистическая вариативность: одни и те же слова произносятся по-разному во время богослужения и в повседневной жизни. В результате устанавливается сложная система взаимодействия вариантных форм двух языков [8: 28]. Особенности организации отдельного религиолекта в структуре современного немецкоязычного религиозного дискурса были описаны ранее [4; 5; 6]. Цель настоя-

щей работы заключается в выявлении специфики лексикографического описания иудейской лексики и ее тематической дифференциации.

В современной немецкой лексикографии [7] принадлежность ЯЕ к иудейскому религиолекту находит свое отражение в системе словарных помет и дефиниций. Для маркировки принадлежности к иудаизму в словаре используются две пометы *jüdische Religion* и *israelitische Religion* (20 ЯЕ). Большинство помет сопровождает основное значение имен существительных, они обозначают специфические реалии иудейской культуры, отсутствовавшие ранее в немецком языке и культуре. Большая часть этого корпуса заимствована из иврита, в том числе посредством идиша. Второй группой ЯЕ являются лексемы, содержащие религиозно релевантную информацию в своей дефиниции (28 ЯЕ), например: *Bar-Mizwa*, *Bethaus*, *JomKippur*, *Jude* и др.

Анализ позволяет распределить ЯЕ на три тематических области (микрополя): сфера существования Бога, сфера существования верующего человека, сфера осуществления богослужения. Несмотря на небольшой по объему корпус, в нем представлены ЯЕ всех групп. Микрополе «Сфера существования Бога» представляет собой ядро сферы иудейской религиозности и противопоставляется периферийному микрополю «Сфера существования верующего человека». Третье микрополе «Сфера осуществления богослужения», объединяя различные проявления религиозности, включает обозначения форм, элементов, места проведения, атрибутику богослужения, образует связующее звено между сферой Бога и сферой человека. В тематической классификации проявляется принцип системности как структурно-семантическое свойство лексико-семантической группы [2].

В микрополе «Сфера существования Бога» отсутствует тематическая группа (ТГ) «Наименования Бога». Отчасти это может быть связано и с запретом на прямое именование Бога в иудейской традиции [1], вместо имени Бога чаще всего используются метонимические теонимы. В данном микрополе выделяются следующие ТГ: наименования Священного Писания как источника, свидетельствующего о существовании Бога (*Bibel*, *Thora*), священных книг и их компонентов, в том числе носящих

статус религиозного закона (*Parasche*); наименования посланников Бога (*Immanuel*); наименования основателя религии (*Moses*).

Микрополе «Сфера существования верующего человека» включает следующие ТГ: наименования верующего народа, человека (*das auserwählte Volk, Jude*); наименования общих понятий, связанных с верой в Бога, религиозных течений (*Judentum, Kabbala* и др.); наименования атрибутов повседневной жизни верующего человека (*rein, treife*); наименования действий и состояний верующего человека (*Mitzwa*); наименования элементов иудейского календаря – праздников, памятных дат (*²Bar-Mizwa, Passah, Purim, Sabbath*); наименования символов и атрибутов религиозной принадлежности (*Davidstern*).

Микрополе «Сфера осуществления богослужения» включает следующие ТГ: наименования форм и элементов богослужения, а также (священных) предметов, связанных с ним (*Kaddischi* др.); наименования мест совершения богослужения и их элементов (*Synagoge*); наименования лиц, имеющих отношение к совершению богослужения и передаче религиозного учения (*Levit, Rabbiner, Schammes*).

Включение в словарь ЯЕ, обозначающих иудейские реалии, зависит от экстралингвистических и лингвистических факторов. Национальная замкнутость иудейского религиозного сообщества влияет на актуализацию тех или иных понятий в инокультурном окружении, частоту и степень их представленности в публичной сфере. Относительно небольшое количество ЯЕ в этих ТГ связано с тем, что иудейские референты давно знакомы немецкоязычному лингвокультурному сообществу и некоторые из них были христианизированы (например, *Bibel* из первого микрополя или *hosianna, Halleluja* и другие, которые сопровождаются в словаре в первую очередь или исключительно маркерами христианского религиолекта). Вместе с тем, в анализируемом корпусе ЯЕ заметно выделяется ТГ «Наименования элементов иудейского календаря» (12 ЯЕ), что связано с развитой обрядовой стороной жизни иудейской общины. Часть ЯЕ сопровождается комбинаторными пометами, которые указывают на возможность использования лексемы в различных религиозных средах с одним и тем же значением (например, *Immanuel, Levit* или *Moses / Mose*). Другая группа лексем указывает на семантическую

производность с дальнейшей религиолектной окраской (*Allerheiligste, Bibel*), при этом в качестве первого лексико-семантического варианта приводятся значения, реализуемые лексемами в христианском религиолекте как субъязыке большего радиуса действия и большей частотности. Продуктивность этих ЯЕ подтверждается наличием и других вариантов и микровариантов значения, в том числе не связанных с религиозной сферой, эти номинации обладают аксиологическим потенциалом для современных носителей языка [3]. Осуществленное тематическое моделирование иудейской лексики указывает на тесное взаимодействие теологического и антропологического в ее семантической организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурмистров К. Ю., Эндель М. И. О божественных именах в еврейском мистицизме // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2014. № 6(56). С. 55-71.
2. Зинцова Ю. Н., Орлова О. А. Принцип системности как структурно-семантическое свойство текста и лексико-семантической группы // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 3. С. 75-79.
3. Павлов С. Г. Лингвоаксиологическая модель человека: научно-методический аспект // Вестник Мининского университета. 2013. № 2(2). С. 8.
4. Плисов Е. В. Буддийский религиолект в структуре немецкого религиозного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11-2 (77). С. 138-141.
5. Плисов Е. В. Исламский религиолект в структуре немецкого религиозного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 2-2 (68). С. 166-169.
6. Современный религиозный дискурс: структура, стратегии, трансформации: Коллективная монография / Под общ. ред. Е.В. Плисова. Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2015. 210 с.
7. Duden. Deutsches Universalwörterbuch [Электронный ресурс]. Mannheim: Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus AG, 2001. CD-Rom. Version 3.0.
8. Fleischer J. Westjiddisch in der Schweiz und Südwestdeutschland: Tonaufnahmen und Texte zum Surbtaler und Hegauer Jiddisch. Berlin; Boston: De Gruyter, 2005. 327 S.
9. Jiddisch im Rheinland: auf den Spuren der Sprachen der Juden / Hrsg. von M. Grübel und P. Honnen. Essen: Klartext, 2014. 191 S.
10. Klepsch A. Westjiddisches Wörterbuch: Auf der Basis dialektologischer Erhebungen in Mittelfranken. 2 Bde. Berlin; Boston: De Gruyter, 2004.
11. Weinberg B. Lexikon zum religiösen Wortschatz und Brauchtum der deutschen Juden. Stuttgart-Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog, 1994. 356 S.

ПОЗЕРТ Ирина Николаевна (Москва, Россия)

кандидат филологических наук, доцент
Московский педагогический государственный университет
ipozert@gmail.com

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ/НЕСОЧЕТАЕМОСТЬ И ПРЕДСКАЗАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СИНТАГМАТИКИ В КОНТЕКСТАХ РАЗНОГО ТИПА

Аннотация. В статье рассматриваются словосочетания с реализованной, валентной и ненормативной лексической сочетаемостью. Показывается их связь с нормами разного типа. Кроме того, анализируется взаимосвязь и взаимообусловленность характера лексической синтагматики и типа контекста по стилю и жанру, по интенции автора. Делаются выводы о разных степенях и типах немотивированной и мотивированной лексической и семантической несочетаемости.

Ключевые слова: лексическая сочетаемость/несочетаемость; системно-языковая и функционально-стилевая норма; стилизация нейтральная, комическая и сатирическая; контекст; жанр; пародия; установка автора.

Abstract. The article discusses phrases with realized, valence and non-standard lexical compatibility. Their connection with the norms of different types is shown. In addition, the interrelation and interdependence of the nature of lexical syntagmatics and the type of context by style and genre, by the author's intention are analyzed. Conclusions are drawn about different degrees and types of unmotivated and motivated lexical and semantic incompatibility.

Keywords: lexical compatibility / incompatibility; system language and functional style norms; stylization neutral, comic and satirical; context; genre; parody; installation of the author.

При решении практического вопроса о лексической сочетаемости/несочетаемости компонентов синтагмы или словосочетания необходимо помнить о двух типах норм русского языка – общелитературных (системно-языковых) и стилистических (функционально-стилевых). Реализованная сочетаемость и валентность связаны с динамическим характером нормы, её творческим началом, которое состоит в том, что понятие нормы не ограничивается реализованной частью, оно включает и потенциальную.

С точки зрения языковой нормы, а именно лексической, и законов лексической синтагматики современного русского литературного языка нельзя сказать «*тёмно-коричневые глаза*», а нормативно «*карие глаза*». Одно слово (точнее ЛСВ) не хочет быть «соседом неположенного» слова (ЛСВ). Лексическая несочетаемость с точки зрения языковой нормы – ошибка, а в аспекте стилистической нормы – приём, если она

преднамеренна. Так, с точки зрения стилистической нормы художественного стиля лексически несочетаемое *карий голубь* не является ошибкой, а становится приёмом – индивидуально-авторским эпитетом:

Вид поля печальный и голый.

Вид леса уныло-нагой.

На крыше одной – белый *голубь*,

И *карий* – на крыше другой.

(И.Северянин. Осенняя палитра)

Стилистически нормативным является то, что оказывается стилистически уместным для данной сферы общения, функционального стиля, жанра лирической речи (ср. мнение о том, что «узуально-стилевая норма – это в некотором смысле антинорма». – Т.Г.Винокур). Одной из главных примет художественного стиля, по мнению многих специалистов (Л.Ю.Максимова, М.В.Панова, М.Н.Кожинной, Н.А.Николиной и др.), является «индивидуальность выражения», неповторимость творческой манеры автора.

Рассмотрим в связи с критерием типа нормы характер синтагматических отношений в словосочетании. Если в словосочетании *чистое золото* стилистически общеупотребительный контекст выявляет нормативную лексическую сочетаемость слов (ЛСВ), то в словосочетаниях *желтое золото* (о желтом драгоценном металле) и *золотистое золото* (о нём же) мы отмечаем нарушение лексической сочетаемости, то есть лексические, а точнее лексико-стилистические ошибки: в первом соответственно плеоназм, а во втором – тавтологию. Причём степень лексической несочетаемости может быть различной: 1) от явной, очевидной (*огромный столик, счастливая година*), так как выражения нелепы с точки зрения логики жизни, предметной и понятийной алогичности; 2) к менее заметной (*увеличить уровень, завести традицию*), которая является нарушением лексической нормы – лексической сочетаемости; наконец, до такой, которая на первый взгляд кажется избыточной – плеонастической, а в действительности уточняет и дополняет понятия: *реальная действительность, информационное сообщение, практический опыт* и под., - которые считаются соответствующими языковой норме.

В следующих необычных по сочетаемости синтагмах: *чёрное золото* (о нефти или угле), *белое золото* (о хлопке, сахаре или соли), *голубое золото* (о газе или водных ресурсах), *зеленое золото* (о лесе как богатстве), *мягкое золото* (о ценных мехах пушных зверей) – в перифразах, построенных на метафорическом употреблении слова *золото* и употребленных в газетном контексте публицистической речи, мы квалифицируем такую лексическую сочетаемость как приём, когда-то необычный и свежий, а сегодня – стереотипный, поэтому предсказуемый, превратившийся в штамп и перенесённый В.Войновичем в контекст жанра пародийной речи: «Особое место занимало у него (Бориса Евгеньевича Ермолкина, «старого газетного волка», – И.П.) в словаре слово «золото». Золотом называлось всё, что возможно. Уголь и нефть – чёрное золото. Хлопок – белое золото. Газ – голубое золото. Говорят, однажды ему попала заметка о старателях, добытчиках золота, он вернул заметку ответственному секретарю с вопросом, какое именно золото имеется в виду. Тот ответил: обыкновенное. Так потом и было написано в газете: добытчики золота обыкновенного» (В.Войнович «Претендент на престол»).

Таким образом, «золото обыкновенное» в данной пародии или «невидимое золото» (о воздухе) и т.п. в других пародиях с таким «механическим» характером лексической сочетаемости сигнализируют о совершенно другом типе контекста – жанра сатирической речи, то есть пародии. Следовательно, в свою очередь характер и степень лексической сочетаемости и тип контекста по жанру взаимосвязаны и взаимообусловлены:

1) в контексте общелитературном – *белая береза, лазурное море, черногривый конь* и под.;

2) в контексте стилизованной по типу речи, например народно-поэтической, фольклорной – *белая заря, головушка победная, пташечка плакучая* – о кукушке; когда есть установка на имитацию, создание реалистического образа;

3) в жанре юмористической речи, например комической стилизации, – *нецензурная погода* (А.П.Чехов, из письма В.М.Лаврову), когда есть установка на комический эффект;

4) в жанре сатирической речи, например в дискредитирующей пародии – «Крейсеры англичан в 1811 году показались в Белом море, с *набожным намерением разграбить* Соловецкий монастырь» (А.Бестужев-Марлинский), когда есть установка на осмеяние изображаемого объекта.

В последнем примере опорой сатирического контекста является алогизм соединения определений *набожный* (согласованного) и *разграбить* (несогласованного) по отношению к определяемому слову *намерение*. Это подсказывает читателю, что у А.Бестужева-Марлинского *набожный* использовано в обратном буквальном смысле, то есть перед нами такой приём, как антифразис, или ирония, а его опорой является «алогичный контекст». Другими словами, здесь намеренная (мотивированная) лексическая несочетаемость компонентов синтагмы.

Контекст, утрирующий какое-либо языковое явление, то есть тиражирующий нарушение лексической несочетаемости, сигнализирует о её превращении в приём, например, в пародийных жанрах. Контекст с установкой на осмеяние лексико-стилистической ошибки (недочёта), а именно, тавтологического словосочетания, похожего на знаменитое «масло масляное», допускает настолько очевидные и предсказуемые тавтологии, что необходимо конкретизировать на данном материале понятие приёма – намеренного нарушения нормы лексической или семантической сочетаемости. Приведем четверостишие из стихотворения Владимира Сидорова, ставшее объектом пародирования:

С какою *глиняною глиной*
Сегодня встретился мне МАЗ!
Не знаю, как на алюминий,
А на горшки бы в самый раз.

Тавтологическое сочетание *глиняная глина* у В.Сидорова пародируется Александром Матюшкным-Герке в жанре сатирической речи:

Поила старая старушка
Меня молочным молоком,
И я глотал глотки из кружки,
Языча губы языком.
Затем буханку с хлебным хлебом
И маслом масляным сжевал,
А после под небесным небом

Про это рифмы рифмовал.
Смеялась бабка как чумная,
Потом сказала, щуря глаз:
«Как для издательства, не знаю,
А для пародий – в самый раз!»

С одной стороны, можно говорить о предсказуемости (валентности) таких нарушений лексической сочетаемости, как тавтологическое выражение в сатирическом жанре пародии: *глиняная глина* → *старая старушка, молочное молоко, хлебный хлеб, масло масляное, небесное небо* и др.

С другой стороны, заметен неучёт пародистом существования различных норм для практической речи и поэтического языка. В практике филологического анализа пародии встречаются случаи недостаточной лингвистической основательности для пародирования. В контексте стихотворения Владимира Сидорова словосочетание *глиняная глина* является приёмом, но не юмористического или сатирического жанра, а лирического. С эстетико-коммуникативной точки зрения, в аспекте художественно-образной речевой конкретизации относительное прилагательное *глиняная* в этом словосочетании окачествляется (ср.: «эта *глина глинянее* той»), превращается в тавтологический эпитет (термин А.Н.Веселовского), характерный для фольклора (ср.: *молодые молодушки, старые старушки* – из текстов русских народных песен) и стилизованных под фольклор текстов (см.: Ох ты, горе горькое! Скука скучная, Смертная! – у А.Блока). Корневой повтор в этом словосочетании и контекст усиливают экспрессивность и актуализируют следующие семы: 1) употребляется для изготовления гончарных изделий (горшков); 2) тестообразная масса. Для филолога (специалиста) превращается даже в этимологическую фигуру, вызывающую ассоциации: «нечто клейкое, липкое, скользкое» и «печь, жар, гореть, горн, очаг» и т.п. Следовательно, необходимо разграничивать приём-1 (нейтральная стилизация в лирической по жанру речи) и у пародиста приём-2 (комическая стилизация или сатирическая). И если в лирической поэзии преобладают необычные, иногда – алогичные и парадоксальные по синтагматике словосочетания креативного характера (*колючие звезды* – у К.Паустовского, *лебяжий снег, горячий снег* – у Ю.Бондарева, *влажный трепет (рыб), тоска*

веселая – у С.Есенина, вечное мгновение – у А.Блока, золотая лень – у О.Мандельштама, благоустроенные слова – у И.Елагина и др.), то в жанрах сатирической речи преобладают «механические», иногда – абсурдные, дискредитирующие и искажающие объект осмеяния словосочетания (*дверь домовья*, *язный грешник*, *навалистый народ*, *песнепьяные торжества*, *экстазный раж*, *глухоманистый дед*, *парфюмерно-неземной Северянин* и под.).

Итак, реализованная сочетаемость, валентность и лексическая несочетаемость связаны с понятиями общелитературной (системно-языковой) и стилистической (функционально-стилевой) нормы. Кроме того, наблюдается взаимосвязь и взаимообусловленность характера лексической синтагматики и типа контекста, соответствующего разным стилям и жанрам, а следовательно – интенциям автора. Проанализированный материал позволяет сделать выводы о разных степенях и типах немотивированной и мотивированной лексической несочетаемости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Вопросы изучения словосочетаний // Исследования по русской грамматике. М., 1975.
2. Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. – М., 1980.
3. Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. 1971. М., 1972.
4. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. М., 2008. С.149-170.
5. Лекант П.А. Парадигматика и синтагматика имён времени // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Владимир: ВлГУ, 2015. С. 285-294.
6. Максимов Л.Ю. Литературный язык и язык художественной литературы // Анализ художественного текста. М., 1975. С.15.
7. Николина Н.А. Филологический анализ текста. – М. 2003. – 256 с.
8. Пименова М.Вас. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // ВЯ. 2011. №3. С. 19-48.
9. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале рус. языка): Дис. ... докт. филол. наук. М., 1969. С.253.

**ПОЛЯКОВА Светлана Александровна,
ШАТАЛОВА Ольга Васильевна (Липецк, Россия)**

магистрант
доктор филологических наук, доцент
Липецкий государственный педагогический университет
имени Петра Петровича Семёнова-Тян-Шанского
swetlana.poliak2015@yandex.ru

**К ВОПРОСУ О ГРАММАТИЧЕСКОЙ И СТИЛИСТИЧЕСКОЙ
СПЕЦИФИКЕ ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
В ПРОГРАММЕ ШКОЛЫ**

Аннотация. В статье делается попытка на основе анализа грамматических и функционально-прагматических свойств охарактеризовать коммуникативные и эмоционально-эстетические возможности односоставного предложения определенно-личного типа как объекта изучения в школе.

Ключевые слова: синтаксис, односоставное предложение, определенно-личное предложение.

Abstract. The article attempts, based on the analysis of grammatical and functional-pragmatic properties, to characterize the communicative and emotional-aesthetic possibilities of a one-sentence sentence of a definite personal type as an object of study in school.

Keywords: syntax, one-part sentence, a definite-personal sentence.

Проблема формально-грамматической классификации предложения, в частности с опорой на принцип типа грамматической основы, остается актуальной как в лингвистической науке, так и в методике преподавания русского языка. Структурно-семантические параметры предложения определяют традиционное для современной грамматики и методики разделение на односоставные и двусоставные предложения. Формально-количественное отличие односоставных – наличие одного главного члена – не делает их информативно недостаточными, хотя статус самостоятельной синтаксической единицы они приобрели совсем недавно, что, возможно, связано с их неоднозначным положением в истории лингвистики. Так, представители логического направления: А. Х. Востоков, Ф. И. Буслаев, Н. И. Греч – определяли односоставные предложения как неполные. Сторонники психологического подхода: А. А. Потебня, Д. Н. Овсяннико-Куликовский – основным признаком считали сказуемость, основываясь на убеждении о невозможности построе-

ния предложения без глагола. Идею наличия одного главного члена в односоставном предложении поддерживал А. А. Шахматов, описавший шесть типов. А. М. Пешковский односоставные предложения характеризовал как специфический тип русского предложения, дифференцируя их на безличные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, номинативные и инфинитивные. Этот подход в своей основе был признан современной дидактикой и методикой преподавания русского языка, хотя в его классификации отсутствуют как отдельный вид определенно-личные предложения – по статистическим данным как раз один из наиболее распространенных типов в художественных текстах и в разговорной речи.

В канонической научно-методической парадигме вопрос о выделении односоставных предложений в качестве самостоятельной категории еще не решен (см. исследования Т. Г. Почтенной, А. А. Юдина, Е. А. Седельникова, А. Г. Руднева, В. В. Бабайцевой и др.) [1; 3; 4; 5; 6]. Это актуализирует необходимость их четкой характеристики – не только грамматической, но и стилистической, в том числе в соответствии с требованиями преподавания синтаксиса в курсе средней школы, поскольку структурно-семантический подход способствует прояснению коммуникативных возможностей предложения [7]. Определенно-личные предложения используются в основном в разговорной речи и в художественных текстах, следовательно, в задачи обучения входит осознанное восприятие определенно-личных предложений в речи классиков для успешного использования данных конструкций в личной коммуникации. Однако если в разговорной речи их употребление обусловлено критерием экономии языковых средств, что компенсируется невербальными аспектами устного общения, то прагматика односоставных предложений в рамках художественного текста более широка и разнообразна.

Спрягаемая форма глагола (грамматически – форма 1 / 2 лица, ед. / мн. числа), консолидируя в себе одновременно указание на действие и на лицо – субъект действия, придают речи, во-первых, лаконизм и динамичность: *Люблю грозу в начале мая; Люблю тебя, Петра творенье, / Люблю твой строгий, стройный вид...; Еду ли ночью по улице темной, / Бури заслушаюсь в пасмурный день...* (Обращение к каноническим

примерам русской классики позволяет нам акцентировать межпредметные связи при преподавании дисциплин гуманитарного цикла: знакомые из курса литературы строки, перманентно также присутствующие в культурном русскоязычном пространстве, способствуют освоению стилистического и коммуникативно-прагматического потенциала определенно-личного предложения).

Во-вторых, материальное отсутствие номинатива, указывающего на субъект речи и его собеседника, способствует созданию неформальной ситуации общения, когда читатель своеобразно «вовлекается» в повествовательную картину, становится соучастником происходящего: *Всё ли нас, бедных, добром поминаете / Или забыли давно?; Стою один среди равнины голой, / А журавлей относит ветер в даль...* Особенно действен данный прием при оформлении односоставного предложения в виде риторического вопроса, который усиливает иллюзию беседы с читателем: *Жду ль чего? жалею ли о чём?*

В-третьих, отсутствие речевых повторов (местоименных), делает речь более выразительной эмоционально: *Милый крот, слепой рабочий! / Выбирай темнее ночи, / Берегись сверканий дня!* (В. Брюсов) – и акцентирует призыв к действию, совет, призыв: *Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык... / Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием.*

Лингвисты неоднократно отмечали преимущество определенно-личных предложений: указание лица в двусоставных предложениях придает речи более спокойный тон, делает ее, по выражению А. М. Пешковского, «более вялой, разжиженной» [2], а современный человек испытывает необходимость владения навыком динамичного речетворчества, в том числе путем использования определенно-личных предложений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В. В. Односоставные предложения в современном русском языке. М., 1968.
2. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
3. Почтенная Т. Г. К вопросу об односоставных предложениях // Русский язык в школе. 1956. № 2.
4. Руднев А. Г. Синтаксис простого предложения. М., 1960.
5. Седельников Е. А. Структура простого предложения с точки зрения синтагматических и парадигматических отношений // ФН. 1961. № 3.

6. Юдин А. А. К вопросу об односоставных предложениях в современном русском языке // Уч. зап. Кемеровского пединститута. Вып. 1. 1956.

7. Шаталова О. В. Структурно-семантический подход к изучению синтаксиса русского языка в современной научной парадигме // Вторые Щеулинские чтения. Мат-лы Всерос. науч. конф. Липецк: ЛГПУ, 2018. С. 44-50.

ПОПОВА Любовь Александровна (*Уфа, Россия*)

старший преподаватель
Башкирский государственный университет
lyakimovich@yandex.ru

ВОЗДЕЙСТВУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация. Статья посвящена анализу ключевых слов современности с точки зрения воздействующего потенциала, который проявляется в их способности влиять на формирование мнений, ориентиров, аксиологических приоритетов общества. Приводятся примеры и признаки таких слов.

Ключевые слова: ключевое слово современности, воздействующий потенциал, концепт

Abstract. The article is devoted to the analysis of the Keywords of modern times considering their potential of linguistic manipulation, that is their ability to influence on formation of different views, milestones, axiological priorities of society. Examples and signs of such words are given.

Keywords: Keywords of modern times, linguistic manipulation, concept

Ключевые слова современности – лексемы, которые обозначают явления и понятия, находящиеся в фокусе социального внимания. Кроме непосредственной номинативной функции, такие слова выполняют особую функцию – выступают в качестве ключа к некоторой ментальной сфере, фиксируя существенные свойства общественного сознания.

Одна из главных отличительных черт ключевых слов современности (термин «ключевое слово современности» можно поставить в один ряд с терминами «слово-хронофакт» [1], «ключевое слово текущего момента» [2], «модное слово» [3] и т. д.) – оформление их в статус концептуальных единиц, формирующих и трансформирующих миропонимание, ценности и взгляды людей нашего времени. Т. е. о ключевых словах современности можно говорить как о концептах, поскольку значение ключевых слов современности представляет собой уже целый комплекс знаний, понятий, переживаний, ассоциаций и не может быть объяснено обычным словарным определением.

Ключевое слово современности – важная категория в антропоцентрической парадигме научного знания с ее стремлением учесть эмоции, чувства, предпочтения и т. п. говорящего человека.

Приведем примеры лексем, которые, по нашему мнению, можно отнести к категории ключевых слов современности (начала XXI века): *дизайн, интернет, качество, кредит, лайфхак, менеджер, пользователь, проект, продукт, результат, решение, услуга, фитнес* и др. Конечно, данный список нельзя считать исчерпывающим, поскольку категория таких слов открыта для пополнения. Отметим, что периодически предпринимаются попытки составления перечня подобных слов. Так, например, существует «Словарь модных слов» В. Новикова, где автор собрал слова, «задевающие за живое, располагающие к спору и о языке, и об актуальных нравственно-социальных проблемах» [4]. Другим примером составления списка подобных слов можно назвать акцию «Слово года», цель которой – выявление актуальных и значимых слов уходящего года [5].

Воздействующий потенциал ключевых слов современности обусловлен рядом их признаков. Будучи активно употребляемыми в разных типах контекста, такие слова приобретают дополнительные оттенки семантики, претерпевают модификацию синонимических и антонимических отношений (в том числе расширяют свое значение), зачастую начинают функционировать в составе метафор, проявляют словообразовательную активность. Особенность ключевых слов современности, наиболее тесным образом связанная с функцией воздействия, – это появление коннотаций, переход слова в статус концепта, «единицы мыслительного кода» современного человека, которая определяет особенности его мировоззрения и поведения. По нашим наблюдениям, ключевые слова современности, с одной стороны, отражают взгляды, оценки, идеологические установки конкретного времени, а с другой – формируют их (в определенный момент они сами начинают влиять на формирование мнений, ориентиров, аксиологических приоритетов общества).

Появление коннотаций, приобретение словом статуса концептуальной единицы во многом объясняют широкое использование ключевых слов современности в языковом пространстве СМИ (при этом СМИ

играют большую роль и в процессе становления ключевых слов современности). Здесь можно говорить о целенаправленном формировании общественного мнения, поскольку ключевое слово современности способно вызывать определенный набор ассоциаций, образов. Например, в предложениях *Фитнес – это образ жизни, позволяющий сохранить и укрепить здоровье, уравновешивать эмоциональное состояние, совершенствовать физическую форму; Фитнес – это стиль жизни* [6] значение слова *фитнес* можно описать как некую идею, взгляд на жизнь, улучшение качества жизни, а не только и не столько как вид спорта.

Изучая воздействующую функцию ключевых слов современности, интересно посмотреть на них и с другого ракурса: в некоторых контекстах они имеют размытую семантику, что сближает их со «словами-амебами» и «словами-мифогенами» [7]. Например, в современном употреблении слова *проект* мы можем наблюдать новое расширительное значение «нечто законченное, выделенное из ряда других, обладающее определенным планом, внутренней структурой и логикой, направленное на решение определенной цели, коллективное и многоактное по своему осуществлению». Т. е. сегодня слово *проект* может быть вписано практически в любой повседневный контекст (например: *Пополняя этот каталог интересных сайтов, стоит упомянуть один музыкальный проект; Мировой футбол – слишком дорогостоящий коммерческий проект, чтобы допускать к нему чужаков* [6]). Та же ситуация наблюдается и в функционировании слова *менеджер*. Расплывчатость и семантическая опустошенность в данном случае являются неотъемлемой частью речевого воздействия или манипулирования.

Мы видим, что воздействующий потенциал, которым обладают ключевые слова современности, обусловлен их признаками и может иметь различные формы проявлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фомина З. Е. Слова-хронофакты в языке политических текстов // Язык и эмоции. М., 1999. С. 207–215.
2. Шмелева Т. В. Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика. Вып. 2(28). Екатеринбург, 2009. С. 63–67.
3. Журавлева Н. Г. Феномен «модного» слова: лингвопрагматический аспект: автореф. дис. канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2010. 18 с.
4. Новиков В. Словарь модных слов. М.: АСТ-Пресс Книга, 2011. 256 с.

5. Названы главные русские слова 2017 года // Год литературы. 2018. URL: <https://godliteratury.ru/events/renovaciya-bitkoin-i-khayp> (дата обращения: 18.10.2018).

6. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 24.08.2018).

7. Бизюков Н. В. Манипулятивный потенциал слова-мифогена «модернизация» (на примере публицистического дискурса) // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева, 2015. № 1(31). С. 184–188.

ПОПОВА Татьяна Витальевна (Екатеринбург, Россия)

доктор филологических наук, профессор
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Бориса Николаевича Ельцина
popovaty@mail.ru

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СИНКРЕТИЧНОСТЬ РУССКОГО ГРАФИКСАТА

Аннотация. Активизация гибридизации русских окказиональных слов во многих сферах русской речи на рубеже XX – XXI вв. обусловила актуальность их разно-стороннего изучения. Русские графиксаты совмещают в себе элементы разных кодовых систем: буквы и цифры / картинки / знаки интернет-языка, разные цвета, шрифты и т.п., что свидетельствует о синкретизме их структуры, семантики, особенностей восприятия и дешифровки, необходимости актуализации их синтагматических и парадигматических связей при декодировании.

Ключевые слова: лексические окказионализмы, слова-гибриды, графиксаты, креолизованные слова, синкретизм их семантики, структуры, функционально-прагматической нагрузки.

Abstract. The intensification of the hybridization of Russian occasional words in many areas of the Russian language at the turn of the XX - XXI centuries led to the relevance of their diverse study. Russian graphic artists combine elements of different code systems: letters and numbers / pictures / signs of the Internet language, different colors, fonts, etc., which indicates syncretism of their structure, semantics, features of perception and decryption, the need to update their syntagmatic and paradigmatic relationships when decoding.

Keywords: lexical occasional words, hybrids, graphics, creolized words, syncretism of their semantics, structure, functional and pragmatic load.

В последние десятилетия значительно вырос интерес современной лингвистики к окказиональным синкретичным единицам письменной коммуникации, появление которых обусловлено активизацией графо-орфографических игр со словом. В современных текстах разных жанров, стилей и назначения широко используются слова, подобные следующим: *Web-издания, PR-компания, PR-ход, DVD-плеер, IBM-подобный, flash-баннеры, CD-ROMный, RECORDные новости, Re-акция, Re-форма* и под.

Такие гибридные образования называют по-разному: гибридные слова, слова-кентавры, креолизованные слова, символ-слова, графиксаты, графодериваты и др. Данные термины (*гибриды, кентавры, креолизованные слова*) свидетельствуют о явной структурной синкретичности лексических окказионализмов, в составе которых совмещены графические элементы разных языков, элементы вербальных и невербальных знаковых систем: буквы и цифры / картинки / знаки интернет-языка, разные цвета, шрифты и т. п.

О синкретичности этих образований свидетельствует и отсутствие в современной лингвистической литературе единой точки зрения относительно уровневой соотнесенности подобных образований. По мнению современных лингвистов, графиксаты – это новые производные слова (Д. В. Гугунава, В. П. Изотов, С. В. Ильясова, Е. В. Маринова, Т. В. Попова, Л. В. Рацибурская и др.); поле графически модифицированных единиц словного и текстуального уровней (подробнее см. [5: 191–198]); окказиональные графические варианты узуальных слов (В. Н. Немченко, Г. А. Иванова [3: 106–109]).

Максимальна вербальность и очевидная неодеривативность таких графиксатов, как *КАСИНО, ИМПОРТЕНЦИЯ* («АиФ», 36, 2007), «*Победила СПеСь*» («Известия», 6.04.2000), *(бес)порядок, (не)понимание, МММиллионы, поиМММенно* («Ре:Акция», № 10 /84/, 2007), *докультура, не-ансамбль, не-вечность, ре-мифологизировать* и под.

В меньшей степени напоминают слова графиксаты-вербоиды – переходные, тексто-словные образования; единицы с неузуальным графоорфографическим и пунктуационным оформлением, функционально (иногда и семантически) тождественные предложениям (агентство «*куПИКквартиру*») или номинативным сочетаниям слов (*Мы же Санкт-черт возьми-Петербург; женщина я-мечтаю-о-счастье*) [5: 191–198; 6: 196–206].

Среди графиксатов встречаются не только новые слова или текст-идные образования, но и грамматические формы слова: *Толщина журнала такова, что если сложить в стопку тысячу октябрьских*

*МАХИМ'ов, получится башня высотой в 1.000 октябрьских МАХИМ'ов*⁷! (www.maximonline.ru); Сну предшествует какой-нибудь ритуал – любой, кроме проверки email'a и чтения биржевой аналитики на ночь (Man's Health, №2, 2007); Чрезмерное заострение формы носа, при наличии или присутствии других признаков, может быть ранним признаком менингита (признак Lafora'a). Полиграфиксаты-словоформы, по наблюдениям А. Галактионова, аспиранта УРФУ (Екатеринбург), достаточно частотны в русском языке рубежа тысячелетий: 104 полиграфиксата из 500 найденных им, т.е. почти 20%, представляют собой сочетание латинизированной основы с русским кириллическим субстантивным или адъективным окончанием [1: 313].

К графо-орфографическим вариантам слова, таким, как *ноль – нуль, шкап – шкаф* и т. п., может быть отнесена лишь часть графиксатов, причем количественно очень незначительная. К графическим вариантам слова можно отнести некоторые полиграфиксаты с номинативной функцией, такие как *СД-диск и CD-диск, СМСка / смска / эсэмэска и SMS-ка / sms-ка / smsка* и под. Эти пары или триады графиксатов обладают одинаковой референтной отнесенностью и тождественными лексическими значениями, но отличаются стилистической окраской (ср. нейтральное *SMS* и разговорное *SMS-ка / sms-ка / smsка*) и разным графо-орфографическим оформлением.

Таким образом, графиксаты синкретичны с точки зрения охвата ими процессов слово- и формообразования, варьирования и деривации, с точки зрения их места на шкале «слово – текст».

Отсутствие единства в осмыслении графиксатов обусловлено их яркими особенностями и очевидной неоднородностью. К особенностям графиксатов можно отнести следующее.

Графиксаты существуют только в письменной форме (1), которая неузואальна (1а), полиморфна (1б), поскольку представляет собой двойную актуализацию формы – сквозь одну форму просвечивает другая (так, в названии статьи «*SOSунки*» совмещены слова: *сосунки* и *SOS*). Гибридные окказиональные образования часто носят игровой характер, и потому их форма обычно эстетически или оценочно ориентирована

⁷ Во всех приведенных в данной статье примерах сохранена оригинальная пунктуация и орфография источника.

(1в): в приведенном выше графиксате оценочность связана с интернациональной аббревиатурой SOS.

Особенности формы графиксатов обуславливают размытость, неопределенность (2а), двуплановость (2б), идиоматичность (2в) их лексического значения: интерпретация графиксата *sosunki* допускает его осмысление как „младенцы вообще“ / „младенцы, которые кричат: «SOS!»“ / „младенцы России, которые находятся в таком бедственном положении, что требуют немедленного спасения“. Именно последний смысл наводится контекстом употребления данного слова – статьей.

Графиксаты обычно полифункциональны (3): им свойственны номинативная, экспрессивная, эмотивная, оценочная, символическая, текстообразующая и иные функции (подробнее см.: [4: 295]).

Неопределенность и противоречивость интерпретации графиксатов современной лингвистикой обусловлены в значительной степени «внешней невыделенностью» словообразовательной [и добавим – словоизменительной] подсистем [2: 38], их «включенностью» в лексику или грамматику, подчиненностью последним, синкретизмом гибридных окказионализмов в целом. Интерес к креолизованным образованиям связан с повсеместным смещением сферы исследовательских интересов в область пограничных явлений языка (речи) и иных семиотических сфер [7: 128].

ЛИТЕРАТУРА

1. Галактионов А. П., Попова Т. В. Морфемные типы номинативных полиграфиксатов-симплексов в современном русском языке // Вестник Нижегородского университета, 2011. № 5. С. 313–317.

2. Голев Н. Д. Словообразовательная система русского языка в поисках функций и границ // Актуальные проблемы русского словообразования: Труды Международной научной конференции. Томск, 2006. С. 37-41.

3. Иванова Г. А. Графические окказионализмы в современном русском языке (К постановке проблемы) // II Международная конференция «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы»: К 55-летию преподавания русского языка в Испании. Т. 1. Доклады и сообщения / Под ред. Рафаэля Гусмана Тирадо, Л. Соколовой, И. Вотяковой. Гранада, 2010. С. 106–109.

4. Попова Т. В. Графические окказионализмы русского языка конца XX – начала XXI вв. // Русское слово, высказывание, текст: рациональное, эмоциональное, экспрессивное. Межвузовский сборник научных трудов, посвященный 75-летию профессора П. А. Леканта. М.: МГОУ, 2007. С. 291-295.

5. Попова Т. В. Графодериват: слово или текст? // Русский язык: человек, культура, коммуникация: Сборник статей. Екатеринбург, УГТУ-УПИ, 2008. С. 191–198.

6. Попова Т. В. Графодеривация: варьирование слова или словообразование? // Предложение и Слово. Книга 2: Материалы IV Международного научного семинара «Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка», Саратов, 14-16 октября 2010 г. Саратов: Издательство «Научная книга», 2010. С. 196-206.

7. Резанова З. И. Когнитивно-функциональное исследование словообразования (Обзор работ томских дериватологов) // Актуальные проблемы русского словообразования: Труды Международной научной конференции. Томск, 2006. С. 127–131.

РОМАНОВА Татьяна Владимировна
(*Нижний Новгород, Россия*)

доктор филологических наук, профессор
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
tromanova@hse.ru

**СООТНОШЕНИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФОРМЫ И ЗНАЧЕНИЯ
ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ СМЫСЛА НАЗВАНИЙ
КАРТИН А. Н. ЮРКОВА**

Аннотация. Публикация отражает результат исследования когнитивных механизмов формирования смысла названия картин нижегородского художника А. Н. Юркова. Рассматривается роль приёмов языковой игры в оперировании когнитивными структурами, участвующими в процессе ассоциативного мышления.

Ключевые слова: когнитивный механизм формирования смысла, ассоциация, языковая игра.

Abstract. The publication speaks about the study reflecting the cognitive mechanisms for the formation of the meaning of the paintings' name by Nizhny Novgorod artist A.N. Yurkov. The role of the language game in dealing with cognitive structures participating in the associative thinking is considered.

Keywords: cognitive mechanism of sense formation, association, language game.

Предметом нашего исследования являются способы формирования смысла названий картин уникального мастера флорийской мозаики (уникальная техника создания картин только при помощи клея и растительных материалов, кусочков листьев деревьев, травинок, скорлупы орехов и пр.) [5] нижегородца А. Н. Юркова. Интерес к теме обусловлен неординарностью названий картин художника – семантически ёмких мини-текстов, когнитивным механизмом создания которых, как правило, является парадигматическая интерференция (ассоциация, аллюзия, прецедентность), имеющая своей основой парадигматические и синтагматические приёмы языковой игры. Цель исследования – раскрытие этого механизма через анализ языковой игры, использованной в названиях

картин А. Н. Юркова, и выявление особенностей языковой игры в её смыслообразующей функции.

В качестве материала для исследования были отобраны названия 24 картин, смысл которых формируется с использованием различных приёмов языковой игры. Источником материала послужили экспозиция галереи «Юрковка» в Нижнем Новгороде, а также репродукции произведений, опубликованные в интернет-архиве сайта «Юрковка» [6] и в двух художественных альбомах [4]. Произведения А. Н. Юркова следует отнести к разновидности поликодовых текстов, так как их смысл формируется в единстве декодирования изобразительного и языкового знаков. Поликодовый текст А. Г. Сонин определяет как «специфическое произведение, возникшее на основе взаимодействия в едином графическом и смысловом пространстве гетерогенных составляющих (изобразительной и вербальной)» [3].

Т. А. Гридина использует понятие лингвокреативного мышления как вида словесного (вербального) мышления человека, которое подчиняется законам функционирования языкового знака. Результатом такого мышления и является языковая игра – ломка в речи стандартных языковых форм на всех уровнях. По мнению автора, языковая игра базируется на реализации парадигматического и синтагматического ассоциативного потенциала слова, представляемого как ассоциативная валентность знака и «совокупность реакций на словесный стимул, которые могут возникать в сознании носителей определённого языка и культуры» [2: 60]. В процессе создания и понимания языковой игры лингвокреативное мышление включает языковые знаки в новый контекст. Языковая игра предполагает вариабельность ассоциативных контекстов языковых и текстовых знаков в различных ситуациях.

В названиях картин А. Н. Юркова преобладает семантический тип ассоциирования, предполагающий обращение к малочастотным, индивидуальным проявлениям реакций. Источником формирования смысла при этом являются конкретно-чувственный опыт, общий культурный фон.

В процессе анализа были выявлены языковые средства и речевые приемы языковой игры, задействованные в формировании смысла

названий картин. Средства и приёмы сгруппированы в соответствии с классификацией конструктивных принципов, сформулированных Т. А. Гридиной [1].

1. Принцип ассоциативной интеграции, заключающийся в совмещении значения и формы ассоциатов, основывается на приёме контаминации. По принципу ассоциативной интеграции образованы следующие названия картин: *«Мостоброд»*, *«Коньфликт»*, *«Осенний цветочфор»*.

2. Ассоциативное наложение предполагает моделирование контекста, в котором один ассоциат обыгрывается на фоне другого: например, обыгрывание омонимии и полисемии слова; одновременная актуализация прямого и переносного значения слова, что указывает на двуплановость содержания картины. Использование паронимии, паронимазии и других приёмов языковой игры моделирует смысл названия следующих картин: *«След и наследие»*, *«Безбрежная небрежность»*, *«Кувшин с кувшинкою не пара»*, *«Тута клёво и без клёва»*, *«Стоки в истоки»*, *«Нежно-белая кобылица»*, *«Удачная недвижимость»*.

3. Принцип ассоциативной провокации заключается в «несоответствие речевого прогноза употребления слова» и реализации этого прогноза, что вызывает эффект неожиданности. Данный принцип предполагает использование метонимии и аллюзии.

По принципу ассоциативной провокации осуществляется языковая игра в названии картины *«Понаехали тут...»*. Распространенное выражение, используемое столичными/местными жителями по отношению к провинциалам/чужим и имеющее негативную коннотацию. «Местные» здесь – пара гусей на первом плане, остальные – «понаехали» и нарушают гусиный покой.

4. Ассоциативная выводимость предполагает зависимость значения слова от устанавливаемой мотивационной связи, что часто связано с графическим выделением значимой морфемы слова, созданием игровых морфодериватов, например: *«Вот мы заБЛУДились»*, *«Собакино отлаяло, отвыло»*.

5. Ассоциативное отождествление как принцип игровой идентификации заключается в подмене референта, что связано с использованием

приёмов графического членения слова, с созданием омофонов-парономазов и др. Например, «Продам сто-га», «Лес в пере-кур».

6. Ассоциативная имитация связана со звукоподражательной мотивацией: «Там клю-ква», «Но-о, шовали, тудыть-тя! (Трын-трава)».

Итак, названия картин А. Н. Юркова демонстрируют ассоциативную природу формирования смысла. Ассоциативный потенциал названия реализуется только в единстве двух кодов: языкового и изобразительного. Особенностью языковой игры у А. Н. Юркова является употребление многозначных и узуальных языковых форм; наложение или контрастное использование семантики вербальной и изобразительной составляющих.

При семантическом анализе поликодовых текстов ярче проявляется непосредственная связь формальных операций по созданию вербальных компонентов текста с актуализацией когнитивных структур при формировании смысла.

При этом всегда есть фоновые концептуальные смыслы, «не задействованные в вербализации», название в таком случае является репрезентацией некоего авторского знания, предназначенного для зрителя-адресата. Языковые данные актуализируют мыслительный процесс, заключающийся в объединении когнитивных структур, выраженных иконическим и языковым знаком, и моделировании общего смысла. Таким образом зритель вовлекается в опосредованный коммуникативный процесс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гридина Т. А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи: дис. ... докт. филол. наук. М., 1996. Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/> (дата обращения: 06.11.2017).

2. Гридина Т. А. Игровой потенциал слова (по данным ассоциативного словаря // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докладов и сообщений Международной науч. конф. 28-30 сент. 2016. / Екатеринбург. Кабинетный ученый, 2016. С. 56-69.

3. Сонин А. Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2006. Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/> (дата обращения: 10.11.2017).

4. Юрков А. Н. Флорийская мозаика. Фоторепродукции. Нижний Новгород. 2011, 2013

5. <https://kudago.com/nnv/place/galereya-yurkovka/>

6. <https://sites.google.com/site/urkovka52/gallery>

РЫБАКОВ Михаил Анатольевич (Москва, Россия),

ЛЮ Лу (Ганьсу, Китай)

кандидат филологических наук, доцент
аспирант
Российский университет дружбы народов
rybakov_ma@pfur.ru
1306917718qq@gmail.com

ФОРМАЛЬНАЯ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМАТИКА В ТОПОНИМИКЕ

(на материале русского и китайского языков)

Аннотация. В статье рассматриваются возможности анализа лексико-семантических отношений в топонимике с использованием общелингвистических методов и категорий. Выделяются типичные для топонимов отношения словопроизводства, омонимии и паронимии, составляющие формальную лексическую парадигматику, и семантические отношения топонимов, опирающиеся на их внутреннюю форму (сигнификативный аспект) либо на связь с признаками именуемого объекта (денотативный аспект).

Ключевые слова: денотат, мотивированность, парадигма, сигнификат, топоним, топонимика.

Abstract. The article discusses the possibilities of analyzing lexical-semantic relations in toponymy using general linguistic methods and categories. The typical for toponyms are the relations of word production, homonymy and paronymy, which constitute a formal lexical paradigm, and semantic relations of toponyms, based on their internal form (significative aspect) and on the connection with features of the named object (denotative aspect).

Keywords: denotate, motivation, paradigm, significate, toponym, toponymy.

В изучении топонимов пока ещё не нашли широкого применения некоторые общелингвистические методы и категории, хотя они могут дать возможность более точно определить место топонимов в лексической системе языка и их специфику как особого типа лексических знаков. В частности, парадигматический анализ топонимии позволяет установить структурные связи топонимов с другими единицами языка и внутри топонимикона. Связи топонимов с лексическими единицами других типов образуют внешнюю парадигматику топонимов, связи топонимов друг с другом – внутреннюю парадигматику.

Лексическая парадигматика топонимов заключается в их участии в реализации системных лексических категорий. Необходимо сразу отметить, что это участие является более ограниченным в сравнении с нарицательной лексикой. Топонимы не могут быть многозначными словами

(но могут быть знаками различных денотатов), не участвуют в образовании антонимических пар и синонимических рядов, то есть не могут выражать сигнификативные отношения противоположности или семантической близости, хотя в случае прозрачности внутренней формы могут образовывать ассоциативные ряды, опирающиеся на семантику мотивирующих сигнификатов. Таким образом, для топонимов характерно наличие не только синтагматических отношений в тексте, но и семантических парадигматических отношений внутри некоторой микросистемы или макросистемы топонимов.

Для внешней парадигматики топонимов наиболее характерными связями является их мотивированность нарицательными именами (русские города *Апатиты, Асбест, Горячий Ключ, Зима, Минеральные Воды, Находка*; улицы *База 29, Ветка, Горка, Восточный Семафор, Западный Семафор, Материальный Склад, 3-й Кирпичный Завод* в городе Хабаровске, улицы *Майдан, Малые Ременники, Передний Боровок, Стрелецкий Городок* во Владимире), мотивированность топонимов другими именами собственными (русские города *Тольятти, Чехов, Энгельс*) и так же звучащие фамилии), гипонимия топонимов по отношению к географическим терминам, контекстуальная синонимия топонимов и географических терминов (например, использование слов *город, деревня, река* в отношении географических объектов однозначно определяемых жителями данной местности). Аналогичные примеры можно найти и в китайской топонимике, таковы названия улиц: *Янь Юй Лу* «Дым и Дождь» (в городе Гуан Чжоу); *Тао Хуа У* «Цветы Персика» (в городе Гуан Чжоу); *Пин Го* «улица Яблоки» (в провинции Тай Вань), *Чжэн Фу Лу* «улица Правительства» (в городе Лань Чжоу).

Для внутренней парадигматики топонимов наиболее распространённой лексической категорией также является омонимия – полное внешнее сходство языковых знаков, обозначающих различные географические объекты. Омнимия наиболее характерна для названий населённых пунктов и микропонимов и является вполне закономерным явлением – результатом использования одной и той же мотивирующей основы и модели наименования географического объекта. Примером омонимии являются названия городов *Берёзовский* в Кемеровской и Сверд-

ловской областях, *Кировск* в Ленинградской и Мурманской областях. В «Автомобильном атласе Московской области» указаны 3 населённых пункта под названием *Усадье*, 4 – под названием *Тютково*, 5 – под названием *Рождественно* и 17 – под названием *Рождествено*. Последние примеры *Рождественно* – *Рождествено* являются омофонами. Для многих населённых пунктов типичны одинаковые названия улиц, например, *Октябрьская* улица во Владимире, Долгопрудном, Дубне, Красногорске, Можайске, Москве; улица *1905 Года* в Балашихе и в Москве; улицы *Школьная*, *Садовая*, *Набережная*, *Южная*, *Производственная*, *Центральная* во многих городах и посёлках. Использование одинаковых языковых знаков для разных объектов – обычное явление в китайской топонимике: в провинциях Шань Дун и Гуан Дун есть города с названием *Вань Цюан Чжэнь* «Город Горячих Источников»; в городах Гуан Чжоу и Гуй Ян есть район *Бай Юнь Цюй* «Белые Облака»; в городах Цзя Син и Дун Гуань есть улица *Чан Ань* «Долгосрочная Безопасность»; в городах Векин и Нань Гун улица *Тун Чжоу* «Всё Вокруг» и почти в каждом городе – *Юй Хуа Мяо* «Храм Нефритового Императора».

В то же время в топонимике иногда встречаются уникальные и редкие названия: улица *Можайских Зорь* (г. Можайск), улица *Опалённой Юности* (г. Жуковский), улица *Воспоминаний* (г. Хабаровск), улица *Зазеркальная* (г. Хабаровск), улицы *Ежевичная*, *Односторонняя Гривка*, *Эсперанто* (г. Казань), улица *Передний Боровок* во Владимире.

Паронимия также типична для названий населённых пунктов, поскольку возникает в результате использования разных формантов с одной мотивирующей основой: *Зеленоград* – *Зеленоградск*, *Киров* – *Кировск*, *Белорецк* – *Белореченск*, *Богородск* – *Богородицк*, *Филипповичи* – *Филипповка* – *Филиппово* – *Филипповское* – *Филиппуши* – *Филипцево*.

Во внутренней парадигматике топонимов иногда возможна денотативная синонимия – наличие двух названий для одного географического объекта: *город Зеленоград* – *Зеленоградский административный округ города Москвы*, *Саров* – *Арзамас-16*, *Атомград* – *Красноярск-26*, *Зеленогорск* – *Красноярск-45* и стилистическая синонимия – наличие разговорной формы официального наименования: *Варшавское шоссе* – *Варшавка*, *Каширское шоссе* – *Каширка*. В китайской топонимике имеются

случаи наличия двух названий для одного города: Пекин называется *Бэй Цзин* «Северная Столица» и *Бэй Пин* «Мир на Севере», город *Цзи Нань* «К югу от реки» имеет второе название Цюань Чжоу «Родниковая Вода», город *Сюй Чан* «Обещанное Процветание» также называется Лянь Чэн «Город Лотоса».

Антонимия топонимов может возникать при наличии у них коннотативного культурно-символического значения, возникающего на базе регулярной антитезы: *Москва – Урюпинск*, *Сочи – Магадан* или на базе контекстуальной векторной антонимии: *Калининград – Владивосток*.

Наличие коннотативного культурно-символического или историко-символического компонента в значении характерно также для таких топонимов, как *Арбат*, *Бородино*, *Волга*, *Рублёвка*.

Парадигматика топонимов – это не только лингвистическая модель, это реальное отношение между самими топонимами, которое проявляется в том, что полнота понимания топонима как знака, в частности понимание его внутренней формы, возможна только в определённом культурно-историческом и географическом контексте, т. е. в тесной связи с другими собственными именами и нарицательными словами. Например, название улицы *Правокабанная* в Казани понятно только в связи с названием озера Нижний Кабан, рядом с которым эта улица находится.

Системные парадигматические свойства топонимов намного полнее проявляются в структуре семантических полей различного типа, в том числе таких, как денотативные ряды топонимов (лексические группы топонимов, объединяемые по признаку смежности или взаимодействия денотатов, например, описания маршрутов, территорий), закрытые топонимические множества (лексические группы, включающие все топонимы одного ранга, связанные с определённым денотативным пространством, например, указатели улиц, описание границ избирательных участков, справочники административно-территориального деления), лингвокультурные топонимические поля. В полевых структурах теряется граница внешней и внутренней парадигматики топонимов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атлас «Подмосковье». М.: Атлас-Принт, 2009. 128 с.
2. Горбаневский М. В. Русская городская топонимия. М.: ОЛРС, 1996. 304 с.

3. Копелиович А. Б. Род и грамматика межсловных синтаксических связей. М. – Владимир: Ин-т языкознания РАН, ВГГУ, 2008. 147 с.
4. Немченко В. Н. Введение в языкознание. М.: Дрофа, 2008. 703 с.
5. Пименова М. Вас. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // ВЯ. 2011. № 3. С. 19-48.

САРАЙКИН Иван Валерьевич (Москва, Россия)

аспирант

Государственный институт русского языка
имени Александра Сергеевича Пушкина
sivvis2017@yandex.ru

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА ДРЕВНЕРУССКИХ ЭНКЛИТИК НА РУССКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ

Аннотация. В статье рассматриваются основные возможные варианты интерпретации древнерусской энклитики *же* в русском и английском языках. На основании контекстов, имеющих в параллельном корпусе переводов СПИ, выделены основные модели переводов для энклитики *же*: энклитика сохраняет исходную форму, энклитика выражается эквивалентами, энклитика не переводится.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве», перевод, древнерусский язык, русский язык, английский язык, энклитики, частицы, корпусная лингвистика, параллельный корпус.

Abstract. the article observes the basic possible interpretation variants of old-russian enclitic *же*, its translations into Russian and English languages. Analyzing the parallel corpora contexts, the author reveals basic principles of enclitic interpretation: it translates without changing the form, it has an equivalent, it isn't translated.

Keywords: *The Tale of Igor's campaign*, translation, old-russian language, Russian language, English language, enclitics, particles, corpora linguistics, parallel corpora.

Исследованию функционирования несамостоятельных в просодическом отношении частей речи – клитик – посвящен ряд работ в отечественной и зарубежной лингвистике. Среди них особо следует отметить работы Р.О. Якобсона [11], А.А. Зализняка [2], А.В. Циммерлинга [8], А. Zwicky [12]. Отдельные виды клитик (энклитики-частицы) рассматривались в исследованиях Т.М. Николаевой [4] и С.В. Орловой [5]. Энклитика *же*, как наиболее отчетливо отражающая древнейшее состояние синтаксической системы русского языка, детально проанализирована в кандидатской диссертации Е.А. Валовой [1], посвященной анализу синтаксических свойств русских энклитических частиц. Кроме того, предпринимались попытки осмысления и описания стратегий перевода служебных

слов (см., например, статью М.Н. Михайлова [3], в которой рассматриваются финские соответствия русской частицы *и*).

По замечанию Р.О. Якобсона [10], целью переводчика является перевод всего текста, а не отдельных его частей. Основная задача сводится к передаче смысла исходного текста при помощи средств языка, на который осуществляется перевод. Основной единицей перевода является сверхфразовое единство, но не отдельное слово. Исходя из этого, очевидно, что структура текста может и даже должна быть изменена. В этой связи неуместным представляется вопрос о переводе ряда русских предлогов на какой-либо язык, поскольку их наличие или отсутствие в тексте зависит от структурного типа и синтаксического строя языка в целом. Напротив, разговор о переводе частиц представляется актуальным ввиду того, что в данном случае можно говорить не только о синтаксической стороне языка, но и о лексической семантике. Исследуя основные способы перевода энклитики *же* на русский и английский языки в параллельном корпусе СПИ, выделим ряд возможных стратегий переводчиков.

Во-первых, энклитика *же* может быть опущена и не переводиться вовсе. Эту её особенность отмечает А.Д. Шмелёв, рассматривая *же* через призму понятия *лингвоспецифичность*: «Есть заведомо лингвоспецифичные единицы, которые при переводе [на английский язык – И.С.] обычно вообще опускаются. Так, едва ли подлежит сомнению лингвоспецифичность русской частицы *же*, которую переводчики чаще всего просто опускают» [9]. Действительно, в английских переводах СПИ это отчётливо можно проследить. Приведём примеры из параллельного корпуса переводов СПИ [7]:

- Почнемъ *же*, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря, иже истягну умь крѣпостію своею и поостри сердца своего мужествомъ - Let us begin this narration, brethren, from the old times of Vladimir to this present time of Igor, who strengthened his mind with courage (С. Зенковский, фрагмент 6);

- Бориса *же* Вячеславлича слава на судъ приведе, и на канину зелену паполому постала за обиду Олгову, храбра и млада князя - And the dubious glory of Prince Boris, son of Viacheslav, brought him to his final judg-

ment, and he remained in eternal sleep on a burial shroud of green grass for offending brave and young Prince Oleg (С. Зенковский, фрагмент 62);

- Съ тоя **же** Каялы Святоплѣкъ повелѣя отца своего между угорьскими иноходьцы ко святѣй Софіи къ Киеву - On the river Kaiala Sviatopolk ordered that his father be taken between two ambling Hungarian horses to be buried in the Cathedral of St. Sofiia in Kiev (С. Зенковский, фрагмент 63) / Svyatopolk had his father conveyed—cradled between Hungarian pacers [tandemwise] – to St. Sophia in Kiev (В.В. Набоков, фрагмент 63);

- утрѣ **же** возни стрикусы, отвори врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу / He managed to cast thrice a lucky lot: he opened the gate of the city of Novgorod, he tarnished the glory of Prince Iaroslav (С. Зенковский, фрагмент 156).

Во-вторых, энклитика **же** может сохранять исходную форму. Необходимо оговорить тот факт, что в данную группу входят только диахронические переводы с древнерусского на современный русский язык. В большинстве переводов фразовая энклитика **же** занимает второе место после полноударной глагольной словоформы. Это ещё раз подтверждает мысль А.А. Зализняка о том, что она «лучше всего сохранила древние свойства» [2: 48]. Составив структурные схемы и сгруппировав контексты, получим следующее распределение:

[V + PART]: **Начати же** ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню! - **Начать же** сию песнь по бытиям того времени, а не по вымыслам Бояновым (перевод первого издания, фрагмент 2) / **Начаться же** этой песне по былям нашего времени, а не по обычаю Боянову (О.В. Творогов, фрагмент 2) / **Начаться же** сей песни по былинам сего времени, А не по вымыслам Бояновым (В.А. Жуковский, фрагмент 2) / **Начнем же**, братцы, повесть сию от старого Владимира до нынешнего Игоря (перевод первого издания, фрагмент 6) / **Начнем же**, братья, повесть эту от старого Владимира до нынешнего Игоря, который скрепил ум силою своею и поострил сердце свое мужеством (Д.С. Лихачёв, фрагмент 6) / **Начнем же**, братья, повесть эту от старого Владимира до нынешнего Игоря, который обуздал ум своею доблестью и поострил сердца своего мужеством (О.В. Творогов, фрагмент 6).

Фразовая энклитика *же* в переводах может находиться не только в постпозиции, но и в препозиции к глаголу-сказуемому, демонстрируя, таким образом, относительную синтаксическую подвижность. При этом она всё равно ставится после первого акцентно самостоятельного слова – существительного или местоимения, образуя с последним единое фонетическое слово:

[S + PART + ... + V] *Песнь же* ту нам *начать* по событиям дней настоящих, но не по замыслам вещим Бояна (М.Д. Деларю, фрагм. 6);

[PRONOM + PART + ... + V]: *Мы же*, братья, *приступим* к своему рассказу, оттого что о Русской земле печаловались князья от старого Владимира и до нынешнего Игоря, который искусил ум своею крепостью и отточил свое сердце мужеством (Р.О. Якобсон, фрагмент 6) / *Мы же* по-иному замышленью эту повесть о године бед со времен Владимира княженья *доведем* до Игоревых лет (Н.А. Заболоцкий, фрагмент 6).

Локальная энклитика *же*, по смыслу относящаяся к отдельному слову, но не ко всей фразе в целом, в переводах на русский язык занимает место только после опорного слова, стоит на втором месте в предложении:

[S + PART] *Боянь же*, братіе, не ї соколовъ на стадо лебедѣй пушаше, нъ своя вѣщія прѣсты на живая струны въскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху - *Боян же*, братья, не десять соколов на стадо лебедей напускал, но свои вещи персты на живые струны воскладал; они же сами князьям славу рокотали (Д.С. Лихачёв, фрагмент 5).

В-третьих, сопоставляя оригинал СПИ, а также его переводы на русский и английский языки, для энклитики *же* можно выделить ряд соответствий (эквивалентов).

Ограничительно-выделительное наречие [ТОЛЬКО]: Единъ *же* Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломи литовскія, притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ литовскими мечи - Один *только* Изьяслав, сын Васильков, позвенел своими острыми мечами по шлемам литовским; помрачил славу деда своего Всеслава и сам под багряними щитами на окровавленной траве погиб от мечей литовских (перевод первого издания, фрагмент 144). В переводах данного фрагмента находим синонимичную наречию частицу [ЛИШЬ]: Один *лишь* Изяслав, сын

Васильков, прозвенел своими острыми мечами о Литовские шлемы, побил славу деда своего Всеслава, когда сам он побит мечами Литовскими, пал под алыми щитами на окровавленную траву – не то с милою на постель (Р.О. Якобсон, фрагмент 144). В переводах на английский язык ограничительная семантика выражена словами **[ONLY]: Only** Iziaslav, son of Vasilko, rained his sharp arrows upon Lithuanian helmets and tarnished the glory of his grandfather Vseslav. And, having been worsted by the Lithuanian swords, he fell upon the bloody grass as upon a marriage bed, under the crimson shields (С. Зенковский, фрагмент 144) и **[ALONE]:** Alone Izyaslav son of Vasilko made his sharp swords ring against Lithuanian helmets - [only] to cut down the glory of his grandsire Vseslav, and himself he was cut down by Lithuanian swords under [his] vermilion shields, [and fell] on the gory grass [as if?] with a beloved one upon a bed (В.В. Набоков, фрагмент 144).

Противительная семантика же может выражаться союзом **[НО]: Но** вести эту песню надо по былинам нашего времени – не по замышленью Боянову (С.В. Ботвинник, фрагмент 2); союзом **[ДА]** в значении ‘но’: **Да** не десять-то соколовъ, братцы, пускаль Боянь, не на стадо-то лебедей ихъ запускивалъ, то онъ клалъ свои пальцы искусные, на живыя онъ ихъ струны накладывалъ, – онъ-же сами рокотали славу княжую (Н.И. Алябьев); союзом **[А]** в значении ‘но’: **А** Боян, братья, не десять соколов на стаю лебедей напускал, но свои вещие персты на живые струны возлагал, а они уже сами славу князьям рокотали (О.В. Творогов, фрагмент 5); союзом **[ОДНАКО]: Однако** начаться песне по былинам сего времени, а не по замышлению Бояна (А.К. Югов, фрагмент 2). В английских переводах нами обнаружено только два возможных эквивалента, выражающих семантику противительности – союз **[HOWEVER]:** Let us, *however*, begin this song in keeping with the happenings of these times and not with the contriving of Boyan (В.В. Набоков, фрагмент 2) и союз **[BUT]: But** Boian’s ten falcons, brothers, attacked no flock of swans. His own magic fingers struck, and strings alive pulsed glory to the princes (В. Хани, Э. Даль, фрагмент 5).

Присоединительная и альтернативная семантика же эксплицитно выражается только в русских переводах. Для этого используется союзы **[И]: И** начаться сей песне по былинам, а не замышленьям Бояна (И.И.

Шкляревский, фрагмент 2); **[ИЛИ]: Или** лучше начать пѣснь эту по былямъ современнымъ, а не по вымыслу Бояна? (анонимный перевод, фрагмент 2). В английских текстах для энклитики же ожидаемых эквивалентов **and* и **or* в представленных фрагментах нами обнаружено не было.

Усилительная семантика же представлена эквивалентами **[ВЕДЬ]** и **[УЖ]**, которые в представленных далее контекстах подчёркивают сказанное, противопоставляя его чему-либо другому как нечто очевидное, более целесообразное: Братіе и дружино! Луце **жъ** бы потяту быти, неже полонену быти - О дружина моя и братья! Лучше **ведь** убитым быть, чем плененным быть (Д.С. Лихачёв, фрагмент 10) / Братья и дружина! **Уж** лучше иссеченным быть, чем в плен достаться (Р.О. Якобсон, фрагмент 10) / Братіе и дружина! **уж** лучше изрубленну быть, чем в плен попасть (В.В. Капнист, фрагмент 10) В английском переводе В.В. Набокова та же идея выражена через наречие **[INDEED]** 'в самом деле, действительно': Brothers and Guards! It is better **indeed** to be slain than to be enslaved (В.В. Набоков, фрагм. 10)

Интересен перевод В.В. Набокова, в котором эквивалентом же можно считать сочетание **[TO BE SURE]** 'конечно': **To be sure**, brothers, Boyan did not [really] set ten falcons upon a flock of swans: his own vatic fingers he laid on the live strings, which then twanged out by themselves a paeon to princes (В.В. Набоков, фрагмент 5). Здесь подчёркивается утвердительная модальность предложения, появляется субъективная оценка события. По-видимому, автор интерпретирует энклитику же как усилительную частицу. В данном случае же усиливает не одно слово, а всё предложение. Похожую роль играет вводное слово со значением уверенности в английском тексте В.В. Набокова.

Синкретичная семантика, сочетающая образ действия со следствием и причиной, представлена в переводах на русский и английский языки следующими эквивалентами:

[ТАК]: Не бысь ту брата Брячяслава, ни другаго – Всеволода, единъ **же** изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожереліе - Не было тут брата Брячислава, ни другаго – Всеволода. **Так** в одиночестве изронил он жемчужную душу из храброго тела через золотое ожерелье

(Д.С. Лихачёв, фрагмент 147) – **[THUS]**: Neither your brother Bryachislav nor your other one - Vsevolod - was there; **thus** all alone you let your pearly soul drop out of your brave body through your golden gorget (В.В. Набоков, фрагмент 147). Английское **[SO]**, которое вне контекста может быть переведено словом *так*, служит для введения в текст новой темы, мысли повествователя: **So** let us begin, brothers, this tale – from Vladimir of yore to nowadays Igor, who girded his mind with fortitude, and sharpened his heart with manliness (В.В. Набоков, фрагмент 6).

Энклитике *же* в составе проклитико-энклитического комплекса **[ТО-ЖЕ]** закономерно соответствуют в английском языке наречия **[ALSO]** и **[TOO]**: рекоста бо братъ брату: «Се мое, а то мое **же**» - ибо стал говорить брат брату: «Это мое, а то – моё **може**» (Ю.А. Косирати, фрагмент 77) - for brother says to brother: «This is mine, and that is mine **too**» (В.В. Набоков, фрагмент 77) / And brother said to brother: «This is mine, and that **also** is mine» (С. Зенковский, фрагмент 77).

Таким образом, энклитика *же* представляет собой синкретичное слово, сочетающее в себе несколько смысловых оттенков. Для каждого из них в переводах представлен ряд эквивалентов. В английских эквивалентах *only, alone, however, thus, indeed, so* и др. актуализируется один из возможных лексико-семантических вариантов синкретичной семантики рассматриваемой энклитики. Подобное замещение имеет место и в русских переводах (*только, а, ведь, так*), однако энклитика довольно часто здесь представлена в исходной форме – *же*. В этом случае фразовая энклитика в переводах на русский язык более синтаксически свободна, чем локальная энклитика. Наконец, при переводе на английский и русский языки *же* может вообще никак не осмысляться и не переводиться. Говоря о роли энклитики *же* в древнерусском тексте СПИ, следует отметить, что она, наряду с другими служебными словами, создаёт необходимые автору смысловые акценты, придаёт контексту некую аксиологическую «двуликость», «амбивалентность» [6], обладает «скрытой», «теневой» семантикой [4], участвует в ритмо-мелодической организации и композиционном построении текста. В переводах СПИ на английский язык смысловые оттенки могут утрачиваться, ритмика может нарушаться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валова Е.А. Позиционные свойства энклитических частиц: корпусное и экспериментальное исследование на примере частицы “же”: Дисс ... канд. филол. наук. М., 2016.
2. Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. М., 2008.
3. Михайлов М.Н. Частица и целое: к вопросу о поиске соответствий служебных слов в параллельном корпусе текстов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды междунар. конф. «Диалог 2005». М., 2005
4. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании (на материале современных славянских языков). М., 1985.
5. Орлова С.В. Перевод немецкой частицы ‘doch’ на русский язык (в контексте констативов): ‘ведь’, ‘же’, ‘все же’ или ‘всё-таки’? // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М., 2009.
6. Патроева Н.В. Синтаксис «Слова о полку Игореве» в сопоставлении с его поэтическими переложениями // Вопросы языкознания. 2015. №1.
7. «Слово о полку Игореве»: Параллельный корпус переводов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://nevmenandr.net/slovo> (Дата обращения - 26.01.2019)
8. Циммерлинг А. В. Системы порядка слов с клитиками в типологическом аспекте // Вопросы языкознания, 2012. №4.
9. Шмелев А.Д. Русские лингвоспецифичные лексические единицы в параллельных корпусах: возможности исследования и «подводные камни» // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Москва, 27 -30 мая 2015 г.). Вып. 14 (21). М., 2015.
10. Якобсон Р.О. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 16–24.
11. Jakobson R. Les enclitiques slaves // Atti del Congresso di Linguistica tenuto in Roma il 19–26 Settembre 1933. Firenze, 1935.
12. Zwicky A. On clitics. Bloomington, 1977.

САФОНОВА Ирина Александровна (Волгоград, Россия)

кандидат филологических наук
Волгоградский государственный университет
ia_safonova@volsu.ru

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГЛАГОЛОВ ВОСПРИЯТИЯ В АГИОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ конца XIX – начала XX в.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-34-01009-ОГН «Отражение представлений о нравственном идеале в языке русской оригинальной агиографии XVIII–XX веков»

Аннотация. В статье описаны основные результаты изучения глаголов с общим значением восприятия как средства создания образов святых в агиографических текстах к. XIX – н. XX в.

В центре внимания автора находится базовый для данной подгруппы глагол *чувствовать*.

Установлено, что из всех его значений, ставших результатом длительного изменения синкретичного значения, в житийных текстах реализуются только некоторые (непрямые), отражающие значимые для создания образа святого процессы.

Ключевые слова: святой, агиографический текст, лексическая семантика, синкретизм, глаголы с общим значением восприятия.

Abstract. The paper provides the main results of the study of the verbs with a general meaning of perception as a means that are used to present the images of saints in hagiographic texts of the late XIX – early XX century.

The authors focus attention on the base verb for this subgroup *чувствовать*.

It has been stated that of all its meanings, which are the result of a long process of changing the syncretic meaning, only some (indirect) processes are realized in the hagiographic texts, which reflect the processes, that are important for creating the image of the Saint.

Keywords: saint, hagiographic text, lexical semantics, syncretism, verbs with a general meaning of perception.

1. Исследование агиографических текстов, насчитывающее не одно десятилетие, продолжает быть актуальным и в современной науке, в первую очередь филологической [1; 3; 4; 6–8; 10] и исторической [2; 5].

Обращаясь к задачам изучения агиографических текстов, В. П. Адрианова-Перетц отмечала, что они накапливают опыт создания психологических портретов, инструментарий приемов психологического анализа, «раскрытия внутреннего мира человека в его повседневном поведении» [1: 42]. Среди этих «психологических портретов» выделяются святые, являющиеся, по выражению В. М. Живова, небесными заступниками для призывающих их имя христиан и образцами богоугодной жизни [4: 725].

В связи с этим обращение к специфике создания «портретов» святых представляется особенно значимым. Образ святого создается в агиографическом тексте с помощью разных языковых средств, к одним из которых могут быть отнесены глаголы восприятия, поскольку в их семантике отражены особенности получения информации об окружающем мире с помощью органов чувств и связь этого процесса с осмыслением полученной информации.

2. Глаголы восприятия анализируются нами с учетом их дифференциации в зависимости от способа восприятия, определяемого каналом получения информации. На этом основании выделены подгруппы глаголов с общим значением восприятия, зрительного восприятия, слухового восприятия, обоняния и осязания [12: 241–244].

Результаты анализа использования ряда глаголов зрительного и слухового восприятия в житийных текстах представлены в наших предыдущих статьях [3; 11].

В центре внимания в данной работе находятся глаголы с общим значением восприятия. Материалом для изучения послужили агиографические тексты к. XIX – н. XX в. (см. список источников).

Рассматриваемые глаголы, не содержащие в значениях указания на канал получения информации об окружающем мире, обнаруживают сложную семантическую организацию, которая, как представляется, во многом обусловлена их происхождением.

Базовый для данной подгруппы глагол *чувствовать* этимологически связан с глаголами *чуть*, *чуютъ* [Фасмер IV: 377], которые, в свою очередь, обнаруживают связь с праславянским глаголом **čuti*, номинировавшим недифференцированное восприятие. Как отмечает П. Я. Черных, корень **ču-* [< **kju* < и.-е. **keu-* (**skeu-*)] заключал значение, связанное с познанием окружающего мира с помощью органов чувств [Черных II: 398]. Согласно данным «Этимологического словаря славянских языков», глаголы с этим реконструируемым корнем используются в современных славянских языках для репрезентации недифференцированного и дифференцированного восприятия, чаще всего с помощью органов слуха, а также обоняния и осязания [см. подробнее: ЭССЯ 4: 134–136].

Языковой синкретизм, отличающий лексико-семантическую систему на ранних этапах развития, является для нее конституирующим и предопределяет развитие лексического значения не по прямой линии, а по спирали, причем вначале спираль-пружина сжата до плоского состояния в слове-синкрете – этимоне. Затем происходит трансформация семантического синкретизма, осуществляющаяся параллельно со сменой отдельных фаз в развитии мышления [9: 41-42].

Результатом трансформации синкретизма для анализируемого глагола стало «сужение», формирование на базе древнего значения системы «более конкретных» значений, составляющих в современном языке широкий диапазон: от восприятия с помощью органов чувств до понимания, осознания.

3. В агиографических текстах к. XIX – н. XX в. подгруппа глаголов с общим значением восприятия представлена лексемами *чувствовать*, *почувствовать*.

Данные глаголы используются для описания как преподобных, так и людей, приходивших к ним за помощью. Особенностью этих единиц является преимущественное употребление их в непрямых значениях.

Например: *съ первыхъ чисель сентября о. Леонидъ началъ ослаб⁴вать здоровьемъ, и бол⁴лъ нед⁴ль пять: **чувствовалъ** сильную боль въ правомъ боку, въ груди скопленіе мокротъ, и въ живот⁴ большую затверд⁴лость [ЖСЛ: 172]; Но не смотря на свои недуги и скорби, не смотря на преклонность л⁴тъ, святитель **чувствовалъ** себя довольно еще бодримъ [ЖДР: 23]; Съ перваго же года своего управленія епархіей, **почувствовалъ** себя больнымъ, онъ сталъ отказываться отъ занимаемого имъ высокаго поста [ЖТЗ: 23]. Представленные в сочетании с существительным *боль* и возвратным местоимением *себя* глаголы *чувствовать*, *почувствовать* обозначают не получение субъектом восприятия информации о внешнем мире с помощью органов чувств, но физиологические процессы, замкнутые в сфере субъекта.*

В ряде контекстов рассматриваемые глаголы реализуют значение «понимать, сознавать» [СЦСиРЯ IV: 444]: *Таковая истина его [о. Леонида] словъ и кротость смягчили мое сердце, и я со слезами просил у него прощения, и **чувствовалъ** вполне незлобіе его [ЖСЛ: 116]; но испов⁴давшись у монастырскаго духовника, **почувствовалъ** въ душ⁴ какое-то безотчетное смущеніе и безпокойство, и передъ самой литургіей пошелъ объ этомъ объяснить старцу о. Леониду [ЖСЛ: 93]; и при вступленіи въ его келью вмигъ все исчезнетъ, и въ сердц⁴ вдругъ **почувствуешь** тишину и радость [ЖСЛ: 110]; однажды, говорилъ онъ, я **чувствовалъ** въ себ⁴ холодность съ тонкимъ смущеніемъ [ЖСЛ: 111]. Использование анализируемых глаголов в сочетании с существительными абстрактной семантики *незлобіе*, *смущеніе*, *тишина*, *радость*, *холодность* актуализирует в смысловых структурах глагольных словоформ компоненты, связанные не с получением информации с помощью органов чувств, но с осмыслением этой информации.*

4. Обращение к анализу глаголов с общим значением восприятия позволило выявить значимые для описания святого процессы и состояния. Из всего диапазона значений данных глаголов в изучаемых агиографических текстах реализуются только некоторые, связанные с физиологическими процессами, замкнутыми в сфере субъекта и мыслительной деятельности. При этом не отмечено ни одного случая использования анализируемых глаголов для обозначения процессов обоняния, осязания и восприятия на вкус, что свидетельствует о нерелевантности полученной таким образом информации для создания образа святого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адрианова-Перетц В. П. Задачи изучения «агиографического стиля» Древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред. Д. С. Лихачев. М.–Л.: Наука, 1964. Т. 20. С. 41–71.
2. Бёш-Гайано С. Изучение житий святых и историография // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации / отв. ред. Т. Р. Руди, С. А. Семячко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2001. Т. II. С. 503-516.
3. Дмитриева Е. Г., Сафонова И. А. Текстовые и языковые средства создания образа подвижника в житиях преподобных старцев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2018. Т. 17, № 4. С. 27–39. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.3>
4. Живов В. М. Ранняя восточнославянская агиография и проблема жанра в древнерусской литературе // Язык. Личность. Текст: сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / отв. ред. В. Н. Топоров. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 720-734.
5. Иноземцева З. Жития новомучеников и исповедников как источник знания о человеке России // Развитие личности. 2014. № 4. С. 142-162.
6. Колесов В. В. Древнерусский святой // Слово и дело: Из истории русских слов. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 596-601.
7. Коренева Ю. В. Агиографический концепт в православной культуре // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2012. № 2. С. 19–23.
8. Минеева С. В. Проблема комплексного анализа древнерусского агиографического текста (на примере Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких). Курган: КГУ, 1999. 198 с.
9. Пименова М. Вас. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 19-48.
10. Руди Т. Р. Об аскезе юродивых (из истории агиографической топики) // Slověne. 2015. № 1. С. 456-473.
11. Сафонова И. А. Глаголы восприятия как средство создания образов в Житии Корнилия Переславского // Научный диалог. 2019. № 1. С. 122–132. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-1-122-132
12. Семантика древнерусского глагола: синхронно-диахронический аспект: коллектив. моногр. / О. А. Горбань, Е. Г. Дмитриева, М. В. Косова, И. А. Сафонова, Е. В. Терентьева; отв. ред. Е. М. Шептухина. 2-е изд., доп. М.: Флинта: Наука, 2015. 352 с.

ИСТОЧНИКИ

ЖДР – Житіє святого Димитрія, Митрополита Ростовскаго. Ростовъ-Ярославскій: Типографія А.Х. Оппель, на Окружной улицѣ, 1902. С. 5-32.

ЖСЛ – Жизнеописание Оптинскаго старца іеромонаха Леонида (въ схимѣ Льва). М.: Типографія В. Готье, на Кузнецкомъ мосту д. Торлецкаго, 1876. С. 7-181.

ЖТЗ – Житіє святителя Тихона, епископа Воронежскаго, Задонскаго. Одесса: Типографія Е. И. Фесенко, Ришельевская, с. д. № 47-й, 1895. С. 5-36.

СЛОВАРИ

СЦСиРЯ – Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный Вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи наукъ: в 4 т. Т. IV. Санкт-Петербургъ: Въ Типографіи Императорской Академіи наукъ, 1847. 487 с.

Фасмер – Этимологический словарь русскаго языка: в 4 т. Т. IV. М.: Прогресс, 1973. 852 с.

Черных – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русскаго языка: в 2 т. Т. II. М.: Рус. яз, 1993. 560 с.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянскихъ языков: Праславянскій лексический фонд. Вып. 4. М.: Наука, 1977. 235 с.

САФРОНОВА Наталья Анатольевна (*Владимир, Россия*)

кандидат филологическихъ наук, доцент
Владимирскій государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
E-mail: natalia_1271@mail.ru

О ФУНКЦИЯХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ В ОБОСОБЛЕННЫХ КОНСТРУКЦИЯХ

Аннотация. Обособленные конструкции обладают относительным временным значением. Это значение может выражаться как грамматическими, так и лексическими средствами. В статье рассматриваются основные функции лексических показателей времени и их роль в формировании относительного временного значения обособленных конструкций.

Ключевые слова: обособленные конструкции, относительное синтаксическое время, лексические показатели темпоральности.

Abstract. Isolated structures have a relative temporal meaning. This meaning can be expressed by both grammatical and lexical means. The article considers the main functions of lexical indicators of time and their role in the formation of the relative temporal meaning of isolated structures.

Keywords: isolated structures, relative syntactic time, lexical indicators of temporality.

Попытки определить синтаксический статус обособленных членов предложения предпринимались многими учёными. Ещё в XIX веке обособленные члены рассматривались как «сокращённые придаточные» (А. Х. Востоков, Ф. И. Буслаев, Н. И. Греч). Позднее теория происхождения обособленных членов из придаточных предложений была опроверг-

нута А. А. Потемной. При этом учёный отметил, что обособленные члены предложения обладают «большой предикативностью» по сравнению с необособленными [2: 110].

В современном языкознании обособленные конструкции тесно связывают с понятием полупредикативности. Несмотря на то, что «Русская грамматика» (1980) все обособленные члены предлагает разделить на 2 типа (полупредикативные и поясняющие) [3: 181], многие синтаксисты отмечают, что уточнительные и поясняющие члены предложения также обладают добавочной предикативностью: «...в широком понимании даже и этим обособленным членам предложения присущ элемент полупредикативности» [5: 254].

В. И. Фурашов считает, что полупредикативность обособленных конструкций проявляется в грамматических категориях относительного времени, сопутствующей модальности и персональности [7: 206].

Отмечаемая исследователями разнородность обособленных конструкций приводит к тому, что данные категории в различных типах обособленных членов могут выражаться по-разному. Так, в выражении значений относительного времени могут участвовать как грамматические (вид деепричастия, видо-временные модификации причастий и их соотношение с видо-временными формами глагола-сказуемого, порядок слов и т. д.), так и лексические средства (наречия времени, предложно-падежные сочетания и прилагательные с временным значением, некоторые частицы). Предлоги и союзы также участвуют в формировании разнообразных временных значений и могут быть отнесены к лексико-грамматическим показателям темпоральности.

Лексические показатели занимают особое место в формировании временных значений обособленных конструкций в связи с тем, что далеко не все обособленные члены в силу грамматической природы главенствующего слова способны выражать отношения одновременности / разновременности полупредикативного и предикативного признаков. Значение относительного времени при этом может быть имплицитно: *Действительно, мы увидели воду несколько посветлевшую, примерно цвета чая, в которой плавали как бы хлопья сажи* (В. Солоухин).

Одной из основных функций лексических показателей темпоральности в обособленных конструкциях можно считать функцию экспликации относительного временного значения этих конструкций: *Иван Африканович посватался к ней вновь, тут-то и заупрямилась Евстоля, теща нынешняя* (В. Белов). Эта функция наиболее чётко прослеживается в том случае, если главенствующее слово в обособленной конструкции не обладает грамматическими возможностями передачи временных значений (например, обособленные субстантивные, адъективные, инфинитивные обороты): *А мне хотелось только одного – поскорее преодолеть нерешительность Таси и увезти ее подальше от этой жизни* (С. Никитин); *С наступлением тепла головлёвская усадьба, дотопе степенная и даже угрюмая, оживилась* (М. Салтыков-Щедрин); *Но мать Тиверзина, в то время выпускница-епархиалка, ... вышла замуж за его товарища, паровозного машиниста Савелия Никитича Тиверзина* (Б. Пастернак).

Лексические показатели темпоральности выполняют также конструктивную функцию, являясь средством введения обособленных членов в предложение и важным условием самого обособления, без которого оно, по замечанию В. И. Фурашова, зачастую невозможно [6: 21]: *Письмо Эмилия, в прошлом Маруся, получила* (Н. Нестерова) (ср.: **письмо Эмилия, Маруся, получила*); *Мама открыла чемодан, достала красивый, еще папин, галстук и подает ему* (В. Белов). (Ср.: **достала красивый папин галстук...*).

К функциям лексических показателей темпоральности в составе обособленных конструкций следует отнести конкретизирующую и «переключающую» функции.

Конкретизирующая функция заключается в уточнении того временного соотношения, которое возникает между обособленной конструкцией и сказуемым. Так, деепричастия совершенного вида обычно выражают несовпадение времени проявления полупредикативного и предикативного признаков, которое может проявляться либо как предшествование, либо как следование во времени добавочного действия по отношению к основному: *Публика, 1) сразу подняв отчаянный крик, шарахнулась из кондитерского назад, 2) смяв более ненужного Павла Иосифови-*

ча, а из-за рыбного гуськом со своими отточенными ножами рысью побежали к дверям чёрного хода продавцы (М. Булгаков). В первом случае обособленная деепричастная конструкция (1) имеет значение предшествования, а во втором – следования (2). Однако в ряде случаев значение предшествования или следования не могут быть определены столь однозначно: – *Прощай, старая Обломовка!* – *сказал он, оглянувшись в последний раз на окна маленького домика* (И. Гончаров). В данном случае возникает возможность говорить о недифференцированном временном соотношении между деепричастной конструкцией и сказуемым [3: 108]. Введение лексических показателей темпоральности способствует в этом случае более однозначной квалификации отмеченного временного соотношения: *Азazelло ...охотно подсел к столу, предварительно поставив в угол печки какой-то свёрток в тёмной парче* (М. Булгаков). Ср.: **...охотно подсел к столу, поставив в угол печки какой-то свёрток в тёмной парче.* – **... охотно подсел к столу, поставив после этого в угол печки какой-то свёрток в тёмной парче.* Конкретизация может проявляться и в уточнении значений предшествования и следования как непосредственно сопряжённых или удалённых во времени: *В стороне от мужиков поп Федот, давно закончивши молебен, завистливо поглядывает на мужиков* (С. Клычков); *Мишка и мать, только что вернувшись с поля, ужинают...* (Ф. Абрамов). Лексические конкретизаторы могут указывать на последовательность или одновременность существования полупредикативных признаков относительно друг друга: *Огромные подводные небеса, сначала светло-зеленые, потом – темно-синие, и так на сотни, тысячи километров* (В. Пелевин); *Лиля вскинула руки над головой во всю длину, как бы показывая всё своё божье тело и одновременно извиняясь...* (В. Токарева). Уточнение может касаться и других признаков проявления полупредикативного признаков: указание на конкретный период проявления признака, его длительность, постоянство, обозначение начала и конца проявления признаков и др.: *И все-таки, как ни трудно ему пестовать свою ораву, все дети сыты, одеты, обуты и учатся, кому пришёл срок, в ближайшем селе, живя там на постое с осени до весны* (С. Никитин); *Это её дед, вечно живой и бесконечно*

любимый (В. Токарева); *В моём возрасте, когда уже можно иметь внуков, я только начинаю жить, как молодой специалист, приехавший в деревню по окончании института* (В. Токарева).

Переключающая функция заключается в том, что «средство одного уровня оказывается в смысловом отношении «сильнее» другого, как бы подавляет его, меняя его значение» [1: 12]. Лексические показатели темпоральности оказываются более «сильными» в сравнении с грамматическими средствами и способны формировать временное соотношение полупредикативной конструкции и сказуемого, не характерное для данного типа обособленных конструкций: *С этими словами он вышел из купе, предварительно долго высматривая кого-то в коридоре, набитом солдатами* (Б. Васильев) – значение предшествования; *И он, и она прислушивались к этим звукам, улавляли их и спешили выпевать, что каждый слышит, друг перед другом, не подозревая, что завтра зазвучат другие звуки, явятся иные лучи, забывая на другой день, что вчера было пение другое* (И. Гончаров); *Он только что проснется у себя дома, как у постели его уже стоит Захарка, впоследствии знаменитый камердинер его Захар Трофимыч* (И. Гончаров) – значение следования и т. д. Без лексических показателей темпоральности между обособленным членом предложения и глаголом-сказуемым сложилось бы иное временное соотношение. Ср.: *...он вышел из купе, **высматривая кого-то в коридоре** – одновременность; * ...он, и она ...**спешили выпевать, ...забывая, что вчера было пение другое** – одновременность; * ...у постели его уже **стоит Захарка, знаменитый камердинер его Захар Трофимыч** – одновременность.

Отмечается, что иногда может возникать ориентация обособленной конструкции на момент речи (абсолютная временная ориентация), что обычно не характерно для обособленных конструкций. По нашим наблюдениям, без участия лексических показателей темпоральности такое временное соотношение затруднительно, а часто и невозможно: *Опера была написана Маяковским и Хлебниковым, роль ведущего исполнял Крученых, **ныне тоже мертвый*** (В. Шкловский).

Таким образом, лексические показатели темпоральности в составе обособленных конструкций следует признать важным средством созда-

ния относительного времени. Они выполняют функцию экспликации относительного временного значения, а также конструктивную, конкретизирующую и переключающую функции. Лексические показатели могут способствовать ориентации обособленной конструкции на момент речи автора, способствуя тем самым абсолютной временной ориентации этих конструкций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969. 182 с.
2. Потехина А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I-II. М.: Учпедгиз, 1958. 536 с.
3. Русская грамматика. Т. 2. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 710 с.
4. Сафронова Н. А. Категория относительного синтаксического времени в предложениях с обособленными конструкциями: Дис. ... канд. филол. наук. Владимир, 2013. 212 с.
5. Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения (теоретический курс): учебное пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006. 320 с.
6. Фурашов В. И. Несогласованные определения в современном русском языке. М., 1984.
7. Фурашов В. И. Полупредикативность как семантическое свойство обособленных членов предложения // Многоаспектность синтаксических единиц. М.: Прометей, 1993. С. 204-216.

СЕЛЮНИНА Ольга Анатольевна (*Биробиджан, Россия*),

ЧЭНЬ Цянгун (*Аншань, Китай*)

кандидат филологических наук, доцент
магистрант

Приамурский государственный университет
имени Шолом-Алейхема
birnaukaruss@mail.ru
1164939000@qq.com

СТЕРЕОТИПНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУССКИХ О КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ И БЫТЕ (на материале анекдотов и смежных жанров)

Аннотация. В статье анализируются тексты русских этнических анекдотов с целью выявления стереотипных представлений русских о китайской культуре и быте. Китаец, по данным анекдотов, воспринимается русскими как чужой, то есть как представитель иной культуры, причем эта культура воспринимается русскими как экзотическая.

Ключевые слова: Китай, китайцы, китайская культура, этнический стереотип, этнический анекдот.

Abstract. The article analyzes the texts of Russian ethnic jokes in order to identify stereotypes of Russians about Chinese culture and life. The Chinese, according to jokes, are perceived by Russians as alien, that is, as representatives of a different culture, and this culture is perceived by Russians as exotic.

Keywords: China, Chinese, Chinese culture, ethnic stereotype, ethnic anecdote.

Объектом нашего рассмотрения стали тексты русских анекдотов и смежных с ними жанров, найденные нами в сети Интернет, в которых отражаются представления русских о китайской культуре и быте. Итак, остановимся на тех особенностях китайской культуры и быта, на которые обращается внимание в этих текстах.

Первое, что обращает на себя внимание, это анекдоты о китайском языке и иероглифике. Русский и китайский языки являются типологически разными. Китайский непонятен для большинства русских, поэтому они, намекая на многочисленность китайцев, шутят так: *Ученые установили, что самый понятный язык на Земле – китайский. Его понимают 1,5 миллиарда человек.*

Но в любом случае русским приходится сталкиваться с непривычными для их уха китайскими фамилиями, ср.:

– *Как китайцы выбирают имена своим детям?*

– *Они бросают вилку на пол, какой звук она издаст, так они и называют своего малыша: Дзынь, Янь...*

Русским очень тяжело изучать китайский язык. Это отражено в анекдоте:

– *Как твое изучение китайского?*

– *Хорошо. Китайцы уже понимают, что я пытаюсь говорить по-китайски. Но... еще не понимают, что именно я говорю.*

Не только звучащая китайская речь непонятна русским, но и китайские иероглифы, ср.:

Сидит древний китаец, вырисовывает очередной иероглиф и говорит:

– *Да, а ведь начиналось все с обычного смайлика!*

Иероглифы настолько не похожи на русские буквы, что часто и не воспринимаются как знаки, передающие письмо. При этом случается, что русские, которые не знают китайского языка, делают себе татуировки, содержащие иероглифы. Отсюда, наверное, такие шутки:

– А вам тоже кажется прикольным, что китайцы создали себе язык из одних татуировок?...

Или: Самые вредные китайцы. Они придумали язык, целиком состоящий из татуировок!

Еще один стереотип – китайцы неправильно произносят русские слова. Он отражен в анекдотах о фонетических особенностях китайцев, говорящих по-русски:

На Дальнем Востоке к председателю колхоза обращается китаец:

– Дай землю подлюка.

Председатель обалдел и начал материться. Тогда китаец говорит:

– Не хочешь дать землю подлюка, дай подчеснока.

В анекдотах отражается и быт китайцев, например, разнообразие китайской кухни по сравнению с русской приводит к появлению стереотипа – китайцы едят всё, что шевелится, например:

Заходят в ресторан американец, француз, русский, китаец и еврей, все заказывают по стакану чая. Ресторан не очень хороший, всем приносят чай, а в каждом стакане муха.

Американец выплескивает чай в лицо официанту

Француз вежливо просит заменить чай

Русский выкидывает муху

Китаец съедает муху

Еврей предлагает китайцу купить у него муху.

Или: – Знаешь, почему в качестве священного животного китайцы выбрали дракона? Нет? Потому что священных животных не едят.

В этом анекдоте напрямую не сказано, что китайцы едят абсолютно всё, но это все равно понятно. Лишь дракона съесть нельзя, потому что дракон – мифическое животное.

Есть все подряд – это неразборчивость, это плохое свойство. Оно встречается в большинстве проанализированных анекдотов. Но нами отмечен и такой анекдот, где это свойство, вроде бы, оценивается положительно:

Евреи и арабы не едят свинины, индусы не едят говядины, русские не едят лягушек, саранчу и летучих мышей, европейцы почти не едят первое. И только мудрые китайцы жрут все подряд...

С одной стороны, способность «есть все подряд» оценивается как мудрость, но с другой стороны, просторечный глагол *жрать* означает «жадно есть», то есть имеет неодобрительное значение.

Кроме того, стереотип о том, что основная еда китайцев – рис, нашел отражение, например в такой шутке: *Мы с вами живем более-менее сносно, пока китайцы не поймут, что рис – это всего лишь гарнир.*

Любой русский, побывавший в Китае или хотя бы в китайском ресторане, знает, что китайцы едят палочками. Такой способ для русских экзотичен, поэтому много анекдотов появляется именно на эту тему. Например: *Армянское радио спросили:*

– Когда наступит всемирный голод?

– Когда китайцы научатся есть вилкой.

Но, видимо, у китайцев есть вилкой пока не получается, ср.:

В Китае решили перейти на западную традицию – есть с ножом и вилкой. Многим приходится сложно: трудно держать в одной руке...

Кстати, русские не против перенять способ приема пищи с помощью палочек:

– Твоя жена очень похудела во время отпуска. Как это ей удалось?

– Она сидела на китайской диете: ела куриный бульон китайскими палочками.

Китайский Новый год – это праздник весны, поэтому он не совпадает по времени с празднованием Нового года в России, и это отмечается в русских анекдотах и шутках. Приведем пример: *Китайцы первыми поняли, что начинать новую жизнь – худеть и бросать пить – с 1-го января нереально. Вот почему китайский Новый год в конце января.*

Здесь есть неточность, наверное, она возникла потому, что не все русские знают, что китайский Новый год всякий раз выпадает на разные числа. Он может быть не только в январе, но и в феврале: дата зависит от лунного календаря.

Еще одна культурная особенность Китая не осталась без внимания в русских анекдотах – это Великая китайская стена:

– *Для строительства стены на границе с Россией нужно пригласить специалистов с многолетним опытом!*

– *Китайцев, что ли?!*

В этом анекдоте напрямую о ней не сказано, но понятно, что речь идет именно о Великой китайской стене, которая строилась очень долго в силу разных причин, в частности из-за грандиозности сооружения.

Основной транспорт в Китае, по данным русских анекдотов, велосипед, ср.: *Переходим к новостям из Китая: «Массовые беспорядки в Китае. Манифестанты громят киоски, переворачивают и поджигают велосипеды»*. И это непривычно для русских, у которых даже нет специальной дорожной полосы для езды на велосипеде и которые привычны к сообщениям о периодических возмущениях в Европе, сопровождающихся поджогом автомобилей, и, скорее всего, воспринимается как показатель низкого уровня жизни китайцев, финансово не способных иметь автомобили.

В нашей картотеке есть и анекдоты и шутки об учении фэн-шуй, например: *Фэн-шуй – это учение, согласно которому китайцы становятся счастливыми, переставляя вещи в своей квартире.*

Или: – *Откуда появилось учение фен-шуй?*

– *Фен-шуй придумали китайские воры, чтобы лучше ориентироваться в домах.*

Итак, проанализировав тексты русских этнических анекдотов о китайской культуре и быте, мы выявили следующие этнические стереотипные представления русских:

– китайский язык и китайская письменность непонятные и странные, русскому человеку их очень трудно освоить;

– китайцы не способны правильно произносить русские слова;

– китайцы едят всё, что шевелится, но основная еда китайцев – рис;

– китайцы едят только палочками и не умеют есть с помощью европейских приборов;

– у китайцев странное время празднования Нового года;

– Китай – это страна, где находится Великая китайская стена, которая долго строилась;

– Китай – страна велосипедистов;

– у китайцев странное учение фэн-шуй.

Все это приводит нас к выводу о том, что китайская культура воспринимается русскими как принципиально иная.

СИДОРОВА Ольга Юрьевна (*Москва, Россия*)

аспирант

Московский педагогический государственный университет

future4you@yandex.ru

ВЫРАЖЕНИЕ СЕМАНТИКИ ПРИЧИНЫ И ГРАДУАЛЬНОСТИ В СЛОЖНОПОДЧИНЁННОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ С ПРИДАТОЧНЫМ ПРИЧИНЫ

Аннотация. В статье рассматриваются случаи выражения синкретичных значений в сложноподчинённом предложении с придаточным причины. Градуальная семантика проявляется при наличии качественных имен прилагательных и наречий. Компонентом семантики качественного состояния является наличие слов категории состояния или глаголов. Сравнительная степень имен прилагательных или наречий характеризует значение качественного изменения.

Ключевые слова: причина, синкретизм, градуальное значение, значение качественного состояния, значение качественного изменения, сложноподчинённое предложение.

Abstract. The article deals with the cases of expressing syncretic semantic in a complex sentence with causal clause. Gradual semantics manifested in the presence of qualitative names of adjectives and adverbs. A component of the semantics of the qualitative state is the presence of words of the category of the state or verbs. The comparative degree of the names of adjectives or adverbs characterizes the meaning of a qualitative change.

Keywords: cause, syncretism, gradual semantic, semantic of quality condition, semantic of qualitative change, complex sentence.

Синкретичность значений присуща и сложноподчинённым предложениям с придаточным причины, что обусловлено способностью языковых единиц выражать разнообразные оттенки значений. Традиционно градуальный компонент значения представлен ядерными средствами: качественными именами прилагательными, наречиями и др. Градуальность понимается как функционально-семантическая категория, имеющая систему разноуровневых средств выражения «со значением изменяемого или измеряемого признака» [2: 48]. Определение самой высо-

кой или самой низкой степени признака, предмета, действия относительно нормы составляет основу процесса градуирования.

Рассмотрим ряд сложноподчинённых предложений с придаточными причины, в которых наблюдается синкретичность значений. В представленном примере выражена синкретичная семантика *причины* и качественного изменения: *Их [поэтов] жизни, быт бывают внешне нескладны, но внутренне особо прекрасны, ибо озарены несбыточным* (А. Вознесенский). Градуальный компонент значения содержится в наречиях и кратких именах прилагательных. *Нескладны* (нескладный – «несоразмерный в частях, нестройный; неуклюжий; **недостаточно хорошо**» [3, II: 479]) входит в градусеми: ‘не’. *Прекрасны* (прекрасный – «отличающийся **необыкновенной** красотой, **очень** красивый» [3, III: 377]) описывает градусеми: ‘очень (в высшей степени)’. Компонент ‘в высшей степени’ усиливается в примыкающем к краткому имени прилагательному *прекрасны* наречии *особо*. Противительный союз *но* усиливает противопоставление по признаку *красиво/некрасиво*, в результате чего можно утверждать, что конструкции *внешне нескладны, но внутренне особо прекрасны* занимают крайние точки на шкале градаций. В придаточном предложении раскрывается причина предположения о жизни и быте поэтов.

Синкретичная семантика *причины* и степени интенсивности признака проявляется в данном предложении: *Папа и мама разговаривали негромко, поскольку кричать было не на кого* (Б. Васильев). Наречие *негромко* – «**слабо** звучащий» [3, II: 432], градусеми: ‘не’. *Кричать* – «**громко** говорить, **громко** сообщать что-либо» [3, II: 131], градусеми: ‘очень’. Градуальный компонент, отражающий степень интенсивности признака, содержится в качественном наречии *негромко* и глаголе *кричать*. Словосочетание *разговаривали негромко* и инфинитив глагола *кричать* представляют собой члены оппозиции на градуальной шкале. Показателем семантики причины является подчинительный союз *поскольку*.

Синкретичная семантика *причины* и качественного изменения наблюдается в рассматриваемом предложении: *Река приняла особенный вид, потому что вода была видна сквозь голые сучья, а ещё более,*

потому что пропал от холода водяной цвет (С. Аксаков). Показателями значения причины являются подчинительный союз *потому что* и конструкция с типичным предлогом причины *от*, который обозначает внешнюю причину. Качественное изменение, связанное с цветом воды, проявляется в имени прилагательном *особенный* («**не похожий** на других, **не такой, как все**; необычный» [3, II: 651]) и наречии *более*, входящим в градусему: ‘больше, чем’.

Причиной качественного изменения природы является *сырое* и *холодное лето*: *Оттого, что лето выдалось сырое и холодное, все в саду глядело неприветливо и уныло* (А. Чехов). Градуальная семантика проявляется в наречиях *неприветливо* и *уныло*. *Неприветливо* (*неприветливый* – «не проявляющий приветливости в обращении, в отношении к другим; неласковый, **суровый**» [3, II: 469]), т.е. сурово; *уныло* – «**грустно**» [3, IV: 499]. Показателем значения причины является подчинительный союз *оттого что*.

Семантика *причины* и качественного состояния содержится в приведённом примере: *Милый друг, я умираю, оттого что я был честен* (Н. Добролюбов). *Честен* (*честный* – «**правдивый**, прямой, **добросовестный**» [3, IV: 672]) характеризует моральное состояние человека.

Синкретичное значение причины и качественного состояния выражается в следующих примерах: *Оттого нам невесело и смотрим мы на жизнь так мрачно, что не знаем труда* (А. Чехов); *Мне грустно оттого, что весело тебе* (М. Лермонтов). Сема ‘качественное состояние’ содержится в словах категории состояния *невесело*, *грустно*, *весело*. Названные единицы будут располагаться следующим образом на градационной шкале: *невесело* – *грустно* – *нормальное состояние* – *весело*.

Причиной наивысшего эмоционального состояния героя является неожиданность встречи: *Бабушка мне чрезвычайно обрадовалась, оттого что она никак меня не ожидала* (А. Пушкин). Наречие *чрезвычайно* содержит градусему: ‘в высшей степени’. Таким образом, в представленном примере семантика причины совмещается со значением качественного эмоционального состояния.

Градуальный компонент значения в структуре сложноподчинённого предложения с придаточным причины может содержаться в большем или меньшем объеме, что зависит от входящих в состав синтаксической единицы элементов. Синкретичная семантика причины и качественного состояния проявляется при наличии слов категории состояния, например, *грустно, хорошо, плохо*; синкретичная семантика причины и качественного изменения – имён прилагательных, например, *нескладны, прекрасны*; наречий – *больше, меньше*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В. В. Система членов предложения в современном русском языке. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 496 с.
2. Колесникова С. М. Функциональная грамматика: предикативность, градуальность, оценочность. М.: МПГУ, 2016. 288 с.
3. Словарь русского языка: в 4-х т./ РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Политграфресурсы, 1999.

СИРОТКИНА Татьяна Александровна (*Сургут, Россия*)

доктор филологических наук, доцент
Сургутский государственный педагогический университет
sirotkina71@mail.ru

СОЧЕТАНИЯ С ОТЭТНОНИМНЫМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ КАК СРЕДСТВО ВЕРБАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ЭТНИЧНОСТИ

Аннотация. В статье на материале этнонимии Пермского края рассматриваются сочетания с отэтнонимными прилагательными как средство вербализации категории этничности. Анализируется функционирование этнических имен в диалектной речи Прикамья и региональных художественных текстах, делается вывод о том, что сочетания с отэтнонимными прилагательными отражают основные компоненты категории этничности, являющейся важной категорией языкового сознания любого этноса.

Ключевые слова: отэтнонимные прилагательные, категория этничности, диалектная речь, региональные художественные тексты.

Abstract. The article on the material of the ethnonymy of the Perm Territory considers combinations with ethnic names of adjectives as a means of verbalization of the category of ethnicity. The functioning of ethnic names in the dialect speech of the Kama region and regional artistic texts is analyzed, the conclusion is made that the combinations with the nationally adjectives reflect the main components of the ethnicity category, which is an important category of linguistic consciousness of any ethnic group.

Keywords: national adjectives, category of ethnicity, dialect speech, regional artistic texts.

Для лингвистики и, в частности, лингвокогнитологии, актуальным является исследование языка через призму ментальности народа.

Одним из важных языковых источников лингвокогнитивной информации являются разные виды онимов. В настоящей статье будет рассмотрено функционирование этнонимов, которое связано с отражением в языке категории этничности. Материалом исследования стали сочетания с отэтнонимными прилагательными, функционирующие в речи носителей пермских говоров и региональных художественных текстах.

В речи русских диалектоносителей Прикамья чаще всего используются сочетания с отэтнонимными прилагательными *русский*, *татарский*, *пермяцкий* и некоторыми другими, что обусловлено этническим составом рассматриваемой местности. *Татарские платки*, *русская баня*, *русский сарафан* – все эти и многие другие сочетания терминологического характера являются устойчивыми и отражают реалии национального быта: «Платок у тебя каки-то татарской»; «В русской бане бывал?»; «Сарафан у тебя чисто русский» [Акчим]. Как мы видим, данный способ репрезентации характерен более для отражения информации об особенностях материальной культуры разных этносов.

Другой тип информации, вербализующейся с помощью рассматриваемых сочетаний, – информация о местности и ее обитателях. В записях диалектной речи мы встречаем микротопонимы, образованные от этнических имен: «Из Мордвы. Они работали там. И прозвали так – *Мордовская делянка*; «*Мордовская делянка* – там мордва населяли, потом снова ушли» [Акчим]; «*Вогульские чурки* – чурок или скала. Камень называют ишшо»; «*Вогульское* – это берег называтца, площадь такая, берег, острову нету Вогульскова, это кто-то измешал, это берег, хто-ниабудь напутал»; «Пониже острова Ябрусскова есь Вогульская – называем так луг, берег» [Акчим].

В пермских диалектных словарях мы не встретили астронимов, образованных от этнических имен. Однако русские говоры в целом дают нам такие примеры данного вида онима, как Остяцкий Лось, Хохляцкая Телега, Цыганская Телега. М. Э. Рут считает, что все они имеют значение «неправильный, не такой, как надо», поскольку каждый народ считает, что правильно только то, что принято в его обиходе. Так, например, название Остяцкий Лось «можно истолковать как «ненастоящий лось»

– может быть, потому, что он на небе, а не в тайге, а может быть, потому, что у него слишком длинный хвост» [2: 57].

Сочетания с этнонимными прилагательными образуются зачастую в результате такого процесса, как ксенономинация, т. е. номинации через чужое. Ксенонимы – это «слова и фразеологические сочетания, возникшие в результате семантической деривации на основе этнонимов и топонимов и мотивированные обобщенными представлениями о чужих народах и землях» [1: 2].

Различными группами ксенонимов являются:

1. Названия человека. Например, *коромысло татарское* – высокий сутулый человек: «Спать ложуся, дак только и разгибаюсь, а днем как коромысло татарское – не согнуться, не разогнуться» [ФСПГ: 372].

2. Орнитонимы: *татарская ворона* – одна из разновидностей семейства вороньих: «У нас новая птица появилась – татарская ворона. Похожа на галку, хохолок большущой, под крыльями бело; на сороку находит, а поет – как маленький ребенок» [ФСПГ: 58].

3. Фитонимы. Так, *татарские мыльца* – это травянистое лекарственное растение: «Эта трава от тоски помогает. Вот ведь если не татарские мыльца, то уж не знаю, чё бы со мной было – ведь сколько я тосковала»; «От тоски пили татарские мыльца, у воды растут, цветки красные, а листики-те узкие, длинные» [ФСПГ: 226].

Сочетания с этнонимными прилагательными активно функционируют не только в живой речи Прикамья, но и в художественной прозе уральских авторов. Отличительная черта исторических романов многих местных писателей – точность этнической маркировки описываемых реалий. Рассмотрим, какие реалии культуры разных этносов получают такую маркировку в романе Павла Северного «Рукавицы Строгановых».

1. Поселения народов (*вогульские стойбища, русские селения, татарский стан*): «Сейчас даже в рассветной мгле виден на льду мусор, черные полосы санных дорог, пешеходные тропки к варницам, слободкам, выселкам и вогульским стойбищам» [3: 135]; «Небольшие, неуловимые отряды воинов-вогулов появлялись неожиданно перед рус-

скими селениями, грабили жителей, сжигали дома» [3: 263]; «А оттуда, сверху, для наблюдателей из татарского стана отряд Досифея оставался невидимым среди болотных кустарников» [3: 35].

2. Территория, принадлежащая этносу (*русская земля, чудская земля*): «Под окнами еще пуще завывал буранный ветер, будто и впрямь сама зима пришла отпевать Семена Иоаникиевича Строганова, недавнего хозяина русских земель, лежащих на пороге Каменного пояса» [3: 269]; «Полагаешь, раз убрался он на чудскую землю, можно о дружках и недругах позабыть?» [3: 18].

3. Одежда и обувь, характерная для представителей народа (*вогульские ичиги, татарский халат*): «Обутки у Досифея – охотничьи, лесные: вогульские ичиги сыромятной кожи, поверх шерстяных, крестьянской вязки, носков из козьей шерсти» [3: 26]; «Накинул татарский халат на плечи, прошел в покои к Строганову» [3: 151].

4. Религиозная атрибутика (*вогульские бубны, вогульские идолы, вогульские верховные шаманы*): «Пели над Колвой колокола, вторили им вечерние песни плотоводцев и работниц, а на том берегу, если слушать с самых дальних плотов, можно было различить, как вторгались в густоту звона глухие удары вогульских бубнов» [3: 25]; «В углу, у подножья вогульских идолов, без устали снуют ежи – охотники на мышей» [3: 69]; «Надоело хлестать по мурлам полных дьяков, отучая от лихоимства; помогать владыке Симону в спорах о силе христовой веры с вогульскими верховными шаманами и князьками» [3: 14].

5. Типичные черты внешности (*татарская раскосость глаз*): «Семен взглянул на подошедшего рослого, молодого боярина, с едва заметной татарской раскосостью глаз» [3: 191].

6. Характерное оружие (*русские прямые мечи и круглые щиты, татарские сабли и клинки, вогульские луки и стрелы*): «На крючьях было развешано множество всякого оружия – русские прямые мечи и круглые щиты, татарские сабли, их колчаны и луки» [3: 10]; «Передние несли подарки – меха соболей-одинцов, бобровые и соболяшки шапки, татарские клинки, кованые из серебра сосуды, шитые золотом бухарские халаты и драгоценные украшения для конской сбруи» [3: 244]; «И воеводе Досифею пришлось вырубать просеку в сто сажень шириной под угро-

зой вогульских луков» [3: 156]; «Зато подальше от вогульских стрел с камского берега!» [3: 153].

7. Обобщенные понятия, связанные в основном с духовной культурой русских (*русская душа, русский обычай, русское житьё-бытьё*): «Милосердие русской душе свойственно, а в нем великая сила нашего народа» [3: 252]; «Катерина, по русскому обычаю, поднесла гостю на блюде каравай хлеба с золотой солонкой, а Серафима подошла к царевичу с чаркой меда, которую царевич пригубил» [3: 245]; «Досифей поначалу отделялся краткими ответами про камский край, но парень упорно допытывался о зачине русского житья-бытья в Перми Великой» [3: 31].

8. Устойчивые сравнения, базирующиеся на традиционных чертах той или иной этнической общности (*как идол вогульский, как татарский ковер*): «Что сидишь, как идол вогульский?» [3: 89]; «А поглубже зайдешь в болото – берегись трясин! Поверхность их, зыбкая и мягкая, как татарский ковер, но всякого, кто забредет сюда, сторожит смерть» [3: 34].

Таким образом, сочетания с отэтнотимными прилагательными, функционирующие в живой речи и художественных текстах, являются источником лингвокогнитивной информации. Они отражают основные компоненты категории этничности, являющейся важной категорией языкового сознания любого этноса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березович Е. Л. О явлении лексической ксеномотивации // Вопросы языкознания. 2006. № 6. С. 3-20.
2. Рут М. Э. Словарь астрономов. Звездное небо по-русски. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. 288 с.
3. Северный П. Сказание о старом Урале. М.: Вече, 2009. 512 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Акчим – материалы экспедиций в д. Акчим Красновишерского района Пермской области из картотеки словарного кабинета Пермского государственного университета.

ФСПГ – Прокошева, К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров / К.Н. Прокошева. Пермь, 2002.

**СКЛЯРЕНКО Раиса Васильевна,
РУСАКОВА Екатерина Евгеньевна (Владимир, Россия)**

кандидат филологических наук, доцент
студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
many144@mail.ru

**НЕКОТОРЫЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СРАВНЕНИЯ
(на материале романа Ч. Диккенса «Большие надежды»)**

Аннотация. В статье рассматриваются недостаточно изученные типы образного сравнения (устойчивое и скрытое). Проведенное исследование позволяет определить некоторые функционально-стилистические особенности выделенных разновидностей и художественного сравнения в целом, а также выявить специфику его использования на материале романа Ч. Диккенса «Большие надежды».

Ключевые слова: художественное сравнение, разновидности художественного сравнения, устойчивое образное сравнение, скрытое образное сравнение, прагматический потенциал.

Abstract. The article deals with two poorly studied types of simile (trite and disguised). The research helps to identify linguistic features of the selected kinds and simile in general, as well as to identify the stylistic peculiarities of their use in Ch. Dickens' novel "Great Expectations".

Keywords: simile, varieties of simile, trite simile, disguised simile, pragmatic prospects.

Согласно И. Р. Гальперину, «художественное сравнение (англ. simile) – это стилистический прием, заключающийся в отождествлении какой-либо общей черты или нескольких черт предметов, относящихся к разным классам, с использованием соединительных слов» [1: 167]. В английском языке существуют два термина: simile и comparison, то есть образное и логическое сравнение. В отличие от образного сравнения, в котором два предмета разных классов уподобляются друг другу, логическое сравнение противопоставляет два предмета (явления), относящихся к одной группе [3].

Основной чертой рассматриваемого стилистического приема является яркое сопоставление двух предметов, хотя они могут быть совсем несвойственны друг другу. Таким образом, образное сравнение дает начало новому пониманию как истинного объекта, так и образного значения.

Традиционно выделяют четыре типа стилистического сравнения: устойчивое (*trite/hackneyed*), развернутое (*sustained/prolonged*), авторское (*author's/original*) и скрытое (*disguised*) [4]. В настоящее время одними из наиболее интересных являются устойчивое и скрытое сравнения, так как они мало изучены и широко представлены в романе Чарльза Диккенса «*Большие надежды*».

Скрытое стилистическое сравнение является одним из наиболее часто встречающихся типов в романе. Оно получило свое название исходя из того, что реализация сопоставления двух предметов находится немного в «подвешенном состоянии», так как сходство между ними менее очевидно из-за таких глаголов-связок, как *to resemble*, *to seem*, *to remember*, *to recollect*, *to look like*, *to appear* и так далее. В указанном романе скрытое стилистическое сравнение зачастую выполняет характерологическую функцию, раскрывая внутренний мир и характер героя.

«...and whenever the light struck aslant, afar off, upon a cloud or sail or green hillside or water-line, it was just the same. – *Miss Havisham and Estella and the strange house and the strange life **appeared to have something to do with everything that was picturesque***» [2: 117].

Так говорил главный герой романа мальчик Пип после того, как прекратил посещения дома мисс Хэвишем и поступил подмастерьем к кузнецу Джо, мужу тети Пипа, миссис Гарджери. Эта странная женщина и ее высокомерная племянница Эстелла глубоко «поселились» в сердце мальчика. Теперь, находясь вдали от них, все, что вызывало у Пипа восторг и восхищение, ассоциировалось с ними. Их образы вставали у Пипа перед глазами при виде живописного пейзажа и не покидали его мысли даже в мастерской. Данное сравнение в сочетании с микропараллелизмом и анафорой раскрывает внутреннее состояние мальчика, его тоску по удивительно-странному дому и его обитателям.

«And now, when they were all in lively anticipation of "the two villains" being taken, and when the *bellows **seemed to roar for the fugitives, the fire to flare for them, the smoke to hurry away in pursuit of them, ..., the pale afternoon outside almost **seemed** in my pitying young fancy to have turned pale on their account, poor wretches***» [2: 37].

Приведенный пример отличается многокомпонентностью. Здесь скрытое сравнение сочетается с синтаксическим перечислением и элементами развернутого сравнения. Это раскрывает внутреннее состояние героя, который ощущал себя в доме сестры, как в плену. «Мехи, которые, казалось, ревели во след беглецам» и «этот бледный день, который, казалось, побледнел от жалости к этим горемыкам» раскрывают Пипа как впечатлительного и при этом необычайно доброго ребенка, несмотря на то, что его окружение было жестоко к нему. Он не лишен сострадания даже к сбежавшим преступникам, которые угрожали ему расправой.

Устойчивое или стертное стилистическое сравнение по своей сути является авторским сравнением, повторенным многократно. Данный тип часто переходит в ряды фразеологизмов, имеющих в основе оборот as...as. В художественном тексте этот тип может быть выражен такими словами-связками, как like, as if, as though, such as и т. п. [1]. Устойчивое сравнение также часто употребляется в рассматриваемом романе, как и скрытое стилистическое сравнение, однако обычно выполняет описательную функцию, придавая внешности или действиям персонажей особый окрас и выразительность.

«It was of no use asking myself this question now. There I was, on Joe's back, and there was Joe beneath me, **charging at the ditches like a hunter**, and stimulating Mr. Wopsle not to tumble on his Roman nose, and to keep up with us» [2: 38].

Во время погони за сбежавшими заключенными, в которой участвовали как полицейские, так и местные жители в лице Пипа, Джо и школьного учителя драмы мистера Уопсея, мальчик увидел своего друга кузнеца в новом свете. Вдали от жены, чувствуя свою значимость в поимке преступников, Джо ловко перескакивал канавы одну за другой, словно опытный охотник, который гонится за добычей. Устойчивое сравнение не только выполняет описательную функцию, придавая выразительности движениям кузнеца, но и передает динамику погони.

«**Mr. Pumblechook worked his head like a screw to screw it out of me**, and said, "Is forty-three pence seven and sixpence three fardens, for instance?"» [2: 72]

Сравниваемые движения головы мистера Памплчука, дяди миссис Гарджери, сестры Пипа, когда он «обучал» мальчика финансовому счету, с вращениями винта символично подчеркивает настойчивость мистера Памплчука услышать правильный ответ на свой вопрос, он будто старался вытащить, «выкрутить» желаемое из Пипа. Данный пример устойчивого сравнения также выполняет описательную функцию и передает напряженность сцены.

Таким образом, проведенный анализ показал, что рассмотренные выше типы стилистического сравнения в романе Чарльза Диккенса «Большие надежды» функционально разнообразны, неожиданны, неоднозначны и экспрессивны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. 376 с.
2. Dickens Ch. Great Expectations. М.: Т. 8, 2014. 515 с.
3. Galperin I. R. English Stylistics. М.: KRASAND, 2014. 336 с.
4. Kukhareno V. A. A Book of Practice in Stylistics: учеб. Пособие. М.: Флинта, 2009. 184 с.

СОКОЛОВА Вера Леонидовна (*Москва, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент,
Московский государственный лингвистический университет
sokolova_mglu@mail.ru

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ ВНИМАНИЕМ АУДИТОРИИ НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА СМИ

Аннотация. В статье рассматриваются способы управления вниманием читателя на материале дискурса англоязычных СМИ. В частности, их типология и их концептуальные основания – коммуникативные антиципации. Рассматривается также роль полимодальных и комплексных дискурсивных средств в поддержании внимания читателя. Высказывается предположение о возможности применения результатов данного исследования и к другим типам дискурса.

Ключевые слова: управление вниманием, манипуляция вниманием, удержание внимания, дискурс СМИ, коммуникативные антиципации, информационная недостаточность.

Abstract. The present article deals with discursive means of manipulating with the audience's attention in English and American mass media discourse. Specifically, the author considers their conceptual foundations - communicative anticipations as well as the role of polymodal and complex discursive attention-grabbing strategies in mass media discourse. Presumably, the results of the present research can be applicable to other types of discourse as well.

Keywords: attention manipulation, attention-grabbing function, arresting the audience's attention, attention-capturing, mass media discourse, communicative anticipations, communicative insufficiency.

В наше время информационной пресыщенности современного зрителя всё более актуальной задачей становится выявление и использование наиболее эффективных коммуникативных стратегий привлечения внимания к конкретному сообщению или высказыванию и удержание этого внимания.

Коммуникативные стратегии управления вниманием читателя и даже манипуляции вниманием аудитории рассматривались в работах из самых разных областей: психология [2], журналистика [5], лингвистика [1; 3]. Тем не менее, вопрос удержания внимания читателей и слушателей представляется многогранным, сложным и перспективным для дальнейшего изучения. В частности, в настоящей статье хотелось бы обратиться не только к лингвостилистическим средствам удержания внимания аудитории, но и к их концептуальной основе.

Обращение к англоязычному дискурсу СМИ показало, что удержание внимания аудитории происходит на логическом и эмоциональном уровнях.

Полагаем, что говорить о концептуальной основе целесообразно только применительно к логическим стратегиям удержания внимания. Эта концептуальная основа связана с установлением коммуникативных антиципаций у читателей и их постепенным оправданием или неоправданием. При этом под коммуникативными антиципациями мы понимаем коммуникативные ожидания, которые задаются тем или иным словом или высказыванием [см. также: 4: 62]. В качестве средства концептуализации действительности коммуникативные антиципации рассматриваются как механизм актуализации фрейма того или иного явления через один или несколько его терминалов [4]. По нашим наблюдениям, такими средствами в дискурсе СМИ могут быть:

1) Обращённые к читателю **вопросы**: *What is a national emergency – and does it mean Trump can build his wall?* [10].

Здесь, устанавливая лингвистические антиципации, риторический вопрос активизирует фреймы возможных ответов на него и побуждает читателей вчитываться дальше в статью.

2) Указание на **следствие без указания причины** (или иное нарушение логической цепочки): *Amazon's Exit Could Scare Off Tech Companies From New York* [6].

В настоящем примере указываются последствия отказа компании Амазон от размещения своей штаб-квартиры в Нью-Йорке, но не поясняется, почему именно эти последствия могут наступить.

В целом, следует отметить, что поскольку читатели привыкли, что новостные статьи строятся традиционно по принципу *Five Ws and One H* – «пять W и одно H» [7], то есть отвечают на вопросы Who? (кто?), What? (что?), Why? (почему?), When (когда?), Where (где?) и How (как?), то коммуникативные антиципации читателей при чтении новостных статей связаны с реализацией именно этих терминалов фрейма «новостная статья».

Тем не менее, в современных СМИ одной логической информации недостаточно. Для удержания внимания необходимо обращение к эмоциональной сфере читателей – и это обращение осуществляется тоже целым рядом средств. Наиболее заметные из них – средства полимодальности – обращение к фотографиям и видеоряду (средняя статистика обращения к средствам полимодальности в онлайн-СМИ источниках составляет до семи-десяти элементов полимодальности на 3.400 печатных знаков).

В значительной мере обращению к эмоциональной сфере читателя и соответственно привлечению его внимания способствует использование эмоционально-окрашенных неологизмов (**flag-waving, democrat-bashing, etc.**) [8]. Подобного рода эмоционально окрашенные лексические средства также неизбежно устанавливают коммуникативные антиципации читателей, одновременно реализуя логические и эмоциональные средства управления вниманием читателя. Аналогичной одновременной реализации способствуют и такие стилистические приёмы, как эффект полисемии и аллюзия, например: *Paradise lost: California community 'destroyed' by wildfire* [9]. *Paradise lost* – 1) аллюзия на эпическую поэму Джона Мильтона, 2) указание на то, что калифорнийский город Парадайз фактически утрачен в ходе разрушительных лесных пожаров.

Полагаем, что рассмотренные в данной статье коммуникативные стратегии управления вниманием читателей не являются прерогативой дискурса СМИ и могут быть реализованы в других типах дискурса, что может стать предметом дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Витязева Ю. А. Коммуникативная стратегия «Привлечение и удержание внимания» в медиадискурсе на примере научно-популярного сериала // Вестн. Том. гос. ун-та. 2016. № 403. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-strategiya-privlechenie-i-uderzhanie-vnimaniya-v-mediadiskurse-na-primere-nauchno-populyarnogo-seriala>
2. Задоренко О. Управление вниманием URL: <https://www.zadorenko.com/holdattention>
3. Никитина К. В. Технологии речевой манипуляции в политическом дискурсе СМИ (на материале газет США): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2006. 26 с.
4. Соколова В. Л. Концептуальные основания и дискурсивные функции лингвистических антиципаций // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та; вып. 10 (783); сер. Гуманитарные науки. М., 2017. С. 61-65.
5. Сыроватская Н. С. Языковые средства управления вниманием аудитории аналитического журналистского текста (на материале немецкого языка) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2011. № 130. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-sredstva-upravleniya-vnimaniem-auditorii-analiticheskogo-zhurnalistskogo-teksta-na-materiale-nemetskogo-yazyka>
6. Amazon's Exit Could Scare Off Tech Companies From New York URL: <https://www.voanews.com/a/amazon-s-exit-could-scare-off-tech-companies-from-new-york/4788678.html>
7. Five Ws and One H: The Secret to Complete News Stories URL: <http://blog.journalistics.com/five-ws-one-h/>
8. Flag-waving and Democrat-bashing: Trump's blueprint to win in 2020 URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2019/feb/15/trump-2020-message-el-paso-texas-republicans>
9. Paradise lost: California community 'destroyed' by wildfire URL: <https://www.cbc.ca/news/world/paradise-lost-california-wildfire-1.4898537>
10. What is a national emergency – and does it mean Trump can build his wall? URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2019/feb/14/trump-national-emergency-explainer-border-wall>

**СОКОЛОВА Ольга Ивановна,
ПЛАТОНОВА Елизавета Андреевна (Владимир, Россия)**

кандидат филологических наук, доцент
магистрант
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
sok.ol@list.ru
veta190695@mail.ru

**ЗНАЧЕНИЯ, ВЫРАЖАЕМЫЕ ПОЯСНИТЕЛЬНЫМИ ЧЛЕНАМИ
ПРИ ГЛАГОЛЕ-СКАЗУЕМОМ**

Аннотация. В статье рассматриваются значения, выражаемые пояснительными членами при сказуемом, и делается вывод о том, что в некоторых случаях они обладают большим смысловым весом по сравнению с поясняемым членом, что позволяет поставить вопрос о вхождении их в зону предикативности.

Ключевые слова: обособленные члены, пояснительный член при сказуемом, поясняемый член при сказуемом, предикативность, полупредикативность, экспликаторы полупредикативности, глагол-сказуемое.

Abstract. The article deals with the meanings expressed by explanatory articles in the predicate. The authors draw a conclusion that in some cases explanatory articles have a greater semantic weight in comparison with the explained article, that allows to raise the question of their entry into the predicative zone.

Keywords: isolated phrases, explanatory article in the predicate, explained article in the predicate, predicativity, semi-predicativity, explicators of semi-predicativity, verbal predicate.

В. В. Виноградов писал, «хотя обособленный член предложения интонационно ставится в своеобразные синтаксические отношения к остальной и вместе с тем и основной части предложения, хотя он приобретает относительно большой синтаксический вес – по сравнению с соответствующим членом предложения, не подвергшимся обособлению, – он тем не менее не перестает быть в структуре целого предложения вторичным и второстепенным членом, как бы прислоненным к его основному предикативному ядру» [1: 94]. Представляется, что по отношению к так называемым обособленным сказуемым [7: 315] эта мысль нуждается в уточнении, поскольку в некоторых случаях они приобретают больший смысловой вес по сравнению с поясняемыми глаголами-сказуемыми.

Деление обособленных членов предложения на полупредикативные и пояснительные (поясняющие, уточняющие) подчеркивает отсут-

стве полупредикативного значения у последних. Выражение значения полупредикативности разными группами обособленных членов до сих пор остается дискуссионным. Некоторые исследователи полагают, что пояснительные члены выражают значение полупредикативности [2; 7] – сопутствующей предикативности, под которой понимается «семантическое свойство обособленного члена предложения, обладающего категориями относительного синтаксического времени (темпоральности), сопутствующей модальности и персональности» [7: 303-304].

Другие предпочитают употреблять термин в более узком значении. По А. Ф. Прияткиной, собственно полупредикативностью могут обладать только обособленные субстантивные члены [3: 11], для других обособленных членов применим термин «дополнительная предикативность» – «синтаксическое значение, частично совпадающее с предикативным, но не образующее предложения» [3: 19]; А. А. Камынина употребляет термин для обозначения сказуемого значения, которое могут выражать деепричастные и причастные обороты, конструкции, возникающие в результате расщепления именных и глагольных словосочетаний, предложно-падежные обороты с двучленной семантической структурой [2: 47]. В. И. Чуглов полагает, что в отношении пояснительных членов корректнее говорить о выражении ими «неполной сопряженной предикативности» [8: 7].

При этом со стороны семантики отличие кроется в большей «смысловой нагруженности» полупредикативных членов, поскольку они «содержат дополнительное сообщение, сопутствующее сообщению, содержащемуся в распространяемой части предложения», характеризуются информативной самостоятельностью [4: 181], а поясняющие члены имеют уточняющий, конкретизирующий характер, поэтому они менее самостоятельны [там же].

Рассмотрим пояснительные члены при сказуемом. Как и конструкции, поясняющие прочие члены предложения, они связаны с поясняемой частью интонацией (предупредительной и обособляющей) и служебными словами (пояснительными союзами *то есть* (арх. варианты: *то бишь, сиречь*), *а именно (именно)*, *как то, или* (в пояснительном значении) и проч. [3: 67].

Как уже было отмечено [6], обособленные сказуемые не всегда оказываются «вторичными» и «второстепенными», во многих случаях они являются выразителями основного смыслового значения.

Согласно А. Ф. Прияткиной, необходимость пояснения продиктована тремя коммуникативными целями. Во-первых, «разъяснение того, что с точки зрения говорящего требует объяснения» [3: 70]: *На кровати пищал крошечный ребенок, всего, может быть, трехнедельный, судя по крику; его «переменяла», **то есть перепеленывала**, больная и бледная женщина* (Ф. М. Достоевский). Во-вторых, субъективная интерпретация явления, оценка, выявление скрытого содержания [там же]: *Николай Ильич Беляев /.../ как-то под вечер зашел к госпоже Ирминой, Ольге Ивановне, с которой он жил, **или, по его выражению, тянул скучный и длинный роман*** (А. П. Чехов). В-третьих, конкретизация: [там же]: *Кофе так и не сварился, а обрызгал всех и ушел и произвел именно то самое, что было нужно, **то есть подал повод к шуму и смеху и залил дорогой ковер и платье баронессы*** (Л. Н. Толстой). Пояснение может сочетаться с присоединительным значением: *Сыновья и приказчики определяли этот доход приблизительно в триста тысяч и говорили, что он был бы тысяч на сто больше, если бы старик «не раскидывался», **то есть не отпускал в кредит без разбору*** (А. П. Чехов). Значение глагола-сказуемого («истратить попусту, зря» [5]) понятно и без пояснения, однако автор вводит дополнительное сообщение, конкретизируя ситуацию.

В некоторых случаях пояснение не просто возможно, а необходимо – во избежание инотолкования: *Через неделю Андрею Ефимычу предложили отдохнуть, **то есть подать в отставку*** (А. П. Чехов). Пояснение устраняет двусмысленность, связанную с широким значением глагола «отдохнуть»: «провести некоторое время в отдыхе, восстановить свои силы отдыхом»; «полежать, поспать, сном восстановить свои силы»; «обрести душевный покой, освободившись от волнений или отвлекшись чем-л. доставляющим радость» [5]. То же в предложениях: *Завидев еще издали его, Чичиков решил даже на пожертвование, **то есть оставить свое завидное место и сколько можно поспешнее удалиться: ничего хорошего не предвещала ему эта встреча*** (Н.

В. Гоголь); *Наконец страсть выдохлась в нем, истинная печаль прошла, но ему жаль было расстаться с нею; он насильственно продолжил ее, или, лучше сказать, создал себе искусственную грусть, играл, красовался ею и утопал в ней* (И. А. Гончаров).

Пояснения требуются к сказуемым с недостаточным или слишком широким лексическим значением: *Он мигом все это заметил и, конечно, тотчас же все узнал, то есть узнал, что мне уже известно, кто он такой, что я его читал и благоговел пред ним с самого детства, что я теперь оробел и смотрю подобострастно* (Ф. М. Достоевский).

Пояснения необходимы в случае, когда автор создает контекстуальные фразеологизмы: *Как человеку неразвитому и притом несомненно неумному, ему казалось, что он очутится наверху блаженства, если его «кряля» будет «делать ему аккомпанемент», то есть вместе с ним станет пить водку* (М. Е. Салтыков-Щедрин). Ср. *аккомпанемент*: Музыкальное сопровождение к сольной партии голоса или инструмента, а также к основной теме, мелодии музыкального произведения. То же, что аккомпанирование; перен.; чего. Действия, события, явления, сопровождающие что-л., создающие фон чему-л. [5].

Без пояснительного члена содержание предложения может приобрести противоположный смысл: *Знаете, я вас до сих пор почти не уважала... то есть уважала, да на равной ноге, а теперь буду на высшей уважать...* (Ф. М. Достоевский).

В приведенных и многих других случаях пояснительные члены при сказуемом передают не столько дополнительную информацию, сколько более существенную по сравнению с глаголом-сказуемым, давая возможность обособленным сказуемым уже не «прислоняться» в семантическом плане к основному ядру, а самому образовывать ядро. Вопрос о предикативности подобных конструкций еще нуждается в дальнейшем осмыслении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Введение // Виноградов В. В. Грамматика русского языка. М.: АН СССР, 1954. Т. II. Синтаксис. Ч. 1. С. 5-111.
2. Камынина А. А. О полупредикативных конструкциях в простом предложении. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. 52 с.
3. Прияткина А. Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения. М.: Высшая школа, 1990. 175 с.

4. Русская грамматика. Синтаксис. Том 2. Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. 686 с.
5. Словарь русского языка: в 4-х т. Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык, Полиграфресурсы, 1999. 736 с. <https://gufo.me/dict/mas>
6. Соколова О. И. Пояснительные члены при глаголе-сказуемом // Семантика языковых единиц в разных типах речи: сборник статей международной научной конференции / под науч. ред. Е. Н. Лагузовой. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. С. 176-181.
7. Фурашов В. И. Полупредикативность как семантическое свойство обособленных членов предложения // Фурашов В. И. Современный русский синтаксис. Избранные работы. Владимир: ВГГУ, 2010. С. 301-318.
8. Чуглов В. И. Осложненное предложение: полупредикативные и пояснительные конструкции в современном русском литературном языке: структурно-семантический аспект: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Ярославль, 2012. 45 с.

СТОЛБУНОВА Галина Ивановна (*Владимир, Россия*)

старший преподаватель
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
vladlingvist@yandex.ru

О СПРАВОЧНИКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА (некоторые замечания)

Аннотация. В статье предлагается обзор справочной литературы о трудных случаях правописания, сравниваются формулировки правил в разных источниках об одной и той же орфограмме, при этом отмечаются противоречия и разночтения в толковании того или иного написания, что ведет к отсутствию грамотного письма.

Ключевые слова: орфография, орфограмма, правило правописания, примечание, справочник, отглагольное прилагательное, страдательное причастие, разграничение, орфографический словарь, слова-исключения.

Abstract. The article offers a review of references on difficult spelling cases, compares the formulating of the rules of one and the same spelling case in different sources. The author mentions contradictions and discrepancies in the interpretation of one or another spelling, that leads to the absence of the grammatical writing.

Keywords: spelling, spelling case, spelling rule, note, reference book, verbal adjective, passive participle, the distinction, spelling dictionary, words-exceptions

Анализируя справочную литературу по орфографии и пунктуации, особое внимание обратим на так называемые трудные вопросы русской орфографии – это правописание одного или двух Н в суффиксах отглагольных прилагательных и страдательных причастий прошедшего времени, а также частицы НЕ с разными частями речи, в частности с прилагательными.

1. Наш обзор справочной литературы о правописании Н или НН в суффиксах отглагольных прилагательных и причастий начнем, пожа-

луй, с «Пособия по русскому языку» Д. Э. Розенталя [5: 119-120], где сформулировано правило: «...ряд отглагольных прилагательных, образованных от бесприставочных глаголов, иногда с отрицанием НЕ пишутся с двумя НН: *невиданный, неслыханный, нежданный, негаданный, неожиданный, нечаянный, недреманный, данный, деланный, желанный, жеманный, медленный, отчаянный, пеклеванный, считанный, священный, чванный, чеканный*». т.е. представлен список слов-исключений, хотя и недостаточно полный.

Кроме того, в части Для справок [5: 121] отмечается следующее: «Различаются по смыслу и произношению прилагательные *нетопленный (нетопленая печь)* и *топлёный (топлёное молоко)*». Как видим, в словах, имеющих смысловые и произносительные различия, нам предлагают писать одну Н в обоих случаях! [5]

В пособии по русскому языку «Пишите, пожалуйста, грамотно!» [6: 54] в Примечании 4 утверждается следующее: «Два Н пишутся... и в многих причастиях, образованных от глаголов несовершенного вида (*виданный, виденный, слыханный, читанный* и др.). Хотя при этом, на наш взгляд, следовало бы упомянуть о необходимости наличия зависимых слов или каких-либо других условий [6].

В «Справочнике по правописанию и литературной правке» [7: 60-61] вообще нет списка отглагольных прилагательных, входящих в состав слов-исключений, а утверждается то же самое, что и в предыдущем пособии. Хотя в примерах: *названный брат, посаженный отец*, на наш взгляд, следует поставить знак ударения (в первом примере) и употребить букву ё (во втором примере), а также уточнить значения этих слов [7].

Наконец, в «Справочнике-практикуме» [8: 79] впервые в этой серии сборников обращается внимание на такой важный вопрос, как «разграничение страдательных причастий и образованных от них прилагательных (тем самым выбор написания НН и Н) иногда производится не по формальному признаку, а по смысловому значению». Далее приводится пример-предложение *Будучи раненым, солдат оставался в строю* и дается комментарий, поясняющий наличие причастия с НН (хотя нет ни приставки, ни пояснительных слов), сохраняющее глагольное значение,

и указывается не на постоянный признак-качество (как у отглагольного прилагательного), а на временное состояние. Но и здесь список исключений отглагольных прилагательных с НН – отсутствует [8].

В «Справочнике по орфографии и пунктуации» под ред. К. И. Былинского и Н. Н. Никольского [1: 31] необходимо отметить, в частности, два примера бесприставочных прилагательных, образованных от глаголов несовершенного вида, – «деланый (деланое выражение лица), вареный, топлёный (топленое молоко)». Хотя первый пример входит в состав исключений (деланный), а в остальных – одно Н можно было бы объяснить наличием буквы ё в суффиксе, но таких пояснений и обозначений справочник не дает. Заслуживает внимания и примечание 2 [1: 32], где по поводу написания слов варёный и варенный впервые дается интересный комментарий, объясняющий смысловую разницу этих слов. «Если причастие, образованное от глагола несовершенного вида и без приставки, сохраняет глагольное значение и без пояснительных слов, то оно пишется с двумя НН в суффиксе. Например, варёный картофель – это такой, который уже можно подать к обеду. Но может быть и варенный картофель – это такой, который какое-то время варили, но до состояния варёного не довели. Смысловая разница поддерживается в данном случае даже разными ударениями в словах».

Нельзя не отметить, на наш взгляд, и достаточно четкое и ясное пояснение к правилу о разграничении страдательных причастий и отглагольных прилагательных, данное в Примечании Справочника «Русский язык» Н. С. Светлышевой [9: 151]. «В сочетаниях топлённая печь и топлёный жир признаки, названные словами топлённая и топлёный, разного характера: в первом случае сохраняется глагольное значение (признак ограничен временным оттенком), т. е. признак назван причастием; во втором случае назван признак постоянный (ср. также топлёное молоко, топлёное масло), т. е. признак назван прилагательным. Кроме того, различительную роль играет и ударение».

В частности, на такие смыслоразличительные и произносительные особенности подобных слов, которые влияют на написание одного или двух Н в суффиксах, указывал известный ученый-лингвист В. И. Чернышев еще в первой половине XX века [10: Т. 1].

В Словаре-справочнике «Слова с двойными согласными» Н. П. Колесникова и в Орфографических словарях XXI века есть и другие подобного рода слова с пометами, например: солёный (прил.) и соленный (прич.); хотя есть и такой пример – холёный (прил.) и холенный (прич.) [3].

Необходимо отметить и тот факт, что только в пособии «Современная русская орфография» А. И. Кайдаловой и И. К. Калининой [2: 57, п. 4] предлагается следующее правило: «Если отглагольная форма выступает в функции одиночного обособления (*выделено нами*), то она является причастием, а следовательно, пишется с НН. Например: *Раненные, сломленные, мы шли, и нас никто не обгонял* (Герц.); *Леопард, видимо раненный, уполз в кусты* – здесь слово раненный – обособленное определение, выраженное причастием, и поэтому пишется с НН». Ни в одном справочнике такого правила нет!

И наконец, в Полном академическом справочнике – «Правила русской орфографии и пунктуации» (под ред. В. В. Лопатина) – есть и такое нововведение, (*выделено нами*) данное в примерах: *уже не раз считанные деньги, деланное много раз предложение – считанные минуты, деланое равнодушие* (причастие с НН, прилагательные – с одним Н) [4: 103, п. 3].

Однако до недавнего времени (в справочниках Д. Э. Розенталя и в Орфографических словарях) эти слова – *деланный* и *считанный* – находились в списке слов-исключений, в суффиксах которых всегда следует писать НН. И вот теперь они по какой-то причине оказались вне этого списка. Такие написания зафиксированы и в последнем Орфографическом словаре XXI века (под ред. В. В. Лопатина).

Кроме того, следует обратить внимание и на такое Примечание к правилу Полного академического справочника о разграничении причастий и отглагольных прилагательных (кстати, об этом ни в одном другом справочном пособии не упоминается): «... Бывают, однако, редкие случаи, когда зависимое слово не является признаком причастия. Например, следует писать: *у него усики явно крашеные* (ср.: *явно искусственные*, где слово *явно* употреблено при прилагательном); *стены, раньше белёные, теперь покрыты зеленой краской* (ср. *раньше белые*)» [4:

104]. Но возможно, наверное, и другое толкование пояснительных наречий: *явно* (т. е. поистине, по-настоящему) и *раньше* (т. е. ранее покрытые белой краской), тогда эти слова («крашенные, беленые») вполне можно считать причастиями с написанием двух НН?

Итак, сравнивая формулировки правил и примечаний о правописании Н и НН в суффиксах отглагольных прилагательных и страдательных причастий прошедшего времени из нескольких источников [1-10], можно сделать вывод, что ясное, четкое и достаточно полное толкование правильного написания слов с данной орфограммой, к сожалению, отсутствует. Кроме того, авторы справочников, подчеркивая произносительную разницу в некоторых словах-примерах, не ставят знака ударения и(или) не употребляют букву ё (там, где это крайне необходимо).

2. Что же предлагает справочная литература по поводу второго трудного случая русской орфографии – написание НЕ с различными частями речи, в частности с прилагательными? Обратим внимание на некоторые разночтения в анализируемых источниках. Например, в справочниках под ред. Д. Э. Розенталя обычно в подобных примерах: «случай, непохожий на другие» (в частности, [7: 74]) утверждается, что НЕ в этом контексте всегда пишется слитно.

Но в учебном пособии А. И. Кайдаловой и И. К. Калининой [2: 137] сформулировано следующее правило: «Частица не пишется всегда **р а з д е л ь н о** (разрядка автора) с прилагательными, которые не употребляются в качестве одиночных определений (сопровождаются пояснительными словами): не склонный (не склонен) к задумчивости, не согласный с требованиями долга поступок, ... не похожие (не похожи) на других». Кроме того, авторы предлагают [2: 140] пример: «Что-то странное, какие-то неведомые дотоле, незнакомые чувства, ему необъяснимые, пришли к нему (Г.)» и комментируют так, «прилагательное неведомый без НЕ не употребляется» (в отличие от Справочника Д. Э. Розенталя!). И все-таки именно в этом пособии, на наш взгляд, дан полный перечень основных условий слитного и раздельного написания НЕ с именами прилагательными.

В заключение можно сделать вывод: необходим «Справочник по орфографии и пунктуации», который 1) должен содержать четко и ясно

сформулированные правила и примечания к ним, 2) способствовать упорядочению системы правописания, а не вести к многочисленным разночтениям, 3) при этом особое внимание должно уделяться так называемым трудным случаям написаний и только тогда все эти условия приведут к основной цели справочника по правописанию – помочь пишущему выработать навыки грамотного письма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Былинский К. И., Никольский Н. Н. Справочник по орфографии и пунктуации для работников печати. Изд. МГУ. М., 1970. 344 с.
2. Кайдалова А. И., Калинина И. К. Современная русская орфография: Учеб. пособие для вузов по спец. «Журналистика». 4-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1983. 240 с.
3. Колесников Н. П. Слова с двойными согласными: Словарь-справочник / Отв. ред. Л. К. Чельцова. М.: Рус. яз. 1990. 409 с.
4. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2008. 480 с.
5. Розенталь Д. Э. Пособие по русскому языку для поступающих в вузы. Изд-во «ОНИКС 21 век», «Мир и Образование». М., 2003.
6. Розенталь Д. Э. «Пишите, пожалуйста, грамотно!». М.: Изд-во «Астра», 1995.
7. Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке. М.: Айрис Пресс, 2005.
8. Розенталь Д. Э. Русский язык. Справочник-практикум: Орфография. Пунктуация. Орфографический словарь. Прописная или строчная? М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2007. 1008 с.
9. Светлышева В. Н. Русский язык: Справочное издание для старшеклассников и поступающих в вузы. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2003. 400с.
10. Чернышев В. И. Избранные труды. М. 1970. Т. 1.

ТЕУШ Ольга Анатольевна (*Екатеринбург, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Бориса Николаевича Ельцина
olga.teush@yandex.ru

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА НАИМЕНОВАНИЙ ГУСТОГО И НЕПРОХОДИМОГО ЛЕСА В ДИАЛЕКТАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена исконным наименованиям густого и непроходимого леса в диалектах европейского Севера России. Весь выявленный комплекс лексем анализируется с точки зрения происхождения слов и их семантических связей.

Ключевые слова: лексема, семантика, значение, русский язык, европейский Север России.

Abstract. The article is devoted to the primordial names of dense and impenetrable forest in the dialects of the European North of Russia. The whole complex of lexemes is analyzed from the point of view of the origin of words and their semantic connections.

Keywords: lexeme; semantics; meaning; Russian language, European North of Russia.

Основным наименованием густого, темного и труднопроходимого леса в русском языке является сочетание *дремучий лес*, где *дремучий* ‘о лесе: густой и темный, труднопроходимый’ – старое действительное причастие настоящего времени от глагола *дремать* ‘быть в дремоте’ при *дремота* ‘полусон, состояние при котором хочется спать и невольно закрываются глаза’ [ТСРЯ: 216]. В диалектах синонимичными определениями являются *дремучей* ‘густо растущий, труднопроходимый’ (Арх.: Карг., Леш., Он., Пин., Холм.) [АОС 12: 252-253], *дремудной* ‘то же’ (Арх.: Карг.) [АОС 12: 252]. Реже используются однословные обозначения с тем же корнем: *дрём* ‘чаща, дремучий лес’ (Костр.: Чухл.) [СГКЗ: 97], *дремá* ‘густой лес’ (Арх.: Холм.) [АОС 12: 250].

Близки по внутренней форме лексемы с корнем *слеп-* (ср. *слепой* ‘неотчетливый, плохо различаемый’ при основном значении ‘лишенный зрения, способности видеть, незрячий’ и восстанавливаемом как исходное ‘мутный, грязный, смешанный’ [ТСРЯ: 896]): *слепь* ‘густые труднопроходимые заросли молодых деревьев или кустарника’ (Влг.: Бел.) [КСГРС], *слипь* ‘то же’ (Влг.: Бел., Кир.) [КСГРС], *слепáрник* ‘то же’ (Влг.: Бел.) [КСГРС], *слепáрь* ‘то же’ (Влг.: Бел., Кир.) [КСГРС], *слеперняк* ‘то же’ (Влг.: Бел.) [КСГРС], *слепéрь* ‘то же’ (Влг.: Бел.) [КСГРС], *слепетинник* ‘то же’ (Влг.: К.-Г.) [КСГРС], *слепу́к* ‘то же’ (Влг.: Бел.) [КСГРС], *слепу́ца* ‘то же’ (Влг.: Бел.) [КСГРС], *слепной лес* ‘то же’ (Влг.: Бел.) [КСГРС], *слепняк* ‘то же’ (Влг.: Бел., Ваш., Кир.) [КСГРС], *слепты́рник* ‘то же’ (Влг.: Череп.) [КСГРС], *слепты́рь* ‘то же’ (Влг.: Череп.) [КСГРС], *слепу́жник* ‘то же’ (Влг.: Бел.) [КСГРС], *слепы́рник* ‘то же’ (Влг.: Бел.) [КСГРС], *слепы́рь* ‘то же’ (Влг.: Бел.) [КСГРС], *слепняк* ‘густой лес, чащоба’ (Влг.: Кир.) [СРГК, 6: 149]. Шепелявенье отражено в форме *шлепняк* ‘мелкий лес’ (Влг.: Устюж.) [КСГРС].

В значении ‘густой дремучий лес’ используются описательные наименования, подчеркивающие отдельные характеристики лесного массива. Таковым является *тёмный лес* (Арх.: В.-Т.) [КСГРС] (ср. *тёмный* ‘лишенный света, погруженный во тьму’ [ТСРЯ: 982]). Близки по

внутренней форме лексемы *чернь* ‘густые заросли, место в глубине леса’ (Арх.: Прим.) [КСГРС], *чёрни* ‘заросли в лесу’ (Арх.: Вин.) [КСГРС]. При номинации цветообозначение *чёрный* использовано во вторичном значении ‘темный, в противоположность чему-нибудь более светлому, именуемому белым’ [ТСРЯ: 1092].

Русск. литер. *глухой* ‘сплошной, без просветов’ [ТСРЯ: 154], диал. *глухой* ‘не имеющий промежутков, перерывов, сплошной’ (Арх.: Пин., Плес.) [АОС 9: 126] послужило основой составного наименования *глухой лес* ‘непроходимый дремучий лес’ (Костр.: Солиг.) [СГКЗ: 72]. Отмечены и однословные однокоренные обозначения: *глуша* ‘глухое место в лесу’ (Влг.: Шексн.; Новг.: Чуд.) [СРГК 1: 341], *глушинник* ‘густой, непроходимый лес’ (Влг.: Кир.) [СРГК 1: 342], *глушня* ‘глухой лес’ (Яр.: Рост.) [ЯОС 3: 79], *глушняк* ‘густой, непроходимый лес’ (Ленингр.: Тихв.; Новг.: Чуд.) [СРГК 1: 342], ‘глухой, непроходимый лес’ (Печор.) [СРГНП 1: 140], *глушь* ‘заросший глухой лес’ (Костр.: Чухл.) [СГКЗ: 72]. Внутреннюю форму ‘темный лес’ имеет лексема *хмарь* ‘непроходимый лес, чаща’ (Арх.: Мез.) [КСГРС], которую нужно считать результатом регласовки в *хмурь* и рассматривать как отражение праслав. **хтирь*, которое связано родством со **штирь* (> русск. диал. *смурый* ‘темный’) [ТСРЯ: 1066].

Дескриптивно *стамой лес* ‘глубокий дремучий лес’ (Арх.: Прим.) [КСГРС]: производно от *стамой* ‘прямой, вертикальный’ (С.-Дв.) [СРНГ: 41, 42], ср. однокоренное *настой* ‘старый, густой лес’ (Ленингр.: Тихв.) [СРГК 3: 380] – дериват от *настояться* ‘провести долгое время стоя’ [ТСРЯ: 496].

Г. Куликовский приводит лексему *матерняк* ‘бор, дремучий лес’ (Олон.) [Куликовский: 54], которая производна от *матёрый* ‘большой, здоровый, крепкий, высокий’ (Арх.: Вель., Вил., В.-Т., Карг., Мез., Прим., Уст.; Влг.: В.-Важ., В.-Уст., Хар.) [СГРС 7: 248], ‘полный сил, крепкий (о растениях)’ [ССРЛЯ 6: 701-702], ср. также: «*Ёлка стояла такая матеруца, велика*» (Вил., Шаманиха) [СГРС 7: 248].

Одним из наиболее частотных названий густого, дремучего, труднопроходимого леса является *рамень* (также *раменье*) ‘густой, дремучий, темный лес; большие казенные леса, где есть распашка; глушь лесная непроезжая без дорог, где только по опушке есть починки и

росчисти' (Вят., Костр., Перм.) [Даль 4: 58]. Лексема и ее производные сохраняют выявленное В. И. Далем значение до настоящего времени: *ра́мень* 'густой дремучий лес, не тронутый человеком' (Костр.: Вохом., Кологр., Макар., Остр., Павин., Поназ.) [ККОС: 287], *ра́менный лес* 'то же' (Костр.: Антр.) [ККОС: 287], *ра́менье* 'то же' (Костр.: Буйск., Мант., Остр., Парф., Чухл.) [ККОС: 286-287], *ра́мень* 'густой дремучий лес' (Костр.: Кологр., Чухл.) [СГКЗ: 331], *ра́менье* 'очень густой, непроходимый, темнохвойный еловый лес' (Помор.) [Мосеев: 103], 'густой дремучий лес' (Костр.: Буйск., Парф., Чухл.) [СГКЗ: 331]. Основная семантика лексемы и производных в диалектах нередко сужается: *ра́мень* (также *ра́менье*) 'мешанное чернолесье, елшь, пихта, береза, осина, более по суглинку с моховиной' (Костр., Ряз.) [Даль 4: 58], *ра́мень* 'смешанный лес' (Яр.: Пош.) [КСГРС], *ра́мешка*, *ра́мешки* 'небольшой смешанный лесок' (Костр.: Мант., Нейск.) [ККОС: 288], *ра́мень* 'хвойный лес' (Вят.) [Зеленин: 135], *раме́шка* 'молодой еловый лесок' (Влг.: Кад.) [КСГРС], *ра́менье* 'опушка дремучего хвойного леса' (Арх.: Мез.) [Подвысоцкий: 146], *рамеши́на* 'сырое низменное лесистое место' (Костр.: Мант.) [КСГРС].

По этимологии Ю. В. Откупщикова, «слово *ра-мень* <...> было образовано от глагола **рати* и означало оно когда-то совсем не 'лес', а 'пашню» [1: 39]. Праславянский глагол восстанавливается как **or(a)ti* (> русск. диал. *ора́ть* 'пахать') [ТСРЯ: 820]. На исходную форму лексемы с начальным *о-* указывает отмеченное В. И. Далем *ора́менье* 'околица раменя, чернолесья; опушка лесная' (Новг.) [Даль 2: 614]; впоследствии в результате переразложения *о-* было осмыслено как приставочный элемент и устранено. Трансформация земледельческой семантики в дендрологическую определяется экстралингвистически: при подсечно-огневом земледелии пашня, разработанная на месте лесного участка, использовалась для посева несколько лет и по истощении забрасывалась и зарастала лесом.

Прозрачна внутренняя форма лексемы *чащá* 'густой непроходимый лес, заросли' (Арх.: Вил., Вин., В.-Т., Карг., К.-Б., Кон., Котл., Лен., Леш., Нянд., Он., Пин., Плес., Уст., Холм.; Влг.: Баб., Бабуш., Важ., Вож., В.-Уст., К.-Г., Кир., Ник., Нюкс., Сямж., Тарн., У.-Куб., Устюж., Чаг., Шексн.;

Яр.: Пош.; Киров.: Кот., Халт.; Костр.: Галич., Кологр., Меж., Нейск., Пыщ., Чухл.) [КСГРС]: образована от *ча́стый* 'состоящий из близко расположенных друг к другу частей, густой, плотный' [ТСРЯ: 1084]. В русском литературном языке используется иной акцентологический вариант: *ча́ща* 'густой частый лес, заросль' [ТСРЯ: 1084]. Сужение значения реализовано в *чащá* 'мелкий частый ельник' (Влг.: Ник.) [КСГРС]. Фонетическая трансформация лексемы отмечена в словаре П. А. Дилакторского: *ча́ща* 'чаща, лесная глушь' (Влг.: Вель., Сольв., Тот., Ярен.) [Дилакторский: 556]. Многочисленные производные сохраняют или варьируют значение производящего слова: *чащану́на* 'густые заросли' (Арх.: Шенк.) [КСГРС], *чащáра* 'густо разросшийся лес; чаща' (Моск.) [СГПМ: 537], 'очень густой и высокий лес' (Киров.: Халт.) [КСГРС], *чащебо́р* 'густой лес' (Костр.: Пыщ.) [КСГРС], *чащебо́рник* 'труднопроходимое место в лесу' (Костр.: Пыщ.) [КСГРС], *чащевáтик* 'небольшой сосновый лес' (Арх.: Вин.) [КСГРС], *чащеву́той лес* 'густой лес' (Арх.: Шенк.) [Подвысоцкий: 186], *чащеву́тые за́росли* 'сплошные' (Арх.) [Даль 4: 583], *чащеву́ца* 'мелкий труднопроходимый лес' (Арх.: В.-Т.) [КСГРС], *чащену́на* 'темный еловый лес' (Арх.: Вин.) [КСГРС], 'лесная чаща' (Арх.: Он.) [Подвысоцкий: 186], *чащэ́ра* 'густо разросшийся лес; чаща' (Моск.) [СГПМ: 537], *чащину́на* 'тонкий еловый лес' (Арх.: Леш.) [КСГРС], 'частый лес' (Арх.; Новг.: Тихв.) [Опыт: 255], 'чаща лесная' (Арх., Новг.) [Даль 4: 583], 'лесная чаща' (Арх.: Он.) [Подвысоцкий: 186], 'молодой густой лес' (Костр.: Кологр., Макар.) [КСГРС], *чащину́на* 'густые заросли, чаща' (Яр.: Люб.) [КСГРС], *чащоба́* 'непроходимое место в лесу' (Костр.: Парф.) [СГКЗ: 412], *чащову́к* 'частый лес' (Костр.: Парф.) [СГКЗ: 412], *чащови́тый* 'находящийся в чаще' (Сев.) [СРГНП 2: 388].

Без палатализации конечного элемента корня функционируют *ча́ста* 'лесная чаща' (Арх.: Он.) [КСГРС], *ча́стель* 'частый лес' (Морд.) [СРГРМ 2: 1455], *ча́стэ́рка* 'лесная чаща' (Арх.: К.-Б.) [КСГРС], *ча́стик* 'частый лес' (Морд.) [СРГРМ 2: 1455], *ча́стук* 'чаща' (Влг.: Бел., Тот., Устюж., Череп.) [КСГРС], *ча́стовик* 'лесная чаща' (Арх.: Шенк.) [Подвысоцкий: 186], *ча́столéшица* 'чаща' (Влг.: Выт.) [КСГРС], *ча́столу́стица* 'то же' (Влг.: В.-Важ.) [КСГРС]. Упрощение группы согласных отражено в *ча́снэ́к* 'частый лес' (Олон.: Лп., Пт.) [Куликовский: 131].

Признак густоты реализован в *густáрник* 'густой лес' (Новг.: Бат.) [НОС 13: 24], (Морд.) [СРГМордД: 112], *густерá* 'невысокий смешанный лес' (Киров.: Халт.) [КСГРС], *густёрник* 'густой лес' (Киров.: Халт.) [КСГРС], *густерни́к* 'то же' (Киров.: Кот., Халт.) [КСГРС], *густолéсица* 'густой, частый лес' (Арх.: Холм.) [АОС 10: 164], *гу́ща* 'мелкий густой лес' (Киров.: Халт.) [КСГРС], *гущарá* 'то же' (Киров.: Халт.) [КСГРС], *гущáк* 'густые заросли чего-л.' (Карел.: Пуд.) [СРГК 1: 418].

Праславянские истоки имеет лексема *дэб́ря* 'густая часть леса, чаща в его глубине' (Костр.: Галич., Чухл.) [СГКЗ: 88], которая наряду с литер. *дэб́ри* 'место, заросшее непроходимым лесом', др.-русск. *дѣбрь*, выводится из праслав. **dьbrь* [ТСРЯ: 184].

Фонетически сходные *дербá* 'труднопроходимое место в лесу' (Влг.: К.-Г., Ник.) [КСГРС], 'густые заросли мелкого леса' (Костр.: Пыщ.) [КСГРС], *дерьбá* 'труднопроходимое место в лесу' (Арх.: Леш.; Костр.: Шар.) [КСГРС], *дерьбá* 'густой лес, чаща' (Арх.: Леш.) [АОС 11, 104], *дэрьба* 'сырое место в лесу' (Влг.: К.-Г.) [КСГРС] возводятся к праслав. **dьrba* [ЭССЯ 5, 219], являющемуся производным с расширением *-b-* от **dьr-* (> русск. *драть* 'рвать, раздирать на части', 'отдирать, сдирать') [ЭССЯ 5: 218-219], ср. также русск. *дербúть* 'чесать, скрести, царапать, либо драть, теревить' (Костр.) (< праслав. **dьrbiti*) [ЭССЯ 5: 220].

Корень *дряб-*, отраженный в русск. литер. *дря́блый* 'лишенный упругости, крепости, вялый' [ТСРЯ: 218], в основе лексемы *дря́бль* 'густая поросль леса и кустарника на сыром месте' (Арх.: Пин., Шенк.) [КСГРС], 'густо заросшее место в лесу, чаща' (Арх.: Мез., Пин., Шенк.) [АОС 12: 324]. Диалектный переход 'а > е' представлен в *дре́бль* 'густые труднопроходимые заросли леса и кустарника на сыром, заболоченном месте' (Арх.: Мез., Пин., Шенк.) [КСГРС], 'заросль, чаща' (Арх.) [Даль 1: 429], 'дром, чаща лесная, трущоба с валежником' (Арх.) [Даль 1: 490-491], *дребúстый* 'поросший густым лесом, кустарником' (Арх.: Пин.) [КСГРС], *дребезды́* 'заросли' (Морд.) [СРГМордД: 124].

Для *дря́зга* 'глухой захламленный, труднопроходимый лес' (Помор.) [Гемп: 377], ср. также *дря́зга* 'лесистая, болотистая местность' (Яр.) [Мельниченко: 62], (Яр.: Дан., Пересл., Рыб., Яросл.) [ЯОС 4, 22], реконструируется праслав. **dręzga* 'хворост, сухостой' > 'лес', производ-

ное от **dręzɡati* ‘ломать с шумом’ [ТСРЯ: 218]. «Звуковая» модель воплощена также во внутренней форме лексемы *трещоба* ‘труднопроходимое, густозаросшее место’ (Влг.: Сямж.) [КСГРС]: является производной от *треск* (< праслав. **trěskъ*) ‘резкий звук от чего-нибудь лопнувшего, сломавшегося’ [ТСРЯ: 999]. Фонетически близкие *трусоба* ‘чаща, заросли’ (Влг.: Влгд.; Костр.: Мант., Чухл.) [КСГРС], ‘густой лес’ (Костр.: Мант.) [СГКЗ: 386], *трюсоба* ‘густой лес, чащоба’ (Морд.) [СРГРМ 2: 1345] отражают иной корень – **trusk-*, ср. русск. диал. *трусск* ‘треск, хруст’ [СРНГ 45: 170], ‘треск, хруст, хворост’ [ТСРЯ: 1005]. Лексема *трусоба* ‘труднопроходимое, густо заросшее место’ [ТСРЯ: 1005] функционирует в русском литературном языке.

Семантика деструкции (ср. *ломать* ‘повреждать, приводить в негодность, разрушать’, *ломить* ‘нажимая, ломать, отламывать’ [ТСРЯ: 415]) реализуется в *лом* ‘чащоба, заросли’ (Влг.: В.-Уст., К.-Г., Ник., Тарн.) [СВГ 4: 44], *ломь* ‘то же’ (Влг.: Сямж.) [СВГ 4: 46], *лом* ‘участок леса, засоренный валежником’ (Арх.: Вель.; Влг.: Хар., Чаг.; Костр.: Кологр.) [КСГРС], *ломна* ‘то же’ (Костр.: Чухл.) [КСГРС], *ломник* ‘то же’ (Арх.: Он.) [КСГРС], *ломной лес* ‘то же’ (Влг.: Чаг.) [КСГРС], *ломь* ‘то же’ (Арх.: Кон.; Костр.: Макар., Мант., Меж., Нейск., Пыщ., Чухл.) [КСГРС], *ломняг* ‘то же’ (Карел.: Медв.) [СРГК 3: 145], *ломьё* ‘то же’ (Арх.: Вель., Холм.) [КСГРС], (Ленингр.: Бокс.; Новг.: Люб.) [СРГК 3: 146], *ломь* ‘лес, поваленный бурей, бурелом’ (Влг.: Сямж.) [СВГ 4: 46]. Восстанавливается праслав. **lotъ*, > русск. литер. *лом* ‘ломаные или годные только для переработки предметы’, ср. укр. *лім* ‘валежник, бурелом’, польск. *lot* ‘обломки дерева, хворост’ [ТСРЯ: 415]. Многочисленны приставочные образования с тем же корнем: *вылом* ‘лес, сломанный и поваленный бурей’ (Киров.: В.-Кам., Халт.) [КСГРС], *полóm* ‘лес, в котором много сломанных деревьев’ (Киров.: Халт.) [КСГРС] (также *полóm* ‘небольшой лес’ (Киров.: Халт.) [КСГРС], *полómка* ‘то же’ (Костр.: Нейск.) [КСГРС]), *проломки* ‘поваленный бурей лес’ (Арх.: Кон.; Влг.: Сок.) [КСГРС]. Корень -лом- входит в состав словосложений *бурелóm* ‘лес, поваленный бурей’ [ТСРЯ: 67], ‘непроходимый густой лес’ (Киров.: Халт.) [КСГРС], *бурелómник* ‘поваленный бурей лес’ (Костр.: Буйск., Чухл.) [СГКЗ: 38], *беролóm* ‘лес, выломанный ветром’ (Костр.: Пыщ.) [КСГРС], *ветролом*

‘поваленный ветром лес’ (Киров.: Халт.; Костр.: Мант., Меж., Шар.) [КСГРС].

Производной от *лом* с экспрессивным наращением *х-* и чередованием гласных считается лексема *хлам* ‘негодные старые вещи, все бесполезное, ненужное’ [ТСРЯ: 1064], от которой образовано *хламьё* ‘густой дремучий лес, чаща’ (Арх.: Плес.) [КСГРС].

Праслав. **koręga* восстанавливается [ТСРЯ: 370] для *коряга* ‘низкорослый сучковатый лес’ (Арх.: В.-Т.) [КСГРС], от которого производны *коряжина* ‘то же’ (Арх.: Пин.) [КСГРС], *коряжник* ‘кривой, сучковатый, низкорослый лес’ (Арх.: В.-Т., Кон., Пин.) [КСГРС], ‘густой коряжистый лес’ (Моск.) [СГПМ: 223], ‘лес, растущий на болоте’ (Влг.: Вож.) [КСГРС]. С архаическим префиксом *ко-* отмечено также *кокоряжник* ‘искривленный, сучковатый лес’ (Арх.: Прим.) [КСГРС]. Праслав. **kor-* выводится из и.-е. **(s)ker-* ‘резать’ [ТСРЯ: 365], семантика которого более ярко реализована в общерусск. *коряга* ‘сучковатый (часто погружившийся в воду) кусок сваленного, подгнившего дерева или кусок высушенного корня, пня’ [ТСРЯ: 370]. К тому же корню с реализацией **ker- > *čer-* и использованием префикса *ко-* следует относить *кочёрник* ‘сучковатый лес’ (Арх.: Пин.) [Подвысоцкий: 73], *кочеряжник* ‘кривоствольный лес’ (Арх.: В.-Т.) [КСГРС], *кочерёжник* ‘мелкий лес, в котором растет много кривых, сучковатых деревьев’ (Яр.: Рыб.) [ЯОС 5: 82]. С чередованием гласных *e/i* корень **(s)ker-* реализован в *выскирь* ‘вывернутые с корнем деревья, бурелом, лесной завал’ (Влг.: Бел., В.-Важ., Гряз., Тот.) [КСГРС]. Диалектное варьирование *ки-/кы-* отражено в *искёрник* ‘лес, вывороченный ветром с корнями’ (Влг.: Влгд.) [Дилакторский, 182]. Синонимичное и фонетически сходное *искивёрник* ‘лес, вывороченный ветром с корнями’ (Влг.: Влгд.) [Дилакторский: 182] иного происхождения: отражает праслав. корень **vir-*, связанный чередованием гласных с **vьr-* (> русск. *вертеть*) [ТСРЯ: 82].

Сужение гласного *ô > у* представлено в корне слова *курчина* ‘густые заросли леса’ (Арх.: Уст.) [КСГРС], ср. русск. диал. *корч* ‘дерево, вывороченное с корнем’ (< праслав. **kьrĭĭ*, производному от **kьrĭiti* ‘корчевать’, < **kьr-* ‘резать’) [ТСРЯ: 369]. Значение лексемы *курчина* вторично к ‘валежник, бурелом’. Тот же корень с чередованием **ь/*и* и при-

соединением расширителя *-n-* (т. е. < **kurn-*) имеет слово *кúрень* ‘густой лес’ (Влг.: Ник.) [СВГ 4: 21], ср. др.-русск. *кърный* ‘обрезанный’ [ТСРЯ: 392].

Близка внутренняя форма существительного *нарэзка* ‘сучковатый лес’ (Влг.: Вож.) [КСГРС] – является дериватом от *нарэзать* ‘срезать, отрезать в каком-нибудь количестве’ [ТСРЯ: 491].

Корень лексемы *шал* ‘кривой, плохой лес’ (Арх.: Леш.) [КСГРС] связан чередованием гласных с *хол-*, который возводится к праслав. **hol-*, отраженному в **xoliti* (русск. *хóлить*) с первоначальным значением ‘драть’ [ТСРЯ, 499: 1100-1101]. Дальнейшие истоки усматриваются в и. е. **skelp-* ‘царапать, резать’ [ТСРЯ: 1100]. Производным является *шалы́га* ‘лес’ (Морд.) [СРГРМ 2: 1497], с варьированием гласного в корне имеющее также варианты *шелугá* ‘мелкий сосняк’ (Морд.) [СРГРМ 2: 1512], *шилúга* ‘лесок’ (Морд.) [СРГРМ 2: 1518].

Корень *вил-* (произведен с суфф. *-dl-* от основы глагола **viti* (> русск. *вить*) [ТСРЯ: 92]), отраженный в *вúла* ‘развилка у дерева; дерево с развилкой’ (Арх.: Вил., Вин., В.-Т., Уст., Шенк.; Влг.: Баб., В.-Важ., Вож., Кад., Сямж., Хар.) [СГРС 2: 110], представлен в *вúлистый* ‘труднопроходимый, заросший деревьями, которые сплелись ветвями’ (Влг.: Кир.) [КСГРС]. Семантически близкий корень **klen-*, связанный чередованием гласных с **klon-* (русск. *клонúть*) [ТСРЯ: 341-342], послужил основой для *кля́пой* ‘наклонившийся, согнутый, надломленный (о дереве)’ (Арх.: Вил., В.-Т., К.-Б., Лен., Пин.) [КСГРС] (дериват с суфф. **-p-*), от которого образовано *кляпúжник* ‘заросли согнутых деревьев’ (Арх.: В.-Т.) [КСГРС]. Признак ‘спутанный, запутанный’ содержится во внутренней форме лексемы *путора́шник* ‘густые заросли леса’ (Арх.: Уст.) [КСГРС].

Производно от *тэ́сный* ‘расположенный совсем близко друг к другу, плотно’ [ТСРЯ: 980] *теснúк* ‘чаща’ (Арх.: Кон.) [КСГРС]. Иные корни у лексемы *тесовúк* ‘чаща’ (Влг.: Бабуш.) [КСГРС]: образована от прилагательного *тесóвый* ‘обломанный, обрубленный’, производного от глагола *тесáть* ‘рубя, ровняя вдоль поверхности делать ровным’, ‘изготавливать, разбрубая, обрабатывая топором’ [ТСРЯ: 980].

Дериватом с архаическим префиксом *па-* является *пáторник* ‘кривой чахлый непроходимый лес’ (Влг.: М.-Реч.) [КСГРС]. Корневое

тор- < праслав. **tor-*, связанному чередованием гласных с **terti* (русск. *тереть*) [ТСРЯ: 991]. Корень *тыр-*, считающийся экспрессивным преобразованием *тор-* [Фасмер 4: 132], представлен в *сутырь* 'участок поваленного ветром леса' (Влг.: В.-Важ.) [КСГРС].

Семантика движения вниз реализована во внутренней форме лексем *па́дник* 'место в лесу с упавшими деревьями' (К.-Перм.) [СКП: 176], *падун* 'лес, в котором много упавших деревьев' (Влг.: Влгд.) [СВГ 6: 117] (ср.: *па́дать* 'непроизвольным движением резко опускаться сверху вниз; опускаться, валиться на землю, книзу' [ТСРЯ: 607]), *валёж* 'поваленный сухой лес' (Костр.: Буйск., Галич.) [СГКЗ: 42], *ветровáл* 'вывороченный лес' (Костр.: Нейск.) [КСГРС] (ср.: *валу́ть* 'обрушивать вниз, заставляя падать' [ТСРЯ: 72]), *седу́лина* 'мелкий сучковатый лес' (Влг.: Ваш.) [КСГРС], *седун* 'низкий сучковатый лес на сыром месте' (Влг.: Тот.) [КСГРС] (ср.: *сесть* 'опуститься', 'укоротиться, сузиться от влаги' [ТСРЯ: 877], 'стать низким (о посевах)' [СРНГ 37: 238]). Атрибутивно *низкушо́к* 'низкий кривоствольный лес' (Арх.: Леш.) [КСГРС]: производно от *ни́зкий* 'малый по высоте' [ТСРЯ: 522].

Компонент 'сырой', содержащийся в семантике др.-русск. прилагательного *прѣсный* 'свежий, сырой, необработанный', лег в основу внутренней формы лексем *пресни́на* 'низкорослый, чахлый лес на сыром месте' (Яр.: Пош.) [КСГРС], *пресли́на* 'то же' (Арх.: Плес.) [КСГРС], *пресле́дник* 'то же' (Влг.: Вож.) [КСГРС] (в двух последних лексемах *-л-* – результат диссимиляции).

Вторичны дендрологические значения для лексем *степь* 'густые заросли леса, чаща, дремучий лес' (Арх.: В.-Т.; Влг.: Ник.) [КСГРС] (ср.: *степь* 'безлесное, бедное влагой и обычно ровное пространство с травянистой растительностью в зоне сухого климата' [ТСРЯ: 941]) и *холм* 'труднопроходимый густой лес' (Арх.: В.-Т., Мез.) [КСГРС] (ср.: *холм* 'округлая возвышенность с пологими склонами' [ТСРЯ: 1068]).

Метафорические обозначения густого леса редки и номинируют его местоположение: *желобник* 'густой лес в низине, сыром месте' (Киров.: Халт.) [КСГРС] (ср.: *жёлоб* 'длинное полукруглое или прямоугольное углубление для стока, ссыпки чего-нибудь' [ТСРЯ: 233]), *голова́* 'более густая часть лесного массива' (Арх.: Леш., Пин.) [АОС 9: 232] (ср.:

голова́ ‘часть тела человека (или животного), состоящая из черепной коробки и лица (у животного морды)’ [ТСРЯ: 158]), *нутро́* ‘лесная глушь, чаща’ (Арх.: Мез.) [КСГРС] (ср.: *нутро́* ‘внутренность, внутренности’ [ТСРЯ: 530]).

Эмоциональная оценка проявлена в номинации *дичь* ‘труднопроходимый лес’ (Костр.: Чухл.) [КСГРС] (< русск. *ди́кий* ‘находящийся в первобытном состоянии, некультуривуемый’ [ТСРЯ: 198]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Откупщиков Ю. В. К истокам слова: Рассказы о науке этимологии. М., 1986. 176 с.

СЛОВАРИ И ИСТОЧНИКИ

(с используемыми сокращениями).

АОС – Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. М., 1980–. Вып. 1.

Гемп – Гемп К. П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. М., Архангельск, 2004. 637 с.

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1880–1882.

Дилакторский – Дилакторский П. А. Словарь областного вологодского наречия. СПб., 2006. 677 с.

Зеленин – Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. 511 с.

ККОС – Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / Сост. Н. С. Ганцовская, Г. И. Маширова. Кострома, 2006. 347 с.

КСГРС – Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

Куликовский – Куликовский Г. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898. 151 с.

Мосеев – Мосеев И. И. Поморьска говоря. Краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005. 138 с.

НОС – Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Новгород, 1992–1995. Вып. 1–12.

Опыт – Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852. 275 с.

Подвысоцкий – Подвысоцкий А. О. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. 198 с.

СВГ – Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983. Вып. 1.

СГКЗ – Ганцовская Н. С. Словарь говоров Костромского Заволжья. Междуречье Костромы и Унжи. Ярославль, 2015. 512 с.

СГПМ – Иванова А. Ф. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969. 598 с.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера. Т. 1–6. Екатеринбург, 2001–2014.

СКП – Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь, 2007. 420 с.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994–2005. Вып. 1–6.

СРГНП – Словарь русских говоров Низовой Печоры / Под ред. Л. А. Ивашко. Т. 1–2. СПб., 2003, 2005. 553 с., 470 с.

СРГРМ – Словарь русских говоров на территории республики Мордовия. Ч. 1-2. СПб., 2013. 672 с., 1560 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1. М.; Л., 1965.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л., 1950–1965.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008. 1175 с.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-тт. М., 1986–1987.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Вып. 1. М., 1974.

ЯОС – Ярославский областной словарь. Ярославль, 1981-1991. Вып. 1–10.

СОКРАЩЕНИЯ

1. Языки и диалекты

др.-русск. – древнерусский язык

и.-е. – индоевропейский праязык

польск. – польский язык

праслав. – праславянский язык

русск. – русский язык

укр. – украинский язык

2. Географические названия

Антр.	– Антроповский район Костромской области
Арх.	– Архангельская область (губерния), г. Архангельск
Баб.	– Бабаевский район Вологодской области
Бабуш.	– Бабушкинский район Вологодской области
Бат.	– Батецкий район Новгородской области
Бел.	– Белозерский район Вологодской области
Бокс.	– Бокситогорский район Ленинградской области
Буйск.	– Буйский район Костромской области
Ваш.	– Вашкинский район Вологодской области
В.-Важ.	– Верховажский район Вологодской области
Вель	– Вельский район Архангельской области – Вельский уезд Вологодской губернии
Вил.	– Вилегодский район Архангельской области
Вин.	– Виноградовский район Архангельской области
В.-Кам.	– Верхнекамский район Кировской области
Влг.	– Вологодская область (губерния)
Влгд.	– Вологодский район Вологодской области
Вож.	– Вожегодский район Вологодской области
В.-Т.	– Верхне-Тоемский район Архангельской области
В.-Уст.	– Великоустюжский район Вологодской области
Выт.	– Вытегорский район Вологодской области
Вят.	– Вятская губерния
Галич.	– Галичский район Костромской области
Гряз.	– Грязовецкий район Вологодской области
Дан.	– Даниловский район Ярославской области
Кад.	– Кадуйский район Вологодской области
Карг.	– Каргопольский район Архангельской области
Карел.	– республика Карелия
К.-Б.	– Красноборский район Архангельской области
К.-Г.	– Кичменгско-Городецкий район Вологодской области
Кир.	– Кирилловский район Вологодской области
Киров.	– Кировская область
Кологр.	– Кологривский район Костромской области
Кон.	– Коношский район Архангельской области
Костр.	– Костромская область
Кот.	– Котельничский район Кировской области

Котл.	– Котласский район Архангельской области
К.-Перм.	– Коми-Пермяцкий автономный округ
Лен.	– Ленский район Архангельской области
Ленингр.	– Ленинградская область
Леш.	– Лешуконский район Архангельской области
Лп.	– Лодейнопольский уезд Олонецкой губернии
Люб.	– Любытинский район Новгородской области
Макар.	– Макарьевский район Костромской области
Мант.	– Мантуровский район Костромской области
Медв.	– Медвежьегорский район Карелии
Меж.	– Межевской район Костромской области
Мез.	– Мезенский район Архангельской области
Морд.	– республика Мордовия
Моск.	– Московская область
М.-Реч.	– Междуреченский район Вологодской области
Нейск.	– Нейский район Костромской области
Ник.	– Никольский район Вологодской области
Новг.	– Новгородская область
Нюкс.	– Нюксенский район Вологодской области
Нянд.	– Няндомский район Архангельской области
Олон.	– Олонецкая губерния
Он.	– Онежский район Архангельской области
Остр.	– Островский район Костромской области
Павин.	– Павинский район Костромской области
Парф.	– Парфеньевский район Костромской области
Пересл.	– Переславский район Ярославской области
Перм.	– Пермская область
Печор.	– бассейн р. Печора
Пин.	– Пинежский район Архангельской области
Плес.	– Плесецкий район Архангельской области
Помор.	– Поморье (побережье Белого моря)
Поназ.	– Поназыревский район Костромской области
Пош.	– Пошехонский район Ярославской области
Прим.	– Приморский район Архангельской области
Пт.	– Петрозаводский уезд Олонецкой губернии
Пуд.	– Пудожский район Карелии
Пыщ.	– Пыщугский район Костромской области
Рост.	– Ростовский район Ярославской области
Рыб.	– Рыбинский район Ярославской области
Ряз.	– Рязанская область (губерния)
С.-Дв.	– район г. Северодвинск
Сев.	– Север
Сок.	– Сокольский район Вологодской области
Солиг.	– Солигаличский район Костромской области
Сольв.	– Сольвычегодский уезд Вологодской губернии
Сямж.	– Сямженский район Вологодской области
Тарн.	– Тарногский район Вологодской области
Тихв.	– Тихвинский район Ленинградской области – Тихвинский уезд Новгородской губернии
Тот.	– Тотемский район Вологодской области
У.-Куб.	– Усть-Кубинский район Вологодской области
Уст.	– Устьянский район Архангельской области
Устюж.	– Устюженский район Вологодской области
Халт.	– Халтуринский район Кировской области
Хар.	– Харовский район Вологодской области
Холм.	– Холмогорский район Архангельской области
Чаг.	– Чагодощенский район Вологодской области

Череп.	– Череповецкий район Вологодской области
Чуд.	– Чудовский район Новгородской области
Чухл.	– Чухломской район Костромской области
Шар.	– Шарьинский район Костромской области
Шексн.	– Шекснинский район Вологодской губернии
Шенк.	– Шенкурский район Архангельской области
Яр.	– Ярославская область
Ярен.	– Яренский уезд Вологодской губернии
Яроsl.	– район г. Ярославль
3. Прочие	
диал. – диал.	
литер. – литературное	
ср. – сравни	
суфф. – суффикс	

ТРОФИМОВИЧ Тамара Григорьевна (Минск, Беларусь)

доктор филологических наук, профессор
Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка
t.trof@mail.ru

СЛОВО И СЛОВСОЧЕТАНИЕ В СИСТЕМЕ ПРЕДМЕТНОЙ НОМИНАЦИИ СТАРОРУССКОГО ДЕЛОВОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматривается проблема соотношения слова и атрибутивно-субстантивного словосочетания в системе предметных наименований языка старорусской деловой письменности. Автор приходит к выводу, что слово и субстантивно-атрибутивное словосочетание в номинации как системе и номинации как процессе тесно связаны отношениями амбивалентного характера, которые в языке старорусской деловой письменности особенно отчетливо обнаруживаются.

Ключевые слова: номинация, номинативные единицы, старорусский деловой язык, универбальные и бивербальные номинативные единицы.

Abstract. The article shows the problem of correlation between the word and attributive-substantive word phrase in the system of object nomination of Old Russian business language. The author comes to a conclusion that word and substantive-attributive word phrase within nomination as a system and nomination as a process have ambivalent relations which can be observed in Old Russian business language especially distinctly.

Keywords: nomination, nominative unit, the Old Russian business language, univerval and biverbal nominative units.

В настоящее время вопрос о том, какие языковые единицы могут выполнять номинативную функцию, практически решен. При этом не вызывает сомнения номинативный статус слова и фразеологизма, чего не скажешь о словосочетании, предложении и тексте. В. Н. Телия, например, предлагает словосочетание и предложение считать номинативны-

ми единицами [1: 336]. Обратимся к проблеме номинативного статуса словосочетания.

Этот статус, на наш взгляд, может быть установлен в результате сопоставления словосочетания со словом, которое является «идеальной» номинативной единицей. Обе единицы имеют денотативно-сигнификативное содержание, которое у словосочетания формируется потому, что его компоненты как бы «утрачивают свою номинативную самостоятельность, перераспределяют значения и образуют иные, более сложные формальные и содержательные зависимости» [2: 50]. Словосочетанию, как и слову, свойственны такие черты, как общественное осознание предмета или явления, им обозначенного, конвенциональная закреплённость и способность актуализироваться [5: 13].

Словосочетания служат средством номинации предметов, явлений, процессов, качеств, названных стержневым компонентом и уточненным зависимым компонентом. Более пристальное рассмотрение словосочетаний, например, в сфере предметных наименований, приводит к пониманию их неоднородности, которая касается не только структурно-грамматических особенностей, но и денотативно-сигнификативного содержания, вернее, целостности этого содержания. Так, предметы называют словосочетания *пожилой человек*, *высокий пожилой человек*, *человек с рюкзаком за плечами*, *человек в резиновых сапогах и плаще*. Очевидно, что в первом и втором случае экспонент денотата один (человек), в то время как в третьем случае их два (человек и рюкзак), а в четвертом – три (человек, резиновые сапоги, плащ). Это значит, что в двух последних случаях денотативно-сигнификативное содержание единицы является целостным, но сложно организованным, в то время как в первых двух примерах налицо абсолютное единство предмета и его атрибута. Отсюда следует, что в категории предметных неоднословных наименований наиболее приближены к слову по номинативным свойствам атрибутивно-субстантивные словосочетания (типа современного *кофе растворимый*). На это указывали в своих исследованиях А. А. Шахматов, Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, их точку зрения разделяют авторы «Русской грамматики» (1980), коллективной монографии «Языковая номинация» (1977) и др. Атрибутивный компонент называет

атрибут предмета, но и предмет, и его атрибут являются единым целым экспонентом денотата. Это главный аргумент в пользу того, что упомянутое словосочетание является «почти словом». Не случайно известный герой повести Ю. Нагибина предлагал считать существительным (названием предмета) не слово *дуб*, а атрибутивно-субстантивное словосочетание *зимний дуб*.

Особенности системы предметной номинации, отразившейся в языке правовой письменности, позволяют провести изучение того, как в пределах этой системы взаимодействуют слово и словосочетание. Двухсловные наименования субстантивно-атрибутивного типа называли в основном документы (около 20 % от общего количества), людей (около 20 %), места (около 15 %), пошлины (около 15 %) и некоторые другие предметы. Достаточно определенно вырисовывается круг базовых имен, т. е. тех слов, на основе которых чаще всего возникали субстантивно-атрибутивные бивербы. Нами были проведены подсчеты, позволяющие судить о количестве бивербов и соотношении их с базовыми единицами: на 1384 биверба приходится 114 базовых имен. Это значит, что в среднем одно базовое слово может входить в состав более чем 12 неоднословных наименований.

Красноречивыми оказываются факты активности базовых имен. Например, с компонентом *люди* нами зафиксировано около двухсот неоднословных наименований (*люди беглые, бедные, бессемейные, ближние, богатые, боярские, бродячие, воинские, волостные, воровские, выборные, городовые, дворовые, добрые, домовые, думные, деревенские, дворянские, дозорные, духовные* и т. д.), с компонентом *грамота* – 114, *книга* – 137, *двор* – 56, *запись* – 49, *память* – 48, *приказ* – 40, *земля* – 37, *место* – 32 и т. д.

Использование подобной комбинаторной техники может получать продолжение в том случае, если появляется необходимость эксплицировать сведения о разных свойствах именуемого предмета. Тогда происходит актуализация неоднословного наименования. Не просто *люди ратные* (т. е. военные), а еще и *пешие* или *конные* – *люди ратные пешие, люди ратные конные; дети – дети боярские – дети боярские архиепископли, дети боярские городовые, дети боярские дворовые* и т. д.

Заметим, что в подобных случаях развертывание базового наименования осуществлялось не по принципу «ромашки» (каждый лепесток присоединяется к сердцевине), а по принципу «капустной головки» (каждый последующий лист покрывает предыдущие), т. е. каждый новый атрибутивный компонент называл новый признак уже поименованного неоднословной единицей предмета. Так возникали наименования типа *вотчина домовая архиерейская, деньги домовые мельничные, крестьяне монастырские оброчные, люди посадские беглые, люди посадские лучшие, люди городские посыльные, люди ближние комнатные, люди посадские беглые* и мн. др. Нанизывание атрибутивных компонентов могло достигать и такого вида: *И торговым и всяким людем даваны наши тарханные жалованные новые грамоты...ЗА, 91. Бьет челом тебе сирота твои новоприсыльный опальной пашенный крестьянин Елизарко Иванов. КЧ, 21. А которые посадские черные мастеровые люди сошли с тяглых жеребьев и живут на Москве... Ул. 1649 г., XIX, 24. Да дати мне Окулине Дмитриевой жене Тютчева шапка черна лисья поношена. Дух. Тютчева 1558 г.*

Поскольку атрибут, как уже отмечалось, есть часть общего с определяемым им субъектом или объектом восприятия, анализируемые атрибутивно-субстантивные словосочетания имеют одну денотативную базу, а значит, вычленяют и называют один фрагмент действительности. Думается, что этим свойством номинативных единиц определяется их способность к свертыванию, процессу, в результате которого неоднословное наименование трансформируется в универб. Эта трансформация может осуществляться с помощью аффиксации или с помощью субстантивации и называется по-другому семантической конденсацией или сорбцией. Например, *сальный промышленник – сальник (человек, добывающий морского зверя на сало)* [4, 23: 27]; *работный человек – работный (нанимаемый для физического труда, живущий этим трудом)* [4, 21: 109]. Такая схема действует активно, при этом велика доля параллельно функционирующих в системе номинации соотносительных универбов и бивербов. Возможность двоякого пути универбации как бы подразумевает существование в системе номинативных средств трехчленной цепочки типа *свободный человек – свободный – свободник* (словарные данные подтверждают их синхронность во времени). Реаль-

но подобная ситуация в системе старорусской предметной номинации встречается нечасто, наиболее типичны двучленные цепочки: *заказной староста – заказчик (выборное лицо в крестьянской общине)* или *человек крепостной – крепостной, сапожный мастер / швец – сапожник, портной мастер / швец – портной* и т. д.

Еще одним звеном в сложном процессе взаимодействия слова и словосочетания в системе предметной номинации старорусского делового языка является развертывание универба, ранее возникшего в результате свертывания биверба. При этом не важно, по какому пути свертывания этот универб возник, поскольку в его универбальной сущности заложена способность к развертыванию. Так, наименование *понятые* возникло в результате свертывания биверба *люди понятые*. Став предметным наименованием, оно, удовлетворяя номинативные запросы языка, переживает дальнейшее развертывание, в результате которого возникают названия: *тутошные понятые, свободные понятые, окольные понятые* и др. Приведенная схема взаимодействия слова и словосочетания в процессе номинативной деривации принципиально важна, хотя, по нашим данным, реализуется нечасто.

Таким образом, слово и субстантивно-атрибутивное словосочетание в номинации как системе и номинации как процессе тесно связаны отношениями амбивалентного характера, которые в языке старорусской деловой письменности особенно отчетливо обнаруживаются [3: 27-28]. Осознание этой связи делает естественным и целесообразным их комплексное рассмотрение, при этом могут быть применены те приемы и способы анализа, которые используются при изучении производных номинативных единиц [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: «Сов. энциклопедия», 1990. 685 с.
2. Никитевич В. М. Основы номинативной деривации. Минск: Выш. шк., 1985. 157 с.
3. Никитевич А. В. Производное слово и словосочетание: взаимодействие дериватов с общим корнем // Проблемы теории и истории славянского словообразования: Тез. докл. Шестой Междунар. конф. Комиссии по славянскому словообразованию при Междунар. комитете славистов, Минск, 2-6 марта 2003 г. / Мин. гос. лингв. ун-т, Ин-т языкознания им. Я. Коласа. Минск, 2003. С. 27-29.
4. Словарь русского языка XI-XVII вв. / Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М.: Наука, 1975-2015. Вып. 1 - 30.

5. Смольянинова Е. Н. Словосочетание в теоретическом и методическом аспектах. Л.: ЛГПИ, 1990. 92 с.

6. Трофимович Т. Г. Типы предметных наименований в языке старорусской деловой письменности. Минск: УИЦ БГПУ, 2003. 223 с.

УРАЛОВА Ойсулув Поён-кизи (*Термез, Узбекистан*)

преподаватель

Термезский государственный университет

bakirov.poyan@mail.ru

СЕМАНТИКА ПОСЛОВИЦ С КЛЮЧЕВЫМ КОМПОНЕНТОМ «ДЕТИ»

Аннотация. В статье рассматриваются русские пословицы с ключевым компонентом «дети», подробно анализируется их семантика, определяются специфические особенности их значений, приводятся конкретные примеры из различных паремиологических словарей.

Ключевые слова: поговорка, пословица, изречение, семантика, тематическая группа пословиц, характер народа, словари пословиц, народная мудрость.

Abstract. The article considers Russian proverbs with the key component “children”, analyzes their semantics in detail, identifies the specific features of their meanings, and provides specific examples from various paremiological dictionaries.

Keywords: paroimy, proverb, dictum, semantics, thematic group of proverbs, character of the people, proverbial dictionaries, proverbial wisdom.

Общеизвестно, что пословицы – один из видов духовных ценностей всех народов в целом, и русского в частности, кладезь премудрости, богатейшее наследие народа, краткое мудрое изречение, имеющее поучительный смысл, заключающее в себе законченную мысль, житейскую мудрость. Охватывая почти все сферы человеческой и общественной жизни, пословицы своим смысловым значением могут заменить целый текст.

Как отмечается в фундаментальном издании «Языкознание. Большой энциклопедический словарь», «пословица – краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа; имеет форму законченного предложения (простого или сложного). Пословица выражает суждение [исключение составляют пословицы, имеющие побудительный смысл (ср. «Готовь сани летом, а телегу зимой»), которые, строго говоря, суждениями не являются]. Пословица обладает буквальным и переносным смыслом

(«Близок локоть, да не укусишь») или только переносным («Горбатого могила исправит») и легко противопоставляется свободному предложению такого же лексич. состава. Пословицам, как и поговоркам, свойственна вариативность («Знает / чует кошка, чье мясо съела»), они вступают в синонимич. отношения («На безрыбье и рак рыба» / «В поле и жук мясо» / «В темноте и гнилушка светит» / «На безлюдье и Фома дворянин» и т. п.), объединяются в тематические ряды по принципу смысловой общности (напр., вокруг смыслового гнезда «внешность и сущность» группируются пословицы: «Видна птица по полету», «Видом орел, а умом тетерев», «Не всяк казак, что шапка набекрень», «Не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел» и др.). Пословицы не способны, как правило, порождать полисемию. Вопрос о включении пословиц во фразеологическую систему остается нерешенным» [7: 389].

Согласно нашему мнению, «общепринятым представляется мнение о том, что пословица – это паремия, грамматически соотносящаяся с предложением: она не может быть м е н ь ш е предложения и в то же время не может превосходить его по объему. При этом имеются в виду как простые предложения различных типов, так и сложные.

Вместе с тем пословица, несмотря на свою внешнюю структурную простоту, представляет собой настолько сложное явление, что до сих пор в науке нет единого, всеми признанного определения паремии этого вида» [2: 7].

Характеризуя лингвокультурологическое описание структуры и семантики паремии, Н. Н.Семенов подчеркивает следующее: «Функционируя в речи в качестве носителя культурной информации, паремия способна к реализации этнообразующей функции культуры и металингвистической функции языка, ... паремии выражают дух и характер как народа в целом, так и различных его сословий» [6: 63].

Наиболее ценными с точки зрения этнолингвистического и лингвокультурологического аспектов являются паремии с компонентом «дети» В данной статье рассматриваются русские пословицы, отражающие отношения детей и родителей, их характер, предназначение и роль в жизни. В паремиях этой тематической группы проявляются особенности ха-

рактера русского народа, специфика его миропонимания о детях, самобытность семейных отношений.

Очень точно и метко выразил свою точку зрения в вопросе о концепте «дети, их восприятие мира и истина о них» один из героев повести «Царь-рыба» великого русского писателя В. П. Астафьева: «Как часто мы бросаемся высокими словами, не вдумываясь в них. Вот долдоним: дети – счастье, дети – радость, дети – свет в окошке! Но дети – это еще и мука наша! Вечная наша тревога! Дети – это наш суд на мир, наше зеркало, в котором совесть, ум, честность, опрятность нашу – все наголо видеть. Дети могут нами закрыться, мы ими – никогда. И еще: какие бы они ни были, большие, умные, сильные, они всегда нуждаются в нашей защите и помощи. И как подумаешь: вот скоро умирать, а они тут останутся одни, кто их, кроме отца и матери, знает такими, какие они есть? Кто их примет со всеми изъянами? Кто поймет?» [1: 53].

Источниками для анализа семантики паремий с ключевым компонентом «дети» послужили сборники пословиц В. И. Даля [3: 238–242], В. М. Мокиенко [5: 270–274], В. И. Зимина [4: 285–292] и некоторых других исследователей.

В пословицах констатируется, что дети – благодеяние Всевышнего: *Дети – благодать божья; Дети – благословение Божие; На деток Господь подаст; Дитя падает – Бог перинку подстиляет, стар падает – черт борону подставляет; Детей приживай, а кормить их Богу поручай; Кому детей родить, дай Бог (Боже) тому и поить (и кормить); У кого нет детей – во грехе живёт; У кого детей много, тот не забыт от Бога; Рыбку да утку встанью взять, а малых деток Бог даёт.*

В русских пословицах широко представлены отношения родителей и детей. В паремиях утверждается: *Дети – отцу-матери белки* (т.е. близки к сердцу); *Дети – цветы жизни; Дети не в тягость, а в радость; Будут дети – будет и все; Семья без детей – что часы без гирьки; Женщина без ребят – пустая бочка с тряпками; Дом с детьми – базар; дом без детей – могила.*

В этих пословицах заложен глубокий смысл: дети должны следовать по пути своего отца. Например: *Отец рыбак, и дети в воду смотр-*

рят; Дети удаются (бывают) в родителей; Умный сын – отцу замена, глупый – не помощь.

Однако при этом народная мудрость указывает и на великую миссию матери по отношению к своим детям, благополучие которых невозможно без нее: *Без матки пчелки – пропащие детки. Птица радуется весне, а младенец матери.*

В пословицах очень образно передается разное предназначение сыновей и дочерей в трудовых семьях: *Сын – отцу помощник; Дочь – матери помощница; Если сын – опора, дочь – украшение.* Но, как подчеркивает В. И. Зимин, «...дочь долго в семье не задерживается. Не успеешь оглянуться, как пора её замуж выдавать, это отражено в пословицах: *Дочь – чужое сокровище. Дочь отцу с матерью не корысть. Пои-корми да и в люди отдай. Сын глядит в дом, а дочь глядит вон. Сына кормить – займы давать; дочь кормить – в окно деньги выбрасывать*» [4: 286].

В пословицах особое внимание уделяется воспитанию детей, трудностям, с которыми сталкиваются родители: *Детишек воспитать – не курочек пересчитывать; Детей годоватъ – век кормить (воспитывать); У кого детки, у того и заботы; У кого и детки, у того и бедки; Деток родить – не веток ломить; Детей растить – осинку глодать; К чему дитя приучишь, то от него и получишь; Детей наказывай стыдом, а не кнутом; Детей учить – не лясы точить.* В некоторых из них даются конкретные советы и наставления, когда и как воспитывать детей, что предпринимать для их становления и формирования как личности, обладающей высокими нравственными качествами: *Детей наказывай стыдом, а не грозой и бичом; Наказывай детей в молодости – успокоят тебя в старости; Кто детям потакает, тот сам плачет; Детей учи без людей; Не научишь детей работать, так и сухарика не принесут.*

В пословицах красной нитью проходит мысль о родителях как о самом ценном и не соизмеримом ни с чем для детей: *Всё купишь, а отца–матери не купишь; Птичьего молока хоть в сказке найдёшь, а другого отца–матери в сказке не найдёшь.*

Глубоким назидательным смыслом полны паремии, в которых подчеркивается, что недостаточно только родить ребенка, его нужно ещё и воспитать порядочным человеком: *Легко дитя нажить, нелегко вырастить; Умел родить – умей и научить.*

Множество пословиц посвящено отношению родителей к своему ребенку, раскрытию их подлинных безграничных чувств к нему: *Свое дитя навсегда жалко; Свое дитя и горбато (да) мило; Свое дитя и сопливо мило; Хоть дитя криво, да отцу–матери мило; Свое детище – вар у сердца; Всякому своё дитя жалю; Всякому своё дитя милее; Дитя хоть и криво (кило), а (да) отцу–матери (отцу, матери, отцу с матерью) мило; Своё дитя немыто мило; Матери своё дитя и немыто – бело; Свой дурак милей чужого умника; Всякой матери милы свои детки; Свой бороноволок дороже чужого работника.*

Пословицы не обходят вниманием и проблемы чужих детей: *Чужие дети невидно растут* (невидно – незаметно); *Чужие дети с ягоды, а наши – перебиты да переграблены; Чужими детьми не торгуй* (т.е. не распоряжайся тем, что тебе не принадлежит). Причем довольно часто «чужой» и «свой» совмещаются в одной паремии: *Чужой сын урод – смех, свой – грех; Чужой сын дурак – ха-ха-ха! Свой сын дурак – ох-ох-ох.*

В пословицах посредством сопоставления передается печаль, рассказывается о попечении, обязанностях, заботах и переживаниях, которые возникают при взрослении ребенка, становлении его характера в сложном подростковом возрасте: *Маленькие дети – руки болят, большие – сердце; Малые дети заснуть не дают, большие вырастут – сама не спишь; Малыя дети – малая печаль, большия дети – большая печаль; Малые дети – малые заботы, большие дети – большие заботы; Малые дети не дают спать, большие – не дают дышать; Малые детки – малые бедки, [а] большие детки – большие бедки; Малы дети съест, а большие износить не дадут; Малые дети тяжелы на коленях, а большие – на сердце; С малыми детками горе, (а) с большими – вдвое; Детки маленькие поест не дадут, детки велики – пожить не дадут; Маленькие детки – маленькие победы, большие детки – большие победы; Маленькие детки – маленькие бедки, выросли детки –*

прибавились бедки. Однако встречаются поговорки на эту же тему и без сопоставления: Большие дети – большая забота; Большие детки – большие бедки.

Некоторые пословицы отличаются негативным смыслом по отношению к детям. В них «дети – горе, печаль, забота, сеть, железо»: *Детки – кручина родительская; Без детей – горе, а с детьми – вдвое; Без детей гребты (заботы – О.У.) не знаешь; Кто детей не имеет, тот и горестей не знает; Дети – на руках сети; Дети – на руках железа (мозоль – О.У.); Нет детей – печаль, а есть – вдвое; Дети – связя (связя – то, что обременяет, стесняет; обуза – О.У.); Горе с детьми, но горе и без них.*

Встречаются пословицы, которые гласят о том, что некоторые неблагодарные дети часто доставляют боль, переживания и неприятности родителям: *Худое дитячко отцу–матери – бесчестье, роду–племени – позор; Дети воруют, а мать горюет; Детки подросли – отца растрясли, от того растрясли, что умел отец родить, а не умел разуму научить; Валяй, дети: отец в ответе; Гуляй, дети! Отцы за вас в ответе.*

Довольно много жизнеутверждающих пословиц, воспевающих хороших детей, доставляющих радость родителям: *На что и клад, коли дети идут в лад; Работные дети – отцу хлебы; Те счастливыцы дети, от коих отец и мать радость может имети.*

В поговорках всегда поднимаются темы, тесно связанные с жизнью человека, в частности с тем, что дети живут с родителями до определенного времени, что они в семье неодинаковые: *Дети до время, а внуки до гроба; Дети от одной матери и те разные бывают.*

В пословицах дети ассоциируются со счастьем (*У кого дети, у того счастье*), ягодкой (*У кого дети, у того ягодки*), кладом (*Когда в детях лад – не надо и клад*).

Имеются пословицы, в которых присутствуют образные сравнения: *Добрые дети – дому венец, злые дети – дому конец; Хорошие дети – отцу и матери утешенье; Худые дети не дадут (не дают) радости имети; С детьми дом – содом, без детей – могила; Малые детишки –*

что часты звёздочки: и светят, и радуют в темную ночь; Дети хороши – отцу–матери венец, детки плохи – отцу–матери конец.

В некоторых пословицах говорится о детях дочери: *Дочерины (дочерины) детки милей (милее) своих; Дочернены дети милее всех.*

Паремия гласит о первом ребенке: *Первые детки – соколятки, последние – воронятки.*

Пословица противопоставляет, что иногда *Детки – радость, дети – горе.*

Встречаются пословицы как аксиомы: *Дети не хлеб: зимой и летом рождаются; Дети не по дням, а по часам растут; Дети родителям не судьбы.*

Характерным для пословиц являются наставления, подтвержденные временем и жизнью: *Будут дети – будет и всё; Из детей вырастают люди; Не мы на детей походим, а они на нас; Не строй семь церковей, пристрой семь детей; Детям не жить, коли не умом да благословением родителей; Кто детям потакает, сам слезы утирает; Кто детям потакает, тот сам плачет; Дурному дитёнку батькино благословенье не на пользу; Занянченное дитя всегда дурак.*

Таким образом, проведенный нами анализ показывает, что пословицы довольно убедительно и образно характеризуют детей в их сложных и многообразных взаимоотношениях с окружающим миром, родителями, в том числе между собой, семьей и обществом, в котором они живут и в котором происходит их становление и формирование как личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафьев В. П. Повести и рассказы. М.: Советский писатель, 1984. С.53.
2. Бакиров П. У. Семантика и структура номинацентрических пословиц (на материале русского, узбекского и казахского языков). Ташкент: Фан, 2006. С.7.
3. Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: Эксмо, Изд-во ННН, 2006. С. 238–242.
4. Зимин В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2019. С. 285–292.
5. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц. М.: ОЛМА медиа групп, 2010. С. 270–274.
6. Семенов Н. Н. Лингвокультурологическое описание структуры и семантики паремии: Дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2002. С. 63.
7. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. Изд. 2-е. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.

УСМАНОВА Лилия Абраровна (Казань, Россия)

кандидат филологических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет
usmanova77@rambler.ru

ДИСКУРСИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕМАНТИКИ НАИМЕНОВАНИЙ ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Аннотация. Объектом исследования являются механизмы дискурсивной синтагматики художественного слова; рассматриваются проблемы, связанные с сочетаемостью и комбинаторным потенциалом лексических единиц, называющих атмосферные явления, установлением закономерностей их связей, а также ограничениями на сочетаемость и ее функциями. Изучение синтагматических реализаций проводится на примере ЛСГ имен, обозначающих скопление атмосферной влаги у земной поверхности, в «интерьере» их текстовых воплощений, описывается взаимосвязь с перцептивной лексикой, выявляются авторские доминанты сенсорного восприятия природы.

Ключевые слова: семантика, языковая картина мира, этнокультурное сознание, дискурсивная валентность.

Abstract. The object of the research are the mechanisms of discursive syntagmatics of the artistic word; problems related to the compatibility and combinatorial potential of lexical units that call atmospheric phenomena, the establishment of regularities of their connections, as well as restrictions on compatibility and its functions are considered. The research is based on the synthesis of traditional and modern methods of analyzing the discursive realization of the artistic word: component, discourse-text analysis of names, as well as cognitive-hermeneutic text analysis, which made it possible to identify the correspondence existing between the units of the text, the information coded by them and the mental structures behind this information or their elements by studying the nature of the connections between them.

Keywords: semantics, language picture of the world, ethnocultural consciousness, discursive valence.

В современной русистике, определяемой антропоцентрическим, объяснительным и семантико-ориентированным векторами развития, наблюдается тенденция к выходу за пределы идеальной системы и изучению реального языкового существования. Основной упор делается на характеристику явлений в аспекте их участия в структуре дискурса – сложной системе знаний, выражающихся посредством знаков языка и речи: номинативных, релятивных, символических и образных средств создания текста.

В условиях художественного дискурса слово наделяется смыслопорождающей способностью, поддерживаемой комбинаторной неистощимостью языка и бесконечным человеческим опытом, синкретизм семантики «живого слова» проявляется в связи его значения «одновремен-

менно с двумя/несколькими денотатами и /или сигнификатами» [2: 102], символические коннотации, возникшие, благодаря метафорическим и метонимическим переносам, могут привести к изменениям коннотативно-прагматических характеристик в семантике слова.

В фокусе нашего исследовательского интереса оказалось изучение структуры языковых инвариантов и их вариантов, а также «ассоциативной ауры» наименований атмосферных явлений в пространстве художественных текстов. Материалом для наблюдений послужили произведения Ивана Алексеевича Бунина – непревзойденного знатока и мастера пейзажных описаний природы Средней полосы России.

Особенностью семантики имен, обозначающих скопление атмосферной влаги у земной поверхности, является синкретизм предметной и событийной семантики, обусловивший наличие таких компонентов в семантической структуре данных слов, как «вещество» и «процесс». Вещественный характер семантики рассматриваемых имен проявляется в присутствии семы «воздух» и таких семантических компонентов, объективно необходимых для актуализации значения слов данной группы, как «водяной пар», «кристаллы льда», «капельки воды», «пыль», «частицы гари» (ср.: туман – ‘непрозрачный воздух, насыщенный водяными парами или ледяными кристалликами’ [1: 816]; мгла – ‘непрозрачный воздух (от тумана, пыли, дыма, сгущающихся сумерек)’ [1: 347]; марево – ‘туманная дымка, непрозрачность воздуха’ [1: 342]; дымка – ‘лёгкая, как дым, застилающая пелена чего-нибудь’ [1:184]).

Семантика указанных имен определяет особенности их синтаксического поведения, в процессе их функционирования выявляется внутренний, встроенный в семантику имени предикат [4]. Комплексная семантика процессности и вещественности данных имен реализуется прежде всего на уровне атрибутивной и глагольной сочетаемости. Объем статьи позволяет рассмотреть лишь один из способов синтагматических связей – сочетаемость с атрибутивными компонентами исследуемых лексем.

Атрибутивные качества при исследуемой ЛСГ имен эксплицируются за счет так называемых специфицирующих и характеризующих определений (по терминологии О. Есперсена). На семантическом уровне

специфицирующее значение представляет собой реализацию валентности на абсолютно необходимые признаки, связанные с содержанием слов рассматриваемой ЛСГ. Признаки, обладающие характеризующим значением, выполняют функцию факультативных определений.

Неотъемлемой чертой языка художественной литературы является субъективное восприятие природного явления, представленное квалифицирующими определениями, обозначающими психическое восприятие и восприятие с помощью органов чувств: зрительных, обонятельных, осязательных, вкусовых. Внутри каждой группы можно выделить синонимические ряды с тенденцией перехода к переносному значению.

Наиболее частотной является группа свето-цветовых прилагательных, обусловленная как объективными свойствами лексем (*белый туман*), так и психологическими мотивировками, при которых вещественная характеристика имеет определенное художественное воздействие и рождает глубокие смысловые ассоциации, вызванные эмоциональным состоянием автора: ***Один туман молочно-синий, / Как чья-то крошечная печаль (Под небом мертвенно-свинцовым...); Перелив зеркальных вод и тонкий/ Голубой туман, в котором сказкой/ Кажутся вдали дома и церкви! (Венеция).***

При исследуемых лексемах выделяются прилагательные с собственно цветовым признаком: *белый, синий, голубой, серый, свинцовый*; оттеночные: *синеватый, лиловатый, молочный, золотистый, багряный, лазурный, лазоревый, сизый, серебристый, седой, аспидный*; с цвето-световым признаком: *светлый, солнечный, тусклый, сумеречный, пасмурный, темный*; сложные цветообозначения, передающие оттеночные значения одного цвета: *светло-белый, темно-сизый*; сложные прилагательные с совмещением и смешением значений: *молочно-серый, молочно-голубой, молочно-синий, мутно-молочный, молочно-свинцовый, серо-свинцовый, зеленовато-голубой* и др.: *<...> глядел на оранжевое солнце, садившееся за степью, за неоглядной равниной, в молочно-голубом сухом тумане (Князь во князьях); Дальние местности в зеленовато-голубом тумане, сухом, тончайшем (Дневники).*

Цветовая картина природного явления, представленная ситуативно, может коррелировать с признаком плотности, густоты атмосферного явления. Так, белый цвет соотносится с максимальной степенью непрозрачности атмосферы <...> **густо стоит белый туман, смешанный с лунным светом...** (*Жизнь Арсеньева. Юность*); <...> **белое утро, белый сплошной туман, пахнет весенним утром и туманом** <...> (*Жизнь Арсеньева. Юность*); передача легкой затуманенности воздуха связана с оттеночными прилагательными: *Тихо, розоватое солнце сквозь голубой сухой тонкий туман* (*Дневники*); *Стоит туман, прозрачный и лазурный* (*В степи*).

Цветосемантика описаний тумана отражает взаимосвязь различных модусов восприятия, подключая психо-эмоциональный аспект воздействия атмосферы на человека: **Белый рыхлый туман стоял под скатом полей, мертвенно синяя** (*Последнее свидание*).

Среди чувственных впечатлений у Бунина преобладает обонятельный как «наиболее атавистический» [3: 37]. Прилагательные, выражающие признак по обонятельному восприятию, вступают в сочетания с лексемами рассматриваемой ЛСГ, образуя эпитеты и синестетические выражения с признаком 'сильный', 'приятный': *пахучий, душистый, первобытный запах тумана, пахучая сырость тумана, сладкий запах тумана* и др.: <...> **крепко дует пахучим туманом и холодом волн** (*Жизнь Арсеньева. Юность*); *В лесах лазурно светился, расходился и таял душистый туман* (*Кавказ*).

Чувственное восприятие природного явления тесно связано с субъективно-оценочным уровнем представления мира. Эмоциональный подтекст в отношении тумана и смежных с ним явлений представлен в контекстах различной частеречной заданности:

- в виде атрибутивных сочетаний с актуализацией семы 'негативное воздействие': *безнадежный, таинственный, тоскливый, сонный, угрюмый, унылый* и др.: *Потом туман сделался немного светлее, ровней и, значит, безнадежнее* (*Туман*);

- в рамках развернутых сочетаний и расширенных контекстов, задающих определенный вектор ассоциативных линий: туман – тайна бытия; туман – конец света, жуткая пустыня; туман – красота мира и т. п.:

<...> созданная напряженным слухом, которому всегда чудится что-нибудь в таинственной безбрежности тумана... (Туман); <...> он направлялся теперь все дальше от берегов, к югу, где непроницаемая густота тумана наливалась уже настоящими сумерками, – тоскливой аспидной мутью, за которой в двух шагах чудился конец света, жуткая пустыня пространства (Туман).

Наблюдения показали, что атрибутивный блок как наиболее характерный при описании рассматриваемой ЛСГ представлен в виде прилагательных, причастий, причастных оборотов, качественно-определятельных конструкций (*такой, что...; так...как; туман, который...*) и имеет тенденцию к совмещению в своем составе различных аспектов описываемого атмосферного явления. Перцептивная насыщенность как системообразующая доминанта бунинского идиостиля основывается на синкретичной слитности чувственных восприятий, показывая природу и человека в ней как части целого неделимого бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
2. Пименова М. Вл. Виды значений «живого» слова // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания: сб. науч. трудов / сост. И. Г. Паршина, Е. Г. Озерова. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. С. 101-107.
3. Сливицкая О. В. «Повышенное чувство жизни»: мир Ивана Бунина. М.: Росийск. гос. гуманит. ун-т, 2004. 270 с.
4. Усманова Л. А., Нуруллина Г. М. Семантика наименований природных реалий в этнокультурной проекции языка // Филология и культура. Philology and Culture. 2018. № 1 (51). С. 127-132.

УСТИНОВА Татьяна Викторовна (Омск, Россия)

доктор филологических наук, доцент
Омский государственный педагогический университет
utanja@mail.ru

СМЫСЛОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРИЁМА СЕМАНТИЧЕСКОГО СИНКРЕТИЗМА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. В статье рассматривается проблема конструирования значения единиц, использованных поэтом для реализации речевого приема семантического синкретизма, в сознании читателей поэтического текста. Выявляются и кратко характеризуются когнитивные механизмы обработки контекстуального значения поэтического слова. Приводятся результаты проведенного психолингвистического эксперимента. Показано, что сущность смыслового восприятия синкретично представленно-

го поэтом значения слова заключается в одновременной активации в сознании реципиента нескольких когнитивных моделей, их ассоциативной координации и дальнейшем развитии концептуальной сети через привлечение макроконтекстуальных инференций.

Ключевые слова: лексико-семантическая структура, семема, интерпретация, конструирование значения, смысловое восприятие

Abstract. The article considers the problem of the reader's constructing the meaning of poetic words used by the poet for speech realization of semantic syncretism technique. The cognitive mechanisms of processing the contextual meaning of poetic words are determined and briefly characterized. The results of the relevant psycholinguistic experiment are presented. It is stated that the meaning construction of poetic words deliberately used by the poet as a semantic-syncretic unit resides in simultaneous activation of two or more cognitive models in the reader's memory, their associative coordination and further development of the conceptual network by employing macro-contextual inferences.

Keywords: lexico-semantic structure, sememe, interpretation, meaning construction, sense perception.

Актуализированная неоднозначность поэтического слова признается имманентным свойством поэтической речи и общим принципом организации поэтической коммуникации. Поэт может намеренно подчеркивать конъюнкцию значений отдельного поэтического слова и предопределять актуализированное контекстом объединение семантико-смысловых альтернатив по принципу «и..., и...». Такая речевая реализация лексического значения определяется в лингвистике как «смысловая многоплановость художественного слова», «диффузность значения художественного слова» [3: 56], «некаламбурное совмещение значений» [2: 26].

Вслед за Л. В. Зубовой, мы рассматриваем синкретизм поэтического слова как частное проявление лексико-семантического синкретизма [3: 57]. М. Вас. Пименова считает семантический синкретизм проявлением формально-содержательной языковой асимметрии и использует термин «синкретсемия» для обозначения случаев «неразрешимого» контекстом синкретизма [4]. По определению М. Вас. Пименовой, синкретсемия как лексико-семантическая категория – это «выражаемое формами одного слова (одной лексемой) семантическое отношение нескольких генетически связанных значений (семем), которые сосуществуют в языке и одновременно актуализируются в речи» [4: 11].

Таким образом, художественная интенция поэта, состоящая в совмещении разных смыслов в одном словоупотреблении, реализуется как создание контекстуальных условий для речевой актуализации единства

нескольких семем в одной языковой форме. Поэт намеренно моделирует «интенсифицирующий» контекст (в понимании [6]), который обеспечивает перестройку содержательных связей словозначения и приводит к ассоциативному наложению семантических компонентов, относящихся к интенциональному ядру значения, импликационалу значения и экстенционалу значения.

Смысловое восприятие случаев семантического синкретизма в поэзии представляет собой сложную когнитивную деятельность, требующую «ассоциативной координации» (в понимании [1]) двух (и более) связанных значений слова-полисеманта. Серия психолингвистических экспериментов, проведенных нами в период с декабря 2015 г. по март 2017 г., позволила описать специфику смыслового восприятия художественного приема семантического синкретизма при чтении поэтического текста. Методика прямого толкования использовалась для того, чтобы выявить устанавливаемое читателями в ситуации интерпретирования психологически реальное контекстуальное значение единиц-синкретем.

Проведенный эксперимент выявил ситуацию отсутствия однозначного выбора при определении совокупности коммуникативно релевантных компонентов значения слов, использованных поэтом для реализации художественного приема семантического синкретизма [7: 95–104]. В норме в коммуникативном акте коммуниканты делают однозначный выбор в пользу того или иного актуального смысла многозначного слова. Однако при чтении поэтического текста имеет место срыв операции прямого концептуального соответствия, что приводит к одновременной актуализации и последующей координации нескольких значений слова. При этом одновременная актуализация нескольких семем в ряде случаев сопровождается явлением «наведения сем» (в понимании И. А. Стернина [5: 91]), то есть дополнительным, контекстуально обусловленным внесением сем, вообще отсутствующих в системном значении лексической единицы.

Кратко обобщим выявленные особенности установления реципиентами смысла единиц, реализующих художественный прием лексико-семантического синкретизма.

1. Реконструируя психолого-речевые операции, предопределившие смысловые реакции испытуемых при восприятии художественного приема лексико-семантического синкретизма, мы установили, что конструирование значения единицы-синкретемы осуществляется за счет выстраивания сети взаимосвязанных с ней концептов. Первичные когнитивные модели, связанные с прямым значением слова, и вторичные модели, связанные с переносными значениями, в условиях интенсифицирующего поэтического контекста обеспечивают равномерную активацию нескольких концептуальных областей знания реципиента.

2. На конструирование синкретичного значения единицы большое влияние оказывает не только ее ближайшее контекстуальное окружение, но и вертикальный макроконтекст всего стихотворения. Опосредованное взаимодействие интерпретируемой единицы с другими ключевыми единицами текста позволяет устанавливать слабые ассоциативные связи, которые потенциально могут преобразовывать выстраиваемую концептуальную сеть и определять новый ракурс осмысления единицы.

3. Нами было выявлено индивидуальное разнообразие ассоциативной координации как операции смыслообразования: точки референции, на которые опирались испытуемые при конструировании значений, определялись разными наборами элементов знаний, взаимосвязанных с несколькими ядерными и периферийными компонентами значения интерпретируемой единицы.

4. Результатом осмысления поэтического приема лексико-семантического синкретизма становится появление у реципиента нового знания о концептуализируемом феномене. Это новое знание определяется (1) заданной микроконтекстом ассоциативной координацией нескольких когнитивных моделей и их объединением по принципу «и..., и...,»; (2) дальнейшим преобразованием объединенных моделей за счет подключения макроконтекстуальных вербальных ассоциаций и личностных смыслов.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что смысловая множественность поэтического произведения в целом и его отдельных текстовых отрезков в частности определяется фактором «содержательности формы» в поэзии. Намеренно заданная поэтом неоднозначность смыс-

лового выбора приводит к появлению аттенционального эффекта «умножения фокусов внимания» в процессе смыслового восприятия поэтического приема семантического синкретизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1996. 214 с.
2. Зализняк Анна А. Феномен многозначности и способы его описания // ВЯ. 2004. № 2. С. 20–45.
3. Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой: лингвистический аспект. Л.: Издательство Ленингр. ун-та, 1989. 264 с.
4. Пименова М. Вас. К вопросу о лексико-семантическом синкретизме // Русский язык: система и функционирование: Сб. материалов V Межд. научн. конф. Минск: БГУ, 2011. С. 9–13.
5. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронежск. гос. ун-та, 1985. 170 с.
6. Торсуева И. Г. Контекст // Языкознание. 2-е репринт. изд. М., 1998. С. 238–239.
7. Устинова Т. В. Неконвенциональное смыслообразование в поэтической речи: опыт лингвокогнитивного моделирования читательской рецепции. Екатеринбург, 2017. 187 с.

ФАТХУТДИНОВА Венера Габдулхаковна (*Казань, Россия*)

доктор филологических наук, профессор
Казанский (Приволжский) федеральный университет
favenera@mail.ru

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПАРАДИГМА В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ОПИСАНИИ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

Аннотация. В статье рассматривается словообразовательная парадигма как инструмент сравнительного описания деривационных процессов типологически дистантных языков - русского, татарского и испанского. Доказывается, что данная единица является одним из способов познания системной (парадигматической) организации словообразовательного уровня языка, структурно-семантической сложности производных слов и комплексных единиц словообразования, а также специфики процессов языковой номинации в сознании того или иного народа.

Ключевые слова: словообразование, парадигматика, разноструктурные языки, теория номинации.

Abstract. The article deals with the word-formation paradigm as an instrument of comparative description of derivational processes of typologically distant languages - Russian, Tatar and Spanish. It is proved that this unit is one of the ways of cognition of the system (paradigmatic) organization of the word-formation level of language, structural and semantic complexity of derivative words and complex units of word formation, as well as the specifics of the processes of language nomination in the consciousness of a nation.

Keywords: word formation, paradigmatic, languages of different structures, the theory of nomination.

Как известно, деривационно-семантическое пространство естественного языка образуют производные слова, вступающие между собой в разные типы отношений. Парадигматические отношения формируют в первую очередь комплексные единицы – словообразовательное гнездо и его макрокомпоненты: словообразовательную пару, парадигму и цепь. Они представляют собой конкретные или абстрагированные (типовые) классы объектов – совокупности дериватов, объединяемых на основе общности у них одного или нескольких характеристических признаков.

Предметом нашего исследования стала словообразовательная парадигма как инструмент сравнительного описания словообразовательных процессов типологически дистантных (разноструктурных) языков – русского, татарского и испанского. В теории словообразования, – считает З. И. Харитончик, – издавна сложилась традиция (при раскрытии семантических аспектов, составляющих, по мнению автора, самую сложную сторону механизмов деривации), «согласно которой описание выбора и комбинаторики лексических единиц, вовлекаемых в процессы словообразования, осуществляется в опоре не только на их индивидуальные свойства, которые, несомненно, важны, но прежде всего на их общекатегориальные и субкатегориальные характеристики и тем самым носят системный характер» [5: 199-200].

Цель исследования – доказать, что в рамках одной и той же лексико-словообразовательной семантики деривационные системы языков разных морфологических типов и, в частности, парадигматические отношения производных слов имеют свои специфические особенности.

В работе используется традиционное для синхронного словообразования понимание словообразовательной парадигмы как «совокупности всех непосредственно производных того или иного производящего» [3: 41].

Понятие словообразовательной парадигмы имеет лексическую направленность, т. е. все её члены содержат общую семантику, переданную им производящим словом. Это является своего рода основанием, отправной точкой сопоставительного исследования конкретных словообразовательных парадигм разных языков.

При сопоставительном анализе словообразовательных гнезд, в состав которых входят искомые единицы, в первую очередь необходимо провести инвентаризацию производных первой ступени деривации, так как именно здесь образуется наибольшее число производных единиц. Это самая большая в количественном отношении словообразовательная парадигма гнезда. Можно предположить, что часть сравниваемых дериватов по первой оси будут являться структурно-семантическими эквивалентами. Например, в русском, татарском и испанском языках в словообразовательных гнездах с исходным словом *песок* (тат. *ком*, исп. *la arena*) имеются идентичные производные прилагательные – *песчаный, комлы, arenoso (sa)*. В русской и испанской словообразовательных парадигмах есть существительные, служащие названием минералов: *песчаник* – ‘осадочная горная порода, состоящая из песка, цементированного глиной и известью’ (здесь и далее лексические значения дериватов приводятся по «Словарю русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой – В.Ф.); в испанском – *la arenisca* (песчаник).

Во всех трёх языках есть прилагательные, обозначающие «содержащий песок»: *песчанистый* (от *песчаный*) – ‘содержащий много песка’; *комсыл* – ‘имеющий в своем составе песок’; *arenifero, ra* – ‘содержащий песок’. И только в испанском есть прилагательное, включающее в себя дополнительный семантический компонент ‘смешать’: *arenisco, sa* – ‘смешанный с песком’ (ср. татарское наречие *комлап* – ‘с песком, смешивая с песком’). В татарском и испанском языках наличествуют существительные, обозначающие местность, где преобладает песчаная почва: *комлык* и *el arenal*.

Далее есть смысл выявить те производные номинации, которые, будучи деривационно связанными с вершинным словом словообразовательного гнезда, а соответственно, и с исходным словом парадигмы, различаются в сопоставляемых языках по обозначаемому ими понятию. «Исходное слово является формальным и семантическим ядром словообразовательного гнезда, оно влияет не только на структуру, но и на семантику производных слов» [4: 687].

Сопоставительный анализ трёх коррелятивных словообразовательных гнезд – русского, татарского, испанского – и составляющих их

конкретных словообразовательных парадигм позволил выявить специфический набор производных и соотносимых с ними понятий. Наибольшее количество уникальных дериватов обнаружено в испанском словообразовательном гнезде. Это прежде всего такие производные лексемы, как *la arenilla* – ‘мелкий песок для просушивания чернил; песок в почках’; *arenario, ria* – ‘растущий на песчаной почве’; *arenicola* – ‘обитающий в песке или на песчаной почве’; *arenero, ra* – ‘продавец песка’ (наравне со значением ‘ящик для песка’); *arenar* – ‘натирать или чистить песком; посыпать песком’. От глагола *arenar* на второй ступени деривации образуется другая парадигма: *el arenamiento* – ‘посыпание песком’; *la arenación* – ‘покрытие большой части тела горячим песком’; *enarenar* – ‘посыпать, засыпать песком’; *enarenarse* – ‘садиться на мель’ (ср. тат. *комлыкка / комга утыру* – ‘сесть на мель’, букв. на песчаное место / на песок,); *la enarenación* – ‘раствор на основе песка для покрытия стен перед окраской’; *el enarenamiento* – ‘песчаный нанос’.

Для русского языка специфическим является существительное *песочница* в значении ‘прибор для посыпания песком написанного’, а также ‘ящик с песком, в котором играют дети’; глагол *песочить* (сов. *пропесочить*) – ‘резко критиковать, бранить’ от устойчивого сочетания (простореч.) *протереть (или пробрать, продрать) с песочком* – ‘дать нагоняй, сделать строгий выговор’; существительное *пескарь* – ‘мелкая речная рыба’. В «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова последние две лексемы – *пропесочить* и *пескарь* – выделены в отдельные словообразовательные гнезда в качестве исходных слов.

И, наконец, в татарском языке мы выделяем специфичные по словообразовательной структуре и семантике глаголы *комлау* – ‘мешать с песком’ и *комландыру* – ‘замутить воду, смешать с песком’, а также существительные: *комкорсак* – ‘пескарь’ (букв. живот-песок) и *комак* (диал.) – ‘мелкий чистый песок на берегу реки’.

Перевод большинства номинаций с одного языка на другой язык обычно осуществляется описательным способом, при помощи словосочетаний и дескриптивных конструкций, что позволяет обнаружить их се-

мантическую и структурную уникальность, т. е. специфику внутренней формы слова.

Подводя итоги, можно констатировать, что словообразовательная парадигма как единица сопоставительного описания разноструктурных языков является одним из способов познания системной (парадигматической) организации словообразовательного уровня языка, структурно-семантической сложности дериватов и комплексных единиц словообразования, а также специфики процессов языковой номинации в сознании того или иного народа. Обнаруженные здесь сходства и различия будут свидетельствовать, с одной стороны, о своеобразии ономаσιологических процессов при номинации предметов и явлений объективного мира, с другой стороны, об уникальности средств выражения одного и того же языкового значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Испанско-русский словарь: 70 000 слов / Н. В. Загорская, Н. Н. Курчаткина, Б. П. Нарумов и др.; под ред. Б. П. Нарумова. М.: Рус. яз., 1988. 832 с.
2. Словарь русского языка: В 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1981-1984.
3. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2-х т. М.: «Русский язык», 1985.
4. Фатхутдинова В. Г. Семантическая сегментация словообразовательных гнезд глаголов зрительного восприятия / В. Г. Фатхутдинова, И. Д. Гарипова // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 6 (2). Том II. С. 687-691.
5. Харитончик З. А. В поисках сущности имен. Избранное: сб. науч. ст. Минск: МГЛУ, 2015. 252 с.

ФЕДОСОВ Виктор Александрович (Владимир, Россия)

доктор педагогических наук, профессор,
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
fedosovva@mail.ru

ФОНЕТИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ «ЛОЖНЫЕ ДРУЗЬЯ ПЕРЕВОДЧИКА»

(на материале русского и венгерского языков)

Аннотация. «Ложные друзья переводчика» – это ошибки в использовании иностранного языка: на основе сходства в значении слов родного и иностранного языков делается вывод о сходстве слов в произношении (фонетическая ошибка), а на основе сходства слов в произношении делается вывод о сходстве слов в значении (семантическая ошибка). С учетом значения и произношения слов родного и

иностранных языков возможны четыре типа межъязыковых пар слов и соответственно четыре типа «ложных друзей переводчика».

Ключевые слова: межъязыковая пара слов, произношение слова, значение слова, фонетическая ошибка, семантическая ошибка, «ложные друзья переводчика».

Abstract. “False friends of translator” are errors when using a foreign language. Conclusion about the similarity of words in pronunciation is drawn on the bases of the similarity in the meaning of the words of the native and foreign language (phonetic error). It is concluded that the words are similar in meaning according to their similarity in pronunciation (semantic error). The author analyses four possible types of interlanguage word pairs, and accordingly, four types of “false friends of translator” taking into account the meaning and pronunciation of a word of the native and foreign languages.

Keywords: interlanguage word pair, pronunciation of a word, meaning of a word, phonetic error, semantic error, ‘false friends of translator’.

«Ложные друзья переводчика» – это межъязыковая пара слов, общих, например, по звучанию, но различных (частично или полностью) по значению, вследствие чего при употреблении иностранного слова появляется семантическая ошибка. Ошибка состоит в том, что говорящий, употребляя чужое слово, одинаково звучащее с его родным словом, надеется, что и по значению чужое слово одинаково с его родным словом, – надеется на чужое слово, как на «верного друга», однако это слово, обнаружив у себя иное значение, оказывается «ложным другом». Например, венгерский студент, изучающий русский язык, в своем рассказе на русском языке о спортивных соревнованиях употребляет русское слово *цель* в венгерском значении «финиш». На основе сходства русского и венгерского слов *цель* – *cél* по звучанию студент надеется, что и значения этих слов одинаковые – и делает ошибку. Появляются эти ошибки не только у переводчиков (более того, у переводчика таких ошибок меньше, вследствие того, что обычно у переводчика уже сформировано более-менее полное двуязычие), но, главным образом, у школьников, у студентов, изучающих иностранный язык, которым до полного двуязычия еще далеко. О «ложных друзьях переводчика» см., в частности: [2, 9].

Ниже при обсуждении «ложных друзей переводчика» используется материал учебного изучения русского языка венгерскими студентами – на основе лингвистического понятия межъязыковой пары слов.

При овладении вторым языком (лексикой второго языка) образуются **межъязыковые пары слов**: одно слово – из родного языка, другое

слово – из второго (изучаемого) языка, например: рус. **нос** – венг. **orr** [7: 92-101].

У каждого слова в любом языке есть **звучание** и **значение**. Межъязыковые соотношения (пары) слов образуются с учетом их звучания и их значения, точнее с учетом **сходства-различия** слов по значению и звучанию. Понятие «сходства-различия» в звучании и значении – понятие относительное. В одном случае сходство слов в звучании может быть очень близким, например: рус. **бор** – венг. **bor**; в другом случае – более отдаленным, например: рус. **лак** – венг. **lakk**. То же самое и у значения слов: в одном случае сходство слов по значению очень близкое, например: рус. **глаз** – венг. **szem**.; в другом случае – более отдаленное, например у слов, входящих в одну тематическую группу: рус. **село** – венг. **varos** (город).

Возможны, по меньшей мере, четыре типа межъязыковых пар слов: см. таблицу. Знак «+» в таблице означает сходство (тождество) слов по звучанию или значению, а знак «-» – различие в звучании или значении.

	Звучание	Значение	Примеры
1.	-	-	<i>Дом – hang</i> (звук)
2.	-	+	<i>Нос – orr</i> (нос)
3.	+	+	<i>Лак – lakk</i> (лак)
4.	+	-	<i>Бор – bor</i> (вино)

1. Первый тип межъязыковых пар слов заключается в том, что эти два слова в паре различаются как по звучанию, так и по значению (ничего общего у этих слов нет), например: рус. **дом** – венг. **hang** (звук). Носитель данного языка (будем его называть студентом) еще не начал изучать второй язык, но уже приготовился к этому, случайно наблюдая слова второго языка в чужой речи, – слова его родного языка пока еще не «встретились» со словами второго языка: никакого сходства у этих слов поэтому ни в звучании, ни в значении еще не появилось. Данные межъязыковые пары слов образуются и тогда, когда второй язык уже изучается: эти пары существуют в сопоставлении с другими видами межъязыковых пар (см. таблицу), являясь наиболее распространенным типом.

2. Второй тип межъязыковых пар слов означает, что слова двух языков «встретились» друг с другом – на основе общности в значении

при различии в звучании, например: рус. **нос** – венг. **orr**. Образовавшаяся таким способом межъязыковая пара представляет собой то, что обычно называется переводом с одного языка на другой. Эта «встреча» настолько знаменательна, что она специально описывается в переводных словарях, например, русско-венгерском или венгерско-русском. Именно с этих межъязыковых пар начинается непосредственное овладение вторым языком: студент узнает во втором языке слова (отличающиеся от соответствующих слов родного языка по звучанию), которые являются общими по значению со словами родного языка – так называемые межъязыковые синонимы [8].

Языки существуют для того, чтобы передавать информацию (значение). Поэтому при изучении второго языка прежде всего очень важно уметь слова двух языков (разных по звучанию) отождествлять по значению [6]. И если это отождествление происходит правильно, то это значит, что студент успешно употребляет второй язык. Если отождествляются другие (не сходные по значению) разные по звучанию слова, то это значит, что студент допускает ошибки в использовании второго языка. Например, венгерский студент, указывая на нос, вместо слова **нос** произносит слово **сэм** (**szem** – глаз). Это грубые ошибки, так как они затрудняют понимание между представителями двух языков.

3. Третий вид межъязыковых пар слов состоит в том, что в этих парах слова тождественные не только по значению, но и по звучанию, например: рус. **лак** – венг. **lakk**. Эти межъязыковые пары описываются тоже в переводном словаре, никак в них специально не выделяясь. Как и в случае с парой **нос** – **orr**, данная межъязыковая пара употребляется правильно, когда студент знает, какие слова из двух языков, одинаковых по звучанию, имеют общее значение. Если же он не знает, например: **лак** – **локик** (**lakik** – жить), то он допускает ошибку.

Рассматриваемые межъязыковые пары имеют ту особенность, что они провоцируют ошибки в звучании слов: студент начинает произносить слова второго языка так же, как и слова родного языка. При этом студент рассуждает «логически»: если слова в межъязыковой паре тождественны по значению, то они должны быть тождественны и по звучанию. В этом тождестве звучания студент находит себе фонетического

«друга»: не надо специально учить фонетику второго языка. Однако этот «друг» оказывается ложным: произнося слово второго языка точно так же, как произносится слово родного языка, студент допускает фонетическую ошибку. Например, венгерский студент, изучающий русский язык, произнося русское слово *лак* с огубленным венгерским гласным [a] и с долгим согласным [kk] – делает ошибку. Словари фонетических «ложных друзей переводчика» не принято составлять. Но в учебных целях эти словари были бы очень полезны: они нацеливали бы студентов (и преподавателей) на наиболее вероятные фонетические ошибки. Впрочем, в практике преподавания иностранных языков всегда уделяется внимание произношению иностранных слов, присутствующих в обоих языках, например: *акация – акас*.

4. Четвертый тип межъязыковых пар слов – это слова, сходные по звучанию, но различные по значению (так называемые межъязыковые омонимы), например: рус. *бор* (лес) – венг. *bor* (вино). Эти слова тоже описываются в переводных словарях, никак не выделяясь в них. Если студент знает эти пары слов, то он при использовании второго языка не допускает ошибок. Если же не знает, то начинает рассуждать «логически», ориентируясь в том числе и на 3-ий тип межъязыковых пар: если слова одинаковы по звучанию, то почему бы им не быть одинаковыми и по значению? Таким способом студент находит себе семантического «друга» (значение, одинаковое со значением слова родного языка) и, надеясь на него, – совершает семантическую ошибку. «Друг» оказывается ложным. Так, когда венгерский студент, изучающий русский язык, употребляет русское слово *бор* в значении «вино», то русский слушатель может его не понять. Ошибка оказывается грубой, так как связана со смыслом. Межъязыковые пары слов 4-ого типа принято выбирать из переводного словаря и собирать отдельно вместе – в словарь семантических «ложных друзей переводчика». Эти словари полезны, разумеется, не только переводчикам, но и студентам, изучающим иностранный язык. К сожалению, применительно к русскому и венгерскому языкам таких, обстоятельных словарей еще не составлялось [1; 2; 9]. Существует словарь под названием: «Англо-русский синонимический словарь» [3], но это обычный синонимический словарь английского языка с объясне-

ниями синонимов на русском языке: «...предметом описания в нем являются английские синонимы, а выполнено описание на русском языке» [3: 5]. Более-менее полные межъязыковые словари синонимов, омонимов, паронимов и др., которые образуют основу для «ложных друзей переводчика» в лингвистике еще не составлены. Не ясна до конца и теоретическая база этих словарей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаи Ю. Паронимия и лексические ошибки школьников // *Idegen nyelvek tanitása*, 1984.
2. Петер М. О «ложных друзьях переводчика» в русском и венгерском языках // *Dssz. Slavica*, XX, Szeged, 1988.
3. Розенман А. К., Апресян Ю. Д. *Англо-русский синонимический словарь*. М., 2-ое изд. 1988. 544 с.
4. Федосов В. А. Интернационализмы в двух языках: сопоставление их по значению и ошибки при их употреблении. // *Семантика в преподавании русского языка как иностранного*. Вып.2. Харьков, 1988. С. 41-45.
5. Федосов В. А. О форме описания общей для двух языков лексики // *A korszerűbb orosznyelvoktatásért*. Pécs, 1988. С. 223-228.
6. Федосов В. А. О видах соотношения по значению общей для двух языков лексики // *Учет родной культуры иностранных учащихся в процессе преподавания русского языка*. Волгоград, 1990. С. 47-52.
7. Федосов В. А. Русско-венгерские межъязыковые пары слов // *Studia Rissica* XX. In honorem Bela Tatar. Jaszay I., Zoltan A. (szerk.). Budapest, ELTE, 2003. P. 92-101.
8. Федосов В. А. О русско-венгерских словарях межъязыковых синонимов, омонимов, паронимов // *Studia Slavica Savariensia* 1-2. Szombathely, 2004. P. 318-327.
9. Федосов В. А. «Ложные друзья переводчика» в русско-венгерском неполном двуязычии при говорении и слушании // *Slavica Quieecclesiensia* V111. *Lingvistica, Literatura, Translatologia*. Материалы международного симпозиума «Русский язык и перевод» (Печ, 9-11 октября 2003 года). Научные сообщения по русистике. 2004. С. 99-108.

ФЕЛЬДМАН Наталия Борисовна (*Владимир, Россия*)

аспирант
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
nbfeldman@yandex.ru

ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЯ ОЦЕНОЧНОГО ЗНАЧЕНИЯ (на примере топонима *Чернобыль*)

Аннотация. Статья посвящена анализу ситуаций возникновения прецедентности и эволюции значения слова, получившего статус прецедентного имени, на примере топонима *Чернобыль*. Автор выделяет типы и динамику изменения значений анализируемого слова до и после возникновения прецедентности.

Ключевые слова: прецедентность, прецедентный феномен, прецедентное имя, топоним, пейоративная коннотация, метонимия.

Abstract. The article is devoted to the analysis of situations of beginnings of precedence and evolution of the meaning of a word that has received the status of a precedent name, using the example of the toponym Chernobyl. The author identifies the types and dynamics of changes in the meanings of the analyzed word before and after the beginnings of precedent.

Keywords: precedent, precedent phenomenon, precedent name, toponym, pejorative connotation, metonymy.

Прецедентность как явление рассматривается преимущественно в рамках когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Количество прецедентных имён (ПИ), использующихся в художественной литературе и публицистических текстах, растёт, возникают новые ПИ, обусловленные прецедентными ситуациями (ПС), трансформируется их значение, а следовательно, необходим детальный анализ возникновения и функционирования ПИ в языке и речи. Это обуславливает актуальность статьи.

Языковой материал, проанализированный в настоящей статье, представляет собой более 600 контекстов употребления топонима **Чернобыль**, извлечённых из Национального корпуса русского языка.

Идея прецедентности, как известно, основана на теории прецедентных текстов, разработанной Ю. Н. Карауловым. Исследователь называет прецедентными тексты, значимые для личности в познавательном и эмоциональном плане, известные при этом широкому кругу людей (т.е., имеющие сверхличностный характер) и характерные для языкового дискурса данной языковой личности [2: 216]. В.В. Красных, уточняя определение Ю. Н. Караулова, предлагает термин 'прецедентные феномены', к которым относит прецедентные ситуации, прецедентные тексты, прецедентные имена и прецедентные высказывания [3: 47-48].

Прецедентная ситуация (ПС), по В. В. Красных, это «идеальная» ситуация, происходившая в действительности или принадлежащая виртуальной реальности, хорошо знакомая носителям языка, актуальная в когнитивном плане и характеризующаяся частотным обращением к ней в коммуникации [3: 60]. Апелляция к ПС может осуществляться либо через

употребление прецедентного имени, либо через её короткое описание [3: 62].

Прецедентное имя может выступать как атрибут прецедентной ситуации. Кроме того, прецедентная ситуация иногда представляет собой ядро дифференциальных признаков ПИ [3: 111]. По Е. А. Флейшер, прецедентная ситуация актуализируется с помощью прецедентного имени [7: 30].

Е. А. Нахимова предлагает дифференцировать ПИ, выделяя разные ономастические разряды, в том числе прецедентные топонимы [6: 43]. Согласно исследованию Е. Н. Лучинской и Б. С. Кабаньян, прецедентные топонимы занимают второе место по частотности употребления после прецедентных антропонимов в общественно-политическом дискурсе [5: 114]. Э. А. Левина выделяет следующие варианты дифференциальных признаков прецедентных топонимов: масштабы географического объекта, значимость, особенности создания. Прецедентность топонима, по мнению исследователя, формируется как результат метонимии [4: 116].

В случае с топонимом **Чернобыль** тип метонимического переноса определяется как «место – событие». М. В. Волова указывает на тесную связь места и события при возникновении прецедентности у имени собственного и предлагает называть подобные прецедентные онимы хронопонимами, так они содержат в своей семантике яркую культурно-историческую информацию, включающую либо точную дату, либо вполне определённый временной период [1: 85]. Утверждение М. В. Воловой можно проиллюстрировать следующими примерами: *...помолчав в трубку, добавил, что после Чернобыля и трёх лет ещё не прошло и что жизнь вообще состоит, очевидно, из сплошных бессмысленных катастроф. Но всё смазал происшедший месяцем раньше Чернобыль.*

Ядро ПИ составляют его дифференциальные признаки, а периферию – атрибуты [3: 80]. Дифференциальные признаки представляют собой сложно организованную иерархическую структуру, а атрибуты являются достаточными, но не необходимыми характеристиками для сигнификации ПИ, по которым его можно идентифицировать [3: 80-82].

В. В. Красных указывает на то, что топоним **Чернобыль** функционирует как обозначение «прецедентной ситуации полного опустошения и смертельной опасности от радиации», подобно ПИ **Хиросима** [3: 95]. По мнению Э. А. Левиной, ядро ПИ **Чернобыль** составляют признаки «техногенная катастрофа», «взрыв», «трагедия», «последствия аварии» [4: 117].

Рассмотрим примеры употребления топонима **Чернобыль** в художественных, публицистических и документальных текстах.

1. Употребление в прямом значении.

- Стилистически и семантически нейтральное (12,5% от общего количества): *Мама жила с сестрой Галей в Полесье, недалеко от городка Чернобыля. Лето я прожил под Чернобылем, в заброшенном имении отставного генерала Левковича.*
- С пейоративной коннотацией (13,8%): *Так, одну из станций, построенную на Украине, возле печально известного Чернобыля, пришлось закрыть из-за того, что она оказалась в радиоактивной зоне. Если в зону Чернобыля нельзя ходить, чтобы не облучиться, то сюда нельзя ходить, чтобы не упроститься до уровня животного.*
- В составе названия организаций (4,3%): *Союз Чернобыль», «Чернобыль-тур», «Дети Чернобыля»* и др.

2. Употребление в качестве прецедентного имени (как обозначение события).

- Указание на аварию на Чернобыльской АЭС (68,2%): *В марте прошлого года вызванное мощнейшим землетрясением цунами ударило в защитную стену японской АЭС «Фукусима-1», вызвав вторую крупнейшую в мире ядерную аварию после Чернобыля. Потом планировался переход на мирный атом, но после Чернобыля страсти по АЭС как-то поутихли.*
- Указание на произошедшую или возможную техногенную катастрофу с масштабными разрушительными последствиями (0,7%): *Если Обама сравнил события в Мексиканском заливе с 11 сентября, то новому президенту России следует помнить, что нас может ждать «нефтяной Чернобыль». Такое состояние тепловых, во-*

*допроводных и канализационных магистралей уже получило название подземного **Чернобыля**. И первыми жертвами политического **Чернобыля**, скорее всего, станут силовики.*

- *Обозначение другой АЭС как объекта (0,5%): Сейчас он уже около месяца работает в лаборатории атомной электростанции в провинции Ольгин; я с Кариной пока остаюсь в Сантьяго: не для того увозила её из Беларуси, чтобы поселиться в двух шагах от ядерного реактора. К тому же жить там негде, мужу выделили только койку в общежитии и талоны на питание один раз в день в столовке его **Чернобыля**, которого в случае чего хватит на всю Кубу, — так я ему и сказала.*

Следует отметить, что в анализируемом языковом материале встречается употребление слова **Чернобыль** в значении 'чернобыльская авария' во множественном числе и со строчной буквы: *За людьми тянут дороги, едут авто, летят самолеты, возводят плотины, АЭС, значит, жди катастроф, **чернобылей** и фукусим. ... землетрясения, наводнения, смерчи, **чернобыли** воздадут тебе по заслугам.* Это свидетельствует о процессе перехода ПИ **Чернобыль** из разряда имён собственных в имена нарицательные, то есть, по сути, об объективации значения в сознании языковой личности.

Анализ языкового материала позволил выделить следующие особенности:

1. Употребление топонима **Чернобыль** в прямом значении без дополнительной коннотации характерно для текстов, написанных до 1986 года, и используется как обозначение географического объекта. Пейоративная коннотация возникает за счёт лексического окружения топонима и связана с описанием самой аварии, её последствий, отношения говорящего к ситуации.
2. Организации, содержащие в названии топоним Чернобыль, возникли уже после аварии на Чернобыльской АЭС и объединяют либо ликвидаторов, либо людей, пострадавших от последствий аварии, либо эти организации занимаются организацией экскурсий в чернобыльскую зону (например, «**Чернобыль-тур**»), то есть, в сознании носителей языка также связаны с произошедшим инцидентом.

3. При употреблении топонима **Чернобыль** для обозначения аварии на Чернобыльской АЭС происходит метонимический перенос по типу «место – событие», и сформировавшееся прецедентное имя в данном случае выступает как маркер прецедентной ситуации, обладающей ярким набором дифференциальных признаков, выделенных В. В. Красных и Э. А. Левиной, описывающих событие как глобальную катастрофу.
4. Восприятие аварии на Чернобыльской АЭС носителями языка как страшной трагедии и глобальной катастрофы приводит к частичному стиранию дифференциальных признаков ядра ПИ (авария на АЭС), и в этом расширенном значении ПИ **Чернобыль** употребляется по отношению к другим техногенным авариям или общественно-политическим инцидентам, никак не связанным с атомной энергетикой. Дальнейшее расширение значения приводит к появлению примеров словоупотребления ПИ **Чернобыль** как обозначения другой действующей АЭС, что отражает страх перед атомной энергетикой в сознании говорящего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волова В. М. Прецедентные имена собственные и их специфика в газетно-публицистическом тексте как составной части масс-медиального дискурса // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филологические науки. 2016. № С. 82-86.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: «Наука», 1987. 263 с.
3. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.
4. Левина Э. М. Может ли быть прецедентным топоним? // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 4(58): в 3-х ч. Ч. 2. С. 115-119.
5. Лучинская Е. Н., Кабаньян Б. С. Прецедентные феномены в общественно-политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2017. № 6(72): в 3-х ч. Ч. 2. С. 112-114.
6. Нахимова Е. А. О классификации и дифференциации видов прецедентных феноменов в политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2018. №1 (67). С. 41-46.
7. Флейшер Е. А. Функционирование прецедентных имён и явление псевдопрецедентности // Мир русского слова. 2012. №2. С. 29-33.

АНАЛИЗИРУЕМЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Национальный корпус русского языка. Электронный ресурс. <http://www.ruscorpora.ru>

ИНТОНАЦИОННОЕ ЕДИНСТВО И ДЕЛИМИТАЦИЯ СИНТАГМ КАК ОСНОВА ПОРОЖДЕНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ СВЯЗНОЙ РЕЧИ

Аннотация. В статье при опоре на авторскую делимитацию речи представлена синтагма как исходная единица речи, определена реальная структура текста как линейная последовательность всех его синтагм, на основе которых были выделены его предложения. Уделяется внимание их внутренней интонационно-смысловой организации и их интонационному разграничению как особому виду связи речевых единиц, порождающих структуру и содержание текста и всех его составных речевых единиц.

Ключевые слова: устная речь, делимитация речи, исходная речевая единица, слово, синтагма, фраза, предложение, синтагматическая структура речи.

Abstract. The article deals with the author's speech delimitation with the syntagma as the initial speech unit. The real structure of the text as the linear sequence of all its syntagmas, assisting in its sentence separation, is defined. Attention is paid to their inner intonation sense organization and their intonation differentiation as a special type of speech unit connection creating a structure and the contents of the text and all its constituent speech units.

Keywords: oral speech, speech delimitation, initial speech unit, word, syntagma, phrase, sentence, syntagmatic structure of speech.

Согласно господствующей концепции строительным материалом для предложения, выступающего в качестве начальной речевой структуры, являются слова как отдельные знаменательные единицы языка [1: 231]. Дескать, предложения строятся путём распространения их структурных схем с помощью лексических распространителей [2: 83]. Однако при верификации этой концепции выясняется, что она не соответствует речевой деятельности [3: 19].

У абсолютного большинства людей речь спонтанна. Их речевая деятельность носит автоматический характер. Люди, в том числе и дети, не имеющие ещё никаких сведений о лингвистике, могут легко передавать необходимую информацию с различными логическими и грамматическими отношениями (условия, цели, причины, следствия, уступки и т. д.). Но когда попытаешься направить их речевую деятельность в сознательное русло и попросишь передать конкретное грамматическое значение, то даже студенты-филологи часто испытывают затруднения и

лишь немногие справляются с заданием. Это свидетельствует о том, что концепция *сознательного* построения предложений путём распространения тех или иных схем отдельными словами не соответствует речевой деятельности и вызывает естественные сомнения.

Наблюдения за речью и интонацией её субъекта показывают, что речь строится не из **слов** как отдельных номинативных **знаков языка**, а в результате последовательного наращения лексических групп (**синтагм**) с единым ситуативным значением. Именно они выступают в качестве исходных минимальных **единиц речи**, что подтверждается целым рядом аргументов. Хотя вполне достаточно двух из них, чтобы в этом убедиться.

Во-первых, в устной речи, являющейся первичной и естественной формой общения, интонационно разграничиваются не отдельные слова, а группы слов, объединенных интонационно, по смыслу и грамматически. Если бы речь строилась из слов как самостоятельных строительные единицы, она бы интонационно и членилась на отдельные слова. Во-вторых, если бы речь строилась из слов, её содержание определялось бы последовательным наращением значений слов, но содержание речи воспринимается не в результате последовательного наращения их значений.

Цель статьи: опираясь на авторское интонационное разграничение речи, определить исходную речевую структуру как реальную основу порождения и восприятия текста и всех его составных единиц.

Актуальность статьи обусловлена тем, что рассматриваемая единица является важнейшей структурой во всех видах речевой деятельности, как в устной, так и письменной её формах, в связи с чем её изучение носит вневременной характер.

В качестве основного методологического принципа нами используется утверждение В. фон Гумбольдта, убедительно отражающее сущность речепорождения: «Речь течет непрерывным потоком, и говорящий, прежде чем задуматься над языком, имеет дело только с совокупностью подлежащих выражению мыслей... речь не строится из предшествующих ей слов, а, наоборот, слова возникают из речи» [4: 100].

Гумбольдт отмечает **спонтанность** и **автоматизм** речи (*течёт непрерывным потоком*), с чем трудно не согласиться, потому что речь – индивидуальная творческая деятельность. В процессе речи слова мгновенно возникают в сознании в виде единых лексических блоков, отражающих элементарные факты действительности.

Сторонники речепорождающей функции слова не учитывают того, что воспринимается устная речь и каждая её фраза (а на письме – каждое предложение) не на уровне значений слов. С этим фактом они согласны, но почему-то его не учитывают. Но если речь воспринимается не на уровне значений слов, следовательно, не из них она непосредственно и составлена. Не выяснив причин данного противоречия, трудно надеяться на успехи в обучении языку и чтению с адекватным пониманием содержания.

Вполне очевиден и второй принцип исследования речи, который можно сформулировать так: речь воспринимается на основе тех единиц, из которых она непосредственно и построена: именно они составили её структуру и содержание. Так что достаточно определить единицу восприятия речи, чтобы получить подлинную единицу её построения.

На реальную единицу восприятия речи указывает авторская интонация. Начнём рассмотрение вопроса с выяснения того, чем различаются слово и синтагма?

1. Главное их различие в том, что это единицы разных лингвистических сфер. Слово – единица языка, т. е. лингвистического кодового арсенала, синтагма же – индивидуальная единица речи, типичная исходная функциональная структура всех видов речевой деятельности.

2. Слово воспроизводится и принадлежит всем его носителям, тогда как синтагма является индивидуально-креативным порождением в процессе речевой деятельности и принадлежит субъекту речи.

3. У слова обобщённый характер значения при отмеченном словарями запасе чётко не очерченных смысловых возможностей, у синтагмы же конкретное ситуативное содержание.

4. Слову как единице лингвистической картины отражения предметного мира характерна **отдельность**. Оно самостоятельный лингвистический знак реалии. Синтагма как минимальный фрагмент содержа-

ния и структуры речи предполагает **сочетаемость**, что позволяет ей точно отразить элементарный фрагмент ситуации.

5. Что касается формы и значения слова, им присуща объективная заданность (его форма и значение установлены и представлены в словарях). Форме и значению синтагмы характерна субъективная заданность (они у неё определяются субъектом речи).

В качестве **рабочей гипотезы** принимается тезис, согласно которому определившиеся в результате авторской интонационной делимитации единицы восприятия речи являются подлинными (авторскими) исходными структурами её порождения.

Они основа общения – устного и письменного. При трансформации устной речи в письменную они, меняя звуковую форму на графическую, составляют структуру и содержание всех выделяемых предложений и текста в целом [5: 109]. В родном языке синтагмы обычно спонтанно возникают в сознании человека на основе его личной системы понятий и представлений о мире. Их наращение способствует организации связной речи, а их разграничение и интонационная интерпретация помогают осмыслить их значения и адекватно понять содержание в целом. Внутри синтагмы пауз нет: они могут деформировать её значение.

Функцию синтагмы может выполнять одно слово, если, по мнению субъекта речи, его достаточно для однозначной передачи информации, но в подавляющем большинстве случаев синтагма включает несколько слов, что приводит к возникновению у них единого ситуативного значения. Например, в русской речи составных синтагм – до 85 % (для сравнения: в английской речи – до 90 %). Тем не менее синтагма – предельно минимальная единица, так как речевых единиц меньше синтагмы нет.

Значение синтагм определяется языковыми и речевыми факторами (смысловыми возможностями их компонентов и связями между синтагмами). Чтобы понять, как реально происходит порождение и **линейное развитие** связной речи, обратимся к фрагменту рассказа А. П. Чехова «Человек в футляре». Напомним, что письменная форма речи вторична, она появилась в результате трансформации устной или внутренней речи автора в графическую. Поэтому, обращаясь к порождению анализируемого фрагмента, отразим в синтагматической записи [6]

её авторскую интонацию как способ интерпретации содержания и его последующей идентификации. При этом наклонными линиями отметим паузы между всеми речевыми единицами, а вертикальными разграничим фразы, т. е. отметим всё то, что мы реально слышим и осознаём.

*Была уже по́лночь / напра́во / было́ ви́дно всё село // | длинная
у́лица / тяну́лась далеко́ / ве́рст на пять // | всё́ было́ погружено́ / в ти-
хий глубокий со́н // | ни движе́ния / ни зву́ка /// | даже́ не ве́рится / что в
приро́де / мо́жет быть так тихо /// | когда́ в лунную но́чь / видишь ши-
рокую сельскую у́лицу / с её́ у́збами / стога́ми / уснувшими́ у́вами // то
на ду́ше / становится́ ти́хо /// | в этом своём по́кое // укывшись в ноч-
ных те́нях / от трудо́в / забо́т / и го́ря // она́ кротка́ / печальна́ / прек-
расна́ /// | и ка́жется // что и зве́зды / смотря́т на неё / ласково́ / и с
умилени́ем / и что зла́ уже́ нет / на земле́ / и всё́ благополучно́ /// |
нале́во с края́ села́ / начиналось по́ле // | оно́ было́ видно далеко́ / до го-
ризóнта // | и во всю́ ширь этого́ по́ля / за́литого лунным светом //
то́же / ни движе́ния / ни зву́ка / |*

В данной записи нашли отражение следующие факты: 1) все синтагмы как минимальные исходные компоненты структуры и содержания речи (они разграничены наклонными линиями); 2) их последовательность; 3) границы между ними; 4) паузы на месте этих границ; 5) продолжительность пауз (отмечена количеством линий); 6) компоненты в синтагмах, выделяемые ударением, а следовательно, и по смыслу; 7) все фразы (разделены вертикальными линиями); 8) сообщение в целом.

Здесь представлены все синтагмы и фразы. Для наглядности отведём каждой синтагме как самостоятельной единице речи отдельную строку. Этим, во-первых, подчеркнём **интонационно-смысловое единство каждой из них** как исходных речевых единиц и, во-вторых, отразим **разграничение их как однотипных, но разных речевых структур**. Наклонными линиями отметим три вида пауз: **короткую, продолжительную и максимальную**. В каждой строке представлена одна синтагма, внутри неё нет пауз, они только между строками, т. е. между синтагмами. Синтагмы имеют разный объём, а паузы между ними – разную продолжительность.

Была уже по́лночь /

напра́во /
было ви́дно всё село // |
длинная у́лица /
тяну́лась далеко́ /
вёрст на пять // |
всё было погружено /
в тихий глубокий со́н // |
ни движе́ния
ни зву́ка /// |
даже не ве́рится /
что в приро́де /
мо́жет быть так тихо /// |
когда в лунную но́чь /
видишь широ́кую сельскую у́лицу /
с её у́збами /
стогáми /
уснувшими у́вами //
то на душе /
становится т́ихо /// |
в этом своём поко́е //
укрывшись в ночных те́нях /
от трудо́в /
забо́т /
и го́ря //
она кротка́ /
печа́льна /
прекра́сна /// |
и ка́жется //
что и звёзды /
смотрят на неё /
ласково /
и с умилением /
и что зла́ уже нет /
на земле /
и всё благополучно /// |
нале́во с края села /
начиналось по́ле // |

*оно было видно далекó /
до горизóнта // |
и во всю ширь этого пóля /
зáлитого лунным светом //
тóже /
ни движéния
ни звúка / |*

Уделяя внимание выделенным синтагмам, нельзя утверждать, что у автора на все 100 процентов была именно такая их делимитация. Для подобного утверждения нужно прослушать авторское чтение текста. Не исключаем, что в отдельных случаях она была иной. И для читателя возможны отдельные интонационные модификации текста. Но это детали. Главное же в том, что принцип порождения и развития речи **синтагматический**. Текст формируется автором последовательно не слово за словом, а синтагма за синтагмой, что подтверждается авторской разграничительной интонацией и характером восприятия общего содержания: все передаваемые мысли воспринимаются **посинтагмно**, а не **пословно**. Наличие некоторых вариантов интонационного членения текста читателем не отрицает синтагматической природы речи. В устной речи нет вариантов синтагматического членения. У субъекта речи один вариант. Поэтому и текст предполагает один вариант членения – авторский.

Опираясь, с одной стороны, на интонационное и структурно-смысловое единство компонентов в синтагме, а с другой – на интонационное разграничение (делимитацию) синтагм, можно увидеть, как рождается и развивается связная речь. При необходимости передать конкретную информацию в сознании человека спонтанно возникают минимальные (недискретные) факты информации, которые получают мгновенное лингвистическое выражение в форме недискретных речевых структур. У субъекта речи нет времени на то, чтобы выискивать нужные слова и строить синтагмы или предложения. Слова мгновенно, автоматически всплывают в сознании в виде лексических единств на основе интонационной, смысловой и грамматической связи [7: 142]. Так, в рассматриваемом контексте появление и наращение синтагм происходит в таком направлении: *Была уже пóлночь* (хотя в этой синтагме представлены подлежащее и сказуемое, они образуют единую интонационно-

смысловую элементарную структуру речи с обозначением конкретной временной точки). Эта синтагма выполняет функцию фразы в устной речи и предложения – в письменной. Она является зачином для передаваемой информации. К ней путём линейного наращения добавляются другие синтагмы как самостоятельные исходные недискретные речевые компоненты аналогичного образования.

Далее в аналогичных предельно минимальных речевых единицах – синтагмах – передаются минимальные факты. Они выливаются во фразы, отражающие внешнее окружение и психическую реакцию на увиденное.

(1) *Была уже полночь //*

(2) *направо / было видно всё село //*

(3) *длинная улица / тянулась далеко / вёрст на пять //*

(4) *всё было погружено / в тихий глубокий сон //*

(5) *ни движения ни звука ///*

(6) *даже не верится / что в природе / может быть так тихо ///*

(7) *когда в лунную ночь / видишь широкую сельскую улицу / с её избами / стогами / уснувшими ивами //* то на душе становится тихо ///

(8) *в этом своём покое //* укрывшись в ночных тенях / от трудов / забот / и горя / она кротка / печальна / прекрасна ///

(9) *и кажется / что и звёзды смотрят на неё ласково и с умилением //* и что зла уже нет на земле //

(10) *налево с края села / начиналось поле //*

(11) *оно было видно далеко / до горизонта //*

(12) *и во всю ширь этого поля / залитого лунным светом / тоже ни движения ни звука /*

Эти фразы последовательно трансформируются в предложения.

Была уже полночь. Направо было видно всё село, длинная улица тянулась далеко, вёрст на пять. Всё было погружено в тихий, глубокий сон; ни движения, ни звука, даже не верится, что в природе может быть так тихо. Когда в лунную ночь видишь широкую сельскую улицу с её избами, стогами, уснувшими ивами, то на душе становится тихо; в этом своём покое, укрывшись в ночных тенях от трудов, забот и горя, она кротка, печальна, прекрасна, и кажется, что и звёзды смотрят на неё ласково и с умилением и что зла уже нет на земле и всё благополучно. Налево с края села начина-

лось поле; оно было видно далеко, до горизонта, и во всю ширь этого поля, залитого лунным светом, тоже ни движения, ни звука.

Как видим, 12 фраз, которые субъективно трансформированы автором в 5 предложений. Причём авторская структура предложений носит такой личностный характер (особенно третье и четвёртое предложения), что в процессе написания экспериментального диктанта ещё никому из более чем 500 участников не удалось её воспроизвести.

Становится очевидным, что количество фраз в речи – величина постоянная, тогда как количество предложений при её записи может варьироваться. Полного соответствия между фразой и предложением нет. Например, Л. В. Щерба порой пользовался терминами *фраза* и *предложение* как синонимами, тем не менее считал, что фразы и предложения – соотносительные, но не тождественные единицы. Количество фраз в речи в большинстве случаев не совпадает с количеством предложений при её записи. Фразы субъективно трансформируются автором в предложения, которые выделяются с целью последовательного представления и разграничения мыслей. При озвучивании текста предложения реорганизуются в свои первоначальные структуры – фразы.

Выводы. Развивая мысли Гумбольдта о непрерывном течении речи и о реальном статусе слов в ней, отметим, что устная речь появляется не в результате построения фраз. Наоборот, фразы появляются в результате развития речи путём последовательного наращивания синтагм.

Письменная речь появляется не в результате построения предложений. Наоборот, предложения выделяются на основе синтагм и фраз при трансформации устной речи в письменную как способ выделения в тексте всех его самостоятельных мыслей.

Становится очевидным, что господствующая теория построения предложения при помощи отдельных слов, распространяющих его структурную схему, развивает у учащих словесный способ чтения и восприятия текста и не способствует адекватному пониманию его содержания. Слово и предложение соотносятся через синтагму.

Так как основа речевой деятельности не словесная, а синтагматическая, то при чтении нужно опираться не на слова, а на реальные исходные единицы речи – на авторские синтагмы, что весьма важно учитывать при переводе текста на другой язык.

Чем точнее установлены читателем синтагмы, тем точнее будет воспринято им содержание. В связи с этим синтагматическая концепция речи предполагает реальные теоретические и практические перспективы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Вопросы изучения словосочетаний (На материале русского языка) // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 231-253.
2. Русская грамматика в 2 т. М.: Наука, 1980. Т. 2. 709 с.
3. Андреева. С. В. Основные и вспомогательные единицы устной коммуникации // Известия Саратовского университета, 2007. Т. 7. Сер.: Филология. Журналистика. Вып. 2. С. 19.
4. В. фон Гумбольдт. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. I. М., 1964. С. 100.
5. Филатова Е. В. Синтагма как реальная единица порождения и восприятия речи. Донецк: ДонНУ, 2013 [Электронный ресурс]: http://studopedia.ru/16_69960_sintagma-kak-lingvisticheskaya-edinita.html
6. Филатова Е. В. Синтагматическая запись речи как способ изучения проблемы порождения и восприятия речи, её реальных единиц и их функций // Филология и литературоведение. 2015. № 1 [Электронный ресурс]: URL: <http://philology.snauka.ru/2015/01/1142>
7. Филатова Е. В. Смысловая связь как основа построения речи // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. Ростов н/Д, 2016, № 3. С. 142-153 [Электронный ресурс]: <http://philol-journal.sfedu.ru/index.php/sfuphilol/article/view/944>

ХАРЛАМОВА Марина Александровна (Омск, Россия)

кандидат филологических наук, доцент
Омский государственный университет
имени Федора Михайловича Достоевского
khr-spb@mail.ru

КОНСТАНТА ВОЗРАСТ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ И ЕЁ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ЭЛЕКТРОННОМ РЕГИОНАЛЬНОМ СЛОВАРЕ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-012-00507*

Аннотация. Статья посвящена исследованию объективации константы Возраст в диалектном дискурсе полиэтнического региона. Возраст – одна из составляющих концепта ВРЕМЯ в языковой картине мира. Константа Возраст в языковом сознании диалектоносителей вербализуется в оппозициях молодость–старость, свой–чужой, работа–пенсия и т. п. и манифестирует своеобразие этого фрагмента тради-

ционной культуры, носители которой являются обычно сельскими жителями старшего поколения.

Ключевые слова: константа Возраст, архаический слой говора, полиэтнический регион, электронный словарь.

Abstract. The article examines the objectification of the constant 'age' in the dialect discourse of a polyethnic region. 'Age' is one of the components that constitute the concept of 'time' in a linguistic view of the world. In linguistic consciousness of the dialect speakers the constant 'age' is verbalized in the oppositions 'young age – old age', 'us – others', 'work – retirement' etc., and represents the distinctness of this fragment of traditional culture, whose representatives are usually elderly rural dwellers.

Keywords: constant 'age', archaic layer of a dialect, polyethnic region, electronic dictionary.

Повседневная реальность – один из модусов человеческого существования, и эта реальность всегда связана со временем. Для диалектоносителей время наполнено, прежде всего, прагматическим смыслом, поскольку связано с практическим опытом (сезонные работы, время суток, года) и с религиозными традициями и праздниками. Время сельскими жителями всегда воспринимается как «линейный и циклический процесс» (О. А. Черепанова). Концепт Время относится к числу универсальных. Это один из так называемых первичных концептов, присутствующих практически во всех языках. А. Я. Гуревич пишет: «Мало найдется таких показателей культуры, которые в такой степени характеризовали ее сущность как понимание времени. В нем воплощается, с ним связано мироощущение эпохи, поведение людей, их сознание, ритм жизни, отношение к вещам» [2: 15]. В речи респондентов-диалектоносителей концепт Время актуализируется через ряд универсальных для носителей традиционной народной культуры и тесно связанных друг с другом оппозиций: раньше – сейчас, своё – чужое, молодость – старость и т. д.: *Ну я дапусим/ сказала-бы как-та мы висилей жыли можэт быть/ мы маладыи были/ нам кажыца вам шчас вот харашо/ а нам тагда была харашо// Нам шчас жызнъ ни-нравица/ нам ни-нравица што-вот фсё разваливаица/ фсё разваливаица//* (с. Мыс, Муромцевский р-н, Пестрякова А. И., 90 л., неграмот., старож., 2001).

Время соотносится с биологическим уровнем существования человека и на этом уровне связано с возрастом человека. Для диалектоносителей пожилого возраста константа Возраст так же, как и Время объек-

тивируется в корреляции молодой/ старый (молодость/ старость), кроме того репрезентируется в оппозициях начало/конец жизни; работа, труд/ пенсия.

В центре нашего внимания – исследование объективации возрастных параметров носителей архаического слоя говора полиэтнического региона (о неоднородности современных говоров см. [1]) как представителей народно-речевой культуры, которые, по справедливому замечанию В. А. Масловой, являются «первоосновой национальной языковой личности» [5: 77].

Изучение вербализации константы Возраст предваряет её лексикографическую интерпретацию в диалектном словаре нового типа [сайт: dict.univer.omsk.su]. Электронный словарь народной речи Среднего Прииртышья направлен на реконструкцию диалектной картины мира. Единицами описания в электронном словаре полевой структуры выступают константы народной речевой культуры [6: 110-239].

В современной диалектологии используется методика социолингвистического анализа, предложенная ещё в 1936 г. Н. М. Каринским [3]. В соответствии с этой методикой в том или ином диалекте можно выделить группы носителей, отражающих сложные процессы, происходящие в говорах, взаимодействие структурных и социальных факторов в развитии современных говоров, динамические изменения на всех уровнях диалекта (системно-структурном, лексико-семантическом, лингвокогнитивном). Носители архаического слоя говора принадлежат к старшему поколению (старше 60 лет), ориентированы на сохранение основных диалектных особенностей; (средний слой – от 40 лет до 60; новый слой до 30-40 лет) [4: 18]. Деление респондентов на три группы в значительной мере условно, «условной и подвижной оказывается возрастная граница между группами» [4: 18]. По нашим наблюдениям, сельские жители Среднего Прииртышья в возрасте старше 60 лет во многом сохраняют исконные черты сибирских говоров, в меньшей степени испытывают влияние литературной речи (или постепенно утратили его, особенно с выходом на пенсию) и т. п., манифестируют традиционные для народной культуры ценности.

Полагаем, принадлежность к определённой социокультурной среде носителей архаического слоя говора проявляется в особом мировидении сельских жителей, что отражается в их коммуникативном поведении. Рассмотрим, как сами респонденты старшего поколения рефлексировуют о возрасте и как репрезентируется концепт в их языковом сознании.

Возраст диалектоносителя может объективироваться количественными словосочетаниями: *Мне пад-дивиноста лет-уш я ково?* // (д. Черняево, Тарский р-н, Васильева Е. Н., 85 л., неграмот., старож., 2010). Некоторая приблизительность в оценке своего возраста характерна для женщин старшего поколения диалектоносителей, возможно, это связано с гендерной спецификой – «коккетством от природы». Маркером этого возраста оказывается и ещё одна гендерная черта – критическая оценка своей и ровесниц внешности: *Стары стали фсе сморщинулись*// (д. Черняево, Тарский р-н, Васильева Е. Н., 85 л., неграмот., старож., 2010).

В языковом сознании носителей архаического слоя говора их возраст соотносится с понятием *старость / старый*. В примере семантика старения представлена через глагол, отсутствующий в литературном языке, однако образованный по типичной словообразовательной модели от существительного *морщина* (морщиться>сморщиться). Появляется значение процессуальности с конкретным показателем итога, основное течение жизни и времени традиционно заключено в семантике глагола.

Со старением пожилой человек связывает утрату сил (работоспособности) в течение долгой жизни: *Чёж уже восим'сят пять лет скоро буит/ а-сила-ть типерь где?* // (д. Черняево, Тарский р-н, Васильева Е. Н., 85 л., неграмот., старож., 2010). Потеря работоспособности в старости ассоциируется ещё и с болезнями и близкой смертью: *Да/ муж мой/ мы с-йим прожыли век/ и вот он заболел заболел у- миня и вот умер*// (с. Кейзес, Седельниковский р-н, Коваленко З. М., жен., 51 г., 7 кл., рус.-бел., 2001).

Маркером утраты силы в течение жизни является глагол *карабкаться* в следующем высказывании: *Кърапкыюсь на-ету* [сцена в клубе] *вот/ заводют миня/ сводют сэтова/ кому нада возиця*// (д. Черняево, Тарский р-н, Васильева Е. Н., 85 л., неграмот., старож., 2010), – через

семантику которого ('трудное передвижение') эта лексема входит в поле *старость*.

Сама лексема *старость* (как *молодость*) в речи диалектоносителей почти не представлена, что объясняется преобладанием в народной речи слов с конкретной семантикой, а в сознании – предметно-чувственного восприятия. Для обозначения прожитой жизни используется слово *век* как наиболее близкое к продолжительности человеческой жизни временное обозначение, а конкретизируется итог жизни в глагольной форме с семантикой 'старость' – *состариться*: *Вот так век прожили/ типерь состарились к-чёрту//; Фсю жись прожили/ я никуда ни-уходила/ ни-уижала/ и-вот живу вот-щас где я живу/ в-этом краю родилась и-вырасла/ и-состарилась//* (д. Черняево, Тарский р-н, Васильева Е. Н., 85 л., неграмот., старож., 2010).

В диалектном коммуникативном пространстве Возраст пожилого человека часто манифестируется сквозь призму оппозиции *молодой-старый*: *Жыла я малодин'ка-та дак у-Шугалова-та у-боуачя // Ходила за-старухай за-калекай / малодин'ка-та //* (с. Паново, Крутинский р-н, Пимшина М. Г., 94 г., неграмот., старож., 2006).

В качестве ценностной установки в дискурсе пожилых информантов можно выделить продолжительность активного существования, наличие постоянной работы, того или иного действия, что подчеркивается информантами на лексико-семантическом уровне (*всю жизнь, век*). При этом часто в подобных высказываниях представлено противопоставление молодежи (*ребятишки, молодые, молодёжь*) и пожилого населения деревни (*старики, старушки*): *Маладёш уижжаит/ а ехат'та куда?/ кто/ где/ принял/ вот// А/ старики тол'ка астались за-щёт пен'сии живут/ ну ищо коя-кто за-щёт хазяйства живут//* (с. Яман, Крутинский р-н, Матюхина М. И., 76 л., 10 кл., старож., 1998). Лексема *пенсия* – ещё одна устойчивая ассоциация со *старостью* в сознании носителей архаического слоя говора: [А как решили заняться (резьбой по дереву)?] *Ну заняца пашол на-пен'сию делать нечива да занялся//* (с. Петровка, Омский р-н, Классин Я. А., 77 л., 7 кл., старож., 2003).

Противопоставление молодежи и стариков является конкретной реализацией более общей оппозиции традиционной народной культу-

ры своё – чужое. В предыдущем примере информант не соотносит себя прямо с той или иной группой (с молодыми или стариками), но в большинстве подобных высказываний диалектоноситель отождествляет себя с группой *старика* (эта отнесенность выражается с помощью местоимения *мы* или формы мн.ч. глагола), поскольку, как известно, в качестве информантов чаще выступают пожилые диалектоносители, что обусловлено объективными причинами – специфические диалектные черты и своеобразное мировосприятие проявляются, главным образом, в пожилом возрасте.

Таким образом, Возраст – релевантная константа традиционной речевой культуры, которая выступает определённым маркером диалектоносителей старшего поколения. В языковом сознании и коммуникативном поведении последних их возраст ассоциируется с утратой работоспособности, выходом на пенсию, болезнями, изменениями внешности, связанными с естественным старением организма (*сморщилась*). Носители архаического слоя говора мыслят себя в определённой социокультурной группе – *пожилые/старые люди*. Это своё коммуникативное и культурное пространство в противоположность молодым – *чужому* социуму. Ценностные доминанты пожилых: труд (*всю жизнь/весь век работала*), семья, здоровье, «нужность» обществу. И это своё поколение – *старые, старушки, старики, деды*, а чужое поколение – *молодые, молоденьки, молодёжь* и т. п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранникова Л. И. Русские народные говоры в советский период (К проблеме соотношения языка и диалекта). Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1967. 214 с.
2. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1984. 350 с.
3. Каринский Н. М. Очерки языка русских крестьян (Говор д. Ванилово). М.-Л.: Соцэкгиз, 1936. 175 с.
4. Курникова (Харламова) М. А. Изменение фонетической системы сибирского старожильческого говора (по материалам тарского говора Омской области): Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986. 215 с.
5. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пос. для студ. вузов. М.: Академия, 2001. 208 с.
6. Харламова М. А. Константы народной речемышльи и их лексикографическая интерпретация. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2014. 290 с.

ХУЖАНОВА Озода Тожиевна (*Термез, Узбекистан*)

старший преподаватель
Термезский государственный университет

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ РОЛЬ
ВОСТОЧНОЙ ЭКЗОТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ
В ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ XVI–XVIII вв.**

Аннотация. В статье рассматривается функционально-стилистическая роль восточной экзотической лексики в памятниках русской деловой письменности XVI–XVIII веков.

Ключевые слова: лексика, экзотизмы, памятники письменности.

Abstract. The article discusses the functional and stylistic role of Eastern exotic vocabulary in the monuments of Russian business writing of the XVI–XVIII centuries..

Keywords: vocabulary, exoticism, written records.

В историческом развитии русского языка, а именно в период XVI–XVIII веков, наблюдалось активное проникновение заимствований из языков восточных народов, контактирующих с русским народом. Изучение восточных заимствований, как уже отмечалось в научной литературе, дает важный ключ к пониманию как исторического прошлого самих народов, так и эволюции их языков.

В последнее время в русском языкознании установилось мнение о необходимости комплексного исследования проблем исторической лексикологии [3: 6]. Одной из важнейших составных частей такого подхода является функционально-стилистический или жанрово-стилистический аспект изучения особенностей употребления экзотической лексики, под которым в исследованиях по исторической лексикологии понимается, прежде всего, описание стилистических качеств слова на основе анализа текстов, многообразных в жанрово-стилистическом отношении [2: 5].

В. В. Виноградов также справедливо отмечал: «Стилистическая сущность слова определяется его индивидуальным положением в семантической системе языка, в кругу ее функциональных и жанровых разновидностей» [1: 26].

Особенности функционирования восточной экзотической лексики в русском языке своеобразны. Анализ памятников русской деловой письменности показывает, что в условиях текста с наибольшей отчетливостью проявляются семантико-стилистические свойства экзотической лексики. Благодаря текстам деловых памятников письменности мы име-

ем возможность определять семантику малопонятных слов. В текстах документов восточная экзотическая лексика сопровождается глоссами, введенными в текст различными способами. Многообразие восточных экзотизмов в русских текстах делового характера может быть условно разделено на две большие группы:

- 1) слова, получившие в русском языке регулярные употребления и вошедшие в его лексическую систему;
- 2) слова, роль которых «...может оканчиваться собственно тем произведением, где они привлечены...».

К первой группе относятся слова, которые часто употребляются не только в речи, но и в текстах деловых документов, которые в свою очередь способствуют вхождению этих слов в лексическую систему русского языка. Часть восточных экзотизмов мы можем отнести к этой группе. Например: *аршин*, *алтын*, *кафтан*, *камка*, *чай* и другие. Так в «Росписи жалованья, посланного из Посольского приказа к Алтын-хану и ламе Даин Мерген-Ланзу» от 1636 года экзотизм *аршин* со значением меры длины встречается шесть раз. Основными критериями, дающими возможность отнести это слово именно к первой группе являются следующие: 1) более раннее вхождение этого слова, а именно в 1587 году, в русский язык; 2) фиксация экзотизма словарями русского языка.

В «Справке из дел Посольского приказа о приезде в 1608 году калмыцких послов и о выдаче им жалованья» слово *кафтан* употребляется девять раз. Употребление этого слова без глосс, а также более ранняя фиксация этого слова «Словарем русского языка XI–XVII вв» дает возможность отнести его к этой группе. В этом же документе слово *алтын* со значением 'денежная единица' встречается пять раз. В текстах документов оно не сопровождается глоссами, так как словари русского языка свидетельствуют о более раннем проникновении и адаптации этого слова в системе русского языка.

Название ткани *камка* в «Жалованной грамоте царя Михаила Федоровича о принятии Алтын-хана в русское подданство» от 1638 года упоминается семь раз и, вообще, по результатам изученных источников этого периода слово *камка* по частоте употребления стоит на первом месте. Рассмотренные нами памятники дали возможность определить и

дополнительное лексическое значение этого слова, то есть *камка* – это не только название ткани, но и отрез этой ткани, равный 10 аршинам или 7 метрам и 10 сантиметрам.

Частотность употребления этих слов в деловых документах, отражающих сношения России с восточными странами, является одним из признаков, позволяющих отнести эти слова к первой группе.

Второй признак, дающий возможность отнести эти слова к данной группе и внести их в лексическую систему русского языка, является фиксация этих слов словарями русского языка, а также употребление их в контексте без толкований.

Главным спутником всех трех признаков является время, которое необходимо для фонетического и морфологического оформления слов в русском языке.

Ко второй группе относятся слова, использование которых ограничивается каким-либо документом или художественным произведением, так как они только начинают проникать в русский язык. Как известно, процесс вхождения этих слов в лексическую систему русского языка, их фонетическая и морфологическая адаптация – процесс длительный, который необходимо преодолеть. Многие слова, не преодолевая этого барьера, становятся малоупотребительными или вообще перестают употребляться. Из исследуемых нами источников к этой группе можно отнести следующие слова: *албавут*, *бобаны*, *гиям иен* и другие.

В сборнике документов, отражающих русско-монгольские отношения в XVII в., экзотизм *албавут* упоминается два раза в письме Эрдени Батура-хунтайджи царю Михаилу Федоровичу в различных фонетических вариантах и сопровождается глоссой «воевода». Наличие вариантов свидетельствует о фонетической неоформленности этого слова. Оно не зафиксировано словарями русского языка.

Слово *гиям иен*, встречающееся в «Выписке из статейного списка С. Л. Владиславича-Рагузинского, сделанная в Коллегии иностранных дел» от 1726 года также сопровождается пояснениями «шкатулка четверугольная» и «шкатулка». Этот экзотизм в тексте документа употребляется всего лишь один раз при перечислении подарков российской императрице от Богдыханова величества. Указанный пример подтвержда-

ет мнение о том, что это слово является малоупотребительным и не зафиксировано словарями русского языка.

Основным критерием, позволяющим отнести эти слова ко второй группе, является незафиксированность этих слов словарями русского языка. Сопровождение таких слов глоссами является вторым по значимости критерием.

Наличие фонетической вариативности говорит о том, что эти слова в XVI–XVIII вв. находились на начальном этапе процесса вхождения в русский язык. Из-за отсутствия необходимости употреблять эти слова они так и не вошли в лексическую систему русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 312 с.
2. Судаков Г. В. Источники для изучения истории русской лексики // Источниковедческие и текстологические материалы в лингвистических курсах. М.: Изд-во МГПИ, 1984. С. 30–45.
3. Юналеева Р. А. Об аспектах изучения тюркизмов // Языки, духовная культура и история тюрков: Традиции и современность: Труды Международной конференции: в 3 т. Казань, 1992. Т. 1. С.129–131.

ЦИНЬ Лидун (*Чанчунь, Китай*)

аспирант
Костромской государственной университет
qinglidong@mail.ru

РАЗВИТИЕ СРЕДСТВ ГИПОТАКСИСА В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ ПОСЛЕПУШКИНСКОГО ПЕРИОДА

(на примере условных союзов пьес А. Н. Островского)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению истории условных гипотактических союзов на этапе их развития в первые десятилетия XIX столетия на материале пьесы А. Н. Островского «Свои люди – сочтёмся», когда усилился приток демократических средств в русский литературный язык и происходил отбор в его состав наиболее выразительных грамматико-стилистических элементов. Выявляются в разной степени перспективные в своём развитии моносемантические и синкретические по значению и функции условные союзы в аспекте книжное/разговорное. Делается вывод о дальнейшей судьбе рассматриваемых союзов.

Ключевые слова: условные союзы, книжное/разговорное, А. Н. Островский, синкретизм значения, продуктивные союзы, степень архаизации.

Abstract. The article deals with the history of conditional hypotactic conjunctions at their stage of development in the first decades of the 19th century on the material of A.N. Ostrovsky's play "It's a Family Affair – We'll Settle It Ourselves". This is the period of time

when the inflow of democratic means into Russian literary language increased and selection of the most expressive grammar and stylistic elements took place. Monosemantic and syncretic in their meaning and function conditional conjunctions prospective to the different extent in their development are highlighted in the aspect literary / colloquial. The author makes a conclusion on the further fate of conjunctions under consideration.

Keywords: conditional conjunctions, literary / colloquial, A. N. Ostrovsky, syncretism of the meaning, productive conjunctions, the extent of archaization.

Создание современного русского литературного языка относят к концу XVIII – началу XIX вв. и обычно связывают с именем А. С. Пушкина. Именно в его творчестве наиболее полно и органично воплотился важнейший принцип существования общенационального литературного (стандартного) языка – соединение книжного и разговорного, высокого (элитного) и низкого (профанного). Однако процесс выработки литературного русского языка продолжался и далее на протяжении всего XIX столетия и отразился в творчестве представителей русской классической литературы, полностью не завершён он и по сегодняшний день. В особенности это касается языковой парадигматики в области сложноподчинённых конструкций и их важнейшего средства выражения грамматического значения – подчинительных союзов.

Как известно, система подчинительных союзов на Руси сложилась довольно поздно: только к XVII в. появляются самые продуктивные в настоящий момент условные подчинительные союзы *если* и *ежели*, которые начали функционировать наряду с большим количеством более архаических союзов широкого семантического спектра типа *кабы*, *коли*, *когда*, *как* и др. и продолжают широко употребляться и сейчас в диалектах и просторечии, а также с ограниченными стилистическими функциями возможны и в литературном языке.

По сути дела из всех этих союзов только союз *если* воплощает в себе те качества, к которым стремятся в своём развитии современные подчинительные союзы, некогда в древнерусском языке многочисленные, многозначные и многофункциональные – однозначную семантику и стилистическую нейтральность. Остальные союзы по-прежнему остаются структурно, семантически и функционально синкретичными (воплощают в себе несколько обстоятельственных значений и могут иметь структурные варианты), обнаруживая тесную связь с ситуацией и темой общения как в диалектной среде, так и на периферии использования их

в литературном языке. История данных союзов в древнерусском языке и употребление их в диалектах, этой «живой старине», хорошо известна, см., например, труды А. Б. Шапиро, А. Н. Стеценко, В. И. Борковского и др. языковедов [2, 4, 5]. Постараемся проследить динамику развития семантики союзов условных сложноподчинённых предложений на материале художественных произведений первой половины XIX столетия, которые, с одной стороны, отражали судьбу этих союзов в речи представителей разных страт русского общества, с другой, своим авторитетом формировали представление о типологии данных конструкций и их дальнейшей судьбе в литературном языке.

В данной работе мы исследуем структурно-семантические и функциональные особенности употребления условных союзов сложноподчинённых предложений в пьесе А. Н. Островского раннего периода «Свои люди – сочтёмся» (первая её редакция под названием «Банкрут» относится к 1948 году), где, пожалуй, более полно и многообразно, чем в других произведениях драматурга, представлена палитра разнообразных разговорных средств русского языка, в том числе и в области синтаксиса сложноподчинённых предложений.

Надо признать тот факт, что в послепушкинский период «с именем Островского связан наиболее ощутимый демократический вклад в совершенствование литературного русского языка – мощный приток элементов живой разговорной речи», а также то, что «Островский был одним из тех писателей, в творчестве которых интенсивно, продуктивно и органично происходило соединение элементов книжно-письменного литературного языка с элементами народной устной речи для создания единого, функционально неразобъённого литературного языка. Островский шире, чем его предшественники, раздвинул границы языка своих драматических произведений для принятия элементов живой народной речи, в первую очередь её лексических и фразеологических средств, а также грамматико-синтаксических особенностей» [1: 496].

Обратимся к тексту пьесы А.Н. Островского «Свои люди – сочтёмся» [3] и выявим состав, количество и условия употребления в ней союзов условных сложноподчинённых предложений в разрезе стилистической ситуации книжное/разговорное.

Союз *если*. Употреблён 10 раз в реальных и ирреальных ситуациях в препозиции придаточного, и только один раз в постпозиции. Характерно, что эта книжная конструкция (исконно для разговорной речи более характерен паратаксис, чем гипотаксис) в речи малообразованных персонажей пьесы Липочки и Подхалюзина нередко встречается и в составе многокомпонентных (полипредикативных, с двумя придаточными) сложноподчинённых конструкций:

(1) Липочка. *А если и выедут-то куда, так только слава, что четверня-то, а хуже одной-с купеческой-то* (с. 27).

(2) Подхалюзин. *Если и попользуюсь в этом деле чем-нибудь лишним, так и греха нет никакого; потому он сам несправедливо поступает, против закона идет* (с. 50).

(3) Липочка. *Ведь посмотрели бы на шпоры, как они звенят, особливо, если улан али полковник какой разрисовывает – чудо!* (с. 28).

Мастерство писателя помогает замаскировать эту «усиленную», полипредикативную книжность гипотаксиса за счёт многочисленных лексико-идиоматических средств, «сигналов разговорности», что придаёт всей конструкции лёгкость и доступность для восприятия участников диалога и зрителей, носителей национального языка. Подобные перцептивные свойства присущи, возможно, ещё в большей степени условным сложноподчинённым предложениям с другими союзами, которые в настоящее время характеризуют диалектную или сниженную наддиалектную речь.

Союз *кабы*. Эти конструкции (их всего 3) с препозицией придаточного, встретились в речи Рисположенского, Тишки и Большова:

(4) Рисположенский. *Кабы я вас не любил, я бы к вам и не таскался* (с. 41).

(5) Тишка. *Вот кабы спрашивался, – я бы знал* (с. 60).

(6) Большов. *Кабы я тебя не любил, нешто бы я так с тобой разговаривал?* (с. 65).

В настоящее время они характерны в основном для стилизованной под фольклор разговорной речи, хотя их структурно-семантические характеристики полностью совпадают с предложениями с союзом *если*.

Союз *как (бы)*. Употреблён три раза в препозиции и интерпозиции.

Это синкретический архаический некнижный союз (сейчас употребляется только в диалектах): условное значение в нём сочетается со значением обстоятельства образа действия:

(7) Липочка. *Вот как бы вышла за благородного, так я бы и уехала из дому и забыла бы обо всем этом* (с. 77).

(8) Липочка. *Тятенька, как не пьян, так молчит, а как пьян, так прибьёт того и гляди* (с. 77).

(9) Подхалюзин. *Как бы десять копеек, так бы ладно-с* (с. 86).

Союз *когда*. Этот союз, как и предыдущий, синкретичен, но совмещает в себе условное значение с временным. Он достаточно частотен в пьесе (употребляется 6 раз) и встречается только в постпозиции и интерпозиции, что способствует выявлению в нём условной, а не темпоральной семы. Более обычная сфера его бытования – диалекты, но и в разговорной сфере периферийной зоны литературного языка он в достаточной мере употребителен. Примеры:

(10) Рисположенский. *Да и что я за учитель такой, когда вы сами, может быть, в десять раз меня умнее?* (с. 41).

(11) Рисположенский. *Я бы свинья был, когда б не сделал, потому что я, можно сказать, облагодетельствован вами и с ребяташками* (с. 41).

(12) Большов. *А вот ты бы, Лазарь, когда на досуге баланц для меня и сделал, учел бы розничную по панской-то части, ну и остальное, что там еще* (с. 43).

(13) Подхалюзин. *Да зачем же потихоньку-с, когда так тятенька с маменькой согласны?* (с. 77).

(14) Большов. *Я из-за каждой вашей копейки просил, просил, в ноги кланялся, да что же мне делать, когда не хотят уступить ничего?* (с. 89).

(15) Рисположенский. *Да как же не ходить-то, Лазарь Елизарыч, когда вы по пяти целковых даете* (с. 92).

Союз *коли*. Условное придаточное с этим союзом чаще стоит в препозиции, несколько менее – в постпозиции и интерпозиции. Встречается 39 раз в речи всех персонажей, нередко во фразеологизированных конструкциях, характерных для народно-разговорной речи. Устойчивым

оборотом может быть главная часть, но одновременно и придаточная также органично может включать идиому в виде поговорки, как, например, в предложении из речи Устиньи Наумовны, свахи, отличающейся необыкновенной образностью:

(16) *Анафема хочу быть, коли скажу – руку даю на отсечение* (с. 57).

Характерно, что в главной части, определённо-личном предложении с отсутствующим подлежащим, личным местоимением, именная часть сказуемого представлена устаревшей формой именительного падежа (*анафема*), а не более современного творительного. Ещё примеры речей свахи с поговоркой в роли главной части предложения:

(17) *Провалиться в тартарары, коли меня здесь увидите!* (с. 85).

(18) *Ну, а коли есть, так и слава тебе господи!* (с. 56).

(19) *<...> исчезни душа, коли лгу* (с. 56).

В следующей реплике Большова главная часть также представляет устойчивый оборот: (20) *Коли так не дадите денег, дайте Христа ради!* (с. 89). Другое его высказывание в форме бинарной условной конструкции в целом представляет собой народную поговорку: (21) *Сама себя раба бьёт, коли не чисто жнёт* (с. 90).

Конструкции с *коли*, как правило, отличаются лаконизмом и фразеологизированностью структуры, которая маскирует и делает неявными предикативные единицы в их составе, что также свидетельствует о разговорной форме употребления этой гипотактической единицы:

(22) Аграфена Кондратьевна. *Говори, коли что нужно* (с. 57).

(23) Большов. *Ну закройся, коли стыдно*. Большов. *Как же не бывать, коли я того хочу* (с. 73).

(24) Устинья Наумовна. *А коли так, я и смотреть на вас не хочу* (с. 85).

(25) Подхалюзин. *Уж коли того, а либо что, так останетесь довольны...* (с. 47).

(26) Рисположенский. *Ну, уж коли милость будет, дайте десять* (с. 53).

Таким образом можно констатировать, что в анализируемой пьесе А. Н. Островского представлено значительное количество условных ги-

потактических конструкций с широким спектром союзных средств, отличающихся синкретизмом значения и разной степенью архаизации употребления, проявляющейся в наличии оппозиции *книжное / разговорное* с явным перевесом в сторону последнего, что свидетельствует об определённом этапе развития средств выражения грамматического значения условных сложноподчинённых предложений русского языка в определённой языковой среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ганцовская Н.С. Язык драматургии А.Н. Островского // А. Н. Островский. Энциклопедия / Гл. ред. и сост. И. А. Овчинина. Кострома: Костромаиздат; Шуя: Изд-во ШГПУ, 2012. С. 496–498.
2. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение / Под. ред. акад. В. И. Борковского. М.: Наука, 1979. С. 233–262.
3. Островский А. Н. Полное собрание сочинений. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949. С. 27–94
4. Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка. М.: Высшая школа, 1977. С. 215–232.
5. Шапиро А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 93–99.

ЦУЙ Лили (*Цилинь, Китай*)

аспирант
Санкт-Петербургский государственный университет
lilicui@mail.ru

НАИБОЛЕЕ УПОТРЕБИТЕЛЬНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ В РУССКОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ

(корпусное исследование на материале употреблений слова *нет*)

Аннотация. В центре внимания работы находятся речевые акты (РА), которые реализуются в русской устной речи с помощью слова *нет*. Источником материала для анализа послужил Звуковой корпус повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД). Исследование выполнено на расшифровках 89 макроэпизодов повседневной речевой коммуникации из записей речи 24-х информантов (в общей сложности 257 639 словоупотреблений). Корпусный материал позволил выявить и количественно охарактеризовать все реализованные варианты РА и соотнести их с типологией РА, свойственных русской повседневной речи в целом.

Ключевые слова: повседневная устная речь, звуковой корпус, речевой акт говорящего, речевой акт слушателя, репрезентатив.

Abstract. The focus of the work is speech acts (SA), which are implemented in Russian oral speech with the help of the word *net*. The source of the material for analysis was the sound corpus of everyday Russian speech “One Speaker’s Day” (ORD). The study was carried out on the transcript of 89 macro-episodes of everyday verbal communication from recordings of the speech of 24 informants (a total of 257,639 word usage). The corpus material made it possible to identify and quantitatively characterize all the realized

variants of SA and correlate them with the typology of SA inherent in Russian everyday speech as a whole.

Keywords: everyday oral speech, sound corpus, speech act of the speaker, speech act of the listener, representative.

Изучение языка-речи может идти по двум направлениям. Первый путь наиболее привычен и предполагает описание речи с помощью традиционных метапонятий языка: как минимум таких, как *фонема, морфема, слово, предложение, текст* [6: 5-39; 5: 75-105; 1; 2: 189-194]. Вторым подходом является в значительной степени противоположным первому: система языка выводится из его речевой репрезентации и формируется исходя из речевого материала. Такой подход продуктивен при описании языковой системы нового, малознакомого, даже неизученного, языка, а также при создании того или иного языкового корпуса [7]. Подобный подход к анализу материала очень важен, так как отражает динамику речевых изменений, происходящих в живом употреблении языка и способных повлиять на изменение языка в целом.

Настоящее исследование выполнено в русле второго направления: от материала – к выводам о функционировании языковых единиц в речи. Статья посвящена описанию коммуникативных функций одной языковой единицы – непартикулярного (выступающего в роли не-частицы) слова *нет*.

Источником материала для настоящего исследования послужил Звуковой корпус русской повседневной речи «Один речевой день» (ОРД), фиксирующий наиболее естественную речь носителей языка, отражающую повседневную коммуникацию. В настоящее время корпус ОРД содержит более 1250 часов звукозаписей речи, полученной от 130 информантов (мужчин и женщин), представителей разных профессий, разного социального статуса, разных возрастных групп (от 17 до 83 лет), и более 1000 их коммуникантов. Богатые ресурсы данного корпуса дают возможность проводить на его материале лингвистические исследования устной речи в разных условиях коммуникации и на разных языковых уровнях (подробнее об ОРД см., например: [3: 357-372; 4: 14-20; 8]).

По данным анализа корпуса ОРД, наиболее употребительными словами русской речи оказались личные местоимения и дискурсивные слова/маркеры. Многие из этих единиц выполняют в речи прагматиче-

ские функции и/или используются для регулирования дискурса [11: 616-631; 8]. Непартикулярное слово *нет* относится именно к таким маркерам. Проведённый анализ показал, что оно не только участвует в выражении негативных речевых актов, но способно выполнять и другие функции.

Конкретным материалом для анализа в настоящей работе стал созданный автором пользовательский подкорпус: 702 контекста со словом *нет*, извлечённых из расшифровок 89 макроэпизодов, записанных от 24 информантов и их коммуникантов, всего более 26 часов звучания, 257 639 словоупотреблений.

В соответствии с классификацией Т. Ю. Шерстиновой, основные типы РА, аннотируемых в корпусе ОРД, таковы (расположены по уменьшению употребительности): репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы-эмотивы, этикетные экспрессивы, валюативы, суппозитивы, коммуникативные регулятивы [12: 637-651].

В настоящей работе были проанализированы все выявленные типы РА говорящего (РАГ) и РА слушателя (или самого говорящего) (РАС), когда слово *нет* выступает в следующих своих основных функциях [8: 243-244]:

- предикат-сказуемое (конструкция *нет Gen*):
 - *почему-то **нет** сейчас маленьких тортиков*;
- слово-предложение:
 - *ты понимаешь / у тебя котлеты через двадцать минут будут // *П **нет нет нет!** просто (:)* / *дело-то сегодня до них не дошло*;
 - эквивалент, заменитель слова, словосочетания или целого предложения, с отрицанием (при противопоставлении) (конструкция *P (aut) нет?*):
 - *я не поняла / да или нет ?*
 - *посуды много напачкали / **нет** ?*

Анализ позволил выявить следующие типы РА, реализованных с участием слова *нет*:

1) РАГ: отсутствие внешнего стимула, вопрос (вопрос-просьба, вопрос-предложение, вопрос-приказ, вопрос-рефлексив), утверждение, просьба, приказ;

2) РАС: утверждение (репрезентатив/констатив), вопрос, переспрос, языковая игра, несогласие, отказ, согласие, сомнение, экспрессивный риторический вопрос-коллокация, повтор (реплики собеседника), РА монолога, РА ситуативного вопроса (подробнее см.: [9: 123-129; 10: 26-32]).

Полученные типы были соотнесены с классификацией Т. Ю. Шерстиновой [12]. Картина получилась такая:

- репрезентативы (48,7 %): вопрос, утверждение, повтор (знак # в расшифровках означает меню говорящих, (...) (многоточие в скобках) – незаполненная пауза хезитации, (:)) – затяжка звука, который отмечен этим знаком, () – запинка говорящего: [8]):

- *где-то ещё моя ручка здесь была / **нету** ?*

- *вот / или я у биологов спро... спрошу // вот / а(:) потом () уже () решить / выкапывать её (...) и(:)ли **нет** // # угу // # давайте так ?*

- *она синяя и тонко пишет / **нету нету** её;*

- валюативы (47,4 %): согласие, несогласие (*П – пауза, *Н – неразборчивый фрагмент речи, знак % маркирует имя или другую личную информацию, связанную с участниками коммуникации; во всех таких случаях она анонимизирована, то есть изменена; в случае с именами – с сохранением ритмической структуры слова: [8]):

- *вы не в курсе ? # **нет** (согласие);*

- *на / можешь забрать // *П всё уже ? *Н # **нет** / тетрадка у Кузи% была (несогласие);*

- комиссивы (2,8 %): отказ:

- *сегодня у нас вы будете вести? # **нет** сегодня я не буду / я со следующей недели;*

- коммуникативные регулятивы (0,7 %): переспрос (знак @ означает наложение речи говорящих: [8]):

- *почему он здесь написан ? таких путёвок *П нету // @ **нету** ?*

- директивы (0,1 %): приказ:

- *ты узнай / ты в списке или **нет** / потому что я с командиром договорился;*

- экспрессивы-эмотивы (0,1 %): экспрессивный риторический вопрос (... (многоточие без скобок) – обрыв слова: [8]):
 - *вот образ смирительной рубашки // @ ну и что / где же это образ ? это... @ почему **нет** ?*
- суппозитивы (0,1 %): сомнение:
 - *неужели разгоняли тучи ? (э-э) *Н // # разгоняли / да ? # нет (э-э) э... () потом тоже спрашивали / вроде как **нет** / но тем не менее / дождь (э-э) где-то в другой части города был;*
- смешанный тип (0,1 %): вопрос + приглашение (знаком \$ помечены слова-названия или известные, не связанные с участниками коммуникации, имена: [8]):
 - *вы идёте или **нет** ? # у нас-то чугунная / вот в Выборге\$ у них металлическая такая / ой.*

Видно, что набор выявленных РА и степень их употребительности в материале исследования вполне соответствуют наблюдениям Т. Ю. Шерстиновой. Однако были обнаружены ещё два типа РА, не укладывающихся в предложенную классификацию:

- РА монолога:
 - *который по крышам то лазит // # угу угу // *П # я говорю дак Людмила_Николаевна% ушли двое / было ушли а больше никого не было **нет** ? *П вон говорит какой-то парень и девушка по крышам лезят;*
- РА языковой игры:
 - *это очень дорого / то что вот этот пункт ... *П # ну в общем да / как-то (э-э) ... *П # не... не по-человечески // # ой-ой-ой-ой ! # что / **деньгов** () **нет** ? # нет / есть деньги / но всё большие.*

Итак, слово *нет* (а также его стилистически сниженный вариант *нету*) в русской повседневной речи может не только служить способом выражения негативной реакции (53 %), но и использоваться для выражения других типов РА (47 %). Думается, что полученные результаты могут быть полезны для совершенствования общей теории речевых актов и лингвистического анализа реальной речевой коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева С. В. Речевые единицы устной русской речи: Система, зоны употребления, функции. М.: КомКнига, 2006. 192 с.

2. Богданова Н. В. Метапонятия языка и речи (к вопросу о поиске единиц описания живой речи) // Конференция МАПРЯЛ «Инновации в исследованиях русского языка, литературы и культуры». Сб. докладов. Том 1 (Болгария, Пловдив, 31 октября – 3 ноября 2006 г.). Пловдив: Изд-во Пловдивского ун-та, 2007. С. 189-194.
3. Богданова-Бегларян Н. В., Асиновский А. С., Блинова О. В., Маркасова Е. В., Рыко А. И., Шерстинова Т. Ю. Звуковой корпус русского языка: новая методология анализа устной речи // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Вып. 2 / Ред. Д. Шумска, К. Озга. Kraków: Wyd-wo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. С. 357–372.
4. Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я. Корпус «Один речевой день» в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи // Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): Труды седьмого междисциплинарного семинара / Науч. ред. Д. А. Кочаров, П. А. Скрелин. СПб.: Политехника-принт, 2017. С. 14–20.
5. Лаптева О. А. Дискретность в устном монологическом тексте // Русский язык: Текст как целое и компоненты текста. Виноградовские чтения, XI. М., 1982. С. 75-105.
6. Николаева Т. М. Лингвистика текста: современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 5-39.
7. Полевая лингвистическая практика: Учебно-методический комплекс сложной структуры. Часть 1: Теоретические основы и методика сбора лингвистических данных для представления их в речевом корпусе русского языка. / Отв. ред. А. С. Асиновский, науч. ред. Н. В. Богданова. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2007. 140 с.
8. Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах: коллективная монография / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.
9. Цуй Лили. Слово-предложение НЕТ как способ выражения речевых актов несогласия/согласия/отказа и др. в русской устной повседневной речи (на корпусном материале) // Русистика и современность Монография / Под ред. И. П. Лысаковой, Е. А. Железняковой. Часть 1. СПб.: Северная звезда, 2018. С. 123-129.
10. Цуй Лили. Слово *нет* как способ выражения речевых актов в русской устной повседневной речи (на корпусном материале) // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2018. Т. 2, № 2. С. 26-32.
11. Шерстинова Т. Ю. Наиболее употребительные слова повседневной русской речи (в гендерном аспекте и в зависимости от условий коммуникации) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы ежегодной международной конференции «Диалог-2016». Вып. 15. М.: РГГУ, 2016. С. 616-631.
12. Шерстинова Т. Ю. Структура повседневного диалога как последовательность речевых актов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы ежегодной международной конференции «Диалог-2018». Вып. 17 (24). М.: РГГУ, 2018. С. 637-651.

**ЧЕРНИКОВА Наталия Владимировна,
НЕЧАЕВА Олеся Сергеевна (Мичуринск, Россия)**

доктор филологических наук, доцент
студент
Мичуринский государственный аграрный университет
chernikovanat@mail.ru
olesyanechaeva0@gmail.com

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА СЛОВА *БЕРЁЗА*

Аннотация. Берёза с давних времён считается символом России. Это дерево всегда занимало важное место в материальной и духовной жизни русского народа. Берёза обогреет, укроет, поможет в хозяйстве, «научит уму-разуму», своей красотой доставит эстетическое наслаждение. Эти свойства берёзы нашли отражение в русском языке, и прежде всего в его лексике и фразеологии.

Ключевые слова: берёза, моносемант, фразеологизмы, пословицы.

Abstract. Birch from ancient times is considered a symbol of Russia. This tree has always occupied an important place in the material and spiritual life of the Russian people. Birch warms, shelters, will help in the economy, "will teach the mind", its beauty will deliver aesthetic pleasure. These properties of birch are reflected in the Russian language, and above all in its vocabulary and phraseology.

Keywords: birch, monosemant, phraseologisms, proverbs.

Важное место в духовно-ментальном пространстве русского народа, связанном с понимаем окружающей природы и отношением к ней, занимает берёза. *Берёза* – дерево, которое в русской культуре с давних времён рассматривается как символ Руси, России, большой и малой Родины. Красота берёзы всегда радовала русского человека. Кроме того, берёза была и остается полезной в быту и медицине. Эти качества дерева нашли отражение в русском языке, и прежде всего в его лексике и фразеологии. Рассмотрим лексико-фразеологические свойства существительного *берёза*.

Как свидетельствует толковый словарь С.И. Ожегова, слово *берёза* является моносемантом; см.: *берёза* – «лиственное дерево с белой (реже темной) корой и с сердцевидными листьями» [2: 32].

Однако в «Словаре современного русского литературного языка» [4], кроме данного значения, отмечаются два оттенка, указывающие на употребление слова в собирательном значении: а) (в знач. собир.) «берёзы, березняк» [4: 490]. *Лесоводы очень ценят берёзу за неприхотливость, используют её для степного лесоразведения.* (Бобров Р. В. Бе-

седы о лесе); б) (в знач. собир.) «древесина берёзы; берёзовые дрова» [4: 490]. *Друзья, дуб и берёза пылают в камине нашем – пусть свирепствует ветер и засыпает окна белым снегом* (Карамзин Н. М. Остров Борнгольм).

В толковом словаре В.И. Даля [1] находим, скорее, биологическое, чем лингвистическое описание данного дерева – русские и латинские названия разных видов берёзы. Широкая сочетаемость существительного *берёза* с прилагательными в составе атрибутивных сочетаний в данном случае отражает не стилистические свойства слова (образность, эмоциональность и т. п.), а особенности денотата – видовое разнообразие дерева (*белая берёза, шерстолистая берёза, остролистая берёза, карельская берёза, пушистая берёза, чёрная берёза* и др.).

См. *берёза*: дерево *Betula*, вид – *белая*. *Betula alba*, камч. *преснец*, вернее *брезнец*, от стар. *бреза*. Берёзу белую зовут и *весёлкой*; весьма близкий к белой вид или порода *берёза шерстолистая*, есть и *остролистая*; она из семьи *серёщатых*. Берёзу *шерстолистую* зовут и *болотную, черною и глухою*; *берёза карельская*, берёзовая свиль, блона, наплав, кап, сувойчатая берёза; *берёза чёрная*, *Betula Daurica*; *берёза каменная камчатская*, *Betula Ermanni*; *берёза кустовая, берёзовый ерник*, сланец, сланка, *Betula fruticosa et nana*; *берёза пушистая*, *Betula pubescens*; *берёза плакучая*, видоизменение, порода простой [1: 121].

Кроме представленного описания видового многообразия берёзы, в словаре В. И. Даля отмечены символические значения дерева, сформировавшиеся в русской народной культуре: во-первых, при сватовстве *берёза* символизировала согласие, положительный ответ свахе, в отличие от *сосны, ели, дуба*, символизировавших отказ; во-вторых, *берёза* символизировала розги: *Берёза ума дает* [1: 121].

В русском языке есть устойчивые выражения (фразеологизмы, поговорки), смысловым центром которых является лексема *берёза*. Во «Фразеологическом словаре русского языка» под ред. А. И. Молоткова [5] зарегистрированы следующие фразеологизмы:

– *берёзовая каша* – (устар.) «розги» [5: 196];

– *дать берёзовой каши* – «наказать розгами; выпороть, высечь» [5: 127]. Например: [Марфа Ивановна:] *Пошли его [поваренка] сюда.., уж я*

ему **дам, разбойнику, берёзовой каши** (Лермонтов М. Ю. Menschen und Leidenschaften);

– *пень берёзовый* – (груб.-прост.) «тупица, дурак» [5: 312]. Например: – *И в самом деле, что это мы разговорились, как будто завтрашнего дня не будет. Муж с женой встретился, а я сижу, пень берёзовый, и уши развесил, а у самого дело* (Степанов А. Н. Семья Звонарёвых).

Фразеологизм *дать берёзовой каши* имеет и другие варианты. Например, в словаре В. И. Даля находим устойчивое выражение *накормить кого берёзовой кашей*, т.е. «постегать» [1: 57]. Здесь же зарегистрирована пословица *Берёза ума дает*, о розгах [1: 57].

Таким образом, в русской фразеологии, с одной стороны, закрепились негативные ассоциации с берёзой как символом наказания (*берёзовая каша, розги*) и глупости (*пень берёзовый*). С другой стороны, это дерево вызывало и вызывает у русского человека немало положительных ассоциаций, что нашло отражение, например, в пословицах [3; 6].

Берёза – крепкое дерево, имеющее гибкие прутья: *Толкуй про еловый, а берёзовый крепче; Берёзовый веник в бане – всем господин!* Берёза не приносит вреда человеку: *Берёза не угроза: где стоит, там и шумит.* Берёза обогреет: *Ельник, березник чем не дрова?*

Издавна русские берёзы символизировали чистоту, невинность, девичью (женскую) красоту: *Стань, белая берёза, у меня назади, а красна девица наперед!*

Итак, лексико-семантические свойства слова *берёза* на языковом уровне доказывают, что это дерево всегда занимало важное место в материальной и духовной жизни русского народа. В языке нашло воплощение представления о берёзе как о дереве, которое обогреет, укроет, поможет в хозяйстве и доставит эстетическое удовольствие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 2 т. Т. 1. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 1280 с.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
3. Пословицы: большой сборник пословиц. [Электронный ресурс]. URL: <http://posloviz.ru/category/bereza/> (дата обращения: 20.02.2019).
4. Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. Т. 1. М.: Рус. яз., 1991. 864 с.

5. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М.: Сов. энциклопедия, 1968. 538 с.

6. 10000 пословиц, поговорок, загадок, скороговорок: жемчужины народной мудрости / авт.-сост. И. С. Зарахович и др. М.: АСТ: Астрель, 2012. 510 с.

ШАТАЛОВА Ольга Васильевна (*Липецк, Россия*)

доктор филологических наук, доцент
Липецкий государственный педагогический университет
имени Петра Петровича Семёнова-Тян-Шанского
shat_o_v@mail.ru

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ВАЛЕНТНОСТЬ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК ФАКТОР ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В статье обосновывается семантико-прагматическая валентность предложения определенного типа как способность проявлять интенции смыслового и стилистического согласования или противопоставления по отношению к предложениям другого типа. Обозначенная концепция иллюстрируется функционированием в тексте простого неосложненного предложения (ПП) и ПП, осложненного однородными членами – пример высокой валентности. В качестве примера антивалентности предложений представлены ПП, выражающие интенцию фиксации фактической информации, и многочленное сложное предложение (МСП), направленное на передачу рассуждений и описаний эмоционально-интеллектуального характера.

Ключевые слова: синтаксис, предложение, текст, семантика, прагматика, валентность предложения.

Abstract. The article justifies the semantic-pragmatic valence of the sentence of a certain type as the ability to reveal the intentions of the semantic and the stylistic agreement or juxtaposition towards the sentences of the other type. The above-mentioned conception is illustrated by the functioning in the text of the simple uncomplicated sentence and the sentence complicated by the homogeneous members which is the example of the high valence. The example of the anti-valence of the sentences can be the simple sentences which express the fixation of the factual information and the multiple-member complex sentences which are aimed at the transmission of the reasoning and the description of the emotional-intellectual character.

Keywords: syntax, sentence, text, semantics, pragmatics, sentence valence.

В современной лингвистической науке вопросы строения и функциональных, прагматических возможностей единиц синтаксиса (в частности, предложения) достаточно часто рассматриваются в соотношении с проблемами теории языковой личности [1], теории текстообразования, теории речевых актов и пр., что, на наш взгляд, актуализирует и стимулирует исследование и описание внутренних семантических и грамматических ресурсов предложения [2], при этом не снижая значимости и

продуктивности применения традиционных приемов и методов анализа языковых единиц.

Исследование предложения в аспекте его текстообразующих возможностей и, соответственно, текстовой реализации его коммуникативно-прагматических свойств позволяет выявить такую способность предложения, которая может быть обозначена как «семантико-прагматическая валентность». Сложность, или комплексный характер, данного словосочетательного номинатива определяется необходимостью объективации в одном термине взаимной обусловленности коммуникативно-прагматического потенциала предложения, который определяется его грамматическими свойствами, и тематики (и, что закономерно, стилистики) текста. Иными словами, каждый тип предложения характеризуется способностью выражать определенную коммуникативно-прагматическую интенцию. Например, простое неосложненное предложение (далее – ПП) оптимально передает конкретную фактическую информацию, формируя параллельно повествовательную интонацию всего анализируемого текста; предложение, осложненное обособленным определением, «тяготеет» к изложению информации, содержащей описание каких-либо объектов, а также переживаний и размышлений говорящего лица – при этом отличительной чертой текста становится экспрессивная интонация и т. п. [3]. Естественно, что реализация внутреннего прагматического потенциала предложения возможна только в условиях текста, который является основной единицей коммуникации, в рамках которой функционирование предложения и приобретает смысл (хотя экспериментальное – изолированное – положение предложения в целом подтверждает наличие определенного коммуникативно-прагматического потенциала предложения). При этом закономерно и обратное влияние: текста на прагматику предложения.

Особенно четко выявляется влияние текстовых условий на предложение при анализе процесса взаимодействия предложений различного типа, так как каждый тип предложения проявляет интенции коммуникативного согласования или противоречия по отношению к предложениям другого типа. Именно для обозначения уровня прагматического согласования или противоречия сопряженных в рамках текста предложе-

ний целесообразно использовать термин «валентность». Так, например, простое неосложненное предложение канонического построения обладает высокой валентностью по отношению к предложению, осложненному однородными членами (далее – ПП (+однор.)), поскольку они выражают близкие коммуникативно-прагматические интенции. Формально-статистический анализ текстов XIX-XX вв. позволил обнаружить, что ПП способно формировать сюжетную канву повествования, а «вторичный» пласт основных сюжетных поворотов, несколько расширяя информационный объем, образуют ПП (+однор.). В качестве примера можно привести тексты А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого [4], И. А. Гончарова, М. М. Пришвина, К. Г. Паустовского и др.: *В каюте было душно и жарко. <...> Качка усиливалась. Буря разыгрывалась не на шутку. <...> Шахматы полетели. Симпкинс упал на пол. <...> Симпкинс выругался и уселся на полу. <...> Он был смертельно испуган, но старался скрыть это от спутника. <...> Гатлинг презрительно посмотрел на сыщика и ничего не ответил. <...> Через несколько минут в дверях появился Симпкинс. С его дождевого плаща стекали потоки воды* и т. д. (А. Беляев «Остров погибших кораблей»).

Напротив, валентность ПП и многочленного сложного предложения (далее – МСП) предельно низка: гармоничное развитие текстового повествования чаще всего предполагает последовательное «усложнение» синтаксических конструкций от ПП к МСП, что обеспечивает определенное грамматическое развитие внутритекстового пространства. Однако антивалентность предложений (в частности, ПП и МСП) может использоваться как текстообразующий ресурс, если коммуникативной задачей является акцентуация противоречия обозначаемых фактов: грамматическая дисгармония сопряженных конструкций при этом объективирует смысловое или стилистическое несогласование, например: *И Ольга вспыхнет иногда при всей уверенности в себе, когда за столом расскажут историю чьей-нибудь любви, похожей на ее историю; а как все истории о любви очень сходны между собой, то ей часто приходилось краснеть. И Обломов при намеке на это вдруг схватит в смущении за чаем такую кучу сухарей, что кто-нибудь непременно засмеется. Они стали чутки и осторожны* (И. А. Гончаров «Обломов»).

С другой стороны, расположение ПП в препозиции к МСП позволяет решить такую коммуникативную задачу, как подготовка читателя к восприятию расширенного рассуждения или описания. В этом случае ПП выступает своеобразным прагматическим сигналом к настраиванию эмоционально-интеллектуальных регистров адресата: *Я задумался. В нежности матушкиной я не сомневался; но, зная нрав и образ мыслей отца, я чувствовал, что любовь моя не слишком его тронет и что он будет не нее смотреть как на блажь молодого человека* (А. С. Пушкин «Капитанская дочка»).

Семантико-прагматическая валентность определяет коммуникативное взаимодействие синтаксических конструкций различного типа в рамках текста, способствует формированию специфической авторской интонации и влияет на композиционную целостность текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сигал К. Я. Некоторые замечания о языковой личности в синтаксическом преломлении // Язык. Текст. Дискурс. Научный альманах. Выпуск 15. Ставрополь, 2017. С. 52-58.
2. Шаталова О. В. Синтаксическая характеристика языковой личности. СПб, ЛГУ им А.С. Пушкина, 2012. 200 с.
3. Шаталова О. В. Универсальность коммуникативно-прагматических возможностей синтаксических конструкций (на примере характеристики персонажа типа «обманщик») // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. №11 (91). С. 29-37.
4. Шаталова О. В. Коммуникативно-прагматический потенциал простого предложения: реализация в тексте и в структуре языковой личности // Ментальные аспекты русской филологии: монография. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского, 2017. С.79-85.

ШУЛЕЖКОВА Светлана Григорьевна (*Магнитогорск, Россия*)

доктор филологических наук, профессор
Магнитогорский государственный технический университет
имени Григория Ивановича Носова
shulezkova@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СЛАВЯН О ЖЕРТВЕ И ЖЕРТВЕННОСТИ, ОТРАЖЁННАЯ В ПАМЯТНИКАХ X–XI вв.

Аннотация. Крещение способствовало трансформации менталитета славян. Они уверовали в силу и могущество единого Бога, которому стали приносить уже не «скотные», а «бескровные жертвы». Памятники X – XI вв. отражают начало формирования концепта «Жертвенность». Мучеников, принявших смерть во имя Христа, славяне стали ассоциировать с невинными жертвами. Эти процессы сопровожда-

лись появлением в общеславянском литературном языке соответствующих сверхсловных языковых единиц. Яркий пример тому – обороты с компонентом *жрътва* типа *бескръвната жрътва – кръвната жрътва, свѣтая жрътва – жрътва мрътвыимъ* (богомъ) и пр.

Ключевые слова: славяне, крещение, трансформация менталитета, жертва, жертвенность.

Abstract. Christianization has influenced the mentality of the Slavs. They came to believe in strength and power of the one God and started to make a “bloodless sacrifice” instead of the “living” one. Manuscripts of the 10th-11th centuries show the birth of the concept “Self-sacrifice”. Christian martyrs were associated by the Slavs with the innocent victims. That process was followed by the appearing of the superword language units in the common literary language of the Slavs. The set units with the component *sacrifice* like *bloodless sacrifice, bloody sacrifice, holy sacrifice, sacrifice for the dead (gods) and etc.* are great examples of the process.

Keywords: the Slavs, Christianization, mentality transformation, sacrifice, self-sacrifice.

Говоря об истории возникновения общеславянского литературного языка, Е. М. Верещагин отмечает: «В эпоху Средневековья любое умственное движение не выступало за пределы религии, поэтому теологическая направленность поначалу переведённых книг, в лоне которых сформировался новый литературный язык, является естественной» [4: 4]. Этот язык «на первых порах был призван выражать не исконно славянское (= языческое), а заимствуемое (через греческое посредство) христианское духовное содержание» [4: 3]. После крещения медленно, но неуклонно происходила трансформация менталитета славян. И богослужебные книги играли в этом процессе огромную роль.

Став христианами, славяне изменили своё отношение к религиозным ритуалам, в том числе и к жертвоприношениям. Вера в сверхъестественные силы с древнейших времён сопровождалась актами «задаривания» богов. Для обозначения всех деталей и участников этого священнодействия у наших предков, как и у предков других этносов, существовал свой набор наименований. Славянские первоучители Кирилл и Мефодий при переводе греческих богослужебных книг легко находили в общеславянском лексическом фонде слова, которые использовались ими в качестве «строительного материала» при создании терминологического аппарата новой веры. Будучи высокообразованными людьми, они не могли не оценить «выработанную всем предшествующим славянским и индоевропейским языковым и общекультурным развитием систему достаточно высоких религиозных и этических понятий, выражен-

ную в соответствующей исконной терминологии» [12: 37]. Слова *жрътва*, *жрьць*, *жрътвьныи*, *жръти*, *жрътикѣ*, *жрътвовати*, *жрътвьньникъ*, а также лексемы, характеризующие стремление истинного верующего к жертвенности (см. о них информацию в работах: [13: 45, 49, 59 и пр.; 2: 65, 72, 137 и пр.; 6: 86, 87, 146 и пр.]) активнейшим образом используются в памятниках X – XI вв. В христианском контексте они стали приобретать новые оттенки значений, что было связано с кардинальными изменениями в структуре концепта «Жертва», послужившего, помимо прочего, базой для формирования представлений о жертвенности как о готовности верующих не только принять мучения во имя Христа, но и расстаться с собственной жизнью, отстаивая веру в единого Бога, Бога живых, а не мёртвых.

В общеславянском литературном языке слово *жрътва* стало означать ‘приношеніе законное, въ даръ (единому, добавим мы) Богу посвященное...» [1: 33]. Г. Дьяченко, возводя слово *жертва* к санскр. *gar, girate* (‘призывать, величать’), *gur-ti*, лат. *giriù, gir-ti* (‘хвалить’), *gira* (‘хвала’), прус. *girt-wei* (‘хвалить’), греч. *γέρ-α* (‘почётный подарок’), лат. *въ gra-t-es (pl.)* (‘благодарность’), замечает, что приносить жертвы людей научил сам Господь Бог и начало этому действию было положено в раю [5: 181-182]. В старославянских памятниках обнаруживается чёткое противопоставление христианской жертвы не только жертвоприношениям, совершавшимся в языческих капищах, но и жертвенным ритуалам, узаконенным ветхозаветной частью Библии. Как пишет автор «Церковного словаря» П. Алексеев, «въ Ветхомъ Законѣ были *возношенія*, то есть заколаемая животныя или *дары*, или *возліянія* <...> Жертвы иныя были *очистительныя* (Левит 4: 10), иныя жертвы мирныя или умирительныя, умиревающія, то есть приношение 1) добровольное, 2) обѣщанное для испрошенія милости отъ Бога, и 3) благодарственное за полученныя отъ Бога благодѣянія...» [1: 33]. В Новом же Завете категорически отрицается святость кровных, «скотных» жертв.

Как свидетельствуют дошедшие до наших дней тексты X – XI вв., в общеславянском литературном языке формируется новый набор устойчивых словесных комплексов (УСК), характеризующих жертвоприношения. Особое место среди них занимает УСК *вѣсквьрна / вѣсквьръна*

жрътва, аналога которому в греч. языке нет. Благодаря компоненту бесквръньнъ ('не имѣющій скверны, или порока'), выполняющему определительную функцию, этот УСК представляет приношение к Богу как дар беспорочный, чистый, безупречный [11: 81]: такоже во крѣстаи и принѣса бесквръньнѣжъ жрътвѣжъ. иного ничсоже творитѣ. нѣ тѣчѣжъ рѣцѣ въздвигнетѣ къ сватѣи троици чистѣи. сице и покааник тебѣ оурицали. иного ничсоже творитѣ. нѣ тѣчиѣжъ ѡзыкомѣ съпасеник тебѣ творитѣ. Супр 361: 30 – 362: 1 -6; Имяже замышленикъмѣ спасе сѧ и мытоимецъ. коже рече пр(о)рѣкъ. съмѣрихѣ сѧ до смръти и г(оспод)ь сп(а)се мѧ. и коже бесквръньна жрътва въ проштении грѣховѣ нашимѣ приноситѣ сѧ г(оспод)оу б(ог)оу. Изб 1076 198.1: 1-8; О причащении тѣла х(ристо)ва. аште достоинѣ всегда причащати сѧ с(ва)тыихѣ таинахѣ. шѣвѣтѣ. ко оубо всѧка жрътва б(ог)оу приносима въ отъпоуштении грѣховѣ отъ б(ог)а чл(овѣ)к(о)мѣ оузаконена бысть. вѣ то ксть паче же бесквръньна б(ог)оу жрътва. а понеже многа намѣ трѣбѣ. и трѣзвеник и расоужѣеник. о причащении с(ва)тыихѣ таинѣ. Изб 1076 207.2: 8-13 – 208.1: 1-8.

Синонимами к УСК бесквръна / бесквръньна жрътва в текстах X – XI вв. выступают обороты бесквръньна жрътва и свѧтага жрътва, а антонимами – скврънава жрътва, крѣвава / крѣвьна жрътва и скотѣна жрътва. Большинство их употреблений приходится на Супрасльскій сборник и Клоцов сборник: работайте богоу съ страхомѣ. и радуйте сѧ кмоу. бѣаше пооувръзеник. коже слъзити кмоу зѣло въ годѣ безскрѣвьныѧ (вм. бескрѣвьныѧ) жрътвы. (Житіе св. Иоанна епискоупа Молчаливааго) Супр 285: 14-23; г(оспод)и їсоу(се) х(рист)е оуслыши гласѣ мой. и подвигни нечѣвѣствѣна и глоуха коумирѣ сего. и повръзи его и съкроуши. и расыпи їмѣ скврънавѣжъ жрътвѣжъ. ї покажи їмѣ тако ты єси єдинѣ богѣ. (Житіе свѧтааго Василиска) Супр 22: 4-9; останѣте сѧ отъ сихѣ и наоучѣ васѣ кого вы чисти. и кланѧти сѧ богоу иже въ вышньиихѣ сѣданѣ. бога сѣшта крѣпа. невидима все же видашта. творьца небоу и земли <...> тѣ не проситѣ жрътвѣ крѣвавѣ. нѣ не съблазна хоштетѣ да сѧ познактѣ отъ приходаштиихѣ къ нѣмоу. без ѡжкы и без зѣловы. (Чоудотво-

реник сватааго Конона) Супр 22: 3-8, 13-17; *овѣ скотънѣжѣ жрътвѣж*• *овѣ же в(о)жю тѣлоу жрътвѣж приношахъ*• Клоц 13б, с. 19.

Бескръвьна жрътва – дар Богу; обряд жертвоприношения, не связанный с пролитием крови. Скотъная жрътва – дар богу / богам, связанный с пролитием крови жертвенного животного. Вне УСК лексема жрътва в памятниках X –XI вв. может использоваться в значении ‘предмет или живое существо, приносимое в жертву божеству’ [8: 94]. В исследуемых текстах христианской тематики она выступает и как аналог греч. θυσία, «самая жертва <...> θиміамъ», и как название «всякого священнодѣйствія, церковнослуженія, обряда, общественного жертвоприношенія» [5: 181]. В языческих культах, как правило, в жертву богам закалывали на специальном жертвеннике какое-либо животное. «В ветхозаветные времена в жертву обычно приносили молодых домашних животных, не имеющих изъяна; животное закалывалось на жертвеннике и затем сжигалось». Отсюда и появилось наименование *кровавая жертва*, или *кровавая ветхозаветная жертва*. В качестве же *бескровных жертв* верующие могли приносить «хлеб, вино, елей, ладан» [9: 204-205]. Протоирей Дьяченко делит жертвы «по материалу» на «*заколаемая и бескровная*» [5: 182] и продолжает: «Относительно первых жертвъ нужно замѣтить слѣдующее: для заколаемых жертвъ назначены животныя: волы, овцы, козы мужскаго и женскаго пола, безъ недостатковъ, не моложе 8 дней и не старше, по преданію, 3 лѣтъ <...> Изъ птицъ приносились въ жертву горлицы и голуби <...> Бескровныя жертвы имѣли слѣдующія виды: 1) *въ видѣ простой муки*, на которую поливается елей и полагается ладонъ; 2) *изъ печи*, т. е. хлѣбы, смѣшанные съ елеемъ; 3) *со сковороды*, т. е. сочни, замѣшанные на елеѣ; 4) *изъ горшка*, т. е. похлебка изъ пшеничной муки съ елеемъ; 5) *зерна* [Там же].

Глубокий символический смысл закреплён в общеславянском литературном языке за УСК *сватаа жрътва*. Созданный для обозначения акта самопожертвования Сына Божьего, принявшего крестные муки во искупление грехов человеческих, он одновременно является синонимом оборота (*страшнаа*) *христова жрътва* и абсолютным антонимом к УСК *скотъная жрътва*. В христианской церкви тоже есть жертвенник. Это «освящённый стол в алтаре, на котором приносится “бескровная жерт-

ва” – хлеб и вино, символизирующие Тело и Кровь Христа» [10: 94-95]. Такой дар Богу как раз и называют «бескровной (Христовой) жертвой» [Там же], или «евхаристией». В памятниках X –XI вв. она чаще называется святага жрътва:

къ с(вѣ)тѣи страшнѣи жрътвѣ• прѣстѣпаеши• посрами сѣ образа• самого приношеньѣ• оубьенѣ лежитъ х(ристос)ъ• нѣ разоумѣи• и да дроуга створитъ а(е)ломъ• и да та приведетъ къ в(ог)оу• Клоц 8b: 22-27, с. 80; тако и съ гласъ единою реченъ вы°(тъ)• и на всѣхъ трапѣзж• въ всѣхъ црѣквахъ отъ толѣ до днесьнѣго днѣ• и до пришьствіѣ его• свѣтѣи жрътвѣ съврѣшенѣ творитъ• Клоц 8a: 25-29, с. 78; с(вѣ)таѣ жрътва• ѣкоже и тѣлеснаѣ пишта• егда въ чрѣво вѣнидетъ• имѣшѣе зѣлѣ болѣзнь• боли недѣжъ творитъ• не своеѣ слоѣж• нѣ недѣгомъ• сѣшѣимъ въ чрѣвѣ• Клоц 8b: 2-7.

В синаксарных и календарных заставках рукописных евангелий и других богослужебных книг X –XI вв. содержится множество имён мужчин, женщин и даже подростков, перенесших страшные мучения и добровольно отдавших свои жизни за веру Христову в первые века нашей эры. Образцом для них послужил жертвенный подвиг Сына Божьего, принявшего крестные муки за грехи человеческие. Менталитет новообращённых христиан Славии через знакомство с текстами новой веры, через её обряды, через её общечеловеческие ценности трансформируется. Он вовлекается в процесс, который Е. М. Верещагин очень точно назвал феноменом перевода «слабой (или обиходной) этики в этику сильную» [3: 259]. Отказ от *кровавой, скотной жертвы*, когда в угоду божеству закалывалось безответное, бессловесное животное, паразитическим образом, благодаря искупительной жертве Христа, породил убеждение в святости добровольного согласия на муки и смерть во имя высокой идеи. Так зарождался концепт «Самопожертвование».

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексѣевъ П. Церковный словарь: в 5 ч. СПб.: Типографія Ивана Глазунова, 1817 – 1819.
2. Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002. 336 с.
3. Верещагин Е. М. Кирилло-Мефодиевское книжное наследие. Межъязыковые, межкультурные, межвременные и междисциплинарные разыскания. С двумя приложениями. М.: «Индрик», 2012. 520 с.

4. Верещагин Е. М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка: Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М. Берлин: Директ-Медиа, 2014. 316 с.
5. Дьяченко 1998: Полный церковнославянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений): в 2 т. / сост. священник магистр Г. Дьяченко. Т. 1. М.: ТЕРРА–Книжн. клуб, 1998. 608 с.; Т. 2. М.: ТЕРРА – Книжн. клуб, 1998. 560 с.
6. Ефимова В. С. Наименования лиц в старославянском языке: способы номинации и приоритеты выбора. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2011. 224 с.
7. Православная энциклопедия. Т. 1–52. М.: Православная энциклопедия, 2000–2019 (издание продолжается).
8. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.: в 10 т. (+11–12). М.: Рус. яз.: Азбуковник, 1988–2016 (издание продолжается).
9. Складаревская Г. Н. Лексика современного русского православия. Толково-энциклопедический словарь. СПб.: Контраст, 2016. 688 с.
10. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М.: Наука, 1975–2016.
11. Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Рус. яз., 1994. 842 с.
12. Трубачёв О. Н. В поисках единства. М.: Наука, 1992. 186 с.
13. Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка: Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М.: Наука, 1977. 336 с.

ИСТОЧНИКИ

- Библия 1983*: Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Изд-е Моск. патриархии, 1983. 1372 с.
- Изб 1073*: Изборник 1073 г. (ГИМ, Синод. 1043), 266 л. [Электронный ресурс] URL: http://www.manuscripts.ru/mns/main?p_text=42519074
- Клоц*: Clozianus. Staroslověnský sborník tridentský a innsbrucký / k vydání připravil A. Dostal. Praha : Nakladatelství Československé Akademie věd, 1959. 399 s.
- Супр*: Супрасльски или Ретков сборник / Й. Заимов. Увод и коментар на старобългарски текст; М. Капалдо. Подбор и коментар на гръцкия текст. Т. I. София: Изд-во на БФН, 1982. 564 с.; Т. II. София: Изд-во на БАН, 1983. 572 с.

ЮДИНА Наталья Владимировна (*Москва, Россия*)

доктор филологических наук, профессор
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
dr.yudina@mail.ru

СОГЛАСОВАНИЕ КАК ВИД ПОДЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XXI ВЕКА (по следам работ А. Б. Копелиовича)

Аннотация. Настоящая статья посвящена некоторым аспектам изучения согласования как одного из видов подчинительной связи компонентов словосочетания. С опорой на лингвистическое наследие А. Б. Копелиовича и с привлечением к анализу новейшего языкового материала (2000 – 2019 гг.) особое внимание обращено на активность имени существительного в сфере управления, а также на наличие смыслового согласования как аналитического средства выражения именной категории лица в русскоязычной дискурсивной практике XXI века.

Ключевые слова: русский язык, XXI век, синтагматика, согласование.

Abstract. The article is focused on some aspects of collocation as one of the types of subordination between the components of a phrase. Both the linguistic heritage of A. B. Kopeliovich and the newest language data (2000–2019), involved into the study, make it possible to pay special attention to the noun capacity relating to management and to the semantic agreement as the analytical means of expressing the nominal category of person in the Russian-language discursive practice of the 21st century.

Keywords: Russian, 21st century, syntagmatics, collocation

Согласно справедливому замечанию доктора филологических наук, профессора, идейного и духовного вдохновителя и организатора многолетней традиционной научной конференции «Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект» Августа Борисовича Копелиовича, «лингвистика не относится к точным наукам. Однако в сфере изучения языковой формы мы сталкиваемся с закономерностями, приближающими языковедение к точным наукам. Остается сожалеть о том, что данное обстоятельство часто не принимается во внимание, в результате чего в качестве исходных при анализе формальных явлений в языке принимаются положения, основанные на абсолютизации частных наблюдений и не подтвержденные убедительными доказательствами. Это особенно ощутимо в сфере изучения межсловных синтаксических связей» [7: 154]. С целью «приближения» лингвистики к точным наукам А. Б. Копелиович намеренно выбирал спорные и дискуссионные вопросы в сфере языковедения и находил для них нетривиальные и интересные лингвистические решения. Одной из таких «проблемных зон» была для проф. А. Б. Копелиовича сфера синтаксических отношений, включающая в себя детальный анализ «синтагматики форм», «синтагматики значений», «синтагматики словосочетаний» и в целом синтагматики смыслов. Большая часть работ А. Б. Копелиовича была посвящена согласованию как одному из самых интересных и загадочных видов связи в современном русском языке.

Согласно «Лингвистическому энциклопедическому словарю», под *согласованием* понимается «подчинительная связь компонентов словосочетания, при которой в зависимом слове повторяются граммы или часть грамматически главенствующего слова... В языках, имеющих развитую систему флексий, согласование широко используется для выражения атрибутивных отношений в субстантивных словосочетаниях»

[10: 479]. Эта точка зрения широко распространена в лингвистических кругах и отражена в большинстве существующих учебных и справочных изданий.

В монографии «Некоторые спорные вопросы словообразования и синтаксиса» А. Б. Копелиович позволил себе усомниться в необходимости рассматривать согласование «в качестве специализированного (морфологизованного) средства выражения определительных отношений» [7: 132], а также в обязательности наделения термина «согласование» синтаксической семантикой, объясняя этот тезис, с одной стороны, «возможностью выражения на основе связи согласования не только определительных отношений», а с другой – «возможностью выражения атрибутивных отношений на основе управления и примыкания» [7: 135]. В качестве аргументов данного тезиса А. Б. Копелиович выдвигает анализ двух позиций: 1) активность существительного «на поле управления» (ср.: *пшеничное зернышко – зернышко пшеницы, студенческая столовая – столовая для студентов*) (см.: [7: 133] со ссылкой на [12: 60; 9: 36]); 2) наличие смыслового согласования как аналитического средства выражения именной категории лица (*круглый сирота, наша врач*) [5: 45].

Обе обозначенные А. Б. Копелиовичем позиции многократно становились предметом специального научного изучения. Вместе с тем, именно сегодня, в конце второго десятилетия XXI века, они нуждаются в еще более пристальном внимании в связи с некоторыми изменениями их «поведенческих» характеристик.

1) Вопрос о взаимозаменяемости имен прилагательных и форм родительного падежа имен существительных является одним из наиболее спорных в отечественной русистике. Начиная с середины и вплоть до конца XX века он активно обсуждался в работах многих известных отечественных лингвистов. Указанный интерес был обусловлен активными изменениями, происходящими в русском синтаксисе словосочетания XX века и связанными с тенденцией «усложнения существующих двучленных атрибутивных сочетаний посредством переразложения связей внутри построения более сложной структуры» [13: 13], а также частотности использования словосочетаний, построенных соединением

имени с падежной формой, а не с прилагательным [13: 28] (ср. примеры Н. Ю. Шведовой: *пражский самолет* – *самолет на Прагу*; *зимнее жилье* – *жилье на зиму*, а также более сложные ряды типа *квартирная плата* – *плата за квартиры* – *плата с квартир*; *инвалидный дом* – *дом инвалидов* – *дом для инвалидов* и т. д. [там же]). Вместе с тем, большинство лингвистов сходились во мнении, что такие конструкции в силу различных причин далеко не всегда можно признать взаимозаменяемыми [1: 136-137]. Так, Н. И. Кузнецова указала на то, что существительные в родительном падеже формируют более официальный, строгий и даже несколько отчужденный контекст [8: 96-97]. А. Н. Гвоздев, в свою очередь, сформулировал в этой связи следующую закономерность: имя прилагательное используется для наделения предмета или лица качественными характеристиками, в то время как существительное, в частности, в родительном падеже указывает только на отношение между субъектами или предметами (ср., к примеру: *материнская забота* и *забота матери*) [3: 131-132].

Анализ современной дискурсивной практики XXI века свидетельствует о том, что в данный момент вряд ли можно констатировать факт появления и частотного использования усложненных конструкций (за исключением случаев официально-деловой и законотворческой деятельности). Закон экономии речевых усилий и стремление современной языковой личности к точности, краткости и своего рода небрежности, напротив, формируют новейшие тенденции к замене описательных наименований разного порядка однословными (ср. указанные выше примеры: *квартирная плата* – *квартплата*, *инвалидный дом* – *хоспис*, *приют* и др.). В этой связи вопрос о взаимозаменяемости прилагательных и форм родительного падежа существительных не является столь релевантным для современной отечественной науки о языке.

2) В свою очередь, тема, посвященная наличию смыслового согласования как аналитического средства выражения именной категории лица, напротив, сегодня, как никогда, становится крайне острой и актуальной, особенно применительно к существительным – номинациям женщин по профессии, роду занятий, должности и т. д. Общеизвестно, что еще Л. В. Щерба указал на то, что начиная с 50-х годов XX века все

отчетливее в дискурсивную практику вошла тенденция согласования прилагательных с существительными по смыслу, а не по форме [14: 368], которую В. В. Виноградов называл «инерцией согласования» [2: 378]. Вместе с тем, К. С. Горбачевич в 1989 году отметил, что сочетания типа *строгая директор, известная врач* и т.п. необходимо рассматривать за пределами норм литературного языка, относя их к маркерам разговорной речи [4: 190], а А. Б. Копелиович, со свойственным ему тонким лингвистическим чувством юмора, в 1997 году пошутил, что в данном случае норма «благосклонна к маркированности правых элементов» и «не приемлет маркированности левых» [6: 57]. Интересно, что уже в 1980 году «Русская грамматика» констатировала как «нормальное» употребление прилагательного в форме женского рода в сочетаниях типа *наша врач, новая секретарь, сама директор* в разговорной и газетной речи [11: 79].

Современная дискурсивная практика XXI века демонстрирует активную тенденцию **смыслового** согласования прилагательных с существительными – номинациями женщин (ср., к примеру: **Молодая фотограф-самоучка** *раскрывает темную и загадочную сторону женской души* (URL: <https://kulturologia.ru>); **Стройная врач** *в коротком халате и белой шапочке идет по белому фону* (URL: <https://Lori.ru>), что продиктовано не только собственно лингвистическими, но и экстралингвистическими причинами, связанными с изменением положения женщины в современном мире и с унификацией гендерных характеристик и различий. Можно прогнозировать, что в скором будущем указанная тенденция будет признана нормативной, что может повлечь за собой неизбежные корректировки в дефиниционных подходах к лингвистическому статусу согласования и основных его характеристик.

В послесловии к монографии «Некоторые спорные вопросы словообразования и синтаксиса» А. Б. Копелиович писал: «В данной работе мы ставили своей целью обратить внимание на проблемы, требующие дальнейшей разработки прежде всего в методологическом аспекте» [7: 155]. Безусловно, сфера согласования относится к кругу таких проблем и требует дальнейшего системного и структурного описания с при-

влечением к анализу новейшего языкового материала, извлеченного из современной дискурсивной практики XXI века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В. В. Система членов предложения в современном русском языке. М.: Просвещение, 1989.
2. Виноградов В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972.
3. Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М.: Просвещение, 1965.
4. Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. М.: Просвещение, 1989.
5. Копелиович А. Б. Категория лица и грамматический род // Доклады высшей школы. ФН. № 3. 1991. С. 40-49.
6. Копелиович А. Б. Именная категория рода в ее отношении к грамматическому роду: материалы для спецкурса. Владимир: ВГПУ, 1997.
7. Копелиович А. Б. Некоторые спорные вопросы словообразования и синтаксиса: монография. Владимир: Изд-во Владимир. гос. ун-та, 2011.
8. Кузнецова Н. И. Атрибутивные отношения и их выражение в русской литературной разговорной речи: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1974.
9. Ломов А. М. Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка. М.: АСТ Восток – Запад, 2007.
10. Лопатина Л. Е. Согласование // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 479-480.
11. Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. В 2 т. Т.2. Синтаксис. М.: Наука, 1980.
12. Скобликова Е. С. Очерки по теории словосочетания и предложения. Куйбышев, 1990.
13. Шведова Н. Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе (словосочетание). М.: Просвещение, 1966.
14. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Едиториал УРСС, 2004.

ЮДКИН-РИПУН Игорь Николаевич (*Киев, Украина*)

доктор искусствоведения, член-корреспондент
Национальной Академии Художеств Украины,
Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии НАНУ
dr.iudkin@gmail.com

«АНТИЭМФАЗА» КАК ВЫРАЖЕНИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ПОСТРОЕНИИ ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Аннотация. Многозначность реплики выражает неопределенность намерений персонажа и обеспечивает соотнесение с отдаленными участками текста. Нерасчлененность полисемии реплики несет признаки синкретемы (при отличии свободным словосочетанием). Ведущую роль играет метонимия с поляризацией значений в альтернативные истолкования.

Ключевые слова: идиома, рема, диегезис, метонимия, инференция, интерпретация.

Abstract. The polysemy of a cue represents the indefiniteness of the intentions of a dramatis persona and promotes its reference towards the distant places of a text. The integrity of the polysemy displays the features of a syncretic unit (the difference being free collocation). It is metonymy that plays the principal role, the meanings being polarized into alternative interpretations.

Keywords: idiom, rheme, diegesis, metonymy, inference, interpretation.

Предложенное М. Л. Гаспаровым понятие антиэмфазы как обобщения некоторых явлений т. наз. именного или безглагольного стиля лирики, описывалось как «расширение значения, размывание его: когда Блок пишет *“Лишь телеграфные звенели на чёрном небе провода”*, то можно лишь сказать, что эти провода означают приблизительно тоску, бесконечность, загадочность, враждебность, страшный мир и пр., но всё – лишь приблизительно» [4: 190]. Очевидны такие особенности данного явления: 1) это – полисемия, но не нормативный троп, поскольку отсутствует противопоставление прямого и переносного значений, и в то же время не «общее место» (топос), поскольку выражается свободным, а не устойчивым словосочетанием; 2) в противоположность «рематической доминанте» (С. Г. Ильенко) здесь ослабляется «степень предикативности» [14: 305] и появляется «сопутствующая предикативность» [16: 318] (в приведенном примере это подчеркивает гипербатон, где глагол сопоставлен с прилагательным и функционирует как причастие); 3) модус высказывания определяется ракурсом наблюдения, определяющим неопределенность контекста и предполагающим скрытые альтернативы: в примере – *небо черное* (а не *синее*), *провода звенят* (а не *молчат*). Между тем такие свойства демонстрирует и категория неопределенности: в частности, было показано истолкование идиомы *вещь* именно как антиэмфазы в некоторых поэтических идиолектах [8: 13].

Указанные свойства антиэмфазы позволяют рассматривать ее многозначность неразложимой на компоненты (несводимой к ряду омонимов) и отсылающей к выводному знанию (инференции). Тогда с ней сопоставима «содержательная (сигнификативная) синкретсемия», которая, по определению М. Вас. Пименовой, проявляется в «семантической нерасчлененности», сравнимой, в частности, с «множественной этимологией» (М. М. Маковский) [11: 444]. Введённое М. Вас. Пименовой понятие синкретемы, которой свойственно «синкретичное значение, основанное на метонимии», а также «выражение оценочного значения», т. е.

аспект интенции [12: 46-47], по-видимому, обладает общими признаками с антиэмфазой при различии свободного словосочетания последней. Именно нерасчленённая синкретичная многозначность проявляется в тексте, где, по Э. Бенвенисту, «смысл (речевое намерение) реализуется как целое и разделяется на отдельные знаки» [1: 88]. «Последовательность развёртывания коннотаций», по В. В. Колесову [7: 27], как основа роста текста из символа предполагает дифференциацию многозначности, выявление, по А. А. Потебне, «ближайших» и «дальнейших» значений [14: 19], которые соотносятся с различными по отдаленности участками текста, охватывая его сеть взаимных ссылок (референций). В контексте цитированной строки А. Блока, в частности, *небо* отсылает к упомянутой ранее *луне*, а *провод* контрастирует с мотивом *меча*. В таком развёртывании многозначности особую роль занимает отмеченное М.Вас. Пименовой «построение метонимией синтагмы (а не парадигмы)» [13: 407], где можно утверждать об инференции, построении выводов об отсутствующем знании, поскольку «метонимия – знак, замещающий упущенное» [7: 33].

Заметим, что метонимические ряды как основа текста являются общим местом в драматургии (*платок* в «Отелло», *браслет* в «Маскараде», роковое слово *вещь* в «Бесприданнице»). Именно в развёртывании метонимических рядов в драме происходит поляризация значений, их расслоение на альтернативы. Например, 3-й акт «Мещан» М. Горького с кульминацией – попыткой самоубийства Татьяны, открывается репликой хозяйки Акулины: «*Говядина-то сегодня не жирна ...*». Ближайшая ее цель – действия кухарки Степаниды, однако в конце акта с ней соотносится реплика отравленной Татьяны: «*Больно ... пить!*». Возникает ряд *мясо* → *еда* → *яд*. В еще большем масштабе мотив (*не*)*жирной говядины* очерчивает круг интересов дома рядом *еда* → *кухня* как символа ограниченности существования. В ближайшем круге ремой является *жир (мяса)*: его расходование Степанидой как предмет обсуждения очерчивает мотив *мелочные придирки*. Однако в более широком круге текста рема уже – не *жир*, а *мясо, плоть* с метонимией *часть еды* → *обстановка дома*.

Последнее обстоятельство подсказывает мысль об особой роли театра для явлений семантической неопределенности и нерасчлененной многозначности, чему способствуют следующие особенности драматического текста: 1) диегезис (вместо повествовательного мимесиса), т. е. представление различных точек зрения, опосредующих намерения и внутренние миры действующих лиц, в противоположность эпической отстраненности и сосредоточенности («сгущение слова» А. А. Потебни); 2) автореференция (в частности, самоотрицание) речи, соотнесение её с авторизацией как испытание истинности (в чем кардинальное отличие драмы от мифа, рассчитанного на внушение), основанное на парадоксе лжеца («я лжец – сказал лжец») и приводящее к эффектам «обратного перевода» (или «испорченного телефона»: хрестоматийный пример – сплетня о Чацком в «Горе от ума»); 3) анагнозис, момент узнавания истины как центр драмы (развязка действия), определяющий композиционный «принцип постепенного прояснения обстоятельств», в силу которого все реплики несут неопределенность до наступления данного момента.

В субъектно-предикатных отношениях драмы обнаруживается приоритет субъекта («сюжет послушно следует за характером» [2: 349], как в «Онегине» – за Татьяной, которая «удрала шутку» с автором) – носителя скрытых возможностей, открываемых в ситуациях (через предикацию). В драме возникает особая субъектная перспектива, где размываются границы между коммуникативными ролями (персонажами на сцене) и денотативными (упоминаемыми в репликах) [3: 123], между модусными и диктумными субъектами [6: 231]: в «Ревизоре» исходный субъект действия – крысы, привидевшиеся во сне Городничему. Соответственно, в интерпретации ведущее место занимает актуализация, выбор темы и ремы, так что, по А.Ф. Лосеву, «одни Гамлеты считали подлежащим или сказуемым одно, а другие – другое» [9: 113].

О том, как раскрывается и устраняется неопределенность в такой интерпретации, может свидетельствовать исполнение М. Н. Ермоловой роли Негиной в «Талантах и поклонниках» А. Н. Островского. В беседе с Мелузовым первым разочарованием оказывается именно выбор ремы в его ответе на ее вопрос «*Что буду, милый мой?*». Здесь «она почти

уверена, что он ... ответит ей *“будешь хорошей актрисой”*. Но он отвечает ей по-иному: *“Будешь совсем хорошей женщиной”*» [5: 185]. Происходит подмена ремы. Еще показательнее сцена чтения письма Мелузова: произнеся *«искусство не вздор»*, «Ермолова делала тут чуть-чуть приметную остановку, по ее лицу пробежала легкая тень» [5: 191]. Так исходная многозначность отношений влюбленных поляризуется на смыслы, неприемлемые для героини. Поэтому неопределенность возвращается, засвидетельствованная прощальными репликами: «М.: *Что же ты?* Н.: *Не понимаешь»*.

Очень благоприятные условия для проявления неопределенности как текстообразующего фактора предоставляет «чеховский парадокс: фатическое общение, единственной целью которого является поддержание контакта, принимая вынужденную ритуальную форму, на самом деле отчуждает людей» [15: 303]. В «Лешем» А. П. Чехова многозначность и неопределенность демонстрируют реплики Сони и Хрущова («Лешего»), обращенные к ее дяде Войницкому: «С.: *Дядя Жорж, у тебя язык покрыт ржавчиной! Замолчи!* Х.: *<...> не будем говорить об этом»* (1.7). Согласие обоих в нападках на дядю многозначительно как первый шаг к их женитьбе в финале. Но идиома *ржавый язык* обнаруживает еще более глубокие конфликты, раскрываемые далее монологом и самоубийством Войницкого. Это именно антиэмфаза, непроизвольно высветившая враждебность родственников.

Показательно раскрытие неопределенности в «Варварах» М. Горького, где финальное самоубийство Надежды предвосхищается уже в полисемии первых реплик о ее мужском окружении: *«Кто любит рыбу удить – он <...> сидит над водой, как будто смерти ждет ...»*. Здесь сплетены архетипы смерти (уженье как ловля душ, вода как граница того света), перекликающиеся с последними репликами к мужу: *«Молчи, покойник!»*. На решение о самоубийстве указывает содержание еще одной из начальных реплик: *«Любовь всегда одинакова, когда она настоящая <...> Которая на всю жизнь»*. В ней заложена возможность катастрофы, и когда произносится последняя реплика (*«Никто не может любить меня ...»*), то исход ясен. Такая связь реплик подтвержда-

ется и творческой историей, засвидетельствовавшей «внимание созданию “подводного течения”» и «многозначимость» ситуаций [10: 172].

Таким образом, нерасчлененная, синкретичная полисемия, представленная как неопределенность намерений субъектов драмы, становится фактором «дальнодействия» реплик, определяющим цельность драматического текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 С.
2. Бочаров С. Г. Характеры и обстоятельства / Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Образ, метод, характер. М.: Изд. АН СССР, 1962. С. 312-451
3. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М.: Изд. Московского университета, 2000. 504 С.
4. Гаспаров М. Л. Историческая поэтика и сравнительное стиховедение. (Проблема сравнительной метрики) / Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М.: Наука, 1986. С. 188-200.
5. Дурылин С. Н. Мария Николаевна Ермолова. 1853-1928. Очерк жизни и творчества. М.: Изд. АН СССР, 1953. 652 С.
6. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. (РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Московский университет им. М. В. Ломоносова). 528 с.
7. Колесов В. В. Общие понятия исторической стилистики / Историческая стилистика русского языка. Петрозаводск, 1990. (Петрозаводский гос. университет им. О. В. Куусинена). С. 16-36.
8. Лещева А. Н. Природа текстовой категории «неопределенность» (на материале лирики И. Бродского). Автореф. дис. ... канд. филол. н. Екатеринбург, 2010. 22 с.
9. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Изд. Московского университета, 1982. 482 с.
10. Новиков В. В. Творческая лаборатория Горького-драматурга. 2-е допл. изд. М.: Сов. писатель, 1976. 544 с.
11. Пименова М. Вас. Древнерусская языковая картина мира и древнейшая концептуальная форма русской ментальности // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы 10-й международной конференции. Владимир, 2013. С. 443-446.
12. Пименова М. Вас. Устойчивые единицы древнерусского текста: семантика и структура // Науковий вісник Херсонського державного університету. 2013. Вип. 18. С. 45 - 50.
13. Пименова М. Вас. Синкретемы с устойчивым книжным атрибутом в памятниках деловой письменности Владимирского края XVII в. // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы 11-й международной конференции. Владимир, 2015. С. 406-410.
14. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Том 1 – 2. М.: Учпедгиз, 1958. 536 с.
15. Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.
16. Фурашов В. И. Современный русский синтаксис Владимир: ВГГУ, 2010. 370 с.

ЯКУШЕВИЧ Ирина Викторовна (Москва, Россия)

доктор филологических наук, профессор
Московский городской педагогический университет
sa1107@yandex.ru

СИМВОЛИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «ПЕЧЬ – ЧЕЛОВЕК» В ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКЕ

Аннотация. Статья посвящена диалектизмам, называющим части тела человека. Прямые и переносные значения этих слов совмещают семы 'дом', 'печь' и 'человек' на основе лексической деривации или семантической когерентности. Так диалектизмы реализуют семантико-семиотическую модель символа «дом» – знака с двумя уровнями значения. Понятие 1) о доме, 2) о печи является означающим, а 'тело и душа человека' – означаемым символа.

Ключевые слова: символ, означаемое, означающее, метафора, семантическая когерентность, дом, печь.

Abstract. The article is devoted to dialectisms that call parts of the human body. The direct and figurative meanings of these words combine the semes with the 'house', 'stove', and 'man' on the basis of lexical derivation or semantic coherence. So dialectisms realize the semantic-semiotic model of the symbol "house" – a sign with two levels of meaning. The notion 1) about the house, 2) about the furnace is signifying, and the meaning 'the body and soul of a person' is signified by the symbol.

Keywords: symbol, meaning, signified, metaphor, semantic coherence, house, stove.

Дом – универсальный антропоморфный архетип мирового порядка, а символическое значение 'дом как человек' отражает национальные особенности русского менталитета. Однако для современника это значение является экзотическим, поскольку отражено только в специфических источниках: в словарях символов, в русском фольклоре, диалектах. Художественный образ, построенный по модели 'дом как человек', – один из любимых устойчивых образов русской литературы, но нередко рассматривается не как фрагмент национального символического мышления, а как элемент авторского идиостиля – явление скорее частного, нежели общекультурного уровня. Обращение к диалектной лексике продиктовано необходимостью вызвать из небытия и объективировать в языковых явлениях символическое значение 'дом как человек', увидеть в нем устойчивую семантико-семиотическую модель национального символа [8]. Значение 'печь как человек', которому и посвящена данная статья, рассматривается как метонимическая разновидность символической модели 'дом как человек'.

Символизация представляет собой процесс означения перцептивным образом ('дом' или его деталь 'печь') некоей абстрактной реальности, непознанной древним человеком, – его психофизического мира. Символ – знак минимум с трехчленной структурой и двумя уровнями означения: 1) слово – 2) понятие об эмпирическом образе – 3) символическое значение. Обобщенный эмпирический образ 'печь', оформленный в слове графически и фонетически, является означающим символа, а символическое значение 'человек' – его означаемым [2].

Означающее может быть вербализовано как самим словом *печь*, так и другими номинациями, в чью семантическую структуру входит значение 'печь', и в частности, диалектизмами. Означаемым символа является несколько абстрактных (редко конкретных) значений мифологического содержания, закрепленных культурой народа. Среди них значение 'печь как человек'. «Как вместителище пищи или домашнего огня она воплощает собой идею дома в аспекте его полноты и благополучия» [6: 364].

Гипотеза данного исследования заключается в идее символических «двойников»: и изба, и печь – антропоморфные символы. Человек в человеке – так славянское мифологическое сознание материализует психофизическую природу человека. Но если изба символизирует физический облик человека, то печь – его внутренний мир. В языке это «двойничество» материализовано диалектными номинациями частей тела человека, которые одновременно называют детали дома и печи.

Как компоненты символа, значения 'человек', с одной стороны, и 'дом, печь' – с другой, объединены, во-первых, метафорой, если переносный ЛСВ возник в пределах одного говора, либо соседних. Например, слово *хайло́* в Олон., Волог. означало а) горло, зев, а также крикливого человека, «горлопана» [2: т.4, 541]. Сходство разного рода отверстий в избе или печи со ртом человека обусловило метафорические ЛСВ: *хайло* – это б) дверь в «черной» избе или дверка в крыше для выхода дыма, в) устье печи [5: 66, 96, 132]. В Арх. и Новг. печное отверстие по сходству с лицом и ртом человека еще называли *челом* и *челюстью* [5: 66]. Метафорой является и само слово *лицо*, которое в Карелии и на Новгородчине обозначало фасад избы и переднюю стену печки [5: 33,

62]. Слово *скуло́* в Ворон. и Орл. имело как прямое значение ‘щека’, так и метафорическое – ‘одно из боковых углублений русской печи перед топкой’ [4: т. 38, 183–184]. В северных говорах (Арх., Волог., Яросл.) ногами в хозяйстве назывались такие детали, которые находились внизу и служили опорой для какого-либо сооружения. Сема ‘низ’ определила метафорический перенос с наименования части тела на детали построек: 1) столб у прясла, изгороди; 2) основание трубы печи, 3) «деревянное основание печки»; 4) «углубление в печи, в противоположной стороне от горна, куда ставят чугуны» [4: т. 21, 264].

Во-вторых, значения ‘человек’, ‘дом’ и ‘печь’ может связывать семантическая когерентность (термин И. Е. Колесовой [3: 8], далее СК). Это сближение однокоренных лексем, формально тождественных, но с разным лексическим значением. Хотя они и являются результатом параллельного словообразования в разных диалектах, но имеют общие корневые семы, которые сближают антропоморфные лексемы и позволяют сделать вывод о факте языковой реализации модели ‘дом и печь как человек’. Так, *головой* в Приурал. называли один из крюков, поддерживающих нижний край крыши, а в Моск. *печная голова* означала верхнюю часть печи над ее устьем [5: 61, 118]. Слова, хоть и принадлежащие к разным регионам, связывает СК – общая тенденция называть верхнюю часть постройки (избы или печи) головой, ассоциируя эту деталь с верхней частью тела человека. Этот вывод можно проиллюстрировать и лексемой *лоб*, чьи переносные значения относятся к разным диалектам: это не только верхняя часть головы (повсеместно), но 1) треугольное пространство между крышей и срубом, фронто́н избы (Новг., Калин. и Костр.) и 2) устье русской печи (Ср. Урал.) [5: 33, 62].

Лексема *грудка* – это и женская грудь, и 1) печь для отопления помещения (Ряз.), а также 2) лежанка около печи (Ленингр., Карелия) [4: т. 7, 161; 5: 66]. Подобие между денотатами скорее всего возникло по функции: печка в избе, как и женская грудь, считалась кормилицей. Но безусловно утверждать этот факт нельзя, поскольку корень -груд- происходит как от о.-с. *grōd со значением ‘глыба, кучка, возвышенность’, так и *gruda со значением ‘тереть, растирать’ [7: т. 1, 222]. Со временем корни смешались, поэтому грудкой называли и одиночное возвышение, и то,

что могло сгрудиться в горку, кучку, например: комья мерзлой земли, сливки в молоке, сахар [4: т.7, 161]. Общая сема 'возвышаться' связывает все эти значения семантической когерентностью.

Значения слова *плечо* в разных регионах также связывает СК. В Волог. и Новг. 1) это выступ в нижней части стропила, которым он упирается в подпиленное бревно, 2) а также выступ у печи около трубы для мелких предметов, 3) часть печи над шестом. В Моск. так называли 4) верхний внешний край печи [5: 61, 70, 77, 107].

Сема 'сгибать' в слове *локоть* является этимологом (и.-е. *ǵl-ǵk) [7: т. 2, 489]. Она связывает повсеместное первичное значение 'предплечье' и ЛСВ с общими семами 'изогнутые детали построек': 2) нижняя часть стропила (Арх.); 3) колено печной трубы (Новосиб.) [4: т. 17, 11, 114], 4) железный угол, скрепляющий верхнюю часть печи (Ленинг.) [5: 74, 106].

Таким образом, символическое значение 'дом и печь как человек' находит устойчивое выражение в регулярном соотношении прямых и переносных ЛСВ целой лексико-семантической группы диалектизмов, называющих как части тела человека, так и детали избы, печи. Многие слова этой группы хранят древнее, ныне забытое мифологическое и сакральное для человека убеждение, что дом – его второе тело, а печь – сосредоточие жизни и души.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Миф сегодня // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 2004. С. 72-130.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М., 1994.
3. Колесова И. Е. Некоторые аспекты лексической когерентности // Русский язык и литература: проблемы изучения и преподавания: Сборник научных трудов под общ. ред. Л. А. Кудрявцевой. Выпуск 8. Вологда, 2014. С. 42-45.
4. СРНГ: Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина. М.-Л., 1965–2016.
5. Сыщиков А. Д. Лексика крестьянского деревянного строительства: Материалы к словарю. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. 292 с.
6. Топорков А. Л. Печь// Славянская мифология. М.: Международные отношения, 2002. С. 364.
7. Черных В. Я., Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1993.
8. Якушевич И. В. Символ «дом» в русском языке и поэтическом тексте. Владимир: Транзит-ИКС, 2018. 182 с.

СОКРАЩЕНИЯ

Арх. – Архангельская губерния, область.
Влад. – Владимирская область.
Волог. – Вологодская губерния, область.
Ворон. – Воронежская губерния, область.
Вят. – Вятская губерния.
Карел. – Карельская АССР.
Моск. – Московская губерния, область.
Новг. – Новгородская губерния, область.
Новосиби. – Новосибирская область.
Олон. – Олонецкая губерния.
Орл. – Орловская губерния, область.
Приурал. – Приуралье.
Ленингр. – Ленинградская область.
Костр. – Костромская губерния, область.
Калин. – Калининская область.
Ср.Урал. – Средний Урал.
Ряз. – Рязанская губерния, область.
Яросл. – Ярославская губерния, область.

ЯСАИ Ласло (*Будапешт, Венгрия*)

доктор филологических наук, профессор
Университет имени Лоранда Этвеша
jaszay.laszlo@btk.elte.hu

К ВОПРОСУ ОБ ОДНОМ ТИПЕ ЛЕКСИКАЛИЗАЦИИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ СЛОВА

Аннотация. Статья посвящена анализу того явления, когда при образовании формы множественного числа имени существительного развиваются новые лексические значения. При рассмотрении наиболее частотных примеров обращается внимание на характер изменения значения, а также на проблему лексикографической трактовки данных образований.

Ключевые слова: лексикализация, множественное число, изменение значения, границы слова.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the phenomenon when new lexical meanings develop during the formation of the plural form of the noun. Considering the most frequent examples, attention is drawn to the nature of the change in meaning as well as to the problem of the lexicographic interpretation of these derivatives.

Keywords: lexicalization, plural form, change of meaning, word boundaries.

0. Под термином «лексикализация» мы понимаем появление нового лексического значения в одной из таких форм слова, которые при регулярности образования парадигматической формы входят в чисто грамматическое противопоставление. Такого рода изменение значения можно проиллюстрировать, в частности, сравнительно многочисленны-

ми формами множественного числа имени существительного [4] (см., например, образование *пески*, производное от исходной формы *песок*) или, реже, отдельными примерами из области образования глагольного вида. В этом отношении можно указать на несоотнесенность некоторых дериватов, образованных путем регулярной имперфективации: ср. семантические различия между глаголами *зablуждаться* и *зablудиться*, а также *полагать* и *положить*. Несмотря на существование чистовидовой пары *запеть*–*запевать*, имперфектив *запевать* в значении 'быть запевалой' также несоотнесенен, более того (в словаре Ожегова), он представляет собой отдельное заглавное слово, значит, омонимичный глагол [3: 214]. Также функционально и стилистически обособляется глагол *взимать*, формально восходящий к глаголу *взять*.

На основе приведенных примеров очевидно, что при лексикализации какой-либо грамматической формы устраняется грамматикализированный характер оппозиции, так как новое лексическое значение (или дополнительный оттенок) отсутствует в мотивирующем слове данного производного деривата. Иными словами, возникшая при лексикализации форма семантически обособляется и рассматривается в качестве отдельной единицы. Ввиду того, что лексикализация в целом в большей степени характерна для плюральных форм имен существительных (в дальнейшем просто Plur) и с учетом того, что иностранные учащиеся с такими лексикализированными формами неизбежно встречаются уже на начальном этапе обучения (см., напр., *час* → *часы*, *карта* → *карты* и др.), этому явлению следует уделить особое внимание.

1. Прежде чем подробнее остановиться на рассмотрении конкретных примеров, представим основной круг лексикализированных модификаций. (При толковании значений мы опираемся на словарь Ожегова [3].) Речь идет о следующих образованиях множественного числа: *час* → ***часы*** (прибор для измерения времени), *танец* → ***танцы*** (танцевальный вечер), *карта* → ***карты*** (игра), *нота* → ***ноты*** (в связи с музыкальным произведением), *камень* → ***камни*** (вид болезни), *вес* → ***весы*** (прибор для определения веса), *счет* → ***счеты*** (специальное средство для подсчета), *гонка* → ***гонки*** (соревнование в скорости езды), *бег* → ***бега*** (дериват многозначен, см. об этом ниже), *выбор* → ***выборы*** (избрание

путем голосования), *лес* → **леса** (сооружение для строительных или ремонтных работ), *клещ* → **клещи** (вид инструмента), *барашек* → **барашки** (о значениях см. ниже), *хор* → **хоры** (открытая галерея), *песок* → **пески** (песчаные пространства), *вода* → **воды** (курорт с минеральными источниками), *грязь* → **грязи** (место, где лечатся этим средством), *поле* → **поля** (о значениях см. ниже), *отход* → **отходы** (остатки производства), *верх* → **верхи** (высшие, руководящие круги общества), *низ* → **низы** (непривилегированные классы населения), *род* → **роды** (физиологический процесс появления на свет младенца). В связи с приведенными примерами можно поднять ряд вопросов – как теоретического, так и практического характера. Здесь выделим следующие: 1) Где проходят границы слова при учете тождества лексического значения? 2) Обнаруживаются ли признаки системности при возникновении нового значения? 3) Возможна ли единая словарная интерпретация этого явления, когда имеет место разная мера семантического сдвига? Как должна быть представлена форма Plur по отношению к форме Sing – в рамках одной словарной статьи или в качестве отдельного заглавного слова?

2. При анализе отношения между формами Sing и Plur, по существу, мы имеем дело с двумя разновидностями противопоставления:

2.1. Сравнительно много таких случаев, когда форма Plur не может рассматриваться как грамматическая форма, образующая «числовую корреляцию» с формой Sing, так как мотивирующая и производная формы, несмотря на наличие явной семантической связи, ни в одном из значений не соответствуют друг другу: *бег* – *бега*, *вес* – *весы*, *счет* – *счета*, *верх* – *верхи*, *низ* – *низы*, *песок* – *пески*, *грязь* – *грязи*, *вода* – *воды*, *выбор* – *выборы*. Такую точку зрения поддерживал, в частности, С. Д. Кацнельсон, упоминая «пару» *песок* – *пески*: «... в содержательном плане они различаются не значениями единичности и множественности, а своими лексическими значениями, которые хотя и связаны между собой синхронно-деривационными отношениями, но все же не могут рассматриваться как словоизменительные варианты одной лексемы» [1: 27].

2.2. При возникновении нового значения может сохраняться то основное значение, которое объединяет формы Sing и Plur в нормальную

«числовую пару»: *час – часы, камень – камни, лес – леса, хор – хоры, танец – танцы, нота – ноты, поле – поля, карта – карты, клещ – клещи, барашек – барашки, род – роды* и др. В таком случае, при признании чисто грамматической оппозиции в принципе мы можем говорить «о выпадении из состава общей лексемы» [2: 4], имея в виду обособление на семантической основе типа *часы* или *хоры*. Именно такая трактовка данной проблемы предлагается Ю. С. Масловым, проводящим относительно лексикализации параллель между видом и некоторыми производными значениями множественного числа. Существует, однако, и другая точка зрения на этот вопрос. П. А. Соболева, допуская нарушение тождества лексических значений (возникших в результате регулярных семантических сдвигов, в основе которых лежат разные виды метафоры и метонимии), не считает обоснованным говорить о нарушении тождества слова. «Непредсказуемость производных значений при их явной семантической выводимости из производящих не может служить аргументом в пользу признания их омонимами» [4: 134]. Нетрудно заметить, что в словарной практике отражаются оба подхода, см., например, в [3].

3. Однако параллельность разных подходов, как нам кажется, вытекает не из принципиальной непоследовательности, а объясняется следующим обстоятельством. Семантический сдвиг при образовании множественной формы может иметь разную меру. Хотя в этом плане многое зависит от субъективного восприятия носителя языка, достаточно очевидно, что более тесная связь ощущается, например, между формами *камень* и *камни* (вид болезни), *карта* и *карты* (игра) или *танец* и *танцы* (вечер, на котором танцуют), чем, например, между формами *род* и *роды* (см. *роды были легкими*), *лес* и *леса* (см. *дом в лесах*) или *поле* и *поля* (см. *заметки на полях; поля шляпы*). Представляется логичным (при наличии, по крайней мере, одного общего для Sing и Plur значения), что в первом случае сохраняется тождество многозначного слова, а во втором имеет место обособление, возникновение омонимичного слова в другом значении.

4. Лексикализация множественного числа может осуществляться не только в одном значении. Так, например, дериваты *поля, воды, грязи,*

бега или *барашки* как лексикализованные формы являются многозначными. Остановимся на последних двух примерах (предложения, представляющие значения, заимствуются из НКРЯ). Форма бега имеет три значения, свойственные только множественному числу:

1) 'соревнования, гонки упряжных рысистых лошадей (или некоторых других животных)': *Она была на бегах, выиграла полтора рубля* (Ю. Трифонов. Предварительные итоги);

2) в форме *в бегах* в значении 'в бегстве': *Где остальные? – В бегах, наверное, – пожал плечами генерал. – Думаю, так бегут, что теперь их не скоро поймут* (Н. Леонов, А. Макеев. Гроссмейстер сыска);

3) в контексте: *Сегодня весь день прошел в бегах*, см. [3: 39].

При лексикализации формы *барашки* имеет место метафорический перенос первичного значения слова, и на этой основе создаются две разные номинации: 1) *Разгулявшаяся Нева шумит в темноте, катит белые барашки...* (Л. Юзефович. Костюм Арлекина); *Барашки на море – уже тревога: ветер обгоняет волну, а какой он, ветер?* (Любовь Кабо. Правдёнка); 2) *Мелкие барашки облаков плыли по светлой лазури неба* (С. М. Голицын. За березевыми книгами); *Их было так много, что все небо покрылось кудрявыми барашками* (А. В. Шиуков. Война в воздухе).

В заключение заметим, что лексикализованные формы, рассмотренные выше, в венгерском языке передаются по-разному: а) обычно другим словом, у которого другое лексическое значение (напр., в случае *леса, весы, ноты, роды, клещи, отходы*), б) словосочетанием (напр., *верхи, низы, счеты*), в) формой *Sing* в другом значении (в случае *часы, хоры, камни*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. 213 с.
2. Маслов Ю. С. Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. М.–Л.: АН СССР, Ин-т славяноведения, 1963. 182 с.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., М.: РАН, Ин-т русского языка, 1998.
4. Соболева П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия. М.: Наука, 1980. 294 с.

Содержание

<i>От редакционной коллегии</i>	3
Фурашов В. И. Памяти профессора А. Б. Копелиовича	8
Абрамова Е. А., Степаненко А. И. Функции обособленного оборота в художественной речи (на материале поэзии XIX–XX вв.).....	16
Абрамова И. Ю. Структурно-семантические особенности словосочетаний в русском языке XXI века.....	23
Алексеев А. В. Семантический синкретизм древнерусского термина <i>мечьникъ</i>	29
Алиев Т. А. Значения и употребление глагола <i>есть</i> в русском и <i>esse</i> в латинском языке.....	32
Алтабаева Е. В. Русское оптативное предложение в парадигматическом аспекте.....	40
Андреева Е. П. Слово <i>жизнь</i> и его семантические параллели в вологодских говорах.....	44
Арискина О. Л. Выражение оценки в церковнославянских грамматиках XVI в.....	50
Артамонова М. В. К вопросу о семантической детерминации компонентов устойчивых сочинительных сочетаний.....	54
Ахметова С. Д., Богрова К. М. К вопросу о нарушении лексических норм (на примере письменных работ владимирских школьников).....	59
Бакиров П. У. Тюркизмы и их омонимия в русском языке.....	62
Бекасова Е. Н. О взаимодействии рефлексов праславянских сочетаний <i>*tj</i> , <i>*gt</i> , <i>*kt</i> в системе русского языка.....	68
Белова Е. Е., Ефремова Д. С. Структурная классификация единиц переключения кода.....	73
Бельская А. Э., Шаталова О. В. Сложный эпитет как координата в «миропостроении» Захара Прилепина.....	78
Богданова Л. И. Семантика и синтагматика глагола в грамматике для речевых действий.....	81
Богданова-Бегларян Н. В. Об одной из проблем современной коллоквиалистики (в поисках терминов для новых единиц).....	85
Важенина В. П. On English Mentality as it is in Phraseology Reflected in a Number of Phrases in common Use.....	90
Валентинова О. И. Рифма как проявление субстанциональной действительности в повести Н. В. Гоголя «Страшная месть».....	93
Варникова Е. Н. Названия мастей лошадей в «Словаре русских народных говоров».....	99
Варюшенкова Е. Н. Присубстантивно-инфинитивная конструкция как уникальное средство экспликации действующих лиц в предложении.....	102
Герасименко И. А. Вербализация цвета в художественной картине мира С. Есенина.....	106

Гук А. В. Грамматические классы слов в «Словаре языка поэзии XX века».....	112
Даулет Ф. Н. Comparative analysis and matching of the chinese and kazakh phraselogical units with a zoonym «dog».....	119
Девятова Н. М. Многозначное слово: о синтаксических механизмах образования производных значений.....	125
Дерунова А. А. Лексическая сочетаемость компонентов в бивербальных названиях документов в русском деловом языке XI–XVII вв.....	128
Дмитриева Е. Г. Семантический синкретизм в значениях эмотивных лексем: диахронический аспект.....	133
Ерофеева И. В. Аксиологический статус словообразовательных моделей в древнерусском языке.....	137
Есаулов Н. Н. Речь автора-повествователя как средство экспликации ментальности языковой личности Т. Драйзера (на материале романа «Сестра Керри»). Ч. 2.....	142
Загуменнов А. В. Синтаксические конструкции с союзом <i>сиречь</i> в сочинении И. М. Катырёва-Ростовского «На иконоборцы на вся злыя ереси»: функционально-семантический и герменевтический аспекты.....	147
Зайцева И. П. О своеобразии поэтического речевого мышления в современной женской поэзии (на материале творчества Марины Бородинской).....	152
Зорина Л. Ю. Слова с корнем <i>спор-</i> в традиционных диалектных благопожеланиях (на материале вологодских говоров).....	158
Иванова Е. Н. Функционально-семантическая дивергенция слов с праславянским корнем <i>*-ri-</i> в древнерусском языке.....	163
Иванчук И. А. Компоненты художественного пространства философско-метафорического контекста статьи В. Соловьева «Идея сверхчеловека».....	165
Йонаш Э. Ч. Женская нарратива в венгерских переводах русских классиков.....	169
Казмирова О. В., Найдёнок М. Р. Лингвостилистические приемы убеждения в тексте политического спота.....	176
Калинина А. А. Грамматическое и семантическое представление запрета.....	181
Канафьева А. В. Некоторые аспекты синтагматики наречий меры и степени в русском языке.....	186
Карташкова Ф. И., Карташкова А. А. Анна Каренина и Ирэн Форсайт (опыт психолингвистического анализа).....	191
Качан О. Г. Синтаксические способы выражения совмещения цели с другими лексико-грамматическими значениями в современном белорусском языке.....	192
Козлова А. Ю. Особенности отражения норм книжно-литературного языка в Толковой Палее по списку ГИМ, Барс. 620 (склонение имен существительных).....	197

Коледа А. И., Маслова В. А. Поликодовость игрового текста как явление синкретизма.....	202
Комлева Н. В. Лексема <i>мастер</i> в вологодских говорах: ретроспективный взгляд.....	207
Королькова А. В. Семантический синкретизм русской афористики.....	211
Красина Е. А., Васильева А. А. Синкретизм синтаксической связи <i>координация</i> в простом русском предложении.....	216
Кудрявцева И. П. Символическое значение числа в составе фразеологических единиц.....	221
Кузина М. А. Взаимодействие синтагматики и парадигматики в процессе ассимиляции экзотической лексики в современном английском языке.....	224
Кузнецова Е. А. Префиксально-суффиксальная модель «за- + -j(e)» в топонимическом словообразовании (на материале Владимирской области).....	228
Кулик Л. В. Репрезентация национального характера англичан в соматической фразеологии.....	232
Лавицкий А. А. Категория умышленности в аспекте современной лингвоправовой экспертологии.....	237
Лазуткина Е. М. О способах обнаружения в синтаксисе базовых и культурных концептов.....	241
Ланская О. В. Слово как отражение пространства и времени в поэзии Ю. П. Кузнецова.....	245
Лекант П. А. Всё и его производные в аспекте смысла и образности.....	249
Лю Фанбин. Двойственная смысловая направленность цветочных слов в языковой картине мира.....	254
Маркова Е. М. Семантическая эволюция лексики: причины, характер, типология и национальная специфика.....	257
Маслова В. А. Семантический синкретизм как отражение синкретизма языка и мира.....	265
Меркулова И. А. Синтагматика приставок в полипрефиксальных словах: квантитативный аспект.....	270
Милованова М. С. Формы отражения актуальных ценностей в современном дискурсе.....	274
Муратова Е. Ю. Специфика проявления синкретизма в поэзии.....	279
Негрышев А. А. Синтагматика грамматического рода: из истории научного поиска.....	283
Николина Н. А. Способы выражения количественной аппроксимативности в русском языке: синтагматический аспект.....	287
Палоши И. Сочетаемостные особенности наречий синонимического ряда « <i>быстро</i> » с моментальными глаголами.....	291
Петров А. В., Петрова Л. А. Появление новых значений у повторов-отзвучий в русском языке.....	297

Пименова М. Вас. Теория синтагматического подхода к проблемам диахронии А. Б. Копелиовича и изучение категории оценки.....	300
Плисов Е. В. Тематическая организация иудейской лексики (на материале немецкого толкового словаря).....	306
Позерт И. Н. Лексическая сочетаемость/несочетаемость и предсказательные возможности синтагматики в контекстах разного типа.....	310
Полякова С. А., Шаталова О. В. К вопросу о грамматической и стилистической специфике односоставных предложений в программе школы.....	316
Попова Л. А. Воздействующий потенциал ключевых слов современности.....	319
Попова Т. В. Структурно-семантическая синкретичность русского графикаста.....	322
Романова Т. В. Соотношение и взаимодействие формы и значения языковых знаков при формировании смысла названий картин А. Н. Юркова.....	326
Рыбаков М. А., Лю Лу. Формальная и семантическая парадигматика в топонимике (на материале русского и китайского языков).....	330
Сарайкин И. В. Стратегии перевода древнерусских энклитик на русский и английский языки.....	334
Сафонова И. А. Особенности функционирования глаголов восприятия в агиографических текстах конца XIX – начала XX в.....	341
Сафронова Н. А. О функциях лексических показателей темпоральности в обособленных конструкциях.....	346
Селюнина О. А., Чэнь Цянгун. Стереотипные представления русских о китайской культуре и быте (на материале анекдотов и смежных жанров).....	351
Сидорова О. Ю. Выражение семантики <i>причины</i> и <i>градуальности</i> в сложноподчинённом предложении с придаточным <i>причины</i>	356
Сироткина Т. А. Сочетания с отэтнонимными прилагательными как средство вербализации категории этничности.....	359
Склярченко Р. В., Русакова Е. Е. Некоторые функционально-стилистические особенности художественного сравнения (на материале романа Ч. Диккенса «Большие надежды»).....	364
Соколова В. Л. Коммуникативные стратегии управления вниманием аудитории на материале англоязычного дискурса СМИ.....	367
Соколова О. И., Платонова Е. А. Значения, выражаемые пояснительными членами при глаголе-сказуемом.....	371
Столбунова Г. И. О справочниках русского языка (некоторые замечания).....	375
Теуш О. А. Лексическая парадигма наименований густого и непроходимого леса в диалектах европейского Севера России.....	380
Трофимович Т. Г. Слово и словосочетание в системе предметной номинации старорусского делового языка.....	393

Уралова О. П. Семантика пословиц с ключевым компонентом «дети».....	398
Усманова Л. А. Дискурсивный потенциал семантики наименований природных явлений.....	405
Устинова Т. В. Смысловое восприятие художественного приёма семантического синкретизма в поэтическом тексте.....	409
Фатхутдинова В. Г. Словообразовательная парадигма в сопоставительном описании разноструктурных языков.....	413
Федосов В. А. Фонетические и семантические «ложные друзья переводчика» (на материале русского и венгерского языков).....	417
Фельдман Н. Б. Прецедентность как фактор изменения оценочного значения (на примере топонима <i>Чернобыль</i>).....	422
Филатова Е. В. Интонационное единство и делимитация синтагм как основа порождения и восприятия связной речи.....	428
Харламова М. А. Константа <i>Возраст</i> в языковом сознании сельских жителей старшего поколения и её репрезентация в электронном региональном словаре.....	437
Хужанова О. Т. Функционально-стилистическая роль восточной экзотической лексики в памятниках письменности XVI–XVIII вв.....	443
Цинь Лидун. Развитие средств гипотаксиса в русском литературном языке послепушкинского периода (на примере условных союзов пьес А. Н. Островского).....	446
Цуй Лили. Наиболее употребительные речевые акты в русской повседневной речи (корпусное исследование на материале употреблений слова <i>нет</i>).....	452
Черникова Н. В., Нечаева О. С. Лексико-фразеологические свойства слова <i>берёза</i>	458
Шаталова О. В. Семантико-прагматическая валентность предложения как фактор текстообразования.....	461
Шулежкова С. Г. Трансформация представлений славян о жертве и жертвенности, отражённая в памятниках X–XI вв.....	464
Юдина Н. В. Согласование как вид подчинительной связи в русском языке XXI века (по следам работ А. Б. Копелиовича).....	470
Юдкин-Рипун И. Н. «Антиэмфаза» как выражение неопределенности в построении драматического текста.....	475
Якушевич И. В. Символическая модель «печь – человек» в диалектной лексике.....	481
Ясаи Л. К вопросу об одном типе лексикализации грамматической формы слова.....	485
Содержание	490

ЯЗЫКОВЫЕ КАТЕГОРИИ И ЕДИНИЦЫ: СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Материалы тринадцатой Международной научной конференции,
посвященной 90-летию проф. Августа Борисовича Копелиовича
и 100-летию педагогического образования во Владимирской области

Материалы приводятся в авторской редакции

Ответственный редактор – проф. М.Вас. Пименова
Компьютерная верстка, макет – доц. К.М. Богрова

Подписано в печать 02.09.2019

Усл. печ. л. – 30,93

Заказ № 57

Формат 84x108^{1/32}

Тираж – 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Транзит-ИКС»

600007, г. Владимир, ул. Электrozаводская, д. 2

тел. (4922) 53-12-74, 53-32-41, 53-15-30